

*Every
Name*

D/S **Scandale**
KHMFO STOPOR
Boznesenie repnisi spruzgu

Как жить дальше без веры в людей?

Как забыть того, кто успел перевернуть твою жизнь и мир с ног на голову всего за две недели, заставив любить в себе то, что надо ненавидеть?

Как избавиться от собственной души, чувств и боли, пропитанных воспоминаниями о нем?

Как впустить в этот замкнутый мир постороннего, чужого, абсолютно незнакомого тебе человека? Он действительно так благороден, открыт и искренен? Что ты на самом деле для него значишь, или он ищет возможность искупить собственную вину?

Может, все не так, как кажется?

Между вами стена! Достаточно ли у него сил сломить эту преграду? Способен ли он возродить в тебе веру в людей, жажду и любовь к жизни? Как глубоко он готов зайти и чем пожертвовать, чтобы добиться этого? Возможно ли сломить само прошлое?..

Может то, что произошло со мной в один из вечеров этого холодного лета, стало началом пути, абстрактным отрезком с грифом "пункт А", из которого неминуемо начался непохожий на другие путь по извилистому маршруту чужих игр, бескомпромиссных интересов, безапелляционных ставок. И может, именно тогда ты, привыкший держать жизнь за шею одной ладонью в кожаной перчатке именно так: сокращая, минимизируя любой контакт с собой настоящим, спрятав эмоции и человеческие слабости так глубоко, что уже лет десять, если не больше, не нужны были железобетонные стены вокруг, — просто на миг остановился, ослабив хватку на яремной вене беспринципного фатума. Не вздыхая от сожаления, не рисуя на аристократическом лице абрис проникновенной растерянности и, как всегда, никому не поясняя своих поступков и решений.

Но, как и прежде, виной тому была вовсе не мания величия, возведенная на шатких опорах, а бесценный опыт и сталь негибаемой, бескомпромиссной воли.

А может, все не так?

Может, ты счастлив и доволен жизнью, идешь по ней с триумфом победителя, и аналог твоего имени звучит почти как Абсолют — потому что ты уверен. Уверен в завтрашнем дне, уверен в немногих, но проверенных временем и внутренним осциллографом людях, которым выпал редкий шанс примкнуть к свету избранных.

Доволен каждой плоскостью уникального бытия под названием Жизнь.

А она не всегда была к тебе благосклонна. Как и ко всем остальным в свое время, кто плыл по течению и не хватал звезд с неба, смирившись с ее бурным водоворотом. Кого-то безжалостно перемололи ее жернова — да, бывает, не хватило опыта, воли и мудрости, а может, просто не повезло. Кто-то поднял руки вверх — ради бога, я сдаюсь, управляй мною, ломай меня полностью, как в популярном ролике с YouTube. Кто-то боролся наравне с тобой, падал, ломая конечности, но все же упрямо вставал. Увы, таких было меньшинство, но ты попал в их число вовсе не по воле рока, тебе было плевать на фальшивую улыбку коррумпированной Фортуны. Ты просто на заре становления личности понял, что не будешь мириться с существующим положением вещей.

Не такой, как остальные. Вряд ли, устанавливая в статусы соцсетей фразы а-ля "слишком сильный, чтобы жить, слишком редкий, чтобы сдохнуть", наивные подростки, среди которых был и твой сын, понимали всю глубину этого заключения. Жизнь пыталась перетереть тебя в своей неумолимой круговерти. Борьба за место под солнцем никогда не была легкой, но ты и тут плыл против течения, ломая эти барьеры не кулаками (было, не будем лгать, молодость!), а преимущественно усилием мысли. Дипломатией — самым разрушительным оружием. Уникальным подходом — по праву сильнейшего, который большинству недоступен и поныне. Тот самый случай, когда говорят: для этого надо быть мной. Было сложно, были острые края, но ты победил? Ты сам никогда так не скажешь. Люди, подобные тебе, никогда не говорят об этом. Не важно, как. Не важно, какими методами удалось достичь этой вершины. Ты не ставил цели править миром, ты просто решил не выживать, а жить. Фортуна любит смельчаков? Пусть любит дальше, ты никогда не заключал с ней подобных сделок. Сам себе фатум, переформатированный в комфортную матрицу волевой сущности — и в этом только твоя заслуга. Со своими слабостями (зачеркнуть). Какие слабости? У тебя их нет уже очень долго. Непробиваемая аура

подчиняющей социум харизмы, почти врожденное защитное поле, и то, что другие зовут слабостью — это твое уникальное нарушение внешних правил и абсолютное право быть таким, как ты есть. Потому что ты прав во всем, и это не эгоистическое заявление баловня судьбы, это неоспоримый факт, основанный на прочнейшем фундаменте.

...Он никогда не считал нужным скрывать свою сущность. Зачем? Жизнь только его и она не обязана быть похожей на сотню евро, чтобы все ею восхищались.

Что он испытал тогда, он и сам не мог понять. Кроме сиюминутной усталости (снова шаблон!), веселого любопытства (а что, диких котят не истребили?) и кратковременного удивления (ученик, ты хоть знаешь, что с ней делать, и зачем привел сюда?). Что стало точкой отсчета для появления чего-то нового, отчасти забытого и мало прочувствованного, того, что вроде бы как поддавалось логическому объяснению, и в то же время стало одним из сложных ребусов, который впервые не хотелось разгадывать?

При малейшем желании у него не возникало недостатка в подобных ей. И каждый раз такие отношения ложились прогнозируемым оттиском на матрицу старой, как мир, программы. Это был равноценный обмен. Неугасающая в расцвете молодости красота в обмен на материальную составляющую. Жаждающий новых горизонтов неискушенный нрав на запредельную грань чувственного восторга. Он никогда не позволял себе презирать ни одну из них за меркантильность. Принцип сообщающихся сосудов, нерушимый энергообмен в замкнутой сфере уникального бытия. Его сердце не было зажато в тиски титановых сплавов, холодный цинизм опыта и силы воли не мог управлять им по собственному усмотрению, потому как человек, подобный ему, просто не позволил бы этим проявлениям слабости (кто сказал, что именно в этом сила?) взять над собой верх. Может, ранее не сошлись в идеальной теореме те самые элементы, которые обещали в скором времени запустить ток самой древней и неоднозначной реакции на земле?..

Его не тронула ее напуганная уязвимость, его не позабавила ее попытка противостояния в мелочах, может, слегка только заставила улыбнуться, отнюдь не губами. Не прошиб разрядом первобытного желания дерзкий взгляд Джекки Кеннеди и Меган Фокс в одном флаконе, все игры напоказ считывались и нейтрализовывались ментальным биополем еще до их проявления. Он бы, пожалуй, даже оценил изысканный вкус того, чьим Наставником согласился стать... Если бы неправильность, нелогичность и тревожность происходящего не заронила семена сомнения глубоко внутри.

Все изначально было неправильно. Девочка была чужой. Случайной жертвой на скором празднике жатвы. Бездна еще не горела под ее острыми высокими шпильками модельных лодочек, девочка еще не открыла портал одержимому хаосу своими тонкими пальчиками, зарождающаяся сущность женщины, из-за которой ранее начинались войны, не осознавала всего потенциала своего обволакивающего нечаянного обаяния. Того самого, что уже отравило ненамеренно ранящими стрелами активатор чужой одержимости. Это как нельзя лучше подтвердил разговор о преломлении канонів замкнутого мира при закрытых дверях.

Первая фаза: его ученик уже эротически инфицирован. Вакцины нет, кроме как нейтрализовать носителя сладкого вируса, если инъекции здравого рассудка и реверсивной психологии больше не помогают. Этот этап остался далеко позади, для принятия протянутой руки на тот момент было поздно.

До сих пор непонятно, каким из внутренних сканеров ему удалось ощутить неотвратимую угрозу, нависшую над головой по сути чужой для него девчонки. Может, он на первых порах пытался оградить от ряда потенциальных безумных поступков того, кого

подспудно готовил в будущем правопреемники? Власть всегда разворачивает в кратчайшие сроки, а его ученик, не раздумывая, шел по самому простому пути в достижении своих целей, переступая через стены при необходимости. Это неумолимо вело к плачевному исходу, даже если пока ничто этого не предвещало.

Чем руководствовался он сам, когда принял решение присмотреться к этой девчонке и узнать о ней как можно больше? Нет, никаких досье с отпечатками пальцев, генеалогических программ и анонимного анкетирования. При желании все это не составило бы труда, просто единственно верный для объективной оценки путь постижения состоял в отстраненном наблюдении. Один вечер из жизни случайной, волевой, сильной личности, которую совсем скоро придавит гранитным прессом катка вырвавшейся на волю темной одержимости того, на кого он совсем недавно готов был сделать окончательную ставку.

Она так отчаянно хотела казаться взрослой и независимой, хотя ему хватило одного лишь взгляда, чтобы понять, что детские годы вряд ли были у нее самым радужным периодом. Эта девочка выгрызала зубами право быть не похожей на других, пыталась противостоять сокрушающим жизненным ударам и давно уже полагалась только на себя. Она могла бы добиться очень многого в одиночку, если бы не ломающие обстоятельства. Он не мог этого знать тогда. Один вечер наблюдения за потенциальной *femme fatale*, которая даже понятия не имела, каких демонов выпустила из клетки одним своим испытывающим взглядом. Он сам просчитал этот взгляд почти с умиленной улыбкой. А вот Дмитрий не смог. Попался сразу, наивно полагая, что сам будет контролировать ситуацию...

А ведь этой девочке в интуиции и осторожности не откажешь, подумал Александр, когда она смело вышла из такси, навстречу слепящим фарам его черной Audi. Бесстрашная, злая, возмущенная — никто, кроме него, не разглядел бы в ней внутренней сжавшейся уязвимости. Тогда стало понятно многое. Слияние двух деструктивных элементов не приведет ни к чему хорошему. Тогда он решил, что проще защитить своего ученика и будущего последователя, и ее безопасность будет гарантирована автоматически. И впервые он не понял сразу, какую ошибку совершает. Идеально выточенной игре по правилам могло противостоять лишь абсолютное нарушение всех логично прописанных правил. Может, просто впервые не хотелось в это верить? Ошибаются многие, а он не бог, у него недостаточно рычагов влияния на чужие сущности. Не предпринял решительных мер даже тогда, когда осознал, что чувства его ученика миновали промежуточный отрезок между повышенным интересом и темной одержимостью. Понадеялся на чужую рассудительность? На свой авторитет? На нерушимые рамки цивилизованного общества?

Она была единственной, кто при всей своей сногшибательной внешности и ауре сексуального излучения вызвала в нем совсем иные эмоции. Защитить. Обезопасить. Не гасить этот огонь свободолюбивой невесомости в больших глазах точно такого же оттенка, как и у него самого. Он долго не мог себе простить, что осознал это только потом, когда адские колеса неравного противостояния завертелись, затягивая девочку в омуты чужих игр бесконтрольной власти, выстоять в которых у нее не было шансов. Потому что он в свое время сам передал ученику подобные разрушающие знания. Он так давно хотел задать ему этот вопрос, на который в силу сложившихся обстоятельств не мог и не хотел получить ответа.

Известно ли тебе, ученик Мастера, во что ты ее превратил жаждой своего одержимого эгоизма? Знал ли ты, как пугает ее темнота, как ослепляют бездушные зеркала, стекла отражающих витрин, экран мобильного телефона — она начала завидовать тем, кто не

боится селфи, — вместе с чувством вины? И мог ли ты хотя бы предположить, что нет иной вакцины, более щадящего антидота от агонии сломанной сущности, чем обратный отсчет, безжалостная шоковая терапия под названием "пройти по шагам эти дни?" Ты с самого начала знал, что ей уже не выбраться из Тьмы. И, наверное, как ни цинично это признавать, твоя смерть стала самым логичным и желанным исходом в этой жестокой игре.

Я все сделаю для того, чтобы исправить эту ошибку. Не твою, нет. В этом гораздо больше моей вины, чем может показаться изначально. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы она вновь обрела ту самую жизнь, которой ты ее лишил одним щелчком пальцев, идя на поводу своей непростительной одержимости...

Несколько глупых ошибок — и я за них расплачусь.

Цепочка неверных шагов: короткий-короткий-длинный.

Ищи, пока время есть, пока я здесь пью и лечусь,

психически крепкого ангела, с горящим мечом, за спину.

пока ты там спишь и лечишься, я гляну через плечо.

Внутри давно догорело — шипит, истекает дымом.

Ему хуже всех, он помнит, как мы заглотили крючок,

а мне проще всех — я помню, что да, мы бывали счастливыми.

Несколько тонких намеков — как хочешь, а я отмолчусь.

Пока еще смысл есть, пока еще нет вакцины.

Найди, пока время есть, пока я здесь пью и лечусь,

психически крепкого ангела, с горящим мечом за спину.

В Засаде

Юля

Ад, или лучше бы ты не просыпалась никогда. Преисподняя, или лучше бы ты осталась там тогда и сгорела бы вместе с ним /вместо него. Кошмар, или сама жизнь решила наказать тебя за то, что пыталась врать самой себе все это время.

Все остальное не существенно. Ничего не было существенным... Больше ничего.

Тебе было больно? Дура, что ты знала о настоящей боли?! Именно настоящей, той, что вспарывает кожу, дробит кости, сгущает кровь термической обработкой, и никаким ласковым поглаживанием ее уже не снять, потому как просто некому? От такой боли не бежит по телу извращенно-сладкий ток эйфорического адреналина, синтезированный наркотик внутреннего противоречия; вопль "нет, прошу, остановись!" не щекочет голосовые связки шелковыми кистями недопустимо ошеломительного в своем экстазе вожделения, зрачки расширяются не от того, что ты хочешь усилить абсолют такой родной уже Тьмы. От такой агонии душу прошивает сталью тысячи раскаленных кинжалов, и в крови рождается боль, которая больше не приправлена ничем. Оглушающий вопль рвет связки, бьется о непроницаемый купол и растворяется в сером мраке неуслышанным — в распахнутые глаза, в немой надежде увидеть родной, ваш на двоих сладкий ад, впиваются миллионы стекловолоконных иголок беспощадным напоминанием о том, что нечего и некого искать во тьме. Ты одна. С догорающим пеплом вместо сердца, которое, словно в насмешку, продолжает биться. Ему нельзя отключаться, оно занято. Оно разгоняет боль по венам.

Разве помогут седативные пилюли, транквилизаторы, тонны снотворного в эти самые вены? Они призваны размыть твою действительность, приглушить окрас черного отчаяния, отключить отсеки памяти, размыть эту картину, но и им не под силу справиться с этой задачей. Они не смогли держать долгую оборону. Все, что у них получилось — не дать тебе поехать крышей под куполом медицинского автомобиля, наблюдая серый рассвет нового дня и не понять всей сути произнесенных слов. Безапелляционная, но временная, увы, подмена сознания.

Его нет. Как и нет ошибки. Нет — запрещенное слово. Тебя почти отучили его произносить, помнишь? Есть только "да", с прочувствованным придыханием, тем самым,

что зажигает фейерверки внутри, пока ты неосознанно противишься этим словам. Такие не погибают. Они и смерть, при необходимости, могут поставить на колени рядом с тобой как равную и недостойную одновременно, потому что право оставаться королевой, даже на коленях, всегда оставалось за тобой...

Доктор говорит, что не может колоть мне сильные транквилизаторы, по крайней мере сейчас, они вступают в антогонизм с антибиотиками и другими препаратами, которые мне колют, чтобы не допустить пневмонии, дождь все-таки добил ослабленный организм. Я тупо улыбаюсь, концентрируюсь на этих заумных медицинских терминах, потому что они отвлекают от убивающих воспоминаний, мне даже порой кажется, что тетя — небожитель в белом халате. А может, я просто никогда не лежала в люкс-палате крутого медучреждения (убивает контраст с районной поликлиникой). Я заболела по всем статьям...

Она говорит о том, что организм не борется, потому что нет стимула. Я не знаю, что ей там экзотического наплели, но она повторяет, что мне очень повезло, что я ушла с вечеринки, где потом взорвался трансформатор или что-то вроде того. У нас была вечеринка? Ты правда повелась на эту чушь? Тем, кто остался, не повезло, а я вот родилась в рубашке...

В белой... Кадры той ночи осколками в распахнутое сознание. Ее у меня забрали. Как я не хотела ее отдавать! Как куталась, стягивая на груди, промокший хлопок мужской D&G, не замечая пробирающего до костей утреннего холода, как цеплялась за эту бездушную иллюзию в попытке дотянуться через нее ментальными тросами до того, кто к тому времени вот уже как пару часов покинул мир живых. Да б. дь, как такое может быть? Это невозможно.

Я же не переставала ощущать нашу неправильную, пугающую гребаную связь даже тогда! Поэтому с раздражением отмахнулась от этого «не-помню-где-видела», на тот момент он не вызывал во мне ничего, кроме раздражения. Но эту рубашку отняли. И начался ад длиной в бесконечность...

До меня дошло не сразу тогда. Кажется, между оглашением факта и его осознанием прошло семь часов глубокого сна. А потом настиг этот кошмар понимания, навсегда разделивший мою жизнь на «до» и «после»...

Вроде как это произошло в больничной палате. И это то, чего я не желала и никогда не пожелаю ни одному врагу. Имя этому кошмару — осознание. Милостивый шок щадил меня немногим больше суток, перед тем как атаковать психику, решившую, что опасность миновала. Кто и на каком основании дал ей право принимать такие решения? Так или иначе, я просто открыла глаза. Проклятый дождь не закончился, насильствовал темные стекла палаты, роспись потоков воды неотвратимо замкнула сознание ужасающим дежавю, воспроизвела кинохронику событий с неумолимой детальной точностью. Я пыталась уцепиться за иллюзорные осколки, видит бог, пыталась! И потом тоже!

«Я не слышала выстрела!» — «А ты знаешь, что есть пистолеты с глушителями? А ты уверена, что с такого расстояния могла его расслышать?»

«Я не видела его тела!» — «А ты уверена, что тебе бы стали его показывать?»

«Взрыв мог быть и в другом крыле дома!» — А кто тебе сказал, что егоне могло завалить обломками?

«Я чувствую нашу связь! До сих пор! Как тогда, с глазу на глаз, плечом к плечу!» — «Знаешь, говорят разное. Что они часто приходят с того света. Или то, что после смерти душа несколько суток мечется в земной энергосфере, не в состоянии поверить, что лишилась

телесной оболочки...»

«Вадим обещал, что никто не погибнет!» — «А Интерпол его ищет почему? Тоже пообещал, а потом передумал жениться? Тебе ясно дали понять, кто он такой и какую угрозу представляет для общества!»

Рушились шаткие опоры, резали сжимающие их ладони, таранили незащищенное сознание неумолимой раскадровкой реальности... Сначала я рыдала. Слезы очищают. Этому он тоже меня научил. Поначалу — закусив губами край подушки, как тогда, после ломки бездушными зеркалами, гася надрывный вопль в силиконовый наполнитель, разрывая зубами наволочку, до тех пор, пока не прибежала чуткая и неизменно вежливая медицинская сестра, чтобы поставить укол с транквилизатором. У нее была манера что-то ласково приговаривать, рассказывать мне, что за окном по-прежнему лето, и будет очень скоро светить жаркое южное солнце, стоит только прекратиться затяжному дождю. Зачем-то рассказывала, что у них в учреждении имеется бассейн с имитацией морских волн, спа-салон и солярий, что обязательно отведет туда, когда мне станет хоть немного легче. Один раз я, глотая горькие слезы, попыталась с ней заговорить. Узнать, что известно о той роковой ночи, услышать, что, возможно, меня сюда привезли не одну... Тогда я видела в ее глазах растерянность, непонимание и сочувствие одновременно — черт его знает, что именно было ей известно о ситуации в целом. Легче не становилось, к тому же обострившееся ОРЗ поставило крест на сильных успокоительных.

Психиатр носил гордое звание "психоаналитик". В его просторном кабинете было светло и уютно, но и там мои кошмары не желали уходить в небытие. Хотя он старался. Я бы даже сказала, нашел ко мне подход, но, поправочка — ко мне прежней. Той, которая залилась бы румянцем тщеславия от изысканных, неизбитых комплиментов, начала бы перед каждым сеансом подкрашивать ресницы и отвечать на ненавязчивый флирт в разумных пределах. Он все понимал, и на третьей встрече даже сумел разговорить — поразительно, как я не сорвалась в истерику, рассказывая о начальном этапе становления своих отношений с тем, кого больше не было в живых.

— Вы можете стереть мне память? — спросила я однажды, почти поверив его мелодичному голосу и практически позволив убедить себя в том, что в произошедшем не было моей вины ни на йоту. — Я же знаю, есть методики гипноза. Помогите!

— Я помогу вам только тем, что в моих силах. С вашими тревогами и страхами вы справитесь сами, я только укажу верный путь, — уверенно заявил этот доктор Фрейд, и больше к этому вопросу мы не возвращались.

Психотерапия — большой замкнутый круг. Если я покидала его кабинет спокойная и почти уверенная в том, что смогу преодолеть своих демонов, то к ночи снова начинался ад. Всегда по протоптанному маршруту всех его кругов. Если бы я отбросила свою гордость сразу! Если бы у меня хватило мозгов его не злить! Если бы я раньше разобралась со своими чувствами! Эти гребаные ЕСЛИ выкачивали последние силы. Я рыдала в голос, не замечая суетливых рывков медицинского персонала, просила бога и всех святых чертей повторить все снова — стирающие кожу оковы, тяжелые цепи, пронизывающее избиение словами и бездушные зеркальные отражения, лишь бы избавиться от мук совести и вины за свою фатальную недалёковидность. Что я тогда знала о боли? Да ничего. Я думала, это истекает кровавыми слезами сущность? Да толку врать себе, в этом было куда больше удовольствия, чем боли! И прежде всего — благодаря тому, что было кому меня ловить!

Это больно? Да нет. Не придумали такого слова, чтобы описать эту медленно

убивающую экзекуцию, выжигающую истинным напалмом все живое. Я раньше сравнивала свои рефлексии с десятибалльными землетрясениями или взрывами тысячи Хиросим? Да мне прилив набежавшей волны, ударившей в лицо, казался началом ада на земле! Если бы можно было вернуться, отмотать время назад, познав сегодняшнюю боль, я бы смаковала эти пародии на страдание с неспешностью избалованного гурмана, не отрицая примесь эйфории. Сейчас же я была одна. Один на один со страданием, которое грозило стереть меня своими безжалостными винтами. Не подобрали определения для этой пытки, вскрывающей барьеры эмоционального эпидермиса, наматывающей обнаженные нервы, которые впоследствии тянули, словно нитки. Закручивали в безжалостную временно-пространственную спираль с замкнувшими кадрами из прошлого, которое я больше не хотела ни слышать, ни видеть, ни вспоминать. Только это самое канувшее в Лету не было со мной солидарно. Подсознание — не изученная толком сфера, со слов того же психоаналитика, и некоторые моменты были заблокированы памятью только для того, чтобы сейчас прожигать мою истерзанную сущность неумолимым лазером.

Сперва мне казалось, что это сны. Отражение действительности или же побег в спасительную долину забвения.

Темнота застывшей на пике полуночи, ласковая паутина тончайшего ментального отражения, которая снимала сон, словно рукой, — и я, осторожная и все еще испуганная, лишь слегка приоткрывала глаза, чтобы увидеть то, что было не предназначено для просмотра. Его взгляд проникал теплыми кофейными бликами внутрь спящей уязвимости, и значение этого взгляда можно было расценить как раскаяние и сожаление. Это было настолько вразрез с предшествующими событиями, что я непроизвольно вздрагивала и засыпала снова, получив неоспоримый телепатический приказ забыть и не вспоминать...

Острые лучи обманчиво-ласковых звезд прожигают ледяным огнем, стоит к ним приблизиться, но это не в состоянии меня остановить — у меня крепкие крылья с тугоплавким каркасом ошеломительной поддержки. Эти лучи проникают до основания слов, а может, чужих мыслей — в сабспейсе не действуют земные законы.

"Я рядом, и со мной ты никогда не разобьешься!"...

Ледяная ладонь беспощадных тисков психологической асфиксии, взбесившийся калейдоскоп черно-песочной плиточной мозаики, разорвавшие этот шахматный узор цветковые вспышки, ошеломляющий удар черного отчаяния, но больше не моего, за гранью перевернувшегося сознания...

«Не смей! Да как ты не поняла за все это время, что я не буду жить без тебя?!»...

Пока он был жив, чертоги этих воспоминаний, изначально не предназначенных для меня, были закрыты на кодовый замок, который открывался только отпечатком пальца собственника-единоличника. Я содрала кожу живьем этим роковым отрицанием самой себя и своих стремлений, приложила отпечаток эпидермиса к равнодушному сканеру и таким образом выпустила на свет ее. Свою боль. Свой ад.

Этап первый — его больше нет.

Этап второй — я сама его убила. В этом только моя вина.

...Я плачу вторые сутки. Давно закончился гребаный дождь, и от солнечно-лунных бликов на бездушном кафеле палаты мне хочется разбить лоб об эти самые лучи. Так не должно быть! Почему солнце снова светит, почему дождь дезертировал, устав рыдать вместе со мной? Почему жизнь идет своим чередом, тогда как...

Для него больше нет солнечного света. Полнолунию никогда больше не сжигать его

кровь в омуте одержимого и такого желанного для меня безумия. Я вообще не знаю, есть ли там хоть какой-либо свет! Такие не попадают в рай. Я, прежняя, сказала бы, что в аду ему будет комфортнее, но сейчас даже намек на подобные мысли выбивает оглушительные рыдания, которые не гасит ни один транквилизатор! Зря меня пытается успокоить медсестричка, затем сама докторша, чуткая и отзывчивая женщина неопределенного возраста. С ней уютнее и легче, и я наверняка оставляю гематомы на ее плечах в попытке выпросить дозу обнадеживающей информации. Обмани! Скажи, что никто не погиб! Соври же!

Я так и не могла понять, почему мне не соврал тот, другой, особенно в контексте последующих событий. Резать по-живому? Не дать погрузиться в омут спасительной, но роковой апатии? Пока ты горишь, пусть даже такими страшными эмоциями, которые разъедают кислотой сознание, ты жива. Только я не могла понять, как мне жить дальше... И есть ли вообще в этом смысл.

Это сделала я и только я. Недальновидным эгоистичным росчерком на приговоре. Нажатием красной ядерной кнопки на уничтожение своего обреченного государства. Циничным любопытством неопытной весталки в амфитеатре римского Колизея, которая упивалась своей властью и стремилась ощутить себя значимой, опуская вниз большой палец, тем самым решая судьбу поверженного гладиатора. Зло будет наказано. Нельзя рушить возведенную систему моральных ценностей. Но могла ли я тогда предположить, насколько материальными могут быть мысли?..

Я не планировала того, что произошло на исходе... не знаю, какой именно ночи, я потеряла счет дням и часам. В то самое раннее утро, когда весь масштаб катастрофы пробил блокаду фенозепама и шарахнул в нокаут абсолютным осознанием. Я убила человека. Нет, даже не так. Я убила мужчину, которого впервые в жизни осмелилась полюбить, невзирая на все круги ада, через которые тот проводок на поводке, не замечая отчаянных просьб остановиться. Стерла из истории, восстала против существующего порядка вещей, как только поняла, что никогда и никого больше не смогу любить сильнее вопреки неоправданной жестокости. Еще один удар...

Я не хотела умирать. Я даже не понимала что да, могу. Это вообще было вразрез с тем, что показывают в кино и литературе сентиментального жанра. Прощаться мысленно с родными, писать предсмертные записки, ловить девятый вал собственной рефлексии... Ничего этого не было и в помине, и в этом наверное было наивысшее проявление эгоизма, ведь я даже не вспомнила о родных и о друзьях. Образ того, кого я потеряла по собственной глупости за шаг до взаимности и нового витка отношений, вытеснил из моего сознания даже их.

Я просто подошла к окну, и кажется, довольно долго психовала из-за неподдающегося замка стеклопакета, дергая оконные ручки до растяжения связок. Кто-то другой увидел бы в этом знак свыше, но мне было плевать с высокой колокольни на подобные намеки судьбы-похуистки. Впервые никто не стоял над душой и не указывал, что делать, а чего не делать, но... как же мне этого не хватало теперь!..

Я понятия не имела, какой этаж (седьмой, как потом оказалось), когда решительно взбиралась на подоконник. Лето на исходе, но рассвет все еще ранний. Алая полоска зари зажгла гладь неподвижного моря вдаль, а я, ощутив пальцами ног пустоту за гранью карниза, между делом отметила, что меня перестала восхищать красота первозданной природы. Я хотела полететь. Не надо мне рассказывать, что это невозможно (заткни плотку,

здравый смысл). Это возможно! И даже не над крышами домов, оставим этот долбо...зм Бэтмену и Супермену. Там где летала я, нет места больше никому. Там мерцают триллионы ярчайших звезд, солнечный ветер ласкает кожу, не обжигая, а согревая, черные дыры не пугают, а завораживают, вращение галактик ускоряет бег, обволакивая искрящимися спиралями. Там, куда удалось долететь мне, деактивированы все законы пространства и времени. И там я никогда не была и не буду одна... Ты же ждешь меня там? Ты же знал, что я попытаюсь взлететь без тебя? Трудно. С тобой было бы легче, но у меня дар создавать трудности себе же самой!

"Юля, не смей, слезь с подоконника!"

Дим, ну о чем ты меня просишь, в самом деле? Откуда мне взлетать? С крыши? Но кто меня туда пустит, подумай сам?

Безумие замыкает коротким щелчком, форматируется в смех с ассоциативным рядом подростковой вампирской саги. Помните Бэллу на байке, которая чуть не убилась на хрен, зато в награду за смелость ей явилась тень Эдварда?

"Мне, наверное, придется пойти добровольцем в зону боевых действий, чтобы иметь возможность говорить с тобой, рискуя быть уничтоженной!"

Оглушительный визг сигнализационной сирены. Трясу головой, вглядываюсь в сереющую бездну практически под ногами, и очарование момента уходит, здравый рассудок победил. Это он говорил со мной его голосом, все это время! Кругом одна ложь... Никакой надежды. Ничего!

"Сюрприз! Ты не знала, что существует оконная сигнализация?"

Я покорно позволяю сильным рукам стащить меня с подоконника, вижу побледневшее лицо знакомой медсестры. Обладателя сильных рук не вижу вообще, мне на него наплевать. Мои глаза прикованы к ее рукам, к манипуляциям с ампулами и шприцом. Сестра профессионал, быстро собирает остатки самообладания, не позволяя мне испугаться, глушит подступающую паническую атаку на стадии ее зарождения.

— Ну, все хорошо, Юлечка? Тут высоко, не надо открывать окошки... — жгут, быстрый захват чем-то знакомым по сгибу локтя, укус вошедшей в кожу иглы. — Потерпи, моя девочка. Сегодня будет солнышко. Пойдем гулять в сквер? И простуда наша проходит... Правда?

Транквилизаторы еще не проникли в кровь, она их вводит мучительно медленно, но я послушно закрываю глаза. Мне хватило трех составляющих: Юлечка, девочка, и почти искренней бескрайней заботы в ее уставшем, подрагивающем голосе. Это уже рефлекс. Хотя с не меньшим успехом она могла также щелкнуть кнутом по полу...

— Как тебе спалось? — мне показалось, она спросила об этом еще до того, как я открыла глаза. Она выглядит по-иному. Не наигранно-спокойной, а уверенной. На серебристом бейдже, на лацкане халата, логотип клиники и гравировка "Лилия". В руках планшет, но, судя по сосредоточенному выражению лица с искусным макияжем, вряд ли она играла на нем в Симс. Напоследок ткнув в экран пальцами, она откладывает его в сторону и заговорщицки улыбается.

— Ты только посмотри, что тебе принесли!

Прослеживаю направление ее взгляда, равнодушно пожимаю плечами при виде огромной корзины с красными розами. Их наверняка не меньше тридцати... 29 или 31, если по-настоящему. Я люблю орхидеи. Черные, но не выкрашенные чернилами из распылителя, не ту фигну, что продают в магазинах, разрисовывая в серо-буро малиновый цвет. Но они

ядовиты, и растут только в джунглях Борнео. Отчаянный охотник, сорвавший эти отравленные цветы, наверняка потащит их в свою лабораторию, не пожелав ни с кем делиться.

— Лиля, я терпеть не могу розы.

На ее лице легкое беспокойство.

— Аллергия? Сильный аромат? Я сейчас распорядюсь, чтобы унесли...

Пожимаю плечами, не нахожу в ее словах логики — пусть я не люблю именно эти цветы, но с их наличием палата-люкс, кажется, преобразилась. Ожила. И мое одиночество стало слабее на несколько процентов.

— Не стоит, пусть будут... А кто?

Ее улыбку можно прочесть без излишних комментариев. Она не в курсе, но тот, кто это сделал, почти ангел.

— Уже вечер, но мы сможем прогуляться в сквере. С тобой очень хотел переговорить Стерхов Виктор Аркадьевич, он задержался сегодня на работе.

Ах да, Зигмунд Фрейд. С ним легко говорить обо всем и ни о чем одновременно, он знает свое дело, каждый раз я покидаю его кабинет с минимизированным чувством вины и мягким проблеском какой-то надежды.

— А... В чем я выйду в сквер? В халате?

Лиля качает головой, открывает небольшой шкафчик, снимает с плечиков незнакомый мне сарафан летней расцветки.

— В этом.

— А чьи это вещи?

— Твои, — она пожимает плечами.

Я в недоумении. У меня никогда не было в гардеробе ничего подобного, моя одежда сгорела, если только... Горло сдавливает тисками подзабытой безысходности, но медсестра не зря работает в самой крутой частной клинике Ялты, ее первоочередная задача не просто колоть уколы, но и делать пребывание пациентов в этих стенах максимально комфортным и спокойным.

— Ну, потерпи немного! Вот закончится курс лечения, такой гардероб себе выберешь! Хочешь, вместе походим по магазинам? — Ее прохладные пальцы с французским маникюром сжимают мои плечи, надавливая на неизвестные очаги беспокойства, нейтрализуя этот зажим. — В «Манго» шикарный сейл. Ты, главное, постарайся выздороветь! Наталья Борисовна говорит, что ты не желаешь сама бороться с простудой и стрессом! Но ведь так нельзя... Иди в душ, я потом тебе французскую косу заплету, хочешь?

Даже выбор сестры-сиделки тут не случаен. Эффектная молодая женщина с утонченным стилем, немой укором и одновременно стимулом — возвращайся! Жизнь продолжается...

— Хочешь посмотреть? — осторожно спрашивает она, приглаживая мои заплетенные в косичку волосы, я потом только соображу, что ей известно обо мне гораздо больше, чем я полагала в начале. — Я могу принести зеркало...

Зеркал нет даже в душевой, не говоря уже о палате, я понимаю это только сейчас. Плечи инстинктивно напрягаются.

— Нет!

— Поверь мне на слово, ты выглядишь потрясающе. Сомневаюсь, что Стерхов сможет сосредоточиться на работе! — довольно заявляет Лиля. — Я буду тебя ждать. Можем

поужинать, а потом прогуляемся.

...- Доктор, а почему люди не летают? — устало спрашиваю я, спустя минут двадцать после бомбардировки малоприятными вопросами. О чем я думала, когда лезла на подоконник? Понимала ли я, что это опасно? Почему я испытываю чувство вины за его смерть? Ее нет и быть не может... Когда я по-настоящему желала его смерти?

— Это риторический вопрос, — улыбается гуру психиатрии, и я вспоминаю, от кого я это слышала. И не только это. И много чего другого!

— Не желала? Я хотела его убить, когда он приковал меня к постели! — истерика должна была прорвать баррикады, рано или поздно. — У меня почти получилось! Что я испытывала? Доктор, азарт! — нервный смех сквозь слезы мешает говорить. — Возбуждение! Мне было почти хорошо! Недолго, потому что я потом поняла, что никогда не смогу никого убить! И я возненавидела себя за слабость! Вы это хотели знать? — он меня не останавливает, смотрит прямо в глаза, сцепив руки в замок, гребаный киборг- отморозок в идеально выглаженном костюме. — Слушайте дальше!..

Я проговариваю все. Все, что помню, не исключая даже самой постыдной подробности. Со сбивчивой раскадровкой каждой эмоции, с возвращением рыданий, но эта гребаная правда последних двух недель выжигает меня изнутри, рвется на свободу, мне кажется, что вместо крови по моим жилам течет пентотал натрия, неумолимая сыворотка правды, самое коварное оружие всех спецслужб мира. Я смотрю в спокойное лицо психиатра, и мне до боли хочется увидеть, хоть раз за все это время, проявление эмоций вместо долбанного «покер фэйса»! Настолько сильно, что я режу шокирующую правду прямо ему в глаза, в надежде непонятно на что... может, на то, что он напишет в диагнозе "извращенка" и наконец-то оставит меня в покое? Или пристрелит, чтобы не мучилась?

— А теперь послушайте меня, — не меня выражения лица, произносит он, и спустя час я впервые узнаю себя прежнюю. Ненадолго, меня еще не раз накроет...

Его слова я даже не запоминаю, они постепенно будут возвращаться ко мне обрывками воспоминаний к месту и ко времени. Жизненные обстоятельства никогда не бывают благосклонны. Каждый день, каждый час, каждый момент перед каждым из нас становится проблема выбора. Сделать свою жизнь комфортной, приложив к этому усилия, или же позволить течению нести себя неведомыми маршрутами.

— Ваш выбор состоял в борьбе изначально. Вы ощущали себя живой в каждом новом противостоянии с действительностью. Почему вы вините себя в том, что имели смелость быть сильной? Ваше эго обрело положение зеркального равновесия, вы подсознательно готовы оправдать его, назвав свою целеустремленность ошибкой. Вы носите с собой комплекс ложной вины. Ваша цель была — жить в комфорте, в согласии со своим внутренним Я, и вы шли этим путем, но, когда вас насильно пытались столкнуть с намеченного пути, очень быстро поверили в неправильность избранной стратегии. Юлия, вы делали это не для того, чтобы кого-то провоцировать. Как бы дерзко вы себя ни вели — это не значит, что вы подсознательно добивались, чтобы вас растоптали и унизили. Конфликт полярностей привел к подобному результату, но вашей вины в этом нет и быть не могло!

— Он мертв... по моей вине... — я уже не плакала, разумный расклад влился в шлюзы измученного сознания целебным бальзамом, но все еще пугала эта неправильность, незаконченность. Я не могла понять почему и как!

— Это жизнь. Значит, ваша планида была верной и правильной изначально. Какая разница как, если в итоге тот, кто не прав, выбыл из игры?..

Мы еще очень долго проговорили. И тогда именно моя откровенность стала переломным моментом. Началом нового пути под названием ИСЦЕЛЕНИЕ.

— А люди летают, правда не все, — говорю ему напоследок, еще не понимая, как много он для меня сделал. Просто вытянул. А то, что его методы мне непонятны — не у меня лицензия на проведение психиатрической практики... Но его улыбка, почти незаметная, едва тронувшая губы, заставляет сердце забиться быстрее, от какой-то неоспоримой уверенности — он прекрасно понимает, о чем я...

В тот вечер я впервые поверила в то, что выживу. Выстою. Обрету прежний вкус к жизни, в которой больше не будет его. Жизнелюбивая сущность не желала сдаваться, даже придавленная сильнейшим стрессом, искала в окружающем энергополе те самые знаки, которые я не желала замечать перед утренними танцами на подоконнике... Появление Аристократа можно было отнести, наверное... да хрен знает, к какому знаку его вообще можно было отнести! Непонятно, почему его никто не остановил, почему рядом не оказалось ни доктора, ни Лили, ни охраны медицинского центра. Если весь штат психиатров-неврологов-травматологов тут ложился костями, чтобы вытянуть меня из омута депрессии, как они могли пропустить сюда его? Я готова была сама себя стукнуть за то, что, заметив его издали, быстро расправила несуществующие складки на сарафане, пригладила заплетенные в колосок волосы и прикусила губы, чтобы они казались еще более пухлыми. Инстинкты возвращались. Мужчина. У меня нет права рядом с ним быть бледной тенью. Пусть даже после его слов я и оказалась в элитной психушке.

— Юлия? — теплый сканер взгляда задержался на моем лице немим разрывом шаблона, незаметным считыванием информации о моем состоянии. Я нервно сглотнула, несмотря на ощущение странного покоя. Я же прекрасно знаю, кто он. И что творилось в том клубе, где мы впервые встретились! От одного взгляда на строгий темно-синий костюм в мельчайшую полоску, так идеально сидевший на подтянутой мужской фигуре, сердце пропустило несколько глухих ударов. В моем новом мире в таком стиле одевались или директора крупных компаний, или вся плеяда садистов, вместе взятых! Я с трудом удержалась, чтобы не отступить назад, когда он сделал шаг мне навстречу, хотя никакой скрытой угрозы в его действиях не было и близко.

— Как ты себя чувствуешь? Ты не устала? — я напряглась, когда его рука взметнулась вверх, понимая, что, если он прикоснется к моему лицу, просто завоплю в голос от новой панической атаки. Но он всего лишь привычным жестом стянул пиджак, оставшись в светло-серой приталенной рубашке. Странная метаморфоза! После этого тревога начала медленно таять, настолько разительной мне показалась подобная перемена. — Мы можем поговорить?

Я не помню, как позволила увести себя в сквер частной клиники, где в это время практически никого не было. Впрочем, я потом поняла, что такой с легкостью он увел бы меня даже в камеру пыток. Нет, забегая вперед — таковой не имелось, но все же...

— Мне стало известно, что ты пыталась утром покончить жизнь самоубийством.

До меня не сразу доходят его слова. Каким самоубийством? Неужели я и вправду этого хотела? Стерхов прогнал отупляющую апатию своим психоанализом, и только сейчас до меня доходят возможные последствия танца на гранитном подоконнике. Ужас липкой волной грозит затопить, не оставив шанса, но затем как-то быстро наступает откат.

— Вы ожидали, я буду танцевать от счастья, потому что он мертв?

Он игнорирует мой ответный вопрос. Я ощущаю на себе его взгляд, и непроизвольно ежусь от холода, понимая, что он изменился.

— Пообещай мне, что больше никогда не сделаешь этого снова. Можешь?

Мне страшно смотреть ему в глаза. Я хочу, чтобы он ушел. Особенно сейчас, когда я осознала, что никто не будет меня успокаивать и кормить с ложечки. Я перестала верить в бескорыстные мотивы. Тогда, когда изучала материал по Теме, наткнулась также и на статью о передаче прав. Я не хочу больше и близко прикасаться к этому безумному миру. Я там чужая. Выпитая до дна и отброшенная на обочину. От нарастающей тревоги я готова ему пообещать все что угодно. Пусть уйдет.

— Я сделаю все, чтобы ты об этом забыла как можно скорее. Ты мне веришь?

Странно, но верю. Только его присутствие сильно напрягает. Хочется поджать ноги и обхватить колени руками. Закрыться в домике. Я не могу понять, почему так, он не угроза для меня, и эта неопределенность пугает... и расстраивает одновременно. Я умом понимаю, что Александр очень много сделал для меня. Меня не допрашивала полиция, не закрыли в госучреждении в клетку, условия райские. И даже эти розы...

— Я хочу вас поблагодарить, — попытка поймать его взгляд терпит фиаско, я раздавлена железной аурой власти и самоконтроля. Даже если он сам не преследовал этой цели.

— Юля, не стоит. Это самое меньшее, что я могу для тебя сделать.

— А разве вы не должны меня ненавидеть? — быстрый взгляд в переносицу, росчерком по отточенным скулам, высокой линии лба, сжатым губам.

— Не так страшно, правда? — с улыбкой спрашивает он, а мои щеки заливают краска смущения. Твою ж мать! — Ненавидеть? У меня должны быть для этого основания?

— Вас связывали какие-то непонятные мне отношения. Я для вас чужая...

Мне хочется уйти, особенно когда я с ужасающей ясностью осознаю, что ни одно из произнесенных им слов не случайно. Рядом с ним я не принадлежу сама себе. Разучилась? Устала? Он не пытается сократить между нами дистанцию и вторгнуться в личную зону. Намека на сексуальный интерес или что-то подобное нет и близко... Я соглашаюсь с каждым его словом лишь с одной целью — скорее оказаться наедине с собой. Какая-то непонятная тревога витает в воздухе во время разговора, но пока он рядом, тает без следа. Это неправильно. Мне нужно разобраться, понять, что является ее источником. Потому что это точно не он.

Александр? Легко запомнить. Как Македонский.

— А отчество? — тупо спрашиваю я. Если честно, мне все равно.

— Достаточно имени. Мне еще рано на пенсию, — шутка разбавила атмосферу, но я все равно не смогла обратиться к нему на "ты". Ни тогда, ни потом.

— Меня не будет в Ялте двое суток, — он все же пытается положить руку на мое плечо, но от этого прикосновения я инстинктивно сжимаюсь. Кажется, кожа оцетинилась тысячей микроскопических иголок, и этот разряд не мог не передаться ему. — Пообещай мне, что больше не будешь пытаться сделать что-то с собой, подобно утреннему выступлению.

Я молчу, с трудом сдерживая желание пуститься со всех ног в палату. Как он мог за наш недолгий разговор вселить в меня чувство умиротворения и легкости, прогнать витающую над головой тревогу и одновременно превратить в пугливую лань?

— Юля, я задал вопрос.

— Не буду! — Я реально ничего подобного больше не повторяю, только бы он побыстрее исчез отсюда неистребимым призраком той, прежней жизни!

Я не помню, как влетаю в палату. Но, как только закрывается дверь, понимаю с

убивающей неотвратимостью, что зря позволила ему уйти! Пусть рядом с ним я и ощутила ту самую долбаную уязвимость, от которой хотела сбежать, но такой убойной паники, как сейчас, не было и близко! И не он ее источник. И не воспоминания. И не боль собственной вины! Я просто не понимаю, откуда взялась эта тревога, которая нависла над головой недосказанной угрозой, о чем кричит придавленная интуиция! Рука тянется к дверной ручке, вспышка здравого смысла гасит этот порыв. А что я ему скажу? Успокой, пожалей? Нет, лучше паническая атака во всем ее великолепии!

Легче не становится. Знакомые тиски какой-то неотвратимой угрозы сдавливают горло, выбивая приступ кашля. Я оглядываюсь по сторонам в надежде зацепиться за что-нибудь, что отвлечет, успокоит, перенаправит поток негатива в созидательное русло. Взгляд замирает на шикарном букете роз цвета крови. Нет. Я не хочу об этом думать! Какой крови? Это цвет любви. Красного заката. Соблазна... и никак иначе!

Подхожу, опустившись на колени подзабытым движением из прошлого, провожу рукой по бархату тонких лепестков, на которых блестят капельки влаги. Лиля сделала все, чтобы они как можно дольше простояли и не потеряли цветущий вид. Сжимаю в ладони роскошные соцветия. Тревога не уходит. Мне кажется, она усиливается, сердце бьется в бешеном ритме. Отвлекся. Не думать. Забыть... Досчитай до ста! Или до десяти! Выдохни!

Машинально начинаю пересчитывать цветы... Одна, вторая, третья... Десятая. Сколько их, интересно?

Тьма сгущается, ледяные тиски вспарывают кожу уязвимого горла молниеносно, быстро, вырывая крик ужаса, апофеоз панической атаки... Напрасно я, разрушая красивый декор, ищу в поддоне отверстие от лишнего стебля, сбивчиво пересчитываю цветы, ломая несколько роз...

Их не 29. И даже не 31. Их ровно тридцать. Как в букете покойника...

Меня трясет в истерических рыданиях, когда прибегает Лиля, я не помню, как умудрилась дотянуться до кнопки вызова. Наверное, она собиралась уезжать домой, но профессионализм дает о себе знать — сумка летит в кресло, руки поспешно ныряют в рукава белоснежного халата.

— Кто?! — лед сковывает эмоциональный каркас паническим ужасом, осыпавшиеся лепестки похожи на пятна крови, а я не могу оторвать от них глаз. — Кто это принес?!

— Курьер... Мы выясним! Вставай! Давай, я уложу тебя в постель... Успокойся... Ничего не случилось! Просто букет...

— Их... тридцать! — не замечаю ее успокаивающих обьятий, меня сотрясает крупная дрожь с пылающим оттиском клейма по всей черепной коробке. "Его больше нет..."

— Ей-богу, узнаю, чья это шутка... — профессионализм на высоте, она считывает мое состояние, гладит по волосам, словно стремясь передать через прикосновение дополнительные силы, унять ненормальную дрожь. — Юленька, это Ялта. Курортный город. Тут в сезон стремятся заработать на всем, на чем только можно. Цветочная мафия те еще подонки... Ложись. Сейчас поставим укольчик. Не хватало еще из-за этого расстраиваться!

Тело выгибает болезненной судорогой — то ли отходняка, то ли нового приступа паники, боль не гаснет в районе шейных позвонков, простреливает низ живота ощутимым спазмом с отдачей в бок. Трясу головой, не понимая... новый накат ноющей боли, инстинктивно накрываю рукой, за секунду до нового выстрела в поясницу. Палата плывет перед глазами, и я судорожно сжимаю пальцами запястья медсестры.

— Лиля... что происходит?

— Стресс. Ложись, тебе надо лечь! — Я почти не слышу ее. Звон в ушах, разрывающий диссонанс с тянущим спазмом в районе матки. Моя рука рывком отодвигает в сторону узкую полосу стрингов, и я, скривившись от нового волнового приступа противной боли, смотрю на свои пальцы. Снова кровь!

Тупая паника дробится на тысячи осколков, и рыдания затихают, трансформируются в истерический смех.

— ПМС! Всего-то!

Я не замечаю испуга в глазах Лили, да я и не должна его замечать — эта метаморфоза не продлилась и пары секунд. Паника сметена почти ненормальным облегчением, и даже стреляющие ноющие спазмы не могут его нейтрализовать. Я не сошла с ума, это просто пляска женских гормонов, усиленных стрессом последних недель, это пройдет совсем скоро!

— Руку! Юля, давай, сожми кулачок... Потерпи, боль пройдет! — Конечно, пройдет. От менструации еще никто из нас не умер. Игла впивается в вену, я уже не замечаю болезненного дискомфорта от привычных уколов.

— Болит... — жмурюсь от сильного спазма с подступающей тошнотой. Черт с ним, стерплю. Потому что только сейчас вспоминаю, что пару раз с ним мы точно не предохранялись ни презервативами, ни таблетками "второго утра".

— Дисменорея. Это пройдет! Ты пережила сильный стресс... Когда у тебя была последняя менструация?

Всхлипываю от очередного толчка в области матки, пытаюсь вспомнить...

— Двадцатые числа июня... — сегодня второе августа. — Задержка?! Раньше никогда...

— Стресс. И некоторые препараты. Я покажу тебя доктору. Не спорь! — какая-то неправильность и нелогичность в ее словах, я ощущаю ее на подсознательном уровне... Что-то не так... Мысли путаются, а веки неотвратимо тяжелеют.

— Спи... — я хочу ее попросить принести мне тампоны, но голосовые связки расслабляются под воздействием экстренного снотворного... Только слышу обеспокоенный голос... Что-то типа "готовьте операционную". Хм, кому-то плохо? Пофиг. Спать!..

...Я проснулась только к вечеру следующего дня. Низ живота все еще ныл, но какой-то иной болью. Режущей, что ли... Она не была такой сильной, как обычная боль при критических днях, и я вскоре перестала ее замечать.

Медсестра в этот раз была иная — постарше, но такая же дружелюбная и общительная. Она ставила капельницу. "У вас истощение, нервный стресс", — пояснила с неизменной улыбкой. Стресс все-таки догнал, я это поняла, лишь ощутив головокружение при попытке встать с постели... Наблюдающая меня доктор порекомендовала не выходить из палаты, принимать препараты и постараться не думать ни о чем плохом. А я и не могла, ядерные успокоительные оправдали свое предназначение. Этот день я провела лежа, просматривая на большом жидкокристаллическом экране новинки кинематографа, периодически проваливаясь в сон. Когда вернулась медсестра, я поделилась с ней своей обеспокоенностью.

— В этот раз критические дни проходят как-то иначе... Обычно они меня не беспокоят.

— Это результат гормонального сбоя в результате сильных переживаний, — поспешно пояснила медичка. — Как только закончится курс реабилитации, цикл придет в норму. Вам не о чем переживать. Хотя от планирования семьи в ближайшие полгода я бы на вашем месте отказалась... Дождитесь полного восстановления!

Меня не насторожили и не смутили ее слова. После того, что я пережила, эти неприятные мелочи казались донельзя логичными.

Намного позже я оценила профессионализм и тактичность медицинского персонала этой элитной клиники. Узнай я сразу, что же именно со мной произошло, на пике своей затяжной депрессии, я бы просто жить перехотела. Этот факт даже спустя два года вызовет сдержанные слезы, логическую цепочку "а если бы", но так же быстро отпустит, потому что я смогу перелистнуть эту страницу своей жизни. Все это будет потом... А пока я поверила в слова о том, что это обычный гормональный сбой, тем более что болевые ощущения прекратились...

...Я открываю глаза. Палата залита призрачным светом убывающей луны. Что меня разбудило? Я не понимаю что. Закрываю глаза, пытаюсь остановить непрошенные слезы...

"Я люблю тебя..."

"Мы преодолеем это вместе..."

"Я никогда больше не дам тебе упасть!"

"Лети, моя девочка... Ни о чем не думай!"

Что это? Воспоминания, которых я не хочу? Игры воображения? Галлюциногенный побочный эффект от всех уколов и таблеток?

Говори. Режь мой мозг лазером своих слов. Никуда не уходи, отсыпь мне последнюю дозу под названием "свое присутствие", если не можешь отпустить! Если всегда будешь приходить в мои сны, в которых я почему-то никогда не видела и не увижу твоей смерти. Ничего ужасного из того, что ты со мной делал, я в них не увижу тоже! Уничтожь замкнутый ареал обитания орхидей цвета ночи, они не хотят возвращаться в круговорот безликих потерянных дней без тебя! Только с твоим присутствием их дни обрели пугающий, но необходимый, как кислород, смысл! Даже если ты появился в непроходимых джунглях только ради того, чтобы их уничтожить...

Мои руки тянутся в мрачную пустоту. Успокой меня. Останови мои слезы. Скажи, что смог выжить. Ты смог невероятное, ты в состоянии даже Смерть превратить в собственную сабу! Ты не можешь уйти именно сейчас! Сейчас, когда я полностью сдалась твоему диктату абсолютного властителя, когда я осознала, что не могу любить тебя так же... Не могу любить только потому, что люблю уже! Вопреки кошмару, а может, даже ради него, потому что в твоих руках он перестал быть для меня адом в девять кругов!

Я даже не сразу понимаю, что руки не хватают пустоту. Они упираются в неприступную стену... Чужого реального присутствия. Я знала! Ты не мог умереть!

"Мать твою, Юля, хватит тупить, разуй глаза!"

Дима, я не хочу! Если я их открою, ты исчезнешь снова! Дай мне ощутить тебя... я потом их открою...

Эйфория, долгожданное облегчение искрящимся вихрем влетает в доверчиво распахнутое сознание...

"Хорошо... Заори! Давай! Громче, покажи, как ты мне рада!"

Дима, я не буду орать! Мне с тобой охренительно даже молчать! Только стой на месте, не уходи, я не переживу снова!

"Юля, или ты делаешь то, что я сказал, или..."

Сделай... Я не хочу тебя расстраивать своим неповиновением, оно осталось в прошлом! Я открою глаза, но не от страха... Все равно потом сделай... Твои руки никогда больше не сбросят меня в бездну. Ну, ты готов? Открываю... И закричу от радости, если это ты!

Полоса лунного света перерезает палату жемчужным сиянием, и я отчетливо вижу мужскую фигуру у постели. Подожди... но это же не ты? Ты снова меня обманул? Как тогда,

когда пообещал, что я дождусь тебя на улице под безжалостной флагелляцией летнего дождя...

— Вы кто? Что вы...

— Тсс, — шепчет мужчина, перебросив через руку белый халат. На нем медицинская маска. Все логично, я же болею... — Сработал сигнал, нарушение сердечного ритма... Дай руку...

Покорно протягиваю ладонь, в его руках шприц. Что-то здесь не так...

"Юля, потребуй включить свет!"

"Юля, где твоя медсестра?"

— Вы сделаете мне укол?

Я смотрю на него... И понимаю все. Понимаю, но не могу ни кричать, ни сопротивляться. Странное оцепенение, ненормальное спокойствие. Я не подключена ни к одному из аппаратов, которые должны были отреагировать на изменение сердцебиения. Я понимаю все. Почему и с какой целью этот незнакомец появился ночью в моей палате. Не понимаю только, за что... Может, это высшая инквизиция?

Игла входит в кожу, так привычно... и так легко. А я улыбаюсь. Темно, он стоит спиной к источнику света, но я смотрю ему прямо в глаза — чувствую, видеть необязательно. Они закрыты барьером равнодушия. Но их обладатель спасает меня. Потому что очередная иллюзия, которая могла дать мне надежду, лопнула, как мыльный пузырь.

В вену колют медленно, этот вводит быстро, и рука почти моментально немеет. Такие пустяки...

— Спасибо... — сжимаю его пальцы, закрываю глаза. Скоро все закончится. Я так устала, но сама решиться просто не могла...

"Юля! Юля! Опомнись... Не смей! Ты мне нужна! Юля!"

Конечности обволакивает лед. Он зарождается в кончиках пальцев, пускает иголючатые метастазы по сосудам, поднимается выше, уверенным транзитом к самому сердцу. Совсем скоро оно перестанет болеть. Совсем немного...

"Девочка моя, встань! Я жду тебя за дверью! Только встань! "

— Дима, ты задолбал мне врать! Если ты меня там ждешь, открой эту гребаную дверь и войди... Или захлопнись насовсем!..

Глава 2

Спазм-разряд в безжалостно выкрученные тонкие запястья с точечным рассредоточением в вывернутые плечи. Больно, но это можно терпеть. Сжимая зубы, погружаю резцы в бездушную резину неосязаемого кляпа, чтобы не раскрошить эмаль к чертовой матери. Лбом в ледяную плитку, в попытке уйти от безжалостного фиксирующего излома стянутых рук, до отвлекающей вспышки в черепной коробке, до спасительного головокружения... Куда там! Нет у него такой цели — отключить мое сознание... Только терпеть, только прочувствовать каждым нервом весь апогей его одержимости. Рывок по стянутому ремнем кляпа волосам, клацнувшие в пустоту зубы. Твою мать, что же ты делаешь?! Ты совсем сошел с ума? Веса всего тела перенесен на ногу по центру напряженной поясницы. У тебя хватит силы сместить все тазобедренные суставы, не прилагая к этому ни малейших усилий.

— Покричи для меня. Давай, меня заводят твои вопли!

А знаешь, не буду! Ты не услышишь даже писка, лучше е. нись об стенку сразу, я не намерена доставлять тебе такое удовольствие! Отсек ранимости намертво заблокирован, зашит металлическими стежками по всему периметру, потому что я прекрасно знаю, кто ты, и чего от тебя можно ожидать! Прошло то время, когда одна твоя пощечина превращала меня в самое несчастное существо на земле, высекая вместе со слезами долбаную стрессоустойчивость. Ты можешь перекрыть мне свет и кислород, но ничего из этого не будет больше иметь значения, потому что я смогу дышать твоей любовью и греться в ее не всегда ласкающих лучах!

— Пошел ты на...

Удар ладони по дерзким губам, задевая скулу, до произвольной атаки эмоциональной волны в слезовыводящие протоки. Это реально больно! Меркнет призрачный серый свет, взгляд выхватывает темноту с двойными сплошными полосами лунных бликов на полу... Не хочу туда! Пусть при свете вымораживающей освещенности, только не в темноту! Руки выше... Ты хочешь вывихнуть плечевые суставы? Ты хочешь доломать меня не только морально, но и физически? Мне плевать! Ты всегда был е. нутым! Шипение-всхлип в стиснутые зубы. Не буду я орать, не дождешься!

— Какая ты смелая... Отвыкла? Я могу тебе напомнить...

Хватка чужих ладоней размыкается, очередной шоковый прострел в освобожденных плечах и сухожилиях. Тяжесть покидает копчик, но я этого даже не замечаю.

— Открой глаза. Ты не можешь прятаться вечно!

Твою мать, зеркала! Смеживаю веки из последних сил, прижимаясь пылающей щекой к холодному кафелю. Не открою до тех пор, пока не посыплются разбитые стекла с отголосками эмоционального скрежета по натянутым нервам, пока твои руки не устанут меня терзать, пока ты сам не выдохнешься и, наконец не успокоишься! Потому что я в твоей коже бог знает, с какого именно момента. И ты сам ждешь от меня совсем другого: того, что я не открою глаза, потому что зеркала всегда несут с собой только смерть. Я не понимаю, зачем ты играешь в эти игры, но я не могу сопротивляться твоему голосу в своей голове.

Выдержи! Срывайся в вопли и крики, только не смотри туда!

— Твое стоп-слово — красный... Цени мою доброту!

Да иди ты со своим стоп-словом, я без него обошлась прекрасно! Ты ничего от меня не

услышишь, хоть режь свои инициалы вдоль позвоночника!

Оглушающий щелчок контузией по барабанным перепонкам... С захлестом цунами первобытного ужаса, по всем отсекам доверчиво распахнутого навстречу твоей одержимой, подавляющей власти подсознанию. Кнут... Зубы впиваются в язык, почти прикусывая до крови, только бы не кричать. Ты не осмелишься! Ты же пошутил! Я просто не могу в это поверить!

— Я всегда был мягок с тобой... Ты же не думала, что так будет вечно?

Не успеваю возразить, спина взрывается Хиросимой разрывающей боли по всем системам организма. Ты не можешь! Не после того, как я согласилась остаться с тобой и приняла всей своей сущностью самое неоднозначное чувство к своему палачу... и самому дорогому человеку, который держал весь мой мир в своих руках!

— Красный! — Почему ты не остановился? Почему я снова слышу свист этого орудия уничтожения? — Красный! Твою мать!

— Молчишь? Храбро... но глупо, девочка моя. Игры закончились. Больно будет как минимум неделю...

Шоковый спазм нокаутировал гортань, темные пятна с лунными бликами в глазах... Я молчу? Ты оглох?! Нет! Это же мой крик сотрясает стены комнаты, еще немного, он разорвет твои барабанные перепонки!

— Красный! Красный! Перестань!

— Юля, глупо геройствовать. Я дал тебе право на стоп-слово. Ты предпочитаешь терпеть боль? Перестань, твоя гордость сейчас не уместна! Скажи это!

— КРАСНЫЙ!

— Я не расслышал... Может, тебе не больно? Я тебя жалел... Сейчас я покажу, что такое настоящая боль!

Тьма! Лопающиеся капилляры носоглотки в порыве обезумевшего крика со стремительным провалом в бездну Тьмы, с лунными бликами на паркете... Обжигающей вспышкой по расширенным зрачкам! Дима, нет, перестань... Не хочу туда! Красный! Твою мать! Меня слышали все в этой клинике, почему не слышишь ты?!

Черно-белые тени, потерянные страницы сценария ретро-кинолент, я их вижу даже сквозь плотно сжатые веки, которые не могу поднять. Мышцы цепенеют, холод завоевывает новые территории, неумолимо подбираясь к сердечным клапанам.

— Она не дышит! Дефибриллятор!

— Пульс?

— Слабый. Нейропаралитик.

— Реанимацию! Срочно!

Неощутимой тенью, тонким касанием — пластик кислородной маски, взрыв кислородной капсулы в воспаленной от крика гортани... Откат разламывающей боли обволакивающим облегчением по позвоночнику, расслабление всех скрученных в узел мышц... Их трое, в белых халатах, отлаженные, скоординированные действия. Треск радиоволн неувеличимым фоном...

— Камеры наблюдения, седьмой, блокировка центрального входа и пожарных выходов...

— Неисправность десятой камеры, прием...

Холод сковал все конечности. Слабый укус, по телу вспышка острого согревающего жара... Я хочу заговорить, но приток живительного эликсира в легкие пережимает связки, с

каждым глотком возвращая меня в пугающую, чужую, одинокую реальность...

Ощущение невесомости, чьи-то руки касаются спины... Это неправильно! Почему я не чувствую боли, если ее совсем недавно прочертили кнутом до крови?!

Чья-то теплая ладонь закрывает мне глаза, опуская веки. Вовремя, вспышки энергосберегающих ламп кромсают воспаленную сетчатку. Мысли путаются, гул голосов вместе с шумом движения сливается в расплывчатый звуковой фон. Поднимаю руку, хочу ухватиться за запястье, продлить этот момент... Ты рядом! Я знала! Ты обещал никогда меня не бросать, и ты был прав. Тебя никогда, в свою очередь, не отпущу я сама! Скольжение по пальцам, усиленное нажатие, отстранившее руку...

— Не шевелись, потерпи... все будет хорошо...

Озноб уничтожает тепло, он бежит по венам вместе с кровью, за миг до того, как погрузить в омут спасительного сна. Я отдаюсь ему без сопротивления, согретая твоим присутствием. На губах застыла счастливая улыбка — находясь в безопасности под куполом кислородной маски, она не погаснет, даже если этот колпак снимут, потому что ты рядом! Я хочу, чтобы это продолжалось вечно. Как я могла сомневаться, ведь ты действительно все время был рядом! За недоверие наказывают с самой извращенной жестокостью. Сделай это, я не имела права в этом усомниться! Мое искупление придет только после наказания, не надо меня жалеть, это необходимо прежде всего мне, высеки чувство отравляющей вины. Токсин твоей власти в моей крови, его не вытеснить никаким капельницам, поддерживай мою жизнь дозированной инъекцией своего абсолютного владения! Я не хочу и не могу без тебя. Плети свой шибари фигурными узлами на моей сущности. Только оставайся рядом!..

— Как такое могло произойти? У вас штат первоклассной охраны. У вас инновационные системы видеонаблюдения. У вас клиника почти правительственного уровня!

Ему не нужно повышать голос. Ему даже не требуется вкладывать в него обвинительные интонации. Спокойная, вежливая беседа, но у главврача повышается артериальное давление, а сердце отмеряет гулкие удары. В элитной ялтинской частной клинике ЧП. Покушение на жизнь пациента. Несанкционированное вторжение. Хакерская атака на сервер системы безопасности, вследствие чего на трех камерах видеонаблюдения началась цикличная демонстрация одной и той же записи, а потом они синхронно вышли из строя. Спустя десять минут после того как... Он сперва наотрез отказался в это верить. Пациентка с нервным расстройством из палаты-люкс не являлась ни дочерью олигарха, ни агентом ФСБ, ни свидетелем по уголовному делу. Не было указаний наблюдать за ней ввиду отсутствия угрозы. Он просто не понимает, что сейчас сказать в свое оправдание этому мужчине в дорогом костюме с платиновым "Ролексом" на запястье и взглядом хладнокровного киллера.

Его подняли с постели среди ночи. Такси, таблетка успокоительного, возвращение в клинику. Сбивчиво что-то пытались объяснить по телефону, наполнив сознание оглушающей паникой. Нет, никто не стрелял, и всему персоналу не грозила смертельная опасность... Но одно только появление мецената, Александра Кравицкого, аккуратно в разгар мероприятий по спасению пациентки поставило на уши всю клинику. Хвала стальным нервам нейрохирурга и реаниматолога, которые расставили приоритеты в пользу спасения жизни, а не заискивания с оправданиями перед VIP-персоной.

— Какие прогнозы? — За окном серый рассвет. Медленно тянется время. Главврач Шимайко может располагает только информацией получасовой давности.

— Опасность миновала. Это просто чудо, что она сумела позвать на помощь. — Счет

шел на минуты, еще чуть-чуть, и яд парализовал бы нервную систему... Что бы тогда произошло с ним самим, а может, как знать, и с его семьей тоже... страшно подумать.

— Тяжелая ночь, — Кравицкий неосознанно сжимает пальцами виски, и Шимайко не может невольно не восхититься его железной выдержкой и умением сохранять спокойствие в любой ситуации. Он приучен не задавать вопросов и не строить предположений, кем эта уставшая и разбитая девочка, чем-то похожая на его дочь, является ночному визитеру.

— Я отдал распоряжение усилить меры безопасности. Проконтролирую лично.

— Информация об инциденте не должна выйти за пределы медицинского центра. Я понятно выразился? — одного взгляда мецената и акционера достаточно. Он хочет добавить что-то еще, но стук в дверь препятствует этому.

— Войдите! — Вся жизнь пролетает перед глазами Анатолия Шимайко за этот короткий временной отрезок. Анна Николаевна не принимала участия в реанимационных мероприятиях, она сейчас просто посол, к счастью для всех, принесший благую весть.

— Анатолий Викторович, опасность миновала, никаких осложнений. Введение физраствора и переливание крови прошло успешно, пациентка спит...

— Я хочу ее увидеть. — Кравицкий отбрасывает в сторону авторучку, которую непроизвольно зажал в пальцах. Только этот жест, на миг, выдал в нем нервозность. Главврач даже не осмеливается протестовать, чего уж там, по всему кабинету главврача распространяются волны осязаемого облегчения. Никто в данный момент не будет лишать лицензии, угрожать смертью или иными карательными мерами за халатность...

Ночной визитер не задерживается надолго в палате пациентки. Но главврачу хватает и десяти минут, чтобы выяснить детали происшествия и подготовиться к разговору.

— Теперь мне нужна полная информация.

Откуда ощущение тяжелой угрозы? Светло-зеленые глаза смотрят прямо, в них нет никаких эмоций, пожалуй, только легкая задумчивость, но от этого атмосфера в кабинете опять сгущается. Шимайко из последних сил пытается отзеркалить хладнокровие собеседника, перебрав в уме все возможные НЛП-технологии.

— Новое диагностическое оборудование, кстати, приобретенное весной вашим меценатским фондом, позволило выявить токсины в крови на начальном этапе, и принять меры сразу же...

— Это мне прекрасно известно. Пожалуйста, экономьте мое время. Прозвучал термин "токсины". С этого момента поподробнее.

Тут Анатолий Шимайко в своей стихии. Настолько, что считает нужным поделиться своими сомнениями и опасениями.

— Тетродотоксин. В своей практике я впервые сталкиваюсь с его применением, особенно таким способом. Кто бы это ни был, ее намеревались именно убить, сомнению это не подлежит. Она не должна была даже кричать, данный яд относится к нейротоксической группе. При попадании в кровь — неминуемый паралич мышц и судорожные сокращения диафрагмы. К счастью, его концентрация в растворе глюкозы оказалась минимальной. Но опоздай мы хоть на минуту... — красноречивый взгляд Александра без слов приказывает прервать мхатовскую паузу. — Этот вид токсина широко известен, наверняка вы о нем слышали. Он содержится в органах рыб рода иглобрюхих, из которых готовят известный японский деликатес "фугу". Тетродотоксин сохраняется в коже, печени, кишечнике и других органах, даже после того, как рыба была приготовлена. Этот токсин вызывает паралич, судороги, психическое расстройство и другие симптомы. Смерть наступает в течение 6 часов

после попадания яда внутрь при приеме с пищей. Инъекция убивает в шесть раз быстрее.

Подобие циничной улыбки застывает на губах Кравицкого. Со стороны кажется, что эта краткая лекция расставила для него все точки над i. Да так и есть, на самом деле. Ему известно очень многое. Даже особая изысканность закулисных игр элитного уровня, который безбожно выдает сам себя в погоне за экзотикой. Тетродотоксин не используется спецслужбами уже очень давно. По сути, это дорогостоящий товар, который пользуется спросом исключительно в силу своей экзотичности. Но он ни с кем не намерен делиться своими умозаключениями.

Черный конверт с логотипом фонда ложится на лакированную столешницу уверенным движением руки.

— Еще раз напоминаю: все, что здесь произошло, не должно выйти за стены медицинского центра. Позаботьтесь об этом. Когда пациентка будет готова к выписке?

— Два дня на восстановление. Но еще неделю она будет нуждаться в абсолютном покое.

— Двое суток. Сделайте все возможное. Усильте охрану. Я на вас очень рассчитываю.

Я открываю глаза. Медленно, осторожно, прислушиваясь к своим ощущениям, и, как ни странно, чувствую себя опустошенной, отдохнувшей, почти невесомой, но — живой. Нет глупых мыслей о том, что вознеслась на небеса... Или провалилась в преисподнюю.

"Какой девочкой нужно быть, чтобы попасть в рай? — Мертвой!"

У постели сидит Лиля, а уши режет писк агрегатов непонятного назначения. Многострадальные вены утыканы тентаклями капельниц, жуткое зрелище. На пальцах какие-то датчики-зажимы... Очень похоже на атрибутику БДСМ...

— Что со мной произошло? — спрашиваю я.

Спрашиваю? Нет, я не могу говорить, горло пережато стальным блокиратором. Вопрос не им, скорее самой себе.

Она что-то бубнит про аллергию. Какая аллергия? Я никогда не была аллергиком! Первый и единственный раз она проявилась на металл, хотя сейчас я более склонна предположить, что это была банальная психосоматика. Лилка мне врет. И вдруг, словно слайд-шоу, перед глазами замелькали события прошедшей ночи: как меня хотели лишить жизни, а я почти добровольно на это согласилась. И, кажется, даже благодарила его, своего несостоявшегося убийцу, без страха вглядываясь в его пустые и равнодушные зрачки, которые только угадывались в темноте... Просила?! Ужас выгибает позвоночник, бьет по оклемавшемуся сознанию пылающим бичом нештучной панической атаки. Из горла вырываются только сдавленные полувсхлипы-полухрипы. Я не могла хотеть смерти! Даже если там, с ним, в иной реальности, «минус сто сорок и вечное лето»...

На лице чуткой и отзывчивой Лили стынет маска хладнокровного циничного доктора, игла протыкает силиконовую закрутку капсулы, наполняя шприц прозрачной жидкостью. Казалось бы, пора привыкнуть к уколам, но мне инстинктивно хочется заползти в угол кровати. Давно я так не боялась!

— Ну, тише, Юля! Просто афобазол! Смотри! — Она подносит опустевший стеклянный сосуд к свету, но я не в состоянии прочесть название препарата. Холод, пустота, боль во всем теле, неконтролируемая паника... — Дыши! Давай, как можно чаще! Вместе со мной... — сжимаю зубы, не обращая внимания на противный скрежет эмали. Уколов боятся, потому что больно? Нет, я теперь буду их бояться по другой причине — они несут смерть!

Игла впивается в бицепс, не в вену на этот раз — может, потому, что просто некуда? Там все перекрыто трубочками капельниц. Слезы медленно текут по щекам, дрожь сотрясает

тело, усиливаясь с каждым судорожным вздохом... МЕНЯ ХОТЕЛИ ЛИШИТЬ ЖИЗНИ!

Должна ли я строить предположения, кто бы это мог быть, кому выгодна моя смерть? Да каждому второму. Я совсем одна в этом замкнутом мире, полном смертельной опасности, и у меня нет сил с ним бороться — меня отучили быть сильной!

Я долго не могу уснуть, несмотря на успокоительные препараты. Наконец подобие здравого смысла берет свое от одного лишь риторического вопроса Лили — а хочу ли я поскорее отсюда выбраться? Я не знаю на него ответа. Я знаю только что ни здесь, ни там я не буду в безопасности. Я просто от этого отвыкла, у меня долгих две недели не было необходимости защищать себя с мечом в ладонях, и я разрешила себе поверить в самую горькую истину — в то, что так будет всегда. Хотя, наверное, мне просто не оставили выбора.

Препарат начинает свою расслабляющую атаку, размыкает стальной ошейник внутри горла, успокаивает напряженные мышцы. Так легко просто закрыть глаза и даже не осознавать, что ты выжила, что даже научилась выстраивать защиту в виде стальных перегородок — тебе пришлось, и этот навык остался с тобой навсегда. Они пока еще выдерживают натиск мук твоей вины и совести. Скрывают от твоих глаз графические файлы такого недавнего прошлого со случайной выборкой — смело перехваченный взгляд, поцелуй, после которого осталось ощущение, что раньше тебя не целовали вовсе. Это эндорфиновый шок, адский коктейль 50/50, который не позволил тебе сбежать сломя голову, он прописался в крови и подчинил себе все инстинкты, включая самосохранение...

Все равно я не могу спать. Сознание плывет в иллюзорных волнах фальшивого умиротворения, блокирует хаотичные мысли, а мой взгляд прикован к подоконнику. За тонкой гладью прозрачного стекла расплывчатые кисти льдистых облаков на ослепительно голубом небе. Словно зашифрованные карты спасительного маршрута в никуда, навстречу неизвестности — закономерного финала. Это либо билет в один конец, либо начало нового витка жизни. Там не будет боли. Не будет черно-серых теней, которые пьют мою волю к жизни, прячась за ширмой воспоминаний. Там осколки разбитой мечты станут частью одного целого, искрящимися льдинками в калейдоскопе, там холод стратосферы навсегда заморозит кровоточащие раны.

Я хочу туда. В эту недостижимую высоту, навстречу солнцу и слепящей лазури, но у меня больше нет крыльев. У меня не осталось ничего, и, наверное, даже желания жить. А ведь мне пытались помочь улететь... Если бы не подоспевшие на помощь врачи, я бы сейчас была там, наблюдая за отравляющей суетой покинутого мира с отстраненным спокойствием и легкостью. И там мы стали бы равны, потому что душу и сознание не удержать никакими цепями... Там покой. На такой высоте не дуют шквальные ветра, еще не сжигают солнечные лучи, а холод давно стал моим постоянным спутником, поэтому примет в свои объятия как родную. Меня влечет это небо, просто зовет к себе еще сильнее, чем прежде, после пресеченной попытки взлететь. Душа рвется в эту высоту, но тело держат на земле тонкие провода капельниц. Эвтаназия — криминал? Полноте, это милость. Я с трудом могу шевелиться после ядерных препаратов и последствий интоксикации, да и эффективная Лили притаилась в кресле негласным Цербером, я не успею даже встать...

Я смогу. Просто закрою глаза. Я больше не буду смотреть вниз, чтобы ни один из страхов не остановил, не оттолкнул прочь, не нанес нокаутирующий удар моей решимости. Рано или поздно я это сделаю. Когда никого не будет рядом. Это — выход.

Мне не нужна искалеченная твоими же руками жизнь без Тебя...

...Я часто видела в кинофильмах один и тот же, уже набивший оскомину сюжет: спасают пациента, именно спасают, но он угасает, а врачи только разводят руками — все сделали идеально, должен выжить! И потом кто-то произносит сакраментальную фразу: "он просто сам отказывается жить!" Так должно было, наверное, произойти со мной? Не произошло, потому что это жизнь, а не кино. Силы возвращались очень быстро, я физически ощущала бег обновленной крови, укрепление позиций всех защитных функций организма, а вместе с этим возвращение инстинкта самосохранения. Я часами вглядывалась в синеву небес, понимая, что никогда не вознесусь столь высоко, а за порогом смерти — тьма и неизвестность. Если бы там было так хорошо... Если бы мы смогли там встретиться снова — он не стал бы меня спасать. Не стал бы высекать неистовые крики из моего горла, чтобы меня обнаружили. Может, там настолько страшно и пусто, что мой рай сейчас на земле, даже если я приняла его за ад?..

Утром следующего дня ко мне пришла Лиля. Слабость еще ощущалась, вместе с головокружением и отсутствием аппетита, но трубки капельниц были сняты, и я передвигалась по палате, лишь изредка опираясь руками в стену, когда темнело в глазах. Правда, большую часть времени я сидела на подоконнике и вглядывалась в свод прозрачной лазури, словно ища подтверждения, что она больше не зовет меня к себе ментальным посылом отчаянного желания того, кого я полюбила впервые в жизни, и потеряла именно тогда, когда это осознала...

— Я хочу поднять тебе настроение, — Лиля хладнокровно обнимает меня за талию, буквально стаскивая с подоконника. Мне так легко читать ее действия между строк, она явно потеряла не одну сотню нервных клеток, решив, что я хотела повторить неудавшуюся попытку. Я смотрю ей прямо в глаза, и, наверное, прожигаю насквозь. Как говорится, с кем поведешься... Но уважение медсестре с психологическими знаниями, она переключает мое внимание с удивительной виртуозностью. Поднимает мою руку и цокает языком, качая головой.

— Никуда не годится! Завтра выписка, а у тебя...

Я смотрю на свои ногти с остатками лака. Маникюр был в той, прошлой жизни... Перед тем, как...

— Собирайся, отведу тебя в СПА. Забудешь все печали!

Она запретила мне солярий. Я не могу понять почему, ведь я спокойно загорала даже в критические дни, но не настаиваю. Мы в курортном городе у моря. Правда я смутно понимаю, что мне делать после выписки. Нет даже телефона, о деньгах я вообще молчу... Прилив сил нешуточный, но выдержать дорогу до Феодосии... Все эти мысли прекращаются, стоит только отдаться в руки массажисту, мастеру маникюра и парикмахеру после бассейна. Сауну мне тоже по непонятным причинам запретили.

Когда кресло разворачивают к зеркалу, приступ паники едва не подбрасывает на месте. Но вместе с этим... Я не узнаю в отражении эту девочку с красиво уложенными распущенными волосами, кажется, их слегка осветлили. Дрожь ужаса зарождается в конечностях, и я ловлю в зеркале взгляд мастера парикмахерского искусства. Она улыбается, и чувство безопасности гасит так и не набравшую обороты паническую атаку.

А утром меня ждет очередной шок... Но я еще об этом не знаю. Собираю вещи в чемодан (тоже не мой, откуда взялся, неизвестно!) при помощи Лили, с которой, будь я в адекватности, мы бы могли очень крепко подружиться. Впервые за все время, что я здесь, мне хочется улыбаться — но это такое кратковременное явление, что я его едва замечаю.

Прощаюсь с психиатром Стерховым, получив ценные рекомендации (дойдут до меня спустя пару недель), с моим лечащим доктором (не помню имени), обнимаю Лиллю и даже пытаюсь улыбнуться главному врачу, который как-то заискивающе поздравляет с выздоровлением.

— А куда мне идти? — только сейчас вспоминаю, что идти мне некуда... и не на что.

— Тебя ждут в холле. Я записала тебе свой телефон, он в отсеке для бумаг, захочешь поговорить, звони! — тепло улыбается несостоявшаяся подруга. Чемодан мне взять не позволяют, его легко поднимает за ручку один из секьюрити.

"Тебя ждут". Неужели они связались с матерью? Эта мысль вызывает улыбку, пока мы спускаемся вниз в зеркальной кабине лифта, а я цепляюсь взглядом за бейдж охранника, словно там описан секрет улыбки Моны Лизы. Зеркальная клаустрофобия, к счастью, заканчивается быстро, но сердце оголтело стучит, когда он вежливо прощается со мной и уходит. Кажется, только киваю, не в силах что-либо сказать. Способность говорить вернётся ко мне через пять... Четыре... Три... Два...

Первое, что я замечаю — цветы. Белые розы на длинных стеблях. Это глупо, но я инстинктивно их пересчитываю. Пять. Вспышка облегчения по нервной аритмии — только затем, чтобы в следующий момент запустить скоростной бег сердца по новой.

— Вы? А что вы здесь делаете?

Испугалась? Растерялась? Все и сразу в квадрате. Я не трогаюсь с места, понимая, что к испугу и невысказанному предположению примешивается еще и ярость.

Он выглядит потрясающе, словно сошел с обложки глянцевого журнала Форбс. Неизменный костюм. Галстук. Идеальная прическа. Почему мне хочется позвать на помощь и слиться со стенами, только бы его не видеть?

— С возвращением, Юля. — Он делает шаг мне навстречу, а перед глазами плывут строки из микса гугловской информации о передаче прав на нижнего партнера и прочие циничные кошмарные постулаты. Но ярость в малой дозе не дает мне броситься наутек.

— С возвращением куда?

Я не замечаю, что он подошел очень близко, только вздрагиваю, когда на руки ложатся прохладные стебли без шипов. В его глазах нет угрозы, в них опровержение всем моим опасениям, но я очень хорошо помню, кто он и что из себя представляет! Слова слетают с губ поспешно, словно я пытаюсь его остановить.

— Вы отвезёте меня домой? Моя мама здесь?

Нет арктического холода, нет обжигающего кипятка двойного эспрессо. Его взгляд похож на тепловой сканер, который согревает и призван успокоить. Если бы еще и слова не расходились с делом!

— Юля, к сожалению, сейчас это невозможно.

До меня доходит не сразу. Я оглядываюсь по сторонам в поисках непонятной поддержки. В холле медицинского центра нет никого, кроме нас двоих. Тугая спираль затягивается на горле, и ярость вместе с паникой не дают мне молчать.

— Я никуда с вами не поеду!

— Юля, успокойся, пожалуйста. Ты еще очень слаба. Сейчас не стоит возвращаться домой.

— Тогда какого члена меня выписали?! — укол вины за произнесение подобных слов рядом с ним, прикусываю язык... Глаза застит темная пелена. Не сбежать, никуда не скрыться. Стены холла плывут перед глазами, и я тотчас ощущаю его ладони на своих плечах...

— Сядь! — ласково, но непреклонно. Шум в ушах, волновой откат, перед тем как взгляд упирается в плитку пола. — Мы сейчас сядем в машину, и ты расскажешь мне, что тебя так испугало. Договорились?

— Никуда не поеду! — я пытаюсь сбросить его ладони, и у меня это получается с первой попытки. — Оставьте меня здесь! Я еще не выздоровела!

— Юля, тебе нельзя здесь оставаться. Ничего не бойся.

Роняю розы на пол. Моргаю, наблюдая контрастную картину — белые бутоны на сером керамограните.

— Я сказала, не поеду никуда!

— Это не обсуждается. — Знакомые стальные нотки в голосе. Так, что ли, он пытается меня успокоить? Ни фиги себе! — Ты сможешь сама идти? Тебе легче?

Я перестаю его слышать. Шепчу, как заведённая, "нет" на все его вопросы. Так может продолжаться бесконечно долго.

Внезапно теплые пальцы ложатся на мой подбородок. Крепким подчиняющим жестом. От шокового выстрела в сердце я не могу даже дышать. Картины одна страшнее другой вихрем проносятся перед глазами. Это начало... Он даже не стал скрываться... Сразу показал, что последует дальше!

Но когда он говорит снова, в его голосе ни тени раздражения или злости. Гипнотическая ласка, неотвратимой паутиной тотального контроля.

— Ты хочешь жить? Если да, будь хорошей девочкой и позволь мне увезти тебя в безопасное место, пока все не закончится!

Глава 3

Вам знакомо это пренеприятнейшее ощущение, когда хочется бежать, скрыться, на крайний случай — шагнуть на плаху с достоинством и грацией Марии Стюарт, а мышцы сковывает парализующим протестом? Ни от чего он не уберезет, максимум, на что он способен — согнуть плечи, колени, опустить ресницы и заставить передвигаться скованными, неуверенными рывками. Может быть, все это потому, что в сознании еще звенят безапелляционные аргументы Александра?

"Ты хочешь жить?" Я не знаю, что ему ответить... Я только понимаю, что да. Хочу. Суицидальные мысли о полетах с высоты сошли на нет, может, в этом заслуга седативных препаратов, а может, в двух шагах от смерти я научилась ценить жизнь. Память щадит меня, лишь изредка атакуя детальными сценами прошлого, и я не хочу думать, что же будет, когда последние капли антидота выведутся из моей крови. Может, все это сейчас временно капитулировало перед лицом новой, вполне осязаемой угрозы?..

Уязвимые кремово-белые бутоны на глянцевой плитке. Это мой спасательный якорь, попытка зацепиться взглядом и сознанием за отвлекающий маневр судебной рокировки. Хорошая попытка, но долго продолжаться так не может. Властный захват подбородка, теплые пальцы, едва заметный повелительный нажим не позволяют разглядеть тонкие прожилки на лепестках роз, я хочу зажмуриться, но не могу. Повинуюсь ласковому давлению этих пальцев, инстинктивно расслабляю шею. Мне ведь снова не оставили выбора, правда? Можно сделать то, что он от меня ожидает... Опустить взгляд в пол, пусть читает психоделию напуганных мыслей на моем лице, ищет их тень в едва заметных мимических морщинках грусти, в плотно сжатых губах, дрожащих ресницах, побледневших щеках, пусть получит свою дозу кайфа под названием "торжество сильнейшего", только не просит невозможного...

Но я не могу понять, что происходит уже в следующий момент. Отчаянная смелость? Ментальный крик "rise of revolution" приговоренной к смерти ополченки? Или новый вирус масштабного подавляющего интеллекта пробил защитную оболочку, разорвав реальность неуловимым слуху ультразвуком с посланием "доступ разрешен"?

Я смотрю прямо в серо-зеленое отражение собственных глаз. Они почти такого же цвета, и если сосредоточиться только на этом, то кроме цвета, не замечаешь ничего: ни его задумчивости, ни мудрости, такой непостижимой, что рядом с ним чувствуешь себя школьницей. Не замечаешь сенсорной сетки, от которой не скрыть ничего. Как мгновение назад — на бутонах роз, я сейчас сосредоточена на детальном разглядывании радужки этих глаз, в которых, несмотря на вкрапления серого, нет ни льда, ни ртути, ни платины. Что я хочу отыскать в их глубине? Уверения, что мне ничего не угрожает? Сложенные крылья спустившегося на землю архангела? Подтверждения, что не стоит судить о людях по первой встрече, что не все, кто тусуется в подобных клубах, ставят себе целью ломать волю, сгибать в позу покорности и требовать твою душу без остатка в абсолютное владение? Я даже не замечаю, как размыкается захват длинных пальцев, как уходит сковавшее плечи напряжение. Может, правы психологи, утверждающие, что зеленый цвет успокаивает и дарит ощущение безопасности?

Они никогда не сталкивались с определенным обладателем глаз такого цвета!

Ужас взрывается разрядами паники, стоит только опустить взгляд. О чем я думала? Еще

это ощущение гребаного дежавю. Никогда, Юля, никогда больше не смей даже доли секунды смотреть в глаза тем, кто сильнее тебя! Забудь глупую мудрость, которой наполнены социальные сети, в стиле "у меня есть грудь, все, я победила", "меня трудно найти, но легко потерять", "я проткну твое сердце взглядом"! Далеко ты ушла путем демонстрации необоснованной самоуверенности с тем, кто был слабее этого человека в десятки раз?

Александр терпеливо ждет. У меня даже ощущение, что он накрыл меня куполом неосязаемого защитного биополя, передав таким образом часть своего спокойствия. Я не хочу ему поддаваться, но эта передышка необходима, она выравнивает пульс и судорожное дыхание, а неоднозначность новой угрозы блокирует депрессивные мысли.

— Все хорошо? Ты сможешь сама идти?

Я киваю, пытаюсь прогнать из воображения комичную и одновременно пугающую картину — я, перекинутая через плечо завоевателя в дорогом костюме, который уверенно несет меня в свою пещеру, наверняка формата люкс. Что произошло? Мне захотелось ему поверить? Или я просто не вижу иного выхода из сложившейся ситуации? Наверное, инстинкт самосохранения сейчас безжалостно отвоевывает обратно недавно сданные без боя крепости, видит главную цель — выжить любой ценой, и с презрением преодолевает даже самые ужасающие препятствия... Мои руки тянутся к разбросанным по полу цветам, но Александр останавливает этот порыв осторожным прикосновением к плечу. Несколько уверенных движений, взгляд снизу вверх, так стремительно, что я не успеваю отреагировать, и только чудом не вжимаюсь в кресло в попытке стать невидимой. Длинные стебли в сильных руках, кремовые бутоны с контрастным вызовом на фоне черной ткани костюма. В холле так никто и не появился, а я слишком напугана, чтобы понять причину этого, сердце делает мертвую петлю с мимолетным испугом камикадзе со стажем, когда я вижу протянутую мне ладонь. Ненужная ассоциативная цепочка — иная трактовка этого жеста, прописанная на уровне выжженного болью и слезами рефлекса. Прикоснуться губами и отвоевать для себя хотя бы сутки спасительного неведения о дальнейшем.... Мои пальцы обволакивает теплом, когда я наконец понимаю, чего же от меня хотят, обреченно вкладываю ладонь в безопасный захват мужской руки, борюсь с головокружением, прекрасно понимая, что, если он заметит мою слабость, наверняка будет держать за плечи... Или вообще подхватит на руки. Меня пугает не столько его присутствие, сколько вероятные прикосновения. Отстраненно наблюдаю, принимая букет обратно, как уверенно он берет выдвижную ручку чемодана «Луи виттон», все еще втайне надеясь, сама не зная на что. Может, на появление доктора с протестом "мы ошиблись, ее еще рано выписывать!", или на то, что сейчас в холл ворвется моя мама, которая точно не позволит увезти дочь в неизвестном направлении? Ничего этого не происходит. Медленные шаги, семь метров спасительной прохлады медучреждения, неумолимо распахнувшиеся раздвижные двери с последующей атакой солнечного света по беззащитной сетчатке. Сам воздух на улице раскален от полуденной жары, но меня прошибает иглами протестующего озноба, когда взгляд упирается в припаркованную напротив гранитных ступеней «ауди», сверкающую глянцевым блеском. Как только я окажусь в этой машине... как только за мной захлопнется дверь автомобиля... Мне просто некого будет просить о помощи!

Полуденная сиеста... В парке безлюдно. От беспощадной жары умолкли даже птицы, а мне кажется, что они напуганы присутствием абсолютной силы, противостоять которой у меня нет ни малейшего шанса. Выбор очевиден. Либо смерть, либо... Да, Юля, произнеси это вслух. Ты не понимаешь, что спасти тебя за просто так никто бы не стал? Он многое

сделал для тебя — ведь не было допросов, было роскошное медицинское сопровождение, наблюдение у светил науки и райские условия. Ты всерьез полагаешь, что тебя отвели в спа-салон только для того, чтобы поднять настроение? И бразильскую эпиляцию сделали именно с этой целью? И подкорректировали цвет волос, не спросив твоего мнения, тоже совершенно случайно? Или прилежно выполнили список требований того, кто распорядился подготовить тебя к... К чему? Да, Юля, ты всегда была реалисткой! Хотя чего уж там, к светским беседам между этим делом наверняка тоже... С таким лоском светского денди и показательными безупречными манерами...

Мне надо бежать, а я словно остолбенела. Вижу, как из авто выходит, судя по всему, водитель, чтобы аккуратно погрузить сумку в багажник. Меня сковывают мнимые порывы ледяного ветра на тридцатиградусной ялтинской жаре, и все равно я продолжаю покорностоять на ступеньках, прижимая к груди букет белых роз, словно это сможет как-то защитить от происходящего.

— Юля? Тебе плохо? Разреши, я помогу. — Александр уверенно и неумолимо разжимает мои судорожно сжатые на гладких стеблях холодные пальцы, отнимая последнюю преграду. Инстинктивно, в неосознанном порыве закрыться, обхватываю свои плечи руками и с настойчивостью обреченной жертвы смотрю ему прямо в глаза, ища в них то, что хоть ненадолго сможет меня успокоить. Я устала носить маски, наверняка весь мой ужас сейчас считан им в полном масштабе.

— Ну, что такое? — Медленно качаю головой, я не хочу этой ласки глубокого обволакивающего тембра. Неужели ему нужно это все пояснять? Я устала, просто смертельно устала сопротивляться тем, кто сильнее. Я знаю, что за просто так могут только улыбнуться, и то преимущественно фальшивым оскалом. За любую милость, которую даже осознанно не выпрашивала, всегда нужно платить. Можно сколько угодно скрывать меркантильность за ширмой чинного благородства, сострадания к ближнему, но в бескорыстность меня отучили верить раз и навсегда.

Страх и безысходность мечутся в крови неумолимым тандемом, а я продолжаю смотреть в его глаза, прекрасно понимая, что их покровительственное выражение — всего лишь беспощадный фейк, и не стоит даже думать, что взгляд останется таким же, как только я окажусь на его территории. Из последних сил пытаюсь хотя бы морально подготовить себя к тому, что последует дальше, сжимаю губы, делая отчаянную попытку представить, принять... Цепляюсь за притянутые за уши глупые факты... Подтянутое тело. Безупречные манеры. Притягательная харизма. Большой опыт... Он даже младше Вадима, судя по внешности — нельзя с уверенностью сказать, сколько именно ему лет, опыт общения со зрелым мужчиной был...

Нет. Вашу мать, трижды, четырежды, в степени N — нет! Одно его прикосновение убьет на месте. Надеюсь, в его "безопасных" апартаментах имеются окна, а сама люкс-пещера находится, как минимум, на десятом этаже! И за стеклом такое же манящее голубое небо, где никто не посмеет заставить меня делать то, чего я не хочу!

— Юля, садись, прошу тебя. — Непроизвольно вздрагиваю от прикосновения к запястью. — Я решу этот вопрос, и сразу отвезу тебя домой. Обещаю. У тебя нет причин бояться.

Конечно, нет. Вот ни одной причины, кроме вашего вторжения в мою жизнь! Мне хочется сбежать, рвануть со всех ног в спасительную прохладу холла клиники, а перед этим, наверное, столкнуть его с лестницы под изумленным взглядом все еще невозмутимого

водителя. Но вместо этого я сбрасываю его руку и делаю отчаянно-решительный шаг вперед. Мне трудно решить, что сейчас в большем приоритете — смерть... или же насилие. Но я к нему привыкла, разве нет?

Александр открывает дверцу автомобиля, остановив жестом водителя, и я обреченно опускаюсь на прохладную кожу пассажирского сидения. Ни о какой грациозности сейчас не может быть и речи, а ведь раньше я умела красиво садиться в авто. Кондиционированная прохлада усиливает психологический лед, а я из последних сил успокаиваю себя тем, что, пока мы в дороге, ничего ужасного не произойдет. Не посмеет же он при посторонних? Когда он садится рядом, меня накрывает новой волной мимолетной паники. Этому и амфитеатр, полный зрителей, при большом желании не преграда.

— Денис, будь любезен, дай плед. — Что?! Зачем?! Вдавливаю в ладонь ногти со свежим маникюром, потрясенно наблюдая, как водитель уверенно извлекает из чехла покрывало в шотландскую клетку. — Юлия замерзла. И отключи климат.

Парализованная первобытным страхом, я неосознанно ищу подтекст в каждом слове и действии. Мягкая шерсть окутывает плечи, и я сейчас благодарна Александру за то, что он, намеренно или случайно, не касается моей кожи, укрывая тело от прохлады салона. Ауди плавно трогается с места.

В его руках розы. Стебли настолько длинные, что трогательные бутоны ложатся на мои колени, и я, повинувшись безотчетному инстинкту чем-то занять свои руки, глажу кремовые лепестки. В легком полумраке тонированных стекол они кажутся темнее. Белый — цвет чего-то хорошего, нового. Только меня не обмануть, никогда не уйдет из памяти гибель белой орхидеи, безжалостно зажатой в сильной руке...

— Тебе удалось поспать? — нейтрально спрашивает Александр. — Слабости, головокружения больше нет?

Во всем двойной смысл. Новый хозяин переживает, что не сможет попользоваться своей игрушкой в эту же ночь? Конечно, он очень долго ждал, но, возможно, продолжит играть в благородство, пока я не восстановлю силы и не выплусь, чтобы, не дай бог, не отключиться в самый пикантный момент предстоящей сцены...

— Все хорошо. Спасибо. — Стягиваю плед на груди с провальной попыткой сосредоточиться на бегущей под колесами дороге. Пока еще есть возможность продолжать почти светскую беседу в ожидании — я очень надеюсь, что, прежде всего — разговора. У него наверняка хватит такта и выдержки, чтобы не наброситься прямо с порога. Я не знаю, как себя вести. Плакать? Просить? Кричать? Или изобразить сомнамбулу, может, отпадет всякое желание?

— Все еще холодно? — Я только сейчас замечаю, что дрожу. — Денис, будем проезжать "Даллас", останови. Там очень хороший кофе, — это адресовано мне. Киваю, пытаюсь улыбнуться, но не уверена, что получается.

Когда машина останавливается, я испуганно смотрю в окно. Нет, это, по-видимому, еще не пункт назначения. Отель-ресторан с летней террасой.

— Что бы тебе хотелось? Эспрессо? Капучино?

— Латте, — поспешно произношу я.

— Денис, ты слышал пожелание Юлии. Мой вкус тебе известен. — Я, скорее по инерции, провожаю взглядом водителя. Что-то выбивается из общей картины... Под пиджаком, справа... Я не хочу даже об этом думать! Пистолет! Трясу головой.

— Кто? — мне нужно хоть что-то сказать. Отвлечься. Я надеюсь, что не получу

исчерпывающего ответа, так как пока я к этому просто не готова! — Кто хотел меня убить?

Тотчас сожалею о своем вопросе. Потому что Александр смотрит мне в лицо, и в этот раз мне не хватает сил выдержать его взгляд. Отворачиваюсь, надеясь, что непримиримость и жестокая хладнокровность мне только показались.

— Юля, кто бы это ни был, тебе не стоит ни о чем переживать. В ближайшие дни он откажется от своих намерений. Не думай об этом.

— Вы его убьете? — нет, а что такого? Резонный вопрос. Особенно в том случае, если позволяет отвлечься.

Я чувствую, что мой собеседник улыбается. Почти с умилением. Но разглядываю фасад здания ресторана, отказываясь повернуть голову и подтвердить свои догадки.

— Насилие — не всегда метод, Юля. — Да, конечно! А в тот клуб вас занесло в качестве проповедника украинской христианской церкви против насилия и разврата. И вообще, это ширма, там все ангелы, только крылья в стирке, а нимбы на подзарядке! — И, поверь, у меня есть дар убеждения. Иногда переговоры оказываются куда продуктивнее.

— А я знаю иную трактовку, — Юля, закрой рот! Не играй со зверем! — Переговоры — это, конечно, хорошо, но револьвер убеждает куда быстрее...

— Марио Пьюзо любил философствовать на подобные темы, — вот уж чего не ожидала, так этого! Поворачиваюсь, забыв о страхе перед взглядом. Он улыбается, и я даже в полумраке могу разглядеть морщинки мудрости в уголках зеленых глаз, их росчерк едва заметными лучами к вискам, и, гори оно огнем, улыбаться ему идет больше! Я даже не понимаю, что его глаза сейчас гипнотизируют меня, подчиняя, но лишь потому, что не могу не улыбнуться в ответ! Кажется, в салоне резко теплеет на несколько градусов, а напряженные мышцы получают ментальный приказ на медленное расслабление.

Зависшая временная петля, нет, даже не так — новая программа прошла проверку сканером расшатанной психики. Минуту назад я боялась до безумия, сейчас же... Это пока что просто реакция организма, он не может находиться в постоянном стрессе, он расплел узлы вполне обоснованного ужаса, чтобы не перегореть от локального напряжения.

Водитель по имени Денис возвращается с двумя термокружками, а расслабившееся сознание сейчас дезориентировано временным позитивом, и у меня мелькает мысль, что ему бы больше подошло имя Дэннис, на американский лад. Кофе на самом деле очень вкусный. Даже чем-то похож на тот, что я пила в клубе, когда мы впервые встретились, и от осторожных глотков действительно становится теплее... А может, латте здесь ни при чем, может, парой фраз мы достигли пока еще шаткого, но взаимопонимания? Я не могу еще знать, что у него дар изменять реальность в каждом отдельно замкнутом пространстве, отбирать тяжелые эмоции и накрывать невидимой сетью под названием "все будет хорошо", сейчас проще все это списать на защитные силы организма. Мне удастся на время заблокировать все свои страхи, когда автомобиль выезжает на горный серпантин с раскинувшейся гладью серебристо-голубого моря внизу, спуск утопает в зелени кипарисов, а панорама величественной Ялты с коттеджами, высотками и отелями с причудливой архитектурой остается за спиной. Ай-Петри скрыта туманом, низкие облака, едва заметные нити фуникулера. Интересно, мне удастся там побывать? Вполне вероятно, если...

Я едва не проливаю кофе. Нет, всем опасениям и страхам так быстро не исчезнуть, не испариться, возможно, они уничтожат меня изнутри, толкая на необдуманное безумие. Я не знаю даже, что было бы предпочтительнее — чтобы все мои мысли о незавидном будущем наконец получили свое подтверждение как можно скорее, или же стоит растянуть их во

времени, всеми силами отодвигая неизбежность. Я обжигаю небо и язык судорожным глотком все еще горячего латте, заметив, что мы съехали с окружной дороги. Солонотерпкий аромат моря все сильнее, крики чаек, кажется, прямо над головой. Асфальтированная дорога идет по тенистой аллее с магнолиями, рододендронами и кипарисами. Пальцы судорожно сжимаются на обманчиво теплой термокружке, когда я понимаю, что это путь к коттеджному поселку. С такими местами у меня никогда не было связано ничего хорошего: Владимир и вечеринка, с которой пошел неумолимый отсчет до моего уничтожения, харьковская резиденция Лаврова, где мне не оставили никакого выбора и, апофеоз этого затянувшегося фарса — Симеиз, где я окончательно уничтожила себя в агонии обреченного на провал противостояния с ним. Впрочем, его тоже!

Почему все это время я так и не вспомнила о Димке? Ответить на этот вопрос было просто. Инстинкт самосохранения, страховка всех систем сознания в попытке выстоять и не сломаться после того, как собрали пазл психики практически по кусочкам. Мне хочется заполнить неловкую паузу, разогнать кварки собственной тревоги, но ужас вернулся. Я боюсь прочесть свой приговор во взгляде Александра. Вопрос о том, уверен ли он, что Дмитрий погиб, умирает на губах, оставшись произнесенным. Я подумаю об этом потом. Пока что... мне надо либо спастись, либо пережить предстоящий ад с гордо поднятой головой.

Юля, какая на фиг гордость? У тебя ее давным-давно отняли! И уже никогда не вернут, потому что тот, кто был в состоянии это сделать, мертв... У тебя даже забирать нечего. Только жизнь, но, как показывает практика, никто этого делать не будет. Живая ты куда интереснее и ценнее для нового Хищника самого высокого уровня...

— Мы приехали, — вздрагиваю от спокойного, кажется, даже вкрадчивого тембра Александра. Денис открывает ворота, набрав на пульте комбинацию кода.

В другое время меня восхитил бы этот дом в древнегреческом стиле, но сейчас... Я не знаю, что ждет меня за этими мраморными колоннами, за прохладной тенью роскошной лоджии, в лабиринте его комнат. Возможно, солнечный свет я теперь увижу только сквозь стекло... В лучшем случае!

— Возьми букет, — деловито распоряжается Александр. Перебросив пиджак через сгиб локтя, Денис легко подхватывает сумку, сложив сверху не потерявшие свежести розы, и уверенно направляется к дому. Мне кажется, я вижу в тени колонны женскую фигуру, но разобрать трудно. Щелчок открываемой дверцы, протянутая ладонь, снова шокирующая ассоциация... Я цепляюсь взглядом за спасительный якорь — золотой перстень на его пальце в виде... кажется, это изображение египетского божества (то ли волк, то ли собака, красивое ювелирное изделие со вставками из темной эмали). Судорожно сглатываю, сообразив, что пока еще никто не отнимал у меня права вложить свою ладонь в его руку. Пока! Боюсь, дальше галантные жесты приобретут зловещий смысл...

После кондиционированной прохлады автомобиля полуденный зной бьет на поражение. И без того от тревоги задерживаю дыхание, непонятно, что добьет сильнее! Его пиджак небрежно отброшен на кожаное пассажирское кресло поверх пледа, но, судя по невозмутимости, кажется, даже жара таким людям нипочем.

— Извините. — Поспешно вырываю свою ладонь. Дайте мне хоть несколько драгоценных минут, оставьте в покое! Прекратите прикасаться под любым предлогом! Незаметно вздыхаю от облегчения, когда он не пытается возразить. Я стараюсь не отставать и одновременно не вырываться вперед, просто в памяти некстати всплывает один из

тематических постулатов. Не помню точно, с какой именно стороны и в скольких шагах от хозяина положено находиться рабыне, я из последних сил стараюсь не допустить даже намека на подобный исход... прежде всего, для себя! На последней ступени я останавливаюсь, повинуюсь безотчетному порыву оглянуться назад... Вижу равнодушную гладь моря, подсвеченная солнцем, она слепит глаза. Белые фигурки катеров вдаль. Я смотрю на эту панораму, словно она одна может успокоить, погасить панику и придать силы, чтобы шагнуть в гостеприимно распахнутые двери моего нового... прибежища? Или камеры заточения?

До меня не сразу доходит, что не я одна упиваюсь этой природной идиллией. И что весь размах его благородства не измерить никаким эталоном. Проходит, наверное, не меньше десяти минут, но он меня не торопит. Даже не произносит ни слова, также задумчиво созерцая бесконечную морскую гладь, опираясь локтями о резные бортики мраморных перил. О чем он думает? О зыбкой относительности всего в этом мире... Или рисует в воображении картину, где Юля Беспалова, увешенная цепями, главный экспонат?

Я не придумываю ничего лучше, чем кашлянуть в кулак, привлекая его внимание. Чувство мимолетной вины контрольным выстрелом по отсекам уставшего сознания — ему вряд ли комфортно на полуденной жаре в приталенной рубашке с длинным рукавом. Тем не менее он дал мне эту необходимую, как кислород, передышку, и даже не оставил одну на пороге пугающего дома. Хотя может, опасался, что я брошусь наутек?

Огромный холл с витыми лестницами к верхним ярусам, здесь тоже все выдержано в стиле Древней Греции. Белый мрамор пола без покрытия, кремово-белые кожаные диваны с небольшим фонтаном по центру холла. Панорамные окна в полную высоту, невесомые гардины — почти так любят рисовать на картинах Эдем. Мне хватает беглого взгляда, чтобы унять взбесившееся сердцебиение. Ну а что я ожидала здесь увидеть? Черные каменные стены, пентаграмму-триксель на потолке и цепи вместо светильников?

В одном из кресел расслабленно устроился Денис, уткнувшись в планшет, со стаканом в руке. Эта картина настолько не вязалась с моим представлением о субординации и отношениях в стиле слуги-хозяева, что брови непроизвольно взметнулись вверх. Я, воспитанная на фильмах о красивой жизни, где наемному персоналу было запрещено даже пить кофе с хозяйских столов, ожидала, что водитель-охранник вскочит по стойке смирно, завидев Александра, но ничего подобного не произошло.

— Что стряслось в мире за наше недолгое отсутствие? — без всякого скрытого смысла поинтересовался Александр, остановившись рядом со мной. Денис, не отрывая глаз от экрана, пожал плечами.

— Да все то же. Паника на фондовых рынках. И что-то не хотят наши русские братья оставить Крым в покое. Чего-то нам не договаривают.

— Вот сколько раз зарекалась не обсуждать политику, и, похоже, это мудрое решение! — я повернулась на звук энергичного женского голоса. Наверняка эта немолодая женщина со стильной укладкой, похожая на президента Литвы добродушной интеллигентной улыбкой и королевской осанкой, находилась здесь с самого начала, только я была слишком напугана своими негативными мыслями, чтобы ее заметить.

— Виталина Константиновна, знакомьтесь, это Юлия, — представил Александр, и только благодаря ауре позитива этой приятной леди в светлом костюме я не вздрогнула от прикосновения его ладони к своему плечу. — Наша гостья. Юлия, а это богиня нашего уюта. Экономка и очень хорошая женщина. — При последних вежливо-искренних словах Алекса

леди в белом лишь польщенно кивнула головой.

— Здравствуйте, — наверное, я впервые за все время улыбнулась искренне, наконец осознав, что никто не потащит меня за волосы в подвал для изоощренных надругательств. По крайней мере, не сегодня. Присутствие этой женщины словно перечеркивало собой весь надуманный мною кошмар.

— Добрый день, Юлечка, если удобно, зовите меня по имени, — Виталина подошла ближе, вопросительно взглянув на Александра.

— Покажите Юлии ее комнату, — распорядился хозяин дома.

— Конечно. Обед в зале, как и прежде?

— Да. Полчаса?

— Как скажете, все готово, займусь сервировкой. Юленька, пойдете со мной. — Мне не надо было повторять дважды. Поднимаясь вслед за Виталиной по лестнице, я старалась не заикливаться на ощущении взгляда, от которого позвоночник покрылся испариной. Юля, возьми себя в руки! Он вряд ли накинется на тебя при наемном персонале, какие бы панибратские нравы тут не царили. Мы поднялись на второй этаж, когда экономка открыла одну из резных дверей, приглашая меня войти.

— Вау! — не сдержалась я при виде спальни, которая занимала никак не меньше 50 квадратных метров. Изогнутая дугой внешняя стена была сплошь из стекла. Легкий ветерок колыхал белоснежный шелк занавесок, а на открытой лоджии стояли стулья из тонкого ротанга. Стены, выдержанные в лососево-бежевых оттенках, обеспечивали ощущение уюта, а в кровати, наверное, могли поместиться трое. Трое? Да твою ж мать! Неужели это не закончится?! Я сойду с ума от своей долбаной уязвимости!

— Юленька, все хорошо? Присядьте, вы побледнели. — Виталина усадила меня на эту самую постель и, налив в стакан воду из графина, вложила в мои дрожащие пальцы. Я сделала несколько жадных глотков. Бесценный опыт! Именно так гасил все мои истерики Димка.

— Ваши лекарственные препараты нужно пить только после приема пищи, — с сожалением заметила богиня домашнего уюта. — Отдохните с дороги. Я пока займусь вашим багажом.

Необходимая мимолетная передышка. Я отстраненно наблюдала, как Виталина, раздвинув створки большого шкафа-купе без зеркальных панелей, ловко развешивала на плечиках мой нехитрый гардероб.

— Здесь душ, — указала она рукой на дверь матового стекла. — 20 минут до обеда, располагайтесь. Я зайду за вами.

Я быстро оглядела стены в поиске дополнительных дверей и, не обнаружив ничего похожего, вздохнула с облегчением. Контрастный душ — все, что мне нужно, чтобы прийти в себя и прогнать навязчивые страхи, по крайней мере, мне так казалось. Раньше всегда срабатывало. Правда, я не удержалась, перемотала дверную ручку полотенцем из опасения, что... Что произойдет именно то, чего я так боялась с самого начала! Но все это было зря — никто не покушался на мое личное пространство. Стянув волосы на затылке, избегая взгляда в запотевшее зеркало, я натянула то же самое платье, в котором приехала. Обед в его компании. Наверное, сейчас будут расставлены все точки над *i*. Тебе помогли, тебя вылечили, а не выкинули на улицу, пора обсудить дальнейшие перспективы.

Испытывать ужас я, похоже, разучилась, а может он уснул, одурманенный успокоительными. Вместо него в крови растворялась безысходность и вынужденная

покорность, мерзкое чувство, разлетавшееся с каждым ударом сердца на микроны жалящих ледяных иголок. Они не причиняли никакой физической боли, но добивали точечной атакой ослабленный самоконтроль, подначивали панику, вызывая одно-единственное желание — забиться в угол. Две недели в Симеизе сломали меня куда сильнее, чем я полагала, "стокгольмский синдром" пустил свои отравленные лианы глубоко в душе, укореняясь, впитывая целебный сок, осознав прошлые промахи. Если с Димкой я сражалась, как одержимая, неосознанно просчитав все его слабые стороны, то перед лицом новой угрозы я просто сдалась заблаговременно. Выстоять против такого человека было изначально невозможно, а второго раунда боя за собственную свободу я просто не смогу выдержать. Отбиваться, прятаться по углам, провоцировать своим сопротивлением глубоко спрятанный мрак — значило обречь себя на путешествие по новым кругам ада, тогда как всегда можно договориться и не злить. Отключить сознание, принять неизбежность всеми фибрами души и заранее запретить детские иллюзии.

Никто и никогда не станет помогать просто так. Более того, могут оказать видимость помощи, тогда как тебе не угрожает практически ничего. Взрастить внутри комплекс вины, сыграть на заложенном в детстве механизме. За конфетку всегда нужно сказать спасибо. Дали списать контрольную по арифметике — или расставить в знак благодарности знаки препинания в его диктанте, или не бить портфелем по голове, когда тот же благодетель на перемене вырывает тебе косы. Соседка-сплетница целую неделю не называла "шлюхой", но намекала, что некому помочь со сбором яблок — на передовую, старших надо уважать. И зачем далеко ходить, как говорится! Декан факультета, которой добрая половина студентов готова воткнуть в спину нож, дружески к тебе расположена и называет твой беспредел с сигаретами и прочими радостями "бери от жизни все" — и ты уже ни за что не сбежишь вместе с группой с ее лекции, даже если на улице весна, а пить слабоалкогольные коктейли у Вечного Огня — высшая форма релакса. Тебя бесит приятельница Лекси своей подчас непроходимой глупостью, но ты делаешь вид, что умиляешься этому, ибо она — твой проводник в мир крутых ночных клубов и высшее общество, где парни-ухажеры не считают копейки до стипендии. Ты всю жизнь доказываешь маме, что хорошая, никакая не шлюха, просто очень хотела бы вырваться из нищенского прозябания... Ты постоянно что-то кому-то должна. Да, в этот раз тебя не спросили, просто ему ничего не стоило спасти, с такими-то возможностями. С такими людьми банальным "спасибо" не отделаться, лучше это принять сразу и не строить никаких иллюзий. Остается только надеяться на его благоразумие. Вряд ли он перечеркнет работу лучших психиатров проявлением неконтролируемой ярости...

Серебристо-голубое море под куполом небесной лазури. Ноги сами принесли меня на лоджию. Солнце жгло все так же нещадно, но я с непонятым восторгом созерцала этот прекрасный пейзаж. Кто знает, какими глазами я буду на него смотреть после нового удара судьбы? Вполне возможно, что просто перестану замечать красоту природы. Новый шлейф абсолютно чужой тьмы намертво закрепит мою тень за железной волей того, кому вряд ли кто-либо в этой жизни осмеливался говорить слово "нет". Интересно, судьба бы отвела от меня это испытание, если бы я тогда, впервые, не обернулась и не осмелилась посмотреть в его глаза? Как там пишут в женских журналах? "Настоящая стерва никогда не упустит возможности обаять чужого мужчину?" Получилось? В цель? Почему ты не радуешься сейчас? А, ты не знала, что бывают жертвы, а бывают охотники... Девочка моя, так ведь незнание законов не освобождает от уголовной ответственности! Ответ себе, стоила минута эгоцентричного торжества таких последствий? Да тебя уже давно прочитали между строк,

береги острые шипы уязвимой психики, не пытайся казаться тем, кем быть не можешь. Отключи все, что можно, иначе снова сгоришь в огне своих переживаний и надуманных кошмаров.

А ведь я больше не боюсь огня... Куда страшнее лед цвета платины и ртути.

— Юленька? — я обернулась на голос Виталины. — Разрешите, я провожу...

Мне хочется возразить, сказать, что я не голодна и хочу спать, но неизвестность убивает сильнее возможной перспективы отблагодарить благодетеля сегодняшней же ночью. Каким бы тяжелым ни был предстоящий разговор, я должна хотя бы постараться выдержать все до конца... В комнате появился большой вазон, в который поместили букет из белых голландских роз. Орхидеи я уже возненавидела. Наверное, скоро у меня начнется фобия на все цветы...

Стол накрыт на террасе с видом на море. Александр с Денисом что-то обсуждают, разглядывая на экране планшета, со стороны похожи на друзей-приятелей, и уж никак не на подчиненного и руководителя. Он переоделся. Светло-синяя рубашка с коротким рукавом, светлые брюки, сейчас этот мужчина больше похож на члена престижного яхт-клуба, а не на итальянского мафиози. Такими их любят показывать в сериалах. Разговор моментально прерывается, стоит им заметить меня. Нет никакой угрозы или сосредоточенности в его задумчиво-теплых зеленых глазах, взгляд похож на порыв морского бриза, который — я либо схожу с ума, либо это страховочные тросы психики — подхватывает туманные завихрения сгустившейся паники, и, лишённые гравитации, они опадают невидимой пылью у ног. Остается только нерушимая уязвимость, этот человек, наверное, мог бы избавить и от нее тоже... Только вряд ли это входит в его намерения.

— Я поеду, — поспешно прощается водитель. Александр смотрит только на меня, слегка прищурив умные глаза, гипнотизируя, внушая необходимую ему одному программу, которую легко понять, не обладая экстрасенсорными навыками. Никакого страха. Ничего из того, что ты нарисовала в своем воображении. И вообще, отвыкай бояться и напрягать плечи, когда я рядом!

Мне сложно разобрать интонацию последнего внушения. Закрученный реверс, завуалированный вызов либо спокойное пожелание, пока еще не приказ, новообретенного хозяина?

— Денис, будь здесь не позднее девяти часов. Пока можешь быть свободен, — я не сразу понимаю, что водитель кивком головы попрощался со мной, моя реакция запоздала. Впрочем, это волнует сейчас меньше всего. Я нервничаю, не знаю, куда деть руки, сжимаю их в кулачки, словно это может сделать неуязвимой в присутствии Александра, молча наблюдаю, как он отодвигает один из стульев, приглашая сесть. Галантность у него в крови. Наверное, он будет так же вежлив, когда попросит опуститься на колени и сделать ему хорошо, в скором времени!

— Ты чего-то боишься, Юля?

Я ведь держалась. Если бы не выскользнувшая из пальцев вилка, возможно, этот вопрос не прозвучал бы вовсе. Набор столовых приборов минимален, базовые знания об этикете имеются, но ладони взмокли. И жара здесь совершенно ни при чем. Это чудо, что его присутствие напротив, в метре, не лишило аппетита и способности соображать.

— Немного. — Понимание в его глазах режет всколыхнувшимся протестом, и я поспешно поясняю: — Меня ведь хотели убить... Кстати, кто?

Попытка избежать ответа на щекотливый вопрос просчитана, но негласно принята. Я не

вздрагиваю, только сжимаюсь, когда он поднимается, чтобы наполнить мой бокал золотистым вином из обернутой алой салфеткой бутылки.

— Вряд ли имя этого человека тебе что-то скажет. — Делаю поспешный глоток из бокала, чтобы скрыть замешательство. — Если я тебе скажу, что через сутки твоей жизни не будет угрожать абсолютно ничего, ответ тебя удовлетворит?

Удовлетворит? Может, эта долбаная оговорка по Фрейду? Черт возьми, Юля, не будь параноиком!

— Вполне. — Мой голос дрожит, но я этого не замечаю. — У вас очень красивый дом.

— Тебе понравилась комната? — только отрывисто киваю. — Но этот дом мне не принадлежит, я арендую его на весь летний период. Пришлось продать недвижимость в Крыму, так как я чаще всего бываю в Европе.

— Так вы тут не живете? — разговор плавно переходит в русло почти светской беседы, по крайней мере, я готова и дальше так полагать... или заблуждаться.

— Нет. В июле здесь жил мой сын с друзьями, он недавно вернулся во Францию.

Я изумлена. Странно, не думала, что смогу испытывать иные эмоции, кроме паники и страха перед этим харизматичным мужчиной с пронизательным взглядом.

— Ваш сын? Он взрослый?

— В ноябре ему исполнится восемнадцать лет.

Кажется, даже улыбаюсь, сдержав вздох облегчения. Дети. Сын. О его семейном положении я не задумывалась, да и спрашивать не намерена. Просто чудо, как наличие детей у человека, пугавшего до безумия, успокаивает расшатанные нервы. Конечно, это вряд ли может что-то значить, но от одного факта становится спокойнее. Парадокс! Святая вера в то, что человек, у которого есть дети, никогда не сможет причинить вреда. Да и разница в возрасте у меня с его ребенком — неполные два года.

— У тебя красивая улыбка.

— Что? — укол тревоги, но он улыбается в ответ.

— Ты как будто светишься изнутри. Хочется греться в лучах ее света.

Это не флирт, даже близко. Горло сжимает слезами облегчения, и я поспешно пережевываю кусочек бекона, чтобы ничем себя не выдать, и не спровоцировать сложный психоанализ благодарным "спасибо". Все эти дни я буду по-прежнему изводить сама себя, воображая невесту что, и только наедине с ним, как сейчас, незаметно расслабляться и успокаиваться. Он сделает для этого все, что возможно.

— А где он учится? — не то что мне интересно, но я ни за что не упущу ощущение легкости и безопасности, которое почти полностью прогнало тревогу.

— В Сорбонне. Бизнес и управление.

Ах да, конечно же. Ты ожидала, что в Харькове? Наивность из тебя не выбить никакому кнуту... И никакому Димке. Вот это номер, я... это сейчас была ирония? Ничего удивительного, учитывая, что я создала для себя параллельный мир, чтобы окончательно не сойти с ума, и в нем он еще жив, его появление — дело времени... Так проще. Я цепляюсь за неуловимые знаки с упорством одержимой маньячки, придумывая всевозможные небылицы. Ведь наша ментальная связь не прервалась, возможно, он не умер? Мне страшно спросить у Алекса напрямую. Сознание делает свой выбор — сосредоточиться на настоящем, чтобы сберечь психологический комфорт.

— А почему вы это делаете? — я хотела спросить совсем другое. Что изменилось в стране за мое отсутствие, к примеру.

— Что ты имеешь в виду?

Нет, сказала А, говори и Б. Беспечная дурасть в погоне за правдой, даже если она тебя раздавит, перекроет кислород и заставит раскаяться в жажде ее получения.

— Помогаете мне. Знаете, я перестала верить в благородство с некоторых пор. — Юля, Юля... Ты в своем репертуаре. Трудно, что ли, было говорить с ним о погоде, о кино и музыке, да хоть о курсах валют на фондовой бирже! Ты решила упростить ему задачу? Не ходить вокруг да около, играя в галантность, а ускорить неизбежность, сократить маршрут своего падения, поместить в пережатую спираль квазара под грифом "твое уничтожение?" Решила играть по-взрослому? Опомнись, вы и близко не на равных, и никогда не будете! Он готов был делать скидку на твое состояние, снимать слои за слоем покровы твоего страха, но тебя недавнее прошлое не научило ничему. Грудью на амбразуру, отчаянное пикирование без страховки, тебе же так необходимо поскорее узнать правду! Да готова ли ты к этой правде, разувверившаяся, уставшая девчонка?

Есть мне больше не хочется. Разве что откусить собственный язык, который сделал отсрочку приговора недопустимой. Все, что остается, — обхватить руками плечи, но это не спасет от убивающей правды. Никакая сила сейчас не в состоянии заставить меня посмотреть ему в глаза, остается только терпеть, сжимая зубы, пока он безошибочно считывает мое состояние тепловым внимательным радаром, решая, проявить милость или же ударить на поражение безжалостной раскладкой фактов.

— Возможно, я сейчас произнесу растиражированную банальность, Юля, но это будет честно. Даже если в это трудно поверить. — Нет, он не кидается меня успокаивать, в его голосе нет и близко нот возмущения, протеста или наигранной искренности. — Мир не без добрых людей. Это все, что тебе нужно знать. И я не слепой, прекрасно знаю, о чем ты боишься спросить. Это легко читается в твоих глазах.

Зачем эта театральная пауза, в которой никакой фальши? Зачем эта разрывающая вечность зависших в пространстве и времени секунд, которая, продлившись чуть дольше, переросла бы в самую крутую истерику века... Так зеркально похожую на ту, другую, только без порезов запястий и сбивчивых рыданий с просьбами растерзать, но не мучить?

— Тебе станет спокойнее, если я скажу, что пытаюсь искупить свою вину?

Я по-прежнему не могу смотреть Александру в глаза. С обреченностью камикадзе разглядываю шею с серебристой цепочкой, в вороте расстегнутой на верхнюю пуговицу рубашки, словно пытаюсь убедить себя в том, что не все так плохо, можно ведь просто закрыть глаза и вернуться, хотя бы мысленно, в иные руки, в которых всегда было безопасно. Вряд ли их методы будут сильно различаться, может, получится обмануть себя и уберечь от душевной травмы.

— Ты слишком много переживаешь о том, о чем не стоит. — Не успеваю ничего ответить, спасает появление Виталины с кофе. Демонстрировать свой страх и слабость при ком-то ином я не хочу, но улыбка выходит фальшивой и натянутой.

— А мне можно съездить к морю?

Александр кивком отсылает экономку.

— Нет. Ты еще очень слаба. День на солнцепеке не принесет пользы.

Прогнозируемо. Забота — хорошая попытка, но на самом деле мне просто нельзя выходить за территорию этого особняка.

— Как скажете. — Не получается вложить в слова горькую иронию. — Да у меня и купальника нет. Вся одежда сгорела.

— Здесь есть бассейн. Я после обеда покажу тебе дом. — Мне кажется, что он закрылся, но и эта прохладная дистанция сейчас как глоток воды в пустыне. — Потерпишь до завтра? Виталина свозит тебя в магазин, возьмешь все, что нужно. Мне придется снова покинуть тебя. Сутки, если все пройдет гладко.

— А я могу позвонить родителям?

— Ты забыла, — он кивает на блюдце с двумя капсулами. Лекарство. — Выпей. Конечно, можешь. Станный вопрос. Пока скайп, возьми у Виты планшет, и напиши мне номер своего телефона. Денис завтра восстановит карту.

Моя паника гаснет. Неужели голос с оттенками стали стал почти родным, успокаивающим на глубинном уровне? Когда я задаю следующий вопрос, мною движет уже не ужас. Право на информированность, если смотреть в контексте БДСМ.

— Вы мне не ответили. С какой целью вы это делаете? Помогаете мне? Я не верю в бескорыстность. На что вы рассчитываете взамен?

Взгляд спокойных зеленых глаз едва уловимо тяжелеет. Момент истины. Как окажется потом, все мои вопросы были ни к чему, но сейчас я хочу четко знать, что мне не стоит вздрагивать от каждого шороха у двери спальни и прятаться в шкаф при его приближении.

— С той целью, девочка, что в случившемся с тобой куда больше моей вины, чем может показаться на первый взгляд!

Ничего не изменилось. Зная наперед, как буду об этом жалеть, я все также хочу вырваться. За окном солнце. Ослепительная синева манящего неба, сегодня без облаков, чтобы не отвлекаться на их причудливые белоснежные миражи, зовет шагнуть навстречу той самой неизбежности, которая прописалась в сознании, захватив неподвластные разуму территории. Зря все это! Умиротворяющий гипноз никогда не пробьет блокаду страха, он просто не знает, что делать со мной, новой. С той, которая держится за этот страх сломанного настоящего, как за спасательный трос, наверное, этой девочке так комфортно в своей иллюзорной клетке с платиновыми прутьями и сломанным замком. Ключи потеряны... А если вернее — он унес их с собой, и пока никто другой не в силах сломать секрет незапертого механизма. Стало быть, я в безопасности?

Почему ты не можешь оставить меня в покое даже сейчас? Или ты решил забрать меня с собой?

Во сне я не боюсь зеркал. Может, потому, что больше не вижу в них его отражения? Как тогда объяснить, что он стоит за моей спиной бесплотной тенью? И, если он мертв, я не должна ощущать тепла его тела, чувствовать соприкосновения с каждым позвонком этой согревающей ауры, я должна упасть, но вместо этого иллюзорные объятия держат, не отпуская, не позволяя вырваться. Только мне этого не хочется. Закрывать глаза — не от опасной близости бездушных зеркал, лишь для того, чтобы продлить эти мгновения. Воспроизвести на тончайшем уровне составляющие микропазла, завершить трансформацию образа в своем сознании.

Все неправильно. Все не так, как должно быть. Мертвые приходят к нам в расколотых снах, чтобы о чем-то предупредить или забрать к себе. Ты же не делаешь ничего. Просто держишь меня в своих объятиях. Забираешь по крупицам разъедающую боль, достаточно накрыть мои ладони своими, переплести пальцы, замыкая круг, найти горящие точки, чтобы попытаться забрать себе часть этого страдания. У меня много вопросов. Я просто боюсь их озвучить, ведь вместе со звуком голоса уйдет очарование этого момента.

«Почему ты не требуешь, чтобы я ушла с тобой? Тебе ведь ничего не стоит просто приказать. Осознаешь ли ты это сам в полной мере?»

Теплый ток, первобытная магия тактильных прикосновений... Если это дар ангелов или чертей, такая уязвимая сверхчувствительность, лучше заведи меня, ни о чем не спрашивая. Тебе никогда не надо было прилагать для этого даже малейших усилий, я и сама не хочу в паутину наполненных страданием похожих друг на друга дней. Не спрашивая, не оставляя выбора — МОЯ. Вместе с платиновыми решетками, с пролитыми слезами. С биением сердца, которое на миг остановилось. Лучше сейчас, ведь однажды я приду в себя, сброшу оковы твоего ментального диктата, и вот тогда ты ничего уже не сможешь сделать.

Если бы я был рядом, это были бы твои последние слова и последнее решение, перед тем как пропала бы сама возможность говорить!

Двойная спираль, закрутившись в кончиках пальцев, поднимается вверх, охватывая позвоночник. Я могу дать безошибочное определение этим изогнутым лучам разной полярности: ужас от твоих слов — ты в силах сделать так, чтобы я лишилась голоса, твоей власти хватит на все, чего бы ни пожелал, и изощренное, острое, неправильное удовольствие, горящая самбука эйфорического восторга, внезапное осознание, что я ТВОЯ!

Не смей рваться туда! Иначе я достану тебя даже с того света... Напомнить, что я сделаю с тобой за попытку лишиться себя жизни?

Я смеюсь, счастье затопило весенним паводком. Не нужно больше слов. Я никогда и ни с кем не буду чувствовать себя в такой безопасности, как с тобой. Ты меня непустишь. Рядом. Только рядом. Но как я справлюсь без тебя, когда закончится этот сон?

Не смотри ему в глаза. Просто никогда этого не делай. Ты можешь мне пообещать?

Улыбаюсь, вжимаясь в осязаемую сталь грудных мышц, вбирая проснувшимися рецепторами отголоски тепла. Ты только мой, и только рядом! Ничто этого не изменит уже!

«Поздно... Я это сделала».

Ну и что с того, объясни мне? Тебе было бы легче, если б я смотрела при нем только в пол, тряслась от страха и провоцировала на насилие позицией сломленной жертвы? Упала бы на колени прямо с порога, умоляя не делать больно? Дима, что происходит? Почти кричу от протеста и острого ощущения потери, когда стальная хватка пальцев на моих предплечьях разжимается, а разрыв телесного контакта обжигает арктическим холодом незащищенную спину. Ты не можешь сделать меня виноватой в том, что произошло! Ты не вправе судить! Ты вообще свалил, бросив меня в руки этому хищнику! Ну давай, приди. Дай ему в морду! Что такое? Нет? Проще оставить меня один на один с ужасом и страхом? Да нет у тебя никакого права осуждать меня за то, что я сама пыталась выстоять!

Тепло его рук тает. Остается только злость. А ведь впервые мой сон был почти счастливым и ярким. Я еще не знаю, что красочные сны видят только психически больные личности, по крайней мере так утверждает наука психиатрия, но мое пробуждение впервые за долгое время состоялось без криков, тахикардии и панической атаки.

За окном действительно девственно-голубая лазурь небес, рядом с которой гладь моря кажется серой, как прутья моей воображаемой клетки и стальные льдинки взгляда того, кого я все еще люблю. Во сне или наяву все это происходит, почему я увидела это именно так, как и должно было быть? Ощущение мягкого сатина, больше не шелка, и за это я готова обнять, только непонятно, кого — Виталину или временного хозяина дома. Хотя, скорее всего, это банальное совпадение...

Я встаю, осознав, что ночью, во сне, стянула с себя ночную рубашку. Я привыкла спать раздетой, это уже на уровне подсознания. В состоянии полудремы инстинкт самосохранения не работает, я не думала о том, что, решив Александр воспользоваться своим неотъемлемым правом получить благодарность, был бы избавлен от необходимости раздевать и властвовать. От одного этого факта забытая аритмия зажигает щеки лихорадочным румянцем, я, едва не разрывая шелк, натягиваю халат. К черту! Мне нужен контрастный душ, и... смелость. Смелость спуститься к завтраку, если только, судя по положению солнца, не к обеду.

Холодная вода гасит жар позвоночника, смывает иллюзию чужих объятий, осколки изматывающего сновидения, призванного добить и уничтожить, лишиться последних сил. Только что измотанной душе до этих слабых попыток вычеркнуть, выжечь кислотой, испепелить пламенем даже не воспоминания, нет — саму соль и сущность происходящего?

Нет тебя больше отдельно от меня. Нет и быть не может! Я буду держать руку на твоём пульсе даже через иные измерения, даже с того света у меня хватит сил и возможностей держать поводок, закрепленный на твоём ошейнике титановым сплавом ментального карабина. Я просто не дам тебе упасть в бездну потерянных дней и погасших иллюзий, как никогда не позволю устремиться туда, где тебе пока не место. И не время. Я глубоко в тебе, и этому ничто не в силах помешать. Не сопротивляйся, будет гораздо больнее, если ты

останешься одна перед лицом той самой угрозы, которой осмелилась посмотреть в глаза. Страшно тебе? Правильно понимаешь, моя девочка. Я был открыт тебе с самого начала, не пуская пыль в глаза, ты твердо знала, что ждет впереди, сейчас же... Ты ведь даже не поймешь, что произошло, когда завуалированная под видом заботы власть чужого желания расплющит остатки твоего Я в беспощадных жерновах.

Что это? Ментальное сообщение через измерения двух альтернативных миров? Внезапное озарение? Приобретенная жизненная мудрость... или квинтэссенция моего тщательно задавливаемого ужаса?

«Как? Как ты мог оставить меня одну после того, как сделал настолько зависимой от себя?»

Слез нет. Неужели я выплакала их все? Теплые струи воды ласкают тело, незамеченными ручейками, ласковыми поглаживаниями — успокойся, живи дальше. Но я просто не могу!

Можешь. Освободи себя. Или ты признаешь мой диктат в собственной крови, или я ничем не смогу тебе помочь!

Твою мать, оставь меня в покое! Мне срочно нужна таблетка. Инъекция. Хрен знает что, только бы не слышать этого голоса в своей голове! Я определенно схожу с ума!

Называй это, как хочешь. Извращением. Жестокостью. Ненавистью. Слабостью. Беспощадностью. Безжалостностью. Эгоизмом. Манией величия. Криминалом. Преступлением. Безумием. Одержимостью.

Я называю это любовью.

У меня нет причин не верить новому информационному шифру, взорвавшему сознание ядом первобытной эротической эйфории. Измученно-сладоэротичный стон рикошетит от темной плитки, глушится бездушным плексигласом душевой кабины. Зажатая пружина сладчайшей спирали устремляется вверх, чтобы взорваться в области солнечного сплетения роковым пламенем, закружить боль потерянного времени неистовым торнадо в изгибы уставшего тела, в сталактиты растерянного сознания, убить зачатки мысли о неправильности происходящего.

Не бойся. И ни о чем не думай! Правила устанавливаем только мы... Что? Правильно. Только Я! Никогда об этом не забывай! Кто осудит тебя за то, к чему тебя принудили? Выпусти на волю эту боль. Давай, не заставляй меня принимать радикальные меры!

Рука устремляется вниз, так легко и так покорно воле этого властного голоса в глубинах моего сознания. Скользя от микропузырьков геля кожа ведет ее этим развратно-сладким маршрутом без права сойти преждевременно и остановить движение навстречу удовлетворению подзабытого желания.

Давай, моя девочка! Ты никогда не любила долгих прелюдий. Сделай это!

«Б..дь, ты мертв! Это неправильно!»

Ты посмела мне возразить? Ты только что это сделала?

«Нет! Я не вправе возражать тебе... Я не скажу ни слова, только не уходи из моих мыслей... моих эмоций... из моей головы! Помоги мне выстоять!»

Пальцы не подчиняются затертому полувсхлипу — полувскрику разума, они не подчиняются даже инстинкту самосохранения, который старается минимизировать любую боль. Я давно подчинила инстинкт своему эго, покоренному чужой властью. Дима, ты никогда не был нежен там, где в этом не было необходимости! Осторожен, да, может, даже предсказуем. Но ты бы сделал это именно так! До боли, до разрыва сознания, забирая с

собой в тиски-объятия Тьмы, удерживая в полете гоночного болида под названием Вместе.

Боль разрядом тока по сжатым стеночкам пульсирующего влагалища вместе с проникновением пальцев, за миг до того, как смениться точечным покалыванием мириад искр удовольствия. Тонкие пальцы, их так ничтожно мало, так недостаточно для того, чтобы отключить здравый смысл и ощутить тебя в себе! Только зажмуриться до боли в висках, до абсолютного мрака черной дыры, не понимая, что пальцев стало больше! Я занималась любовью с обитателем преисподней.

Не отвлекайся! Сделай себе хорошо! Хочешь сегодня растерять остатки достоинства, падая к чужим ногам? Нет? Так чего ты меня не слушаешься? Лети! Выбирайся из своего замкнутого саркофага! Твое место в моей паутине из тонких платиновых нитей с потоками обжигающего кофеина! И там я позволю тебе дышать полной грудью. Видеть свет! Быть собой и никогда не бояться! Потому что я никогда не оставлю тебя!

Давление сладким спазмом, невероятно сладкая телепатическая пульсация. Сползаю по стене, ощутив спиной прогретую плитку, скольжение вниз, к истокам своего Я. Сильнее! Нет, не надо! Мысли, умрите! Не хочу!

«Ты ведь уже меня оставил...»

Юля, ты такая непослушная... Пользуешься тем, что в данный момент я далеко? Неосмотрительно. Девочка моя... Все ведь может измениться... Быстро прекрати сопротивляться, твою мать. Тебе напомнить, каким я умею быть, когда меня не слушаются?!

«Прости... Не останавливай... Ничего не делай...»

Поздно. Я запрещаю тебе! Попробуй только послушаться!

Я же могу. Ты же ничего мне не сделаешь? Слишком поздно. Почти рывком вынимаю пальцы, прикусывая, ощущая кисловатый привкус сока собственного возбуждения, но сжимаю зубами еще сильнее... чтобы не закричать. Я действительно не принадлежу сама себе, ты так глубоко проник в мои мысли, в мою кровь, во всю мою сущность! Твою ж мать! Возбуждение тает, а теплые струи воды обжигают холодом. С ужасающей ясностью понимаю, что они и не были теплыми. Я непонятно сколько времени простояла под ледяными стрелами рассекающей душевой насадки!

Тебя больше нет рядом. У тебя наверняка полно своих дел там, в ином измерении, и уламывать дерзкую сабу — не самое приоритетное из них...

О продолжении полета в рай (да черт, будем реалистами, банальной мастурбации!) не может быть и речи. Я замерзла, а ведь совсем недавно меня излечили от начинающейся пневмонии! О чем я думала? И о чем думал ты? Конечно же, вам, в ваших высших материях, не дано чувствовать холод!

Минут десять пытаюсь согреться, поливая себя чуть ли не кипятком. В зеркало все же приходится смотреть. Но когда внимание сосредоточено на волосах, точнее, на укладке при помощи фена и расчески, то не так страшно. Лахудрой я не выйду к завтраку-обеду, даже не надейтесь. Все же диалог с призраком моих снов помог снять напряжение. Я уже не вздрагиваю от ужаса, вспоминая зеленые глаза Александра. Умом понимаю, что это ненадолго, но все же... Мне хватит сил за столом не сжиматься в узел загнанным зайчонком, раненой газелью в логове льва, беззащитной пленницей перед взглядом грозного завоевателя. О том, что будет потом... Дима советовал принимать такие вещи как неизбежность. Так проще и легче. Раз я уже подобное пережила, может, все окажется не так страшно? Нет особого желания пытаться понять, о чем он думает, какими образами и эпитетами живет, мне достаточно уже того, что я знаю, кто он такой...

Аппетит вернулся. Это, наверное, шаг к выздоровлению. Я открываю шкаф. Тот самый, без зеркальных панелей (он и это предусмотрел!), провожу рукой по скудному гардеробу. Никаких платьиц не хочется. Может, потому, что однажды вежливая просьба надеть платье приблизила мое падение сразу на несколько ступеней? Выбираю белые укороченные шорты (подсознательно хочу быть сексуальной, продемонстрировать скрытую покорность воле сильнейшего таким незначительным, казалось бы, посылом?), свободную синюю футболку. Сильно свободную, поэтому привычным жестом завязываю ее в узел под грудью. Как там говорят? Чувство стиля не пропьешь? Достаточно беглого взгляда в стеклянную стену со слабым отражением, чтобы понять, что балетки и шлепанцы не так выигрышно смотрятся с этим образом. Белые кеды и тонкие белые носочки куда лучше. Волосы в высокий хвост — просто удобно или завуалированное предложение схватить их одной рукой, а другой примерить на открытую шею новый ошейник?

Да, Беспалова. Психиатр Стерхов наверняка по тебе сейчас безнадежно рыдает.

Вчера я хотела позвонить маме, но моих сил не хватило на то, чтобы выйти в скайп. Переживала, что догадается, поймет по погасшему взгляду, что со мной что-то не так. В социальные сети я тоже выходить не стала. Мои девчонки уже наверняка примеряют платья подруг невесты, а переживать боль последних дней по новой я была не готова. Так и пролежала весь вечер, раскладывая пасьянсы и слушая музыку, вздрагивая от каждого шороха под дверью, пока не уснула. Ждала, когда свершится то, что пугало сильнее смерти, отрицала и призывала одновременно — ожидание казни страшнее самой казни. Виталина принесла ужин в комнату, зачем-то сообщив, что хозяин отлучился по делам и будет поздно, а от иной трактовки слова «хозяин» я едва не сорвалась в истерику. Она же поняла это по своему, поставила два болезненных укола и заставила выпить таблетки. Я не возражала. Это такая малость в сравнении с тем, что мне наверняка предстоит! Уснула, но не расслабилась. Что с того, что у него есть понятие чести, и он не стал насиловать меня в первую же ночь? У него времени вагон и маленькая тележка...

Загнав невеселые мысли на задворки сознания, я, с трудом уняв сердцебиение, заставила себя выйти из комнаты. Исследовать дом не хотелось, наверное, подсознательно опасалась, что найду вход в камеру пыток с подписанным андреевским крестом. К счастью, не заблудилась и не набрела на портал в иное измерение. Веселую пикировку Виталины и Дениса было слышно даже на лоджии.

— Для меня будет лишь одна знаковая актриса в роли Калугиной — это Алиса Фрейндлих, и никак иначе! — резала по живому экономка, величественно дефилируя вокруг стойки. В светлом льняном брючном костюме, она была похожа на хозяйку дома, а уж никак не на домработницу. — Делать ремейки знаковых фильмов — идея, изначально обреченная на провал!

— Вита, любой мужчина отдаст свой голос за Свету Ходченкову. И я не исключение! — Денис был непреклонен. От ревностно-яростного выражения его лица я, не сдержавшись, прыснула в кулак.

— Хорошего дня! А о чем вы спорите?

— Юлечка, здравствуй! — Виталина прекратила мерить шагами кухню, а Денис кивнул, задержавшись взглядом на открытой полосе кожи моего живота, и тут же поспешно отвернулся. Что это было? Полученное напутствие не прикасаться даже взглядом к новой игрушке босса? Это не могло придать уверенности, ни грамма. К тому же я была смущена и дезориентирована, не обнаружив Александра, но показывать этого не стала. Стараясь

придать движением уверенность, подошла к стойке и подбросила на ладони яблоко, слава богу, поймала обратно. А то была бы та еще сцена, начни я ползать по полу в его поисках!

— «Служебный роман», «олд скул» против новой экранизации! — опомнился Денис. — Я говорю, что Светлана Ходченкова идеально сыграла в новой экранизации «Служебного романа», а вот Вита не согласна!

— А как по мне, эти два фильма вообще не стоит сравнивать. Они разные, и каждый хорош именно в своем стиле! — теплая атмосфера придала сил, и я, ловко подтянувшись на руках, села на барный стул.

— Юлечка, не делай так больше, — вежливо попросила Виталина, указав на заклеенные пластырем шрамы от капельниц на моей руке. — Пойдет кровь. Ты проголодалась? Сварить кофе, или подождешь обеда?

— Кофе. Если не сложно... — выдохнув, я все же решилась задать беспокоящий меня вопрос. — А где... Ну... Он не вернулся, в смысле... вчера...

Ну, и куда подевалась твоя уверенность? Наверное, я даже покраснела, но хвала профессионализму этой леди, она сделала вид, что не заметила. А Денис тем временем уставился в планшет, наверное, даже и не понял, что произошло.

— Александр в спортзале, — охотно пояснила Вита.

— Ух ты! А можно мне позаниматься тоже? — говори все, что хочешь, только смети неловкость недавних заиканий! Виталина улыбнулась.

— Если нет врачебных противопоказаний, почему бы и нет? Подождешь, я отнесу ему энерготоник и приготовлю тебе кофе с круассанами?

Кто был автором коронного слогана «иногда лучше жевать, чем говорить?» Он явно что-то знал. Слова слетели с моих губ быстрее, чем я успела осознать их значение.

— Вита, а можно, это сделаю я?

На ее холеном лице ни удивления, ни сарказма. Только доброжелательность. Она с улыбкой передает мне пластиковую бутылку с эмблемой спортивного бренда.

— Прямо до лестницы, спуск налево. Только не задерживайся, пока выпечка горячая!

Почему? Черт возьми, почему я это сделала? Откуда взялось это гребаное, ненормальное желание — самой принести себя в жертву хищнику, шагнуть в его обитель, как на плаху, обрезать все пути к спасению? Наверное, это уже не я, может, утренний диалог с тенью моего любимого человека придал новые силы, а может, запустил процесс медленной эвтаназии всего, чем я жила прежде. Шагаю дальше... Это не лабиринт, здесь невозможно заблудиться или спрятаться, здесь не свернешь обратно, может, даже кошмар прошедших недель не уничтожил во мне отчаянную смелость камикадзе, познавшего объятия безмолвного неба и сумевшего вернуться с боевого задания целым и невредимым. Реальность не всегда так ужасает, как ожидание неизбежного, это я тоже усвоила очень хорошо. Что заставляло меня делать эти уверенные шаги, расправить зажатые плечи, чтобы с достоинством обреченной посмотреть в глаза новому страху (надуманному, я пойму это позже, но сейчас...)? Наверное, хотела прекратить все это одним ударом, так привычно было страдать и не ожидать милости от судьбы. Днем раньше, днем позже — перед смертью, как говорят, все равно не надышишься.

Сам спортивный зал оказался донельзя компактным. Не более пяти тренажеров, насколько я успела охватить взглядом, панорамное стекло с видом на море, почти как в моей комнате. Отвыкшие от нагрузки мышцы произвольно сократились при виде «орбитрека», и я, забыв о цели своего визита, подошла ближе и провела рукой по сенсорной панели.

— Он не кусается.

В отличие от вас!

Черт, я едва не произнесла это вслух. Мягкий тембр насмешливого голоса мелкой прапнелью по обнаженным нервам, высекая, выбивая, уничтожая на месте без права помилования весь надуманный мною же самоконтроль. Да и был ли он у меня когда-нибудь? Если бы не спасительная опора стойки тренажера, я бы упала на пол, прикрывая уши ладонями, словно от артобстрела.

— Виталина просила вам передать... Вот... — поворачиваюсь к источнику страха и смятения.

Не. Смотри. Ему. В глаза...

Дима, чем ты думал, давая мне подобное напутствие?

Сердце описывает мертвую петлю, бьется о грудную клетку самурая-неадекват, чтобы замереть всего на миг... Но нереально долгий миг...

Он не прекращает упражнений ни на секунду. Длинные ноги с рельефом икроножной мышцы ритмично сгибаются в колене, рывок сердца — этап промедления перед тем, как в поле моего зрения попадает торс с неброским рельефом кубиков, соприкоснувшийся с коленями. Обратно... Кажется, даже моргаю, не в силах сопоставить в своем воображении эту картину. Резкие и одновременно плавные движения. Мелким бисером россыпь испарины на загорелой коже. Неуловимые взгляду, скорее считанные на не пойми каком уровне, сокращения твердого пресса, с эффектом маятника. Вверх. Вниз... Похоже, я забываю о том, что должна его бояться, дрожать и смотреть только в пол, мой взгляд прикован к почти гладиаторскому телу мужчины, от которого я должна была держаться как можно дальше! Я не понимаю, что происходит. Далеко еще до хаотичного выброса эндорфина в кровь при виде привлекательного представителя противоположного пола, не режет ласковым скальпелем сознание хирург по имени Фантазия, не сжимается до сладкой пульсации женское естество, только сердце, приняв новую реальность, ускоряет свой бег, цинично перешагнув нокаутированный ужас.

— Сорок девять... — голос не сбился, несмотря на усиленную физическую нагрузку, кажется, он подчиняет счет повторов своей железной воле усилием спокойной стали констатирующих слов. — Пятьдесят. Спасибо. Поставь рядом.

Рядом? Подойти? Нет, Юля, кинь ему прямо в пресс и беги со всех ног! Конечно, подойти, ты видишь где-то транспортерную ленту или два серебряных крыла на креплениях? Сарказм офигевшего сознания пытается заставить действовать, а руки инстинктивно сжимают плечи, приветствуя возвращение страха. Подойти. Тебе был отдан четкий приказ приблизиться и поставить рядом! Глаза теряют спасительный канат созерцания того, как работают другие, а слух едва различает насмешливый вздох.

— Ладно, стой, где стоишь. — Вот теперь я натурально вздрагиваю, едва не выронив бутылку из ослабевших пальцев. Сама виновата, о чем ты думала, оказавшись наедине с тем, для кого давным давно представляешь раскрытую книгу? Он читает тебя вдоль и между строк прямо сейчас, ему не нужно было даже прикасаться к тебе, чтобы проникнуть в твои мысли. Завладеть твоим дыханием, защелкнуть оковы подавляющего страха на каждой конечности... Хитрая, изворотливая, жестокая игра сильнейшего, который, словно в насмешку, дал тебе возможность поверить, что ты можешь здесь что-то решать! В последней попытке вернуть самообладание отрываю взгляд от матовой плитки пола. В его руках полотенце, меня, наверное, должна заморозить сальса этих уверенных движений, но

необъяснимое очарование момента упущено, сейчас я вижу угрозу во всем. В силе его обнаженных рук. В рельефе пресса и развитой дельты. Такая физическая форма — синоним силы, которой мне никогда не суметь противостоять!

Почему так? Как можно было при созидании мира вместе с силой дать им в руки жажду абсолютной власти и невыносимую жестокость? Этому убойному комплексу не противопоставить даже женственность и нежность, сомнительное оружие в слабых руках перед лицом настоящей угрозы. У меня нет сил больше ни на что: ни на побег, ни на взгляд в его глаза. Кажется, они иногда умеют успокаивать, если хотят, — еще одна милость непреклонного хозяина, от которого просто никуда не деться!

Мои пальцы получают свободу — я даже не заметила, что он подошел слишком близко. Бутылка в его руках. Самое время развернуться и исчезнуть, но я продолжаю стоять на месте — иного приказа пока не поступало.

— Выспалась? Как твое самочувствие?

Пожалуйста. Я выспалась и я в норме, я просто морально не готова к тому, что вы для меня приготовили! Если бы мы обсудили это перед тем, как вы бросились мне помогать, вы бы знали, что я никогда на это не пойду!

«Странно, девочка, ты где-то видишь большую надпись ВЫБОР огненными буквами с защитной голограммой?»

— Еще кружится голова... еще не знаю... пока...

У вас же хватит ума не набрасываться на меня, полуживую... Хватит ведь?..

— Отдых, Юля. — Я не в состоянии оторвать глаз от его сильной ладони, от длинных пальцев, открутивших пробку бутылки. Замираю и расслабляюсь с каждым судорожным глотком. — Магазины на завтра, при условии, что будешь чувствовать себя лучше. Позавтракать успела?

— Нет. — Я решаюсь посмотреть ему в глаза. Хуже точно не будет. — Я не голодна...

— А вот это не обсуждается!

Конечно же. Разве мне кто-то вернул право голоса?

«Есть только один момент, который не подлежит никакому обсуждению — твое добровольное согласие!» Еще не сейчас. Я услышу это очень скоро. Натянутой металлической струной по рухнувшему прежнему мировоззрению, цитатой из фэнтези-романа, такой щемяще-правильной и такой иллюзорной, мне покажется именно так! До моего добровольного согласия никогда и никому не было никакого дела.

— Иди. Уже время обеда. Надумаешь пропустить — надо ли говорить, как меня это расстроит?

Я не двигаюсь с места, внутренне вздрагивая и в то же время понимая, что строгий приказ только что унял хаотичный танец сердца. Наверное, ни одно его слово никогда не будет звучать наугад, без продуманной до мелочей стратегии управления чужим разумом, в данном случае, моим!

Меня ощутимо потряхивало, когда я почти бегом преодолела пролет в пять ступенек в слепом, фанатичном побеге от новой действительности под названием «его присутствие». Странная особенность психики — в зале, наедине с ним, на столь близком расстоянии, что я слышала ускоренное физической нагрузкой биение его сердца, я была почти спокойна. Не дрожали плечи, не сжимало горло спазмом подступающих слез бессилия — спокойствие его голоса, вежливый приказ-просьба непостижимым образом разблокировали ментально-мышечный зажим перепуганного естества. Улыбнуться так и не удалось, наверное, сработал

тревожный стоп-сигнал. «У тебя красивая улыбка. В ее лучах хочется греться...»

Это могло бы успокоить и вселить уверенность в кого угодно, но только не в меня. Рано повзрослевшая волею жестоких обстоятельств девчонка, я перестала греться в лучах эгоцентричной эйфории при каждом комплименте. Даже при таком интеллектуально-галантном. Подобные слова значили только одно: я пробудила интерес. Разве это плохо, спросила бы прежняя я, надменно вскинув голову? Очередная запись в органайзер своих побед, легальный повод поднять бокал полусладкого на встрече с девчонками для подведения итогов, допинг повышающего самооценку удовлетворения. Жизнь оказалась хитрее, она была наделена тем еще чувством чернейшего юмора.

Как скоро я обрету прежние крылья? Как скоро оценивающий взгляд мужчины разгонит в моей крови приятное самодовольство, а не панический ужас с сотрясающей дрожью безысходности? Когда в ответ на любой, даже самый безобидный выпад неагрессивной визуальной оценки я перестану прятать взгляд в стыки панелей ламината, керамогранита и в ворс ковровых покрытий? Когда я снова позволю себе иллюзию безопасности, робкую улыбку и отсутствие страха с прорисовкой ужасающих перспектив дальнейшего?

Безжалостные тиски подступающих слез серпом по горлу, изнутри, захлестом неумолимого кнута по голосовым связкам, ошейником обреченности с внутренними шипами осознания — мир никогда не будет прежним. В каждом из мужчин я буду видеть агрессора, охотника, поставившего себе четкую цель — сломать и растерзать зарвавшуюся жертву. Как же все задолбало!

Через силу, собрав волю в кулак (какую волю? Она осталась в спортзале. Он просто сжал ее в сильной ладони длинными пальцами, даже не прикасаясь ко мне...), подхожу к небольшому зеркалу в раме из светлого дерева... Натурального... Да! Рама! Не амальгама, не отражение! Страшно. Я не готова смотреть в глаза самой себе так скоро, но будет гораздо хуже, если появлюсь в столовой с красными глазами и сбившимся от подступающих слез дыханием. Что подумает Виталина? Не обо мне, мне все равно, я готова была даже к осуждению, которого не последовало, причем не из-за вежливости, у нее теплая и сопереживающая аура. Нет. Возрастет прямо до небес рейтинг хозяина, который заставил гостью давиться слезами! Даже если расспросов не будет, я потом не смогу смотреть ей в глаза. А если еще и Денис... Нет, к черту!

Мне понадобилось все имеющееся мужество, чтобы посмотреть в зеркало. А точнее, в глаза. Нет, слезы еще не зажгли сосудистыми разветвлениями белки перепуганных зеленых глаз, только подскочившее давление опалило щеки лихорадочным румянцем. Мысль о том, как может истолковать мое состояние Вита, вызвала подобие улыбки глубоко внутри. Уходила натянутая, как гитарная струна, а прибежала обратно запыхавшаяся, покрасневшая — от смущения, не иначе, с искусанными губами (и не факт, что кусала сама, а не кто-то другой!)... Нет, рушить имидж Александра я не желала ни в коей мере. Слишком я его боялась на тот момент.

— Юля, — тепло улыбнулась экономка, снимая с сенсорной панели турку. От аромата кофе у меня закружилась голова и неожиданно заурчало в желудке. В спортзале время замерло, и только здесь вернулось на круги своя, напомнив о том, что с утра во рту не было даже маковой росинки. С трудом удержавшись, чтобы не вцепиться зубами в аппетитный рогалик на подносе, я осторожно забралась на высокий стул, помня о том, что излишнее напряжение мышц может вызвать кровотечение.

— Ешь, я так переживала, что остынет и что ты заблудилась, — в словах Виты нет

никакого завуалированного подтекста. Если б не была так подавлена, обняла бы ее за проявленную тактичность и, мне даже кажется, понимание. Сочувствие, но не унижительную жалость. Только установленный работодателем регламент удерживает ее, чтобы не поговорить со мной по-женски, как мать с дочерью, не дать уйму ценных советов и не унять тревогу, я чувствую это на интуитивном уровне, но пока не желаю себе признаться в этом даре предвидения. Как жаль, что он работает только на определенных людей, и никогда не пробиться через железобетонный сплав укрепления, скрывшего от меня хозяина дома и заставившего испытывать страх...

— Вот это обязательно, — она ставит передо мной тарелку с омлетом и ломтиками стейка.

— А Александр к нам не присоединится? — я не успеваю сообразить, перед тем, как задаю этот вопрос. Может, не самая удачная попытка замять горькое послевкусие лекарства? Кофе оказался безнадежно горячим, просто чудо, что я не сделала глоток в привычной поспешной манере.

— За обедом непременно. А вот ты не завтракала. Обедать будем в два.

Сейчас около двенадцати часов. До двух я околею с голоду. Значит, передышка временная, постоянно прятаться в комнате не выйдет, придется остаться с ним наедине. Я испугана и исполнена решимости одновременно. Еще одна попытка поговорить, и нет, я не буду просить. Попытаюсь договориться... о чем? У меня не хватит смелости даже произнести это вслух, а он не намерен помогать в этом. Буду убивать все свои воспаленные нейроны неизбежным ожиданием расправы-благодарности за собственное спасение. И плевать ему на то, что я этого не хотела. Надеюсь, мне не будет сильно больно за то, что не смогу ответить даже малейшей взаимностью? Никогда не умела симулировать, полагая, что это унижает прежде всего женщину.

— Все хорошо, Юля? — чуткая и отзывчивая Виталина на лету схватывает изменение моего состояния. У меня нет сил даже смотреть на горячую выпечку. Почему, ну почему я продолжаю думать о том, чего, возможно, никогда не случится. Да, Юля, продолжай, ты уже хотела поверить в бескорыстные мотивы одного вот такого вот... напомнить, чем закончилось?

— У меня голова кружится. — И скоро она совсем перестанет работать. — Я отдохну немного.

— Возьми шоколад... — я поспешно хватаю пирамидку «таблерона» вместе с чашкой все еще горячего кофе. Мне нужно уйти. Спрятаться. Не показывать никому своей слабости и, если и рефлексировать дальше, то только наедине с собой, в защитном биополе избирательной тишины и уединения. Я чувствую: там, где я нахожусь в пусть иллюзорной, но безопасности, решение придет само. Оно не будет простым и легким, более того, оно не будет таким, каким хотелось бы мне. Одно я могу сказать точно с настойчивой самоуверенностью: больше я не стану убивать себя ожиданием неминуемой боли, потому что это доконает меня гораздо раньше и надежнее...

За окном прекрасный солнечный день, плевать, что жарко. Задвигаю мрачные мысли подальше и выхожу на лоджию. Ротанговый столик и кресла еще под навесом комфортной тени, палящее солнце не добралось сюда. Решено остаться здесь — вместе с кофе, вкусным шоколадом, и... Не время закрываться в себе и от себя. Включаю планшет и решительно подключаюсь к сети вай-фай. Рано или поздно, мне придется. Сначала — мама.

Пальцы дрожат, но я вхожу в скайп посредством учетной записи. В собственной боли, в

заикленности на мире страданий есть что-то от эгоизма. Ты жалеешь себя, но плевать на тех, кто беспокоится о тебе гораздо сильнее. Ты их просто не замечаешь — то ли подсознательно не желая тревожить, то ли сосредотачиваясь на своих душевных цунами, а ведь они чувствуют. Родные — в первую очередь. Могут не понимать, тревожиться на ровном месте, не понимая источника переживаний, но первая мысль у них всегда будет именно о тебе, о своем дорогом и зачастую таком непослушном ребенке.

Я ожидаю увидеть Настю, но появление на экране обеспокоенного лица матери на миг лишает дара речи, замолкаю на полуслове, чтобы уже в следующий миг, забывшись счастливым смехом, податься вперед к бесчувственному экрану сенсорного монитора!

— Мама! — я бы все отдала, чтобы сейчас кинуться в ее объятия! Пусть даже получу нешуточную выволочку за свое исчезновение. — Я... я так... я скучаю, мама!

Конечно, она оправдывает мои предчувствие в полной мере... Но я впервые за все время просто беспредельно счастлива и с трудом сдерживаю слезы.

— С ума сошла! Не предупредив никого — ни тетю, ни меня, ни сестру, — ни даже Леночку! И никакой связи! Телефон не отвечает, в скайпе не появляешься. Как ты могла?! Я чуть не поседела, думала заявление писать. Юленька, ты где? Почему глазки грустные? — так быстро меняется полярность, и я снова счастливо смеюсь.

— Мама. Я рядом! В Ялте! Недавно вернулась из Египта. Знаешь, какие там проблемы с интернетом? Все уже хорошо! Я дома скоро буду! А глазки грустные — просто уезжать не хотела. Ты же помнишь, как я грущу, когда заканчивается лето? Учеба, серые будни, лета так мало!

Мы просто молчим, и пальцы одновременно тянутся к экрану. Почувствовать. Ощутить. Перечеркнуть стену непонимания. Для меня, в свете безжалостного контраста чужого детства — осознать, что меня всегда любили. Пусть строгой и гиперответственной любовью! Мне не могли дарить дорогие подарки, мне подарили нечто гораздо большее, чем материальные ценности и свободу, которая выросла бы в эгоцентричную вседозволенность — мне дарили любовь и защиту, даже от себя самой... А я была так глупа, что воспринимала ее как стремление сломать и причесать под одну гребенку. Так мне сказал когда-то Дима: «Не по таким законам живет общество, серая толпа!» Могла ли я винить в этом мать? В том, что у нее, в стремлении уберечь меня, не хватило на это смелости — бросить вызов обществу?

— Как Настенка? Виктор вернулся?

Отчим вернется только на следующей неделе, а сестренка зажигает на пляже в компании одноклассников, у нее дружный класс, и она популярна. Мне это трудно понять, у меня школьные годы были кошмарными, но от радости за нее по телу разливается душевное тепло.

— Тебе понравилось в Египте? Ты видела пирамиду Хеопса?

— Да, мама. Помнишь, как историчка мне влепила пару за то, что я ей доказывала, что древние египтяне не могли такого построить сами, без высоких технологий?

— Ну, если б у меня была возможность принести ей сумку деликатесов, то...

— Она бы согласилась даже с тем, что их построил Сталин!

Мы смеемся уже синхронно. Маме очень идет улыбка. Разглаживаются мимические морщины, и линия скул обретает притягательный рельеф. Виктор, наверное, без памяти втрескался именно в ее улыбку. Ловлю себя на мысли, что, как только вернусь, сделаю все, чтобы она не гасла!

— А почему до тебя не дозвониться? — настороженно спрашивает мама, но я быстро нахожу ответ даже на этот вопрос.

— Да я телефон, представь, в бассейне утопила. Забыла, что висит на шее, и нырнула. На счастье, черт с ним! Сегодня-завтра восстановлю, и будем на связи!

— Я уже не знала, что думать! А где ты в Ялте остановилась?

— Да тут у Лекси вилла. Девчонка из очень богатой семьи, я про нее рассказывала тебе...

— А когда вернешься? Доченька, у меня сердце не на месте. Настя как пошутила, что тебя принц востока в гарем уволок, я думала, мне скорую вызывать придется...

— Мам, у них брюнетки не котируются. Принц? Не смейся моих тараканов. Там бы сразу произошел государственный переворот. И за принцами — это в Дубай. А Насте меньше давай всякие женские романы читать!

Они уводят от реальности. И сюжет с похищениями принцесс красиво расписан только на бумаге. В жизни все ужаснее.

— Позвони Леночке. Она места себе не находит.

— Конечно, мама! Только немного позже...

Кофе уже остыл, но я о нем забыла — мы говорили очень долго, как никогда прежде. Обо всем сразу, и ни о чем одновременно, а я ловила себя на мысли, что больше всего на свете хочу домой, в родную Феодосию! Это желание было со мной так долго, но мне самым убийственным способом не позволили его осуществить... Я обещаю звонить как можно чаще. Показываю свои хоромы, вышагивая по комнате с планшетом, окружающий пейзаж. Отвечаю, что не загорела, потому что загар временно не в тренде. После разговора с трудом прихожу в себя, загружаю страницу социальной сети. Надо, обрезать — так по живому.

Моя страничка «В Контакте», кажется, живет своей жизнью — лайки, бессмысленные комментарии, открытки, музыка на стене. Хорошо хоть у девчонок хватило ума не накидать поздравлений со свадебными платьями и обручальными кольцами. Эльки не видно, но Ленкин «онлайн» режет глаза. А мне хочется поскорее с этим закончить.

«Привет, Лекс. У меня очень резко поменялись планы.»

Ожидание ответа затягивается. Зато просто сыплются шаблонные «приветкакдела» от друзей, которых я не помню для чего и когда добавила. Затем я вижу, как она пишет. Долго. Анкету? Ряд вопросов в ее шаблонном стиле — в какой позе он умеет лучше всего? Леночка, прошу тебя, нет. Я же сейчас просто пошлю тебя на хрен или зачитаю такую отповедь, что наша дружба закончится раз и навсегда!

«Я знаю, Юль.»

Вот тут я натурально опешила. Смотрела в бездушные литеры без обилия смайлов в стиле моей позитивной приятельницы, а смысл написанного ускользал, не желая прожигать нейроны неотвратимостью конца.

«Да? Откуда же... и что ты знаешь?»

«Наши родители вертятся в политике. От отца узнала. Мы долго не могли в себя прийти.»

Мне хочется закричать. Написать ей, что все не так. Что этого просто не может быть... Но я ничего этого не делаю.

«Элька знает?»

Как будто это единственное, что меня должно сейчас волновать.

«Да... Извини, я была в шоке... Не стоило, наверное. Ты как?»

«Плохо...»

«Юль, не ври мне. Он же заставил тебя. Ты сама этого не хотела. Я между строк тогда почувствовала...»

О мертвых — либо хорошо, либо ничего. Я молчу, пальцы отказываются повиноваться.

«Я скучаю, Лекси...»

«Возвращайся. Мы тебя вытянем. Мы всегда умели помогать друг дружке. Только не плачь. Это же был несчастный случай, хорошо, что ты не находилась в доме, когда рванул тот баллон.»

Вот, значит, как там все преподнесли... Несчастный случай. У меня нет сил общаться дальше, и я дрожащими пальцами с обилием опечаток набираю ответ. Все со мной будет хорошо. Я к концу августа вернусь, совсем скоро. Пойдем в караоке? Ты помнишь, как я красиво исполняю «Арию»? Помнишь, после этого нам даже прислали бутылку дорогого вина и попросили исполнить на бис «Беспечного ангела»? Вот в тот паб и пойдем. Все равно мне рано еще замуж! Нет, боже упаси... Ну какой друг из крутой семьи? Лекс, ты вообще понимаешь, что сейчас сказала? Прости. Я немного не в себе. Мне сейчас не надо никаких отношений. Все равно, таких, к которым я привыкла, больше никто не даст...

Мы прощаемся, пообещав друг другу списаться позже, а я снова позволяю себе не сдерживать чувств, рыдаю, закусив зубами подушку. Как можно тише, чтобы никто не нарушил этого уединения, иллюзии свободы — по крайней мере, она пока у меня есть. Я оплакивала похороненную надежду. Надежду на то, что он мог выжить и вернулся в город. На то, что однажды он появится на пороге этой спальни, и мой кошмар закончится. Ментальная связь была безумием, бредом сумасшедшего, последней стадией лайт-шизофрении. Я просто сбегала в нее от новой, пугающей реальности, от которой больше никто не в силах защитить...

Я еще не знала, что никогда не смогу до конца принять его смерть. До последнего буду искать его взгляд в толпе безликих личностей с целеустремленностью погибающего от жажды. Слышать его голос в глубине души и часто, даже очень, следовать нелогичным на первый взгляд приказам безликого призрака в натянутых высоковольтных проводах непрекращающейся агонии. Loneliness. Назвать это роковым термином «одиночество» не хватило духу. Я выпью его полностью, и никто не позволит залпом, нет... Это слишком просто, да и может убить такой дозой за один глоток. Придется растягивать, умирая и возрождаясь, день за днем, и снова учиться рассчитывать только на себя. Для этого нужны силы, но мне их не обрести, пока давит ужас чужого присутствия.

К обеду мне все же пришлось спуститься, я боялась исполнения угрозы Александра. «Не вздумай пропустить!». Но вместе с тем с бессмысленной обреченностью ухватилась за шаткую опору неожиданного решения. Тяжелого, оно не могло быть легким. Наверное, столкнувшись с ним в коридоре, я еще надеялась, что он одним словом опровергнет мои страхи. Но он этого не сделал, а я вздрогнула от нехорошего предчувствия, понимая, что он вышел из двери, которая находилась чуть по диагонали от моей комнаты, рядом. Твою ж мать!

— Здесь мой рабочий кабинет, — зачем-то пояснил он. Меня что, должно было это успокоить? В доме восемь или десять комнат, и чисто случайно была выбрана для кабинета именно эта, рядом с моими хоромами! Я ничего не сказала. Кивнула, не дожидаясь никаких уточнений, и, стараясь держать царственную осанку, спустилась вниз.

Стол опять был накрыт на лоджии, навес защищал от солнца, а меня бил озноб. Жара

перестала быть наибольшей проблемой рядом с источником векового холода. Непрístupным айсбергом, уже избравшим «титаник» моей ослабленной воли для последующего уничтожения. Я задумчиво крутила на вилке пасту, не замечая вкуса, стараясь возвести защитный барьер от его внимательного, изучающего взгляда, лишённого эмоций.

— Ты плакала.

— А есть повод веселиться?

Решение укрепляется, с необычным, несвойственным мне прежде хладнокровием, поэтому я не срываюсь в оправдания и пояснения. Плакала, я живой человек, и у меня есть эмоции! Или вы расстроены из-за того, что я это делала наедине с собой, а не на коленях перед вами?

Он не отвечает, хотя я подсознательно жду обещания прикусить мне мой же дерзкий язычок... гель для душа в качестве профилактики принадлежит другому. Лучше бы он и вправду как-то отреагировал на мою грубость. Молчание убивает, а перед взглядом проносятся кадры один страшнее другого.

— Мне придется уехать сегодня. Это связано с твоим вопросом.

Удар облегчения, возделенной отсрочки приговора перед неизбежностью бьет наотмашь, и я даже не успеваю скрыть мимолетную улыбку.

— По моему вопросу?

— Да. Чтобы ты могла вернуться домой, и ничего не опасаться. Остался финальный штрих.

Я поднимаю глаза. Знаю, мне запретили смотреть... Когда меня запреты останавливали! Радость от того, что еще одна ночь будет бесценным подарком, — одиночество! — плавит струны натянутого страха. В тени его глаза кажутся более глубокими, с карим отливом, слегка расширенным зрачком от недостатка яркого света. Притом что он гораздо опаснее и умнее Димки, мне не страшно выдерживать этот взгляд. Он не поглощает, не пьет мою волю через хрусталик, не вызывает обреченных судорог в глубине души. Может, страх только в моей голове, надуманная угроза? Мне бы так хотелось в это верить! Увы, жизнь научила уже не доверять никому, кроме самой себя. Но какое-то необъяснимое, легкое, едва ощутимое очарование плавит металл пережитого кошмара. Еще не увидеть этого, не прочувствовать, но кристаллическая решетка медленно разрушается, неумолимо плавится эта твердыня, пока еще не стекая ручейками металла, но уже потеряв свою незыблемую стабильность.

Я могу даже отметить с удовольствием искушенной эстетки, что он выглядит потрясающе. Строгий костюм Джеймса Бонда сегодня неожиданно заменили джинсы и белая футболка, его внешний вид навеивает мысли о прогулке на яхте, заставив даже на миг забыть, что он из себя представляет. Я позволяю себе осмелеть окончательно, после сцены в спортзале это совсем не сложно! Перевожу расслабленный взгляд на длинные пальцы с перстнем, изображающим египетское божество. Кажется, Анубис, бог подземного царства. В этой мифологии я все равно не сильна. Беглым сканером по длинным пальцам с аккуратным маникюром, быстро загасив глотком сока какое-то необъяснимое покалывание области затылка. Решение принято мною давно, сейчас я, похоже, получила малюсенький бонус к его нетравматичному осуществлению. От отвращения дрожать точно не придется. Надеюсь!

— Что тебя тревожит? Ты мне так и не скажешь?

Спокойствие разрушено властными, бескомпромиссными нотками в его голосе, и я испуганно тряс головой.

— Ничего! Правда!

— Юля, никогда не смей закрываться. Ну?

Дыхание перехватывает. Я делаю чересчур быстрый глоток сока... и, наверное, именно это меня спасает. Гортань свело панической судорогой вместе с кашлем, дар небес, не иначе. Если бы не спазм горла, Александр словил бы кайф от истерики века прямо на лоджии с просьбой не трогать и отпустить. Я это вряд ли осознаю. Словно сверхъестественная сила поднимает меня со стула в воздух, грудная клетка сдавлена крепкими руками с последующим сжатием диафрагмы, кашель сильнее, последний рывок вместе с последующим облегчением.

— Да ты как струна, — я офигеваю, когда его голос вызывает разряд озноба по коже. Нет, это ничего не значит! Всегда такая реакция, когда прикасаются к шее или говорят очень близко от моего уха. Меня не парализовало от страха, нет, мне... странно. Я словно защищена в этих вынужденных объятиях без малейшего сексуального подтекста, они согревают теплом, а ведь совсем недавно я сравнивала этого человека с айсбергом.

«Что ж... немного упрощает мою задачу» — цинично думаю я, рассматривая плитку лоджии. Я смущена и растеряна. Ощущение, что пространственно-временной континуум настоящей ситуации медленно самоуничтожается, сжимаясь до черной дыры с отливами просвета. Она может поглотить, а может провести тебя через свой уникальный портал-тоннель, не опалив крылья веры и не раздавив в тисках гиперсжатия квантовых противоречий. Ему самому оставалась самая малость — просто убедить меня в том, что бояться нечего. Я так и не смогла понять, почему он этого не сделал. Не почувствовал? Не понял? Решил не смущать разговором, подписав приговор неведения? Во всяком случае, обед завершился на почти оптимистичной ноте. Он пытался меня развлечь, но, спроси меня кто о том, что именно рассказывал — я бы не вспомнила.

— Вечером мы не увидимся, я вернусь завтра к вечеру. Постарайся лечь пораньше спать, завтра поедешь с Витой по магазинам и купите все, что необходимо. Мы договорились?

— Конечно, Александр-как-тебя там, конечно же, мы договорились! — закатывая глаза, бормотала я в два часа ночи, разминая затекшую шею, но совсем не сожалея об этом — разговор с моей Леночкой того стоил. Тема беседы: обо всем, кроме того, что случилось. Это я должна буду рассказать ей только по возвращению домой, а не наедине с бездушным скайпом.

Выбив из пачки сигарету, я поморщилась. У Дениса ни ума, ни фантазии. Разве непонятно, что девочка курит Slims? Он бы еще гаванских сигар принес. Но хоть что-то, учитывая его изначальную несговорчивость. Попытка зачитать мне лекцию на предмет никотина и материнства была ликвидирована внимательным прищуром прежней Беспаловой. Аргументы о том, что Александр не давал таких распоряжений, вызвали смех. Выбора у него просто не оставалось. Но он мне отомстил оригинально — притащил обычные. От первой затяжки закружилась голова. «Брошу к чертовой матери, когда все нормализуется», — подумала я, наблюдая лунную дорожку на морской глади, вдыхая соленый запах, наслаждаясь легким бризом. Отравлять себя мыслями о том, что предстоит завтра к вечеру, я не хотела. Завтра мой ужас или оставит меня насовсем, или накроет со страшной силой.

Утро началось на позитивной ноте, если можно было так назвать тревогу, которую я с трудом скрутила в тугий узел и заставила замолчать. После завтрака мы отправились на шопинг — Виталина сразу взяла на себя роль гида по бутикам, я возражать особо не стала.

Немного напрягало присутствие Дениса в каждом из магазинов, но вскоре я перестала обращать на него внимание — он особо не беспокоил, находил самое удобное кресло, улыбался холеным девчонкам-консультантам, или же просто утыкался в планшет, не выпуская нас из виду, вернее, меня. В примерочную не поперся — и на том спасибо. Виталина оказалась той еще богиней шопинга. Сперва меня раздражало ее вмешательство, но, когда предложенные ею варианты одежды оказались куда выигрышнее, чем те, что выбирала я, просто сдалась. Тогда мне в голову не пришло, что она получила указание откорректировать мой стиль, и слава богу, иначе чувство протеста перечеркнуло бы изысканный вкус.

— Я хочу с той пряжкой, со стразами! — надула я губки, когда Вита безапелляционно втиснула мне в руки строгие черные лодочки с открытой пяткой. — Это скукота!

— Просто померяй с теми тремя платьями, где присутствует черный, — тепло улыбнулась она, и я, даже не примеряя комплект полностью, осознала ее правоту. Денис лишь добродушно улыбался, загружая объемные пакеты в автомобиль, а меня было уже не остановить.

— Купили все? — нейтрально осведомилась Виталина, когда я с неохотой отдала продавцу-консультанту очередной купальник, не желая выпускать эту лазурную прелесть из рук. — Можем возвращаться?

— Не совсем, — охваченная азартом шопинга, я хитро подмигнула приятной девушке за стойкой. — Белье. И позротичнее.

Тень недоумения промелькнула на лице Виты, но она быстро скрыла его под маской добродушной невозмутимости.

— Как вам это? — Продолжала улыбаться продавец. Черно-красные кружева на тонких лямках, изумительный балконет «Шармель». Я ощутила волнение. Впервые за все время, сродни эротическому. — Обратите внимание на эту модель. Гель «пуш-ап», трансформер посредством съемной бретели...

— Давайте все! — я скрылась в примерочной кабине, наслаждаясь замешательством вездесущего Дениса. — Вита! Как вам?

— Великоват... — вынесла вердикт Виталина. Черт, уменьшилась грудь? Конечно, я похудела от всех переживаний на полтора размера, грудь уходит первая. Хвала профессионализму продавца, которая быстро подобрала новый размер. Он сел как влитой.

— Юля, а тебе действительно удобно будет такое носить? — скептически заметила гид по стилю, оглядывая красную ажурную красоту и низкую посадку трусиков. Меня удивил ее вопрос.

— Конечно... Иначе зачем оно вообще? Девушка, подберите мне еще халат к комплекту. И чулки. И пояс. Вот, пожалуй, все...

Вечером я уговорила Виту выпить кофе на террасе. Она слабо возразила, но моя проснувшаяся решимость сейчас могла уговорить кого угодно... И, будь я посмелее, на что угодно.

— Вит, а Александр женат? — не то что меня это особо волновало. Вряд ли наличие супруги остановит его от того, чтобы по возвращению потребовать свою благодарность.

— Разведен. Уже давно, насколько я знаю. — Я научилась читать некоторых людей между строк за короткий отрезок времени. Она без слов поняла, что я планирую предпринять вечером. Так и хотелось натянуто рассмеяться ей в лицо — ведь явно считала, что у меня далеко идущие планы на его богатство и положение в обществе.

Если бы она только знала, на что способен страх, и до какой бездны отчаяния он умеет нивелировать самую тонкую и чувственную радость жизни! Но я ей этого не сказала. Она может сколько угодно полагать, что вечером состоится самое радостное событие в моей жизни, и только одна я буду знать, что это — приведение в исполнение сверхсрочного смертельного приговора для меня самой...

Взорвавшиеся черно-серые спирали целенаправленной паники, прямо в висок с последующей аннексией воли и спокойного ожидания, с яркой фотовспышкой разрезавших полумрак световых лучей от ксеноновых противотуманных фар, но не по периметру комнаты-убежища, нет, в самое сердце, разрывая бронезилет надуманной невозмутимости. Сжатие податливого эспандера насмерть перепуганной сущности по щелчку, оттиску пальца, карты доступа к потаенным страхам и метаниям Юли Беспаловой. Предвестник апокалипсиса выглядит именно так, мне не обязательно его видеть, слышать его шаги, мне достаточно признать этот факт. Он вернулся. Вместе с моим кошмаром, который, как оказалось, просто временно увозил с собой, прокатив с ветерком и вернув не просто в целостности и сохранности, нет, доставив обратно с тюнингом обреченной безысходности в ожидании окончательного падения.

Что он мог чувствовать сейчас? Усталость с дороги? Желание лечь спать с чувством выполненного долга (вряд ли его поездка была безуспешной — такие люди просто не умеют ошибаться, просчитывая любые ходы на десять шахматных партий вперед!) или же, наоборот, поудобнее устроиться в кресле с бокалом дорогого коньяка, может, даже с сигарой, по законам жанра, и уже там выстроить поэтапный алгоритм своих дальнейших действий, упиваясь ни с чем не сравнимым превосходством победителя? Может, даже вращая на пальце ключи от моей комнаты, рассматривая их сквозь призму наполовину полного бокала. Единственный несерьезный барьер, почти не удерживающий от того, чтобы получить свою награду, сейчас и немедленно? Наверняка эмоции вроде сопереживания, жалости к потерям невольной гостьи, попытка ощутить себя в моей шкуре — не его стиль, и даже если он это сделал, то лишь с одной целью — насладиться моим страхом, вычислить самые слабые точки, на которые стоит давить или скручивать в тугоплавкие узелки ментального бондажа. Я не понимаю, что это — миражи бескрайней пустыни моего страдания или порывы ментальных сирокко, которые иссушат за очень краткий отрезок времени вдали от спасительного источника ключевой воды под тенью оазиса. И наверное, я до боли в сжатых кулаках хочу, чтобы это был именно первый вариант! Пусть я заблуждаюсь. Пусть он действительно действует в ущерб себе из самых лучших побуждений. Пусть он просто скрывает эти проблески человечности под застывшей маской доминанта с большой буквы. Ведь положены же им выходные!

А тебе их так мало дали! Двое суток! Отдохнули оба, пора поработать...

Ему же ничего не стоит сейчас снять твой страх одним движением ладони, одной фразой. Он умеет быть убедительным, как никто другой! Почему он этого не делает? Пьет твой страх через перекрытия кирпично-бетонных стен, эмоциям они не преграда. Я не хочу думать о другом исходе, на контрасте с которым — пусть лучше вампирит мою безысходность всеми радарными-улавливателями. Он с таким же успехом может сейчас раскладывать на столе свою коллекцию кожаных-металлических девайсов, примеряя каждый из них к определенной части моего тела в ожидании вполне заслуженной благодарности за все свои действия... А разве может быть по-другому? И нет ему сейчас дела до того жгута психологической асфиксии, так ощутимо сжавшей холодные пальцы на лишенном ошейника горле, капитуляции, которая окончательно преопределила не так давно мою безоговорочную покорность. Что ему до подступивших слез неумолимой неизбежности,

которые я изо всех сил пытаюсь остановить? Что ему до моих самых ужасных воспоминаний и почти искреннего желания испытать эти ужасы снова?

Это больше не кажется таким ужасным. «Главное не девайс, а руки, которые его сжимают» — голос Димы никогда не уйдет из моих мыслей, не покинет самые глубокие архивы сознания, он всегда незримо будет рядом напоминанием о самом ужасном кошмаре... и самой прекрасной эйфории, которую я смогла оценить только после его гибели. Ни минуты раздумий или колебаний, предложи мне ангел тьмы повторить все это снова, пусть сильнее и больнее, но только с ним! Пусть цепи рвут кожу на ключья, пока ты истекаешь кровью — ты жива. Пусть вся боль анального изнасилования умножится вдвое, я готова пройти это снова, даже более того — пусть это будет при холодной атаке неумолимых зеркал до каждой фрикции и надсадного вопля, до малейшей сорванной связки! Пусть кнут не просто обжигает миксом холода и жара. Пусть испаривает до крови факсимильным оттиском нового защитного штрих-кода, чтобы никто больше не смел претендовать на сущность, которая принадлежит только единственному хозяину и повелителю, признанному добровольно! Росчерк кнута — высшая нотариальная доверенность передачи прав, которую никто не в силах оспорить! Ведь никто же? Почему ты не сделал того, о чем я тебя даже не просила — умоляла, вцепившись пальцами в щиколотки до разрывающей боли в суставах, признавая твою безграничную власть? Жалость? Нет. Чувства сделали тебя уязвимым, а я никогда не умела убеждать и настаивать. Вернее, умела, но ты избавил меня от этого навыка раз и навсегда...

Шум мотора. Неужели мне повезет? Сглотнув горькие слезы, выбегаю на лоджию, пользуюсь тем, что в комнате полумрак, и мой силуэт не будет замечен в темноте. Лучше б я этого не делала.

— До завтра, я утром заеду на рынок. Побалую свежими дарами природы! — Виталина машет рукой и уверенно садится в «нисан микра», чтобы тронуться с места. Удавка на шее затягивается, и тьма обретает насыщенный оттенок угля, который подбирается ближе, лишая даже шанса на спасение. Кажется, Денис ночует в доме... или же нет? Неужели я совсем одна, вернее, наедине с Александром, и никто не в силах его остановить, даже если я буду кричать во всю мощь своих связок?

Пока он был вдалеке, решение далось мне легко, словно выбор оттенка лака для ногтей или внезапное решение забыть про боязнь высоты и скатиться с витой водной горки в аквапарке. Кажется, легко. И не помнишь о том, как чуть не уехала головой вперед от нахлынувшей аритмии с болезненным стягом поперек испуганного сердечка. Как в панике оглядывалась на очередь жаждущих спуститься экстремалов, фиксируя закатанные глазки женщин (да чего эта фифа в бикини тут жметя?) и заинтересованные — мужчин, просекших твою уязвимость. Если б не дресс-код аквапарка, уже задушили бы себя галстуками. А вот и первый спуск... Помнишь желание вскарабкаться обратно, до паники, до онемения конечностей, которыми полагалось оттолкнуться? И незамеченный перепуганным сознанием рывок вперед, навстречу скорости, с перехватившим дыханием на спусках ускорителя? С застывшим в груди воплем, свистом воображаемого ветра в ушах, и потом... объятия спокойной воды бассейна с парой глотков раскрытым ртом от неожиданности — а все так быстро завершилось? Дойти, пошатываясь, до спасительной ниши зоны с шезлонгами, обхватив себя руками — глупая, ну чего в джакузи не сиделось! Никогда больше не поднимусь туда, аквапарки придумали... а, тогда еще термин «садист» не был тебе знаком. Наверное, ты подумала примитивнее — «камикадзе». Или «дебилы». А

спустя каких-то десять минут эйфория разогнала сжатые спазмы аритмии по крови...

К чему эта параллель из прошлого? Миллисекунды кошмара и теплые объятия бассейна постфактум, с ласковым шепотом, со знанием наперед, что все повторится снова? Боль? Ад?

Из-за одного, казалось, на первый взгляд, верного решения приехать сюда — цунами приближающейся катастрофы. Бездушные волны застывают ледяной скульптурной абстракцией, обжигают холодом, совсем иным, не тем, к которому я успела привыкнуть. С края пропасти в этот раз ты не взмоешь ввысь в свободный полет, наоборот, тебя гарантированно направят вниз, чтобы разбиться об эти бездушные застывшие гребни. Ужас вместе с хаосом выжигает руины на просторах безбашенной смелости. Никто не хочет тебя прежнюю, которая не боялась никого и ничего, кроме, пожалуй, высоты и каракуртов, которых ни разу за свою жизнь так и не встретила на каменистых тропах Кара-Дага. Никому не нужна ты настоящая с желанием жить и дышать полной грудью. Ты, конечно, можешь, но потом не плачь и не вжимайся в шершавую стену, растягивая в ладонях кружево французского бюстгальтера. Не кричи и не спрашивай себя, в чем же виновата, что никто из них не может простить тебе этой беспечной независимости и стремится продавить до основания. Им всегда будет мало твоего обнаженного тела, в погоне за обнаженной сущностью никто и никогда не остановится.

Я почти чувствую, как содрогается темная пелена ночного небосвода, дрожащие звезды теряют свои извечные орбиты в пароксизме этого беспощадного сотрясения. Непреодолимая сила обстоятельств трясет этот хрупкий манящий мир в своих ладонях, мало заботясь о том, что прежний порядок может никогда не восстановиться. У каждого своя, параллельная реальность с картой ночных небес, возможно, на ней полыхают совсем иные созвездия. Возможно, их не видно из-за непрекращающегося потока метеоритов, которые так ярко сгорают в земной атмосфере, а может быть, там они ближе, их можно достать рукой и не обжечься, потому что они холодные и бездушные. Не имеет значения, как выглядят чужие вселенные, как ярко светят бриллианты далеких систем, потому что они никогда не будут похожи на твою, а ее обладателю нет до твоей ровным счетом никакого дела, даже если она однажды погибнет во вспышке гиперсжатия. Он, наверное, даже насладится этим фатальным салютом умирающей сущности, спрятав осколки целого мира в своем замкнутом сейфе, повернув электронный таймер на запуск полного владения. Ему в чем-то повезло. И несказанно. Большую часть работы сделали за него — раскачали твой мир до выпавших креплений на орбите, подчинили колорант тьмы своему извращенному эго, осталось совсем немного. Уничтожить одним толчком, или же... Может, ты сможешь подчинить законы микрокосмоса себе, установить новые орбиты перепуганным звездам, успокоить неистовое биение пульсаров до полного расслабления и остановки в бездушном вакууме?

Я не хочу падения ночных небес с взорвавшимися осколками. Пожалуйста, просто не забирайся так далеко, тебе же несложно, или дождись полного восстановления... Какой смысл в разрушении руин? Зачем?

Разве сердце должно находиться там, где оно бьется сейчас? Под беззащитной впадиной артерии, согретое лавой алого цвета, отбивающее бит ударов, таймер скорого падения? Или от сердца остались безликие осколки, которые могут своим неосторожным дрейфом вскрыть кратер крови цвета зари?

Тонкий полиамид сопротивляется скорой участи, словно желая предупредить свою обладательницу о фатальности последующего шага, приспускает нить в немом крике длинной стрелой, а я отстраненно наблюдаю незапланированный суицид кофейного (это

что, вашу мать, был случайный выбор?!) чулка в ничтожные 12 ден. Даже ты не хочешь пускать меня туда, в обитель зла? Прости, я решила. Привычно связываю его в тугой узел, даже улыбаюсь неуместной мысли — без чулок кто-то лишится средств для фиксации рук... Мне проще не думать, что других веревок у него в избытке, и что не нужны они ему совсем, я вряд ли смогу пошевелиться. Закусив губы, чтобы не завывать от острой безысходности, застегиваю крючки кружевного бюстгалтера. В другое время я бы восхищалась изысканным плетением кружев ручной работы, перебирая пальцами мягкость манящего шелка, и, конечно же, как минимум час не отходила бы от зеркала, которое снова вызывает в глубине души панический ужас. Я помню себя в примерочной, там гарнитур Lise Charmel сидел идеально, ничего не изменилось за временной отрезок в десять долгих часов, которые растянулись по ощущениям на неделю. Какая разница, как оно на мне смотрится, я стараюсь не думать, что, возможно, уже спустя несколько минут кружевная прелесть будет валяться разорванным флагом павшего города на поверхности пола чужого кабинета, и я буду наблюдать за ней очень долго, потому что на коленях не предусмотрено иной точки обзора. Держаться взглядом, словно за спасительный якорь, за обрывки такого красивого белья, которое было для него лишь ненавистным барьером доступа. Мягкая резинка ажурных трусиков режет бедра, это не совсем хорошо. В последние дни от стресса кожа быстро краснеет, наверное, она будет такой от малейшего шлепка...

Может, хоть это его удержит!

Последний беглый взгляд в затемненное полумраком зеркало с неуместной, шокирующей своей смелостью аллегорией, но не прогнать, не промолчать, она уже в твоих глазах маяком иллюзорного спасения.

Может быть, все совсем иначе? Вселенная не делится на отсеки миллионов чужих индивидуальностей, она целостна и универсальна. Даже если представить на миг, что мы все возвели в своем сознании тонкие пласты разграничительных отсеков, с правом шатать, успокаивать, гасить, уничтожать или же ярче зажигать собственные звезды, разве апокалипсис отдельно взятого микрокосмоса не уничтожит землю, шаткую опору под ногами, для каждого из нас — и агрессора, и жертвы? Ради чего дезориентация орбит, если обломки сожгут метеоритным дождем одну планету на двоих?

Странно устроено сознание. Наверное, великие мысли не менее великих философов рождались именно в таких стрессовых ситуациях. Нет, конечно, вряд ли они познавали тайны бытия и сознания, примеряя бюстгалтер... И вообще, почему в философской науке мы не знаем ни одной женщины и ее учения?

Юля, ты опять думаешь не о том. Ты просто оттягиваешь время! Пойди и покончи с этим ужасом, который уничтожает тебя изнутри, иссушает час от часу, выпивая медленным глотком, оплетая неотвратимой паутиной — да, ты можешь терпеливо ждать неизбежного, не вылезая из, как ты полагаешь, защитного кокона, а он... он тоже будет хладнокровно ждать. Столько, сколько понадобится, до тех пор пока ты лишишься последних сил. Несправедливо? Неправильно? Это закон выживания. Пищевая цепочка, если хочешь. Да, грубо, но сути не меняет. Только много ли ему понадобится потом, когда ты рассыплешься в пыль от одного щелчка пальцев, без сил?

Вряд ли я понимала на том момент, сколько во мне было внутренней силы, заставившей решиться на этот шаг, ибо авантюрой назвать его было изначально неверно. Инстинкт самосохранения просто толкал вперед, грудью на амбразуру, а о другом инстинкте, который прозвали «основным», не могло быть и речи. Я не хотела этого мужчину ни капли. Ни

видеть, ни слышать, ни чувствовать в себе. Может, на уровне подсознания это был акт возмездия тому, кто не хотел уходить из моих мыслей, но в то же время, раздавая свои ментальные приказы, не сделал ничего, чтобы помочь. А мог ли? Тогда мне казалось, что да. Что в его силах если не самому спровоцировать, то договориться в высшей епархии о внезапном цунами на Черном море, падении крыши, да хоть смене сексуальной ориентации соперника! Но ничего не происходило, его голос молчал, и я, обозвав бывшего возлюбленного «слабаком», вытянула руки вверх, позволяя тонкому шелку алого пеньюара скользнуть по изгибу локтей и предплечий. Кажется, даже слотнула слезы от такого неправильного положения вещей. Все эти предметы соблазнительного женского гардероба полагалось надевать со счастливой улыбкой юной искусительницы, предвкушая страстную ночь и небо в алмазах, а не с потухшими глазами жертвы, отданной на алтарное растерзание тому, кто даже не вызвал ответной эротической аритмии. Страх — не в счет. Он просто сотрясает мою кровь под гулкой рокот невидимых тамтамов, опасность — она чем-то похожа на желание, но никогда ей не стать с ним одним целым. Не в этот раз!

На пике своей запутанной рефлексии я даже не совсем понимаю, что один страх временно испарился. Я сижу в кресле перед небольшим зеркалом, сжав виски пальцами, и задумчиво смотрю в свои собственные глаза, не концентрируюсь на их выражении.

«Какой прекрасный вечер... А мне так скучно!»

«Это ваше право, только сделайте это скорее!»

«У меня паук в ванной. Реально, такой огромный, мохнатый черный паук! Я пришла просить политического убежища!»

У кого-то лозунг — «мороз спасал меня по жизни». У меня — чувство юмора, которое я не потеряла даже в условиях недавнего кошмара. Пойму намного позже, что сознательно занижала свою волю к жизни, а сейчас...

Вздрагиваю, поспешно перевернув зеркало. Даже с этим страхом, как оказалось, можно бороться! Беглый взгляд на ноги, отбросить неуместную мысль о черных лодочках на шпильке, их стук по плитке коридора совсем не к месту. Босиком, как (в интерпретации ему подобных) и положено подчиненным партнерам. Просто сделай это и ощути уже совсем скоро, как ужас сам покинет твое сознание. Просто переверни эту грустную страничку своей жизни, преодолевая барьер из своих переживаний и страхов. И очень вероятно, что завтра с утра ты проснешься совсем иной.

Самая крутая водная горка в мире. Относись к этому именно так. Беглый взгляд по периметру комнаты — просто знай, что, когда ты вернешься, ничего здесь не покажется тебе прежним. Все будет иначе. Страх, можешь паковать чемоданы, скоро тебе здесь нечего будет делать!

Или ты пропишешься здесь навсегда, с карьерным повышением, со стальной табличкой «ужас» на дверях персонального кабинета.

Я не чувствую пролады ламината под босыми ступнями, как и пронизывающего холода плитки. Может, здесь она тоже оснащена функцией подогрева. Я не удивлюсь, если она гораздо мягче керамосплава — у таких людей предусмотрены даже эти мелочи...

Мне было бы проще, начни я считать свои шаги, но я намеренно этого не делаю, иначе отрезок в семь метров растянется на сто шагов. Решила — иди до конца, избавь себя от напряжения последних дней, просто пойми, что без этого ты никогда не излечишься.

Рука решительно повернула ручку двери. Если бы его там не оказалось, я бы вряд ли решилась снова на подобное безумие, как и на то, чтобы дожидаться его в кабинете,

развалившись на диване или, чего уж там, рабочем столе, в качестве приза.

Мне так не повезло. Он находился там, и вместо испуга с желанием пуститься наутек я с холодной рациональностью сообразила, что все это время, пока была предоставлена самой себе, мой предполагаемый мучитель был занят работой. Нет, никакого бумажного завала на темном столе с тонким абрисом ноута, я бы даже не сказала, что Александр выглядел усталым, нет... Мне еще не приходилось встречать подобной сосредоточенности, уверенного движения пальцев по клавиатуре (так быстро, что, казалось, они слились в сплошную линию), решительности настоящего делового человека, хотя, как казалось раньше, про отсутствие эмоций я знаю практически все.

— Юля. — Не отрываясь от работы, даже не поднимая глаз. Я не вздрогнула. Только поймала себя на неуместной мысли, что очень хочется заварить ему кофе и просто забиться в угол без всякого страха, только не отвлекать своим присутствием, не мешать, неспешно насладиться видом того, как эстетично может выглядеть работа других.

— Присядь на несколько минут. Я потом тебе все расскажу.

Мне показалось, или его бровь на долю секунды взлетела вверх? Но нет, ведь он даже не поднял глаз. Я смущенно стянула на груди почти прозрачный пеньюар, но так и осталась стоять. Может, хотела уравнять положение, только вот как можно было уравнивать положение пойманной в силки птицы, до которой временно самому охотнику не было никакого дела?

— Бояться нечего, — ни единой эмоции в ровном, спокойном голосе. — Но ты ведь не поэтому не спишь в такое позднее время.

Не сразу удалось сообразить, что мне не следует бояться совсем другого, а именно угрозы собственной жизни. Я с первого знакомства была уверена, что этот человек не бросает слов на ветер и всегда достигает поставленных целей. Интересно, как он обеспечил мою безопасность? Да как угодно. Может, суммой денег. Может, даром обволакивающего убеждения Альфа-Дома. Может, одним выстрелом в упор — ему к лицу любой из этих методов... Мое зарождающееся восхищение разрушено льдом последующей фразы.

— Я жду.

Ну что ему стоило тогда добавить минимум конкретики в свои слова? Как вполне логичное «я жду пояснений» интерпретировалось в моем погасшем сознании в «я жду немедленной благодарности?»

Уже такая знакомая паника, приправленная ядом какого-то необъяснимого волнения, сжала мое горло. Бежать! Я точно тронулась мозгом, загнав себя в клетку ко Льву! Я думала, бегу от страха? Да если я от него и сбегу, что делать с чувством вины, новым адом, который со мной никто не разделит?!

Возможно, он бы тебя не тронул. Но ты сама к нему пришла...

Резкий хук, и ангелочек с правого плеча слетел в нокдаун. Должна, обязана, хитро подмигнул черт с левого, потирая ушибленный кулак. Подмигнул и дал ощутимого пинка в спину, прикрепив для надежности черные крылья made in hell. Так автопилот этих крыльев и скоординировал меня к креслу, но это не было приземление по всем законам... Больше нет. Никакого выпуска шасси и одобрения диспетчера. Аварийная посадка, и никто до конца не знает, останется ли в живых, когда загорится топливо от искр турбин, сжигая в беспощадном пламени...

И не иначе как автоматика преисподней направляла мои руки, когда они потянулись к пряжке ремня брюк, а в мозгу полыхала только одна мысль — давай, покажи ему все,

особенно технику глубокого горла, которой тебя насильно в совершенстве обучили... Жизнь бесценна, только ты в своей обреченности, пуская розовые слюни по Димке, могла этого не понимать. Кто тебе вообще сказал, что движение вперед лишено боли, телесной или душевной?

Время замерло на какой-то миг, абстрагировав меня от новой шокирующей действительности, к которой я не была готова ни в коей мере. Никто не будет сбивать с орбиты мои звезды, нет. Моя вселенная сама взорвется, достигнув определенных пределов роковой обреченности. Астероиды недолетевших слов грозятся ударить на поражение, наверное, так бы и произошло. До меня даже эти слова долетают, как в вакууме, не имея скорости. В космосе всегда царит тишина, ты можешь ощутить полет звука лишь кожей, такими неуловимыми вибрациями.

— Юля, прекрати немедленно! Встань!

Что такое? Неудобно? Ах да... где ваша спальня с траходромом и закрепленными цепями по периметру? Почему ему так трудно закрыть рот? Я же не смогу идти дальше, если будут все время дергать!

Вспышка боли в плечах, потеря опоры занывшими коленями. Вот так, это по-нашему. На столе и лучше, чтобы я потом не очнулась...

— Отправляйся спать немедленно! Поняла меня?

Чувство нереальности происходящего освобождает даже от страха перед этим холодным командным голосом. Даже глушит агонию в висках — мои глаза зажмурены с такой силой, что натяжение кожи вызывает боль.

— Юля, хватит. Отправляйся спать, уже поздно.

Мои бедра упираются в столешницу, я все еще жду, когда грубо уложат на спину, ласка голоса не может обмануть. Едва ощутимое касание ладони на горящих щеках, попеременно с каждой стороны, боль в предплечьях от ослабленной хватки полыхает медленным огнем. Нежное касание, словно перышки крыльев потирающего фингал ангела. Так нежно, что разом захотелось... спать. Что за черт? Зачем это? Я в порядке, не фарфоровая вазочка, не надо бояться меня расколоть! Все уже в норме, неужели он не видит?! Я уперлась в его грудь, мотнула головой в акте дерзкого неповиновения. Кровь сильнее забурлила в ожидании логического завершения, с хваткой за волосы, грубым владеющим поцелуем. Ничего... Даже, казалось, вполне логичного сексуального всплеска в ответ на эти пока еще статичные качели.

— Спать. Ты решила меня разозлить? — эта ласковая угроза — самая тонкая из диверсий в его арсенале... хотя есть, наверное, другие... Рушатся барьеры той самой стратегии, которая чуть не убила меня стрелами ужаса, совсем немного не хватило. Безжалостный таймер, наверное, он сам не хотел прибегать к подобным методам — я чувствую именно так и именно это.

Что? Он меня не хочет? Беспалова, тебя только что послали? И это самая большая из твоих проблем на сегодня?

— Нет! — твердо произнесла моя сущность. Ладонь на щеке сжалась до ощущения неприятной, тянущей боли. Она была предвестником чего-то неизвестного, но я еще не осознала, что все мои сценарии пылают алым пламенем, попросту сгорают.

— Я в норме! Понимаете?! В норме! — заорала я, подняв голову....

Его взгляд опалил меня. Во рту пересохло. Тьма. Мрак. Вот что я там увидела. Куда делась спокойная рассудительность в зеленых глазах? То самое... Знакомое.

Что я знала о страхе и страдании, находясь в руках человека, которым, на самом деле, всегда неосознанно управляла снизу? Того, кого любовь сделала безумцем, но в то же время обезопасила от любого перегиба? Ничего. Как это могло быть, будь он сильнее и безразличнее, мне предлагалось узнать прямо сейчас. Я, кажется, даже слышу его голос и могу читать мысли.

Я проникну тебе под кожу, я заполню твои сосуды своей властью так, что ты никогда не сможешь вздохнуть без моего молчаливого разрешения, я лишу тебя права даже думать и хотеть, заверну блокираторы на твоих красных кнопках, эмоциональная дура, потому что ты слишком сильно любишь свой ужас и броски в крайности! Я научу тебя четко разделять грани, ты доигралась, ты еще не раз будешь проклинать меня и ту самую ночь, когда тебе не сиделось в своей комнате! И попробуй только возразить — ты не сможешь, потому что я спасаю тебя от тебя же самой, ты когда-нибудь точно убьешься на хрен! Сопровивляешься? Девочка, я не Дима. Кончился твой диктат на коленях, можешь забыть...

Крик зарождается в горле задолго до того, как ледяное цунами прошивает мой позвоночник сотней игл неотвратимости. Все остальное не страх! Даже не ужас! Ужас сейчас!

Разве не этого я добивалась? Этот кошмар зарядил капилляры, желание остаться и желание сбежать сцепились в противоборстве под дразнящий смех чертика. Выбор сделал он сам.

— Юля, уходи сейчас же. Немедленно! Разговор окончен. И я не понимаю, чего ты кричишь? Разве не здорово, когда твоей жизни больше ничего не угрожает?

Его руки разжимаются, он отходит на пару шагов. Оценивающий взгляд. И я жалею, что больше никто не хочет меня убить. Лучше смерть, чем то, к чему я только что так неосознанно прикоснулась, потому что я даже в страшном сне не могла предположить, что подобное бывает.

Бездушный сканер теплеет, и я, наверное, улавливаю изменение оттенка его глаз. Зеленый имеет свойство успокаивать.

— Понимаешь теперь? Держись от меня подальше. Мне не нужны твои жертвы. И отправляйся спать...

Нет смысла считать шаги, метры привычного и такого желаемого сейчас маршрута обратно, в безысходный уют временной обители, где есть хоть мнимая безопасность и защита от того, чьи изощренные игры я осмелилась нивелировать своей бесшабашной смелостью во имя избавления от страха. Тело кидает из пламени пожара в липкий ледяной пот, окутывает этим контрастным душем двух конфликтующих стихий, в которых не разобраться, пока я движима лишь одним инстинктом — бежать без оглядки, спрятаться, может, даже соорудить веревку из простыней, чтобы сбежать, скрыться, только... только я не представляла, куда и зачем, и что меня ждет дальше, где одна щемящая пустота и никакой надежды.

Замок на два оборота трясущимися пальцами. Нежный шелк халата, едва не разрывая, прочь, вместе с этим путанским набором из бюстгальтера и стрингов. Ничего нет привычнее обычной хлопковой пижамки из футболки и шорт, в ней, наверное, я настоящая, уязвимая и закрытая.

Слезы не думают останавливаться, а я их не замечаю, я не понимаю, от чего ломает сильнее — от ужаса, испуга, чувства загнанности в угол или же от того, чего так и не случилось. Это не крушение плана, это отсрочка приговора с целью сжечь мои нервные

клетки в адском костре! Пси-садизм в его чистейшем виде, извращенное право самого сильного Хищника, который не будет отступать от задуманного в угоду твоим зонам комфорта!

Сигарету щелчком, рассыпав содержимое пачки по полу, на просторную лоджию за глотком спасительного кислорода/никотина, с отстраненной мыслью — я так никогда не брошу. Стирая подушечку пальца на колесике зажигалки, так сильно в нее вцепилась, чтобы отстрочить неминуемую дрожь по всему телу, затяжка до невидимых ссадин по изнеженным связкам. Твою мать! Ну когда вся эта хрень достигнет своего логического завершения?!

Далекие звезды холодны и статичны, ничего не изменилось в моей личной вселенной за эти... я же наверняка там пробыла не больше пяти минут, а кажется, пролетели часы. Курение и аритмия — не лучшие союзники, но я этого не замечаю и не осознаю. Никотин сейчас доктор, а не медленный убийца!

— Откуда у тебя сигареты?

Чему удивляться? Или я всерьез полагала, что замок на два оборота его остановит? Я не поворачиваюсь, не кричу от страха, не гашу окурки о стену, подчиняясь рефлексу пойманной с поличным. Мое состояние сейчас можно легко и четко описать двумя словами: «агрессивная апатия».

— От верблюда!

— Если я не ошибаюсь, ты недавно пережила бронхит и еще до конца не восстановилась.

— Вы что, доктор?

— Если понадобится. Выбрасывай.

Я трясую головой, и никакая сила меня сейчас не заставит обернуться и вновь запустить цепь под названием «ужас». Я не хочу видеть этот понимающий прищур бесчувственных глаз, который не скрыть даже в темноте.

— Юля, — ни раздражения, ни повышения интонации, но я давлюсь дымом, с трудом сдержав кашель. Вкрадчивый голос расплавил прутья колючей проволоки под названием «дерзость», перенастроил все мышечные волокна и сухожилия, следующая команда окончательно подчинит их своей воле. — Если мне придется тебе помочь, ты будешь, мягко говоря, не в восторге.

Я это знаю. Но я и не хочу никакого восторга. Просто потрясающее желание самоуничтожения... или ради избавления от страха я готова пройти кошмар?

— Это норма — вламываться в спальню? — мне надо сказать хоть что-то. Я не буду пресмыкаться, хватит.

— Может, ответный визит?

— Только у вас было не заперто.

Я сильно напряжена, чтобы понять, что в его словах безопасная, даже умиротворяющая ирония. Собственно, я пойму это не сразу, пройдет несколько месяцев.

— Выбрось то, что у тебя в руках, и немедленно отправляйся в постель.

Хрена с два! Курить гораздо безопаснее, чем то, что произойдет в постели! Но готовая слететь фраза «не брошу» гаснет, не успев оформиться в звуковой сигнал, и уже в следующий момент я потрясенно моргаю, наблюдая, как алый огонек, описав дугу, исчезает за перилами лоджии. В руках пусто.

— Умница, девочка. Дверь не закрывай.

Я отсчитываю его удаляющиеся шаги с апатичным спокойствием приговоренного к

смертной казни. Монстр решил быть великодушным, взять свою награду без применения грубых практик? Хорошо, что я не успела вздохнуть с облегчением, принять за правду иллюзию того, что все позади, и никто меня не тронет. Может, остается только радоваться тому, что не будет применения грубой физической силы? Да и этого мне никто не обещал...

Время тянется медленно, но мне все равно. Настолько, что я автоматически раскладываю «кэнфилд» на планшете, завалившись поперек кровати и согнув в коленях ноги. Может, я устала бояться? Да, именно так. Пока его нет рядом, мне не страшно!

Это было так легко осознать на контрасте с узкой полоской света от приоткрывшейся двери и мужским силуэтом в проеме. Мне захотелось сжаться, вдавиться в стену, провалиться сквозь матрас, только не видеть и не рисовать в воображении новые картины ужаса. Я заторможенно отложила в сторону планшет с первой партией, которую начала выигрывать за все время и с трудом подавила жалобный всхлип с диким желанием отползти и вцепиться руками в деревянные столбики изголовья, чтобы никакая сила не могла оторвать от надуманного якоря безопасности. Остановила только мысль о том что, возможно, вцепившись в эти перекрытия, я дам ему превосходную идею или же облегчу изначально поставленную задачу.

Чем можно было измерить всю глубину моей неадекватности? Да хотя бы тем, как я истраكتовала непонятный в полумраке цилиндр в его ладони... вернее, с чем попыталась сравнить. Даже вскрикнула, когда электрический свет залил комнату.

— Вита сказала, ты не пьешь. Это что за геройство вместе с акциями протеста?

Я смотрю на стакан с молоком. Мне бы расхохотаться от того, с чем я его сравнила, вспомнить Зигмунда Фрейда, но плотно сжатые губы Александра не располагают ни к тому, ни к другому.

— Я... я не могу пить молоко.

— Я смотрел медицинское заключение, у тебя нет аллергии на лактозу. Укройся одеялом и выпей медленными глотками!

— Я не буду!

Он не настаивает. Просто ставит стакан на столик, без театрального вздоха или других проявлений неодобрения, но тонкие губы все так же сжаты в плотную линию, а от одной только попытки поймать его взгляд меня прошибает противным разрядом острой уязвимости.

— Скажи мне, Юля, — никакой наигранности в этом задумчивом взгляде в сторону, в мягкой трактовке риторического вопроса. — Почему тебе так нравится меня расстраивать?

Много ли надо, чтобы паническая дрожь наконец пробила блокаду обманчивого анабиоза? Сколько ударов перепуганного сердечка до запуска красной кнопки бесконтрольных рыданий сорвавшегося сознания? До гребаного дежавю с извержением вулкана задавленного воспоминания с красными каплями крови на белой коже чужих туфель, сжатыми в судорогу пальцами вокруг чужих щиколоток, спазмом горла и меркнувшим сознанием? Это долбанное молоко с противной пенкой сейчас единственный барьер между рвущимися канатами самоконтроля и падением в бездну с росписью в собственной слабости. Я не замечаю, что оно обжигает горло, взрывается в желудке вспышкой болезненного жара, с выбросом испарины по лбу и спине, я даже не сразу чувствую прикосновение ладони, перехватившей запястье.

— Ну, что такое? Я сказал, медленными глотками! — он осторожно разжимает мои пальцы, сжавшиеся вокруг стакана в спасительной хватке, чтобы вернуть его обратно на

прикроватный столик. Но эти руки не собираются отпускать меня так скоро. Повелительное нажатие на плечи. Погасший в зачатке крик с желанием вырваться и сбросить сильные ладони, эта попытка обречена на провал изначально, я просто закрываю глаза, ощутив, что голова коснулась подушки. Под одеялом жарко, но когда ОРЗ подчинялись температурному режиму...

— Ну вот. Такая послушная девочка. И совсем не трудно, правда?

Трудно. Б..дь, это нереально трудно, но мне наглядно продемонстрировали, чем заканчиваются любые попытки сделать по-своему! Меня не может обмануть его ласковый голос, эта мнимая забота с оттенком неподвластного простым смертным превосходства. Я, наверное, очень хорошо знаю цену подобной ласке, ее синоним — окончательная и безоговорочная ломка. Прессинг под сладким сиропом не спутать ни с чем.

Юля, а ты ожидала чего-то другого? Чего трясешься именно сейчас, если с самого начала нарисовала в воображении картины куда страшнее? Надеялась, что они никогда не воплотятся в жизнь?

Мне хочется сбежать. Дождаться его ухода, и... но я даже не могу упаковать сумку, ничего из того, что висит в шкафу, мне не принадлежит.

— Вы сказали... все в прошлом, — я не плачу только чудом. Наверное, мне нравится ощущение этого напряжения, ужаса, ранимости и неспособности принимать решения, потому что... пустота куда страшнее! — Я могу вернуться домой? Мне же больше никто не угрожает?

Долгий взгляд. Горячее молоко, вкупе с повышенным давлением, кажется, плавит время и пространство под атакой беспристрастного взгляда.

— Если ты не против, то не в три часа ночи. — Одеяло почти до шеи, вместе с властным нажатием. — Раскроешься — никакой прогулки на яхте завтра. Тебе понятно?

Я только потрясенно моргаю, хотя, такие качели куда опаснее для психики. Правая ладонь спускается по руке вниз, огладив запястье.

— Что необходимо для полноценной прогулки на яхте? — тон препода-экзаменатора, и я не успеваю сообразить, как попадаюсь в расставленную ловушку.

— Эммм... наличие яхты? — я ловлю его взгляд, в поиске одобрения правильного ответа, и только спустя несколько минут до меня доходит смысл сказанного. На контрасте с его потрясающей серьезностью это производит эффект домино. Как мало надо, чтобы, умирая от ужаса минуту назад, сейчас закусить край одеяла, не в силах сдержать смех!

— Чувство юмора, Юля! И отличное самочувствие. А теперь спать! — он улыбается взглядом. А я лишь спустя несколько долгих минут, вытирая слезы от смеха, допиваю остывшее молоко под одобрительный кивок...

— Епт твою маму! Это дельфины!

Сегодня мою эмоциональность не вытравить ничем. Такой защитный рефлекс, ноу-хау истерзанной психики, которая уже устала от моих закидонов и решила испробовать все методы, чтобы не двинуться окончательно. Препрежний темперамент никуда не делся, просто долго спал, а сейчас спешит отвоевать утраченные позиции. В этой войне против депрессии у него довольно высокие шансы на победу, и я не намерена ему мешать. Правда, помогать тоже — мне проще занять позицию наблюдателя. Ведь «каждый мнит себя стратегом, видя бой издалека».

— Ты слишком часто ругаешься. — Темные стекла очков скрыли взгляд, который вот уже столько времени лишает меня самообладания, но я все равно ощущаю его непроизвольно напрягшимися позвонками. Только ладони крепче сжимают перила белоснежной яхты, а темно-синие волны за бортом больше не кажутся такими угрожающими. Я только утром поняла, как сильно хочу домой, чтобы не ощущать его присутствия и не слышать голоса, который разбивает песчаные замки воли недрогнувшим тембром.

— Не так уж и часто... Правда... — хочется стукнуть себя по лбу за оправдательный лепет. Я с сожалением вздыхаю, когда парочка резвящихся дельфинов, совершив финальный прыжок, исчезает в темно-синих глубинах моря. Еще относительно рано — только десять часов утра, но солнце уже ощутимо припекает. Пока спасает соленый, свежий ветер, который пробрал до озноба на пристани.

— Не твое это. Леди не выражаются.

Где-то я уже это слышала. Мат почему-то плющит нежные мужские уши. Это, наверное, фобия всех доминантов? Им можно все: хлестать тебя всеми подручными до кровавых полос, приковывать цепями, держать в заточении, ломать волю, выбивать слезы, насиловать, не спрашивая согласия — вот только тебе материться нельзя. В подобной интерпретации «леди» не встают с колен и не имеют права даже носить одежду, пока хозяин не разрешит. Мне бы рассмеяться, но почему-то совсем не смешно!

— Я не леди. В роду не было аристократов и голубой крови. — Оттягивать возвращение за столик все сложнее, солнышко печет, а широкополая шляпа спокойно лежит на стуле рядом с ним. Что в этом ужасного, спросите вы? Да ничего, если б не тот факт, что я уже два часа успешно отражаю малейшие попытки вывести меня на откровенный диалог. Если к разговору о том, что произошло ночью, я почти готова, то к психоанализу двух роковых недель я не буду готова никогда. С меня хватило Стерхова, но он, по крайней мере, был доктором, который свято соблюдал принцип «не навреди».

Вот почему я избегаю разговора, вот почему боюсь оборачиваться и увидеть вместо него совершенно чужого человека. Живу в прежнем мире, люблю эту разбившуюся иллюзию, в которой нет нашей разлуки и последующего кошмара. На пирсе я с болезненным ожиданием, замирая от возможной удачи, вглядывалась в десятки чужих лиц случайных прохожих, в каждый силуэт, в надежде, что...вдруг увижу. С вполне логичным сожалением — мы очень рано выехали, отдыхающих так мало, мы ведь вполне могли разминуться на какие-то...полчаса? Десять минут? Цеплялась взглядом за проезжающие мимо автомобили, в надежде разглядеть «Лендкрузер Прадо», даже не понимая, что он остался в Харькове и следует высматривать совсем другую машину. Я так его и не отпустила. И, положив руку на

сердце, не отпущу уже никогда...

Разговор неумолимо расставит все точки, а я этого не хочу. Мне проще думать, что он жив, чтобы окончательно не свихнуться, а Алексу нет до этого никакого дела. Принцип «идти вперед, не оглядываясь назад» меня не вылечит. Я не смогу двигаться дальше сама. Во что превратится жизнь? В набор одинаковых дней, единственным просветом станут воспоминания. Я, наверное, не смогу построить никаких отношений. Конечно, все проходит, все меняется, может быть, спустя год я и смогу. Может быть! Я только перестану ждать возвращения того, кого больше нет...

Эта черная пелена пока что контролируемого отчаяния неумолимо рвется наружу, и, наверное, лучший выход — действительно отвлечься. Вернуться за столик, следуя неровными шагами в такт медленному покачиванию яхты на непослушных волнах, спрятав глаза за темными стеклами очков, возвести эту воображаемую стену от всех сканеров, скрыть свою уязвимую сущность от перекрестных выстрелов такой несправедливой, жестокой жизни. Занять свои руки, вернее, пальцы ощипыванием виноградной кисти — это тоже было, совсем недавно, это возвращение к чему-то хорошему...

— Дома все хорошо? Что тебя беспокоит?

Утром я разговаривала с мамой по телефону. Карточку восстановили. И, о чудо — мой паспорт тоже! Вручил утром с теплой улыбкой, прочитав на развороте — «Беспалова Юлия Владимировна... Держи, и больше не теряй!» Он был копией того, прежнего, а я этого даже не поняла сейчас. Пойму позже...

Мать встает рано, хотя ей давно уже не надо так много работать, появление Виктора избавило от этой необходимости, но привычку не искоренить. Хорошо ли дома? Дома всегда хорошо, особенно в свете последних событий. Там меня ждут. Бойкая Настя никогда не умела скрывать свои эмоции и планы, готовит к моему возвращению что-то грандиозное, всерьез полагая, что мне будет интересно в компании девятиклассников... А знаете, будет! Я поняла это только сейчас. Мои отношения с одноклассниками иначе как «тихий ужас» назвать было нельзя, я даже не могу вспомнить, чем жили и дышали мои одноклассники, мне никогда не было места в этом избранном затасканном мирке, я выбрала тогда одиночество, удел сильных, чтобы не жаться к толпе. Насте повезло больше, и мне хочется посмотреть на то, как могли пройти мои школьные годы, сложились иначе обстоятельства. Если бы ребята и девчонки были немного добрее, как, впрочем, и взрослые, которых министерство образования обязано было держать в конуре и не подпускать к детям. Знаю, прошло, закалило, выковало характер, не стоит вспоминать. Но я в последнее время коллекционер эмоций, и эти не станут лишними. Может, мне хочется пофантазировать — а как бы это могло быть? Мне спокойно. Нет ни зависти, ни сожаления, наоборот, я так рада за сестричку! А отчим звонил ей вчера, сказал: я вернусь и сделаю из Юльки Китнисс Эвердин. Он, конечно, продвинутый дядька, смотрит все молодежные фильмы и слушает рок, я лично посадила, но я в предвкушении! У нас одна страсть — оружие. Боюсь этого ожидания! А мама будет недовольна. Скажет, когда на стене в доме висит оружие, оно рано или поздно выстрелит...

— Твоя мама — мудрая женщина. Я в некоторых вещах с ней, пожалуй, соглашусь.

Я отбрасываю волосы со лба. Наличие темных стекол солнцезащитных очков временно уничтожило уязвимость и ощущение острого неравенства между нами. Смотрю на него все равно, в целях предосторожности, чуть скосив глаза — игра света и тени может выдать мой взгляд с определенного ракурса даже за стеклами.

— Мне иногда кажется, что она хотела сына. А родилась я. И страсть к оружию — единственное, что это подтверждает.

— Но его предназначение — уничтожение. Тебя привлекает именно эта аура опасности и уверенности в себе. Что ты ощущаешь, когда держишь его в руках?

Как легко вести эту непринужденную беседу! Как грамотно он выстроил весь наш разговор, снимая мои защитные пластины осторожно, мягко, шаг за шагом! Я не вспомнила об измотавшей меня ночи, о возможной угрозе в его лице, о том, что еще утром едва не вцепилась в фартук Виталины в поиске защиты, лишь бы отстрочить прогулку на яхте. Я всерьез полагала, что меня там отшлепают по пятой точке за ночное своеволие.

— Не знаю. Уверенность? Может быть, но... больше азарт. Душевный подъем. Адреналин. Иногда даже такое странное чувство, что я зашла на недозволенную территорию, но ее правила оказались для меня просты и приемлемы. Но в основном... Мне не нравится убивать. Я когда с Виктором — это отчим — на охоте подстрелила кролика, плакала. Но после этого страсть к оружию не угасла.

— Ты ощущаешь себя защищенной? И полагаешь, в состоянии дать отпор любому, кто решит обидеть?

— Вряд ли я это смогу даже с полной обоймой. — Воспоминания не атакуют, они проходят короткометражной черно-белой хроникой, чем-то таким родным и закономерным... — Раз я чуть этого не сделала, и... это было ужасно.

— Да неужели? Ты держала человека на прицеле?

— Можно и так сказать... — отголоски прежнего страха царапают легкие.

— И что тебя от этого удержало?

Несколько фраз. Уверенных, убивающих, ломающих волю, вскрывающих сущность сабы до основания. Они, кажется, отпечатались в сознании кровавым незаживающим надрезом, потому что именно в тот момент я приняла свою безоговорочную капитуляцию.

«...выдеру тебя кнутом до крови. Оттрахаю во все дырки так, что не сможешь пошевелить пальцем. Вырежу свое имя на твоём бедре, твою мать. Будешь потом рассказывать своим детям, что я был твоей первой и последней любовью!»

Происходит что-то непонятное... сухой науке и мне самой. Забыв про защиту темных стекол, хочу словить взгляд собеседника, упираюсь в аналогичный барьер полароидной защиты, всего на мгновение. Я не понимаю как, но меня это не останавливает. Молчаливое одобрение и иллюзорное ощущение тепла от сжавшихся пальцев. Так мало и так достаточно, чтобы я не закрылась эмоционально от этих рвущих сердце воспоминаний.

— Хм, наверное, то, что было тогда у меня в руках, можно с большой натяжкой назвать оружием... — Ужас того самого дня уничтожен полным осознанием картины. В состоянии аффекта, наверное, могут убивать даже взглядом.

— Когда человек доведен до отчаяния, ощущает угрозу, загнан в угол — мозг начинает работать на предельной скорости, поэтому повышается сердцебиение, и ощущаешь действительно что-то сродни азарту от прилива крови. В силу повышенной концентрации подсознание выбирает предметы из подручных средств, которые могут обеспечить самооборону. Убить можно даже шариковой ручкой, кстати, — его брови чуть поднимаются вверх над стальной оправой «авиаторов» в невысказанном вопросе.

Когда я изучала материалы гугла и вики, мне попала на глаза статья... Может, если бы я нашла побольше подобного контента, а не страшилки форумчан, все было бы иначе. «Учись предугадывать желания Мастера». Похоже, я начала делать первые успехи на новом

минном поле.

— Наручники на стальной цепочке! Тяжелые... — мои щеки заливают краской смущения. Как еще хватило ума прикусить язык и не пуститься в объяснения, что я была при этом голая. — Я не понимала, что делаю. Только потом... Если бы точнее ударила в висок... или выбила кадык... это же верная смерть, но в тот момент этого не понимала...

Интересное общение у нас получилось. То, что он подводил меня маленькими шажками к самому основному — ликвидации чувства вины, мне на тот момент было не понять. Так разговорить меня, лишив неприятных эмоций и практически не нарушив зоны комфорта, смог только Стерхов. Спустя время — выйдет еще у одного человека. Но пока я этого не знаю.

— Юля, в этом совсем нет твоей вины. Слышишь меня? — его голос не дрожит, но я поспешно качаю головой, уловив беспокойство там, где его не могло быть и в помине.

— Конечно, нет. Я ведь так этого и не сделала...

— Никто не имел права лишать тебя добровольного согласия. Что бы об этом ни говорили и как бы ни аргументировали.

Мне все же холодно под палящим солнцем. Этот психологический холод, наверное, никогда не отпустит, он прописался в ДНК на всю жизнь вместе с панической жадой совсем не сладкой обреченности. Чтобы выпить горячего кофе, нужно спуститься в рубку. А я не могу пошевелиться, в то же время не желая понимать, что активировалось защитное поле, которое отсекает весь негатив, срывающий защитные барьеры, выпуская эмоции, и выйди за его пределы — утонешь в своих надуманных страхах и ожидании неизбежности, будешь в панике смотреть за борт и прикидывать расстояние до берега, а еще лучше — вжиматься в кресло, стиснув зубы, представляя, что рассказ о наручниках завел твоего визави похлеще всякой виагры, и ночью кошмары обретут четкую и понятную форму.

— Он сказал, что я из тех людей, которым запрещено давать выбор.

Пальцы на миг теряют чувствительность, и я недоуменно провожаю взглядом надкусанный персик, который не смогла удержать в руке, он беспрепятственно катится по палубе. Проиgnорировав тревогу, которая похожа на порыв сухого, жаркого ветра, а не на такой привычный лед, приказываю сама себе — держать в руках. И себя, и фрукты. И гнать ассоциацию из прошлой жизни с соком нектарина, который Дима так эротично снимал своими губами с кожи, возвращая меня из замкнутого мира похожей апатии.

Сегодня произошло что-то неподвластное разуму и логике. Я впервые ощутила его. Так, как могла раньше ощущать только Диму. Нет, слава моей недалекой сообразительности, я не поняла этого. Ментальные вибрации замкнутого купола не обрели свою осязаемую форму, не вызвали ничего из того, что должно было меня насторожить — ни бабочек внизу живота, ни желания прижаться в поиске источника тепла, я даже не до конца избавилась от страха кролика перед удавом. Я впервые словила его волну. Что именно это было? Возмущение? Злость? Ярость? Может, даже ненависть? Я никогда этого не узнаю, так как он способен прятать свои эмоции в совершенстве. Все дело в другом — как я смогла уловить этот телекинез, закрыв все эмоциональные шлюзы, но непостижимым образом оказавшись в этом биополе избранного замкнутого мира?

На миг мне показалось, что он в ярости из-за меня, из-за прошлой ночи. Может, из-за моего своеволия, а может, из-за провокации, которая попала в цель. Хотелось верить, что мое отчаянное показательное выступление не вызвало ответной реакции, но умом я понимала, что полного равнодушия не было и быть не могло. Все что угодно. Как в его мире

расправляются с теми, кто проявил подобное своеволие? Что бы мне угрожало, не окажись я слабой после болезни? В попытке постичь еще Димкиных тараканов я перечитала довольно много художественной литературы, большинство романов в деталях расписывало жесткий регламент подобных отношений. Такое с рук не спускают, но реальный мир очень сильно отличался от авторских вымыслов. Уводил от реальности, причем в крайности...

Я очень скоро поняла, что он все же злился, более того, горел в глубине души от ярости не на меня, а на своего ученика, которого не смог провести по минному полю своего учения без ущерба для окружающих. То ли не проявил достаточной твердости и авторитарности, то ли не смог вбить в чужое бунтующее сознание тот факт, что добровольность никогда нельзя отнимать, как и принимать эгоцентричные решения за других. Так глубоко проникся моей болью? Или своей несостоятельностью в этом вопросе? Я не спросила. На тот момент я мало что понимала. Отдыхала с его молчаливого позволения под тентом внушения, где ключевыми понятиями были безопасность и умиротворенность, старалась не думать о вечере, потому как скорое возвращение домой сейчас отсекло острым лезвием тяжелые мысли. Да и, положа руку на сердце, я очень легко и быстро поверила в его благородные порывы.

— Исключение принципа добровольности неумолимо ставит под удар остальные принципы. Потому что каждый из них в отдельности можно назвать взаимополагающим. Тебя безжалостно загнали в стрессовые рамки, не оставив выбора, и уже вследствие этого принцип безопасности оказался недееспособным. О разумности в подобных условиях даже говорить не стоит...

Мы еще долго проговорили. До вечера. Мой страх в этот день растаял под жарким солнцем Ялты до микроскопических капелек, которые тоже должны были превратиться в пар, но ласковый закат и свежий ветер с едва уловимым дыханием приближающейся осени сохранили их в кристально прозрачном виде, именно в той кондиции, которая была необходима для развития чего-то нового спустя время. Я об этом практически не думала. Мне проще было записать Александра в список тех людей, которых ангел-хранитель в нужный момент привел в мою жизнь, соединив пути, спаяв перекрестки, обозначив его полномочия четкими границами.

Чтобы защищал. Чтобы не хотел. Чтобы относился, как к дочери, которой никогда не было. Чтобы не позволил скатиться в бездну тьмы или же безумия, просто перенастроив обостренные струны полыхающих нервов на новую частоту. Неважно как, пусть она будет выслана эмоциональной агонией, ожившими страхами и нелогичными действиями. Пусть я испугаюсь по-настоящему, в последний раз, но осознаю — пока я чувствую так глубоко и так больно, жизнь продолжается. Она не делится на «до» и «после» и никогда не делилась. Она движется вперед, плетет свой узор, иногда грубой дратвой садистского шибари, иногда морозными узорами на стекле или же ласковой гладью дождя по оконным стеклам, росчерком радуги вдалеке, порывом нового ветра перемен к лучшему, торнадо обостренных эмоций, приливами и отливами жизненных обстоятельств. Она есть, и в ней куда больше белых полос, только нужно уметь их увидеть, зацепиться, набраться сил и пойти по ним вдоль. Эффект зебры создаем не мы, и даже не обстоятельства. Всегда найдутся те, для которых твоя темная полоса станет элитным сортом его белоснежной дорожки, и он постарается перечертить твой монохромный маршрут, подчиняя своим правилам. Ведь если задуматься, мы сами создаем себе куда меньше черных сплошных полос...

Но что-то все же изменилось. Неотвратимо. Без права на возвращение. Я могу бороться

с обстоятельствами дальше, но в остальном...

— Скажите... — Я позволяю себя обнять. Да, вашу мать. Именно так! Без какого-то надуманного подтекста, просто даю укутать свои плечи шалью — сожгла, сильно долго была на солнце. — Вы... точно знаете? Вы видели его мертвым?

Пауза. Вздрагиваю от едва уловимого нажима сильных длинных пальцев на моем плече.

— Юля, мне жаль. Ты должна отпустить это.

— Как? В огне? Это же не быстрая смерть? Или...

— Юля, запрещаю тебе даже думать об этом. Просто отпусти. Твоя жизнь продолжается. Не позволяй ему управлять ею с того света!

Мне страшно даже представить, что означает принадлежать такому человеку. Его приказы не обсуждаются, вряд ли хоть у кого-то хватит на это сил и духу, чего уж там — попроси он ласковым тоном упасть на колени, я бы не успела даже опомниться. Прошлой ночью фраза «почему тебе нравится меня расстраивать?» сломала мое сопротивление с эффектом, равносильным десятке ударов кнутом. Что могло означать наказание в исполнении ему подобного, я боялась даже думать.

Я так и не добила никакого ответа.

— Знаете, а меня не покидает чувство, что он остался жив...

— В этом нет ничего удивительного. Между похитителем и жертвой всегда устанавливается необъяснимая связь. Все-таки я не могу сказать, что ему было все равно, что ты чувствуешь и как это воспринимаешь. Дмитрий любил тебя. По-своему, так, как мог только он сам, но — любил.

У меня перехватывает горло. Я всегда это знала, он был из тех людей, кто никогда не боялся об этом говорить. И насчет сверхъестественной ментальной связи — в точку. Только никто не сумеет разубедить меня в том, что это связь прервалась.

Однажды я увижу твою могилу. И... нет, не осознаю. Не начну биться в истерике и рвать на себе волосы, молотить руками о твердый гранит надгробия, нет... Просто посмотрю в глаза близкого тебе человека и скажу: «А вы уверены? Там же нет никого»... Я не почувствую ничего. Я буду просто стоять, не замечая порывов ветра и скользкого дыхания приближающегося затяжного дождя, вести такой привычный для нас диалог через пространства, не ощущая одного — твоей близости под каблуками моих туфель, под пластом безжалостно твердой земли. Я никогда не буду ощущать тебя мертвым. Я буду вздрагивать, чувствуя твое присутствие, оборачиваться на взгляд и замечать осязаемую тающую тень за спиной. Будет именно так...

Больше за этот вечер я не задавала Алексу никаких вопросов — чувствовала, мне не получить на них ответов. Общение вошло в ровную, но не вполне привычную колею почти светской беседы. Закончили почему-то снова оружием. У этого человека был дар снимать напряжение и располагать к себе, и в то же время — держать на дистанции, выстроить неагрессивную линию обороны. Защищал он в первую очередь меня. Так мне тогда казалось, хотя многое было скрыто от неискушенного восприятия.

Можно было видеть угрозу своим стальным шипам в уязвимых лепестках орхидеи, которая навсегда утратила черный окрас. Белые были беззащитны, их ломали, сжимали, раскладывали на лепестки, бросали к ногам, но сила в них была. В их необъяснимой хрупкости. В их окрасе цвета жизни и веры в лучшее. В этой трогательной нежности, которая не умела жалить ядом и защищать свою свободу, которая могла лишь сложить свои лепестки, позволяя себя сорвать и унести... и может, именно это остановило руку охотника,

который не захотел наблюдать ее гибель в неволе. Не захотел путем невероятных усилий — ему ведь ничего не стоило разрушить хрупкий цветок; более того, желание подчинить красоту, овладеть ею было основополагающим. Он просто взял себя в руки. Он смог. Это была демонстрация его высшей силы, перед подобным диктатом склонялись даже соцветия цвета тьмы...

Я понимала очень многое уже тогда, не отдавая себе в этом отчета, но для полного осознания мне потребуется время, а может, вера в собственные силы. И ее уж точно никто не посмеет отнять. Я выживу. Через не хочу, даже в одиночестве — мне казалось, что тема мужчин теперь навсегда будет закрыта. На год точно. Что поделать, я никогда не умела трезво оценивать свой темперамент.

Яркий закат... Он предрасполагал к чему-то приятному. Возможно, поцелую, если бы все сложилось иначе, и тогда все произошло бы на яхте. От одной мысли, кто мог бы быть сегодня рядом, если бы я так яростно не отрицала свои проснувшиеся чувства, колени предательски подкосились. Так я впервые оказалась на руках у Александра, не успев сообразить и, наверное, даже вскрикнув от испуга, когда расслабленные мышцы ощутили сталь напрягшегося пресса, которым я еще совсем недавно любовалась. Нет, меня не прошиб разряд в тысячу вольт с запуском эндорфина по всем сосудам от внезапного желания близости. Меня накрыло волной паники, которая, может, и имела что-то общее с эротикой, но страх не позволил этой трансформации завершиться, заблокировав на первом этапе.

— Все хорошо? Голова не кружится? — обеспокоенно спросил Алекс, когда я непроизвольно рванулась из его рук. Ноги ощутили твердую опору пристани, а я непроизвольно скользнула взглядом по его губам. Просто чудо, что сознание с подсознанием мобилизовали все свои силы и погасили новую вспышку, наверное, любопытства, в зародыше. Но шальная мысль, такая неуместная, все же успела промелькнуть: на что похож поцелуй человека, привыкшего все контролировать и держать в своих руках? Он подавляет с первым же касанием губ, или вводит в кровь анестезию обманчивого спокойствия, усыпляя бдительность, заставляя поверить в то, что все будет хорошо?

Мне запрещено об этом думать. Предполагать. Опасаться. Я не знаю, откуда такая безумная уверенность, но она есть, и она накрыла меня подчиняющим прижатием к полу настоящей действительности, выше которой не стоит прыгать даже в мыслях, ибо они материальны. Это запретная зона, контролируемая темнотой территория, где действуют его правила, которые пока для тебя трудновыполнимы, или же не выполнимы вовсе, потому что раздавят, поглотят, лишат права даже на вдох и выдох. А сам режиссер этого безжалостного сценария, скорее всего, будет сжимать кулаки от бессилия, не в силах упростить их для тебя — потому что были упрощены изначально, и дальше просто некуда и незачем...

Я научилась чувствовать других людей. Кого-то этому обучают во всех разведках мира, кто-то наделен подобными экстрасенсорными способностями от рождения, а кто-то рад бы никогда не знать, что такое возможно, но стрессовое состояние освободило этот скрытый потенциал — метку дьявола или поцелуй бога — в один переломный момент. Когда это случилось? Может, когда я впервые ощутила себя в четырех замкнутых стенах без права возразить? Или раньше, еще до того, как листки садистских правил полетели мне в лицо? Когда впервые прожег подавляющий поцелуй того, у кого было достаточно сил, чтобы сломать меня, но недостаточно человечности, чтобы понять, как он меня убил именно этим? Не имело особого значения. Мне оставалось только вздохнуть с облегчением, осознав, что Александр оказался мудрее, я бы даже сказала, добрее, но жизнь и первая любовь навсегда

отучили делить людей на плохих и хороших. Стена. Вот как можно было это охарактеризовать. Стена его тьме и портал светлой стороне.

Я все-таки оставалась неисправимой идеалисткой.

Вопреки моим ожиданиям, Денис нас больше не встречал, молчаливое напоминание о том, что угроза моей жизни действительно устранена. Я без страха, почти с удовольствием уселась впереди, рядом с Алексом, чтобы видеть панораму Ялты, бегущую впереди дорогу... Ну да, я почти не соврала себе. Мой взгляд то и дело скользил по мужским сильным рукам. Сжимающим руль.

— Солнце село, — добродушно усмехнулся водитель поневоле во время очередного беглого осмотра. Я поспешно, словно застигнутая на месте преступления воровка, стянула темные очки, отыскав в окошке справа что-то очень интересное.

— И вы с наступлением темноты превратитесь в вампира?

Я чувствовала, что он улыбается. Чувствовала, но боялась смотреть. Это был словно шаг вперед, за ограждение с красной вывеской «не влезай, убьет», откуда не возвращаются, а только принимают правила, а если нет, решения принимают за тебя. Мне опасно было даже приближаться к этому барьеру, но смотреть-то не воспрещалось! Пусть в стекла иллюзорного бинокля, укрывшись за бруствером — сперва солнцезащитных очков, затем — отражения в тонированном стекле. Может, чтобы потом, уже дома, в попытке заставить голос Димы заткнуться в моей голове, заполнить пустоту отрывистыми кадрами таких вот воспоминаний. Изгиб фаланг длинных пальцев на рулевом колесе. Контраст белой тенниски с легким загаром. Линия волевого профиля. Сосредоточенный на дороге взгляд. Однажды, вспоминая изгиб кривой черты дельтовидных мышц, я даже пожалею, что нет возможности сжать их пальцами. Обманывая себя, прикрывая проснувшиеся ростки неоднозначного влечения желанием отблагодарить, да вот хотя бы массажем. Но вряд ли он бы сейчас мне позволил даже это. Контроль, вне правил и за их пределами, был его вторым именем, а я... Сознание уже всюду противилось диктату Димы в своих дальних уголках, пыталось вытравить, выжечь, разметать на атомы эту болезненную диктатуру, хотя бы так, сменой полярностей, переключателем на того, кто мог бы его заменить пусть даже в виде голографической иллюзии.

Дорога домой в этот раз показалась мне до неприличия короткой. А то, что назвала виллу «домом» — не удивило вовсе. Что произошло на этой яхте? Какие невидимые тросы перерезали ужас, сделав невозможное — перекинув шаткий мост между нами, а ведь еще ночью я боялась этого человека до безумия! Стоит ли говорить, что я была смущена, особенно когда поняла, что Вита слегка улыбнулась, отметив мои блестящие глаза, а Денис, следуя своей манере, уткнулся в планшет, только брови сдвинул.

— Накрывать на веранде? — поинтересовалась Виталина. Я поспешила ретироваться в свою комнату, под струи спасительного контрастного душа. Обычно я гасила им жар желания, но сейчас о сексуальном влечении говорить было рано. Смущение, неопределенность, самоирония, недоверие, азарт — этот коктейль не кипятил кровь, нет, он лишь лечил кровавые росчерки на моей душе своим жизнерадостным букетом, вселяя надежду на то, что однажды все закончится, некая высшая сила сама вложит мне в руки контроль и веру в настоящее. Для этого понадобится куда больше времени, но я об этом не думала. Одно оставалось неизменным: день на яхте не прошел зря, и Александр играючи зарядил меня просто неиссякаемым оптимизмом.

Однажды мне зададут вопрос: «А что послужило стартом для развития ваших

отношений?». Глупо, конечно же, ответить, что ужас, попытка самосохранения, вынужденная мера. Да в этот момент никакого зарождения чего бы то ни было не было и в помине! Но мысленно я в тот момент все же вернулась в этот вечер, с прорисовкой всех мыслимых и немыслимых деталей...

Белая кисея штор. Люминесцентная подсветка, довольно слабая, чтобы скрыть зарево над горизонтом и накрывающие сумерки. А солнце уже село, и только багровый отблеск позднего заката еще позволяет видеть границу неба и моря. Если бы подобную сцену снимали в фильме, не обошлись бы без смокинга и вечернего платья, но в реальной жизни она лишена броского пафоса.

— Завтра ты можешь уехать домой.

Как хорошо, что я не позволила столь глубоко прорасти собственной симпатии, иначе бы эти слова оцарапали своим равнодушием, но тогда вызвали лишь легкое недоумение с откатом первозданной радости. Домой! Это желание было доминирующим, что бы ни происходило со мной, вопреки всем другим эмоциям.

— Сегодня наш последний вечер...

«Проведи со мной ночь. Давай, помоги мне нарушить эти правила. Начни прямо сейчас отсекай прошлое, которое так не желает тебя отпускать...»

Это вряд ли ментальная атака. Нет. Я цинично гащу улыбку в бокале с вином. Это романтика заката и полное расслабление, оно грозило свести меня с ума, но я не поддаюсь... Нет в задумчивом взгляде Александра этой невысказанной просьбы, наверное, нет даже таких мыслей. Это мое подсознание пытается сбросить рабские оковы, и вполне успешно, если бы... Если бы все сложилось иначе...

Нет. Он меня не поцеловал, прижимая к перилам, как в пафосной мелодраме. Не произнес с потаенной грустью в глазах «останься». Это жизнь, а не кино. Но то, что он смотрел мне вслед, когда я уходила спать, и явно был готов что-то сказать, мне не показалось. Это было. Но я запретила себе на этом заикливаться, перепуганная все еще в глубине души девчонка, которая получила подтверждение своим домыслам в полной мере.

— А почему именно БДСМ-клуб? — это не вино развязало мне язык. Это я страховала себя от дальнейших ударов судьбы, ставя точки сразу, пока не стало поздно. Пока не пришлось сожалеть. — Бизнес, или же...

Он смотрел мне прямо в глаза. Смелость медленно умирала, заставляя сожалеть о том, что я опять осталась с ним наедине.

— Нет. Это моя жизнь. Я думаю, ты сама все прекрасно поняла. Да, я получаю удовольствие именно от того, что так тебя ужасает. Хочешь знать подробнее?

Я не хотела. Я узнала достаточно. Но, несмотря ни на что, мне удалось крепко уснуть в эту последнюю ночь в его доме. Я увижусь с ним только утром. Перед тем как расстаться, забыть, выбросить из головы на долгие месяцы.

— Юля, спасибо за прекрасный вечер, — не ему сейчас полагалось целовать мои дрожащие пальцы. Ему вообще не стоило смотреть мне вслед. Он оказался мужчиной с большой буквы во всем. А я... я просто хотела домой.

А еще спать... И вновь слышать голос Димы в своей голове. С ним для меня, по крайней мере, все было понятно.

Я быстро закончила собирать сумку, больше не испытывая никаких противоречивых эмоций от того, что все эти вещи, включая чемодан, подозрительно похожий на «Луи Виттон», мне не принадлежат, и я не имею на них никакого права. В самом деле, не могла же я уехать голой, потребовав назад рубашку, которая оставалась на мне в ту ночь, и... и тоже принадлежала не мне!

Никто не ограничивал меня во времени. Виталина ненавязчиво предложила помощь, но я вежливо отказалась. Было что-то успокаивающее в этом неспешном процессе упаковки вещей, может, я впервые за все время восхищалась своим новым гардеробом, а не думала о том, что упаковали в подобную красоту с вполне определенной целью — радовать глаз того, кто все это для меня купил. Вряд ли он преследовал именно такую цель, но страх сделал меня слабой и глупой. Я видела угрозу во всем: в протянутой руке помощи, в ненавязчивом требовании заглянуть ему в глаза. Мне казалось, чтобы растворить, сломать, ворваться новым информационным подавляющим потоком в свободное пространство моей разбитой сущности. О том, что он требовал этого с одной только целью — успокоить меня, я не желала понимать и верить. Две недели с Димой окрасили в черный цвет самые благие побуждения кого бы то ни было.

Это не закончится, долбаный пробел с отсутствием отрезвляющих знаков препинания и затяжными многоточиями, искажающими трехмерное пространство до шизофрении изломанных параллелей! Никогда жизнь не будет наполнена прежним смыслом, она ослепит перевернутыми зеркальными плоскостями, подчинив мышление программе зашитого под кожей чипа с системной кодировкой «беспощадный диктат». Что это означает на практике? Знаете, ничего хорошего.

Солнце светит не для того, чтобы поддерживать жизнь на земле и согревать своим теплом. Оно рано или поздно сожжет землю в потоке радиационного пламени, спросите у ученых.

Будь собой, и люди к тебе потянутся? Окстись. Ты, настоящая, никому не нужна! Ты всю жизнь обречена притворяться той, кого хотят в тебе видеть, если, конечно, ты не герой!

Любовь делает человека безумцем? Да, но тут никак без конкретики! Не любовь к тебе, такой неповторимой, ради которой можно измениться и перестать быть самим собой. Нет. Самый обостренный и циничный эгоцентризм, который перекрывает своими щупальцами самое светлое чувство. Третьего не дано.

Мне нужно было избавиться от груза проблем, но не здесь, где присутствие Александра является постоянным напоминанием о том, что я пережила! Цепочка логических связей, теория семи рукопожатий, закоротившая параллель. Дома всего этого не будет. Там будут вещи из моей прошлой жизни, эмоции и близкие люди. Возможно, именно там я смогу забыть. Если же нет, скоро начало первого семестра, и будет прекрасная возможность с головой погрузиться в лекции с семинарами. Или — если будет тяжело — в дружескую поддержку, и мне все равно, как именно она будет проявляться! Хоть дружеским хлопком по плечу, хоть угаром клубных пати, каруселью эсэмэсок и звонков, коктейлей, ритуальных поцелуев и разговоров. Мне надо вновь обрести себя прежнюю, ту, которой я была до встречи с Димой, и никогда больше не бояться. Просто не начинать игры с теми, кто легко переиграет тебя твоими же шахматными фигурками, и все будет хорошо...

— Юля, стол накрыт, — сказала Вита, сдвинув брови. Я действительно быстро упаковала чемодан, погруженная в почти оптимистичные мысли.

— А...

— Денис заберет. Все собрала?

Кивнув, я спрятала мобильный в небольшой клатч с документами. Не так много вещей, если задуматься, а чемодан под завязку. Новый гардероб, надеюсь, не будет мне напоминать о том, как я его обрела.

Я была в безопасности. Теперь в абсолютной. В шаге от свободы, которую уже никто не отнимет. Не стоило ничего бояться — если меня пугала предшествующая ночь, сейчас светило яркое солнце, в доме мы были не одни, да и глупо ожидать, что он решит перед отъездом по-быстрому нагнуть меня над столом. Нагнуть? Епт твою маму. Не дельфины, нет. Просто епт.

Ну какие еще, спрашивается, эпитеты могли прийти мне в голову при виде этой картины? И как так получилось, что я начала оживать, приходить в себя прямо-таки с космической скоростью?

Впервые. Слышите? Впервые за сегодняшнее утро у меня появилась мысль, что я могла бы остаться и, сомкнув ладони стрелой, нырнуть в неизвестность. Просто так... Что было тому причиной? Растиражированный романтический шаблон, который нам так часто навязывает литература и телевидение?

Он просто стоял, упираясь руками в парапет лоджии, спиной ко мне. Прекрасный пейзаж — голубая гладь моря под зеленью кипарисов явно не могла не привлечь внимания, призывая любоваться на нее, даже если видишь почти каждый день, только я ее не замечала. Скользила по высокой мужской фигуре в деловом светлом костюме каким-то новым, потрясенным взглядом, и эмоции у меня были такие же — потрясенные от собственного потрясения. В тот момент я забыла абсолютно все: кто он такой и что из себя представляет, о своем униженном выступлении за дверями кабинета, последующем стакане молока, которое я, наверное, долго не смогу спокойно пить, о том, как легко он подтвердил то, в чем я готова была обмануться. «Да, я получаю удовольствие именно от того, что так тебя ужасает». Эти слова были произнесены и должны были отсечь желание любоваться этим человеком со скоростью плети, а я просто не могла ничего с собой поделать — никакая сила сейчас не могла запретить мне смотреть на него.

Он сам не позволил моему воображению, заключившему договор с сознанием, нарисовать картинку формата 18 плюс как минимум, а потом, спустя время, мучиться чувством неоправданной вины.

— Юля, — я вздрогнула, словно застигнутая врасплох на месте преступления, когда он повернулся ко мне. Ироничная, понимающая улыбка нажала спусковой крючок, запустив подзабытый нейротоксин по моим расслабленным в ожидании скорого отъезда эмоциональным сплетениям, аукнулась в мизинцах пережатых ремешками сандалий стоп сладкая боль азартного предвкушения, выровняв допустимый уровень уязвимости на грани сладости и испуга. — Юля, я всегда чувствую, когда мне смотрят в спину.

— Понятно, — я не могла ответить иначе, сбита с толку, злая на саму себя за очередной провал. — Мне показалось, вы по телефону разговариваете.

Его взгляд говорил о том, что он думает по поводу моего умозаключения, лучше любых слов. Он знал. Знал с ошеломляющей детальностью все, что со мной происходит, до каждого нервного импульса в пережатых тревогой сосудах, до каждого витка расслабленного

сознания, до простейшего алгоритма того, в чем я никогда не признаюсь сама себе! Предательский румянец хлестнул касанием полновластного хозяина по моим щекам, оставляя розовую метку поверх легкого загара, а я мысленно взмолилась, чтобы его хватило для сокрытия факта острого смущения. Шагнула к столу, не позволяя Алексу проявить галантность и отодвинуть стул, скользнула расфокусированным взглядом по его лицу, избегая смотреть в глаза, — это было гораздо лучше, чем вновь давиться соком под его саркастичным оскалом. Да, называй его улыбку именно так! Страхуй свою вновь обретшую уравновешенность психику от обратной экспансии — нежности в обертке завуалированного эротизма, которой сильно много, чтобы называть вещи своими именами: добродушие — добродушием. А улыбку — улыбкой.

— У меня для тебя кое-что есть, — я вздрогнула от неожиданности, когда на стол лег черный конверт, довольно тонкий на первый взгляд. — Это кредитная карта. Пин-код и другая информация — внутри. Зачем, думаю, пояснять не надо.

Я опешила. Забыв про страх, посмотрела ему в глаза, словно опасаясь, что сейчас будет озвучена сумма и условия ее получения. Прошло слишком мало времени, чтобы я поверила в бескорыстие. Впрочем, эти зеленые глаза могли не только пугать, но и успокаивать.

— При условии, что не снимешь сразу на крупную покупку, там довольно приличная сумма. — Я наблюдала за его руками, наливающими сок сперва в мой, затем в свой стакан, все еще отказываясь поверить услышанному и ожидая подвоха в последующем предложении. — В твой телефон вбиты мои номера. При желании их очень легко запомнить.

— Зачем? — я все же сделала глоток сока, стараясь, чтобы это выглядело грациозно и невозмутимо.

— Можешь поздравить меня с днем рождения, к примеру. Совсем скоро, 20 августа. — Более открытая улыбка разрядила атмосферу за доли секунды. Я непроизвольно улыбнулась в ответ, спрятав взгляд в стакане с апельсиновым соком. Он внимательно наблюдал за мной, уткнувшись подбородком на замок сцепленных пальцев. В тот момент я впервые увидела его, как мне хотелось верить, настоящим, сбросившим маску хладнокровного киллера или же непримиримого диктатора. Наверное, я даже была ему отчасти благодарна, что он не включил режим подобного обволакивающего обаяния гораздо раньше. А впрочем, выстоять в этом противостоянии у меня изначально не было никаких шансов.

— Лев, — прошептала я, чтобы хоть как-то замять неловкость. Он явно все услышал, но жалеть в этот раз не стал.

— Ты что-то сказала?

— Лев. Знак зодиака. Август.

— Надо же, я никогда об этом не задумывался. — улыбка погасла, и глаза снова стали серьезными. — Телефон — чтобы ты всегда имела возможность держать со мной связь. Я не знаю, что нас ждет в будущем, но я хочу, чтобы все у тебя было хорошо, и у меня была возможность оградить от неприятностей, если такие возникнут. Поэтому я прошу тебя — что бы ни случилось, ты будешь звонить мне. Не бойся, что мне покажется твоя просьба неприемлемой или недостойной внимания. Всегда звони мне, какой бы абсурдной она тебе не показалась. Ты услышала меня?

Ледяной айсберг вернулся. Так легко подзабытая угроза корпусу «титаника» моей сущности.

— Я обещаю.

— Отлично. Это то, что я хотел услышать.

Больше не было произнесено ни слова. Мы закончили ланч на лоджии в абсолютной тишине, а я не могла справиться с потоком хаотичных мыслей, распекая себя за проявленную слабость и призывая к дальнейшей осторожности.

— Я говорил с твоим доктором. — Тон непримиримого учителя. — Курс некоторых препаратов еще не закончен. Пожалуйста, пропей до конца согласно предписанию. И, конечно, отдых. Я бы предложил тебе остаться здесь, но, во-первых, сам уезжаю на неделю в Германию, да и в семейной обстановке ты скорее придешь в себя.

Я киваю, соглашаясь и принимая все донельзя логичные доводы без исключения. Я и сама хочу избавиться от этих отравляющих воспоминаний как можно скорее, чтобы жить настоящим и смотреть в будущее без страха. Но едва уловимые острозаточенные коготки еще не царапают, а скорее, щекочут мое сознание чувством какой-то неуловимой... неправильности? Недосказанности? Это похоже на вновь возведенную стену между нами, как будто ему мало нашего вынужденного расставания.

Я жду каких-то роковых слов, слишком иллюзорных для того чтобы быть правдой, но все же жду. Не обязательно «останься, уедешь завтра» или «ты за это время стала для меня значить гораздо больше». Хотя бы «однажды встретимся», «разреши мне звонить тебе» или банально-избитое «будь я моложе...». Ничего не происходит, наоборот, он слегка обнимает мои плечи, подталкивая к выходу. Бросив взгляд вниз, наблюдаю, как ловко Денис укладывает мой чемодан в багажник шикарной «ауди». Четыре кольца эмблемы ловят солнечный свет, ослепляя коротким бликом, словно символика прощания с источником чуть ли не света в моей погруженной во мрак жизни. Виталина ждет в холле и, похоже, намеренно не сдерживает эмоций — ее объятия крепкие и практически материнские. Не обращая внимания на Александра, она, как заведенная, шепчет о том, что все будет хорошо, прошлое лучше отпустить, и мне очень идет улыбка. Кажется, я растрогана — обещаю улыбаться как можно чаще, и это будет не трудно, если буду вспоминать о ней и о тех днях, что провела в этом доме.

— Юлия. Счастливой дороги и береги себя. — Я вздрагиваю. После теплой и отзывчивой открытости Виталины лед неприступности, лазерное переплетение лучей недоступности и показательного (а не факт!) равнодушия хозяина дома режет ножом по новому полотну под названием «вперед, в новую жизнь». Колет внезапная догадка — он начал использовать метод Димы, «ближе-дальше», только вот с какой целью? Я улыбаюсь в ответ. Гордо и независимо, словно не было униженных рефлексий и ужаса еще совсем недавно.

— Вы не поедете? — Нет, мистер-мне-все-пофиг, пофиг как раз мне, попретесь вы со мной до Феодосии или же нет. И вообще, я рада, что уезжаю, мне надоело испытывать страх в вашем присутствии! И только одна просьба — да оставьте себе собственное равнодушие как гарантию того, что будете держаться от меня подальше, и я вас никогда больше не увижу!

— Нет. У меня много работы, Юля. Не переживай, Денис отличный водитель.

Мне хочется сказать ему что-то резкое. Но правила игры надо было уважать — наверное, лишь потому, что за нами внимательно наблюдала Виталина, замаскировав свой интерес опрыскиванием букета алых роз из пульверизатора, и я сдержала этот порыв. Уняв нервную дрожь, подхожу к Александру почти вплотную, стараясь не жмуриться, не думать, не вспоминать, не искать оправдания поступку, и поспешно, словно опасаясь ожога,

обхватываю руками его шею прижимаюсь к напрягшемуся телу.

— Спасибо вам... за все, что вы для меня сделали!

Отрывистый поцелуй и жесткий изгиб плотно сжатых губ, наигранный полувсхлип — да, считай, что я так расчувствовалась до глубины души!

— Юленька! Сумочка... — я вырываю клатч из рук Виталины, кивнув на прощание, перед тем как выбежать на веранду. Я задыхаюсь. Но я сделала все, как надо. И сейчас у меня нет сил смотреть Александру в глаза! Да хоть кинься ты мне вдогонку, разверни за плечи, покажи, что мне не 10 лет, чтобы целовать таким девчачьим поцелуем, да огрей дубиной и потащи в свою пещеру — я не буду смотреть в эти поглощающие порталы цвета моря после шторма, не дождешься!

— Денис! — водитель не в состоянии скрыть удивления, а у меня горят глаза. — А погнали со скоростью 300 километров в час? Этот монстр выдержит? И можно я сяду рядом?

Я не дожидаясь ответа. Закидываю клатч на заднее сиденье, достаю телефон, не позволив водителю-бодигарду возразить и отправить меня на заднее сиденье, набираю номер мамы.

— Мамуль! Я еду! Через два часа буду дома! Как говорится, целуйте трассу!

Я поднимаю глаза, сбросив звонок. Последний взгляд на Александра сквозь лобовое стекло автомобиля. Фотооттиск его образа, последняя волна обжигающей неврастении с привкусом люкс-алкоголя по телу. Воистину — прощай... и спасибо тебе за все!

Мама в своем репертуаре! Мне хочется расхохотаться, особенно при виде упавшей челюсти соседки тети Вали, которая смотрит на Дениса, как на ожившего киноперсонажа своих грез. Может, Тихонова, или кого она могла там любить в своих фантазиях?

— Да оставьте, да я сама! — мать пытается вырвать у него сумку, а мне от такой привычки к ее извечному женскому альтруизму хочется топнуть ногой или хорошенько встряхнуть за плечи. Мы готовы таскать тяжести сами, лишь бы окружающие думали о нас хорошо. Ну что за изжившие себя стереотипы, в самом деле?

— Мама! — я обнимаю ее, сделав знак Денису незаметно внести чемодан во двор и потом на крыльцо, и мы обмениваемся улыбками двух заговорщиков. Всю дорогу я болтала без умолку, чтобы прогнать наваждение, которое ожидало меня в Мисхоре. Когда я попросила остановить авто, движимая желанием выпить кофе вприкуску с миндальной чурчхелой, что-то случилось. Что-то странное. На что это было похоже?

На разряд шаровой молнии по позвоночнику — только он обжег льдом, каким-то знакомым и совсем нетравматичным, но этого хватило, чтобы разогнать подзабытую тревогу по крови со скоростью гоночного болида.

— Печенье, корица, тертый шоколад? — осведомилась девушка на кассе, а я повернула голову в сторону входа, провожая удаляющуюся фигуру мужчины. Оранжево-синяя мозаика поплыла перед моими глазами, я рассеяно кивнула в ответ на предложение девушки, прижав к прилавку денежную купюру. Денис напрягся, увидев мою реакцию, а я ощутила, как меня начинает бить мелкая дрожь.

— Там... Этот...

Я не ошиблась — под пиджаком действительно покоилась на бедре «беретта», как он позже признается мне сам. Уверенный захват ладонью поверх рукоятки, поспешные шаги следом за тем, кто так меня напугал. Мой взгляд был прикован к мужской фигуре в черных джинсах и рубашке с длинным рукавом. Когда я получила свой напиток и пакет печенья, увидела, как к незнакомцу подбежала белокурая девчонка. Она поцеловала его, привстав на

цыпочки, кивнула в сторону входа в кофейню. Стоило парню обернуться, как меня пробрал нервный смех. Армянин. Или азербайджанец. Уж он никак не мог быть Димой, даже если бы тому сделали пластическую операцию! Денис обернулся ко мне, улыбнувшись, как показалось, с пониманием, а я, подхватив термостакан с его недопитым «американо», покачала головой, сетуя на свою впечатлительность. Но механизм был безжалостно запущен — под палящим солнцем накрыло воспоминание. Сильные мускулистые руки, прижавшие к себе доверчиво рыдающую Юлю Беспалову. Жестко-обжигающий разряд точечных прикосновений губ и пальцев, сминающий боль шепот в дрожащие губы: «я рядом! Ты в безопасности!». Завихрения искрящихся спиралей, шаг вперед, в эту манящую неизбежность растворения в себе настоящей...

— Денис, включи музыку, — попросила я, выравнивая дыхание. — И можно посмотреть твой пистолет?

У водителя округлились глаза... а я, поняв двусмысленность вопроса, просто не удержалась от смеха. Мы хохотали минут пять, уже вместе, словно закадычные друзья.

— Хватит, Юль! — наконец махнул рукой Денис. — Александр, конечно, классный мужик, но он меня уволит к черту за такое нарушение субординации.

— Я ему ничего не скажу! — пришлось пообещать, осенив себя крестным знаменем, и я в полной мере смогла полюбоваться глянцевою «береттой». Похоже, я утомила его своей болтовней, и при въезде в Феодосию он лишь рассеянно кивал.

— Вот тут я училась! Это крэйзи скул! Вырванные годы!

— А вон на той скале мы загорали топлесс. Там никто не мог нас увидеть!

— А это — очень крутой клубешник! Самый лучший в городе!

Сама-то я его достала, но сдавать в руки маме не торопилась.

— Нет, мамуль, Денис не может остаться... Спасибо, что привез! — я протянула ему руку для рукопожатия, хотя и хотелось по-дружески обнять, похлопав по плечу, но радовать соседей, давая им повод для разговоров, не входило в мои планы. Мы проводили «ауди», помахав ей вслед, и мама поспешно спрятала осуждающую улыбку.

— Он твой парень?

— Да нет же! Мамуль, дай я тебя обниму! — я увлекла ее в дом подальше от соседских сканеров, не желая ни на миг прекращать объятия. — Я так соскучилась! Я никогда больше не уеду... Теперь лето только с вами! Пойду чемодан в комнату закину... Ммм! Ты курицу запекла? Я так хочу есть. Ты не представляешь! Эй, а что с дверью?

— Кажется, Настена готовит тебе сюрприз, — смахнула слезу мама. — Давай, мой ручки. И за стол...

— Прекрати... Мамуль! Ну ты чего? — не отдавая себе отчета, я присела с ней рядом, обхватив ладонями такое родное лицо, запечатав первые проблески слез отрывистыми поцелуями. — Ну я же рядом! Смотри, отдохнула! В следующем году я и тебя заберу в Египет. Ты должна увидеть все своими глазами — и пирамиды, и Сфинкса, и... и море, да. Оно другое...

— Юлечка, у меня так сердце сжималось за тебя, а... — она отшатнулась и поднесла руку ко рту. — Дочка, божечки... твои руки! Что с ними?

К этому я была готова. Рассмеялась сквозь набежавшие слезы, зацеловывая тревогу на ее лице в безотчетном любовном порыве.

— Экскурсия в горы была, упала, ты же знаешь, какая я неуклюжая! Заживают уже!

— А это? Это... капельница?

— Это спа-отель, прошла курс инъекций красоты, там, коллаген, витамины... Мамуля, как же я тебя люблю!..

— Та-дам! — прервал наш обмен нежностями бойкий Настюшкин голосок, и в ту же минуту в воздух рванула связка разноцветных воздушных шаров, которые заняли свои места на потолке, оставив свисать золотистые мпирали лент. — Систер! А-а-а-а!

— Малая! — сжав руку матери, я подскочила к сестре и, забыв про слабость, приподняла ее в воздух, закружив по комнате. — Не, ну ни на миг оставить одну нельзя! У тебя никак грудь подросла? Точишь капусту с грядки?

— Она и была! Ты мне лифчик присылала недавно!

— Ой ли! На вырост? — я расцеловала младшую в обе щеки. — Что, успела расчистить штабеля своих ухажеров до моего приезда?

— Они замахались надувать шарики! Я записала, после гелия такие перлы на камеру выдавали! Пошли. Покажу...

— К столу, девчонки! — хлопнула в ладоши мать. — Давайте, стынет все! Потом наговоритесь! Что у меня есть! — она быстро достала из шкафа бутылку martini, чем все же сумела меня поразить.

— Ох! Мам, откуда?

— Сэкономила немного на овощах и решила побаловать всех нас, пока мы девичьей бригадой! Ну, вперед!

Я успела утолить первый голод и пропустить два бокала любимого напитка, как в дом, буквально сминая все на своем пути, влетела Лена. Как она не убилась о мой небрежно брошенный в коридоре чемодан, оставалось только гадать.

— Юлька! Черт, я ночь не спала, ждала твоего приезда! Да ты улыбаешься! Все прошло?

Я бросила на нее предупредительный взгляд, призывая к молчанию, но, слава богу, мать не придавала значения ее словам. Это единственная трезвая мысль, которая успела посетить мою голову перед ее появлением — в следующий момент я вскочила, опрокинув стул, и повисла на шее лучшей подруги, испытав всплеск неудержимого эйфорического восторга от ее присутствия!

— Ленка!

— Юля, крашенная сучка, я тебя когда-нибудь прибью за столь долгое отсутствие, клянусь! — В этом вся Лена, импульсивная, преданная и негибкая никакими ударами жизни. — Вау, вот это прикид! Я точно тебя покусую, ты специально так похудела, чтобы я на пляже ныкалась в скальных расщелинах?!

Я практически ее не слышала — прижималась, со смехом уворачиваясь от дружественных поцелуйчиков лишь затем, чтобы выстрелить такими в ответ, и угольно-серая пелена отголосков боли и недавнего страдания разжимала цепкие костлявые пальцы, не в силах запретить рвать в клочья собственные флаги новому ветру цвета самого солнца, которое теперь имело возможность согреть своими лучами без каких-либо препятствий. Словно невидимый бронезилет, сотканный из воли и любви уравновешенного ангела-подруги, сел второй кожей, новым экзоскелетом, прогоняя прочь все то, о чем сейчас не стоило вспоминать и переживать снова и снова. Я была в кругу семьи. В кругу людей, которые умели любить бескорыстно, искренне и не ради себя со своими низменными целями в угоду собственному эго. Жизнь не разделилась на «до него», «с ним» и «после него». Он вообще должен был перестать являться определяющим вектором в начертании моей жизни, и сейчас, не разжимая объятий с Леной, я поняла, что рано или поздно так и

окажется. Моя жизнь и мое душевное благополучие только в моих руках.

— Девчонки, за стол! — в который раз смахнула слезу мама, постучав вилкой по бутылке с мартини, а я поняла, что такой счастливой, умиротворенной и заведенной не видела ее очень давно. Наверное, я плавила атмосферу комнаты вновь обретенной аурой абсолютного счастья, пусть кратковременного пока, подчинившегося моменту, но впервые искреннего и не омраченного никакими пугающими перспективами.

— Сбегаем на пляж! — распорядилась Лена, когда бутылка оказалась наполовину пустой. — Тетя Люда, вы же мне простите? Пара часов... мне очень надо с ней поговорить!

— Ты учти, после заката сестер моя, — Настя не умела еще скрывать злость и обиду в силу переходного возраста, но ее ультиматум от обиды прозвучал настолько по-детски, что мы, не сговариваясь, рассмеялись. Мама была настроена очень миролюбиво, хотя, конечно же, сама не прочь была побыть со мной, но симпатия к Лене и радость от возвращения дочери пересилили.

— Конечно, девчонки, только будьте осторожны.

— Ну, мы же не в Ха... — Ленка зашипела от боли, когда я ткнула ее в колено под столом. — Мы до заката вернемся, малая, не плачь!

— Не могла подождать до завтра... — насупилась Настя, но я примирительно подняла руки.

— Стоп, вы еще от меня устанете! Я вернулась, и до начала учебного года никуда не исчезну, гарантирую! — мне не терпелось оказаться с Леной наедине, не столько из опасения, что она наговорит многое из того, чего не стоит, сколько от того, что я безумно за ней соскучилась. И впервые я смогу выпустить из себя эту боль путем откровенного диалога, не опасаясь, что останусь непонятой, не боясь осуждения и не услышав любимой девчачьей подколки — ты сама во всем виновата! Скайп не вполне способствовал откровенным разговорам, но как же ломала меня вынужденная необходимость ограничения намеками и сухой констатацией произошедшего!

— Возьмите пирог, вдруг проголодаетесь, — мама протянула нам корзину, где, кроме половинки испеченного шоколадного пирога, по-хозяйски примостилась бутылка сухого вина и пластиковые стаканчики. Через четверть часа встретились с Леной у санатория «Кафа», откуда, словив такси, за 15 минут доехали до нашего с ней любимого дикого пляжа, расположенного неподалеку от развалин Феодосийской крепости. Дикого не потому, что здесь тусовались nudists, а лишь в силу того, что здесь не было комфортного спуска к воде. Глыбы камней, утесы с пластами белой глины, от которой потом такая нежная и бархатная кожа, заросли скользких наскальных водорослей с огромными раковинами мидий, и шум волн, с налету разбивающихся о камни, даже в условиях абсолютного штиля. Мы карабкались по тонким перешейкам камней, обманчиво крепких и не скользких, держась за руки, иногда царапая ноги сухим кустарником, посмеивались, вспоминая одну экстремальную ситуацию из недалекого прошлого — как мы устроили здесь пикник, а по возвращению узнали, что двух парней, у которых разболелась голова в разгар праздника и пришлось отправить их домой на такси, при госпитализации обнаружили укусы самок каракуртов. Я тогда первый раз в жизни, наверное, заново родилась и приобрела стойкую арахнофобию.

Так вышло, что мы оказались здесь совершенно одни, что было нам на руку. Едва уловимое дыхание приближающейся осени уже щекотало затылок предчувствием скорого завершения самого неоднозначного лета в моей жизни. Трудно сказать, в чем это

проявлялось — может, в особо ярком спектре удаляющегося от земли солнца, в удлиненной тени, в быстром беге далеких облаков на горизонте, ослепительно-синей морской воде с голубыми перешейками подводных течений... А может, в надуманной натянутости временной петли — ведь две неполные недели показались мне вечностью.

Крики чаек, рокот разбивающихся волн — и, помимо этого — абсолютная тишина, ощущение потрясающей безопасности и покоя. словно шаг из цивилизации на необитаемый остров, на фоне этой потрясающей иллюзии утреннее прощание на ялтинской вилле кажется событием как минимум недельного прошлого. Я отпускаю этот этап своей жизни с потрясающей легкостью, даже не вспомнив, при каких обстоятельствах стала обладательницей красивого лазурного купальника, который ловко завязываю на шее под восхищенным взглядом подруги. Довольно жмурюсь, выслушивая ее восторженные комплименты моей постройневшей фигуре и оттенку волос, на тон светлее прежнего — такие нюансы замечаем только мы, девчонки... смеюсь и душу ее в объятиях, когда она надувает губы и говорит, что не будет есть пирог, предъявив ей ответную претензию — что у меня, в свою очередь, никогда не будет груди третьего размера. Может, мы просто оттягиваем этот разговор, я и сама не знаю, чего же хочу больше: насладиться этим отдыхом, все еще теплой морской водой, прыжком со скалы вниз, терпким букетом сухого вина под ласковым крымским солнцем или же разделить боль напополам, отпустив часть ее в это лазурное небо с комочками белоснежных пушистых облаков...

После заплыва на приличную дистанцию и двух выкуренных сигарет я все же решила, что молчание не приведет ни к чему хорошему.

— Лен, ты, главное, моим не проговорись, что Египет — вымысел. Сейчас буду говорить. И ты будешь в шоке.

Лена ни разу не перебила. Молча выслушала все до малейших подробностей. Никаких театральных охов-вздохов, зажатых ладонью губ и мхатовских пауз. Никакого душедробительного «А я говорила!». Даже без эмоционально-неудержимого «я его прибью»... Ведь прибывать даже некого.

— Я понимаю тебя, Юлька... И не смей казнить себя. То, что он с тобой сделал, недопустимо. Или хорошо, или ничего, но все же... Я воздержусь.

Меня кроет взбунтовавшимся антивирусом против внедрения чужой программы, теперь по имени «Елена». Да, я прекрасно понимаю, что вирус — это Дима и только он со своими же ступенями защиты, но сознание не хочет понимать! Хоть и готово к этому.

— Он не был сволочью! Да меня еще никто так не любил... Хрен с ним, что так! Но так ни одна ванильная особь не могла, и никогда не сможет!..

Лена в шоке, но скрывает свою растерянность под маской циничной юмористки, чтобы неосознанно отхлестать по моим же извилинам семихвосткой реверсивной психологии.

— Но если бы он не избивал тебя и не насиловал, то и выхаживать бы потом, и вытягивать из депрессий не пришлось. И остался бы жив. А вот Вадим... Юля, ты вообще пыталась раскидать по полкам и ответить себе на вопрос — а кто из них любил тебя больше?! Выстрелил в тебя? Я б сама тебя там пристрелила, честное слово, но меня там не пробегало, к сожалению. Кстати, он так и не объявился после этого?

Хм. Я даже не знаю, жив ли он. Никогда его так не чувствовала, как Диму, да и не было в этом необходимости. И еще неизвестно, кто приходил ко мне ночью в той больнице... Мне не просто все равно. Это абсолютный пофигизм.

— Нет. И к лучшему. Пусть я лишилась денежных вливаний, но после всего что

произошло он для меня больше не существует. Не смогу просто, не то что видеть, даже слышать!

Мы сидим с Ленкой на выступе скалы, уходящей в море. Она с интересом или совсем без удивления слушает мой почти равнодушный рассказ, который мог бы претендовать на номинацию в стиле триллера. Ей это точно ужасом должно казаться. Другое дело, я: голос дрожит, а в глубинах подсознания разливается жидкое тепло. Я не вру себе больше, нет. Я скучаю по этим дням. Только Ленка об этом не знает. Ее даже не шокируют описания сцен с поркой ремнем, кнутом, зеркалами, как и факт тотального принуждения... Может, Димкина теория о том, что внутри каждой женщины живет желание подчиниться, имела право на существование?

— Ты что, реально получала удовольствие, когда плакала? И все это насилие... ты прощала, стоило ему только к тебе ласково прикоснуться?..

Мама положила нам очень вкусное вино, скорее всего, массандровский шедевр — из тех, что можно купить только в Крыму, в бутылках на экспорт оно не такое. Стаканчики забыты, пьем с горла, передавая бутылку друг другу. Новый ритуал нашего женского сообщества. Я уже слегка разомлела. Волны бьются о камни с усилившимся прибоем далеко под ногами.

— Больше. Знаешь, мне кажется, что я просто любила его в этот момент...

— Беспалова, ты пьяная...

— И такой защиты у меня никогда не было. И черт с ним, с тем, что за это приходилось платить такую цену, которая шла в комплекте с удовольствием.

— Послушай себя! Ты даже говоришь чужими словами! Я так понимаю, его словами. О мертвых не говорят... Только знаешь, мне его не жаль. И не смотри на меня так. Я, когда впервые это услышала, — ну вспомни, еще после скайпа, когда ты ревела, — обратилась к нашему верному другу Гуглу. Вот почему я не так шокирована. Порно с уклоном в твой бэ-дэ-эс-эм смотреть, конечно, невозможно, но я пролистала теорию... Ты вообще знаешь, что есть понятие... БРД, кажется... Три принципа вашего изврата. И там в первую очередь должно быть добровольное согласие. Твое. Иначе это уголовщина! Он спрашивал твое разрешение на это бя... действие? Ты его об этом просила? Нет. И не говори, что было чувство долга. Чувство долга, это тупо чпокнулись пару раз, или нашла бабки и врулила. Что, дядя Витя б не помог? Он с севера не пустой возвращается. Так нет. Скучно мажору! Посмотри на депутата Ландыка с той моделью, и прочих... Богатый папа, мне все можно! О, махать ремнем круть, я в кино видел! Такие, как ты, пыль у них под ногами. Молчи! Отец при тебе оказал сынуле содействие в этом фарсе. Какие еще аргументы тебе нужны?!

Я сделала три нервных глотка и закурила третью подряд сигарету. Лена во многом права, и все же....

— Он не был жесток, он... разрешил мне прекращать, если... Если больно. Он реально хотел на мне жениться, а еще... Лен, ты когда-нибудь видела кого-то из своих мужчин абсолютно счастливым? Нет? А вот я — да!

— Да, а желание умереть было частью вашей игры. Ага. Все так радужно, но Вадиму ты велела его убить!

— Я была убита морально.

— И это, по-твоему, было сладко?

Надо было менять тему. Слава богу, подруга просекла это без слов.

— А этот Алекс, он откуда взялся? Они были знакомы с ним? — по блеску в ее серых

глазах я догадалась, что персона Александра заинтересовала куда сильнее, чем упавшая в глазах ниже плинтуса личность с внешностью Кристиана Бейла. Впрочем, я не стала раскрывать ей всех карт... Незачем и без того шокированной девчонке знать, кем он являлся на самом деле!

— Да. Только я так и не поняла, в каких они отношениях.

— Не суть. Ты с ним спала? Не хочешь, не говори...

Я снова сделала пару глубоких глотков под недоуменный взгляд Ленки.

— Нет. Нет, я с ним не спала. Это, по ходу, вообще несовместимые понятия!

— Юлька, прости... Это все алкоголь, я соображалку отключаю. Тебе ж не до этого было совсем. Тебе вряд ли сейчас вообще на парней смотреть захочется. Забудь, ладно?

— Я хотела, Ленок. Видит бог, я этого хотела. И не в благодарность за спасение, как и за шмотки с мобилой. Просто хотела. — Не стоит тебе знать, любимая подруга, что это было продиктовано ужасом, и ничем другим (пока ты не записала меня окончательно в ряды жертв стокгольмского синдрома).

— Он тебя обидел? Юль, они что, были заодно?.. — Лена трясла меня за плечо. Я усмехнулась.

— Обидел? Ну, в какой-то мере. Он меня не захотел.

— Та иди ты! — Подруга ошеломленно оглядела мою фигуру под легким облегающим парео. — Тебя?.. Он что, голубой?

— Меня. И правильно сделал. Такие породистые мужчины презирают сук, склонившихся под плеткой с ошейником. Я никогда уже не буду прежней. Он это видел, и я его понимаю.

Лена заморгала. Потом вздохнула.

— Дурочка. Успокойся. Иди, я тебя обниму. Все будет хорошо...

Море убаюкивало, но не в сон, нет. Я вглядывалась в эту бездну синей глади, чтобы запомнить его иным. Не таким, каким я видела из окна виллы Ялты и на пляже Симеиза, а таким, которое могло со временем смыть мою непрекращающуюся душевную агонию рокотом набегаящих волн. Мне хотелось верить, что вместе с брызгами, летящими от скользких камней, постепенно уходила моя боль, растворяясь в темной пучине.

Настя сдержала данное по телефону слово, хотя я и думать забыла о вечеринке в честь моего возвращения в Феодосию. Я сама не осознавала, что планы и мероприятия друзей и семьи по восстановлению моего прежнего «я» были немедленно приведены в исполнение, запущены с разрушающей скоростью равнодушной машины, призванной работать на максимуме, без права даже на пятиминутную остановку, с одной-единственной целью — не оставить мне времени на рефлексии и мрачные мысли о прошлом. Вечером того же дня я вернулась с пляжа подавленной и опустошенной — разговор с Леной, конечно, снял с души тяжесть ложного чувства вины, но не разбередить старые раны не мог.

«Завтра я возьмусь за тебя», — решительно пообещала подруга, и холодному блеску в ее больших серых глазах сейчас бы обзавидовался даже Димка, если б остался жив. У меня дар речи пропал, покорно закивала в ответ, забыв о том, что собиралась выспаться после вечеринки у младшей сестры. Ленка растерялась — долго не могла понять, куда подевалась та самая подруга, которая в ответ на проявления подобного авторитаризма пообещала бы сжечь волосы как минимум. Наверное, по той же самой причине я не отказала и Насте, хотя, скорее, просто не хотела ее обижать. И в тот же вечер, стоило только сесть солнцу, малая, ее подруга и пара лопухих суперменов запихали меня в нашпигованную «девятку», чтобы увезти на Золотой Пляж. Здесь мое погасшее настроение имело все шансы на возрождение — я зря опасалась наблюдать вокруг одних только «школоло». Конечно, некоторых старшеклассников трудно было отличить от умудренных жизнью ровесников, но успокоилась, со свойственной любой старшей сестре гиперопекой вычислив, что Настёне тут не угрожает немедленное насилие с дедовщиной. Тут каждый был кому-то братом или сестрой, что сплотило эту тусовку, оставив место здравому смыслу, никто из детей не пил ничего, кроме безалкогольного пива.

На этой пляжной вечеринке мне благосклонно позволили быть королевой. Уже спустя полчаса вокруг вились трое парней со средним уровнем интеллекта, соревнуясь в своей неотразимости: от попытки открыть бутылку пива при помощи века до не всегда удачных сальто в воздухе над костром. Никто не обгорел, слава богу, а я испытала культурный шок, проведя все возможные параллели. Мне впору было написать диссертацию о влиянии интеллекта на жестокость или, наоборот, раболепное восхищение. Парни третировали бармена, наперебой требуя для меня очередной коктейль, подкуривали сигарету при одном моем едва заметном повороте головы, травили анекдоты и жизненные истории, затихая с открытыми ртами, стоило заговорить мне. Я могла с улыбкой зачитать им лекцию по маркетингу, рассказать о проблеме выбора между розовым и ярко-розовым, и это было на тот момент самой сладкой музыкой для их необремененных проблемой «грызть гранит науки» ушей. О таком уровне абсолютного владения вниманием слушателей Дима мог только мечтать, но он и не искал легких путей. Глупая партнерша была ему неинтересна по определению, и в этом свете понятие «горе от ума» приобретало почти зловещий оттенок.

И все же мне нужна была эта вечеринка как глоток воздуха после чувственной асфиксии. Зачем? Наверное, чтобы окончательно убедиться, что он не сломал меня, ничего не атрофировалось и не умерло внутри за прошедший месяц неоднозначного кошмара, что гордое высокомерие по-прежнему вызывает восхищение без угроз закрыть его обладательницу в несгораемый сейф, клетку чужой стратегии, незримой спутницы

поражающего эгоцентризма. Мужчины вокруг больше не представляли угрозы, не вызвали немедленного желания спрятаться или сбежать, наоборот, они бы пошли ордой на любого, кто захотел меня обидеть, особо не задумываясь о причинах и последствиях. Мир пытался реабилитироваться передо мной, раскрашивая жизнь яркими кислотными оттенками драйва и беспечности, закрывая серую действительность розовыми стеклами поляризованных очков, которые можно найти в избытке на маршруте светлеющей жизненной полосы; обволакивая статическим умиротворением, подкидывая, словно опытный психолог-пикапер, успокаивающую панораму синего моря под лазурными небесами, теплые дни угасающего августа, ту самую, незабываемую ауру летне-осеннего Крыма, которая не может оставить равнодушным самое холодное сердце. Россыпь звезд на небосклоне, первые дни летнего звездопада, запах шашлыка и мидий, порывы морского ветра с привкусом соли на губах, перманентная аура чужих переплетенных эмоций: восторги отдыхающих туристов, казалось, заряжали сам кислород. Если дома лечат стены, у меня было что-то гораздо большее — ощущение этой беспечной свободы, которую никому и никогда не отнять.

Жизнь стремительно возвращалась в прежнее русло стараниями близких людей: потеплевшим расположением матери, которая о чем-то вроде и догадывалась, но была так рада обмануться моими заверениями в том, что я грущу из-за приближающихся студенческих будней, лекций и семинаров; негласным восхищением сестренки, жадно ловящей каждый мой жест в отношении макияжа и прически; присутствием похорошевшей и «выблестившей» себя с головы до ног Лены, которая без мягких кудрей и облегающих платьев с капелькой любимого парфюма не выходила даже за хлебом (последнее обстоятельство вернуло мне прежние крылья гораздо быстрее обилия гламурных журналов на столике, которые я скупила в надежде вернуть себе прежнее состояние души). Я без зазрения совести доставала карту Александра, чтобы расплачиваться ею в магазинах и в салонах красоты, чтобы уже вечером спокойно и уверенно блистать в компании зампрокурора города, представителя оппозиционной партии и других, не последних в городе людей. На вопрос, откуда такое знакомство с тридцатилетним Владом из прокуратуры, Лена отвечала, растягивая слова, накручивая на палец локон темно-каштановых волос:

— Если честно, то я и сама ничего не поняла. Началось не пойми что, стоило твоей малой попросить у меня помощи с тем малолетним паршивцем. Вызвали в милицию, а там каким-то боком этот. Вежливо попросил не делать резких движений, мол, сами все сделаем. Спросил, откуда я знаю какого-то Валерика Лаврова и попросил передать привет. Я пообещала. Непременно с поцелуем в десны, одного не могу понять — это кто такой вообще?!

— Лучше не знать, — отвечала я, задавливая в памяти картины той самой ночи, когда попала на крючок этого хозяина жизни. — А дальше?

Ленка приподнимала ладонями высокую грудь, скосив глаза:

— Какие еще нужны аргументы, Юль?

20 августа. Лето неотвратимо догорает. В Феодосии бархатный сезон продлится до конца октября с наплывом отдыхающих, которые, как и я, не могут знать, что это последний беспечный отдых в чарующем Крыму. Что уже совсем скоро политические события изменят жизнь большинства, в том числе и моей семьи, которую я почти в насильственном порядке перевезу в Харьков. До этого еще так рано — больше семи месяцев, и никаких предпосылок скорого переломного хода истории не разглядеть в играх политиков обоих государств. Приезжие наслаждаются последним полноценным классическим отдыхом — кидают в море

монетки, чтобы вернуться, предвкушая «год сурка» с аналогичным сценарием отдыха, перед отъездом домой в серые бетонные джунгли, унося с собой воспоминания лета. У каждого они свои. Обычно — яркие, беспечные, наполненные теплом солнца, солью на коже, бронзовым загаром и курортными романами, у семейных людей немного иные — чувство выполненного долга и гордости за себя, за то, что смог оздоровить семью без угрозы для бюджета (еще одно заблуждение). Молодежь же часто сваливает в Казантип, устав от спокойного величия Кафы, чтобы оторваться на полную и жить целый год кислотным драйвом молодежной республики. Я понимаю их всех и каждого в отдельности, врагу не пожелаю лета, подобного моему. Я пытаюсь его забыть, впитывая губкой из биополя энергосферы чужие воспоминания и эмоции, провожу не вполне удачную реакцию замещения. Мне нужно забыть, и я цепляюсь за любую возможность.

Мне придется все вспомнить 20 августа. Эта дата, кажется, прожгла мое «я» до основания.

Я пишу эсэмэску. Нервничаю, стираю текст, не замечаю опечатки — такая неудобная клавиатура этого айфона. Что желать ровесникам и привычному окружению, я более-менее вроде знаю: «побольше зелени в кармане, носи Версаче и Армани» — и эйфория гарантирована. Что пожелать мужчине возраста и уровня Александра, и стоит ли это делать вообще — я не знаю. Я бы себя с удовольствием избавила от этой необходимости, но пока безлимитная по моим скромным меркам карта греет руки сквозь кожу клатча, другого выбора нет — я не готова идти на конфронтацию с совестью. Стираю очередной глупый подростковый текст в духе «чистой любви и дружбы», таким желают как минимум «крови и сладких страданий жертвы». Я вряд ли так думаю на самом деле, скорее, пытаюсь облегчить себе задачу при помощи допинга черного юмора, отбрасываю телефон в сторону, выкуриваю четвертую за день сигарету, прячась от матери за забором соседнего домика, психую, разрываясь на части противоречиями — а может, не стоит поздравлять его вовсе? Забыла, с кем не бывает! Все равно я его, наверное, никогда не увижу больше. Что это за конфронтация между желанием похоронить прежнюю жизнь и чувством долга?

Слова не хотят складываться в текст. Визит на сайты поздравлений вызывает стойкое желание скривиться от тупости этих текстов. Почти обессилен после седьмой попытки выдать более-менее приличный экспромт, соответствующий уровню именинника, бросаю это занятие, делая еще один неосторожный шаг.

Долгие гудки. Они режут мои нервы сильнее скальпеля, я даже не знаю, что именно скажу, когда услышу его голос. Главное, ровным голосом произнести банальное «поздравляю», как максимум — «хочу еще раз поблагодарить».

— Слушаю вас.

Нет, наверное, ничего удивительного в том, что ко мне обращаются на «вы». В том, что меня не узнают. Как и в том, что голос женский.

Позвоночник обдаёт неприятная холодная волна (я бы сказала, неизвестной этиологии, я же так люблю врать сама себе). Это не Виталина, как бы я ни желала зацепиться за спасительное умозаключение — это голос уверенной в себе женщины, которая как раз под стать такому, как он!

Нажимаю отбой, меня колотит от волнения, тревоги и необоснованной... да, обиды! Да, мать вашу, ревности! Прилив и отлив ледяных волн внутреннего опустошения с ощущением, что я потеряла что-то существенное, необходимое, весомое, не успев обрести. Права была Ленка, которая махнула рукой с советом «не звони, хватит эсэмэски». Я бы не слышала

глубокого женского голоса с хрипотцой, который, будь я мужчиной, вскипятил бы мой тестостерон с первой фразы...

Противный озноб. Нелогичные мысли в стиле «почему я не осталась». Да потому, Юляш, что ты мешала ему на этой вилле, неужели непонятно? Он даже не поехал тебя провожать, потому что ждал обладательницу этого сексуального тембра. Вовсе не потому, что боялся причинить тебе боль или из-за жалости, ты ведь даже не осознала, что не сама сбежала, упросив Дениса выжимать сцепление до 300 км/ч, это тебя ненавязчиво выставили, чтобы избавить себя от излишних вопросов. Ты мешала!

Я трясую головой, отказываясь верить в то, что меня так цинично слили. Как будто он что-то мне обещал, как будто я не видела в нем монстра-агрессора с самой первой встречи в больнице! Дрожащей рукой напрягая плечи, замирая от возможной удачи набираю еще один номер, уже другого оператора, набор легко запоминающихся чисел.

— Добрый день, говорите, пожалуйста, я вас очень внимательно слушаю, — на волне усилившегося озноба, означающего крах робкой надежды, потаенными витками сознания отмечаю, что дорого бы заплатила за право говорить так, как незнакомка-абонент. (у меня такие неуместные мысли!). Если бы эта леди заговорила с правительственной трибуны, и электорат, и власть имущие были бы очарованы. Если бы так умела говорить я, разбивала бы сердца одним телефонным звонком и, более того, могла не только повлиять, но и обезопасить себя от любого, кто пришел с плохими намерениями.

— Извините! Я... ошиблась, — открываю рот, протягивая шипящие, чтобы эта дама злорадно улыбнулась на том конце провода, отмечая дефекты моей речи, когда я сброшу звонок. Мне все равно, как она себя поведет, хотя вряд ли, следуя шаблону, огреет такого мужчину сковородкой с воплем «что за бабы тебе звонят?!» Судя по ее невозмутимой, полной достоинства самоуверенности, она даже не станет скрывать факт моего звонка. Значит ли это ничтожную вероятность того, что он перезвонит мне сам?

Мне так хочется в это верить, робкая надежда, отравленная ядом еще не ревности, но обиды с понижением самооценки так точно. Остался еще один номер — но вряд ли с ним повезет больше. Я набиваю «С днем рождения» с подступающим отчаянием для того чтобы стереть текст в который раз и мысленно пожелать ему когда-нибудь осознать, кого он упустил...

Мои надежды тщетны. Я не выпускаю из рук телефон, едва не подпрыгиваю до потолка, когда звонит Лена — проинформировать, что выгатила Влада с друзьями вечером в клуб и мое присутствие необходимо. Соглашаюсь, привожу себя в порядок, пропускаю два звонка — один от Эли, другой от кого-то из харьковских знакомых. Я все еще жду не зная чего и не понимая зачем.

Ленка залетает в мою комнату сверкающим метеором, погасив улыбку на губах ревнивицы Настёны. За сестрой очень забавно наблюдать: она так показательно кривит губы, пытаясь спрятать восхищение в глазах при виде коктейльного платья моей подруги — облегающего великолепия бежевого оттенка с россыпью черных пайеток на уровне груди и подола — издалека кажется, что на ней ничего нет, кроме боди-арта из этих черных блесток. Завитые стайлером кудри струятся по спине, идеальный тон кожи эффектно гармонирует с искусным макияжем в черно-синих тонах на пронзительных серых глазах. Я искренне не понимаю, почему такая яркая девчонка губит себя на рецепции местного четырехзвездочного отеля родного города. Но, зная ее, не сомневаюсь — это промежуточный вариант. Скоро ей станет тесно в Феодосии. Она восхищается Киевом, но

еще не видела Харькова, где наверняка понравится больше, и я ловлю себя на мысли, что хочу сдать зимнюю сессию экстерном, чтобы пригласить ее к новогодним праздникам.

— Ты в этом пойдешь, что ли? — критически качает головой Лена, осмотрев мой наряд из обычных джинсов и белой футболки без надписи. — Юль, он тебе качественно оттрахал мозг. На шею ничего не просится?

— Кто?! — отбрасывает журнал Настя, подавшись вперед. — Кто оттрахал мозг?

— Телевидение, котик, — машет рукой Ленка. — Полиция морали. Выражение такое.

— Систер, у тебя кто-то появился? — не унимается малая, скривившись в ответ на слова моей подруги. Ее глаза горят от любопытства. — В Египте, да? Шейх?

— Султан Сулейман Великолепный. Смотри картинки! — Лена угрожающе упирает руки в точеную талию, сощутив глаза, и подходит ко мне с грацией дикой кошки. — Сама разденешься, или тебе помочь?

Порыв спирального торнадо, зародившись на окончании фразы, вливается в позвоник холодным вихрем с псевдоэротическими стрелами в мозг и в низ живота одновременно. Я, кажется, заливаюсь румянцем от этих слов, лишенных надуманного подтекста, не понимая, сколь сильна атака неосознанного дежавю. Кажется, это уже было? И не раз? Неужели теперь каждый сможет подобрать закодированный пароль, и если не разрушить, то пошатнуть мои защитные барьеры?

— Так, что такое? — Лена удивлена, но, судя по всему, в моих глазах можно читать все эмоции, подобно рекламному баннеру с бегущей строкой. — Очнись, это я! Что у тебя на предмет платья-убийцы?

Я лишь киваю головой в сторону шкафа, отворачиваясь, чтобы скрыть ненормальную улыбку. Ложный адреналин кипит в моей крови и больше не режет мозг чувством обреченности и загнанности в угол, скорее, я успокаиваюсь, понимая, что он всегда останется жить в глубине моего сознания, оживая под чужими искрометными фразами запуском понятных лишь мне параллелей.

— С виду — траур, но спина! — восхищенно всплескивает ладонями Ленка, доставая плечики с тем самым платьем, что уговорила купить Виталина в Ялте. — Давай! Я хочу тебя в нем увидеть!

Сдавшись, стаскиваю через голову футболку и опускаю джинсы к щиколоткам, чтобы тут же натянуть это платье. Лена в шоке.

— Офигеть... я сижу и думаю, что в нем ты — мой пропуск на прием в посольстве, если б такой у нас проводился!

— Там еще и туфли. Черные.

— Эти? Да ну, серость... Хотя, обувай, посмотрим...

Я пытаюсь избавиться от странного ощущения, что мне очень комфортно при приказном тоне, но, наверное, это все потому, что рядом со мной подруга, которой я доверяю, как самой себе. Ей позволено многое из того, за что кого-то другого я бы огрела по шее. В ее устах даже «крашенная сучка» становится любовным и горячо прочувствованным посланием. Она мой оживший реверсивный генератор, та самая движущая сила, которая, следуя растиражированному приколу социальных сетей, и в 80 лет взорвет мой телефон, предлагая: «вставай, старая метелка, крепи вставную челюсть, и подефилировали в парк снимать себе дедулей!». И у меня нет сомнения, что мы именно подефилируем, забив на все артриты и склерозы, пока вместе.

— Слушай, ну, звезда в шоке... — она картинно отбрасывает волосы со лба и

заваливается на кровать рядом с Настей. — Как так получается, что на тебе даже примитив выглядит модельным люксом? Ты прямо ведьма!

— Очаровала? — я люблюсь своим отражением в зеркале, даже забыв, что опасуюсь таких вот отражений, и волна самодовольства берет верх, заливая мои берега.

— Нет, сжечь бы тебя к черту, чтобы не создавала мне конкуренцию, — серьезно отвечает Лена, но ее серые глаза слезятся от смеха, еще чуть-чуть, и поплывет весь макияж. — Да я фигею от твоего стиля! Слушай, отправь селфи своему имениннику?!

— Селфи? — я встречаю свой взгляд в зеркале, и поспешно отворачиваюсь, гася ростки ужаса. Пока все внимание было сосредоточено на платье, я почти забыла свои страхи. Но сейчас... — Никаких селфи, тем более... Тем более ему!

— Да я тебе отвечаю, сразу сорвется сюда. Ялта не столь далеко!

Я вспоминаю бархатный голос незнакомки, а рука тянется к телефону в немой надежде. Может, я отключила звук? Может, не услышала вибрации? Может, он звонил, но ответила Настя, пока я пряталась в беседке с сигаретой? Перевожу вопросительный взгляд на сестру, и понимаю — нет, чуда так и не свершилось. Полковнику никто не пишет, Беспаловой никто не звонит.

— Черт с ним! Не хочу мешать человеку праздновать! — Я протягиваю Ленке стайлер. — Сделай мне такие же кудри?

— Давай лучше я тебя заплету, как Китнисс Эвердин! — не сдает позиций сестра, подбегая ко мне, и Лена, подумав, одобрительно кивает.

— Юляш, а тебе нереально идут плетения. К тому же в этом платье лучше показать шею во всей красоте!

Через 20 минут я не узнаю себя в зеркале — этой девушке нужно блистать на правительственных приемах, поражая бомонд своей утонченной внешностью! Знаешь, дорогая незнакомка, ответившая на мой звонок, может, у тебя и голос с речью, как у сладкоголосой сирены или минимум, профи с горячей линии секса по телефону, но рядом со мной ты вряд ли рискнула бы появиться рядом! Твое счастье лишь в одном — в том, что ты попала под его возрастной ценз и нашла в себе силы шмякнуться перед ним на колени, и даже не из-за страха, что оправдывает мой поступок с Димой, а только из-за желания быть рядом с таким козырным мужчиной! Голос можно поставить, даже успела прогуглить пару таких приемов — достаточно пережать яремную венку, и сексапильная хрипотца нарисуеться на раз. Слабо тыкать себя в артерию, скажем, на приеме, всякий раз, когда к тебе обращаются? Будешь выглядеть, как дура, а я ставлю на внешность!

— Повесь что-то на шею, — предлагает Ленка. — Какой-нибудь облегающий обруч.

— Черта с два, — грубо отвечаю я, достав длинную цепочку с подвеской в виде алых губок из крупных стразов, которая сразу добавляет образу шальной сексапильности. — Никаких ошейников, переплавлю на ножи для кухни, даю слово...

В этот раз мы смеемся все трое. Лена — чтобы я ни в коем случае не зациклилась на неприятном воспоминании, сестра — потому, что не знает пугающего подтекста этого прикола, а я поначалу натянуто, словно принуждая саму себя, и только потом — с искренней неудержимостью. Нас прерывает трель звонка, и я едва не подпрыгиваю, потянувшись к телефону.

— Это мой! — ломает мою вспыхнувшую надежду Ленка. — Карета подана, мадам!

За рулем черного «немца» Влад, довольный и галантный до невозможности. Театрально закатывает глаза, хотя того, что восхищен, не скрыть никаким фарсом.

— А вот сейчас как арестую обеих, и никуда не поедем. Буду только сидеть и на вас любоваться!

— Есть фильм «Ночь в музее», а это будет «Ночь в обезьяннике», — философски заключает Лена. — Сперва свози нас туда, где мы сможем совершить пару-тройку преступлений, чтобы не так обидно было!

Путь не занимает много времени, уже через 10 минут мы устраиваемся в лаунж-зоне ночного клуба. Влад нацелен покорить Лену, которая стойко придерживается принципа «холодно- теплее, снова холодно», а у меня возможность выбора между двумя друзьями заместителя прокурора. Я сразу отмечаю строительного магната, «холост, и вообще золотой человек» — его манеры далеки от идеала, а фигура — от понятий о спорте, не спасает ситуацию даже дорогой костюм. Второй мужчина вызывает одобрение внутреннего сканера — синяя облегающая рубашка, платок на шее, очки в тонкой оправе, больше дань имиджу, слегка небрежная укладка и печать интеллектуальной умиротворенности на лице.

— Константин, — пробую на вкус его имя, подражая бархатному тембру незнакомой мне сирены, ответившей днем по телефону, настраиваю радары, пытаюсь уловить флюиды своей заинтересованности — и удивленно поднимаю брови, сообразив, что не ощущаю ничего похожего. Интерес есть, но... я не могу понять его природы, как ни бейся! Что-то похожее было при знакомстве с Димой, ощущение, что я не могу прочитать этого человека за стеной неподвластного разуму шифра. Но там меня сразило наповал эротическим торнадо самой убойной силы, которую я в силу своей неопытности понять не смогла. С новым знакомым все проще, я не ощущаю ни угрозы, ни бабочек предвкушения в солнечном сплетении. Он не сводит с меня глаз, но это любование хладнокровного эстета, и уж никак не заинтересованного в отношениях даже на ночь мужчины. Что-то в его лице мне кажется знакомым, и я переключаюсь с попытки психоанализа на попытку вспомнить, где же могла его видеть. Попытка обречена на провал.

Нам приносят кальян, напитки с закусками, Костя пытается развлечь меня рассказом о морской экскурсии на катере, а мне остается только слушать, и пытаться понять, в чем же состоит неправильность подобного общения. Через полчаса Лена вспоминает, где его видела!

— Ты же... Украинская неделя моды! Весна-лето 2013!

— Сдаюсь, — смеется Константин, и весь последующий час разговор крутится вокруг высокой моды и новой коллекции женских платьев. Еще через час вино бьет мне в голову, и становится жутко тесно в компании. Не чувствуя опасности, — ее просто нет, — я наклоняюсь к его уху:

— Давай свалим отсюда.

К счастью, он не за рулем. Влад, на миг прекратив обхаживать Ленку, кричит мне вслед, чтобы оставалась на связи, ночь закончится и настанет время развозить нас по домам. Угу, черта с два я сяду с тобой в твою тачку после бутылки виски, плавали, знаем! Такси никто не отменял!

Костя обнимает меня за плечи, но... как брат. Даже держит едва уловимую дистанцию. Напугала своим имиджем дорогой леди? Или ему больше нравятся блондинки? Мы спускаемся к морю, и я, стянув босоножки, запрыгиваю на волнорез, свесив ноги. Неполный диск нарастающей луны отражается в воде, совсем скоро, в сентябре, морская вода будет светиться фосфоресцирующим блеском от обилия планктона. Завораживающее зрелище, особенно когда волны разбиваются о камни, и брызги похожи на россыпь ограненных

бриллиантов.

— У тебя есть тайна, — сняв очки, говорит Костя. Перед этим он внимательно изучил мое лицо, а сейчас, обняв согнутое колено руками, разглядывает лунную дорожку. Я расслаблена до невозможности, но, несмотря на романтический антураж августовской ночи, мысли о поцелуях не желают атаковать мозг. Странно. Вроде бы как парень в моем вкусе, и все к этому располагает.

— Есть. Как и у всех нормальных людей.

— Предлагаю сыграть в игру, — он снимает с шеи платок, и расстегивает цепочку непонятого кулона. Слава богу, там не триксель! — До прилива следующей волны, в чью сторону качнется маятник, тот отвечает на вопрос другого, делится сокровенным.

— О нет, — несмотря на поспешный вскрик, эта идея не кажется такой уже и дикой. Скорее, странной. Я смотрю на него, сощутив глаза. Завтра он уезжает обратно в Киев, и вряд ли мы когда-нибудь пересечемся. То самое стечение обстоятельств, которое я так люблю. Детектор лжи на горизонте не значится, никто не узнает, если я совру или съеду в безопасную плоскость разговора, дав волю своему нескудному воображению.

Он не ждал моего согласия. Я замороженно наблюдала за маятником кулона, фиксируя боковым зрением набежавшую волну аккуратно с заносом кулона влево, почти до касания его груди.

— Первый, — мне захотелось рассмеяться. — Нет вопросов... Скажи сам что-то, чего я не знаю!

— Например, почему я до сих пор не поцеловал тебя под луной и не пригласил к себе? Почему мы сидим на пирсе и играем в эту подростковую игру?

— Как вариант, — я пожала плечами, полагая, что знаю ответ. «Ты меня просто не привлекаешь как потенциальный партнер, мои чары отключены за ненадобностью, а ты слишком хорошо воспитан, чтобы переть напролом».

— Даже если мой ответ тебя обидит?

— Если я не в твоем вкусе, я смогу это пережить. Ведь это будет честно.

— Знаешь, и да, и нет, — его улыбка располагала улыбнуться в ответ. — Понятное дело, что все между нами? А то Влад следующим летом меня на порог не пустит.

— В смысле? — сдвинула я брови за секунду до того, как услышать подтверждение своей догадке.

— Юля, я не интересуюсь девочками.

Как я еще не расхохоталась! Может, поняла всеми рецепторами, что он не врет? Стоило догадаться раньше.

— Круто, — я непроизвольно подвинулась ближе, ощутив абсолютную безопасность. — А я уже думала, что мир стал... идеальным, что ли! Что в нем нейтрализовалась агрессия и пошлость с нарушением правил! — он внимательно слушал, пытаюсь прочесть на моем лице... может, предвзятость? Или отвращение? Нет, ничего такого у меня не могло быть по определению.

— И, наверное, поэтому так легко с тобой. И да, я восхищаюсь женщинами с идеальным вкусом, это тоже! Работа модельера — тяга к прекрасному!

Расслабление достигло максимума.

— Теперь я, — мы дождались отката запоздалой волны, маятник не успел сделать виток обратно в его сторону. Я готова была ответить, казалось, на любые вопросы, но, когда он заговорил, у меня от подобной проницательности собеседника сдавило горло.

— Что с тобой случилось не так давно?

— Много чего, — поспешно ответила я, надеясь, что не прозвучит требование конкретизировать. Но для Константина эта игра, похоже, значила многое, и я не имела права закрываться и прятаться в ответ на его откровенность.

— Что-то погасило твои глаза, Юль. Трудно объяснить, просто... Просто они пустые!

После его слов время останавливается, зависает плотным вакуумом, который не в состоянии прошить ритмичный плеск набегающих волн. Вряд ли я вообще готова к подобному разговору! Откровенность за откровенность? Это настолько разные вещи, что, когда я, повинувшись небрежно оговоренным, не закрепленным никакими подписями на контракте правилам, начинаю говорить, из моего сбивчивого набора слов мало что понятно. Но там превалирует речевой оборот с ключевым понятием «моя вина», от которого внимательно слушающий собеседник поначалу удивленно сводит брови, а после откровенно сжимает губы, не в силах скрыть, как его раздражает мое показательное самобичевание.

— После выхода «Сумерек» в Киеве прокатилась волна тематических вечеринок, — философски замечает Константин, пока я выбиваю сигарету из пачки, неловко извинившись за то, что ему придется дышать табачным дымом. — Сейчас после бума на «пятьдесят оттенков серого», хочется закричать «не вздумайте!».

Я натянуто улыбаюсь и скептически отмечаю, что не вижу на его лице возмущения.

— Может, это цинично прозвучит, но я родился и вырос в Киеве, в столице больших денег, высоких связей и положения. К сожалению, такие вещи — обычная практика для некоторых власть имущих. В чем ты видишь свою вину, я, как ни пытался, не смог понять. Тебя в этом убедили. Причем искусно, сняв одну ответственность, но не освободив, потому что тут же взамен подсунули иную. Твоей вины в случившемся нет, я бы даже сказал, его тоже. Это попытка все решать при помощи связей и больших денег — но с нашим менталитетом подобное положение вещей стало нормой.

От этого не легче, совсем. Я начинаю жалеть, что согласилась играть в эту игру, кроме злости и спазма сердечной мышцы подобная откровенность не принесла ничего.

— Значит, у нас настолько рабский менталитет, что мы не просто не сопротивляемся подобным вещам. Мы начинаем искать в них подобие удовольствия до тех пор, пока не станет совсем поздно. Пока мы не найдем оправдания чужой вседозволенности. Мир не идеален, аминь.

От этих его слов мне хочется уйти. Выпить успокоительного, уснуть сном младенца и больше не грузить малознакомого человека подробностями своей жизни.

— А может быть, все как раз наоборот, — Костя застегивает цепочку на своей шее, и впервые проникновенно смотрит мне в глаза: — Может, в каждом есть светлая сторона. Я далек от этой субкультуры, просто о ней не слышал только ленивый, но факт особой эмоциональной открытости в подобных отношениях признается всеми без исключения. Мне кажется, ты, может, неосознанно, может, чтобы минимизировать собственный стресс, рассмотрела в нем именно это. Свет. Сторону добра, прости за пафос.

Мне хочется рассмеяться. И снова исчезнуть, чтобы не думать о том, как близка к правде была эта теория, озвученная человеком, которого я больше никогда не увижу... кроме как по телевизору на неделе высокой Моды через год.

Он проводил меня домой, несмотря на протесты, единственное, на чем я настояла, так это на вызове такси для возвращения в клуб. Мало что с ним могло произойти в этом районе ночью.

«Было?» — достанет меня расспросами Лена на следующее утро. «Было», — изобразил довольную улыбку, отвечу я, соблюдая чужую тайну. Утром я буду жалеть, что так быстро сбежала, у меня еще не скоро появится подобная возможность не просто выговориться, но и поверить чужим словам, соскрести еще один слой навязанной вины. Первые проблески осознания правдивости сказанных им слов были для меня еще сильно остры и неприемлемы, чтобы окончательно себе в этом признаться, и я взяла за основу спасительную версию о «минимизации стресса».

Этот случайный знакомый на самом деле сделал для меня в ту ночь очень много. Внутренняя пружина ненужного зажима на кнопке своей вины постепенно распрямляла сжатые кольца, растворяясь во времени, отпуская в свободный полет; я еще этого не чувствовала в полной мере, списывая на атмосферу дома, где «и стены лечат». Что-то изменилось, и не исключено, что в первую очередь во мне самой. Я наслаждалась той жизнью в кругу семьи, которой прежде у меня не было и быть не могло. Отношения с матерью с каждым часом становились крепче и душевнее, я обретала ту самую «маму-подругу», о которой мечтала с детства, завидуя одноклассникам и Ленке. Единственное, чего я не смогла — это поделиться с ней всем тем, что со мной произошло. Она переживала, просила рассказать, но я всегда встречала ее просьбы с душевной улыбкой и рассказами о тяжелых экзаменах и жаре в далеком Египте, которого так и не увидела.

Лето близилось к завершению, а я с маньячным упорством догоняла потерянные дни, в течение которых была лишена этого самого лета, погружаясь давлением чужих рук и воли так глубоко, где не существовало никаких времен года. Там с одинаковым закономерным постоянством обжигал холод арктической зимы, обдавал жаром горячий пустынный сирокко, хлестал дождь со вспышками разящих молний. Временами меня охватывала запредельная злость на Него, сознание услужливо подбрасывало смонтированные ролики, где я не мирилась с тиранией, где избивала его цепями до крови, наносила контрудар на любую провокационную фразу, блокируя любые попытки вызвать во мне страх. Сила неумного, больного воображения! Эта ненормальная энергия требовала выхода, и не спасал даже бег по утрам, как и заплывы на дальние дистанции с танцами до упаду почти каждый вечер в клубе. Наверное, мне надо было убедиться в том, что во мне ничего не сломалось за самые неоднозначные две недели. Жизнь решила наконец изобразить подобие слабой улыбки, пока еще покровительственной, но мне на данный момент хватило даже ее.

Никто не замечал моего внутреннего надлома, нервной дрожи от голоса заговорившего со мной мужчины, его взгляда или поведения. Однажды я повторила свой фирменный взгляд в упор — тот самый, что напоминал поражающие цель стрелы, спущенные с тетивы натянутых нервов. Надо было доказать себе — я смогу, и никто меня не потащит за волосы в пещеру, прикрываясь эгоистичной мужской отмазкой «ты сама в этом виновата!». Легко не было. Было ощущение, что на моих скулах притаились два агрессивных тарантула, которые ужалят ядом, стоит только опустить ресницы. Итог — разбитое сердце отдыхающего россиянина и новый глоток кислорода в виде уверенности в собственных силах и ощущения безопасности. Ленка радовалась переменам в моем характере даже больше, чем я.

В Крыму лето чувствовало себя вполне вольготно, оно задержится здесь до середины октября. В Харькове уже три дня шли дожди, об этом сообщали Лекси с Элей, требуя моего возвращения как можно раньше, только я не торопилась. Конечно, мне придется вернуться в этот город, где все будет напоминать о нем, бросать учебу из-за трагедии было глупо, но я нырнула с головой в окончание лета, забыв даже про календарь, неумолимо отсчитывающий

дни до отъезда.

28 августа вернулся Виктор. Накануне я почти силком уволокла сопротивляющуюся маму в салон красоты, где ей сделали модельную стрижку и комплексный уход от косметолога-визажиста, после чего мы до самого вечера курсировали по торговому центру в поисках наряда. Мама изменилась на глазах, а я впервые ощутила что-то сродни гармонии. Мир вращался вокруг на бешеной скорости, и от этого ощущения кружилась голова.

Второе открытие лета, неожиданное для меня самой, случилось накануне моего отъезда. Отчим сдержал слово насчет эксклюзивного подарка, и я стала обладательницей изумительного арбалета. Что с того, что сломала пару ногтей, пытаясь натянуть тетиву? Кровь скифских амазонок вскипела, стоило взять его в руки, посмотреть на мир сквозь прорезь прицела, и вместе с этим ощущение безопасности и независимости затопило приливной штормовой волной. Окажись у меня этот шедевр оружейной индустрии раньше, как знать, случилось бы со мной все это или же нет. Я с упорством ребенка, вооружившись поддержкой Насти, которая с трудом оторвалась от подаренного отчимом планшета, выдергивала из журналов постеры с изображением звезд и политиков для последующего расстрела завтра на природе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

... Виктор умудрился утопить в озере две стрелы, а мне не нужно было даже пользоваться прицелом, хвала развитому глазомеру — портреты знаменитостей вовсю зияли простреленными глазами и лбами.

— Какая падла приплывет завоевывать Крым, не отдадим! Кончилась эра монголо-татар! — я кружилась по поляне, перевозбужденная охотничьим азартом. — Никому не избежать карающих стрел! Теперь уже точно!

Виктор жарил недавно выловленную рыбу на гриле и по-отечески тепло качал головой. Вопросов не задавал, хотя сразу понял, что со мной что-то не то. Я не была готова рассказывать, о чем ему и сказала, а он только поблагодарил за то, что не стала расстраивать мать. Мы уехали на рыбалку ранним утром, несмотря на возмущение матери — конечно, она по нему соскучилась безмерно, но я выпросила право побыть наедине с человеком, который заменил мне отца.

— Вот же ж ужас, — картинно передернул плечами Виктор, когда я с дьявольской улыбкой приколотила к стволу вербы портрет Мэрлина Мэнсона. — Что это за чудо?

— А, мой бывший парень, поэтому я такая грустная, — я натянула тетиву, упираясь ступней во вспомогательный фиксатор, и, проверив предохранитель, протянула отчиму. — Высади глаз этому несостоявшемуся зятю!

— Юляха, да не умею я этими дикими штуками... Вот родной ПМ, совсем другое дело... — попытался отказаться Виктор, но я по-хозяйски выровняла его руку, уместив приклад на плече.

— Давай. Я не дам рыбке пропасть!

Первая стрела ушла в молоко. Вторая — вонзилась в ствол дерева в полуметре от плаката. Еще две утонули в озере.

— Надо в интернете заказать новый комплект, — я не могла сдерживать смеха, а Виктор, казалось, расстроился.

— Ну вот, твой отчим не умеет даже стрелять... Совсем ни на что не годится! — я вздрогнула, и филе карасика, проскользнув сквозь прутья решетки-гриля, шмякнулось на тлеющие угли. Только мне было все равно. Очередной спазм, защемление всех нервов и

связок гортани, щемящей сердечной боли со слезами — совсем иными, непохожими ни на что. Я порывисто обняла его за шею, сглатывая эти слезы.

— Нет, не смей говорить так, у меня самый лучший ОТЕЦ. И это ты...

С билетами оказалась напряженная ситуация. Ничего удивительного, учитывая конец лета, 29 августа — студенты и семейные курортники организованно возвращались в родные пенаты, полные впечатлений от отдыха перед школой или вузом. Виктор с твердостью Саши Белого из «Бригады» расставил все точки над «и».

— Эти проблемы — мои проблемы, и решать их за вас буду я!

Так я оказалась обладательницей двух железнодорожных билетов люкс. Почему двух? Отчим, вернее отец (после пикника на природе я его иначе не называла даже в мыслях) не мог допустить нежелательного для меня соседства в замкнутом периметре двухместного купе. Я слегка опешила от суммы, которая равнялась половине цены авиабилета из Симферополя, но испытала прилив нежного тепла, сообразив, что моя любовь к особой романтике поезда и пейзажа за окном, озвученная в разговорах, была принята им к сведению.

Я совру, если скажу, что мне тяжело было расставаться с родными и лучшей подругой, или что я не хотела возвращаться в Харьков. Нет. Я хотела вернуться в этот город, словно он один мог излечить мои притихшие душевные метания, хотя именно там все и случилось. Этот город никогда не был моим, он всегда принадлежал ЕМУ во всех смыслах этого слова. И по праву рождения, и по праву наследия и вседозволенности... во всем! Собираясь покорить первую столицу, большой мегаполис с развитой исторической культурой, я была наивной фантазеркой, чей огонь стремлений так грубо погасили. Хотела ли я этого покорения сейчас так сильно, как тогда, когда впервые прыгнула с поезда на перрон Южного вокзала? Я впервые не знала, что же будет дальше. Мне хотелось верить, что ничего не изменилось, и прежняя увеселительная колея не позволит мысленно утонуть в хаосе своей потери и измененного сознания. Могла ли я тогда знать, как тяжело это будет, и каким адом станут для меня первые два месяца?

Я буду бояться смотреть в зеркальные витрины бутиков, потому что они будут гипертрофированной копией беспощадных зеркал в моем воображении, и, даже когда попробую задержать взгляд, всегда буду видеть за своей спиной медленно тающую тень. Она станет моим ожившим кошмаром и, как бы ни больно себе в этом будет признаться — спасительным якорем, шаткой опорой, преградой подступающему сумасшествию! Димкин фантом все равно возьмет свое: то, чего не успел по жизни он сам. Я не смогу сопротивляться его хозяйскому вторжению в свои мысли, в свою раскрытую сущность, в свой внутренний мир, который никогда не сможет восстановиться, он обречен стать полигоном для лагерей его экспансии. Я никогда не смогу убедить себя даже в том, что его больше нет в живых! Этого не сможет никто очень долгое время... Я буду ждать. Ловить с одержимостью, сравнимой с недостатком кислорода, любые знаки судьбы, и только чудом смогу не свихнуться. Однажды это закончится — и я бы очень дорого отдала, чтобы финал был ознаменован именно его появлением!

... Ничего этого я еще не знаю. Еду в город, где началась моя устрашающая история, и верю, что в этот раз все будет иначе, я не буду даже вспоминать о нем. Нырну с головой в учебу и беззаботную жизнь студентки-тусовщицы, выберу себе новую жертву (да, в этот раз именно жертву!), выжму из несчастного максимум — может, так удастся отыграться за то, что мне пришлось пережить! Смотрю, как поднимаются и опускаются за окном провода, в

сумерках вижу отдаляющиеся огни кораблей в порту, утомленную солнцем степь с островками редких кипарисов, потом — бескрайние поля, спокойное в вечернее время Каховское водохранилище, в котором так ярко отражаются первые звезды. Желание вернуться спорит с желанием скорее приехать в город, который — вашу мать! — я все равно люблю до безумия! То ли в силу особой ауры, то ли как плацдарм для карьерных возможностей (стоп! Не думать о салоне...), а может, просто верю, что смогу, перешагнув через страх, оставить все в прошлом.

Не прошло и полгода, как я стала старше на жизнь.

Я даже засыпаю очень быстро под колыбельные Scillet в телефоне, чтобы открыть глаза с рассветом, за пару часов до прибытия. Что-то меняется прямо здесь и прямо сейчас, атмосфера приближающегося города проникла в кровь, перенастроив реакции на свою ФМ-волну. Эта она направляет мои руки, когда я, воспользовавшись десятиминутной стоянкой поезда, рисую подзабытый хищный смоку, использую стайлер для создания мягких волн на волосах и натягиваю ультракороткие шорты и облегающий топ с воротником под горло, следуя священному правилу — никогда не открывай все сразу!

Изпоезда, вслед за сумкой, меня — почти как принцессу на троне Древнего Египта — выносят сидящей наскрещенных руках двоих встреченных втамбуре попутчиков, и я не могу сдерживать смех, увидев сперва ударивший по голове Лекси транспарант с надписью «Юлька, с возвращением!», а потом — их упавшие челюсти. Очаровательно улыбаюсь двум растерянными мужчинам, которые явно хотели предложить свои услуги носильщиков-водителей, и падаю в объятия подруг-однорупниц.

Похорошевшая Элька, похожая на Клеопатру с ровной линией густой челки и загоревшая до черноты, несмотря на свою чувствительную кожу, Лекси не стесняясь эмоций, поочередно кружат меня по перрону, я даже задеваю ногами прохожих. От их объятий останутся гематомы на ребрах, и к гадалке не ходи!

— Все, вечером в «Аризону», ты купальник прихватила? — щебечет супер-блондинка. — И вообще, я хотела сказать — рано тебе замуж! Особенно, за такого как он!

— Лена, — многозначительно закатывает глаза Эля, — имей уважение к...

Я спешу прервать неблагоприятный поворот разговора.

— Никакой «Аризонь»! Пляжную вечеринку устроим завтра, я с дороги никакая! Сумку разобрать, холодильник затарить, и вообще, просто выспаться!

Кто-то из них хватается ручку моего дорожного чемодана, и я жмурюсь от ощущения обволакивающего тепла, слушая их веселое щебетание.

— Эта, прикинь, наклеила на плакат «Юлі — волю!», и собиралась с ним тебя на перроне встречать! Я сказала, что ее примут с таким политическим лозунгом!

— А что такого? — картинно надувает губки Лекси. — Ты же почти...

Их попытки что-то доказать прерваны моим восхищенным вскриком, когда я осознаю, что Ленка, не прекращая болтовни, нажатием кнопки на брелоке открывает капот розового Nissan Micra» и легонько опрокидывает туда мой чемодан.

— Лена! Я в шоке!

— Фигня. Я мини-купер хотела! — жмурится от удовольствия подруга. — Так, пошли пропустим по бокалу шампанского за твой приезд и потом отвезем тебя домой!

Улыбка гаснет на моих губах с болезненной отдачей прошлых воспоминаний в районе солнечного сплетения и с острым желанием схватить эту куклу за точеные плечи и трясти до тех пор, пока она не станет серьезной, на крайний случай, не поумнеет!

— За рулем ты пить не будешь. Ты меня поняла?

— Да брось, что от одного бокала... — я сбрасываю руку Лекси с запястья, захватывая ее беспечно-пустые серые глаза своим тяжелым взглядом.

— Мне повторить?

— Ой-ой-ой, а чьи это я слышу в голосе такие знакомые командные нотки, — вскидывает голову Лекси. — Он тебя и смотреть так на...

Эля рядом, вечным ангелом-спасителем.

— Да, Леночка, нотки голоса твоего папули, который настаивал на водителе, их ты слышишь! Мне намекнуть при встрече, что ты собиралась бухать, за рулем и с утра? Юль... Да что ты ее слушаешь, перестань!

Тугая пружина не разжимается, нет, она застывает литой формой где-то в глубинах сознания, задев по инерции сердце с тут же начавшейся аритмией. Я молча открываю дверцу, чтобы сесть на заднее сиденье. Несколько глубоких вдохов, чтобы унять головокружение и непонятный жар острой безысходности. Девчонки притихли, Эля усаживается впереди рядом с новоявленной автоледи, а я просто закрываю глаза и откидываю голову назад, по инерции отметив, что Лекси ведет автомобиль уверенно, с едва уловимой грацией, если это слово можно применить к стилю вождения. Робкий разговор возобновляется лишь спустя десять минут, а я не могу смотреть в окно. В этом городе сотни улиц, десятки центральных, где мы с ним так или иначе успели побывать. Меня подбрасывает при открывшейся панораме «моста влюбленных», и я поспешно отвожу взгляд. Слушаю краем уха рассказ Эли о том, кого из наших одноклассников она видела и чем кто сейчас занят, и больше всего на свете хочу оказаться дома.

Они отпускают меня, только взяв обещание, что завтра вечером мы все соберемся в открытом пляжном клубе «Аризона» на вечернем пати. Я не знаю, что со мной будет завтра, но клятвенно обещаю присутствовать, даже если пресс воспоминаний, оживший в этом городе, придавит к полу, лишив возможности подняться. Я намерена с этим бороться, только... я не знаю как! Здесь все против меня, даже стены квартиры, потому что он последний, кто там находился! Если бы я могла научиться ничего не чувствовать! Увы.

В комнате ничего не изменилось, хотя тетя наверняка приходила сюда не раз и не два, чтобы полить свою оранжерею в мое отсутствие. Перед отъездом я додумалась провести экспресс-уборку, и квартира встретила меня бездушной, словно его взгляд, стерильностью. Все аккуратно по полочкам, ни одной лишней детали. Ловлю себя на мысли, что боюсь здесь оставаться, боюсь воспоминаний, которые сейчас обязательно захлестнут. Мой взгляд прикован к креслу, и я, кажется, слышу шелест бумаги с душераздирающими строчками. Даже отшатываюсь, вспоминая, как эта библия Люцифера полетела мне в лицо.

«Значит, так. Умойся и прочти. Быстро. Не принимаешь эти условия — счастливо оставаться. Принимаешь — уезжаем вместе. Я все сказал.»

Словно в первый раз — смесь ужаса и облегчения от всей ситуации в целом. Да, я боялась того, что он со мной сделает уже совсем скоро, но еще сильнее я боялась перспективы быть изнасилованной оравой отморозенных уроков. Тогда я не могла знать, что это был всего лишь театр ради того, чтобы получить меня, не применяя силу, оставить иллюзию моей добровольности и его непричастности, раз уж фишка с салоном не прокатила с первой попытки!

Меня трясет. Я не решаюсь зайти в комнату, бросаю чемодан в коридоре, хватаю клатч с кредиткой и наличкой — да, остается проблема пустого холодильника, я умру с голоду! В

крупный супермаркет ехать нет ни сил, ни желания, и я ограничиваюсь мини-маркетом рядом с домом. Толпы людей не пугают, я уже знаю, каким страшным будет мое одиночество в бездушном периметре пустых комнат. Даже дом больше мне не крепость. И зачем я отпустила девчонок?

Я сжимаю зубы, но все же не могу сдержать слезы: льются по щекам, пока я распихиваю продукты по полкам, падают соленой добавкой в чашку свежесваренного кофе, тушат сигарету. Хрен усну в таком состоянии. Разве что...

Я снова сбежала. Тебе не победить меня, не надейся, только не в этом! Ты можешь хоть прописаться в моей квартире своей незримой обволакивающей тенью, долбаным иллюзионистом, провоцирующим воспоминания, да хоть самым приспешником Сатаны, я не буду играть по твоим правилам! Замерзнешь от игнора, сломаешь себе кости о мои выстроенные для защиты стены, но тебе никогда больше не управлять моим сознанием и всеми возможными эмоциями! Таблетка снотворного действует быстро, мысли путаются, а я лишь злорадно улыбаюсь. Ощущаю поглаживание пальцев на щеке, вопреки логике, теплых, я готова поспорить, что чувствую микроток чужой крови собственной кожей! Мне хочется улыбнуться и протянуть руки навстречу, но нельзя. Я в ярости! Гладь сколько угодно, в свой сон я тебя не приглашаю, нечего там делать! Люблю это состояние полета перед сном — вещи кажутся такими логичными и такими реальными! Выгибаю шею навстречу, перед тем как натянуть одеяло, одним махом убрав усилившийся нажим таких знакомых пальцев. Иди к черту!

Мой сон — моя частная территория. Закрытая, запароленная так, что все психологи и хакеры мира убьются насмерть, так и не вскрыв эту дверь до конца. Я засыпаю быстро, успев возвести защиту своих оборонительных стен в самую высшую степень, и кажется, мне ничего не снится. Идеальный побег от твоего незримого присутствия, от настойчивых попыток сорвать мои покровы и проникнуть до самой сути беспощадным призраком прошлого, который не желает говорить о себе в прошедшем времени, взяв на прицел настоящее и даже будущее! Ты можешь сбивать кулаки в кровь о шероховатые камни этого бруствера, только ничего у тебя не получится! Твоя попытка управлять уже закончилась плачевно, ты должен меня благодарить, что я не даю тебе наступить снова на те же грабли! Силы сейчас уж слишком не равны, ты не находишь? Отстань, успокойся уже, дай мне жить нормально! Мне в церковь, что ли, сходить? Хотя, зная тебя, правильнее будет обратиться к сатанистам.

Я просыпаюсь с перепуганным криком, сетчатку режет яркий свет алого пламени. Закат! Я ведь даже не подумала о том, что стоит задернуть шторы, вообще не предполагала, что буду спать до вечера! Красное солнце клонится к горизонту, предвещая ветреную погоду, а внезапная аритмия отпускает, словно очарованная этим зрелищем. Мне бы зацепиться за эту красоту природы вместе с вспыхнувшими в сознании строчками «от края до края небо в огне сгорает», и я почти готова это сделать, как вдруг...

Я не понимаю, что происходит! На что это похоже? Да словно в тебя выстрелили в упор дротиком из духовой трубки, только вместо кураре смазали острие концентрированным афродизиаксом, и он поразил тебя не точечным попаданием, а лучевой атакой по всем незащищенным после сна фронтам, проникнув в расслабленное сознание, которое оставило свою вахту, залюбовавшись закатом! От остро-сладкой судороги перехватывает дыхание, разгоняется бег крови, атакуя сердечную мышцу, а от попытки пошевелиться... Вашу мать! Шелк ночной рубашки задевает напрягшиеся какого-то черта соски, послав по телу новые

спирали почти болезненного желания, а низ живота сводит сумасшедшей огненной судорогой, я даже чувствую микросокращения взбунтовавшихся внутренних мышц. Мне ничего не снилось, я не листала женские или мужские журналы с обилием горячих тел перед сном, я даже в разговоре с подругами не дошла до измерений извечными женскими эталонами... В чем дело?

Я вскакиваю с постели, безуспешно пытаюсь выровнять дыхание — не спасает даже стакан воды. Меня накрывает волной почти зверского желания, самого искреннего и беспощадного, того самого, что не принято признавать, следует гнать, искать способы любой сублимации, только не поддаваться и не допускать! Это ненормально, неправильно, и... вашу мать, восхитительно!

Шелк трется о торчащие соски при каждом движении, разворачивая торнадо чувственных спиралей между ног, они лишь усиливаются при каждом моем шаге! Я из последних сил цепляюсь за мысль: отвлекись, собрать конспекты, посмотреть на сайте академии расписание пар, только прогнать этот одержимый азарт! Включаю компьютер — мне нужно переключиться, иначе я потом сгрызу сама себя за это. Будем реалистами — я знаю, кто тому виной!

Конспекты рассыпаются по полу — так сильно дрожат руки — и это ну никак не отвлекает от неумного пожара возбуждения! Пытаюсь их собрать, ругаясь во весь голос — так тоже можно дать выход атаковавшей сексуальной энергии, — и недоуменно моргаю, заметив выпавшие из тетради белые листы формата А4. Новая атака сладостного огня в оголенные нервы — я бы рада их спутать с чем-то другим, но не могу!

То ли ночь, то ли раннее утро... Я в состоянии полушока, полуозноба и полушага за черту, мне даже чужой стеб уверенного в себе победителя кажется логичным и приемлемым. Спрыгнуть с пятого этажа? Подписать это кровью? Согласиться на все сразу, заручившись поддержкой ненормальной уверенности — «перевоспитаю»?..

Возбуждение усиливается — эти мысли совсем не отвлекают... они рисуются жаркой прелюдией для исхода этой эйфории в свихнувшемся воображении! Строчки, почти незаметные в сгустившемся мраке пляшут перед глазами ритуальный танец, но я готова поклясться, что они ожили в памяти под прессом накативших воспоминаний! От тех, что могли рассмешить, до откровенно шокирующих — они потом оказались самыми безобидными. Я даже не помнила некоторые из них — на бумаге они показались мне недостойными внимания, а на практике стоили потери собственного «я». Если б еще это могло меня успокоить! Нет, куда там — ассоциативный ряд вливался в кровь, делая ее еще горячее, разгоняя до сверхзвуковой скорости.

«Каждый раз, когда твой хозяин входит в комнату, ты должна ожидать его на коленях, если не было иного распоряжения. Ты должна научиться принимать коленопреклоненную позу с изяществом и грацией, чтобы радовать его глаз!»

«Ты должна благодарить Хозяина за каждый удар, нанесенный тебе, и сдерживать крики, если не было иного распоряжения!»

Твою мать, что происходит? Я не знаю природу этой аритмии, похожей на развороты эндорфиновой спирали, я не могу ничего сделать с этим жаром взбесившейся плоти. Едва не разрываю шелк рубашки, не думая ни о чем, — на пол, на холодную плитку. Ледяной душ до тех пор, пока не кончится этот кошмар, это гребаное наваждение! Кажется, один раз мне уже помогло?..

Я не успеваю переключить регулятор с теплой воды на холодную, автоматически делаю

это только до половины — неподвластная разуму и логике сила вжимает меня в стену, не только поспешно развернутыми ладонями, всем телом, до тесного соприкосновения с холодной поверхностью кафеля — его не успела нагреть вода. Скольжу ногтями по бездушному гляncу, к новому залпу неумемной одержимости от шейных позвонков до обнаженных пяток, неподконтрольному желанию потереться о стену. Если я прикоснусь к себе там, кончу в тот же момент...

Я не могу сделать этого... Мои руки, кажется, зафиксированы стальным захватом чуть выше уровня плеч, и я с потрясающей ясностью понимаю, кто именно их незримо удерживает в таком положении. Я могла выстроить в своем воображении какие угодно защитные стены, силовое поле своей воли и отрицания, но так беспечно игнорировала барьер чувственности, которая сдалась без боя, если не заключила договор с моим агрессором за моей же спиной!

Тело обжигает не холодом, нет, по каждой клетке разливается жар самого беспощадного и непобедимого желания, и мне не нужно призывать на помощь логику, чтобы понять, откуда оно взялось. Все просто. У моего бешеного вождения — его глаза, его железная воля и неистребимый диктат. Да как я могла подумать, что смогу от этого убежать? Я не смогла этому воспротивиться, когда была полна сил и готова драться до крови за свои взгляды и убеждения, что говорить о том, что происходит сейчас, когда ослаблены все мои системы, и я совсем не хочу драться? Мне бы вспомнить о своем настрое, написать слово «нет», а я лишь улыбаюсь в холодный кафель, рисуя пентаграммы своего безумия на конденсате матовой темной плитки. Мои соски — идеальная кисть одержимого всеми демонами сладострастия художника, я не перестану рисовать абстрактные картины до тех пор, пока сладкие и такие желанные спирали развязки не унесут меня к небесам...или в глубины ада, на что мне сейчас абсолютно плевать!

Мои руки в незримых оковах, а ладони впечатаны, нет, впаяны в бездушно холодную плитку. Попытка опустить вниз безуспешна, а пульс ощущается болевой дробью чужих тамтамов того, кто завоевал остатки воли — я даже сомневаюсь, а была ли она у меня когда-нибудь. Мои глаза зажмурены, не хочу видеть свет и реальность, я подыгрываю своему воображению, которое ошпаривает волнами горячего эспрессо с высоковольтным разрядом по позвоночнику, в низ живота и новой спиралью безумной вибрации. Кажется, стон прорывает сжатые зубы в чужие губы, подминающие собственническим ментальным поцелуем.

Ты не мог умереть. После такого я в это ни за что не поверю, хоть тресни! Меня могли сколько угодно и как угодно в этом убеждать, вбивать постулаты через гипноз ослабления воли — ты и здесь сумел доказать, что сильнее их всех! Боже мой... Спина выгибается сладкой конвульсией, я хочу опустить ладони, погрузить пальцы обеих рук в самый эпицентр развернувшегося торнадо сексуального безумия... Ты не допустишь! Нешуточная боль в пережатых венах обоих запястий, взбесившийся пульс безуспешно колотит в чужие пальцы, не причиняя ни малейшего ущерба — ты даже его сумеешь подчинить своей неумолимой авторитарности! Удар в виски, прошивающая стрела острого психического удовольствия навывлет вместе с молниеносным разворотом, с выбросом бедер вперед... Нет, Юля, ты не танцуешь... Ты сходишь с ума в погоне за удовольствием, которое тебе запрещено получать негласным распоряжением силы, всегда и во всем превосходившей тебя!

Я не хочу! Какого хрена ты меня так мучаешь?! Исчезни!

Теплые струйки воды по лицу, шее, ключице, встречая преодолимую за доли секунды

преграду в виде торчащих сосков, обволакивая своим сладостным касанием...вниз, по напрягшемуся животу, самому жаркому и пылающему ландшафту моей кожи и оголенными нервам! Глаза застит шоколадно-кофейная пелена с росчерками красного безумия.

Отпустить тебя? Ты правда этого хочешь?

Я не знаю, чего хочу... Тишина повисает сжавшимся вакуумом, кажется, замерли стрелки часов и бег воды остановлен... Я чувствую последнюю дрожь черных облаков перед тем, как небо просто упадет к моим ногам, не причинив вреда...

Я отпущу! Пообещай, что ты вспомнишь об этом, когда тебе покажется, что ты готова перейти черту... Пообещай!

Да! Я, кажется, произношу это вслух. Нет, просто выкрикиваю сорвавшимися связками! Я тебе все что угодно пообещаю, только останови это сладкое насилие моей воли и тела... Отпусти мои руки!

Нет! Ты можешь и без них... Просто забудь про эти штампы с неизменным контактом! Лови мои прикосновения без помощи рук!

Это безумие! Е. ная мистика — именно так, иначе не скажешь! Бедрa разрывают пути невидимых сетей, толкаются вперед, навстречу потоку воды, ставшему продолжением его рук и воли... Я схожу с ума, и завтра точно схожу в церковь, нет, к шаману культа вуду, чтобы избавил меня от этого присутствия! Завтра... ДА! ТВОЮ МАТЬ, ЗАВТРА!

Боль в коленях простреливает в виски, а я ее не замечаю и не осознаю! Меня колотят сжатия покоренных мышц, раздача веерного оргазма вместе с хриплыми воплями и шумом льющейся откуда-то сверху воды, эндорфин острыми кристаллами испарывает капилляры, царапает сердце, и я задыхаюсь в этой безумно сладкой и восхитительной агонии!.. Вакуумная пульсация затянувшегося наслаждения не стихает, как мне кажется, целую вечность — я не хочу даже шевелиться, этакий доверчиво сжавшийся комочек оголенных сладострастных сокращений на бездушном акриле джакузи. Я не хочу, чтобы меня отпускали незримые, но такие осязаемые руки, я даже протестующее хныкаю, когда зрачок сужается до размеров моей прежней серой вселенной — тает кофейно-алая пелена, я вижу бездушный свет ламп и хочу завывать в голос от того, что так легко сдалась и позволила себя обмануть! Мне не церковь нужна и не магистр вуду. Мне нужен психиатр и обряд секты служителей Антихриста, только я не вполне понимаю, зачем именно — чтобы изгнали тебя прочь из моего сознания или чтобы воскресили черной мессой с применением комплексного научного подхода с испытанием ритуальной чаши аминазина вместе с кровью жертв!

Мысли путаются... Я на автомате закручиваю краны, забыв напрочь о чередовании горячей и холодной воды, кое-как вытираюсь полотенцем, оставив мокрой спину — все равно. Мне хочется сбежать отсюда! Я даже хлопаю дверью, словно она может запереть от меня твой неуловимый призрак, реинкарнацию самой крепкой эмпатии в мире, неумолимую тень, которая однажды сведет меня с ума!

Я самая конченная дура в этом городе! Я должна была тусить с девчонками в пляжном клубе этим вечером, а не страдать унижительной мастурбацией, прикрываясь тенью того, кого наверняка нет в живых! Рывками дергаю полотенце вместе с влажными волосами, на ходу соображая — а не поздно ли все переиграть и позвонить им обеим, чтобы забрали хоть куда-нибудь из этих уничтожающих стен! Едва не падаю, поскользнувшись на разлетевшихся листах с перечнем правил, которые — да, вашу мать! — я готова была принять в полной мере и безоговорочно, если бы только он остался жив! Пусть я буду рыдать и биться головой об стену, теряя себя в безумном наслаждении унижительной обреченности от потери самой

себя и необходимости полностью передать власть над собой в чужие руки, я не смогу отрицать сладкого послевкусия затянувшейся рефлексии! Я готова позволить ему растерзать себя ради его возвышенного удовольствия, но уже слишком поздно!

От этой мысли еще хуже. Собрав распечатанные правила в охапку, сминая в ладонях, кусая губы, ноги сами несут на кухню. Зачем? Я вряд ли могу ответить на этот вопрос сейчас. Кидаю смятые листы в высокую кастрюлю, щелчок зажигалки... Кнопка вытяжки на полную мощность. Алые языки пламени впиваются в белые листы безумного жертвоприношения. Надеюсь, я не сожгу квартиру!

Не сожгла. В этот вечер у меня появились незваные гости.

Что я испытала, услышав звонок в дверь? Надежду. Болезненную, безумную, нереальную — я сейчас открою дверь и увижу ЕГО! Волнение от ожидания и возможного счастья вместе с обнадеживающей мелодией звонка плавит барьеры любой осторожности вместе с обнадеживающей мелодией — «Все по правилам, свет погашен давно, но придет кто-то непрощеный...». Я распахиваю ее настежь, не глядя в глазок — я боюсь разочарования от того, что увижу там кого-то другого!

До боли знакомый взгляд... Острый разряд адреналинового всплеска, миллисекунда до того, чтобы вскипятить кровь зашумевшей эйфорией...

Это больно! Лопатками о косяк двери от сильного толчка — как я устояла на ногах?! Крик гложет на губах, а взгляд упирается в широкую тень натурального потомка неандертальцев в черном костюме и пустым взглядом убийцы, напрочь лишённого интеллекта. Он быстро теряет ко мне интерес и, задев каменным плечом, проходит в комнату. Я даже не успеваю раскрыть рот, как эта горилла снова толкает уже в спину, похозяйски врываясь на кухню...

— Босс, чисто! Только тут пионерский костер. Гы! — доносится его громоподобный голос вместе со звоном стальных крышек. Я трясую головой, отказываясь поверить в происходящее, и встречаюсь взглядом с хищным прищуром глаз Лаврова-старшего. Время замирает вместе с моей безумной мыслью: почему не обвалился потолок?

Я несколько раз до нашей роковой встречи видела его по телевизору. Сейчас он выглядит так же — ожившая экранная картина, невозмутимая и полная недостижимой силы. Он спокоен, разглядывает меня с видом бесстрастного патологоанатома. Я смотрю ему прямо в глаза. Они светлее, но манера смотреть почти одинаковая. Это кофе-лайт, но он пугает куда сильнее горячего эспрессо.

Он сам прерывает затянувшуюся паузу, небрежно склонив голову набок, и переводит взгляд на бодигарда с... вашу мать, пистолетом в руке! Видели когда-нибудь обезьяну с пистолетом? Это у Александра водитель-секьюрити был по всем фронтам секси, а тут на тебе — суровая правда жизни с отмороженным взглядом в тени надбровных валиков далеких предков.

— Сергей, вольно. — Что-то касается моей ладони, и я вижу пакет с эмблемой дорогого супермаркета. — Ну, Барби, давай, в темпе, сообрази нам бутербродов.

Стоит ли говорить, что я офигела? Настолько, что покорно закивала, развернувшись в сторону кухни.

— Ждешь в машине. Будешь нужен, позову!

— Валерий Дмитриевич, там ножи и...

— Свободен, я сказал!

Я едва вникаю в их переговоры. Чихаю от запаха гари, скольжу рассеянным взглядом по

посудине, которую тот горилла накрыл крышкой какого-то черта, и на автомате извлекаю из пакета бутылку холодной «Финляндии», пару палок незнакомой мне салями, бутылку минералки и банку красной икры. Кажется, там еще что-то, но мозг уже отмерил нужные для бутербродов ингредиенты, хлеб и масло у меня в хозяйстве имеется. Хватаю нож, тот самый, что так обеспокоил этого питекантропа, отрезаю ровные ломтики багета, даже не вздрагивая от хлопка двери. Чувство нереальности происходящего укутывает звуконепроницаемым саваном по всем фронтам, и я даже не реагирую на тень главы клана Лавровых — размазываю масло по мякоти хлебной заготовки. Икра плотно закручена, и я так непринужденно протягиваю банку незваному гостю — мол, давай, мне нужна мужская сила в помощь. Он открывает ее одним рывком, останавливается возле меня и снимает крышку с кастрюли.

— Готовишь ты тоже плохо.

Я пожимаю плечами. Плохо, так плохо. Раскладываю икру по бутербродам, и только прекратив это занятие, достаиваю несостоявшегося тестя взглядом. В его руках наполовину сожженный лист бумаги, а глаза двигаются, отслеживая строки.

Холодная испарина прошибает позвоночник, и ростки первобытного ужаса придавливают к полу. Он переводит взгляд на меня. Смотрит изучающее, словно пытаюсь выискать что-то, чего не знаю о себе я сама. Затем вздыхает. Гребаный театрал. Политики — тоже актеры...

— Заканчивай и жду в комнате. Где у тебя стопки?

Я не могу говорить, просто киваю в сторону шкафчика с посудой, провожаю взглядом. Он прихватил бутылку водки, словно полноправный хозяин в своем собственном доме. Вздрагиваю, услышав звук включенного телевизора, но психика щадит меня, переключая внимание на две палки салями, которые я тонко нарезаю, раскладывая на ломтики багета. Нахожу еще огурцы режу в соломку, забыв сполоснуть под краном, раскладываю абстрактной картиной на листьях латука. Что дальше, скажите мне хоть кто-нибудь?!

Звонить? Кому и куда, и... зачем? Сказать, что ко мне вломился городской голова во всей красе и с охранником? Ответ «а что тебя не устраивает» будет самым ожидаемым.

Закуска оформлена по высшему разряду. Я оглядываюсь по сторонам — шок еще не отпустил — и зависаю на обгорелом клочке бумаги, которую Лавров только что вертел в своих руках. Строчки разобрать нетрудно.

«Когда я сказал тебе ожидать меня, ты должна быть полностью раздета...»

«Тебе придется забыть о себе и сосредоточиться на том, как доставить мне максимум удовольствия...»

Нет. Вашу мать... Я не хочу возвращаться в комнату и смотреть ему в глаза после такого! Я вообще не хочу его видеть! Только хрен что возразишь такому человеку!

— Эй, Барби, ты там не порезалась? Я ненавижу пить теплую водку.

Едва не роняю тарелку, понимая — оттягивать этот момент до бесконечности не выйдет. Подхватываю закуски, чтобы вернуться в комнату и даже от удивления сдвигаю брови — незамысловатая сервировка на придвинутой к дивану тумбочке кажется уместной и абстрактной одновременно. Я же упоминала, что он вел себя как настоящий хозяин в доме? Да что ему мой дом, он держит в руках весь город на законных основаниях!

Он улыбается. Так странно и непривычно, уголками губ... Нет, они не очень похожи между собой. Только выражением лица, на котором застыла маска тотального контроля и манеры повелевать всем вокруг. Страх возвращается, царапает стальными когтями в районе

солнечного сплетения, сдавливают горло, пересушивая связки. Я едва не кричу от звука его голоса.

— Дай хоть повнимательнее посмотрю на тебя.

Закусываю губу и едва сдерживаюсь, чтобы не зажмуриться. Гребаные параллели-рефлексы не отпускают, и я только чудом не тянусь к поясу халата, чтобы развязать его в ответ на просьбу. Это во мне доведено до автоматизма усилиями его сынули. Время то ли замерло, то ли разогналось до сверхзвуковой скорости. А следующий вопрос выбивает из колеи.

— Ты случайно не беременна?

Вопрос настолько неуместен, что я нервно хихикаю и отвечаю, не успев подключить мозги:

— Нет, слава богу и всем святым чертям!

Этот ответ вызывает у него бездушную снисходительную ухмылку в унисон со щелчком свернутой крышки и звона края бутылки о стопки. До краев. Хозяйское похлопывание ладонью по дивану, этот жест я знаю очень хорошо! Словно под гипнозом, присаживаюсь рядом и сжимаю пальцы вокруг вложенной мне в руку стопочки.

— Тогда до дна. Чокаться не принято.

А меня не надо даже уговаривать. Финляндия, живи неординарно! Сорокоградусная жидкость не обжигает горло, наоборот, размыкает защелки психосоматического страха мягким согревающим теплом по пищеводу. Чувство нереальности не проходит — может, поэтому я не задумываюсь об угрозе!

— Еще? — услужливо интересуется, нет, констатирует несостоявшийся родственник, а у меня ни сил, ни желания возразить. — Ты закусывай, это не «отвертка» в клубе.

Я послушно надкусываю бутерброд, не ощущая вкуса красной икры, чувствую на себе тяжелый изучающий взгляд. Он молчит. Заговорит он после третьей.

— За милых дам, типа. Ну, Барби, ты своими глазами это видела? Долго мучился?

То ли водка подействовала, то ли психика ушла в долину отстраненности — я не вздрагиваю и не уношусь в воспоминания той ночи... Мне вообще кажется, что ее не было! Ведь что я видела, кроме огня, и что слышала, кроме слов Александра?

— Нет. Я не видела.

— Ты, что ли, легендарная любовница Ассасина? Это ж когда у вас все началось? Ты еще в школе училась?

Трясу головой... Не понимаю ничего! О чем смело и заявляю.

— Только давай, не беси меня. Киллер международного класса, которого там уложили в ту же ночь. Хоть что-то радует.

А, наверное, Вадик? Знал бы ты, папуля, насколько сильно мне параллельна смерть бывшего любовника!

— Туда ему и дорога. — Воспоминание о направленном в лицо дуле пистолета сотрясает плечи, и я поспешно достаю сигареты из кармана. Терпи, дядя Валера, мне пофиг, куришь ты или нет! Я тебя не приглашала!

— А ты неглупая. Умеешь отсекал ненужные связи из прошлого. Впрочем, у Димки никогда не было склонности западать на дур.

Разговор заходит на опасную территорию. Я затягиваюсь сильнее, чем следовало, и не придумываю ничего лучше, чем увлажнить глотку водкой. Но Лавров больше не ухмыляется, напротив, становится серьезным до невозможности.

— Ну что, сильно досталось? Или сама до сих пор не поняла?

Блядь! Мне не надо раскладывать по пальцам суть этого вопроса, хлопать ресницами с тупой философией «от кого?». Это может значить только одно, и я не хочу об этом говорить! Просто качаю головой. Во мне осталось что-то человеческое, и лучше тебе не знать, до каких граней безумия меня довел твой отпрыск!

— Нет... Совсем нет. Я просто испугалась.

— Ну чего ты врешь? Он пошел характером в Ларису, а у нее никаких тормозов никогда не было. Я бы ее грохнул в свое время, если бы так не любил!

Я уже ничему не удивляюсь. Перевожу взгляд на бутылку, и мой собеседник все понимает без слов. Похоже, его уже пробило на сдержанные, но откровения.

— Я просто не думал, что это передается по наследству... В этом вроде как и нет ничего плохого, если держать под контролем. Согласна?

— Вам виднее, — я начинаю понемногу пьянеть, шок не вечен. Слушаю его рассказ о взаимоотношениях с женой, от него у меня должны бы встать волосы дыбом, но ничего не происходит — это кажется логичным до невозможности. Словно первого человека в городе сам закон велел полосовать всеми знакомыми мне девайсами руками супруги. Воистину, мне не папу надо было бояться! Мелькает мысль в затуманенном сознании — свидетели ведь долго не живут, а развязавшийся язык ее тут же озвучивает.

— Да тебя там кто-то шибко любит, на небесах. Вот так прямо сильно, что приставил к тебе ангела-хранителя. А может, и мне что-то дал тогда понять.

Эти слова заставляют настороженно прищуриться: а собеседник сегодня щедр на откровения. И я понимаю с оглушающей ясностью, по какому краю ходила!

— Уважаю прямо... Вот серьезно... говорю, ты мне дай гарантии, эта телка точно откинется к утру? Все рассчитал? А этот мудила, ой, извини, — «да, Валерий Дмитриевич, еще ночью дышать перестанет, зарюют с первой зарей»... А потом как узнал... Ты живучая, оказывается. Да и защита у тебя, дай бог каждому. Этот тоже сдвинут на умных девчонках.

Я не могу произнести ни слова. Смысл ударил по всем системам парализующим шоком. Открываю рот, пытаюсь преодолеть спазм, и Лавров просто грубо вливает в мои губы новую порцию алкоголя.

— Потом когда узнал, что выжила... Реально сперва думал свернуть тебе шею собственными руками... а потом как-то и желание сошло на нет. Выжила — значит, так кому-то было надо. Да и не виновата ты, что родилась не в той семье. Вот все твои слова помню и забыть никак не могу: «Нет у меня богатого папы!» Да и не нужен он тебе. Что касательно Димки, ему вообще было невозможно что-то запретить.

Я плохо помню, что было потом. Пьяные слезы, пьяный базар. Но он меня не успокаивает. Наливает водку до тех пор, пока не расслабятся связки и я не обретаю возможность говорить...

— Как часто? — не знаю, зачем мне нужно это знать. — Сколько раз вы устраивали подобное?

— Да пару раз, не считая тебя, и не настолько критично. Вон, Карина получила «мерс» и захлопнулась. Татьяна просто боялась пискнуть, наверное, поэтому он и потерял к ней интерес.

Странно вообще начался сегодняшней вечер. Пространственно-временной континуум взорван к чертовой матери. Я сижу и веду почти светскую беседу с тем, кто хотел меня убить, и не испытываю ни грамма ненависти. Мне даже больше не страшно. Выревелась,

успокоилась, осознала, что жива, и чувство нереальности накрыло куполом снова. Думаю о том, как мужественно держится человек, который потерял сына, как легко ведет со мной этот разговор, не делая попыток убить (хотя еще не финал, а я видела пистолет в руках гориллы). Может, решил сделать мою смерть легкой и потом списать это на несчастный случай? Бухала от горя и выстрелила случайно себе в лоб? Но я боюсь спрашивать. Боюсь услышать восхищение своей проникательностью.

— Что? — спрашиваю заплетающимся языком, когда обезьяна-охранник телефонным звонком отправлен за второй бутылкой, а несостоявшийся убийца кажется мне уже не монстром, а добрым Дедом Морозом без костюма. — Что вы... ик... хотите от меня?

Завтра мне покажется, что эти слова приснились. Но сейчас я слышу это очень отчетливо:

— Наверное, обещания, что, когда ты съездишь со мной на его могилу, не станешь плясать на ней от радости.

Пробуждение было... Да нет, не кошмарным. Никакой головной боли. Никакого желания кинуться вызывать Ихтиандра посредством фаянсового провайдера. Единственное — бешеная жажда и проснувшийся аппетит. Я уснула прямо на диване, в чем была, и кто-то, сейчас вспомню кто, даже заботливо подложил под голову подушку и накрыл сверху пледом... Что? Несостоявшийся папа?

Я резко встаю, не обращая внимания на приступ головокружения. За окном уже светло, только понятия не имею, сколько времени. Хватаю бутылку воды, чтобы сделать несколько судорожных глотков прямо из горлышка, и, подняв глаза, натываюсь на ироничный взгляд. Насмешка у них тоже выглядит донельзя одинаковой, эффект «дежавю» лишает способности связно мыслить и произнести хоть слово.

— Легче, Барби. Не бойся, от такого алкоголя голова никогда не болит.

Я смотрю на пол, на одну пустую и вторую наполовину... ладно, полную бутылку водки, непроизвольно недоверчиво качаю головой. Лавров-старший вне времени и воздействия ликеро-водочной артиллерии: безупречная укладка на густых каштановых волосах с тонкими ниточками серебра на висках, идеально сидящая рубашка без единой складочки, образцово-показательный узел галстука и иронично-снисходительная ухмылка сытого хозяина жизни, привыкшего все держать под контролем. Он что, не ложился вообще?

— Отсутствие чая натолкнуло меня на мысль, что ты пьешь только кофе, — офигеваю, заметив на тумбочке две чашки энергетика всех времен и народов. — Поберегла бы сосуды смолоду.

От такой «заботы» я случайно задеваю ногой бутылку на полу, что не может не развеселить первого человека в городе.

— Я понял. «Кофе нам не по нутру, нам бы водки поутру!» — ухмыляется Лавров, водрузив чашку на наш вчерашний импровизированный банкетный стол. А я хмурюсь, вглядываясь в напиток цвета чьих-то глаз. Что-то неправильное во всей этой ситуации. Нелогичное. Недопустимое. Нереальное. Мысль бьет в черепную коробку, не причиняя боли, но так быстро, что я не могу ее отследить и зафиксировать для дальнейшего разбора на составляющие, остается только собирать пазл завалуированных улик.

Разве так себя должен вести человек, который потерял единственного сына? Пить со мной водку за упокой его души и не изливать при этом собственную, нет, а разводить меня на эмоции и пьяные слезы с излишними подробностями? Я сейчас вспоминаю элементы разговора и хочу провалиться сквозь землю! Надеюсь, что подробности секса в цепях вчера остались за кадром... Рассказывать о том, как заказал меня, таким тоном, словно мы ведем беседу о культуре и искусстве, и потом...

— Спасибо, — пересохшая гортань добавляет голосу хрипотцы.

— За что ты меня благодаришь?

— За то, что проснулась, — сглатываю, не даю Лаврову открыть рот — боюсь услышать фразу наподобие «еще не вечер». Все неправильно, все не логично. Мне бы молчать, но я не могу: — Скажите... как... когда его похоронили?

Я готова превратиться в мраморную статую, лишиться дара речи, получить увесистую оплеуху и ушат проклятий на голову, но не опускаю взгляда, удерживаю сканер светло-карих глаз с упорством смертника в ожидании смягчения приговора, не понимая, зачем, — только

сознание знает, что именно делает. Оно ищет эмоции на дне чужих глаз, оно не хочет мириться с неопределенностью и неизвестностью, рвет собственные сухожилия в попытке достучаться до правды, и, если понадобится, до самых небес, там точно дадут честный ответ! Оно не видит в моем собеседнике убитого горем отца, возненавидевшего меня, не видит бескомпромиссного обвинителя, решившего воззвать к глубинам совести оттого, что выжила, в отличие от Дмитрия.

Я вспоминаю наш затянувшийся разговор на вилле в Симеизе, тогда, после беседы с моей матерью по скайпу и последующий за этим вечер откровений. Неужели родителям было наплевать на него аж до такой степени? Кем был для этой ненормальной пары фриков из высшего общества единственный сын? Рычагом для управления бизнесом? Гарантом, что династия Лавровых не прервется? Ошибкой молодости, от которой откупились вседозволенностью и дорогими презентами? Я хочу увидеть боль в глазах его отца — не потому, что это принесет мне удовольствие, нет, лишь для того, чтобы понять, что ошибаюсь! Что он держит планку безупречного политика, и никто не знает, какая боль иссушает его изнутри. Почему я ничего этого не вижу? Как такое вообще возможно?

Он отводит взгляд первым.

— В закрытом гробу. Почти сразу.

— Как... Пожар? Взрыв? Я... опознание... было?

Не могу я молчать! Просто не могу! И мне почти не страшно, когда я вижу блеск убивающей платины в знакомом взгляде, поджатые губы, ледяную решимость, а флюиды ярости бьют в доверчиво распахнутое навстречу сознание.

— Я не понял, Барби... Тебе это доставляет удовольствие?

Угрожающий тон голоса, похожий на острозаточенный скальпель, полоснул по сердцу. Договорилась, блин.

— Нет... Все не так...

— Какие подробности тебе нужны? Как я хоронил единственного сына? Как долго он умирал?

— Да нет же! — я напугана, но до последнего отказываюсь верить, что его больше нет. Я так это и не приняла. Ищу в каждом слове и жесте несостоявшегося свекра опровержение его же словам, черт, мне даже кажется, что я нашла... Сила воображения, что же ты со мной делаешь? Чувство вины, отпусти меня уже, сколько можно?

Нет, мои слова практически не повлияли на его невозмутимость. Раздражение я скорее уловила интуитивно. Вздрагиваю, проследив за движением ладони — это вызывает у него кривую ухмылку. Телефон.

— Сергей, на месте? — я не свожу глаз с пальцев поверх корпуса, кажется, «вертушки». — Слушай меня...

«Когда уйду, поднимешься в квартиру и утопишь эту суку в ванной/ придушишь в духовке/ сбросишь с балкона, замети только следы».

Я надеюсь, что это не ментальный захлест... Конечно же, нет! Это игра больного воображения. Я никогда не приду в себя. Прежняя жизнь кончена.

— Быстро прочеши пролеты и жди меня на лестничной клетке. Уезжаем, — он задерживает свой взгляд на моем, наверное, перепуганном лице, и на плотно сжатых губах снова ироничная усмешка а-ля «я сегодня добрый». Секунды висают, но «не думай о секундах свысока». Откуда это во мне? Кровь скифских воительниц, гены монголо-татар или запуск программы под названием «воспитание от твоего сына»?

— А он мне предложение сделал. Вы знали? — Пусть ему будет не так стыдно на меня орать. Пусть я увижу хоть какое-то проявление эмоций, даже если оно выльется в фразу «через мой труп»! Нет... я, наверное, не дождусь. Они похожи куда сильнее, чем мне показалось вначале. Не знаю, что там творила мама, которая, по словам папы, «без тормозов», но железной выдержке он явно научился от отца.

— Не удивлен, — сухо отвечает Лавров. — Согласилась? Или пригрозила суицидом?

Я едва не задыхаюсь от возмущения в шаге от проснувшейся злости. Нет, в нем вообще есть хоть что-то человеческое? Я сказала что-то смешное? Разве так ведет себя убитый горем отец? Если ему все равно — зачем были сложности с покушением на мою жизнь? Или для таких смерть — обыденность, где одна, там и другая? Я вчера весь вечер ждала вопроса в стиле «какими были последние слова моего сына», но, наверное, этот штамп растиражирован в голливудских мелодрамах и имеет с реальной жизнью мало общего.

— Согласилась! И с удовольствием. Вы удивлены?

— Не особо. — Он равнодушно надевает пиджак. — Ради интереса. Деньги или?

— Или!

— Тоже хороший вариант.

Наверное, мир перевернулся? Или сама вселенная не хочет лишать меня надежды, подкидывает тайные знаки, которые я так жадно ловлю?

Рядом с кофейной чашкой эффектно ложатся две визитки из тисненого картона, настолько белоснежно-яркие, что я боюсь к ним прикоснуться. Ф.И.О, должность и телефоны. Обычно у подобных людей штат ассистентов, с которыми решают вопросы или договариваются о встрече, я достаточно взрослая, чтобы понять — мне только что оказали честь. Личные телефоны городского головы!

— Я тебя не тороплю. Когда будешь готова, позвонишь.

Я гашу на губах произвольную отповедь, что, наверное, не буду готова никогда. Он понимает меня без слов. Беглый взгляд на телефон, снисходительный кивок.

— Ну, и по любым вопросам: ректор выборы устроил, «Жилкомсервис» откосил от обязанностей, соседи перфоратор включили. Но я все же буду ждать, когда решишься.

Я остаюсь на месте, выход найдет сам. Может, я подсознательно боюсь, что сорвусь и наговорю ему черт знает чего, меня вообще не покидает ощущение, что смерть Димы переживаю из нас двоих одна только я.

Когда я впервые узнала с Димкиных слов, какие ненормальные отношения считались нормой в их семье, мне было... все равно, абсолютно. Измотанное стрессом сознание увидело в этом даже лазейку для диверсии против Лаврова-младшего и последующего уничтожения. Было ли мне его тогда жаль? Стокгольмский синдром неистребим, он уже самим фактом родительского игнора оправдал почти все свои поступки, а я... я поняла на девятнадцатом году жизни, насколько мне повезло с матерью. Сейчас я осознала еще одно: насколько его отцу было на него плевать. У меня нет пока детей, и, наверное, ближайшую пятилетку не будет, но, если бы такое случилось с моим сыном (не дай бог, конечно), я бы не разводила политесы с тем, кто был хотя бы косвенно виновен в его смерти. Я бы убила! Не получилось бы с первой попытки — была бы вторая, третья... До бесконечности!

Мне нужно прийти в себя. Я снова одна в этой квартире. Выбросить бутылки и свидетельства пьянки с Лавровым в мусорное ведро, плеснуть в лицо холодной воды... От этого очень быстро возвращается ясность мысли.

«Ходишь по краю... Тебе никто правды не скажет, пока не придет время... В целом

справились, я в тебя верил...»

Твою ж мать... Уйди из моей головы, из моего сознания, из моих мыслей! Догони своего отца, и идите к черту оба! Нет тебя больше в моей жизни, как и всего, что напоминает о тебе! Я буду жить и идти к новым горизонтам, и ты в дальнейших планах не значишься!

Вода искажает отражение в гладком полотне амальгамы, растягивает зыбкими разводами — я смотрю в этот жестокий портал без страха сейчас, я сломала систему транзита воспоминаний и якорей из прошлого одним движением сложенных в лодочку ладоней, в которые предусмотрительно набрала воды. Не знаю как, но я намерена прекратить это безумие. Ведь правду говорят, что не существует мистики, все у нас в голове.

Вечером мы с девчонками встретились в пляжном клубе «Аризона». Здесь шумно и многолюдно, не мы одни задалась целью удержать уходящее лето. Я думала, буду одиноко цедить коктейль у стойки, не снимая парео, опасаясь смотреть в глаза мужчинам, которые старше меня... Как бы не так. Я настолько сильно хотела верить, что поставила точку в затянувшемся сумасшествии, что просто срывалась с катушек, помимо воли превращаясь в красивую шаровую молнию, сотканную из противоречивых нитей эксцентричной загадочности и едва уловимой скромной уязвимости, даже приобретенную ценой крови и слез фишку стоило расценить, как позитивный опыт, и пустить в ход. У меня нет больше никаких барьеров, а легкость мохито заглушает любые попытки голоса из прошлого снова взорвать мозг и пустить веселую вечеринку под откос. Адреналин выбивает любую депрессию на раз, достаточно спуститься с витой горки в бассейн, насладиться переходом сверхскоростного барьера с аритмией совсем иного характера, словить покой расслабления от собственной смелости с восхищенным «я это сделала!».

Погудели мы на славу, никто не уснул в бассейне и не разбил лоб о бортики, перебрав коктейлей. В последний день лета мы позволили себе изменить взгляд на многие вещи — не только я, а, наверное, каждая из нас. Мы отказались вызывать такси, — вечеринка подразумевала лишь наличие красивого купальника, а не каблуков и облегающих мини — кроссовки и балетки позволили нам намотать километраж по просыпающемуся городу, который без людей гораздо прекраснее. Пустынные улицы, редкие автомобили, неестественная тишина. Завтрак в «Макдональдсе» — я знаю, что вредно, но могу я хоть раз сделать то, чего от меня никто не ожидает? Мы синхронно ловим себя на мысли, что скучали по академии и беззаботными пока еще буднями семестра, и завтра вновь ворвемся свежим ветром в начало нового курса — три неразлучные подруги, такие разные и похожие одновременно...

Первый день в стенах родной альма-матер заряжает позитивом, не пугает даже увеличившееся количество пар в расписании — мы срываемся в караоке, до хрипоты сажая голос. «Вспоминайте иногда вашего студента!»

Да, я верю, что смогла сбежать, и теперь все у меня будет отлично, и действительно, первые несколько дней я почти не вспоминаю о нем и о том, через что прошла его «стараниями». Скоро начнется иная реальность, но я не чувствую ее приближения. Я обманываю себя наигранным счастьем, на фоне скорой катастрофы его краски еще ярче. Мне не сбежать. Я на высокой ноте завершающего аккорда, и то, что принимала за разрыв с прошлым, было лишь шоковым забвением. Увы, анестезия любого шока рано или поздно заканчивается...

...Конец сентября в Ялте — это не осень. Это продолжение затянувшегося лета, которое не спешит сдавать свои позиции, заняв последний оборонный блокпост на Южном Берегу

Крыма. По ночам ярче низкие звезды, падает градус температуры воздуха и воды, чаще идут дожди, но они еще такие кратковременные и обманчивые, не предвещают наступления скорой осени и увядания зеленой листвы. Кипарисы вокруг всегда вечнозеленые, отдыхающих по-прежнему немало, на набережной все еще работают клубы и рестораны, заманивая веселой музыкой, экскурсионный бизнес не замер, наоборот, процветает сильнее, чем в летний сезон. Кажется, что лето не покинет этот край высоких гор, синего моря и приветливого бриза никогда, остановит время, подчинив его своему светлому эгоцентризму, и, наверное, именно поэтому приходит ощущение, что прошло совсем мало времени... Ничтожно мало. Но ведь оно здесь и течет совершенно по-иному.

Как и прежде, он стоит, ухватившись за перила лоджии роскошной виллы сильными ладонями, и задумчиво смотрит вдаль. Только теперь его задумчивость иная. Нет, никаких проявлений тревоги на волевом лице, в плотно сжатой линии губ, в застывшей мимике лица, в задумчивости взгляда, в котором сейчас отражается море, углубляя оттенок глаз до мистического изумруда. Он спокоен и сосредоточен. Если бы перед каждым из нас поставили невыполнимую задачу — проникнуть в его мысли, никто бы не смог этого сделать, только попытался, может быть, ограничившись шаблонными предположениями.

Что может занимать мысли мужчины, подобного ему? Все просто, кажется? Бизнес. Курсы валют. Котировки биржевых акций. Дорогие автомобили. Блеск высшего общества, куда открыт путь лишь избранным. Развлечения, от которых — ну да, мы все помним, что у него несколько нестандартные увлечения, возможно, сердце бы забилося сильнее, предупреждая об осторожности. Мы привыкли оперировать фактами и мыслить теми категориями, что в нас заложены с детства. И никто из нас не осознает, как был далек от правды именно сейчас, в этот момент.

Бизнес? Он недавно вернулся из Германии и Чехии. Там все под контролем, и радуется положительная динамика прироста. Курсы валют? О, вы бы удивились, если бы узнали, насколько далеко он смотрит и знает наперед, до каких заоблачных отметок скоро взлетит курс евро и доллара. Ценные бумаги? Он рассчитал все давным-давно, пусть не сам, пусть с помощью финансистов и экономистов, но инвестиции скоро оправдают себя, невзирая на грядущий кризис. Он не привык жить одним днем. Вся его жизнь — сверхскоростной полет гоночного болида «Формулы-1» с финишем в будущем, которое, можно сказать, просчитано и разложено на детали. Он уверен и спокоен за собственное благополучие на несколько лет вперед.

Атрибуты красивой жизни, погоня за эксклюзивными развлечениями, пресыщенность богатого аристократа? Ему нет до этого дела, это настолько прочно вошло в его жизнь, что стало рутиной, и вызывает чаще всего скуку. Это материальная сторона вопроса, если вы попытались замахнуться на духовную... Как там в детской игре? «Холодно... холодно... чуть теплее... нет, абсолютный ноль!» Даже не пытайтесь, та картина, что прочно засела в воображении, настолько далека от действительности, что придавит прессом разочарования, как минимум!

Он любит проводить время на террасе этой виллы, чаще всего глядя вдаль, на глубокое синее море, и ощущать на коже согревающие лучи теперь уже осеннего солнца. Это два в одном: и возможность отвлечься от проблем, которые в его интерпретации называются «ситуациями» и подлежат решению, какими бы критическими ни казались изначально, и в то же время нестандартный запуск программы под названием «решение». От созерцания пейзажа появляется прилив сил, улучшается сообразительность и находятся нестандартные

подходы к решению проблем, что превращает любую «ситуацию» во временное недоразумение с последующей нейтрализацией негативных последствий.

Один звонок. Триста секунд разговора. Новая информация, которая могла бы перевернуть мир с ног на голову, если бы он не знал, что есть пути решения этой проблемы. Точечный, подобно удару самого жесткого флоггера, целенаправленный удар в сплетения стальных нервов, перевитых колючей проволокой наработанных годами самоконтроля, все равно проник глубоко в сейф под названием «чувство вины», не зная преград титановой стали.

На физическом уровне это практически никак не проявилось. Не ускорились килогерцы сердечных сокращений, не застило взгляд темной пеленой подскочившего давления — спорт и здоровый образ жизни давно и успешно страховали от таких неприятностей. Ровный ритм бега крови по коронарным артериям, но уже с совсем иным смыслом, отбивающим каждый удар. Не захотел замечать. Упустил из виду. Дал себя обмануть завуалированным улучшением. Не смог представить и близко всей глубины боли этой, по сути, маленькой, но такой сильной девочки. Уступил шаблонному мышлению — тому самому, которое всегда презирал в себе и гнал прочь.

Тихие шаги по плитке открытой обширной террасы привлекли его внимание. Поворот головы без нарушения царственной осанки, — с потеплевшим на миг взглядом, одновременно возможность сменить позу и незаметно размять затекшие пальцы.

Приблизившаяся женщина, казалось, сошла с Олимпа высшего общества. Длинные светлые волосы. Безупречная оливковая кожа, оттененная легким загаром. И только глаза, как и сама манера взгляда, у них всегда были зеркально похожими — умными, задумчивыми, оценивающими и лишенными эмоций. По крайней мере, именно так могло показаться тому, кто не встречал эту роскошную женщину раньше.

«45 — баба ягодка опять» к Валерии нельзя было применить ни в коей мере. Во-первых, ей никто никогда не дал бы больше 35. Во-вторых, хабальское обращение «баба» мало кому бы пришло в голову при ее появлении. Снежная королева во всем блеске своего величия протянула бокал с белым вином и остановилась рядом, прижавшись спиной к перилам.

— Не переживай. Невозможно контролировать все и вся. — Александр не стал скрывать улыбки. Один звук голоса бывшей супруги — и мир расцветал яркими красками под чарующую мелодию изумительного тембра этой сирены. До знакомства с ней он и не предполагал, на что способна сила голоса и как ловко он может помочь его обладательнице всегда добиваться желаемого.

— Я вообще не понимаю, как я мог отпустить ее в таком состоянии.

— Саш, а если бы она осталась? Вот просто подумай. Как быстро ее бы добились грани твоей собственной реальности?

— Этого бы никогда не случилось. — Уверенности этого ответа мог позавидовать любой политик. Валерия не стала искать брешь в обороне этой невозмутимой констатации, спокойно пригубила светлое вино.

— Я просто хочу сказать, ты не можешь быть в ответе за то, что случилось. Иногда твоя мания контроля в отношении тех, кто глубоко безразличен, причиняет боль тебе же самому.

— Лера, ты же знаешь, что все гораздо сложнее.

Изящный, небрежный жест тонкой ладони истинной леди и самой сильной и разумной из всех женщин, которых ему довелось встречать в этой жизни — его достаточно, чтобы

подобие покоя накрыло едва уловимым покрывалом. Она единственная всегда знала его настоящего.

Карьера Валерии Кондаковой была предрешена с детства. Еще бы, дочь не самого последнего чиновника в партийном аппарате власти! Он сам не знал ответа на вопрос, что же именно разглядел в двадцатилетней Лерке тогда, на заре своей бесшабашной молодости. Говорят, доминантами не становятся, этот психотип заложен с детства, но понятие «покорность» никак нельзя было применить к его будущей жене. Она не подчинялась ничему, кроме долга по отношению к правящей партии и, пожалуй, своему отцу, от которого взяла стальной характер и негибаемую волю. Ее побаивался даже преподавательский состав МГИМО, чем она без зазрения совести умела пользоваться. Лидер комсомольского движения в фирменных джинсах — это легко представить сейчас, но тогда! Именно такой он ее впервые встретил в одном из ресторанов, где представительница «золотой молодежи» отмечала свой день рождения в компании немногочисленных приближенных. «У меня нет друзей», — небрежно пожала плечами на его вопрос о том, не хочет ли она с подругами пересечь к ним за столик. Галантная попытка предложить продолжить вечер в более интимной обстановке была прервана властным хлопком ладони по столу и смелым взглядом холодных серых глаз — так дерзко смотреть ему в глаза могли лишь единицы.

«Я похожа на дуру?» — проворковало прекрасное создание самым мелодичным на свете голосом, от звука которого горячая волна чего-то острого, запретного, слишком сильного, чтобы быть просто вожделением, ударила в солнечное сплетение, лишая памяти и прежней беспечной свободы. Остался только самоконтроль. «Жена», — понял он в тот же момент.

Их роман, стань он достоянием общественности, удостоился бы крупнобюджетной экранизации. Тогда Александр считал, что ему никогда не надоеет сумасшедшее равноправие во всем, Валерия не уступала ему ни в твердости принятия ответственных решений, ни в уровне интеллекта, ни в страстном желании. На этой твердой опоре взаимопонимания и способности искать компромиссы и держался их брак. Первые пять лет он мтарался забыть о своих не вполне нормальных устремлениях — умом понимал, что Леру не переделать, разве что обратиться в свою веру на партнерской позиции. С рождением Ильи эти мысли замерли на недолгий период. Валерия не стала довольствоваться карьерой домохозяйки, политика тоже навела на нее скуку, как оказалось, то ли дело — плацдарм для бизнеса в разгар лихих девяностых. Она не пожелала оставаться в стороне. Инвестиционный бизнес развивался, росло материальное благополучие, хватило пяти лет, чтобы достичь финансовой устойчивости и обрести твердую почву под ногами. Говорят, когда перестают радовать привычные вещи, стабильность становится врагом номер один.

Синдром тематического голода не подлежит излечению. Наверное, потому, что это не заболевание. Запечатанные до поры до времени желания не лишили рассудка, нет, они просто заполнили кровь своим абсолютным неоспоримым правом с молчаливым призывом — «никогда не беги от себя!». Он и не стал этого делать.

Сейчас, с развитием эры всемирной сети, все обстоит куда проще: и с поиском партнера, и с детальной информацией по профильному предмету. Тогда же ничего этого не было. Может, именно потому поколение тематиков прошлых лет было настолько сплоченным и знающим цену высшей ступени подобных взаимоотношений? Умение ценить избранный мир, в котором так трудно было найти друг друга? У истоков первого клуба города их было трое — сплоченный коллектив постигших тайны бытия, взявших на себя почти неподъемную ношу соблюдения установленных правил.

Наверное, никому из соратников в мире БДСМ не было на тот момент так тяжело, как ему. Тематические сессии дарили ощущение крыльев за спиной, но они же и свергали час за часом в пропасть. Измена. Предательство. Двусмысленность.

«У тебя не комплекс Мадонны и Блудницы, ты слишком умен для этого, — говорил Стерхов, который работал над очередной диссертацией по психиатрии на тот момент. — С остальными, ей-богу, проще. Для них супруга и хранительница семейного очага неприкосновенна, тогда как с другими женщинами можно реализовать любые темные желания. У тебя даже здесь конфликт абсолютного противоречия».

Он понимал его без долгих пояснений. Озвученный термин подразумевал собой ситуацию, в которой женщина «для любви и семьи» рассматривается как партнер, а женщина «для секса» должна иметь более низкий социальный статус, находиться в подчиненном положении. У многих он формируется в подростковом возрасте, когда осознаешь, что не можешь реализовать зачатки тьмы с объектом первой любви, и принимается подсознательное решение — нежность и любовь можно испытывать к одному человеку, а реализовывать свои сексуальные желания — с другим. Но он никогда не вписывался в стандарт растиражированных понятий. Кто сказал, что нельзя совместить несовместимое? Наверное, он по-своему любил и боготворил каждую из тех, кто состояла с ним в тематических отношениях. Просто Валерия другая, у него всегда хватало сообразительности видеть очевидные вещи с разных сторон.

Их разговор состоялся только спустя несколько месяцев после рождения сына. Ходить вокруг да около было не в его стиле, как и ставить ультиматумы и пытаться ломать другого человека. Валери даже не удивилась. Прочитала научные статьи, едва не разобрала на составляющие его коллекцию приспособлений, восхищаясь плетением и чарующей красотой регалий Тьмы, и нет, не испугалась. Только подняла красивые брови.

— Интересно. Глубоко. Это как... отдельная религия!

— Ты правда так считаешь? — она озвучила его мысли. Она всегда была умной женщиной.

— Посмотри. Плотской стороне вопроса уделено очень мало внимания, тогда как высокодуховность подобного феномена неоспорима. Интересно и вроде бы понятно, только... абсолютно не мое. Хотя утверждать, не прочувствовав, тоже довольно странно.

Их взгляды встретились, и Валерия сдвинула брови, согнув в дугу стек.

— Я тебя прошу... Ну для меня это как театр или, на крайний случай, буддизм с исламом. Заслуживает уважения, интригует, вызывает любопытство... Но не греет!

В тот же вечер состоялась их первая сессия. Он до последнего надеялся, что сможет достучаться до глубин ее сознания, вскрыть в ней то, чего... чего, увы, там никогда не было — обостренной тяги к подчинению. К доминированию она тоже относилась довольно прохладно.

— Прости. Да и не я это. Совсем... Если бы могла, я бы дала тебе то, в чем ты так нуждаешься... Но пусто внутри. Совсем. Огонь не заставишь гореть насильно.

Он понимал — мог сломать Валерию и внушить ей эту философию. Не без труда, но мог. Истинный путь, выработанный годами, никогда бы не позволил ему этого сделать ни с кем из тех, кто смог подарить ему безграничное доверие.

Эта ситуация не могла решиться или же быть проигнорированной. Понимали это оба. Год они пытались делать вид, что ничего не происходит, но убивать себя неопределенностью и терзаниями больше не имело смысла.

Как отреагировала Валерия? Наверное, так, как бы это сделала на ее месте любая другая женщина. Только без унижительных истерик и насмешливых поворотов пальца у виска, без угроз лишить родительских прав или заказать психиатрическую экспертизу. Он больше не скрывал от нее своих наклонностей. В других семьях это происходит до оскомины стандартно: с крушением сервиза, воплями «ты загубил мою юность», «я отсужу у тебя последнюю пару носков» и «уйди, чтоб не видела!». Они всегда были выше шаблонов людской недалёковидности.

Разговор они начали тоже не совсем стандартно. Под сгорающим в закате небом Анталии, наслаждаясь заслуженным отдыхом.

— Я знаю, что является ключевым понятием, — спокойно сказала Валерия. — Эмоциональная связь. Настолько сильная и неразрывная, что может сдвинуть с орбиты все, что было прежде. Принимая это, ты отдаешь взамен себя, чем сильнее раскрывается тебе навстречу... партнер, — ее мелодичный голос дрогнул, — тем больше твоя отдача. Вы проникаете друг в друга и становитесь единым целым. Ты пытался убедить меня, что так происходит только во время сессии, но все гораздо глубже. Связь не исчезает. Знаешь, почему говорят, что женская измена гораздо страшнее мужской?

— Не из-за шовинизма и недооцененной роли женщины, — он понимал ее как никогда. — Мне всегда было жалко тех, кто апеллировал лишь к этому.

— Нет. Потому что женщина любит, отдавая себя, свой мир, без оглядки и полностью. Еще одно заблуждение, что мужчины так не могут... Не могут, если не в Теме или просто не доросли эмоционально до такого раскрытия. Знаешь, тем, кто не пытается увидеть дальше собственного носа, эта ситуация не показалась бы достойной даже малейшего внимания. Кому-то из наших общих знакомых было бы абсолютно смешно: нет сексуальной связи — не измена. Им никогда этого не понять. Но я, к сожалению, понимаю это даже сильнее, чем следовало.

— Лера, я могу отказаться от этого. Одно твое слово. Легко не будет, но я готов приложить к этому все усилия.

— Можешь, и, возможно, у тебя все получится. Только зачем убивать в себе то, что стало твоей личной религией, системой ценностей, твоим кислородом, не побоюсь этого слова? Я не хочу заставлять тебя приносить эту жертву. Но и дать тебе то, чего ты так жаждешь — я могу, но ты никогда не получишь настоящих эмоций, потому как их нет.

Он всегда восхищался тонким умом Валерии. Лишь она знала, любила и принимала его настоящего.

— Я бы очень хотела найти в себе силы и закрыть на это глаза. Знаешь, в Швеции у многих пар свободные отношения. Но все гораздо глубже. У мужчины должна быть одна королева, для двоих трон сильно тесен. Ты боготворишь каждую из них — даже если причиняешь им боль и ставишь в зависимое положение. Это восхищает, но пойми — я тоже эгоистка и люблю быть первым номером! И убивать это в себе день за днем — во что превратится наш брак? Психика не изучена до конца, я не хочу однажды увидеть в зеркале измотанную неопределенностью стерву. Илюшка скоро начнет это улавливать посильнее военного радара.

— Я не хочу тебя терять. — Ему было больно. Наверное, так, как никогда прежде. — Я всегда буду любить лишь тебя одну.

— Я тоже не перестану любить тебя. Но ты понимаешь, что я права. Мы можем сорваться вниз, а можем встретить закат у этого обрыва и оставить только самые светлые

воспоминания. Это должен быть выбор без обид и недомолвок.

Этой ночью они занимались любовью так неистово и долго, что страсть первых встреч померкла окончательно на фоне этого безумия. Это было прощание-огонь, расставание-взрыв, точка невозврата — гибель вселенной в безумной вспышке.

— Я перепишу на тебя все, что имею, — сказал он утром того дня, когда этот момент настал.

— Нет, — ответила Лера, сжав его ладонь. — Нет. Мы достигли этого вместе. И я хочу остаться твоим другом и бизнес-партнером до тех пор, пока это не станет тебе в тягость.

— Лера, этого не случится никогда!

Она рассмеялась — со всей искренностью и грустью одновременно.

— Я знаю, поэтому так и сказала!

Первые полгода после официального расставания он не находил себе места. Даже ушел из Темы на неопределенный срок. Может, хотел убедиться, что сможет без этого прожить? Без Леры мир казался пустым и враждебным, лишь она понимала его и поддерживала во всем. Подобные ей женщины были редчайшим экземпляром, и найти другую такую же не представлялось возможным! Казалось, ничего не изменилось: он видел ребенка каждый день, он вел с женой дела их общей бизнес-империи, приходил к ней с разговорами, когда было совсем тяжело. Но потерять себя и убить свою сущность так и не смог. Они по-прежнему были в глазах окружающих идеальной парой, появлялись на званых вечерах рука об руку, вызывая недоумение — как их брак мог распасться? Наверное, это было для него больнее всего.

Спустя два года после их развода Валерия предупредила, что не сможет быть его спутницей на вечере в посольстве. Она появилась там в сопровождении приятного мужчины, известного скульптора, который спустя несколько месяцев стал ее вторым супругом. Они по-прежнему были близки как друзья и партнеры, и вскоре боль потери и чувства вины начала утихать. Он ушел с головой в работу и, осознав, что стремление к Теме вспыхнуло с новой силой, возглавил первый тематический клуб своего родного города. Он не искал замену бывшей жене — скорее, пытался понять, сможет ли объять необъятное, построив отношения, в которых будет место как доверию и взаимопониманию, так и общности интересов.

Его любовницы не менялись со скоростью перчаток. За все время количество подобных взаимоотношений соизмерялось цифрой четыре. Возможно, он бы построил тематический брак с элементами лайфстайла, но каждый раз не хватало самой малости. Чаще — абсолютного желания партнерши, которое он уважал сильнее своих стремлений. Со временем он перестал искать в каждой черты Валерии с изюминкой в виде сабмиссивности.

Новая страсть, вспышка-феерия, цунами потрясающей уязвимости и скрытого крика с мольбой о защите не вписывалась в его линейку шаблонного понятия ни в коей мере. Во-первых, она была молода. Во-вторых, она была полной противоположностью Валерии — и внешне, и характером, в котором просто бурлила опасная для его же обладательницы импульсивность. В-третьих... Он сам того не желая и не догадываясь превратил ее жизнь в ад одним росчерком благословив того, кому понятие «сдержанность» тоже не была знакома ни в коей мере.

... - Я должен вернуться в Харьков, Лера. Ты сама все слышала. Она так рано или поздно погубит себя. Я должен разобраться на месте, кто был тот отморозок, что пытался затащить ее в авто, таким не место среди нас. Я не предполагал, что это в ней и настолько глубоко — именно это свело ее с ума, толкнув на безумные поступки. Я один виноват в том,

что с ней случилось, и избавлю ее от этого тоже я сам.

— Ты не можешь отвечать за других. Я имею в виду Диму. Иногда мы просто отказываемся верить в предательство и неосторожность тех, кто стал нам близок. Ты не мог нянчить его и дальше в тридцать лет. Понимаешь, это уже предельный возраст, чтобы уметь отвечать за свои поступки. И я сейчас скажу то, что тебя, может, ужаснет, но... Ты можешь представить, что бы с ней случилось, если бы ты не обучил его действовать грамотно хотя бы во время практик? Поэтому не смей винить себя. Ты сделал все, что мог, и пути господни неисповедимы.

— Спасибо, Лера. — Он сжал ее пальцы и встретил теплую, понимающую улыбку. — Что ты хочешь мне сказать?

— Да я смотрю, как все изменилось, насколько отличной от нашей теперь выглядит твоя способность зангово любить! И как ты яростно скрываешь это чувство за ширмой долга и вины.

— Все не... — он знал об этом с самого начала. Знал, но гнал эти мысли прочь. — Ты останешься на вилле до приезда Николая, если я вечерним рейсом вылечу в Харьков?

Серые глаза стальной леди загорелись пониманием и подобием восхищения.

— Саша, я, если честно, вообще не понимаю, какого черта ты до сих пор не там!

— Ну что, стоили твои фантазии такого финала?

Я настороженно слежу за движениями сильных рук Ярослава. Меня уже не удивляет, что он чувствует себя в моей квартире полноправным хозяином. Кто знает, что у него на уме? Тут даже моя фантазия бессильна вместе с эмпатией. Наглухо зашит в своей раковине имиджа нестигаемого теоретика-социопата без права на вскрытие кокона под названием «чувства». Не очень и хотелось, только бесит и оставляет ощущение недосказанности вместе с чувством использованности!

Так не должно быть. За две недели нашего с ним знакомства и пару сессий я узнала гораздо больше, чем за все вместе взятые часы изучения теории на специализированных сайтах. Можно сказать, я теоретически знаю, как бить плетью и ремнем, не причиняя вреда. Знаю, что в состоянии самой даже легкой простуды флагелляция противопоказана напрочь. Как и кляп с некоторыми видами фиксации — во-первых, кровь циркулирует совсем иначе, во-вторых, с забитым носом недалеко до асфиксии, совсем не эротической.

Стало ли мне легче? После первой сессии — определенно. Ровно на пару суток. Сперва наслаждалась ощущением зудящей пятой точки, потом вспоминала яркие моменты этой встречи, нанизывая на ленту нового ожерелья чувств и переживаний, а после сделала свой вывод. Пресно. Нет огня. Нет обратки — той, к которой я так привыкла. Механическая постановка — да, у партнера колоссальный опыт, внимание к самым, казалось бы, несущественным мелочам, будь то сбившееся дыхание или писк иной тональности. Окажись он моим первым проводником в мире Темы, я бы обрела счастье без негативных эмоций и тяжелых переживаний.

— Не увлекайся, — подразнив меня цилиндром «Alexx V.S.O.P», он ставит его на стол. Я с робкой надеждой поднимаю глаза. Во время сессии мне запрещено в них смотреть. Когда мы встретились впервые, меня удивил его вопрос. Я устраиваюсь поудобнее на диване, поджав под себя ноги, и вспоминаю тот день, когда его впервые увидела.

Регистрация на крупном сайте, который в народе прозвали «черным» из-за веб-дизайна — я просто захлебнулась в потоке предложений в первый же день. Ярик с красноречивым позывным «Викинг» оказался настойчивее всех. И адекватнее. Никаких «включи скайп, оголи грудь» или «вышли свое портфолио без трусов». Мы не обменивались фотографиями, а разговор он выстроил все таким образом, что я сама не сообразила, как согласилась на встречу. В 11 утра в ресторане в центре города — это успокоило до такой степени, что я час убила у зеркала, заранее поставив целью ему понравиться. Вот так просто, даже не зная, как он выглядит.

Опоздала. Перепутала улицы — слава богу, что были параллельны одна другой. Меры предосторожности? Телефон потенциального партнера и распоряжение набирать меня каждые десять минут были приняты Элей без излишних вопросов.

— Опоздала, — погасила мою улыбку ледяная констатация факта. Мужчина не был похож на звезду голливудских боевиков, если бы я прошла мимо него на улице, не обратила бы ни малейшего внимания.

— Прости...те, — опешила я, ощутив рой стальных бабочек в районе позвоночника от уверенного тона, который не был наигранным. Серые глаза бегло оглядели мое тело, упакованное в легинсы под латекс и открытую тунику, дополненную длинными перчатками

без пальцев. — Я просто перепутала Рымарскую и Университетскую...

— Если я говорю «11.00», я вправе рассчитывать, что это будет именно «11.00», а не «11.05». Если ты не уверена в собственной пунктуальности — тебе стоило сказать «11.10». — Видимо, вся растерянность и обида отразились в тот момент на моем лице, и он милостиво прервал воспитательную лекцию. В это время в большом зале ресторана не было никого, кроме нас двоих и официанта, который быстро исчез, выполнив заказ.

Этот добрый полицейский благосклонно разрешил курить. В течение часа я больше слушала, чем говорила, узнав много нового о Теме как таковой, о правилах, которые никогда нельзя нарушать... Я старалась не показывать, насколько меня это шокировало. Моя Тема была сплошным нарушением этих правил посредством права того, кто оказался сильнее. Так перекручивать негласные догмы мог только Дима... и, кажется, я любила в нем даже это, потому как отдельно они не существовали.

— Что для тебя значит поддержание зрительного контакта во время экшена? — прервал мое возвращение в прошлое Ярослав. — Возможность держаться, как за спасательный круг, или угроза душевному спокойствию?

Я не смогла ему ответить. Хотела, пыталась, но не смогла. Что-то сбивчиво поясняла, так и не добравшись до сути. Поэтому в нашу первую сессионную встречу он принял решение сам.

— Глаза в пол, и попробуй только поднять без моего разрешения!..

Он работал в исполнительном комитете города. Юрист. Когда я услышала об этом впервые, едва не закатила глаза. Штампы — великая сила! Как оказалось, для кого-то закон и порядок были набором пустых звуков, более того — инструментом для манипулирования. Кто-то же, наоборот, так ревностно охранял само понятие слова «право», что это не могло не наложить отпечаток на все, что бы он ни делал.

— Как плечо? — Ярослав предельно внимателен. Почему я думала, что он отхлещет меня по щекам за своеволие и, можно сказать, измену? Ничего такого. Ругался сквозь зубы, да — но не в мой адрес, пока обрабатывал гематомы от захвата чужих пальцев на плече.

— Жить буду. Бывало и похуже.

— Не то, чем надо гордиться, Юля. Совсем не то. Я могу воспользоваться твоим компьютером? Сайт открыт или тебе нужно ввести пароль?

Я пытаюсь возразить, страх и волнение захватывают территории расслабленного сознания. Он же все понимает без слов.

— Я не буду читать твою с ним переписку! Мне нужно сделать скриншот и посмотреть IP-адрес. Общество должно знать своих уродов в лицо!

— Открыто, заходи, — пожимаю плечами.

— Тогда марш на кухню, и сделай мне кофе. Как я люблю, ты помнишь!

Еще одна часть ритуала наших сессионных встреч. Ему нравится, когда я готовлю, иначе говоря, заливаю кипятком растворимые кристаллы, предварительно растерев их с сахаром до образования ароматной пены. Мне дважды повторять не надо, я знаю, что он не станет читать наш диалог с тем козлом. Дыхание сбивается, и я шумно выдыхаю.

Я молчала. Билась в буквальном смысле головой о стену, страдая от скрытности Ярослава. Бездушный андроид, который хрен подпустит к себе близко! Я хотела пылать. Я жаждала захлебываться в эмоциональной циклической взаимосвязи. Куда там! Никаких полетов, голая физика — да, от нее мне становилось легче, но иногда хотелось просто человеческого взаимодействия! Я понимала и принимала, что он женат, у него двое дочерей,

и семья — запретная территория. Да и не рвалась я на нее никогда! Я сравнивала Димку с персонажем «Эквилибриума»? Да я просто не была знакома с Яриком.

— Только никакой милиции! — испуганно вскрикиваю, наблюдая, как он ловко перебрасывает скрины профиля «Бешеного Грея» на свой телефон. Едва успеваю поставить чашку и кривлюсь от нежного постукивания костяшек его пальцев по моему лбу.

— «Бешеный Грей»... Молодая еще совсем... Да одно такое имя уже должно было насторожить!

— Я не собиралась с ним спать! Просто хотела пообщаться...

— Пообщалась? А если б охрана супермаркета решила, что ее это не касается? Юля, ты очаровательна до безумия, но менталитет у нас такой, в большинстве своем — «моя хата с краю»!

Мне не хочется об этом вспоминать. Тот представительный мужчина с манерами джентльмена приехал на встречу с букетом. Хорошо подготовился, чтобы усыпить мою бдительность. К счастью для себя и к сожалению для него, я помнила, что приехала не на свидание с директором секции кройки и шитья, попытка напоить меня вином у него провалилась. Нет, сперва все было чинно и благородно, я кажется, подумала «а почему бы и нет», а потом... Когда прозвучало требование по приезде домой снять мерку с шеи и запястий, я все еще смеялась, интересно было понять, насколько далеко это пойдет. Фраза «я решил, тебя никто не спрашивает» определила все. «Я накрыл поляну не для того, чтобы ты свалила и ржала, как лошадь», — услышала я знакомый разговор. Тогда просто швырнула на столик купюру минимальным достоинством — пару глотков вина как раз стоили не больше десяти гривен. Кто ж знал, что этот урод догонит меня на парковке...

К счастью, у охраны супермаркета и таксистов сегодня был день обостренного чувства справедливости, или же виной тому было мое облегчающее платье ниже колена с закрытой шеей, подчеркивающее фигуру. Когда Бешеный Грей схватил меня за плечо, пытаюсь затолкать во внедорожник, я заорала на всю парковочную площадку. Не сработали его неуверенные заверения в том, что я его дочь и прогуляла уроки — вмешательство охраны спасло от... от того, что я даже боялась предположить. Отметина в виде трех гематом на плече стала молчаливым напоминанием о такой вот беспечности в поиске взаимных незавуалированных чувств. Испугалась ли я? Я разозлилась. Я едва не разнесла на хрен тир в «Шато Ледо» в тот же вечер, а Лекси хныкала от страха и пряталась за Элькину спину.

— Зальешь цементом? — беспечно спросила я, и натолкнулась на задумчивый взгляд Ярослава. — Ой, простите... зальете? Кому он нужен, обошлось, и хорошо.

— Не будь эгоисткой, Юля. Тебе повезло, а сколько пострадавших от рук подобного субъекта, ты об этом не подумала?

— Но без милиции, сам понимаешь, не хотелось бы...

— Какая милиция, Юль. Я просто должен предупредить о появлении такого вот маньяка, который прикрывается именем Темы. Знающие люди сами решат, что с ним делать!

— А кто это — знающие люди? — мне до одури хотелось опуститься на ковер и прильнуть к его коленям, но я так и не решилась. Может потому что чувствовала сейчас его серьезность и возведенную ограду. Он сразу предупредил, что заехал ненадолго, надо дочь из детского сада забрать. Странные у нас складывались отношения. Я знала, что он параллельно поддерживает подобные еще с двумя девчонками, но смогла задавить эту ревность в зародыше, назвав ее «свободными отношениями». Однажды в разговоре он обмолвился, что более десяти-двенадцати встреч тематические союзы не держатся. Может,

был прав по-своему, не хотел, чтобы привязывалась и страдала? Мне было сложно понять такое в девятнадцать лет.

— В Харькове есть два движения, две тусовки. Два оплота тематического сосредоточения. Назовем их условно Греция и Египет. — Ярослав сворачивает окно с черным дизайном сайта знакомств, и я мысленно вздыхаю с облегчением — сдержал слово, не полез в переписки. В одной даже был вирт, не надо этого знать временному партнеру. — Выбор не случаен. У представителя одной из них имя греческого бога. У второго — египетского.

Я все-таки усаживаюсь на пол, поставив на колени креманку с орехами и облокотившись о журнальный столик. Что-то знакомое пытается атаковать сознание, но ускользает, я теряю эту подсказку и забываю о ней в ту же секунду. Она вроде очень существенна, но имена не произнесены, поэтому ассоциативная цепь остается, а картинка не сложилась.

— Они поставят его в угол, на соль и гречку?

Ярик бросает беглый взгляд на экран мобильного.

— Это привилегия для таких, как ты. Они же просто должны знать, что в городе появился подобный неадекват. Оба клана чрезмерно озабочены соблюдением закона и стараются регулировать подобные эксцессы, гасить их на этапе зарождения. По крайней мере, так было раньше. Сейчас же последователи Греции пропагандируют вольность нравов, что иногда приводит к плачевным последствиям. У меня в свое время возникли разногласия с их лидером. Я не понимаю некоторых его взглядов.

— И вам пришлось переметнуться в долину пирамид?

Я все еще путаю в разговоре «ты» и «вы». Но большую часть времени мне с ним легко и спокойно. Нет никаких чувств. Нет страха, мои ограничения свято соблюдаются даже в деталях. Разве что только стыдно: я ведь рисковала своей жизнью. Чего мне не хватало? Эмоций? Как будто я не знаю, чем чревата их передозировка! Просто, как потом окажется, играть роль «вещи» мне противопоказано, деперсонализация личности не принесет облегчения.

Я ничего этого пока не знаю. Как и того, что это наша последняя встреча как партнеров по играм. Они еще будут, в смысле, встречи, но не скоро — дружеские посиделки в кафе, знакомство с его женой, и даже будем сидеть за одним столом... Нет, я забегаю вперед! Это была последняя встреча именно как любовников. А я даже не видела знаков. Не хотела, может? Мне было хорошо от того, что на какое-то время я стала собой. Я смотрела в витрины магазинов и видела в них себя. И я улыбалась отражению. Потому что не было за спиной тающей зловещей тени. Пусть это длилось не больше суток, и возврат забытых воспоминаний был болезненным и шокирующим, я поверила наконец в то, что смогу исцелиться! Одной правильной установки недостаточно, но никто б не сумел меня в этом разубедить!

— Нет, Юляш, я не принадлежу ни к одному лагерю. Во-первых, время. Во-вторых, клубные взносы не копеечные. В-третьих, моя жена не разделяет моих взглядов, да и тащить Тему в семью я никогда бы не стал. Это несовместимые вещи. Я, можно сказать, не вписываюсь в их общепринятые стандарты. Хотя бы тем, что ты теперь знаешь, как правильно бить флоггером и стеклом. Думаешь, тебе бы кто-то другой приоткрыл этот секрет? Я побежал, а то у меня наметилась тенденция не вовремя забирать Анку из детсада.

Я едва не кривлюсь от его последних слов — они настолько расходятся с нашим

совместным досугом, что режут своей нецелесообразностью, пробуждая самые разные эмоции, в списке которых даже присутствует чувство вины. Только какая там моя вина? Ярик не пылает ко мне и не искрит, а я не ставила целью уводить его из семьи или кружить голову. При других обстоятельствах меня бы это расстроило и даже понизило самооценку, но после всего что произошло... Я бы отдала все на свете, чтобы Дима относился ко мне точно так же!

— Надеюсь, больше никаких приключений в поиске эмоциональной обратки? Я бы мог сейчас перебросить через колени и отшлепать, только тебе это нравится! Какому еще Чикатило ты назначишь свидание в надежде, что я опять тебя накажу?

Воспоминание о первом спанкинге пронзает острой иглой удовлетворения и сладкого послевкуся. Только стерва во мне не дремлет.

— Я ж не виновата, что тебе так нра... ой... ну... изображать из себя бездушного терминатора!

Ярослав одним глотком допивает остывший кофе, а меня мало смущает его долгий взгляд. Он не имеет надо мной абсолютной власти. Есть подозрение, что этот мужчина так смотрит намеренно, чтобы не травмировать излишней психологической атакой. По этой же причине требует не поднимать взгляд выше пола во время сессий... Он никогда не спрашивает, что со мной произошло, прямым текстом, но каким-то образом в обычном разговоре ему удалось разложить по полочкам мои страхи и мои восторги. Страхи закрыты на несколько оборотов ключа и никогда не будут извлечены, чтобы причинить мне боль или заставить делать то, чего я не хочу. Даже если я их не осознаю и прошу воплотить в жизнь, он безапелляционно отказывает. Он знает лучше меня, как лучше бить и когда это необходимо, чтобы я, при всем отсутствии обратки, порхала от восторга экзотической бабочкой по окончании сессии. Он предельно внимателен, терпелив и осторожен. Сильнее этого контроля только его эмоциональная закрытость.

— Ты еще не поняла, что это мало похоже на сказку? И большинству закон вообще не писан?

— Ярослав, я могу такое рассказать, что ты наградишь позавчерашнего урода медалью за отвагу. Кроме шуток. Он хоть вокруг да около долго ходить не стал.

— Ты составляешь рейтинг неадекватных тематиков Харькова, Юль?

На это мне даже нечего возразить. Он вообще никогда не был предсказуемым, я ожидала, что не смогу сидеть неделю после такого своего проступка. Не потому, что рисковала жизнью, а потому что вроде как изменила постоянному партнеру. Штампы неубиваемы.

— Что такое? — непроизвольно дергаюсь, уже понимая, что, стоит закрыть за ним двери, я останусь наедине с другим кошмаром, чье имя только что непроизвольно вспомнила. Эта серая пелена чужого негласного присутствия никогда не исчезнет, она душит меня день за днем, только иногда я могу от нее отвлечься. Тогда, когда мое время, тело и часть раскрытой души принадлежит Ярославу. Почему этот убивающий фантом не атакует в такие моменты? Не хочет тратить свои силы? Не может пробиться через стену отчужденности, через чужую железобетонную волю, которая непостижимым образом накрыла и меня тоже, оградив на время, на час в основном, от реальности? Или же все куда примитивнее: он просто не видит угрозы? Не чувствует присутствия соперника в другом мужчине рядом, не придумывает себе несуществующих вещей, да и ни к чему это, достаточно лишь прикоснуться к моему остывающему рядом с чужаком сердцу, считать с

осциллографа данные самой неоднозначной диаграммы, превратившиеся в тонкую горизонтальную линию без пиков и падений; сжать виски длинными теплыми пальцами с одной лишь целью: убедиться в том, что не тронут имплант его господства и всевластия, а игры — что в них толку? Набор хаотичных осколков. Побег в никуда от расколовшихся образов прошлого, настоящего и, похоже, будущего. Ему так легко это понять. Даже благосклонно улыбнуться, убеждаясь в который раз, что ты одна, изменившая его мир, не предаешь и не отпускаешь. Ты хотела, но просто не можешь!

— ...Веди себя хорошо, — сдержанно произносит Ярослав, погладив меня по щеке. Как я дергалась первый раз от этого жеста, едва не закричав в ожидании пощечины! Настолько сильно и явно, что он сделал свои выводы и разрушил этот барьер к концу первой нашей встречи. Он сделал для меня на самом деле не так уж и мало.

— А если не буду? — улыбаюсь я, мне иногда нравится его дразнить. Это такой ненавязчивый флирт без дальнего прицела.

— Это же просьба... Договорились? — сухой поцелуй в кромку волос с отголосками щекотки в солнечном сплетении. — Пожелай мне удачи в Киеве.

— Желаю там закрепиться, — беспечно машу рукой, не догадываясь, что мы больше не будем вместе как партнеры. С ним я разучилась думать о завтрашнем дне. Закрываю дверь, даже закатив глаза. Гребаное больное воображение, которое видит бесшумные тени, скользящие по стенам и потолку. Они не осязаемы. Это мои личные демоны, которые поглотят рано или поздно. У них его глаза, и они пытаются убедить меня в том, что он не погиб. Только я не хочу больше жить и играть по чужим правилам! Никому не победить!

Пять одинаковых дней, таких похожих: учеба, библиотека — я иду на автоматические зачеты, — дом. И, наконец, суббота.

Я никогда не была настолько рада слышать телефонный звонок.

— Ты где?! — от воодушевления Эльки хочется подпрыгнуть. — Я закончила эту долбаную фотосессию! Мне сегодня перечислили гонорар! Ты знаешь, в каком размере?

— «Юля, здравствуй, как твое плечико, как твое самочувствие, это твоя подруга, которую двое суток не было слышно, потому что она трещала только о своем спецзаказе в каком-то там сообществе готов!» — беззлобно проговариваю в трубку. — Думаю, гонорар большой, раз ты только сейчас закончила считать купюры и вспомнила, что мы с тобой двое суток собираемся побаловаться кальяном и настоящим турецким кофе!

— Это не готы, это... Юля, твою мать, там ЕС и рядом не валялся! Там ТАКОЕ! Ой.. ты прости... я на эмоциях... — продолжает тарыхтеть подруга. — У меня договор о неразглашении и там красным пункт, что снимки не должны никуда просочиться, но я набралась наглости и попросила главного вампира оставить парочку для портфолио. Юла, думала, опишусь! Если б не его водитель, я б с ним даже в машину не села... Там такое!

— Да погоди ты пиццать, — подкуриваю трясущимися руками, настолько сильно зарядил чужой темперамент, бьющий через край. Прямо фонтан эндорфинов! — В первую очередь шикарно то, что заплатили столько, сколько обещали. Ты отчаянная, я бы к сатанистам не сунулась!

— Это не сатанисты... Это страшнее! Я тебе покажу, очумеешь! Давай через час в «Анкаре», я столик заказала. Успеешь?

— Дорогая моя, я успела бы даже, если б находилась в другом городе. Тебе ли не знать, как страшно мне оставаться одной дома наедине со своими призраками прошлого. — Сигарета гаснет в чашке с остатками кофе. Мне только одеться — макияж на высоком

уровне. — Жди меня, и я прилечу! Лекси будет?

— Ты что, она только увидит мои фотоработы, и сразу придется вызывать скорую! Потом поймешь, когда все сама увидишь! А еще я тебя кое с кем познакомлю!

Дважды повторять не надо, я игнорирую последние слова — распечатываю упаковку колготок, которые... рвутся на моей руке длинными стрелами, стоит натянуть на кулак!

Я уже не психую. Не пугаюсь. Не забиваюсь в угол. Не воздеваю руки к небу с воплем «когда же ты оставишь меня в покое?!» Нет. Улыбаюсь вместе с тихим смехом, который льется саундтреком к понятию «превосходство». Ты всерьез полагаешь, что это заставит меня остаться дома? И чего ты так переживаешь? Почему так пытаешься мне помешать? Это посиделки с подругой, что же там может случиться такого криминально-судьбоносного?

— Давай. Разорви это! — я определенно сошла с ума, но такие переговоры уже не редкость за последние недели. Защелкиваю кнопку черных джинсов. — Что такое? Сил не хватает?

Тишина. Закрывая двери, я даже не удивляюсь, услышав звон фарфора. Не разбилась чашка, которую мне было лень мыть, скорее всего, просто сместилась в мойке, задев другую. Прости, у тебя больше никогда не будет надо мной власти! Можешь перебить всю посуду и разорвать все колготки с чулками, я буду смеяться над тем, что так пугало!

На стоянке ни одного таксиста-извозчика.

Это не последний сигнал под грифом «знаки судьбы» на сегодня. Но я даже не представляю, сколько их будет перед тем, как моя жизнь повернет на все 180 градусов. Белая полоса, две стороны, два сюжетных ответвления. По какой рванешь ты, отчаянная экстремалка, любительница сверхзвуковых скоростей? И будет ли выбор твоим в этот раз, или же тебе ненавязчиво помогут его сделать?

Дыхание осени навевает скуку, этой депрессии я решила не поддаваться. Смотрю на кроны деревьев, которые еще не тронуты багрянцем, стягиваю на груди меховой жилет — после утреннего дождя сырость. Она усиливается к вечеру и пробирает до костей. Красное солнце уже скрылось за высотками, пожтиаю плечами от разочарования — вы же знаете мою страсть к закатам, вытягиваю ладонь, намереваясь найти попутчика. Дело двух минут, «Дэу-Ланос» быстро подрезает джип. Откинув тыльной стороной кисти челку, поворачиваюсь к черному автомобилю и вздрагиваю при виде одной только эмблемы. «Лендкрузер-Прадо», вашу мать! Водитель не похож на Диму ни капли... Но, вашу мать, мне достаточно и эмблемы!

— Я это... утюг забыла выключить! — трясую головой, отпрыгивая в сторону. «Ланос» дождался, за что был вознагражден. Тем, что туда села я.

В «Анкаре» многолюдно. Хоть бы Элька сумела договориться! Мы просто рано встретились, суббота, это у нас отменили пары, а большинство работает, и по окончании рабочего дня оккупирует ближайшие кафе-бары. Через пару часов тут станет спокойнее и свободнее.

— Я подруга Эллады Алиевой, — прерываю попытку охранника пояснить, что мест нет. Элька заказала столик в лаунж-зоне. Шикарно! И, как всегда, опаздывает. Я спокойно поднимаюсь на второй этаж, кивнув другим отдыхающим. Здесь столики, в окружении подушек на полу, похожи на отдельные беседки в саду (турецкий колорит!), приглушенный красный свет, тихое звучание музыки и никакого шума с первого этажа — он просто сюда не долетает. Заказываю по совету подруги кальян на молоке и вишне, уточняю пароль вай-фай, решив дождаться Эльку для дальнейшего заказа — ей гораздо ближе этот восточный

колорит. Надеюсь, долго ждать не придется.

На моей страничке «В контакте» тишина. Субботний вечер и приятная погода многих отогнали прочь от компьютеров. Проставляю лайки обновившимся аватаркам и новостям друзей, даже не поднимая глаз, когда подруга приземляется напротив.

— Не прошло и полгода, — отпускаю язвительное замечание, не отрываясь от экрана телефона. До меня не сразу доходит, что подруга молчит, что ей, в принципе, совсем не свойственно, а ноздри щекочет аромат терпкого зрелого аромата дорогих духов. Эля бы никогда такой не выбрала, даже в угоду своим восточным корням. Поднимаю глаза. Сперва не узнаю эту женщину. Несколько секунд недоумения от вторжения, даже ироничная мысль «ты что, пришла выбирать невесту своему боссу-шейху?», ступор напрягшихся извилин памяти вместе со взглядом в задумчиво-холодные глаза... Чувство опасности и испуга бьет наотмашь, сжимает мышечные узлы в сплошной конгломерат натянутых нервов вместе с жаром, задавленной аритмией и растерянностью. Я знаю эту женщину!

— Отдыхаем? — вежливо интересуется она, а я понимаю, что не могу вспомнить ее имени.

— Чего надо? — испуг сменяется яростью. Кадры недалекого прошлого атакуют беспощадной цепной реакцией. Ей Дима улыбался, как равной. У нее было кольцо с триксемом. Как и манера проникать в душу взглядом. Твою ж мать! — Я вас приглашала?

— Нет, прости за вторжение. Просто очень уж хочется посмотреть в твои глаза. Гордишься собой?

Слова достигают цели почти сразу... Сглатываю, зацепившись взглядом за воротник чужой белой блузы и короткую прическу каскад-каре, которая наверняка обошлась ее обладательнице в круглую сумму. В глаза просто не могу, не выдержу. Она прожигает меня насквозь, словно трогая чувство вины и совести, прикрепляя к ним стальную леску, за которую сможет дергать с мастерством опытного кукловода. Я не знаю, как мне удастся взять себя в руки!

— Посмотрела в мои глаза? Сама так нарисуешь подводкой? Могу помочь по дружбе. Руки с возрастом дрожат, понимаю!

— Ничему тебя жизнь не научила. И смерть — тоже. — Это не угроза, это мягкая обвинительная интонация. Она бьет напролом.

— Да я как бы не собираюсь умирать... Это у вас не за горами... — прячу глаза в экране телефона, чтобы она не заметила, как они заблестели от подступивших слез. Прогнать бы эту суку, но что-то подсказывает, что это невыполнимо! — Не вам меня учить. Забыла имя... Эппл? Сони Эриксон? Самсунг? Ой, простите, Нокия?

Я несу сущую ахинею, но это мой способ защиты. Она считала эту информацию изначально, о чем говорит ее снисходительная улыбка.

— Неважно. Меня почти восхищает твоя дерзость. Попади ты ко мне, а не к нему в руки, не посмела б так разговаривать.

Она провоцирует. И искусно. Только я сдаваться не собираюсь, пусть это и выглядит откровенным хамством, которого я избегаю с тех пор, как Александр назвал меня «леди».

— Да ну? Привела бы меня сюда на поводке и с кляпом? И, наверное, голую?

— Не исключено. Я предупреждала Дмитрия, что ты не поймешь мягкого обращения...

— Я не лесби, тетя! Мечтай молча, в твоих словах нет ни разумности, ни добровольности!

Выкуси, королева преисподней недоделанная. Я уже торжествую победу, но от

дьявольского изгиба улыбки этой... да, вашу мать, красивой женщины неопределенного возраста у меня мороз по коже!

— За теорию пятерка. Только с такими, как ты, надо играть по-иному. Чтобы дошло наконец. Ты думаешь, это был самый худший вариант? Девочка моя, да тебе хватило бы вечера со мной, чтобы лишиться не только дерзости, но и своего эгоизма! Он всегда тебя жалеет, даже в ущерб себе. Поверь, если бы я взялась за твое воспитание, ты бы забыла, как он выглядит. Потому что вряд ли решилась бы поднять глаза! Зато цвет кожи его обуви ты бы знала наизусть. Как и вкус.

— Я повторяю, — игнорирую этот поучительный тон, как и то, что она не говорит о нем в прошедшем времени. Но это ускользает на фоне общей угрозы. — Я не интересуюсь бабами... Особенно теми, кому за!

— Опасайся однажды оказаться у меня в руках, девочка. — Да кто ей дал право говорить об этом так, словно это свершившийся факт? Страх парализует капилляры, но защита и вправду в нападении!

— Ты, тетя, совсем кальяна обкурилась!

— Что ты запоешь, когда догонит Голод? — Парирует... Никея. Точно. Я не успеваю закатить глаза, потому как задаюсь другим вопросом: как долго тут находится Эля, и с какой минуты она начала слушать наш разговор.

— Ой, а у нас гости? — я узнаю тон подруги. Сейчас будет жарко и весело. Она наклоняется ко мне для поцелуя, небрежно швырнув клатч... всего лишь в плечо этой суке. Пичалька!

— Добрый вечер, юная леди, — невозмутимо приветствует Никея, аккуратно положив Элькин клатч на стол. Губы моей подруги изгибаются в хищной ухмылке, а пальцы сжимают фотоаппарат.

— Добрый вечер, не знаю имени и отчества. А вы здесь... за советом пришли, да?

— Я ненадолго. Собственно, собиралась уходить.

— Да не стоит, право слово! Вы по вопросу краски, которая закрашивает седину? — Эля прицеливается объективом фотоаппарата и кривится. — Н-е-е-е-т... Все гусиные лапки, как на ладони. Послушайте... У нас в группе есть одна девочка. Продает косметику по каталогам. Как раз на крем от морщин бешеная скидка! Вам заказать?

Мое внимание приковано к лицу Никеи, которая... улыбается, видя Элю насквозь! Ее не затронуло ни одно слово моей подруги, ей вообще не о чем переживать, у нее ни единой морщины, поэтому все слова выглядят жалкими потугами и развлекают эту стерву! Я понимаю, что я боюсь. Этой умудренной жизнью опасной хищнице ничего не стоит опустить нас обеих ниже плинтуса парой небрежных фраз... И я почти ей благодарна, когда она, наградив нас загадочными улыбками, исчезает.

— Как я ее! Побежала записываться на блефаропластику, я тебе отвечаю!

Нет, Эля. Твои слова не то что не тронули ее, они подпитали эту стерву, словно свежая кровь — это графини Батори. Этой суке ничего не стоило тебя размазать, она сегодня в хорошем настроении, поэтому промолчала. Я стараюсь убить в себе непонятно откуда взявшееся предчувствие того, что все ее слова легко могли воплотиться в действительность... Меня спасло банальное отсутствие ее желания!

— Супер, моя дорогая, классно деактивировала! — я не собираюсь расстраивать подругу. Ей незачем знать, что эта женщина эмоционально пуленепробиваема и опасна. Очень вовремя появляется официант с кальяном, Эля заказывает кофе и пахлаву и

подвигается ближе. Ее темные восточные глаза горят лихорадочным блеском, она уже забыла про Ницею.

— Они связались со мной еще месяц назад, — начинает рассказывать восточная очаровашка. — Я просто выложила сеты своих работ на всех фриланс-сайтах. Помнишь, там и твоя с Махеровым есть, где вы у меня в образе эльфийки и Арагорна?

— Забудешь такое, — соглашаюсь я, вспомнив, как едва не чокнулась, позируя три часа в длинной золотой тоге со слоем белой пудры на лице и синих теней на веках... еще и с муляжами вытянутых ушек — Эллада не признает фотошоп в своей работе для прикрепления спецэффектов. От напряжения и сохранения королевской осанки болела спина, в глазах пересохло от яркого света софитов, к тому же, владелец студии, в которой происходила фотосъемка, был бисексуалом с картинными манерами, от которых я хихикала и никак не хотела изображать серьезность. Получилась такая вот кровожадная Арвен с хищно-циничной ухмылкой. Но совет фотохудожников пришел в восторг именно от такой ломки шаблона, поэтому фотосет в первоизданном виде пошел в печать и на конкурс, где получил грант за третье место.

— Ох, меня этот заказчик заинтриговал еще по телефону. Представляешь, потребовал подписать договор о неразглашении! Я офигела... Мне это напомнило «50 оттенков серого», с той лишь разницей, что от меня нужны были только фото. Я оставила пару кадров себе... Сейчас посмотришь, и сразу сотру. Потому как если попадут в сеть без их авторского логотипа... Ты сейчас сама все увидишь! Боюсь, это сделают со мной!

Элька щелкает кнопками своего дорогого агрегата в поиске нужных фотографий, продолжая щебетать.

— Заказчик — я думала, таких не бывает... Я его только в день съемки увидела, ты «В поле зрения» смотрела? Я тебе говорю, одно лицо. Только взгляд — я едва не сбежала. Заметь, еще до того, как начала съемку! Я понимала приблизительно, что там будет, его помощник помогал подготовить студию и выставить свет, я иначе как на авто не передвигалась... — глаза вспыхивают при упоминании помощника, а высокие скулы заливают очаровательный румянец. — Но такое! Юлька! У меня чуть истерика не случилась. А этот отвел в кабинет, налил вкусного ликера, и знаешь, так, парой слов, даже не помню, о чем говорил, всю тревогу снял. Как отец в детстве, когда говорил, что я у него лучшая и боец по жизни. Я не помню, как отработала фотосессию, но ощущение было, что порхала и не уставала! Только дома вырубилась. Но это, скорее, от впечатлений...

— Ты покажешь уже или нет? — от нетерпения я поперхнулась дымом и закашлялась.

— Юль... — Эля на минуту прервала поток своих восторгов и внимательно посмотрела на меня. — Я не знаю, как... ну, после Димы... ты ко всему этому отнесешься. Понимаешь, там...не так. Модель получила массу удовольствия, меня этими флюидами всю съемку шарахало...

— Ты что, порнуху снимала? — вздрагиваю от такого родного имени. Предчувствие обрушения небес. Незамеченного апокалипсиса. Тень Димы грозит вырваться за пределы замкнутой реальности и заполнить собой, на этот раз окончательно. — И долго мне ждать?

— Все не так. Не так! — оправдывается Эля. — Смотри. Это выглядит... Да это чертовски круто выглядит! И поверь, на ней ни ссадины. Я потом с ней кофе пила... Я счастливей девчонки не видела!

Перевожу взгляд на цифровой монитор фотоаппарата.

На что это похоже? Эля права. На сказку. Фантасмагорию. Иную реальность.

Волшебство. Вселенную в ярких цветах красного и черного с тысячами оттенков. Вспышку светового облака, посреди которого центр самой чарующей экспозиции. Я даже не понимаю вначале, что это, а когда до меня доходит...

Нет, мне не страшно. Нет, я не вспоминаю свои оковы и веревки, и сердце не сжимается от боли. Не бьет эта картина ассоциативным разрядом на поражение в центр нервной системы, не запускает болезненные параллели. Потому что я вижу произведение искусства.

Трогательную белокурую красавицу в переплетении паутины веревок — и это шедевр. Красота и гармония в ее первозданном виде. Эпицентр эстетического удовольствия, самая утонченная картина из всех, что мне доводилось прежде видеть!

— «Шибари»... Или «сибари»... Кажется, они так это называли... — неуверенно лепечет Эля, но, увидев одухотворенный шок на моем лице, расплывается в счастливой улыбке. Несколько снимков... А мне кажется, что испытала состояние сатори от их просмотра. Вместе со вспышками сверхновых, с разрядами удовольствия от визуального вторжения и зарождающейся в глубине души мелодией «would fly to the moon and back»... Меня накрывает ощущением первозданной гармонии от просмотра этих снимков... «Должно случиться что-то хорошее!» — я снова не понимаю, что же это со мной. Исцеление прекрасным? Или ментальный ультразвук грядущих перемен?

— Эля, это... — у меня пересыхает в горле. — Ты... можешь их не удалять? Скинь мне... Я тебя прошу!

— Юль, не проси. Меня этот заказчик подвесит так же, если они просочатся в сеть. Их нет даже в инете. Вдруг взлом? Неустойку не оплачу. Я его реально боюсь. Ну понимаешь, он... тебе хочется сбежать, но одновременно остаться... Но ты подожди! Он сказал, что это в рекламных целях его... хм... организации. Вскоре они сами появятся в сети, я полагаю!

Мне удастся успокоиться лишь спустя пару часов — я собираюсь домой, зная, что мне будут сниться эти фотоснимки. А Эля тарыхтит, как заведенная! Не фотосет гвоздь вечера, нет... А новые отношения моей подруги!

— Вот и он, — хитро подмигивает она, сбросив звонок, когда мы покидаем уютное кафе. — Скажешь потом, как тебе... Только честно!

— Ты закрутила с тем биг-боссом, что так тебя напугал? Будь осторожна... — перед моими глазами пляшут светло-красные пятна самой красивой картинки из всех, что доводилось видеть прежде: переплетение веревок на светлой коже, запрокинутая в экстазе голова модели... Я очарована настолько, что позволяю новому парню Эли поцеловать свою руку, и киваю в ответ на приветствие, а потом до меня доходит.

Я просто устала удивляться совпадением и событиям. Искренне смеюсь. Но мой смех беззаботен. Я научилась смеяться снова! Впереди месяцы реабилитации, но шаг навстречу уже сделан, я еще не знаю, что будет дальше, но плохого не будет. Я это чувствую!

— Рада тебя снова видеть, Денис.

— Юлия, — улыбается он. В джинсах и кожаной куртке он выглядит городским денди. Я поворачиваюсь к Эле.

— Ну и как называется организация твоего заказчика, девочка моя?

— Devi-ant, — забыв про подписку о неразглашении, беспечно отмахивается Эллада, млея в сильных руках водителя Александра. — А какое это имеет значение?

Он сегодня решителен, безжалостен и неистов, а его пальцы, губы и взгляд забыли напрочь трактовку самого понятия «пощада». Оно и раньше было ему мало знакомо. А мне не хочется бежать от подавляющего сжатия всех кожных покровов, обжигающего дыхания в искусанные губы, пронзающих слов, которых я не слышу, окутанная кисеей самой неоднозначной эйфории. Я никогда и никому не позволяла делать со своим телом и сознанием то, что позволено ему, и вряд ли когда-то позволю. Только он имеет на меня неоспоримое право. Три месяца. Две недели. 59 дней без него. Сколько нужно времени, чтобы превратить одного человека в продолжение своих мыслей, воли и власти, покорную и одновременно самую чувственную игрушку экстра-класса в сфере психологии и физиологии, или все гораздо шире, на том уровне, где слова теряют свое значение, оседая пеплом прежнего мировоззрения?

Его губы не знают усталости, сминают мои жестким прессингом до легкого онемения, с наглым прикусом, очередными метками завоеванной давным-давно и так красиво покорившейся территории. Наверное, мне уже надо молить о пощаде, но я лишена голоса одним только усилием его взгляда, пронзающим гамма-излучением с привкусом кофе и крови на кайме атакованных губ. Поцелуй-агрессия, поцелуй-завоевание, поцелуй-утверждение своего права. Почему я не пытаюсь это остановить? Я берегу свое право потребовать передышку на будущее. Тогда, когда эти руки будут сжимать до боли и онемения. Тогда, когда резкие движения его члена внутри меня возьмут сумасшедший темп в попытке достучаться до сердца, как будто там есть барьеры, которые не рухнули под его диктатом. Не было и нет. Но он этого не знает, а я молчу. Меньше всего мне нужно будет это право: гипотетический «красный», не используемое стоп-слово, когда это наконец произойдет. Тогда у меня исчезнут грани между правильно и неправильно, больно и приятно, недопустимо или же... меня не спрашивают. И я готова стерпеть все, чтобы в итоге...

Стерпеть. В этом я вся. Мне так легко обманывать себя тем, что я страдаю в его объятиях! Искать волшебную обреченную покорность, не находить, придумывать, раскручивать по спирали до сжатия сердечного клапана, вспышек аритмии и неконтролируемой дрожи по всему телу. На краткий миг даже удастся поверить, поймать этот кайф загнанной в угол лани, а дальше эротическая экспансия накрывает с головой, и больше ни о чем не стоит думать. Только чувствовать. Только принимать. Разве есть другой выбор?

Сегодня я начинаю эстафету невиданной ранее смелости в его руках, меня не пугают больше возможные наказания. Мне хочется это запомнить. Почему именно сегодня? В моих расколовшихся на бриллиантовые осколки снах нет никакой логики и закономерности. Они постоянны и неумолимы. Как я поначалу этому сопротивлялась! Как стремилась заполнить сознание чем-то другим, кроме мыслей о нем! Безуспешно. Только принять и смириться с тем, что на самом деле очень приятно спать!

Во сне можно все. Даже видеть то, чего нет, но мне этого сейчас не нужно. И все же усилием воли, повинуюсь желанию, моя ладонь может излучать призрачный свет, чтобы увидеть, рассмотреть, зафиксировать в памяти каждый изгиб мышечного корсета, каждый градус температурного режима, игру тени и света, оттиском фотографического шедевра на

расслабленной сетчатке. Запомнить этот рельеф даже не взглядом, нет, ощущением тающего миража на подушечках пальцев, воспроизвести потом термографическим изображением тепловизора, спрятать, сохранить, запечатать, заархивировать до востребования! И ты мне сегодня даже не сможешь помешать. А мои пальцы не знают страха, продолжая свой исследовательский маршрут оттиском поверхности всей ладони по твердому блоку скульптурного пресса, с прорисовкой косых мышц, с выверенным ударом эндорфина в измученный мозг... Мне хочется зажмуриться от удовольствия и предвкушения, но я ни за что не закрою глаза, не позволю себе погружения в визуальный мрак — этот спасительный прежде маневр сегодня мой враг. Он не позволит мне насладиться визуальной оценкой в полной мере, только запомнить путем тактильного осязания, чтобы я имела эту редкую возможность, даже дар — узнавать тебя в одно касание. Мы же встретимся, и у меня будет такая возможность!..

Мое сумасшедшее, сладчайшее, выбивающее почву из-под ног исследование прервано таким знакомым захватом запястий с резким заведением за голову, впечатыванием в поверхность матраса. Несмотря на предупреждающий звонок, я не закрываю глаза. Я хочу видеть все, до последнего жеста, до каждой вспышки в его глазах, каждого атакующего удара такой осязаемой бесплотной тени, которая больше не пугает. Сжимаешь пальцами правой ладони безвольные кисти — мне при всем своем желании не вырваться из такого захвата! Я знаю эту прелюдию, этот немой вопрос «ты готова?» и твой же утвердительный ответ. В мире снов не может быть по-иному, в нем я никогда не вырываюсь и не забиваюсь в угол со слезами, если я и осмеливаюсь плакать, то только от удовольствия — нашего общего на этот раз. Я могу прекратить сон одним усилием мысли, потому что знаю, что сплю... Но я также знаю, что ничто не заставит меня тебя остановить!

Пальцы безжалостно сминают грудь, будь это реальность, остались бы отметины, но мне не больно. Наоборот — это инъекция чистой эйфории прямо в сердце!

Не смей делать того, о чем я потом заставлю тебя пожалеть!

Во сне не нужны слова. Здесь правит телепатия. И я, кажется, знаю, о чем ты говоришь. Или же просто догадываюсь? Никакие слова сейчас не имеют значения, никакие грядущие события, потому что, когда я рядом с тобой, в тебе всеми сплетениями эмоций, выше неба и мира, в котором столько боли и неосуществленных ожиданий. Когда мы рядом, само время замедляет свой бег!

Неистовый бег горной реки — это твои поцелуи вдоль шеи с особым жадным упоением в выемке, ласка не знающего пощады языка лишь затем, чтобы так неотвратно устремиться вниз, затирая, излечивая губами отголосок боли от сжавшихся пальцев. Я податливей воска под губами непримиримого и неистребимого фантома. Во сне так легко открыть свою сущность и отпустить себя в свободный полет, к тем вершинам, которые никогда не были доступны в реальности! Выгибаться в его руках податливым, жаждущим ласк и прикосновений телом, считать каждый удар пульсирующего естества, ощутить изгиб рельефа пресса и грудных мышц — запомнить каждой клеткой, каждым вкусовым рецептором, потому как мало прикосновения лишённых свободы пальцев!

Сжатая пружина самых первобытных и безошибочных ощущений, открытых желаний неистойой близости и единения сжимается в тугий узел медленным, сладчайшим сжатием, зависшей реальностью за секунды до неумолимого давления, послушного раскрытия навстречу долгожданному вторжению. Мои города взлетят на воздух совсем скоро... Роковой прицел с промедлением, назови этот выстрел на поражение моим именем, пусть он

никогда не получит широкой огласки, знать будем только мы вдвоем! Во сне я не боюсь запретов, я не боюсь даже поглощающего огня — впервые в жизни я знаю, что с ним делать!

Ты не будешь меня жалеть и играть в долгие прелюдии... Восторженный крик резкой боли в горячие губы, закрывшие мои властным поцелуем. Боль трансформируется в микроскопические разряды чистейшего удовольствия по сжавшимся стеночкам, напряженным внутренним мышцам с последующим толчком на полную длину, а мои бедра толкаются навстречу, уже не замечая стихающей боли, они хотят принять, поглотить до конца... Записать, запечатлеть, сохранить это непередаваемое ощущение. Ничему из этого больше никогда не уйти от моих мыслей. Это уже внутри, в каждом разряде пульса, в клетках бешено несущейся крови и нейронов, которым тоже передалось сейчас сумасшедшее удовольствие их обладательницы.

Это никуда не уйдет до тех пор, пока не остынет мое сердце, сейчас я верю в это, как никогда, это моя личная религия, мой неумолимый идол, мое установившееся мировоззрение! Как долго я буду искать эти отголоски в бездушных отражениях зеркал! Я все еще боюсь их до безумия, но скоро перестану, как и находить твоё отражение в любой беспощадной глянцевой поверхности. До этого далеко. Вечность и... пара шагов.

Боли нет. Есть только прошивающее насквозь гамма-излучение по имени эйфория. От каждого толчка, каждого соприкосновения тел. Неумолимая пружина сжимается до точки критической деформации, неотвратимо и быстро, понимаю только одно — сегодня я не хочу сдерживаться! Удар! В самый эпицентр сосредоточения удовольствия. Откат, легкий шум накатившей волны до новой атаки потрясающего своим величием прибоем. Сильнее... Глубже... До упора, до последнего финального сжатия...

Мой крик пронзает темные небеса нашей замкнутой реальности, тугие кольца пружины разрывают диктат сладкого сжатия, выстрел в зависшие временные петли, соединение параллельных вселенных с его именем на губах, в унисон с яркими вспышками огненных извержений, самой неоднозначной и желанной цепной реакции на свете... В унисон два голоса, два неистовых крика — оставим их биться о стены только нашего мира, который, кажется, можно сжать в ладони, но и в то же время не измерить ни одной системой измерения.

Не делай этого! Я тебя умоляю. Не делай шаг вперед! Не дай мне уничтожить тебя когда все закончится!

О чем ты говоришь, какой шаг вперед?! Я хочу остаться с тобой. Зависнуть в критической точке сплетения двух реальностей, переплетая пальцы, как тогда, помнишь, впервые... Кого ты уничтожать собирался? Я уже уничтожена для всех, кроме тебя!

Ты позволила себе смотреть ему в глаза... Черт с ним, у тебя не было выбора! Просто оттолкни руку помощи. Тебя не от чего спасать! Просто поверь!

Мне не хочется говорить... Мне не хочется даже шевелиться. В таких снах мне всегда хочется уснуть на твоих руках и не возвращаться. Вспомню ли я твои слова, когда проснусь?

Пообещай.

Нет. Я не знаю, о чем ты просишь. Или ты... Боже мой...

Ледяной откат вырывает из цепких объятий приятной истомы. Нет! Ты же... не зовешь меня с собой? О чем ты просишь?! Ты хочешь забрать меня туда?! Чью руку помощи я должна оттолкнуть? Доктора — если у меня вдруг разорвется сердце? Спасателя — если я буду тонуть, не в состоянии выплыть? Случайного прохожего, который вцепится в мои плечи, чтобы не позволить шагнуть навстречу несущемуся на предельной скорости

автомобилю?!

Когда те, кто не с нами, приходят к тебе во снах и просят не просыпаться, это значит только одно!

Приступ забытой паники. Липкие щупальца, неразрывные лианы оплетают страхом сжавшееся сердце. НЕТ! Только не так! Вот почему я вижу эти сны... тебе мало. Ты решил забрать меня с собой!

Толкаю руками, резко, уверенно, понимая лишь одно — мне рано туда! Вижу проблеск отчаяния, боли, безысходности в твоих глазах... Заткнись! Ты все сказал! А меня ничему не научила ни жизнь, ни смерть...

ИСЧЕЗНИ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ! ИЗ МОИХ СНОВ! ИЗ МОЕГО СОЗНАНИЯ! Я ТЕНЕНАВИЖУ!

Сноп яркого дневного света по глазам. Во сне я даже сдвинула светонепроницаемую повязку. Моргаю... Нет. Больше не плачу. Наверное, я становлюсь сильной после подобных снов-фантазий, снов-кошмаров, перемежающихся явью, когда вроде как совсем не спишь. Да чтоб тебя!

Быстрый взгляд на часы. Твою ж мать! Я еще к тому же чуть не проспала! Мало мне этих сновидений, этой боли, после которой я так натянуто улыбаюсь и делаю вид, что у меня все прекрасно, что я забыла и что я здорова... Тебе надо еще и разрушить мою реальность, поставить в ней все с ног на голову!

Программа утренних сборов сжимается до минимума. Душ. Никакого спорта, не успеваю! Выбор «макияж или завтрак» вообще не подлежит обсуждению, есть много вредно! Срываю с плечиков очередную версию little black dress, в спешке — наизнанку и, повинувшись примете, топчусь по ни в чем не повинному платью босыми ногами... Драка? В нашем варианте возможна только ссора... Такси. У меня меньше десяти минут! Вот черт! Очередной чулок бежит под пальцами длинными стрелками, потеря двух минут, чтобы найти другой. Стайлером по непослушным волосам, сегодня никаких локонов, дождь, и нет времени — только выпрямление. Я собиралась с такой хаотичной резкостью, что офигел бы даже он, если б увидел! Плащ, едва не разрывая по швам, шнуровка высоких сапожек, шарф на обычный узел. Долбаный октябрь, аномальные холода! Служба такси атакует эсэмэками, сбрасываю звонок диспетчера — иду я, иду! И ты, Лекси, катись к черту! Очередной поступок твоего бойфренда обсудим после пар, мир не рухнет!..

Нет времени даже на заезд в «Макдональдс», чтобы купить кофе. Как я высижу эту пару? Еще и пробки! Кусаю пальцы, сдерживая желание послать разговорчивого таксиста, вздыхаю с облегчением, оказавшись на парковке академии... У меня ровно две минуты! Сумасшедший кросс по этажам в направлении нужной аудитории, влетаю в кабинет за тридцать секунд до появления Миранды Пристли — хвала историку, который ее задержал в коридоре.

— Мы думали, капец! — Элька встревожена, но и неприлично довольна, судя по всему, выходящими с секси-Денисом. Лекси надула губки. Потом с ними разберусь. — Мы думали, все. Опоздаешь, и вся доброжелательность Пристли за три года вылетит в трубу...

— Как я выгляжу? — это единственное, что меня сейчас волнует. Киваю окружающим, выдавливая улыбку, не дождавшись ответа, втайне надеясь, что макияж не растекся.

— Как Моника Белуччи!

— Отлично. Все потом, после пар!

Мне нужно отвлечься. Все что угодно, только бы вычеркнуть из памяти сон, в котором

он предпринял попытку забрать меня с собой. Это ненормально, я только сейчас, автоматически конспектируя лекцию, понимаю, что ни разу мне не стало легче. Ощущение, что заканчивается черная полоса и скоро произойдет что-то хорошее, похоронено под обрывками реалистичного сновидения. Ничего не изменится, страх не уйдет, ему так комфортно в железобетонном бункере моего сознания, что он ни за что его не покинет, пока не иссушит изнутри. Только тогда, возможно, пойдет искать себе новую жертву взамен выпитой до капли...

Сухая наука о методах инновационного ребрендинга проходит мимо, я очень удивлюсь потом, перечитав конспект. То, что я приняла за одышку от быстрого кросса по лестницам, на самом деле — нервная аритмия, паническая атака, непрекращающаяся тревога. Мне нужно в церковь... Точно. После пар, нет, даже раньше, во время получасовой перемены, можно отпроситься с полупары Скляренко, неизвестно, как долго я там пробуду. Мне никогда не было комфортно в церкви, это ощущение давления на плечи и поясницу не проходит... Я даже не знаю, к какой иконе идти со своей болью. Исповедоваться? Боже упаси... Нет у нас гуманной практики тайны исповеди в кабинке, как у католиков. Может, не стоит даже и пытаться? Может, проще отслужить черную мессу, чтобы навсегда прогнать его из мыслей? Если б еще я не была так уверена, что Дьявол ему не покровительствует...

Мне не удалось отвлечься на парах. Удалось только проснуться. Я вполуха слушала рассказ Эльки о шикарных выходных в компании Дениса, кивала на возмущения Лекси, которую преследует настойчивый МЧ из недалекого прошлого, не понимающий слова «нет», пила вторую чашку кофе за последние полчаса и с ужасом думала о том, что придется возвращаться в четыре стены пустой квартиры. Предлагать мне разнообразить досуг никто из девчонок не спешил — то ли из-за дождя и серого смога за окном, то ли у них были на то более романтические основания. Если день не задался с утра, он и закончиться не сможет ничем хорошим.

Очередной удар поджидал меня на крыльце кофейни — я все-таки уговорила подруг уделить мне минут сорок. Лекси, оценив мое состояние, все порывалась дозвониться маман и презентовать мне стоун-массаж в ее спа-салоне, но одной идти туда не хотелось. Пришлось перенести на завтра, с Лекси на соседнем массажном столике хоть поболтать можно будет. Мы уже прощались, когда я получила очередной пинок судьбы-садистки в виде молодого человека нашей супер-блондинки.

Конечно, как же я не вспомнила о нем при фразе «недалекое прошлое»! Ленка и понятие «однолюб» плохо сочетаются, но парней за последние полгода у нее было не так уж и много. Широкую спину Владимира я увидела сразу. Даже если б я его не узнала, догадалась бы по маске стервы на кукольном лице подруги.

Неуместные, совсем не нужные сейчас воспоминания! Все началось на этой гребаной вечеринке в его доме. Как я не хотела на нее тогда ехать, как я боролась с желанием попросить у него защиты от его же лучшего друга — это сейчас казалось глупостью, а тогда... Он же, по сути, единственный, кто мог меня от всего этого уберечь, если бы я не раздумывала, а прямо попросила... Я не знаю, о чем именно, да хоть о предоставлении койко-места на ночь — тогда бы никакой инсценировки аварии не было и в помине! Но, с другой стороны, я ведь даже не знала, какова его роль во всем этом, и была ли она вообще.

Я пытаюсь улыбнуться, когда наши глаза встречаются, но в тот же момент атакована, ударена, нокаутирована стрелами испепеляющей ненависти и ярости черного цвета. Он может напугать, и очень сильно — сочетание светлых волос и темно-карих глаз и без того

вызывает дрожь, а когда такие люди злятся... Я очень хорошо помню, чем это заканчивается!

Он просто смотрит на меня, забыв напрочь про Лекси, а потом делает шаг навстречу... И я с ужасом осознаю разницу наших весовых категорий. Если б в его голове родился Димкин план мероприятий, я бы не сопротивлялась и не играла. Я бы сделала все, чтобы выжить и оставить его довольным — с ним мог бы показывать характер только безумец. Это счастье, что он оказался не похожим на своего лучшего друга!

Он сводит брови на переносице, глаза смотрят прямо, я такой прием видела в боксе при обмене взглядами двух противников. Хочется сделать шаг назад, но я, задержав дыхание, выпрямляю спину и выдерживаю атаку двух черных угольков. Кто ты такой, чтобы я тебя боялась, повторяю сама себе, не замечая, как сбивается дыхание и плывут перед глазами черты его лица. Наконец он решается заговорить, а я уже близка к обмороку.

— Черная Вдова собственной персоной, — кажется, вздрагиваю от ледяного презрения в его низком голосе. У Лекси вырывается протестующий вздох, а Эля, перестав что-то искать в телефоне, подходит ближе. Не из-за любопытства, мне кажется, что она готова защитить меня от любого, кто посмеет причинить боль после моего откровения о тех двух неделях. Ленка, на удивление быстро сообразив, становится между нами, закрыв собой два портала бьющего черного презрения.

— Или закрой рот, или повежливее с моей подругой. Ты меня понял?

— Понял, только разреши дать тебе совет, Лена, — осторожнее. Все, кто с ней трахались или дружили, имеют свойство заканчивать свой путь в сосновом гробу!

Я должна это проигнорировать, не обратить внимания — мне не нужен никакой скандал на пороге кафе и любопытные взгляды прохожих. Только его слова бьют наотмашь самыми хлесткими пощечинами из всех, что мне доставались. Не задумываясь о последствиях, отталкиваю Лекси — мне не страшно перед испепеляющим огнем его взгляда. Мне вообще в последнее время не страшно.

— Тварь ты перекачанная.

Я не планировала этого говорить. Мне забавно наблюдать, как дергается его ладонь. Он может свернуть мне шею одним таким ударом, если до этого дойдет, но я уверена, что нет, может, поэтому мне не страшно. Или я по тому же сценарию планирую убить одну боль другой. Пусть расплющит словами, хуже уже не будет точно. Еще один гвоздь в крышку гроба, только я погрызаюсь, ты сильно плохо меня знаешь!

— Довыдывалась? — Я рассматриваю его пальцы, сжавшиеся в кулаки, ловлю себя на не вполне уместной мысли — реально ли выдержать подобный удар. — Ты вообще теряла в этой жизни лучшего друга? Ты знаешь, что это такое, когда не можешь быть с ним даже в день похорон? Да теряла ли ты когда-нибудь что-то, кроме... — ему трудно совладать с эмоциями. — Кроме совести и девственности?

Он в ярости, я все понимаю. Сдерживаю желание ухмыльнуться от такого сравнения, потому что его слова не веселят. Они избивают своим пугающим смыслом.

Теряла ли я кого-нибудь? Да, «мистер лучший друг», я потеряла человека, которого любила настолько сильно, что автоматически списала все его грехи, что стала получать удовольствие от вещей, которые бы у тебя вызвали моментальный спазм всех дыхательных путей. Я любила его до такой степени, что не испугалась высоты в попытке шагнуть следом за ним, не испугалась смерти, когда меня пришли убивать, потому что это была единственная возможность вновь быть рядом с ним. Что это, если не любовь: желание

услышать навсегда в его руках, отдаться этому безумию, переиграть все, пусть не в свою пользу, только бы он остался жив! Я дышала только им, только его присутствие, прикосновения и слова зажигали мой внутренний огонь, который даже до сих пор не погас — он тлеет, утихает, но его лишь сильнее раздувают впоследствии порывы неистового ветра. Никто никогда не взлетал так высоко, как я в его руках, никто не чувствовал себя настолько любимой, восхитительной и защищенной!

Ты спрашиваешь, что я потеряла, кроме девственности и совести?! У тебя реально повернулся язык спросить у меня такое?

Глаза застит серо-розовая пелена с размытыми вспышками. Я не замечаю, что иду прямо на него, отеснив на несколько шагов назад, подумать только, гору мускулов и два метра роста негодования! Я больше не вижу его глаз, вернее, все еще смотрю в глянец черного лака, но не понимаю, что они выражают.

Теряла ли я?! Я?!

Не вполне соображаю, которая из девчонок опомнилась первой, кто из них так настойчиво пытается меня остановить, как и то, что я покинула защищенную навесом крыльцо, и мелкий дождь хлещет по щекам, по незащищенным волосам, которые вновь закудрявились от сырости. Я без зонтика, а будь он у меня, вообще бы забыла о том, для чего он нужен...

— Теряла ли я близких, Вова?

Я не повышаю голос. Он даже не дрожит. Я произнесла это в несвойственной мне тихой манере, наверное, никто, кроме нас двоих, этого не расслышал. Я даже не понимаю, что именно делаю. Мне есть, что ему сказать, но любые слова сейчас излишни, их будет нескончаемо много, и, возможно, они произведут нужный эффект, только я не хочу говорить.

Мне удалось отеснить его к автостоянке у кафетерия, оставив группу поддержки и любопытную аудиторию под навесом. Никто не увидит того, что я сейчас сделаю. Слов ничтожно мало, чтобы пояснить...

Рывок рукава плаща вместе с тонким трикотажем платья до сгиба бицепса... Резко. Сильно. В одно движение...

Первые несколько секунд ничего не происходит. Он все так же жжет меня напалмом ненавистного презрения, не отпуская взгляда, пока не улавливает нелогичность действий, опускает взгляд на руку... на изгиб моего локтя. На рваную полосу рассеченной кожи багрового цвета, варварский шрам, локационное сосредоточение самой сильной боли... и самого неоднозначного чувства, запечатленного на моей коже ярким оттиском с едва заметными пересечениями швов. Я не шевелюсь, у него достаточно времени. Что я пытаюсь этим сказать? «Смотри, до чего меня довел твой друг»? Нет. Совсем не это. Смотри, тебе достаточно этого свидетельства всепоглощающей любви, которая была слишком великолепна для того, чтобы не оставить метку во имя собственного перерождения?! Мне жаль, что я не могу, подобно зарубкам на снайперском прикладе, исчертить всю свою руку свидетельствами взлетов и падений! Но я бы это сделала, не раздумывая, если бы эта жестокая метка смогла вернуть его, хотя бы на миг!

Капли дождя растекаются по обнаженной коже. Им не смыть моей боли от потери, о которой так жестоко сегодня напомнили. Когда я снова встречаю его взгляд, он уже иной. Но мне сейчас не до диагностики спектра эмоций. Недоумение? Растерянность? Может, раскаяние? Я ничего не хочу знать. Мне на него плевать, я ничего не собиралась ему

доказывать. Если кому-то и хотела что-то напомнить... то только себе!

Проклятый дождь. Он не похож на летний, он по-осеннему холодный... Наверное, это мой рок, в слезах и под дождем... Уже который раз.

Девчонки что-то кричат вслед... голос Лекси, на повышенных тонах, но обращается она не ко мне... Ощущение как минимум трех чужих взглядов в спину. Как же это знакомо, забыть бы, стереть из памяти, вытравить, исправить, переписать... Почему нет такой возможности? Меня никто не догоняет. Я просто иду, не разбирая дороги. Пустынный парк — дождь всех разогнал по укрытиям. Тем лучше, я уже не понимаю, где слезы, а где дождь. Мои слезы с недавних пор больше не теплые, они пронзают холодом...

Мне не поможет ни церковь, ни храм Сатаны. Меня не излечить. Только принять, впустить в себя... Может, там, в покое, эта боль получит шанс уснуть навсегда...

Мокрая скамья... Опускаюсь, натянув плащ. Я смертельно устала. Я хочу к тебе на ручки. Просто прижаться и закрыть глаза, и вовсе не потому, что отказываюсь принимать дальнейшее. Даже если ты начнешь наматывать тяжелые цепи вокруг всех моих конечностей, это будет самой желанной лаской на свете. Даже если твоя ладонь накроет мои глаза, я буду тебе благодарна за этот спасительный мрак. Я очень устала быть без тебя...

Слезы катятся по моим щекам, смывая макияж. Знала бы, насладилась кофе вместо извращений с кистью и лайнером. Возможно, я заболела... пусть. Это же такой шанс для тебя. Забрать меня с собой, когда я буду заперта в стенах квартиры, в собственной постели. Сдерживая отчаянный всхлип, понимаю, что я должна перед этим успеть сделать что-то еще, попросить тебя там, где ты меня услышишь...

Пальцы не слушаются, с трудом находят визитку в недрах сумки... Потом пять минут на поиски телефона... Я набираю полные легкие сырого промозглого воздуха, перед тем как нажать кнопку вызова.

— Юля? — я не ожидала, что он ответит так скоро. Тем лучше. — Что-то случилось?

Конечно, ему трудно поверить, что я решилась, наверняка думал, что мне продали в супермаркете просроченное молоко или отказались обслуживать в салоне красоты.

— Валерий Дмитриевич, я хочу поехать с вами... на его могилу.

Он даже не удивлен, словно умеет предвидеть мои действия наперед. Я ошиблась...

— Конечно, Юля. Я очень рад, что ты позвонила. Когда у тебя заканчиваются пары?

— Уже.

— Я отправляю к тебе Сергея, ты его видела. — О, конечно, я помню этот «энимал плэнет» в собственной квартире. — Десять минут, никуда не уходи. Я буду ждать тебя на месте.

Вот и все. Скоро я буду так близко к тебе...

Почувствуй... Скажи, что я прощена и все еще любима. Ты мой кислород, ты мой глоток воды, мой ад и рай в одном флаконе... Только ты! Жди. Совсем уже скоро...

Дождь неумолим, а я промокла до нитки. Он безжалостно бьет по черному граниту надгробия, на котором замерли пятнами красной крови две гвоздики. Почему их должно быть четное число? Не надо искать в этом никакого подтекста, все просто. Ты и я. Они так красиво и органично вписались в эту тьму, легли крест-накрест на плоскости бездушного камня, капли дождя рассыпаются осколками бриллиантов по бархатным лепесткам. Дождь сейчас растерян. Он по инерции стекает мне за воротник плаща по промокнувшим волосам — я отказалась от зонта, а Лавров вместе с телохранителем оставили меня одну у могильной плиты. Может, оттуда проще целиться? Полчаса назад мне было все равно. Разве это не

романтично — лишиться жизни именно тут, где открывается портал к нему, самому дорогому человеку?

Нет, конечно, это все игры моего больного воображения. Я смотрю, как разбиваются бездушные капли небесных слез. Я могу видеть только это. Даже не фотографию, на которой ты улыбаешься в камеру, небрежно облокотившись на капот дорогого автомобиля. Она на какой-то миг словно ожила... Человек на этой фотографии жив. Теперь я в этом уверена. Как и в том, что капли дождя бьют по пустому надгробию.

Валерий Лавров останавливается за моей спиной. А он был не далек от истины, когда просил меня не плясать на могиле своего сына. Потому что мне хочется!

Я думала, упаду на мокрый асфальт, обнимая бездушный камень. Я считала, залью его слезами, сбивая в кровь кулачки, проклиная все высшие силы, что отобрали тебя. Максимум, в моем представлении, я должна была рыдать на плече у несостоявшегося родича, взхлеб рассказывая, как мне жаль. Может, я просто отказываюсь верить в то, что ты мертв? Нет, черт возьми. Я счастлива в это поверить, ты сильно мучаешь меня для того, чтобы я пришла к такому желанию!

— Сколько ему на этой фотографии? — Не поворачиваюсь, смотрю на гвоздики. Мне кажется, они шевелятся, хотя еще немного — и они пустятся в пляс прямо на надгробии, компенсируя то, что не сделала я.

— Двадцать пять. — Я скорее чувствую, что Лавров улыбается. — Представляешь, я отменил все дела на работе, чтобы провести с ним этот день рождения. Даже Ларису уговорил отменить свое присутствие на светском рауте. И что ты думаешь? Он остался? Новый автомобиль требовал немедленного тест-драйва. Мы его увидели только утром следующего дня.

Я поворачиваюсь, не успев сообразить, что именно так смутило меня в интонации голоса... В нем нет надрыва. Нет боли и сожаления, свойственных воспоминанию. Улыбка. Гордость. Тепло. Но не боль и не вселенская грусть! Несколько замерших во времени секунд, кажется, даже капли дождя зависают, замедлив свое падение. Меня охраняет от них купол черного зонта, но даже этот купол сумеречной тени не в состоянии скрыть метаморфозы в поведении стоящего рядом мужчины. Он не успевает опомниться, заметив, как пристально я за ним наблюдаю, и спешит надеть маску почти пришедшего в себя от горя примерного отца. Поздно. Мне многое становится понятным.

— Ты в порядке, Юля? — сухой официальный тон. А я на пределе, и мне хочется рассмеяться. Неужели он думает, что я ничего не чувствую? Это не могила! Это театральная декорация!

— Зачем вы врете? — я устала, промокла до нитки, и не вполне понимаю, чего хочу больше — прекратить этот фарс или убедить саму себя в том, что никто не погиб. Я бы это ощутила! Тебя нет рядом. Мне кажется, я ощутила даже твою насмешливую улыбку, так зеркально похожую на ту, которой улыбался твой отец. Кого вы оба пытаетесь обмануть, или ты забыл, что мы проросли друг в друга невидимыми цепями-креплениями, у нас в руках — бесценный дар считывать сердцебиение друг друга, поток мыслей и переживаний, до самого последнего жеста и неосознанного движения? Эта новоприобретенная суперспособность пришла ко мне с ответной любовью к тебе. Разве могла она родиться при ином раскладе, если бы я не прочувствовала тебя до мельчайшей клеточки, до самого неуловимого обрывка мысли, до всей глубины твоей одержимости с привкусом боли?

— Что ты хочешь мне сказать? — в голосе Лаврова стынет равнодушие.

— Там же нет никого! — обличающий жест в сторону надгробия. — Вы договорились меня свести с ума! Я говорю вам, хватит! Я все осознала!

— Ты устала, Юля. Тебе нужно выпить. Я не виню тебя, это тяжело. — Он пытается обнять меня за плечи, я с трудом сдерживаю желание вырваться. Просто понимаю, насколько это будет неуместно, хотя бы из уважения к тем, кто действительно погиб и лежит в сырой земле за соседними ограждениями. Сравнительный анализ работает против утверждений Лаврова и в мою пользу. Над иными памятниками и крестами словно зависла неразрывная тяжелая тень, переплетение боли, неотвратимости, слез близких людей, от них даже веет холодом, но здесь... Тут не то что нет обрывков сверхъестественного тумана, здесь легко и... пусто. Мои каблуки вдавливаются в утрамбованный грунт, под которым такая же пустота. Это высший дар провидения, и ему меня не обмануть!

— Сергей, мы едем в «Урарту», позвони и потребуй организовать мой стол...

— Я хочу домой!

Он смотрит на меня долгим, тяжелым взглядом... кажется, тысячи полярностей сменяют свое значение с отрицательного на положительное. Мы стали несколько ближе. «Барби» меня еще ни разу не обозвали за сегодня. Я ловлю эти магнитные завихрения в глубине его глаз, пытаюсь ухватиться за иллюзорную нитку... Пожалуйста, скажи... да обмани меня, в конце концов!

Тьма расступается. Вот сейчас я услышу то, что изменит мою жизнь и повернет неправильный мир в обратную сторону! Вот сейчас, вместе с последним откатом в глубине светло-ореховой радужки, имя которой решительность, и...

— Тебе нужно выпить и прийти в себя! Ты промокла до нитки. И я не знал, что это окажется так тяжело. Прости меня.

Момент упущен. Я почти вырываю из его рук фляжку, и коньяк обжигает горло.

— Не надо ресторана, честно, — обхватываю свои плечи, холодно. Виной тому не погода и не промокшая одежда. Холод от такого отношения. — Просто отвезите меня домой. Да и не при параде я для ресторана.

— Там никого не будет, кроме нас. Тебе надо успокоиться!

— Мне надо выпить противовирусного и горячего чая! — отрезаю я. Да уж, теперь я понимаю, что тебе во многом было плевать на сына. Как ты мне еще ключи от новой машинки не вручил в качестве профилактики от гриппа. Он смотрит на меня долго, словно испытывает. Затем кивает.

— Конечно. Береги себя.

Иногда наши плечи просто ломаются под грузом проблем и невзгод. Не в прямом смысле, конечно, не буквально. Когда однажды вся окружающая вселенная, вечный микрокосмос, объективно-субъективная реальность ополчились против тебя — в первый момент это вызывает шок. Неприятие. Злость. Депрессию. Панику. Снова депрессию. Это может показаться нечестным. Почему кому-то везет в этой жизни буквально во всем, а кого-то судьба-злодейка изощренно елозит лицом по грязи, гадко хихикая в спину? И ей не надоедает это занятие. Нет, она просто задалась целью придумать тебе пытку покреативнее! «Мне не везет», — говоришь ты себе в определенный момент, и, в конце концов, начинаешь в это верить. Твое невезение получило мощнейшую эмоциональную попытку, чтобы пить тебя, высасывать, лишая веры в хорошее, ломая твои поникшие крылья до тех пор, пока они не перестанут раскрываться. Полеты выдуманы мечтателями-неудачниками, охотно нашептывает тебе на ухо юмористка-реальность, и ты ей охотно веришь. Ты полагаешь, что

смирилась, ненавидишь себя и свои терки с фортуной, потом — окружающих, чтобы однажды поставить на себе надуманный крест неудачи. Всегда будет много окружающих, которые завидовали твоему полету — они охотно забьют очередной гвоздь в твой гроб. Но вот в чем парадокс. Ты будешь сетовать на судьбу и ненавидеть ее, а тем временем...

Фортуна в недоумении. Кто сказал, что она от тебя отвернулась? Она держит тебя в таких крепких объятиях, в которых никогда не будет держать самый любящий и идеальный мужчина. Что? Неприятности? Все не так, как ты хотела?

А кто сказал, что она будет вести тебя навстречу твоему счастью по изогнутой радуге в компании стайки розово-фиолетовых бабочек, угощая эскимо и рассыпая лепестки роз под твоими ногами? Ах, ты думала, что именно так выглядит путь к счастью? Непробиваемый тупизм.

Радуга внезапно оказывается миражом, изогнутой иллюзией — и совершай ты этот переход, упала бы на асфальт, переломав ноги. Если бы она выдержала — что стоит поскользнуться на гладких розовых лепестках? От пыльцы на крыльях бабочек может начаться аллергия с анафилактическим шоком и прочими прелестями. И так бы оно, скорее всего, и было, но Фортуна рядом, она избрала для тебя иной путь. Да — тернистый. Да — непонятый до конца.

Отсчет пошел. Уже через несколько месяцев ты это поймешь. Так быстро и так мучительно долго. Пока же очередное событие, финальный штрих неудачного дня лишен логики, а ты сильно устала, промокла и расстроилась, чтобы искать ему пояснение или же видеть дальнейшие перспективы.

...Последние шаги до крыльца подъезда, спасительного навеса, чтобы уже через минуту максимум — коньяку покрепче, горячую ванну и таблетку снотворного. Лети в свои красочные сны, позволяй убивать себя каждое мгновение сновидения-реальности, потому что у кого-то цель такая — сводить тебя с ума. Поспеши. Уже давно не лето. Промокла и наверняка заболеешь...

Зависший во времени и пространстве звук чужого и одновременно знакомого голоса — гораздо раньше, чем его обладатель попадает в поле моего зрения.

Ему не нужно говорить громко. Собственно, ему ничего не нужно говорить. И я ведь была почти готова к его появлению... Ну что мне стоит признаться самой себе?! Именно готова! Не уловить этой связи с ним после Элькиных фотографий и ее набирающего обороты романа с Денисом, с ощущением кратковременной эйфории, которая выдала себя с головой, устав давать намеки, она заявила прямым текстом: «Скоро случится что-то хорошее»... Да названием клуба, в котором я увидела его впервые, в конце концов!

Я не привыкла его видеть таким. Раньше мне казалось, что совсем не узнаю без костюма и галстука. Распахнутые полы кожаной куртки. V-образный вырез пуловера. Джинсы. И наверное благодаря именно такому имиджу я не срываюсь с места, не кричу и не застываю от страха. Я прекрасно помню, кто он. Я не забыла, как о нем отозвалась Эля. Я никогда не забуду ту самую ночь, когда панический ужас просто швырнул меня к его ногам... Я все это помню и знаю, и вряд ли когда-нибудь забуду. Но он другой. Когда я встретила его впервые в том самом клубе, мне хотелось убежать или превратиться в бесплотную тень, настолько сильной была аура несгибаемой власти и мирового господства, которая неумолимо раздавила б, поглотила, вывернула наизнанку, распылив на красную атомную пыль, как в экранизации романа Герберта Уэллса.

Пронзающие кинжалы неумолимого взгляда, — или же все не так: беспечный и

умиротворяющий зеленый омут, который психологи справедливо назвали цветом релаксации, — затягивают петлю кожаного ошейника на хрупкой шее ослабленной воли, не позволяя опустить глаза. Впрочем, я и не пытаюсь. Держу взгляд этого потрясающе сильного мужчины, рядом с которым утихают порывы шквального ветра, бережно опуская в эпицентр торнадо, где полный штиль, яркое солнце и окно голубых небес. Рядом с ним — замкнутый периметр, в котором меня больше никто не тронет. У него дар менять реальность и отсекал тяжелые мысли, кажется, исчезает угроза всему, кроме него самого, но разве может он быть угрозой для меня?!

Я только сейчас замечаю, что он потрясающе красив истинной мужской красотой, совсем не той, что пытается навязать современный глянец. Впрочем, я никогда этого и не отрицала, но боялась рассматривать и признаваться сама себе. Четко очерченные высокие скулы, волевая линия подбородка и едва заметные морщины мудрости, прочертившие высокий лоб, эффектные нити благородной седины на висках, идеально прорисованная линия тонких губ... Когда-то я запретила себе думать, на что же похож поцелуй такого мужчины. Вряд ли в подобной ситуации я бы думала об этом, но последние события выбили из колеи, и сознание цепляется за несвойственные ему виды экстремального спорта. И я почти забываю, что передо мной, со слов Димы и его собственных слов, самый страшный и властный альфа-доминант этого города. И у него имя египетского бога тьмы, только я вижу слабый сумеречный свет вместо беспросветного мрака.

— Здравствуйте, — мой голос даже не дрожит. Миг, и купол черного зонта закрывает от меня серую хандру осеннего неба, холодные капли дождя и все неприятные моменты сегодняшнего дня.

— Не самое удачное время для прогулки под дождем. Кстати, мы уже второй раз встречаемся при сходных обстоятельствах. — Уверенный и спокойный тембр обволакивает, согревая непонятым теплом, я не осознаю пока, что имя ему — безопасность. В его взгляде улыбка, искорки умиротворяющего веселья. — Надеюсь, ты пригласишь меня войти?

Всего лишь дверь... подъезда, лифта, затем квартиры... Но почему я вижу в этих словах иной, и пока что не пугающий подтекст? Неуместная ассоциация с вампирами, которым нужно приглашение в дом жертвы, неумолимо сводит лицевые мышцы в ответной улыбке. Так легко ответить, не сжимаясь от страха, лишь согреваясь приятным волнением. И я делаю этот шаг навстречу, даже не пытаясь анализировать, что же это — мое решение или подчинение телепатическому приказу.

— Конечно. Пойдемте...

— Протестовать — это принципиальная позиция?

Очарование внезапной встречи разрушено. Может, на моей территории его оружие теряет свою силу, чары гипноза рассеиваются в пыль, словно их никогда и не было, а железная воля ослаблена, потому как ей приходится вступить в схватку с волей незримого обитателя моей обители, который не намерен отпустить, более того, сам заграбастал себе право прошивать мое сознание своими алыми нитками до идеальной глади ручной вышивки?

Снимаю промокший плащ, поджимаю губы, отметив, что платье тоже стало влажным. Хочется его поскорее стащить, только перед незванным гостем это трудновыполнимо. С тоской смотрю на теплый красный махровый халатик с капюшоном и теплые домашние сапожки такого же цвета. Почему я не распрощалась с ним прямо у подъезда, ведь ничего не стоило сослаться на усталость и плохое самочувствие — не умею я играть в радушную хозяйку с такими мужчинами и в таком состоянии! Проникновенный взгляд в зеленый омут непримиримых источников поглощающей власти. Я слишком устала, чтобы это говорить, читай по глазам: доставил домой, удостоверился, что все в порядке — пора и честь знать!

Как же плохо я его знаю. Сама пригласила льва на чаепитие в свою берлогу, теперь не выгнать. Такие сами решают, уйти им или остаться, и этот, кажется, все уже решил.

— Юля, давай ты перестанешь со мной пререкаться и примешь горячий душ!

Я бы запрыгнула в кабинку с порога, если бы его не было рядом! Меньше всего мне хочется греться под теплыми струями воды, зная, что в квартире находится мужчина, которому ничего не стоит высадить дверь в ванную при желании! Да черт... ему достаточно просто мягко, но непреклонно приказать не закрывать эту гребаную дверь, и я пойму, что послушалась, лишь спустя время!

— Я не буду туда заходить! Тебе мало моего слова?

Мне его достаточно, только... Мой озноб совсем не от холода и промокшей одежды. Это защитная реакция. Нокаутированное встречей сознание опомнилось, стряхнуло золотистые сети чужих сплетений внушения, и не мне винить его за это, инстинкт самосохранения неистребим. Я понимаю, что, если не согреюсь сейчас же, ОРЗ как минимум мне обеспечено, а чем это может обернуться на фоне не так давно перенесенного бронхита, не стоит даже думать. Сделав над собой последнее усилие, перекидываю через руку халат и прижимаю к груди мягкую домашнюю обувь, создавая неубедительный барьер между нами двумя.

— А вы...

— А я посмотрю, что есть у тебя на кухне! Тебе не нужен сейчас поход по терапевтам.

Когда я возвращаюсь в комнату, покрасневшая после горячего душа, с влажными волосами, в объятиях мягкого халатика и с капелькой духов на пульсирующих точках шеи, мне кажется, я готова свернуть горы. Почти... Вот сейчас...

Да ну вас на фиг. Пусть стоят себе и дальше!

Он сдержал свое обещание. Я провела в душе минут двадцать, и за это время он ни разу не нарушил моего уединения стуком или словом. Сложнее было решиться выйти к нему. Боялась ли я? Да, я в этом себя так усиленно убеждала, придавая мокрым волосам сексапильную укладку, подчеркивая форму бровей и выбирая аромат духов.

Врать самой себе — высшая форма эгоизма и самоуспокоения. Перекладывать вину на кого-то еще, кроме себя — высший пилотаж психологического исцеления. Я забиваюсь в угол дивана, натянув повыше плед, играю роль в плохой мелодраме: никаких решений я не принимала, этот потрясающий мужчина сам явился сюда, а я так промокла под дождем, что забыла напрочь фразы типа «вон отсюда», «встал и ушел», «хочу побыть одна и это моя территория!». Ну и что с того, что он выглядит, как Джеймс Бонд, его манеры безупречны, а взгляд только что вызвал непроизвольную мысль с пересчетом на дни и минуты — как долго у меня не было секса? Это совпадение, ничего больше!

Он просто сидит напротив, сцепив в замок сильные пальцы, на которые я стараюсь не смотреть, опасаясь очередного волнового наката эротического порыва. Мне кажется, что он сам намеренно провоцирует подобную реакцию-отклик в моем теле одним усилием мысли, но благосклонно ограничивается беглой экскурсией по глубинам моей души, чтобы не напугать и не травмировать непривычным и нелогичным в свете последних событий внушением. Его невысказанное желание не имеет ничего общего с одержимостью, с глубоким проникновением до самой сути, это легкое тактильное поглаживание с одной лишь целью: согреть, успокоить, нивелировать всю отрицательную энергетику тяжелого дня, прогнать тяжелые мысли и лишь слегка надавить на сенсорные кнопки зарождающегося доверия. Одно осторожное касание мягкими подушечками пальцев, перед которыми может легко расступиться тьма, поселившаяся в каждой закоулке неумелыми действиями призраков недавнего прошлого. Мягкий, вместе с тем убедительный взгляд вызывает давно забытую волну приятного смущения, и я даже рада, что покраснелась после душа — этот румянец можно легко списать на действие горячей воды. Он и здесь безошибочно считывает мое состояние, и через несколько минут возвращается с моей чашкой... Ноздри щекочет аромат корицы и кардамона с апельсином.

— Пришлось откупорить одну из бутылок вина в твоём баре. Но здоровье дороже, согласна?

Сжимаю пальцами горячий фарфор. Глинтвейн? Моему изумлению нет предела. Я ожидала много чего, но этого... Горло щиплет от непонятного ощущения — то ли горячие винные пары так подействовали, то ли я почти растрогана таким проявлением заботы. Откуда у меня специи? Как можно было на моей кухне приготовить это великолепие, лекарство от любых простуд и осенних депрессий? Делаю осторожный глоток этого ласкового согревающего огня, пытаюсь спрятать улыбку. Мой незванный гость в состоянии создать шедевр из всего, за что ни возьмется, будь то горячий напиток или же атмосфера почти семейного уюта в моей остывшей квартире. Отстраненно наблюдаю, как он ловко включает секционный обогреватель, выставляя нужную температуру, расслабляющее тело идет волнами по всему моему телу. Мне реально больше не страшно от его присутствия, сколько ни повторяй себе, кем он является на самом деле и как сильно я была напугана при нашей первой встрече! Я даже не напрягаюсь от внутреннего протеста, когда он уверенно снимает с полки электронную фоторамку. Так часто забываю ее выключить!

И тут у меня появляется уникальный шанс увидеть его улыбку... Не наигранную (хочется верить), не направленную на мое окончательное умиротворительное порабощение, а впервые открытую, ту самую, от которой бывает так трудно удержаться. Она расслабляет лицевые мышцы, не оставив маске хладнокровного показательного диктата ни малейшего шанса, противостоять ей не может даже самый стойкий самоконтроль, возможно, это уровень забытых инстинктов, которые очень сильны внутри каждого из нас, которые не

сбить даже цивилизованному обществу. Она настоящая, жизненная, тот самый фатальный случай, когда сопротивление бесполезно, да и просто не нужно. Ты так легко выпускаешь ребенка, которым когда-то был и который остался жить внутри тебя. Это может повредить имиджу в определенных случаях. Упавшая маска сильного и непримиримого мужчины, который привык все держать в своих руках, но сейчас этот момент кратковременной слабости работает не против, а за. Я могу видеть его настоящего. Совсем чуть-чуть, на мгновение приоткрывшуюся занавеску, но этого достаточно, чтобы некогда похороненное доверие вздрогнуло в своем анабиозе, ускорился бег его крови. И совсем скоро прекратился долгосрочный коллапс. Ни одна эмоция не умирает, она засыпает до более подходящего случая. Наверное, всем нам нужен отдых на пороге перемен, которые готовы постучаться в твою жизнь, и стечением обстоятельств они сами выберут подходящий момент!

— Эта девочка любит играть в песочнице? — он поворачивает ко мне фоторамку, не пряча искреннюю улыбку, и я, увидев изображение, не могу сдержать порыв смеха. Да, я там действительно в песочнице. На детской площадке. Спросите, что же в этом такого? Да ничего, абсолютно, только мне на этой фотографии 18 лет. Крутой контраст между пародией на замок из песка и стильно упакованной девчонкой в поддельных лабутенах с алой подошвой, тоже попавшей в кадр? А с выражением личика а-ля «я в игрушечном магазине»? Тогда мы отжигали круто. Даже без алкоголя. Это Эля никак не могла наиграться новым фотоаппаратом. Эля?

Нет, я не напрягаюсь. Кажется, вся эта взаимосвязь начинает вырисовываться в сознании в одну сплошную линию. Он ведь действительно не мог появиться на пороге моего дома просто так. У таких мужчин нет случайных и непродуманных шагов. Может, надо бояться, а я устала. Просто не хочу. Делаю глоток и сжимаю губы, чтобы не смеяться.

— Ну а что такого? Там все равно песочка всем хватит.

— Вижу, твой отчим сдержал свое слово? По поводу подарка?

Новый кадр...

— Вообще-то, да. Только это не мой арбалет. Мне подарили настоящий, а это так, пистолетик... — Я впервые пристреляла этот вид экзотического оружия на студенческой вылазке за город. Кто-то привез его с собой, чем вызвал приступ восторга и желание обладать подобной игрушкой в ту же секунду. На этой фотографии я позирую с таким удовольствием, которого не воспроизвести ни на одной профессиональной фотосессии.

Он садится напротив, чуть сведя брови, когда я отставляю чашку на тумбочку.

— Нет, его надо пить, пока горячий. И не раскрываться. — Кивок на сползший к коленям плед, и вроде бы ничего не изменилось, но что-то в его словах не позволяет возразить и ослушаться. Поводья контроля никто не отпускал ни на миг, они были всегда. Даже когда мне показалось, что его искренняя улыбка изменила замкнутую систему формирующихся взаимоотношений. Только это не вызывает протеста и дискомфорта. Иная реальность, где нет угрозы. Как ему удалось наполнить меня концентратом убаюкивающей безопасности с ощущением тепла неподдельной искренней заботы и стремления оградить от боли и недавних воспоминаний? Я не думаю ни о чем плохом, просто наблюдаю за выражением его лица при просмотре очередной фотографии.

— Байк? Любишь скорость? — Алекс поворачивает рамку ко мне. Здесь я уверенно позирую верхом на железном коне Брюса. Как давно это было! Тогда я упилась беспечной свободой до самых краев, в стремлении сбежать от... Я не хочу думать!

— Я не умею. — Делаю глоток обжигающего глинтвейна. — Очень хочу... Но, говорят,

это страшнее, чем на авто!

— Это требует очень детального изучения. Если, конечно, не рваться в первый же день выписывать фигуры байкерского пилотажа. Как вот здесь. — Фотография с потрясающим фристайлом бесстрашной Милы. Даже он выглядит потрясенным тем, что вытворяла эта белокурая валькирия на той сходке. Ровно до тех пор, пока эту фотографию не сменяет новая. Тренировка. Джаз-фанк.

— Все никак не вернусь в группу, — зачем-то оправдываюсь я, пожимая плечами.

— Дело в недостатке свободного времени? Или в чем-то другом?

Его пронизательности позавидовали бы специалисты из Ми-6. Потому что времени у меня достаточно для танцев и всего остального... Я боюсь вновь ощутить эту беспечную свободу, которую оказалось так легко отнять. Потому что потерять ее во второй раз будет равносильно смерти! Непонятный блок, который не даст себя отпустить в хаотичный танец, пока я каждой клеткой помню острые шипы насильственного подчинения чужой воле. Я пыталась, в клубе. И не раз... Я просто не смогла. Нет свободы в мыслях, а в мнимых оковах красиво не станцевать...

— Я не знаю. Правда...

— Не проходит? Держит?

Твою мать... Он что, умеет читать мысли? Ласка-поглаживание теплого взгляда не позволяет мне захлопнуть створки вымышленной раковины, единственное, что я могу, просто опустить глаза.

— Все пройдет. Даже если сейчас кажется, что невозможно. Это даже можно ускорить, — его голос обволакивает ласкающим шелком мягкого внушения.

— Вы думаете, я не пыталась?

— Жизнь на самом деле не стоит делить на «до» и «после». Обстоятельства не меняют нас, меняемся только мы сами. Иногда в это сложно поверить, но нет таких жизненных ударов, которые не оставили бы шанса подняться и начать все заново. Может, с новым приобретенным опытом, который в данном случае действительно делает нас сильнее и крепче.

Я слушаю его с ощущением необъяснимого очарования, и мне хочется слышать его голос как можно дольше. Снова и снова. Потому что рядом с ним я не вспоминаю о Диме! Более того, мне не требуется прилагать никаких усилий, чтобы прогнать эти мысли, они сами рикошетят в никуда, ударившись о купол защитного биополя, сплетенного усилием его воли! Мне даже сложно поверить, что недавно я сравнивала этого человека с самым опасным из всех хищников. Я даже с Димой не ощущала себя настолько защищенной и спасенной в периоды его нежности...

Горячий глентвейн согревает не только тело. Согрета моя сущность, в которой медленно тают осколки травмоопасного льда. Мы знакомы всего ничего, и в то же время не покидает чувство, что я знаю его всю жизнь, просто никогда не пыталась расшифровать этот таинственный манускрипт, исписанный вдоль и поперек древнеегипетскими символами! Время замедляет свой бег рядом с ним. Я не хочу думать о том, что будет, когда он уйдет, и я окажусь бессильна перед объятиями тьмы.

— Вы приехали по работе, да?

Он отставляет рамку в сторону, а я с толикой непонятного, но приятного волнения слежу за его руками. Не так давно мужские руки стали моей слабостью. Хочется рассмотреть рисунок линий жизни и судьбы, провести по ним, осторожно нажимая

пальцами, пока без всякого подтекста зарождающейся симпатии... Мне просто очень хочется это сделать!

— Некоторые дела требуют моего присутствия в городе. Но я бы не назвал это работой. Когда находишь дело своей мечты, ты не работаешь ни дня в своей жизни.

— Эля — совпадение? — я не планировала этого говорить, но меня уже не остановить в стадии доверчивого расслабления. — Она же не фотограф высокого уровня, а для такой съемки...

Черт... Я готова ударить себя по губам. Особенно зная, как моя Эллада его боится. Вот так, Юля, ты стала находкой для шпиона! Все, что понадобилось — горячий глинтвейн и его улыбка...

— Верно, — вопреки моим опасениям, он не хватается за мою оговорку, как за повод надавить посильнее. Наоборот, видит искорки волнения в глазах, и тут же мягко гасит это переживание теплой улыбкой. — Она не фотограф. Она фотохудожник. Она не мыслит техническими категориями, ее взгляд на вещи опирается только на постулаты творческой эстетики. Очень много известных фотографов со временем теряют эту суперспособность. Визуально это никак не проявляется, наоборот, зритель может восхищаться постановкой света, компоновкой полутеней и подбором удачного светофильтра, но... Они безжизненны. Глядя на эти снимки, ты рисуешь завершающие штрихи в своем воображении, это только твое видение, и даже не догадываешься, насколько оно может расходиться с изначальной задумкой мастера. Все потому, что ты не видишь в них его отдачи. Другое дело, когда фотограф горел этой идеей настолько, что вложил большую часть своих эмоций в работу. Тогда тебе не нужно придумывать детали — снимки приобретают определенный магнетизм, который не может остаться незамеченным. Это ценнее самого высокого профессионализма. Я всегда использовал в ведении бизнеса нестандартный подход.

— Мне очень понравилось... Только... вы же не станете ее за это наказывать? Она просто вышла на несколько минут, а я сама полезла в этот фотоаппарат...

Я несу чушь, но в его присутствии легко даже это. Его брови только чуть сводятся при слове «наказывать», а в глазах пляшут веселые искорки. Вместе с улыбкой — убийственное сочетание.

— Понравилось, говоришь?

Я опять краснею. Но нет этого панического желания, сбежать или натянуть плед на голову, оно не возникнет даже в том случае, если он сейчас предложит воплотить в реальность те самые варианты обвязки в черно-красных тонах. Нервничаю? Безусловно. Поэтому спешу сменить тему. Лучше бы я этого не делала...

— Если у нас откровенный разговор, просто скажите прямо: «да» или «нет».

— Юля. — Откуда, вашу мать? Я ведь еще не задала того самого вопроса, даже не сформировала его в своем воображении... Я не успеваю выдержать мхатовскую паузу. Искры веселья гаснут в его зеленых глазах, и я инстинктивно сжимаюсь, наблюдая, как с лица эмоции, возвращая мне его прежнего — совсем не того, кто только что поил глинтвейном, умилялся фотографиями и рассказывал о том, что жизнь не заканчивается, что нам под силу преодолеть любые обстоятельства. Того, кого я до нервной дрожи испугалась в холле того самого клуба, из которого хотелось бежать сломя голову. Того, кому я готова была бросить себя на растерзание, только не умирать на медленном огне всепоглощающего страха. Как легко было об этом забыть, и понадобилась самая малость — проявление отвлекающей заботы. Глинтвейн, улыбка, показавшаяся искренней, и моя бесконечная

усталость, которая ослабила все защитные барьеры! Кажется, вздрагиваю, когда он поднимается, сжав пальцы в кулаки. Лицо — застывшая маска хладнокровного киллера. Черт, я не хочу снова. Пожалуйста, верните его прежнего. Я передумала задавать свои вопросы, потому что он реально читает мысли!

— Пообещай, что перестанешь об этом думать! Прямо сейчас.

Как я могу об этом не думать? Я могу забыть на время, пока он здесь, если только снимет эту маску, при виде которой у меня начинают дрожать пальцы и сжимается горло. Мне должно быть все равно, что он со мной сделал за прошедший час? Перенастроил на свою радиоволну, забрал мою волю, накинул тонкую сеть, которая сделала меня такой зависимой от колебаний его характера?

— Не перестану. Потому что там никого не хоронили. Вы думали, я этого не пойму?

Меня потряхивает, только не от страха. Скорее, от собственной смелости. Я даже не отвожу взгляда, когда он делает шаг навстречу и протягивает руку... закрыть мне губы своей ладонью?

Да уж, мое воображение меня добьет рано или поздно. Подхватив двумя пальцами ручку чашки, он выходит из комнаты, не сказав ни единого слова. А когда возвращается, мне удастся успокоиться, или мне так кажется? Мысли путаются, и за новую порцию глинтвейна я хватаюсь, как за спасительный трос. Повторить вопрос просто не решаюсь потому, что впервые за вечер он очень близко, на расстоянии вытянутой руки, в зоне моего личного комфорта — что бы там ни говорили, это уже не личное пространство, это вторжение-слияние, от которого не сбежать, сколько ни вжимайся в спинку дивана, но это больше не пугает... Накрывает внезапно яркой волной знакомой беспомощности, уязвимости с эйфорическими вспышками в сознании, слегка захмелевшем от горячего вина со специями! Это теперь моя стихия? Это те самые якоря, которые вонзились в беззащитную плоть моей души своими заостренными изогнутыми наконечниками, которые невозможно безопасно извлечь, не разрывая кожный покров? Мне будет комфортно только так, при мнимой или же реально осязаемой угрозе, в слезах с привкусом сладости желанных капитуляций. В конвульсиях надрывного протеста, от которого я буду получать куда больше удовольствия, чем от обычной ванильной ласки... Это не лечится. Я наконец-то впустила это в себя так глубоко, как не могла прежде. И я бы сошла с ума от подобного осознания. Если бы не его присутствие и купол сильнейшего биополя, остановивший поток тяжелых мыслей о том, что есть правильно, а что недопустимо...

Я инстинктивно тянусь к фоторамке, пытаюсь избежать волнуемого нетактильного контакта с находящимся рядом мужчиной. Я не вполне к этому готова, но все же уверена в его благоразумии посильнее, чем в собственном. Ощущения при этом совсем незнакомые... Ты прекрасно понимаешь, что он считывает каждую твою эмоцию, на этой территории для него нет секретов.

— Дельфины? — я не понимаю, о чем он, пока не перевожу взгляд на рамку. Это в дельфинарии, однажды мы вырвались на представление. Кажется, я там откровенно заскучала.

— Да, это в нашей дельфинарии. Год назад.

Александр сжимает пальцы на рамке, намеренно не задевая мои, словно стараюсь пощадить мою ранимую психику, и вглядывается в изображение.

— Тебе понравилось?

— Не совсем. К ним не разрешали приближаться, а посмотреть подобное можно было и

по телевизору. Так себе шоу.

— Никогда даже не гладила? Не пыталась уловить эхолокацию?

— Нет, я их всегда видела только издалека. Хоть и выросла в Крыму.

Он удовлетворительно кивает, а горячий хмель вкусного лекарства берет свое...

Непроизвольно зеваю, забыв прикрыть рот ладонью. Это тоже не остается незамеченным.

— Ты очень устала, тебе надо отдохнуть и выспаться. — Безапелляционный тон не подлежит обжалованию, да я и не пытаюсь. — Мне бы очень хотелось увидеть тебя снова. Это возможно?

«Разве тебе... вам... можно это запретить?»

От обреченно-волнующей мысли позвоночник оплетают сладкие спирали. Я ловлю его взгляд, внутренне вздрогнув, когда тонкие губы сжимаются в жесткую линию.

— Юля, это должен быть твой выбор и твое решение. Если ты не готова или не хочешь, я прошу тебя сказать об этом прямо. Прекращай видеть угрозу там, где ее нет и никогда не будет!

Моих сил хватает только на кивок. Он не доволен. Я это скорее ощущаю, чем вижу.

— Завтра я позвоню тебе и мы решим, стоит нам встретиться или нет. Ты согласна? Когда я могу набрать твой номер, чтобы не помешать?

Он играет по установленным обществом правилам. Галантное ухаживание. Мнимый выбор. Полноте. Такие мужчины уже все решили изначально и дают лишь иллюзию свободы. Но с ним это не вызывает протеста!

— У меня пары заканчиваются в три часа дня.

— Продиктуй мне свой номер телефона, — мягкий приказ, которому я просто не могу не подчиниться. Может, потому, что он ведет себя иначе? Нет насмешки-иронии и внутреннего самолюбования собственным превосходством в его словах, только обволакивающая серьезность, взвешенность каждого произнесенного слога и мягкое внушение тепла с привкусом безопасности. Он мастерски умеет плести подобные сети, взрослый мужчина с потрясающим опытом за плечами. Я же не сумела выиграть в противостоянии с тем, кто был младше и слабее, с тем, кого я смогла прочесть, как открытую книгу, но абсолютно ничего не смогла сделать с полученными знаниями, столкнувшись с проявлением непримиримой силы. Я просто осознаю, что не буду воевать с тем, кого, во-первых, не победить, а во-вторых, с тем, кто сам не хочет никакой войны. Если, конечно, маска харизматичного миротворца не направлена на то, чтобы усыпить мою бдительность и затянуть узлы обладания в решающий момент.

Однажды ты устаешь бояться каждого колебания ветра и собственной тени. Настолько, что готова укрыться от порывов холодного дождя в пасти тигра. Но без интуиции никуда, если уж она так легко подпустила тебя ближе — наверняка у нее были на то все основания?

Этой ночью мне удастся заснуть почти моментально — кажется, вот только успела закрыть за неоднозначным гостем двери, расстелить кровать и завести будильник, как угольно-черная пелена накрыла непривычным теплым покрывалом с несвойственным ей прежде неоновым свечением. Только тупая боль несколько раз сжала виски, словно пытаюсь вырвать из объятий сна, но так же быстро отступила. Внезапная мысль вызвала у меня довольную сонную улыбку. Кончилось тут господство твоей черной неумолимой тени, Дима. На сегодня так точно!

Новое утро не похоже на предыдущее, я все еще очарована, пленена, заряжена обволакивающей заботой вчерашнего гостя. У него действительно дар изменять

пространство и время в отдельно взятом периметре! Я не помню, что мне снилось, но нет тяжелого осадка после полноценной ночи в объятиях Морфея. Даже попеременно горячие и холодные струи контрастного душа больше не секут плетью чужого диктата вместе с непристойными мыслями, они заряжают энергией, удвоившей отдачу от десятиминутного танца. Обжигающий кофе. И сегодня он именно кофейного цвета, цвета обжаренных зерен, а уж никак не радужки чьих-то глаз! Облачаюсь в длинное бежевое платье, чулки в тонкую сетку, которые — о чудо! — ложатся второй кожей, без стрелок-зацепов-разрывов. Кокон переплетения защитных лазерных лучей держит оборону от вторжения извне, и впервые за долгое время я не прилагаю усилий, чтобы выбросить из головы призрак недавнего прошлого — его туда независимо от меня что-то не пускает!

Подкрашиваю ресницы перед большим зеркалом в ванной комнате, набрав на кисть рассыпчатые румяна, веду уверенный от скулы к виску, — повседневный макияж завершен без всякой аритмии и желания поскорее покинуть зону с зеркалом. Я даже не вспоминаю о своей новообретенной фобии! Ну, лишь на мгновение, когда остается финальный штрих — блеск для губ и капелька любимых духов на точки пульсации — я осознаю собственное бесстрашие вместе с внезапно потускневшим освещением и ощущением тяжелого взгляда за спиной. Ты же не выпустишь меня из своих когтей так просто, ты всегда был слишком крутым для подобного проявления милосердия. В твоей интерпретации это слабость!

Замираю на миг, перед тем как встретиться в зеркальном отражении насмешливо — решительные искры собственных глаз. Чувствую очень четко, как бьется в приступе бесконтрольного бешенства невидимая глазу тень за спиной, и, наверное, я знаю, что с ней делать! Пальцы обеих рук сгибаются — все, кроме средних за миг до того как отразиться в хладнокровной амальгаме.

If you were dead or still alive — I don't care. And all the things you left behind, I don't care!

(Погиб ты или все еще жив — мне все равно! И на все, что осталось после тебя — мне наплевать!)

Я не зря танцевала утром с таким драйвом именно под эту мелодию. Нет случайных событий в неразрывной цепи под названием «Моя жизнь». Откуда этот ненормальный прилив сил? Мне кажется, так теперь будет всегда. Я не хочу думать о том, что это временное состояние эйфории скоро испарится без следа, внутренняя... нет, не богиня, амазонка, натягивает тугую тетиву лука перед контрольным выстрелом в лоб собственной затянувшейся депрессии. Я выживу, твою мать, я вытравлю тебя из собственной крови, перед тем как влить новую в свои крепкие сосуды! Я сдеру тебя скрабом из алмазной пыли не самой мелкой фракции со своей кожи, из своих мыслей путем вливания новых эмоций, из своей жизни, в конце-концов! Ты напрягся? Задергался? Правильно понимаешь, не зря боишься! Ты никто, всего лишь бесплотная тень, бестелесный фантом, плод моего травмированного воображения! А что бывает с тенями-призраками, когда их жжет огнем ослепляющего потока чужой решительности? Правильно! Они умирают! Ты чувствуешь жар выжженного периметра, защитного круга, приближающиеся языки пока что ласкового пламени? Грейся в последний раз, потому как скоро очоленеешь во льдах вечного забвения по имени «я переболела тобой»!

Я так уверена, что теперь этот боевой задор не пройдет... Приезжаю в академию на полчаса раньше, с удовольствием выпиваю латте в своем любимом кафетерии, уворачиваюсь от объятий девчонок, которые вчера переживали, но не решались позвонить и побежать следом... Смеюсь, слушая рассказ Лекси о том, как досталось Вове, и ловлю себя на мысли,

что он имел полное право поступать так, как поступил, но при этом я тоже была права. Подруги ошарашены моим зажигательным драйвом и не могут понять, в чем дело. Если б я сама еще это понимала!

Волнуюсь ли я перед встречей? Может, чуть-чуть — до звонка подтверждения и неконтролируемо сильно — после него! Ядовитые дротики мягкого, но такого властного голоса проникают в кровь, словно подготавливая для дальнейшего вторжения... вторжения...

— Юлька, блин, ты меня чуть не облила! — шипит Лекси, удерживая в моей ладони чашку с едва не пролившимся кофе. — Ого! Что с тобой? Закрой рот, гланды простудишь!

Я представляю, как выгляжу со стороны, нокаутированная эротической ассоциацией, так и не закончив в уме фразу «вторжение в мои мысли». Челюсть действительно не мешало бы подобрать!

— Она покраснела, — злорадно хихикает Эля, оглядываясь. — Нет, облом! Я думала, тут только что прошел голый Дэвид Ганди, судя по ее глазам!

Я не обижаюсь. Я смеюсь вместе с ними, наотрез отказываясь давать какие-либо комментарии. Мне же самой легко списать все на железную формулу «давно не было секса». Даже Ярик держал меня на голодном пайке, прикрываясь непонятно кем озвученным постулатом «чем выше уровень Верхнего, тем позже он поднимает вопрос о фелляции». Только попытка пустить мысли на территорию фантазий заканчивается выбивающим ударом шока-страха-волнения с привкусом обреченности, которая никогда не была горькой на вкус. Да, Юля, на войне — читай: в попытке вытравить образ Димки из памяти, все средства хороши? Особенно секс с альфа-самцом, уровня которого тот бы не достиг никогда? Почему мне хочется забиться в угол и никогда оттуда не вылезать даже при осторожном дефиле по грани опасных фантазийных образов?

Социология немного расслабляет, хвала мастерской лекции преподавателя. Мне удастся успокоиться и перестать считать кубики пресса на торсе Алекса. Да, дамы и господа, я девочка с феноменальной памятью. Одна половина ее боится до икотки остаться с ним наедине, а другая уже предвкушает этот момент. Говорят, изначально оба готовы к тому, чтобы оказаться в постели? Кажется, у меня начался страх первой брачной ночи.

После лекций я просто сбегая. Не хочу, чтобы Эля видела меня с ним — вопросов не оберешься, а насчет дальнейших перспектив все очень туманно... Меня настолько беспокоит возможный шпионаж подруг, что в себя я прихожу только в его роскошном «Лексусе». После целомудренного поцелуя в лоб с вроде бы случайным касанием щеки.

— Как прошел твой день? — рентген-сканер по внезапному румянцу моих щек, проникновение ласкающей мезотерапии по всем нервным сплетениям. Он играет в свои игры, а мне никогда не понять их истинного значения! — Ты проголодалась?

Я весь день грызла осточертевшие кешью, потому как это источник сил и минералов, но ему об этом знать не обязательно.

— Да нет. Спасибо.

— У меня для тебя сюрприз. Он должен тебе понравиться. Поехали?

Доверие правит бал. Его сюрпризы не могут быть плохими, а моя внутренняя установка на благие перемены в жизни не спешит складывать свои крылья. Она еще не знает, что ей осталось совсем немного, совсем скоро от нее не останется следа — я могла обманывать себя, но сознание не прощает мистификаций. Оно ищет ахиллесову пяту вируса под названием самоуверенность, потому как жизнь отучила его верить в чудо.

4... 3... 2... 1...

...Я не ощущаю ничего: ни жесткой поверхности шкафчика, в который уперлась моя спина, ни холодного кафеля, на который едва опираются мои пальцы, ни встревоженного гула обслуживающего персонала дельфинария, которые пытаются пояснить, что такое впервые в их практике... Наверное, даже не врут, я не разбираю слов, слышу только интонацию голосовых вибраций. Тело трясет убивающим ознобом от самого болезненного осознания, и это пугающее состояние не спешит уходить...

Так не должно было быть! Только не так!

Я еще помню свой восторг, когда Александр озвучил, какой именно вид досуга меня ожидает. Я даже с трудом подавила желание броситься ему на шею!

Что я знала о дельфинотерапии? Не так уж много, никогда не было возможности и, скорее, свободного времени, чтобы попасть на сеанс. Мне известно, что эти сеансы проводятся под наблюдением психолога, в результате достигается очень значительный положительный эффект при лечении любого посттравматического синдрома. Во время контакта пациента с дельфином животное становится своего рода природным ультразвуковым сонаром. Благодаря непосредственному контакту с животным стимулируется кора головного мозга пациента. Результатом становится соответствующий положительный эффект. По крайней мере, так гласила ознакомительная программа мероприятия. По приезде я даже удивилась ассортименту предоставленных моделей купальников, мое прекрасное настроение достигло наивысшей отметки, и так легко было поверить, что я уеду отсюда совершенно новым человеком, лишенным прежних болезненных якорей. Кто же знал, что уже через полчаса все перевернется с ног на голову!

Умные глаза и улыбки этих потрясающих животных... боже, мне хотелось назвать их личностями с первого зрительного и тактильного контакта! В тот момент для меня перестали существовать и тренеры-дрессировщики, и психолог-консультант, и даже Александр, который остался наблюдать за моим исцелением «на берегу». Меня просто накрыло теплой волной самой позитивной энергии, выбивающей все заклепки наглухо застегнутого эмоционального кевларового бронежилета, так легко, ненавязчиво и искусно! Говорят, дельфины умеют читать мысли? Так и есть. Это непередаваемое ощущение! Ты словно смотришь фильм в формате 3Д, прикасаешься к тайным сплетением почти инопланетного разума в окружении белых облаков чистейшей доброты и расположенности... Ладони скользят по серым спинам новых друзей, приятная, ни с чем не сравнимая эхолокация щекочет барабанные перепонки, прошибая до слез беззащитного умиления! «Поиграй со мной!» — просят тебя эти немислимо добрые существа, и разве им откажешь?! Нет! Смех счастья сам рвется наружу, так легко обрести того самого внутреннего ребенка, которого, оказывается, не смогли убить никакие обстоятельства! Волны тепла-исцеления, сладкого отката ментальных объятий, укрепление мысленной взаимосвязи...

Что произошло? Как жестокая реальность вновь выбросила меня на острое скалистое побережье, разрывая в клочья душу?! Только что я плыла, поочередно обхватывая серые скользкие спины щебечущих друзей, и в тот же миг...

Хватает одного слова тренера-наблюдателя. Я не понимаю его значения, мне совсем не до этого — я вижу, как вода начинает смывать внешний слой моего стресса под колебания радиоволн дельфинов, и когда в мою зону радиоэфира врывается скрежет белого шума, за миг до того, как атака щемящего осознания сжимает ледяные пальцы на горле...

Им больно. Не они, я была их отдушиной, глотком кислорода в темном мире,

подчиненном воле группы людей, которые, используя свободолюбивых животных в благих целях исцеления, не думали о том, как тяжело им самим жить в неволе, в пространстве замкнутого и ограниченного периметра. Афадины — слишком гордые и умные существа, чтобы показать свою боль тем, кто нуждается в их утешении и благосклонности куда сильнее, но даже они бессильны перед волей непримиримых сплетений судьбы...

Эта боль прекрасных, свободолюбивых существ, которые никогда и никому не смогут причинить вреда, обрушивается неумолимой горной лавиной на мое сознание, раскрытое навстречу их доверию... Я могу ощущать чужую боль, потому что она равна той, что довелось испытать мне во всех ее аспектах...

Психолог-наблюдатель в растерянности, тренер рывком вытаскивает меня на бортик бассейна. «Укусили? Ударили?» — слышу его обеспокоенный шепот, но не могу ответить, горло пережато психосоматическим спазмом. Как тогда, еще совсем недавно... От такого же точно осознания сенсорами бунтующего естества потери собственной свободы и необходимости подчиниться нажиму чужих пальцев.

Рыдания не оставляют шанса здравому смыслу. Меня просто выгибает на холодном кафеле бортика, как после — на скамье раздевалки, в такт монотонному гулу увещаний психолога... Я слышу только хладнокровный тон голоса Алекса, который заткнул их надолго, заставив слушать и не перечить. Мне все равно. Боль никуда не денется. Как я могла поверить в то, что смогу выстоять?

Я не знаю, сколько проходит времени, прежде чем мои руки накрывают его теплые ладони.

— Юля, посмотри на меня.

Я не могу даже этого. Зажмуриваюсь, закрывая новый поток слез, трясую головой, но не пытаюсь оттолкнуть или вырваться... Мне сейчас нужно тепло, в любом его виде, в любом прикосновении, только не ледящий панцирь опустошения!

— Поговори со мной. Не надо закрываться и прятаться! Просто скажи что-нибудь!

Голос вернулся. Не вернулось только желание говорить, но не послушаться приказа-просьбы я просто не в состоянии. Запрокидываю голову, чтобы он не видел моих слез, которые в последнее время вызывают у мужчин эрекцию вместо сострадания, втайне надеясь, что смогла уместить в словах все то, что раскрошило до руин мой неокрепший мир.

— Они... Они в неволе!

Серые октябрьские сумерки так быстро переходят в ночь, не оставив шанса долго любоваться алеющей полосой быстрого заката на фоне нависших угольных облаков. Ночь, веерное включение цепи уличных фонарей, фары проезжающих мимо автомобилей.

Он не замечает ничего. Сильные пальцы вжаты в рулевое колесо темной древесины, сердце отбивает бит неумолимых килогерц, не в состоянии сбросить давление чужого страдания. Оно так беззастенчиво атаковало сердечную мышцу, что он был бессилён этому противостоять. А может, просто не хотел...

Она уснула. Он все еще в растерянности — вернуться обратно, согреть теплом своего присутствия, закрыть от тени того, кого сам был бы рад убить собственными руками за все страдания, что пришлось перенести этой потрясающей девочке с глазами ребенка... Или не возвращаться до тех пор, пока не сможет выстроить эмоции в ряд, раздав им четкие приказы. Они никогда не будут иметь над ним власти. Здесь одно решающее слово — Его!

Сегодня они восстали. Он не испугался. Он давно не знает, что такое страх. Ему известен только один его источник — страх за близких людей... Как бы он не отрицал того,

что она стала ему невероятно близка, эта затея была обречена на провал изначально.

Закреть. Защитить. Забрать любую боль себе. Залечить рваные раны души эликсиром новых светлых эмоций...

И вместе с тем... Одно не может существовать без другого. Поглотить ее полностью — для ее же блага, оставив по телу росписи-метки штрих-кода своих губ и пальцев, фиксируя стальной хваткой, чтобы не рвалась вслед за своей болью, позволив той лететь самой в далекие пустоши, где неминуема смерть от истощения... Выбить ее, вытеснить с резкими движениями члена внутри ее естества не ради физического обладания, ради одного — превратиться в разряды тока в ее высоковольтных проводах, обновленный ДНК новой крови в венах, растворить своей волей остатки воспоминаний и расписать этот белый чистый лист новой историей! Выпить ее слезы, транслируя через прикосновения губ и языка новую программу исцеления — это казалось чистым безумием... Но он понимал, что смог разглядеть правильный маршрут исцеления столь дорогого для него человека! Понимал или хотел верить? У него не было права на ошибку. А у нее не было столько сил, чтобы справиться с психологической травмой в одиночку.

... Вибрация телефона известила о том, что вызываемый полчаса назад абонент только что появился в зоне действия сети. Он не стал перезванивать, прекрасно зная, что она перезвонит сама. Расчеты оправдались. Уже через секунду раздался звонок вызова.

Голос женщины в трубке был уверенным и твердым, единственное, что выдавало никем не понятые нюансы их связи — нотки почтения и готовности помочь, искренние и открытые, далекие от стального профессионализма дипломированного специалиста мирового класса.

— Мастер, — Ирина, наверняка, сильно устала в конце рабочего дня, раз уж выбрала обращение по титулу, а не по имени. Но ему сейчас было не до нюансов и пояснений. Втайне удивившись несвойственной ему паузе-заминке перед тем как ответить на приветствие, он просто выдохнул в бездушный динамик смартфона:

— Бастет, мне необходима твоя помощь.

Движение ее ладоней завораживает. Он даже склонен полагать, что это направленная на расслабление и комфорт пациента жестикуляция, которой тоже был посвящен отдельный курс психологии в Оксфордском университете, и которая за шесть лет обучения по специализации многопрофильной психологии стала второй натурой.

К слову, сама Ирина никогда этим не хвастается, хотя ему ли не уметь читать мысли даже такого первоклассного гуру психоанализа, как она. Тщеславие присуще каждой женщине в той или иной степени, как и чувство собственного достоинства. Завышенная самооценка? Но что делать в мире психологии специалисту с комплексами? Ирина Милошина известна своими инновационными подходами в вопросе душевного исцеления пациентов, имена многих из них даже не принято произносить вслух. Психология высших учебных заведений Британии славится незыблемыми стандартами преподавания, но ей всегда было тесно в этих замкнутых рамках эмпирической системы, четко регламентирующей самоанализ и субъективный подход. Она сама любит подчеркивать, что именно стремление избавиться от рамок и открыть нечто новое сыграло ключевую роль в ее возвращении на родину. По ее словам, патенты, диплом, государственная награда и титулы трех диссертаций в резных рамах черного дерева служат только пылесборниками и элементами дизайна кабинета. Может, это еще одна уловка, направленная на абсолютный комфорт посетителя?

Би-свитч Бастет действительно чем-то похожа на сиамскую кошку и Багиру одновременно. Прежде всего, наверное, уникальной способностью перевоплощаться и постигать новое с отрывом от канонов общепринятой системы. Возможно, ее интерес к Теме несколько поверхностен, упор сделан не на получение удовольствия как такового, а на экзальтированный восторг очередного познания, этакая научная работа с элементами релаксации и новых ощущений. Она никогда не была его нижней, поэтому оставалась частично неразгаданным ребусом. И вряд ли их отношения, если бы такие имели место быть, расставили для него точки в подобном вопросе. Может, это бы сделало обращение за помощью одним из пунктов списка запрещенных воздействий.

Сложно в ее просторном кабинете, наслаждаясь чашкой изумительного белого чая, не чувствовать себя пациентом. Но он умеет держать себя в руках, и ничего лишнего здесь сегодня не прозвучит. Не потому, что это может быть как-то использовано против него, нет. И не потому, что мраморный обелиск может затрещать по швам от одного микроскопического разлома. Это его сущность человека, который привык все держать под контролем, никому не поясняя мотивов своих действий. Осторожные предположения Ирины его только забавляют — да и она прекрасно умеет не переступать грань в попытке притронуться к душе того, кто этого не допустит ни в коей мере. Это не опасение провала, это умение отделять работу и игры, не распыляя время и силы на того, кто в помощи самому себе не нуждается.

— Неужели Иру Милошину может шокировать такой жизненный вираж? — Алекс первым нарушает непродолжительное молчание. Но в серо-зеленых глазах женщины нет никаких излишних эмоций — удивления, сострадания, возмущения или же недоверия. Может, только профессиональный интерес, деловая сосредоточенность и едва уловимая глазу хаотичная работа мысли просчитывает алгоритм последующих действий.

— Такого слова нет в моем лексиконе, — легкое, естественное пожатие плеч. — И, скорее всего, я уже поняла суть проблемы. Но ты сам понимаешь, что должна убедиться в своих предположениях, и это произойдет только тогда, когда я смогу с ней переговорить.

— Как мне это сделать, чтобы не причинить ей боли?

— Правду, Алекс. Ты умеешь убеждать, но не смей приводить против ее воли. Иначе мне понадобится гораздо больше времени и сил. Тут уж, будь добр, реши сам. Нет ничего хуже работы с теми, кого приволокли ко мне силком даже из самых благих побуждений.

Он прекрасно осознает, что сделает для этого все. Юля будет здесь уже сегодня вечером, потому что каждый прожитый ею час наедине с такой непосильной болью вытягивает жизненные силы и все сильнее запаивает швы на всех выходах созданного воображением бункера. Он верит в то, что знал ее прежней: беззаботной, отчаянно-дерзкой, открытой и веселой. Да, ему хватило для этого той встречи в клубе и совсем несвойственного для него поступка — базового шпионажа. Та, прежняя, готова была разбить стекло своим маленьким кулачком с намотанным на него узлом галстука, не испытывая при этом ни чувства вины, ни бесконтрольного страха. Она была изначально куда сильнее того, кто разрушил ее жизнь в силу опыта и эгоистичных устремлений брать все, на что хватит сил. Его преемнику повезло, а ее невезение заключалось лишь в одном: в молодости его ученика и отсутствии трезвого взгляда на подобные вещи. Помочь не смог. Не увидел проблемы? Не захотел верить в то, что всегда подозревал, исходя из умозаключений и поступков Димы? Задавать вопросы было поздно, сейчас первоочередной задачей было разрушить черную боль последствий.

— Если тебе пришлось перенести сеанс из-за меня, мы можем выбрать любой другой день, — он не хочет, чтобы она помогала ему лишь из уважения к статусу и дружбе, и в то же время этому рад. Когда человек настолько дорог, забота обо всем остальном отходит на задний план.

— Торговый центр и «Армани» переживут день без моего нашествия, — улыбается Ирина. — Жду вас в 18:00. И вот знаешь, не думала, что когда-нибудь это скажу...

— Ну, попробуй, — он благосклонно позволяет профессионалу психоанализа прикоснуться к поверхности своих внешних мысленных сплетений. Она могла бы забраться гораздо глубже, но в психологии тоже действуют незримое правило БДР.

— Рискну! Почему настолько участились случаи отрицания чувств у мужчин, подобных тебе? И почему ты, со своим обширным кругозором, поддаешься влиянию общественного мнения, записавшего их в разряд нечеловеческих слабостей? Это просто повод для очередной диссертации!

— Ира, я не хочу об этом говорить! — его не злит и не раздражает этот вопрос, может, поверхностно царапает в районе солнечного сплетения аналогией с выводами Валерии. Он почти это принял. Почти — потому что чувство вины оказалось не совсем надуманным, но в конце тоннеля замаячил яркий солнечный свет решения этой проблемы. Таймер запущен, а перейти Рубикон — пара уверенных шагов. Не хватает самого малого — это понять, будет ли подобный переход реки во благо, пришествием-избавлением, а не кровавой экспансией новых земель под флашгоком орла гипотетического легиона.

— В этом нет твоей вины. Ты сам это прекрасно знаешь. Просто так проще оправдать свой интерес... свои проснувшиеся чувства! Верно?

— Ты когда-нибудь перестаешь думать о работе? — его не возмутила попытка тонкой игры психолога. Ирина Милошина задумчиво улыбнулась, поправив прядь волос не

наигранным жестом.

— Согласись, что наш разговор сегодня имеет мало общего с банальной светской беседой. Но вернемся к твоей специфической просьбе. Я сейчас проведу параллель с тайной исповеди. Надеюсь, ты не думал, что будет иначе?

— Это твоя парафия, и ты будешь делать, как сочтешь нужным. Я не прошу отчетов и записей сеансов. Ты мне просто скажешь то, что я должен знать, ни больше ни меньше. — Эти правила негласно соблюдались изначально. Как бы он сам ни хотел проникнуть под кожу этой девочке с самой благой целью — забрать боль и исцелить — этим должен был заняться исключительно профессионал. Если суждено, она со временем сама ему откроется. Главная цель — не совершить ошибку, неосторожный шаг, за который он себя возненавидит. Даже если для этого придется подчиниться своду неприемлемых прежде правил.

— Именно. Совершить «поворот не туда» я тебе не позволю. Можешь быть спокоен на этот счет.

Белый чай оставляет интересное сладковато-терпкое послевкусие в рецепторах языка. Это сейчас так похоже на затаившееся предвкушение.

— Меня больше волнует она. Ты сможешь ей помочь?

— У Бастет не бывает провалов, — позволяет себе шутку Ирина. — Я не смогу, а именно помогу. Одна просьба, не вмешивайся и не переспрашивай, уверена ли я в выбранной программе исцеления. Я обижаться давно не умею, но тут уж очень постараюсь и разозлиться, и внести тебя в список врагов!

В каждой шутке только доля шутки? Это не про психолога с мировым именем. Экспрессивное высказывание разряжает обстановку, запускает цепную реакцию предчувствия чего-то грандиозного, нового и осуществимого... Пока еще сложно понять, что же это на самом деле, да он и не заглядывает так далеко — главная цель одна-единственная. Спасти эту девочку от себя же самой и тех внутренних демонов, что никогда добровольно не покинут оккупированный храм ее души. Он старается не вспоминать события вчерашнего вечера, но впервые в жизни это не удастся. Чужие надрывные рыдания режут лазерными ножами каждого всхлипа перетянутые кевларовой обмоткой нервы, каждый толчок сжатых в кулаки ладоней в стремлении оттолкнуть и спрятаться выбивает выброс дискомфорта по сердечной мышце, неосознанная попытка открыться и прильнуть к груди в поиске источника тепла и покоя готова сорвать его тщательно зафиксированный спусковой крючок, минуя предохранители, чтобы совместить в одной яркой вспышке острого желания две его контрастные сущности-ипостаси. Сущности защитника-хранителя и непримиримого собственника, готового выбить эту боль не самыми гуманными методами вместе с последним воплем и криком обреченной на спасение, и одновременно — жертвы...

Не ему привыкать к такому сильному проявлению эмоций со стороны женщин, в теме это одна из остро прочувствованных составляющих, но сравнивать здесь не приходится. Если за прорывом сущности через слезы и непродолжительный внутренний диссонанс всегда следует волновой откат релакса, плавно переходящего в эйфорию с атакой эндорфинов и ощущением истинного освобождения, в слезах этой девочки не было ни выхода, ни прогресса. Только безысходность, которая нагло утверждала свое право завоевателя с каждым всхлипом и ослаблением самоконтроля. Это не было освобождением ни в коей мере, это был маршрут в неминуемый тупик, который не поддавался никакому изменению.

Побег или вынужденная мера? Он и сам этого не знал. Привычка всегда просчитывать на несколько шагов вперед и уметь опережать негативные последствия не позволила

остаться с ней рядом ночью. Может, это было ошибкой, и он сам лишил себя возможности откровенного диалога постфактум. Или же это было единственным правильным решением, когда воля и непонимание происходящего вступили в опасную взаимосвязь, рискуя разрушить шаткое равновесие, взаимопонимание и ответное влечение на стадии зарождения? Он не мог себе позволить получить ответы на эти вопросы подобным опытным путем.

— Я не даю невыполнимых обещаний, — тихо сказала Ирина, замаскировав мимолетную растерянность плотком чая. Таким Аноубиса еще не видел никто, хотя, справедливости ради стоило признать, что никто из посторонних не разглядел бы в нем сейчас внутреннего дисбаланса. Это было под силу только Бастет и, не исключено, именно путем наводящего анкетирования.

— Сколько времени тебе понадобится? — Александр чуть сощурил глаза, пытаясь поймать ее взгляд и нейтрализовать тщательно скрываемые попытки прикоснуться к эпицентру собственных переживаний. Но профессионала психологии было невозможно напугать взглядом, от которого могли сместиться полярные ледники.

— Самый тяжелый случай в моей практике потребовал 14 сеансов и закрепительные сетки с двухнедельным интервалом. Я смогу сказать точнее после первого сеанса психотерапии. Мои условия тебе известны. — Зуммер селектора и голос референта сообщил о том, что клиент прибыл раньше назначенного времени. Ирина с неохотой допила остывающий чай в два изящных глотка и велела проводить того в комнату ожидания, соблюдая негласное правило — конфиденциальность. Столкновение клиентов на входе-выходе было недопустимым, и не только у первого психоаналитика страны и города.

Условия были ему известны. Инновационный комплексный подход к работе с пациентом являлся ноу-хау Ирины и моментами был далек от шаблонного анализа свободных ассоциаций, сопротивления и переноса — собственно, ему были известны только эти. В чем заключался инновационный подход, понять было невозможно, оставалось одно — просто доверить Юлю опытным рукам Ирины. Ему еще предстояло это устроить, но вот в благоприятном исходе затеи он как раз и не сомневался. Как и старался не признаваться самому себе, какие возможности для него откроет психологическое исцеление этой девочки.

Мои пальцы едва ощутимо дрожали, и я со злостью отшвырнула очередной ватный диск прямо на пол. После вчерашнего нервного срыва и какого-то смазанного беспокойного сна я ощущала себя подавленной и разбитой. Может, это эффект всех тех таблеток, что удалось найти в аптечке?

Я помнила все, хотя дорого отдала бы, чтобы об этом забыть. Единственное, что выпало из памяти под действием первичного стресса — поездка домой и то, как он вывел меня из дельфинария. Кажется, у меня были мокрые волосы? Это меня волновало в самую последнюю очередь, как и подробности того, как именно я оказалась в квартире.

Новый стресс поджидал меня в стенах этой безопасной крепости-обители. Впрочем, не могу сказать, что на тот момент я успокоилась окончательно. Может, просто перестала рыдать и смотреть трэш-триллер из кадров самого адского лета, дрожать от этого проникшего в самое сердце звукового ряда с разламывающим сознание тембром беспощадно-циничного голоса, который вспарывал покровы моего самоконтроля тектоническими разломами. Я слишком устала, чтобы анализировать, что послужило нажатием красной кнопки для подобного эмоционального извержения — зеркально похожие властные нотки в голосе работника дельфинария, аналогия со свободолюбивыми

животными, замкнутыми в периметре клетки-бассейна, или же просто все было куда банальнее — расслабленное сознание взорвалось так тщательно задавливаемыми на протяжении времени слезами, почувствовав ослабление контроля. А дома...

Сейчас я понимала, что он не мог этого знать. Впрочем, вчера мне было не до построения логических цепочек. Достаточно было сделать несколько глотков переслащенного черного чая, и истерика возобновила волновые откаты с безжалостным ассоциативным лицемерием...

Я не хотела плакать, размазывая водостойкую тушь вместе с — отбросим красивую литературную составляющую — соплями на глазах у такого мужчины, но я упустила момент, чтобы указать ему на дверь просто потому, что не соображала, что делаю...

Он тоже был угрозой. Прежде всего, из-за того, что пытался напоить таким же точно чаем, приторный привкус которого отложился в моей памяти надолго. Мне за прошедшее время стало настолько комфортно в своей хрупкой скорлупе, что любые попытки успокоить воспринимались в штыки. Иногда это иллюзорное убежище теряло ауру своей защиты, она прыгала, подобно скачкам напряжения в электросети. Тем страшнее мне было осознавать, что я неосознанно вжималась в поиске защиты в развитый рельеф грудной мышцы по сути чужого и пугающего меня мужчины, ощущая щекой мокрый сатин рубашки и монотонное, ровное биение сильного сердца...

Тогда я еще не понимала, что защитный кальцинированный барьер скорлупы был плодом моего угасающего воображения, как фокус с его временными мигающими отключениями. Не оно управляло мною в тот момент, когда истерика прорвала защитную плотину на глазах у постороннего человека. Я не смогла его выставить за двери? Я этого не хотела! Это был выбор моего подсознания, так как сознание в который раз саботировало свои служебные обязанности. Я пойму потом, что стало причиной таких качелей — желание слиться с ним в защитных объятиях, с соприкосновением каждой чакры, выпить предложенную безвозмездно энергию тепла и расслабления или стягивающая паническая атака по всем нервным сплетениям и бесконтрольный рефлекс оттолкнуть, сбивая до онемения кулаки о напрягшуюся прокачанную мускулатуру. Спрятаться в не самом надежном убежище спинки кровати, не имея возможности выразить этот испуг словами, потому как рыдания не позволяли выдать ничего, кроме бессвязных полустонов-полувсхлипов. Все имеет логическое обоснование... Все на интуитивно-неосознанном уровне...

Размеренный бит, базис идеальной музыкальной композиции в исполнении сердечного ритма — ты можешь уловить каждую ноту звучания, и для этого не нужно обладать идеальным музыкальным слухом. Ровные размеренные удары убаюкивают своей идеальной ритмичностью, выдавая уверенность и расположение их обладателя, но музыкальное послание считывается на интуитивном уровне. И так же неумолимо бьет на поражение ускорение или замедление этой мелодии, со скачком из классики в скрежет тяжелого металла. Малейшее ускорение с более высокими оглушающими нотами вызывает беспричинную панику, как и беглый взгляд в его глаза — доли секунды, но их достаточно, чтобы отметить расширение зрачков и потемнение притягательной янтарно-зеленой радужки с проблесками чего-то темного, пугающего и высекающего новую порцию ледяных искр в глубине твоего собственного сжавшегося сердечка. А может, новоприобретенный дар телепатии не был достоянием одного Димы, и я уже тогда уловила скрытую угрозу, которую, хочется верить, он смог убить в себе используя колоссальный опыт?..

Я этого никогда не узнаю. В наших дальнейших отношениях я практически всегда буду видеть альтруизм там, где он просто идеально совпадал с самыми темными желаниями этого мужчины, но он был слишком умен для того, чтобы причинять мне моральную травму, которая закоротит прошлое с настоящим. Тьма навсегда прописана в ДНК людей, подобных ему, тех, кто выбрал свободу самовыражения своих желаний, однажды признав в себе эту необходимость. Но даже я со своим развитым воображением не могла просчитать наперед, насколько отлична и индивидуальна глубина ее глянцевого мрака, который может уничтожить одним вакуумным сжатием и в то же время исцелить своими откровенными обьятиями.

Сегодня я еще не ощущала приближения чего-то нового за очередным порогом стратосферы, в этот раз меня вели поэтапными плавными движениями, а не сверхзвуковым хлопком острого рывка в шокирующую неизбежность чужого ХОЧУ.

Макияж смоки-айс не хотел подчиняться моим дрожащим пальчикам, но особо выбирать не приходилось. Как бы мне ни рвало душу вчера болезненными ассоциациями, как бы ни припухли веки и ни полопались сосуды до гламурного розового оттенка, эту интимную частичку личной жизни я не собиралась никому демонстрировать. Капли в глаза до снежной белизны белка, обжигающую холодом гелевую маску на припухлости век, очередная попытка идеально ровного росчерка черного лайнера... Кажется, попытки с седьмой мне это удалось, тщательная растушевка угольно-синих теней замаскировала последствия вчерашних слез. Я из последних сил старалась удержать усилием воли и мысли обрывки недавнего боевого запала. Удавалось плохо. Но я настолько этим увлеклась, что не замечала знакомого сгущения световых бликов за спиной, не вздрагивала от едва уловимого дыхания в спину, от легкого царапающего скрипа по панцирю возродившейся защиты — я просто отмахнулась от этого, как от надоедливого комара. Первый шаг навстречу переменам был сделан вчера, и для меня, несмотря на срыв, уже не было возможности свернуть с этого маршрута. Казалось, что пространство за моей спиной уже нагревалось яростным подземным огнем прошлого, которое не хотело отпускать, но я удалялась все дальше от этой зоны вулканической активности, оставив сгорать в агонии также свой роковой фантом.

Он еще будет биться и пытаться вернуть меня обратно в эту огнедышащую бездну, но на момент апогея собственного уничтожения уже не сможет дотянуться до меня руками. Поздно. Я готова была вырваться и идти только вперед — и не на поводке ошейника, за правым плечом на пару шагов сзади, а просто наслаждаясь теплом от властного и самого нежного сжатия моей тонкой ладони в его сильных пальцах... Такая уязвимо беззащитная и одновременно сильная, равная ему во всем, несмотря на то, что спина какое-то время будет носить отметины плети, которые будут не шрамами, а дополнительными рычагами для турбоускорения моих новых крыльев!

Мои задатки экстрасенса (определенно, они были в роду, пусть даже в двадцатом колене!) прерваны трелью телефонного звонка, я помню о потерянном на макияже времени и жму кнопку вызова, не теряя секунд для взгляда на дисплей.

— Как ты сегодня, моя девочка? — Выпрямляюсь, выронив кисть для румян на пол. Не потому, что это обращение бьет параллелями, не потому, что в его голосе все та же всепоглощающая сила и власть без намека на готовность успокаивать мурлыкающими колыбелями в стиле моих подруг, а потому, что это обращение входит в обиход и символизирует собой пока еще не взятую до конца преграду перехода на иной уровень.

— Здравствуйте, — мой голос даже не дрожит. — Я в академию собираюсь. Все

хорошо.

— Сегодня занятия тоже окончатся в 15:00?

Это похоже на ненавязчивый допрос, но возмутиться у меня недостаточно сил.

— Да... Только мне в библиотеку надо... — хмурюсь, подумав, что он может мне и не поверить — кто сидит в библиотеках в век интернета и дистанционного изучения? — Задали реферат, некоторую информацию невозможно найти во всемирной паутине.

— Ты сможешь освободиться в половине шестого?

Скорее всего, я закончу раньше... Киваю, даже не подумав, что он не может этого увидеть. Да и женская сущность берет свое.

— А мы куда-то поедем сегодня? — мне показалось, или затуманенное любопытством и предвкушением сознание уловило кратковременную заминку?

— Да. Хочу оговорить сразу, ты не имеешь права отказаться!

Ни хрена себе! Он шутит, это в интонации его расслабляющего голоса. Только воображение сразу рисует одну из комнат его суперзасекреченного клуба с обилием агрегатов в стиле страшилок из сети. Но впервые без панического ужаса, с ментоловым покалыванием в мышцах. Да что он мне вчера скормил под видом успокоительных таблеток?!

— Звучит угрожающе, — бестия просыпается моментально, пригладив растрепанные пряди. Долго спала, ну-ка, напомни своей хозяйке значение термина «флирт»! — Вы скажите сейчас, потому как на парах я не смогу ни о чем другом думать!

Давай, Беспалова, жги. Ты можешь обманывать себя сколько угодно, но хищницу, обитающую внутри, было не под силу уничтожить даже хищнику сильного пола.

— Скажу. В шесть ты будешь на приеме у психолога. Лучшего в нашей стране.

Пузыри волнующей эйфории с треском лопаются в районе солнечного сплетения, оросив противной водянистой пылью с привкусом щелочи. Трясу головой. Он что, решил, что я двинулась головой? «А разве нет?» — философски замечает внутренний голос.

— Ну нет... Я здорова! На фиг психологов... — забываю о манерах истинной леди. Ощущение чуть ли не предательства... маленького ребенка, которому вместо куклы подарили звездный крейсер.

— Юля, не обсуждается. Я не буду пассивно наблюдать, как ты себя убиваешь. Не бойся, там уколов не делают! И, ты не поверишь, даже не заставляют пить горячее молоко.

Как?! Ну вот как дрожь возмущения нокаутирована искрами веселья, рвущимися через пережатую было протестом гортань? Может, моя паника вызвана тем, что я перепутала психолога с психиатром? Наш менталитет таков, что всегда ставит знак равенства между этими двумя профессиями. У нас вообще все гораздо проще, психоаналитики по совместительству друзья-собутыльники, депрессии и прочие нервные стрессы всегда считались буржуазной блажью. Терпение и труд, остальное мелочи...

— В условленное время буду ждать там, где и вчера. Никаких попыток побега!

В его арсенале тысячи рычагов. Возможно, мне и не нужен этот психолог, Алекс и сам легко справляется с этой ролью... Что же ему помешало успокоить меня и перенастроить на свою волну собственными руками? Я не уверена, что хочу об этом знать, потому что просто так у таких мужчин ничего не происходит.

Ожидание вечера рисует в воображении аналогию с приемом у Стерхова. Сухие вопросы, обязательное дежурное внушение и непроницаемая маска бездушного андроида. Ничего нового вроде как меня там не ждет. Этого вполне достаточно, чтобы подчиниться

чужой воле и перестать отрицать тот факт, что я действительно слишком сильно заиклилась на собственной боли.

Не обошлось, конечно, без допроса. Вроде бы обе подружки заняты построением (а кто-то и уничтожением) отношений со вторыми половинками, но среди студенческой тусовки новости разносятся быстро. Лекси похвасталась новым планшетом, зацепившись за мое восхищение черной глянцевой поверхностью.

— А на что похоже? На чей-то «лексус»?

Хуже всего было не это. А то, что Эля вдруг проявила похвальное рвение к науке и безапелляционным тоном заявила, что пойдет со мной в библиотеку. Примечательно, что даже успела что-то офоткать и законспектировать. Если умудрится получить высокий балл на семинаре, я буду чувствовать гордость и за себя тоже. За то, что выступила таким вот примером для подражания.

— Восстановим мозги чашечкой горячего шоколада? — Элька буравит меня взглядом с хитрой улыбочкой а-ля «я все равно увижу, кого ты там прячешь». Лучше бы ты не видела. А то у меня действительно проснется желание попросить Александра о специфической обязанности моей любопытной подружки. Может, я даже это сфотографирую, хватит и камеры «айфона».

— У меня планы, сорри, — на часах 17:20, я пытаюсь решить самый сложный ребус — сумею ли уйти незамеченной. Как бы не так! Эля не отходит от меня ни на шаг.

— Действительно, это же смерть для фигуры! Прогуляюсь с тобой до остановки, ты не против? Я так и знала! А мы вчера с Денисом оттусили в клубе. Я не думала, что он так классно танцует!

Вот она, завуалированная манипуляция с откровенностью — я тебе рассказала, твоя очередь. И как назло, я сразу вычисляю автомобиль Александра на парковке. И внезапно желание затеряться, отделаться от подружки или сигануть на пассажирское сиденье со скоростью ямайского спринтера вытеснено ласкающим злорадством, совсем несвойственного мне прежде. Улыбка предвкушения развлечения искренняя, настоящая, и я готова, кажется, даже поцеловать его при встрече... Но, наверное, после такого и психолог не справится. В первый наш поцелуй в Ялте я думала, что никогда его больше не увижу...

Довольно улыбаюсь, услышав шокированный выдох Эльки где-то за спиной. Мне хочется театрально наклониться к ее заалевшему ушку и шепнуть, что Александр приехал наказывать ее за болтливость. А он непроизвольно подыгрывает. Если теплая улыбка адресована мне, Эле достается сухой кивок.

— Эллада Магометовна, рад вас видеть.

Вовремя зажимаю рот ладонью, но приступ смеха уже не остановить.

— Алиева, ты еще и Магометовна? О, боже... — следующая реплика вызвана восторженно-почтительным выражением на личике подружки... Да она поплыла от счастья только потому, что заказчик запомнил ее имя и отчество? Или от обращения на «вы»? Или от того, что мы с ним знакомы и меня сейчас увезут в неизвестном направлении? А мне как-то быстро все становится понятно. Впрочем, он и не отрицал, что это не случайность — фотосессия и знакомство.

Я сажусь в машину рядом с ним, помахав на прощание ошалевшей подружке. Смотрю, как она быстро достает свой телефон и набирает номер. Вряд ли Лекси, скорее всего, МЧС или Дениса с воплем «что у твоего босса с моей подружкой?».

— Мне просто необходимо было увидеть тебя снова, — отвечает Александр на

невывисказанный вопрос, который застыл в моих глазах. — Думаю, мои методы не вызвали негативных ассоциаций?

Дай подумать. Крупная сумма в бюджет моей подруги, ее поднятая работой в таком клубе самооценка, и, как бонус, ее отношения с парнем, на которого я бы до знакомства с Димой накинулась с запалом нимфоманки? Прощупывая ко мне подход, он смог сделать счастливыми, хотелось бы верить, сразу двоих... Основные же силы будут брошены на уничтожение моей депрессии.

Я не отвечаю. Просто улыбаюсь в ответ, закинув голову и разглядывая зеленые переливы его необычных глаз.

Когда я нервничаю или чего-то боюсь, мой взгляд цепляется за сотни мельчайших деталей.

Миндалевидная форма ногтя психолога Ирины с изящным французским маникюром. Раскрывшиеся листочки зеленого чая в чашке. Родинка на ее виске. И не сильно кричащая, но все равно такая заметная надпись Oxford на одном из документов в рамке на стене.

Это интригует меня сильнее всего. К тому же позволяет преодолеть небольшой страх этой встречи. Я подхожу к стене, прикасаюсь пальцами к рамке... Ошибки нет. Гербовая бумага... Голография...

— Вот это да!

— Я сама очень часто смотрю на него. Особенно когда устаю. — Доктор играет в добрую подругу. — Самооценка никогда не падает!

Я еще не понимаю, каким именно образом эта женщина смогла ненавязчиво вывести меня на рассказ о летних приключениях. Может, предложением перейти на «ты» и недолгим разговором о новостях в мире моды? В ее кабинете время словно останавливается, здесь особая аура, которая нейтрализует тревогу, скованность и закрытость. И именно в этом виден высокий профессионализм психолога — пациент должен расслабиться и переключиться на волну сотрудничества и коммуникации. Спокойствие и желание все рассказать не случайно, это тщательно разработанная сложная стратегия, отключившая центр сопротивления парой фраз. Я еще этого не знаю, она признается мне на последнем сеансе.

— Ложись, — тепло улыбается Ирина. — Ты, наверное, видела в американских фильмах, как это происходит?

Конечно, я видела. Со стандартным набором фраз во главе с коронным номером «вы хотите об этом поговорить?». Сейчас это кажется даже забавным.

Она поправляет удобную подушку под моим затылком, а я чувствую только умиротворение и легкое любопытство. И почему я боялась утром? Закидываю ноги, освобожденные от колодок модельных ботильонов, на подлокотник с выемкой.

— Анализ свободных ассоциаций обычно не предусматривает двустороннего контакта, — обволакивает ее приятный тихий голос. — Но мы с тобой попробуем немножко раскачать этот процесс наводящими вопросами. Начни с того момента, когда тебя поставили перед фактом заточения. Что ты чувствовала, кроме страха и злости?

Кажется, хмурюсь, с трудом поборов желание сказать «ну тебя, Ира, давай о колготках!». Только этот порыв угасает, оставив после себя любопытство. Действительно, что я чувствовала, кроме этого?

— А мне убить его хотелось. Ну, как убить... может, морально. Может, показать на примере разбитых флаконов, где я имею его принципы в принципе. И, кстати, это было даже

весело, когда разбивала... — память уносит меня в не столь далекое прошлое на легчайших крыльях, и я не вижу на горизонте приближения грозового фронта. Пальцы Ирины замерли в сантиметре от моих висков. Может, там незаметные рецепторы, которые блокируют неприятный царапающий осадок? — Я даже думала, что мы посмеемся вместе...

Я не догадывалась, что эмоций было настолько много. Причем самых разных... Каким боком среди них на тот момент притаились азарт и предвкушение в микроскопической дозе? Я не успеваю понять их окраску, но голосовые связки смыкаются, выпуская наружу без стеснения то, в чем я себе бы никогда не призналась...

— У тебя было чувство вины за то, что ты сделала?

Пазл кружит в спиралевидном завихрении воздушных потоков с проблесками статических разрядов, которые соединяют его элементы в замкнутую композицию... Закономерное слияние контуров, заискрившие контакты стыков с цельной картиной того, чего бы я никогда не осознала без легкой наводки... Какая-то мелодия рождается внутри, я не могу определить ее тональности. Слова слетают легко, вдох-выдох, пока в венах бурлит абстрактная сыворотка правды. Она не вспарывает нервные волокна острыми скальпелями нежелательной правды, мне кажется, я вдыхаю все глубже с каждым слогом своего повествования... Легкий транс-полусон с подталкивающими к выходу вопросами психолога, может, это была неизвестная мне техника гипноза?

Странно, что впоследствии я смогла воспроизвести этот разговор до мельчайших деталей.

— Как себя чувствуешь? — если бы Ирина мягко не подвела меня к окончанию сеанса, я бы пролетала в этой расслабленной нирване до утра. Так мне казалось. По телу разливался приятный тонизирующий ток, а сознание воспринимало вещи с позиции нейтрального созерцания.

— По поводу снов, сделай вот что. — Мне приходится сделать над собой усилие, чтобы сосредоточиться. — Записывай элементы и попробуй проставить знак равенства с ассоциацией. Не придумывай специально, первая ассоциация самая точная. Ничего страшного, если ты перестанешь их запоминать до нашей следующей встречи.

— А мне уже легче, — улыбаюсь я, с удивлением прислушиваясь к своему внутреннему состоянию. — Так будет все время?

Добрая подруга-психолог мягко качает головой.

— Не стану тебя обманывать, Юля, нам понадобится гораздо больше времени для того, чтобы тебе действительно стало легче!

...Закат подсвечивает горизонт над низкими залегшими облаками, когда мы возвращаемся домой. Почему-то я не могу замолчать, у меня чувство, что все, о чем я молчала, превратилось в слова, которые царапают трахею изнутри, вырываясь на свободу.

— Ирина славится своим инновационным подходом, — соглашается Алекс, сжимая сильными руками рулевое колесо. Я стараюсь не пялиться на его пальцы, прежде всего, потому, что мне нравится на них смотреть. Мелодия в сознании не утихает ни на миг, а подзабытая эйфория окутывает шепотом набегающей волны. Конечно, откуда мне знать, что наступит момент, когда я захочу вцепиться этой Ирине в глотку и прекратить сеансы психотерапии, на которых мне докажут то, что я не хочу в себе признавать? До этого еще три сеанса, а я так устала мучить себя, что уцепилась за самое несущественное улучшение. Мне мало, я хочу воспользоваться любой возможностью, чтобы закрепить его и раскрутить до запретельной отметки...

— Оно крутится! — теряю интерес к его рукам, веду ладошкой по стеклу. Мы проезжаем парк Горького и новое колесо обозрения. Почему у меня раньше не возникало желания пощекотать свои нервы запредельной высотой, которой я на самом деле боюсь? На миг забываю все слова, смотрю на Алекса взглядом котика из «Шрэка» и уже не удивляюсь, когда он понимает меня без слов. Парковка, огни винтажных фонариков на широкой аллее с завершающим аккордом экспозиции — огромным колесом с бусинами смотровых кабинок. Он едва поспевает за мной, или мне так кажется? Запрыгиваю в кабинку, тогда как ему понадобился уверенный шаг через бортик с сохранением аристократической осанки. Сетую на медлительность адского механизма с черепашьям подъемом кабинки, по которой от нетерпения наворачиваю круги.

— Госпром! — мы еще не поднялись на достаточную высоту, чтобы разглядеть практически весь город, но маковка высотки со шпилем подсвечена неоновым синим цветом и привлекает внимание сразу. Подпрыгиваю от нетерпения — кажется, расшатывая при этом кабинку. Что происходит? Где боязнь высоты? Я сегодня на Патриарших, то есть, на Алексеевке, встретила не с психоаналитиком, а с Сатаной?

— Органный зал! Там новая подсветка! — практически ложусь грудью на стекло, ощутив болезненно-возбужденный рывок сердца при взгляде под ноги, на широкий ковер из крон желто-зеленых деревьев. Тотчас же об этом забываю, потому что наш воздухолет набирает высоту и открывает панораму города.

— Юля, отойди от стекла и сядь! — разрезает флаг моей эйфории безапелляционный приказ.

— Не хочу! — ладошки скользят по тонкому плексигласу. Ощущаю, как он медленно поднимается. Расстояние в пару шагов преодолено за несколько растянувшихся во времени секунд.

Это охренительное ощущение. Ты словно зажата между двумя источниками адреналинового кайфа — запредельной высотой в критической точке абсолютного парения и ментальным осязанием сильного мужского тела за спиной, настолько близко, что его дыхание обжигает кожу доверчиво открытой шеи через шелк рассыпавшихся волос. Сегодня нет зон личного пространства и кода скрытого доступа — психолог с Оксфордским дипломом взломала какой-то тайный секрет одного из навесных замков, который как раз и отвечал за страх острых ощущений. Мне бы задуматься об этом и провести параллели с рассказом о том, что я чувствовала, когда меня в прямом и переносном смысле слова буквально обращали в рабыню, забирая волю... Только мне слишком хорошо от рухнувшей с плеч каменной глыбы, которая, по факту, всего лишь мелкий осколок.

Я впервые за все время не вздрагиваю от его прикосновения...отнюдь не нежного! Никакой хватки за волосы (еще не вечер), но рывок за плечо мало похож на объятия заботы, как, впрочем, не похож и на проявление раздражения и злости.

— Что та... кое... — мой поворот прерван собственным испуганным криком. Нет, кабинка не содрогается. Вместо нее делает тройной кульбит мое сердце. Я держу этот взгляд, к которому уже успела привыкнуть и которого практически не боюсь, и этого достаточно, чтобы не заметить иную опасность...

Я изумленно выдохнула в теплые губы, накрывшие мои повелительным нажимом... Сердце совершило сверхзвуковой прыжок, перекрывая кислород и переворачивая панораму тонущего в сумерках города в перевернутую в пространстве абстракцию. Удар ошеломительного непонимания, осознание запредельности происходящего вместе со

скользящим движением языка поверх контура моих расслабленных губ...

Эта вспышка потрясает своей силой настолько, что я не могу пошевелиться. Я не целую его в ответ, я просто не в состоянии этого сделать — я ошеломлена совсем не внезапным натиском, сердечко не срывается в танец страха и неприятия, наоборот! Это кажется логичным и ожидаемым на фоне последних событий!

Сильные руки нежно и решительно сжимают мои предплечья, не делая попытки соскользнуть ниже — к такому я точно пока не готова. Новая рельефная тень защитными крыльями заслонила собой окружающий мир с высоты птичьего полета. Нежные касания языка без намека на страстную агрессию изучают новую открытую территорию поверхностным сканером, а я не думаю о том, что могу это остановить одним движением ладони...

Хороший способ заставить меня отойти от непрочного плексигласа смотровой кабины! Когда он медленно отстраняется, разжимая объятия, я на автомате делаю несколько неуверенных шагов в направлении скамьи, неосознанно прикасаясь к губам, сохранившими ритм сладкой пульсации.

Я не знаю, какая именно покерная партия была разыграна представителями моего ада и Эдема в тот момент. Возможно, им просто надоело мое нытье. Кто сказал, что там не жаждут, подобно древним римлянам, хлеба и зрелищ?..

— Может, хватит? — Лекси вытягивается на каменном ложе хаммама, уместив подбородок на предплечьях, и поворачивает голову в мою сторону. Молодой и симпатичный массажист как раз вспенивает по ее телу воздушное мыльное облако. У меня этот этап уже позади, я кайфую от аромата кофе со сливками — эту вкусно пахнущую массу как раз наносит мне на спину вторая массажистка. Парня узурпировала Лена, и я ей даже благодарна, не люблю, когда меня трогают посторонние мужчины.

— Хватит что? — за последние семь дней эти две выели мне мозг чайной ложечкой со своими допросами. Гестапо царапало крышку гроба в попытке завербовать их обеих в свои ряды.

— Молчать! — отталкивается от противоположного бортика бассейна Эля. Массажист поднимает голову и тут же опускает глаза. Ну правильно, зачем нам верх от купальника в бассейне, да, супер-фотограф века? Что там говорят о врожденной скромности женщин с восточными корнями? Лезгины сильно гордый народ для всасывания с молоком матери неудобных традиций? — Ты уже, это самое... вступала с ним в полемику?

— Эля, — чуть вздрагиваю от сильного нажима массажистки. — Дениска не царапает щетиной, когда лижет тебе киску?

— Дениска пользуется электробритвой. Не съезжай!

Черт, одна я вижу в обслуживающем персонале прежде всего людей, и не собираюсь обсуждать свои проблемы в их присутствии?

— Она улыбается! — подскакивает на ложе Лекси, хлопья мыльной пены кружат в воздухе, оседая на ее распущенных волосах, — супер-блондинка королева в любой ситуации. Мне даже стыдно за небрежно скрученный на затылке узел. — Юль, у тебя глаза есть? Ты, вообще, рассмотрела, насколько он шикарный мужчина, или это видят все, кроме тебя одной?

Их партизанским методам позавидует МИ-6, параллельно вскрывая плотки конкуренту — Моссаду. В нашу вторую встречу Эля как раз предусмотрительно отошла в тень, зато Ленка шла напролом в стремлении увидеть воочию «нового бойфренда Беспаловой». Со всем стандартным набором: эффектным выходом из своего гламурного автомобиля, и, всплеснув в ладоши с изумленным криком «Юля!» (ага, так давно не виделись, целых десять минут после лекции). Чеканным шагом на 15-сантиметровых каблуках белых в россыпи страз туфель, которые так некстати подвели свою носительницу, якобы случайно попав в ямку в самый интересный момент, дав галантному Александру возможность поддержать мою подругу за локоток. Дальше по тексту: «Ах, я такая неловкая, простите меня. Вот прям голова закружилась, с чего бы это... А! «Фаренгейт»! Все понятно! А я лучшая подруга, еще одна...».

Осмелюсь предположить, что в тот самый момент Алекс и испытал на ней свой фирменный взгляд, не прекращая улыбаться в ответ, что не позволило нашей кукле сморозить глупость в стиле «а пойдемте с нами в кофейню/боулинг/суши-бар». Думаете, ее это испугало? Смутило всего лишь, но этих десяти минут нам с лихвой хватило, чтобы убраться восвояси со студенческой парковки. Но после этого выступления моя подруга обещала повести меня к окулисту, потому как я в упор не замечаю, какой «лакшери стайл» находится рядом. Мне оставалось только мысленно благодарить ее за то, что не называла его

«папиком», подобно части группы, которая все же сделала это за глаза. Ничего тут не поделаешь, появление такого мужчины стало событием для армии сплетниц, Беспалова почти медийная личность, которую то ненавидят, то копируют.

— Лекс, ну, мало ли. чего она улыбается... может, ей щекотно... Важно другое! «Он был самым лучшим, не смей называть его е. нутым садистом, я не верю, что он мертв, другого такого не будет» — отныне больше не на вершине нашего хит-парада! Ты можешь вспомнить, когда мы в последний раз с пеной у рта обсуждали, во что Димка был одет, когда довел ее до пяти оргазмов?

— А чего он в тот момент был одет?

— А потому что «у него такой взгляд, который может отыметь бесконтакто», ты что, забыла?

— Эй, я еще тут. — Первые ростки раздражения приглаживают пока еще безобидными кожаными полосами мой самоконтроль. — Я не собираюсь обсуждать это с вами! Прежде всего, потому, что обсуждать нечего!

— Ну да, ты типа такая маленькая наивная девочка, которую хочется кормить мороженым и качать в колыбельке без намека на секс. Не смей меня! — Квотербек Эллада Магометовна в ударе. — К тому же можешь сколько угодно чесать, что стала спокойной и приветливой от психотерапии и ромашкового чая... Я что, не знаю, что так ведут себя после хорошего траха?

— Она сейчас скажет, что даже не целовалась с ним! Юль, ты говоришь, что не помнишь отца. Может, это твой настоящий нашелся? — о боже, Лекси на самом деле допустила такую вероятность?

— А мы сейчас сделаем по-другому! — Эля подтягивается на руках, грациозно запрыгивая на мозаичную плитку бортика. Надеюсь, они не собираются меня пытать? — Можно нам турецкий кофе?

Лена хихикает в согнутые локти, пока массажист коротко передает ее распоряжение в динамик портативного и влагостойкого средства связи. Точно что-то задумали. В спа-салоне ее матери, особенно по выходным, плотно забитый график посещений, но Ленка просто силком притянула меня сюда. Теперь понятно, расчет был на расслабление и чрезмерную болтливость. Эльчик защитным флангом и заодно в роли запасного нападающего.

— Ну, ты будешь говорить? — мурлычет восточная примадонна хаммама, пожалев нервы массажиста и обвязав полотенцем грудь. — Давай начнем с малого. Целовались?

Меня спасает просьба моей массажистки перевернуться на спину для завершающего аккорда процедуры. Закрываю глаза, позволяя уложить поверх век тонкие кружочки огурца, пропитанного настоем листьев эвкалипта. Хорошая защита от их пристальных взглядов, иногда разбирает смех от этой попытки скопировать манеру смотреть, как у Алекса. Никому из них даже Димкин не повторить.

Что происходило с мистической сферой инь-янь, безумием под названием «я и призрак прошлого» за эти пролетевшие шесть дней, спросите вы? Я бы рада соврать, что иллюзии-галлюцинации остались в прошлом. Рада бы, да не могу! В тот день, когда Ирина вдохнула в меня веру в то, что теперь кошмары отойдут на второй план, я летала. Да, знаю! Не только поэтому! Если раньше в мои светлые фантазии с треском, круша все на своем пути, врывалась суровая действительность, то сейчас все обстояло с точностью до наоборот — улыбнувшаяся робкой улыбкой позитивная реальность оказалась под угрозой гибели, не в силах противостоять непроглядной тьме моих воспоминаний и сновидений наяву.

Еще не сошла легкая дрожь властного, ошеломительного поцелуя с моих припухших губ, еще прыгало сердечко, наслаждаясь пляской подзабытой эйфории, гладило изнутри ощущение уязвимости с привкусом сладости, повинуюсь самому первобытному инстинкту — вынужденной покорности лесной амазонки, утратившей силы после очередного ранения, а потому добровольно сдавшейся в руки пещерного охотника, который отнял у нее необходимость рисковать жизнью наедине с неприветливым миром. Ей больше не нужно было разжигать свои костры, ожидая попадания молнии в ближайшее дерево, терять силы во время охоты и приготовления ужина. Ужин за ней и так оставили, но новые обязанности для выживания были настолько комфортными, что новая пещерная обитательница впервые ощутила спектр эмоций под названием «счастье». В этот раз ее не оглушили дубиной и не поволокли по острым камням за волосы, рискуя сорвать скальп. И даже не поставили перед выбором — я или же смерть в лапах саблезубых тигров, которые по факту были ласковыми пятнистыми кошечками с бутафорскими резцами. В новом витке в ее судьбы предполагались компромисс и забота, готовность рискнуть жизнью ради нее же самой и обеспечить достойный рост потомству. А еще — великолепный шанс забыть жестокость питекантропа из соседнего племени, который в свое время нанес ей незаживающую рану за стремление отстоять свободу.

Я любила прокручивать эти кадры в своем воображении. Подогнувшиеся колени, непреодолимое желание улыбнуться и прижаться к Александру в теплом благодарном объятии. Его шепот «какая мужественная девочка», янтарные искры нежности и желания в изумрудной поволоке взгляда, обострение всех ментальных рецепторов, которые безошибочно ловили волны, не несущие никакой угрозы. Купол защитного поля, сотканного из умиротворяющего спокойствия, моего легкого приятного смущения от произошедшего, и все-таки прорвавшейся улыбки очаровательного ребенка — я не могла ее сдержать. Даже не следила за бликами за стеклом покачивающейся смотровой кабины — может, потому, что ее раскачало аритмичное биение двух сердец? Я не понимала даже, что мы пошли на снижение, время в очередной раз замедлило свой хаотичный бег. Но у Александра привычка держать руку на пульсе даже самых нестабильных материй на высоте. Пол уходит из-под ног, и внутренности ласкает теплым бризом, когда высшая сила крепко прижимает меня к его груди. Я даже не успеваю понять, что произошло, пока холодная вечерняя сырость набирающей обороты осени не схватывает неприятной дрожью пальцы, вцепившиеся в лацканы его пиджака. Он не торопится опускать меня на землю, словно хочет защитить от порывов ветра и любого холода, который может причинить мне вред. А я боюсь дышать, чтобы не спугнуть эмоцию, которую давно считала похороненной. Ловлю в душе лучи весеннего солнышка (они закручиваются спиралью по замкнутым линиям нервной системы), и не могу погасить эту улыбку.

Еще далеко до того, чтобы я предположила себе дальнейшее развитие событий. Скорее всего, оно напугает меня посильнее визита инопланетян. И мои ощущения в кольце его сильных рук с напрягшими узлами сильных мышц имеют мало общего с сексуальным возбуждением — это ощущение тепла и практически счастья... Такая вот ничтожно короткая промо-акция, тизер, трейлер, но достаточно, чтобы показать открывшуюся перспективу, пока еще только одну ее сторону — ту, которая на самом деле сейчас необходима даже в микроскопической дозе. У меня нет сомнений в том, что все остальное не менее прекрасно и чувственно. Я еще остерегаюсь воспроизводить подобное даже в мыслях. Притом если бы даже попыталась, сфера сексуальных отношений никак не

выстраивается в логический ряд. Может, потому, что я сейчас в перманентном состоянии ребенка, а не роковой соблазнительницы?

Вечером я попыталась позволить своим предположениям и фантазиям совершить осторожный диверсионный шпионаж в долину запароленного пока будущего. Удалось с трудом, и, устав штурмовать блок собственного сознания, я уснула. Мой фантом, который не собирался убирать руку с пульса естества осмелившейся поверить в чудо Беспаловой, нанес свой удар во сне.

Вряд ли это под силу расшифровать даже Ирине, подумала я утром, шарахаясь от собственной тени и завесив огромное зеркало в ванной. Записывать ассоциации? Ассоциация была одна. КОШМАР.

Во сне я видела просторный зал с ковровой дорожкой по центру... пальцы ощущали шелковистую мягкость перчаток, почему-то белых, но в то же время я смотрела на происходящее со стороны, и все равно видела какие-то отдельные элементы. Фрагмент белой... фаты? Отблеск кристаллов на оборках подола? Того, кто рядом, тоже невозможно разглядеть... взгляд цепляется в необъяснимой тревоге за идеальные стрелки на черных брюках и глянец стильных кожаных туфель... Секундным 25тым кадром — режущая глаз белизна сорочки с черным галстуком-бабочкой. Лица я не вижу.

Что-то заставляет в панике отшатнуться в сторону. Горло затягивает ледяной коркой ужасающего предчувствия. Почему я снова уклоняюсь от...

— Что они в нас бросают? — поворачиваюсь к тому, кто рядом... остроконечный кристалл льда пробивает трахею изнутри, передавив артерию. Я задыхаюсь! Осязаемо, до первых моментальных конвульсий, в панике оглядываясь по сторонам и не замечая ничего. Серая пелена сгустившегося тумана накрывает призрачными щупальцами, они тянутся к горлу, я очень надеюсь, что сейчас все пройдет... Но вместо этого они оплетают деревенеющими на глазах лианами, неумолимо увлекая за собой. Каблуки туфель цепляют дорожку, скользят по мраморной поверхности пола, с усилившимися судорогами конечностей...

Я кричу и, кажется, даже рыдаю, но не просыпаюсь... Очень хочу проснуться, пытаюсь, но не могу — это... реальность? Свет гаснет перед глазами, я из последних сил вглядываюсь в вязкий мрак... Вижу застывших зрителей моего кошмара — они стоят и равнодушно наблюдают за мной, не делая попытки помочь или вмешаться. Взгляд выхватывает протянутую руку того, чье лицо все еще в тени, но она опускается с каждым мигмом моего отдаления в смертельный мрак вслед за жестокими лианами...

Я не вижу тебя, я вообще мало кого в этом сне могу увидеть — эмоции не нуждаются в визуальной оценке. У этих удушающих, медленно убивающих объятий — твоя хватка, свойственная лишь тебе одному несовместимость нежного и жестокого подавлении воли. Обновленная кровь в моих венах наливается красноватым свечением, невозможно отвести глаз от этого периода окончательного распада. Еще немного, и тысячи, миллионы черно-алых клеток восстановят свои прежние позиции, запущенные одной командой твоего диктата. И даже этого тебе будет мало. Тройное переплетение лианы сжимается на горле ошейником скорой смерти, и серый туман заполняют ключья непроглядной тьмы... Еще немного, и свет погаснет навсегда, а я ничего не смогу сделать...

«Тебе никогда не сбежать от меня! Только попробуй, я отыщу тебя и сотру эту эйфорию со всех извилин твоего мозга. Будет не просто больно... Захочешь умереть! Но я не дам...»

Я открываю глаза с последним хрипом — кричать уже нет сил... Теплое одеяло сбилось

на моей шее удушающим валиком, передавив подобием безжалостной лианы. Сердце взрывается ударной тахикардией, пока я жадно глотаю ртом воздух. После такого трэша о стандартном начале позитивного утра не может быть и речи. Все подчинено автоматизму, состояние испуганного, потерянного ребенка не отпускает ни на миг: душ, приготовление кофе и незамысловатого завтрака. Последние усилие — блокнот и авторучка. Я хочу избавиться от этого наваждения, пусть путь к свободе отнимет все мои силы...

Красная ковровая дорожка... Слава? Успех? Благополучие?

Белые элементы — фата и стразы... Как и черный мужской галстук-бабочка... Свадьба?

Бросок... Кажется, это были канцелярские принадлежности. Летели мимо — война? Обстрел? Угроза? Стремление напугать?

Лианы... Все просто — неволя. Несвобода. (логично, что джунгли и Маугли, но ты сама просила писать первую ассоциацию, которая придет в голову?)

Серая мгла... в тумане нулевая видимость. Отсутствие возможности видеть выход?

Равнодушие окружающих... Чаще всего, увы, жизнь.

Удушье... Разве нужна ассоциация? Она только одна. Угроза жизни.

И протянутая рука. Кто-то пытался меня спасти. Почему прекратил попытки?!

Сама Ирина не станет на следующем сеансе вдаваться в детальный анализ. То есть, конечно, станет, но не всеми своими умозаключениями поделится. Ограничится несколькими фразами: я держусь за прошлое и боюсь его возвращения, потому что все еще не отпустила. И отказ верить в его смерть — психологический блок, отрицание мнимой вины, подсознательное желание получить наказание за это желание оставить все в прошлом. А свадьба и ковровая дорожка — все хорошо, ты подсознательно готова к переменам, к новому защитнику подле себя, хотя и осознаешь, что предстоит преодолеть некоторые трудности, но они тебя во сне не задевают — поэтому под силу их преодолеть. Равнодушие окружающих — это просто контраст на фоне того, кому будет не все равно, а вот протянутая рука — ты ее еще не приняла окончательно, поэтому пока не под силу помочь тебе даже ему. А отсутствие лиц — так ты отрицаешь некоторые очевидные вещи, вернее, определенного человека...

Вроде все лаконично и ясно, но я шестым чувством уловила, что она очень многого мне не договаривает. А уже через несколько минут захлеб говорила, описывая в деталях некоторые события, кажется, уделив особое внимание обоим сабспейсам и моментам позитивных просветлений. Позже мы пили чай, и Ирина впервые озвучила то, что вызвало во мне попытку рефлекторного сжатия всех защитных створок.

— Ты практически нашла путь к себе. Ты поняла, что тебе необходимо. Проблема одна: тебя привели к этому насильственными методами — и поэтому мозг отрицает твой новый внутренний мир. От этого я тебя уже не смогу вылечить. Потому что совсем не заболевание. Более того, ты поняла это раньше многих.

— Я не хочу быть нижней! — грубо оборвала Ирину, проклиная себя за сладкий ток во всех отделах позвоночника. — Боюсь, ты еще не совсем проникла мне под кожу! Я могу даже с тобой спорить!

Глупая, глупая Юляшка. Чтобы мадам Фрейд обиделась или осадилась? По части невозмутимости с ней мог соревноваться только Алекс.

— Но ты без страха доверила себя новому партнеру, который, с твоих же слов, оградил тебя от сильных моральных переживаний — но ты подсознательно просила их больше и больше.

— Мужчины тоже хотят энеджерджайзера, а не бревно в постели!

— Это разные вещи. Ответ, — ее кошачьи глаза на какой-то момент приобретают хищное выражение. — Когда ты прокручиваешь в памяти особо тяжелые моменты, даже с зеркалами, даже со слезами, разве ты чувствуешь боль? Разве твои слезы выбивает не прочувствованный анализ сладкой беспомощности и высокой эмоциональной пляски? Разве твое сердце стучит от ужаса? А вместе с желанием забиться в угол не появляется сексуальное возбуждение?

Нет, еще не сейчас. Сейчас я еще не готова вцепиться ей в глотку. Но скоро, ей-богу! Потому что правда хлещет по губам и щекам самыми безжалостными пощечинами.

— Ты не виновата. И нет никаких ментальных связей, ты их придумала! Навязать тебе могли все, что угодно, но у тебя всегда есть выбор, принять или оттолкнуть! Юлия, ты здесь для того, чтобы осознать, что тебе необходимо, и двигаться дальше. А моя роль — не причинить тебе моральных страданий в ходе нового становления твоей личности. Ты готова сотрудничать дальше?

Не представляешь, как я готова... Даже то, за что захочу тебя убить, станет последним кирпичиком в фундаменте новой меня. Просто пока еще трудно поверить!

Что до Александра... Сближение шло полным ходом, как бы я этого ни отрицала и ни отказывалась признавать. Нет, он не давил на меня и не форсировал события. Все было на уровне знаков, которые я с искусно наигранным упрямством-испугом отказывалась замечать. Случайное сжатие пальцев на подлокотнике водительского сиденья. Дуновение горячего дыхания на моем затылке. Ласкающий сканер взгляда, значение которого понятно любой дочери Евы на подсознательном уровне. Эта забота в мелочах, чего только стоил один взгляд на мое открытое декольте под порывами сырого ветра и уверенно завязанные узлы шарфа на моей шее на стоянке академии... Половина студентов точно выпала в осадок. Он уже сейчас укрывал меня своим биополем по праву сильнейшего даже от порывов осеннего ветра — ничего не требуя взамен, но уверенно искореняя из сознания засевший там образ, который я так не желала отпускать! При каждой последующей встрече он стал целовать меня в губы быстрым, почти целомудренным поцелуем, обнимая за плечи и, готова поклясться, всегда внутренне напрягаясь и сжимая ладони, когда что-то грозило этому помешать. Приручение, то есть, правильное, приручение к себе рассекало круги трассы жизненной «Формулы-1» с незаметным пока ускорением. А еще мы много говорили, как правило, во время ужина (несколько раз в ресторане престижного уровня, где я хладнокровно справилась со столовыми приборами и этикетом, хвала Гуглу). С ним было интересно говорить на разные темы: литература, кино, даже сгустившаяся политическая ситуация в стране, метания главы государства между ЕС... Фак! Евросоюзом и братьями-россиянами... Мой уровень самообразования и начитанности позволял поддержать любой разговор, пусть, выходя утром из книжного магазина с книгами Макс Фрай (это женщина!) и Сэлинджера, я говорила, что прочту их исключительно от скуки за несколько вечеров. Самообман был обречен на провал. Мне не нужно было умничать и сыпать цитатами. С ним я могла легко говорить на эти темы, ощущая, как повышается самооценка и замыкаются клеммы особого духовного единения, первооснова для предстоящего прорыва... и только тогда, когда я буду к этому готова!

Второй поцелуй был таким долгожданным, как бы я этого ни отрицала! Мне уже сейчас хотелось переложить ответственность за него на его сильные плечи. Во многом моему настроению, состоянию свободного парения способствовал третий сеанс у Ирины, на

котором она со сноровкой матерого спецназовца отстрелила чувство вины и самокопания. Я допивала белый чай и с удивлением прислушивалась к себе. Говоришь, нижняя сущность? Она назвала это более заумным термином, но я его в который раз не запомнила. Нижняя так нижняя. Попытки заставить себя насильно фантазировать о роли госпожи вызывали оскомины на зубной эмали и желание скривиться. Осознание своих истинных желаний — наоборот, теорию мини-взрыва кипящих огненных разрядов. Сабмиссивная маза до кончиков идеально покрашенных ногтей? Пусть! Это стало источником жизненных сил, зачем отрицать? Осталось слететь еще несколькими блокам, Ира Милошина знала свое дело. Но, как сама любила повторять, быстро не будет.

«Мир огромный открывает двери. Чистый. Добрый... Я ему не верю» — веселый бит этой мелодии пока не истребить и не заткнуть... Этой осенью рано начали желтеть листья. Преимущественно зеленые лиственные кроны Лесопарка кое-где горят золотом скорого увядания, и кажется, что их достигли лучи яркого солнца с затянутых серой мглой неприветливых небес.

— Американские горки? Комната страха? Что мы еще не обкатали в парке Горького? — шутит Алекс, заметив, как я в очередной раз восторженно прижалась к тонированному стеклу, наблюдая за окружающим пейзажем, который сменяется за окном с беспощадной скоростью.

— Не хочу сегодня... — поворачиваюсь, стараясь понять его истинное настроение... Едва не начинаю хлопать в ладоши, когда автомобиль прижимается к обочине у развилки нескольких тропинок вглубь лесополосы.

— Завяжи шарф и пойдём. — Надуваю губки, дав ему очень хороший повод сделать это самому. Сердце делает очередной кульбит и пускается в пляс, а я рассматриваю свой французский маникюр, как музейную картину, изо всех сил демонстрируя бесстрастность — опять так близко его глаза... в которые я не готова смотреть при подобных обстоятельствах. Боюсь не вынести незнакомой прежде эйфории.

Шум ветра в кронах деревьев, треск веточек и желудей под подошвой кроссовок, приятный аромат грибной сырости перекрывает запах смолы немногочисленных сосен. Здесь так спокойно, что я, впервые не раздумывая, отдаю свою ладонь в предложенную руку, может, внутренне вздрогнув от подзабытой уверенности в правильности и адекватности происходящего. Сегодня этой девочке хочется веселиться, она даже без своих каблучков в 12 сантиметров, наверное, ей впервые за долгое время так беспечно весело и тепло. Я ничем не руководствуюсь и ничего не ожидаю, когда вырываю ладошку и вприпрыжку отбегаю на несколько шагов вперед.

— Ты думаешь, не догоню? — если бы малышка Юля Беспалова в этот момент увидела себя в зеркале, наверняка бы заметила, что наши взгляды стали поразительно похожими. Как и улыбки. Как и интонация произнесенных слов. Как и стук сброшенных масок о глянцевую поверхность пола. Догонишь? В своем дизайнерском прикиде за несколько штук евро и блестящих кожаных туфлях не меньшей стоимости?

— Неа! — не заморачиваясь анализом того, что именно делаю, просто показываю ему язык... И, кажется, не собираюсь убегать, хотя по законам игры, наверное, стоило бы... Чего, спрашивается, удивляться тому, что уже через несколько секунд ощущаю спиной ребристую поверхность сосны, нежный залом обеих рук о ствол хвойного дерева... Накрывающую силу мужского тела — так быстро, что нет времени на испуг и протест... ладно. Сдаюсь. Нет желания сопротивляться!

Я снова смотрю в его глаза. Последний рубеж, непобедимый бастион в смертоносном хаосе, который распахнул свои двери только мне одной и только в этот момент. Опускаю ресницы следом за его взглядом, сместившимся к моим губам, прекрасно понимая, что сейчас произойдет, и ожидая этого с аритмичным нетерпением... Мои губы в этот раз просто не подчиняются разуму. А язык впервые одержим стремлением ответить, изучить, просканировать, восполнить пробелы прошлого поцелуя... В этот раз настойчиво-властного, с легким прикусом каймы, от которого вздрагиваю всем телом, беспомощно зажатая в сладких тисках с переплетением ласкающих пальцев на моих запястьях, почти агрессивного от обнажившейся страсти. И в то же время достаточно властного и успокаивающего, чтобы не появилось у меня желания вырваться и пуститься со всех ног... Впервые за долгое время нажимы на болевые точки доверчиво открытых губ запускают сверхскоростной транзит в солнечное сплетение, в низ живота с рефлекторным сокращением мышц и погасшего под напором чужого языка стона. Именно та реакция, которая и должна была быть на такой поцелуй! Затылок вдавливается в шероховатый рельеф сосновой коры, острые грани расколотой древесины цепляют мои рассыпавшиеся волосы, а губы зажаты в самых желанных тисках чужих губ, которые пьют мою волю и вместе с тем отдают собственную до последнего вздоха, до финальной пульсации критической точки. Перешагнем ли мы сегодня этот рубеж? Хотя, видит бог, очнувшись через время в его объятиях, оглядывая просвет серых небес сквозь кроны колышущихся от ветра деревьев глазами, застланными сладкой пеленой, я с изумлением поняла, что не остановила бы его, даже реши он прикрутить меня к дереву своим ремнем и дать первый урок под названием «как правильно мне принадлежать». Моя голова доверчиво уместилась на его плече, а ноги не чувствовали опоры — все потому, что он умудрился поднять меня на руки.

— Все хорошо? Сможешь идти? — «Надо же, какая вопиющая самоуверенность с вашей стороны!». Не хочу я шевелиться. Я готова позволить ему донести меня до машины, и непонятно, что же останавливает, скорее всего, подсознательное желание не преодолевать прыжками новый этап. Скорее всего...

...Могла ли я, лежа на каменной столешнице хаммама под артобстрелом двух пар зловредно-любопытных глаз, сейчас рассказать им об этом и позволить все опознить фразами в стиле «не натерла горло?» или «сколько раз за ночь тебя отфритюрили»? Примечательно, что наедине с каждой из девочек я бы могла спокойно рассказать о поцелуях и о том непередаваемом спектре эмоций, который испытала, и они бы выслушали меня с ненаигранным почтением, восхищением, не скрывая свой романтический уклад сущности под вопросами «а какой длины». Но здесь царило негласное правило. То ли «когда мы вместе, никто не круче», то ли «я типичная оторва, даже круче тебя». Причем в подобной ситуации шла негласная борьба за одеяло между Элей и Лекси, я формально оставалась наблюдателем. Они весело самоутверждались за счет меня. Упражнения в остроумии продолжались, и два посторонних человека, раскатывающие скраб по моей и Ленкиной распаренной коже, были для них просто элементом теплокровного декора.

— Зачем тебе кофе? Мы еще в парилку собирались, — грубовато ответила я на попытку Эли выяснить, не предлагал ли новый бойфренд связать меня обувными шнурками и отшлепать языком.

— Прошу прощения за вмешательство, но в этом случае вам противопоказана парная с высоким температурным режимом, — деликатно проинформировала моя массажистка. — Максимум сорок градусов.

— Вот и жди теперь, думай, что я сделаю с кофе! — пригрозила Эля, которая собиралась рискнуть с температурой в 70 °С. На ближайшие полчаса я была избавлена от их атак — такая температура не располагала к душевным разговорам. Но стоило только нам, освежившись в прохладной воде бассейна, вернуться в крытое патио, где уже предусмотрительно ожидал большой кофейник и восточные сладости, Эля перешла в очередное контрнаступление.

— Нет, ты, конечно, думай что хочешь. Но я тебе, кажется, говорила, что он из себя представляет, или напомнить?

— Ну, а чего ты вообще там отиралась? Развязала бы модель с криком «да здравствует свобода!», сфотографировала бы хозяина этого бардака крупным планом на доску почета ближайшего отделения милиции, зажала Дениса в угол с требованием дать показания против — что мешало-то?

— Ну, мне там никто не угрожал... просто...

— С таким гонораром ты бы и сама согласилась на обвязку? — Лекси расхохоталась, а я ощутила триумф победительницы, как легко, оказывается, можно перевоплотиться из жертвы в охотника. Но чтобы наша знойная лезгинка сдала свои позиции?

— А вот тебе не кажется это странным? Он словно подбирался к тебе... Я и не поняла сразу, но вы теперь постоянно вместе! Юль, психолог, рестораны, а то твоё платье...

— Ну, понравилось мне платьице в витрине... Я же не думала, что он запомнит и купит!

— Да он приручает тебя! Дрессирует потихоньку! Кстати, психологичка... Она тебе не вбила в голову, что он твой царь и благодетель и ты обязана отблагодарить?

— Эля, ты такое скажешь... Это же Милошина! У нее запись на год вперед, а гонорары! Ее вся Европа знает, она творит чудеса... Даже маман в свое время не смогла попасть к ней на прием! — внезапно впрягается Лекси. — Да эта не позволит себе такой косяк...

— Юлечка, а ты ей лично платишь? — прищуривается Эллада, с грацией гейши разливая кофе по маленьким чашечкам. — Вообще-то, платит тот, кто заказывает музыку...

Я вспомню эти слова совсем скоро. Именно так мне покажется в наш следующий сеанс психотерапии...

— Ты пей, кофе потрясающий. Да, Лекс? — хитро улыбается Эля. Что они снова задумали?

— Надеюсь, ты не подмешала туда пентотал натрия... — это действительно гастрономический шедевр. Здесь его готовят на раскаленном песке по оригинальному рецепту, который является ноу-хау салона. Все это успела рассказать мне будущая наследница бьюти-империи, которая пока что прожигала беззаботную жизнь и мало беспокоилась за расписанное наперед светлое будущее. Я, кажется, даже пошутила, что мы могли бы стать конкурентами, согласись я на Димкино предложение... только, наверное, Лекси этому б обрадовалась — какое счастье, двум подружкам будет о чем поговорить за чашечкой чая! А клиентов мы делить не будем, правда, Юля? Мы их попросим по четным числам ходить к тебе, а по нечетным ко мне, да?

...Я выпила кофе под пристальным взглядом обеих подруг.

— Целовались? — наклонилась к уху Лекси, пока Эллада отнюдь не нежно вырвала из моих пальцев чашечку с кофейной гущей на дне. Да эти две сегодня способны думать о чем-то еще, кроме секса? Неосознанно улыбаюсь, ощутив в реальном времени осязаемый нажим его губ, прерывистое, несмотря на стальной самоконтроль, дыхание в полуприкрытые губы, а затем с подчиняющим скольжением по пульсирующей коже в нажатых запястьях...

— Ну, что и требовалось доказать, — с видом триумфатора заявляет Эля. — Съешь лимон, от твоей улыбки сейчас бассейн вскипит. — Непонятно, как она увидела, что я улыбаюсь — мои флюиды на тот момент наверное бились о мозаичные стены хаммама и рикошетили мини-бумерангами по сознанию девчонок. Сама же Эллада что-то рассматривала на блюдечке и на дне пустой чашки, и ее припухлые губы сложились в трубочку под маской изумления.

— Попала ты, Беспалова, — с непередаваемым трагизмом выдохнула она. — Это просто полный писец... Не может быть...

— Тебе вредно долго находиться в парилке, — проигнорировав укол тревоги, огрызнулась я. — Вот, уже молотые зерна нашептывают тебе правительственные секреты.

— Смотри сама. Что ты там видишь?

— Скраб для тела! — продолжаю игнорировать ее обеспокоенные глазищи, а Лена перехватывает инициативу, отбирая чашку.

— Это же... Обручальные кольца!

— Много ты понимаешь, дитя зазеркалья. Это наручники как минимум!

Я стараюсь не показывать любопытства, смотрю на рельефные разводы кофейной гущи. При очень большом полете фантазии там действительно можно разглядеть подобие пересеченных замкнутых окружностей. У Димы на ладони я тоже когда-то разглядела дельту Амазонки, было бы больше времени, точно увидела б пирогу с туземцами. Поворачиваю чашку по кругу, прищурившись... С этой стороны можно увидеть два силуэта и один похож на женский... Нервно хихикаю, осознав, что умудрилась разглядеть даже фигурку ребенка.

— Я вижу кровь и бензопилу... Нет... о боже... труп девушки с надписью на лбу «Магометовна»... — отставляю чашку, все еще веселясь, но и раздражаясь понемногу. — Эля, может, хватит фигней страдать? Все самое страшное со мной уже случилось! Ты теперь в каждом мужчине рядом будешь видеть серого волка?

— Ты без меня знаешь, как он умеет очаровать... Но после Димы в руки аналогичного извращенца?!

— Мне кажется, ты утрируешь!

— Юль, — вмешивается Лекси. — Когда меня ломало по всем параллелям из-за Вовика, Элька увидела по гуще, что он приползет обратно. И машину, кстати, тоже!

В следующие несколько минут я имею прекрасную возможность наблюдать, вернее слышать, как Эллада говорит по телефону на грузинском языке.

— Бабушка, — с пиететом информирует на ухо Лена. — Она потомственная гадалка на кофейной гуще у нее. Расшифрует любые знаки!

— Насколько я знаю, увидеть на дне «ламборгини» не значит получить его в подарок. Это говорит лишь о скорости... как известии... или стремлении к дорогому и красивому... — Помимо воли замолкаю, посмотрев на Элю. С нее слетела показушная спесь дорвавшегося до власти прокурора-обвинителя. В больших восточных глазах растерянность... Но слава богу, без ужаса и решительности.

— Юль, ты действительно так... хорошо его знаешь? — тихо спрашивает она, наливая себе новую порцию изумительного кофе. — Я понимаю, просто если человек живет такими интересами... Мне трудно это понять... Скорее всего, это тот еще диктатор...

— Мы идем сегодня с вами на всю ночь в клуб или нет? — прерываю ее рассуждения. — Отвечай. Идем?

— Конечно... разве ты передумала?

— Внимание, вопрос, уважаемые знатоки. Ты где-то видишь цепь, которая меня туда не пустит? Мой телефон разрывается звонками с требованием «быстро домой»? Я слезно упрашиваю папочку отпустить деточку на дискотеку?

Я намеренно не говорю им, что этот вопрос был согласован... если можно так сказать. Я просто ответила на вопрос, какие же у меня планы на субботу, правду. Я хочу оторваться на полную катушку, есть возражения?

Их не было. Было только одно условие — никаких такси, пришлю за вами Дениса. Отчасти поэтому Эля так взбесилась, что перешла в атаку, хотя я ей не призналась, что стала причиной сверхурочной работы ее бойфренда.

— Я просто почему спрашиваю... Похоже, наша ванильная прелесть, — кивок на Ленку, — была права. Это кольца. Хотя и наручники имеют похожее значение...

— Эль, ты с дуба рухнула. Ну какие кольца? Ты в своем уме?

— Когда ты сказала, что Димка сделал тебе предложение, я впала в легкий ступор. Решила посмотреть что да как. Кофе действительно показал свадебный пир и союз...

— Не твой кофе теперь рыдает в подушку и не спит ночами!

— Но он никогда и не врет. Теперь я думаю, что просто не рассматривала вариант, что это будет кто-то другой и совсем скоро...

— Еще и скоро? Дурочка...

— Если я окажусь права, сделаешь меня ведущим фотографом на своей свадьбе!

— Только гостьей и подружкой невесты. — Мне хочется беспечно хохотать. Шутка с кофе удалась на славу. — А пока я холостая и свободная, как ветер, предлагаю отбросить виртуальное будущее и сосредоточиться на реальном настоящем. Кто что надевает в клуб, чтобы мы не выглядели тремя близняшками?..

Почему жизнь такая непостоянная и, отбросим сантименты, такая сука? Нет, я, конечно, понимаю, что за рассветом всегда следует закат, темная ночь, снова рассвет, если повезет — солнечный, волнующий, заряжающий позитивом на весь день... Но почему моя жизнь — это проклятый «Луна-парк» с обилием аттракционов, которые даже не раскачивают, подобно качелям, из стороны в сторону под равномерными усилиями толкающей ладони фатума, а швыряют то вверх, то резко вниз, запуская ненормальную аритмию, которая когда-то точно прикончит молодое и здоровое сердечко?

Я так хотела вырваться из замкнутых серо-черных стен своей одержимой депрессии! К тому же несравненная Ирина Милошина заставила меня поверить в грядущие перемены! Почти подвела за руку к принятию себя и осознанию особой, уникальной роли в этом мире, той самой, к которой многие идут годами, но так и не приходят — не находят отчаянной смелости разобраться в себе, признать свое истинное «я», прижимаясь к своду незыблемых общественных законов, шаблонов и постулатов. Можно ли их за это винить? Таким уже не пояснить, что их скрытые тайные желания абсолютно нормальны и приемлемы, это законы эволюции, прописанные на уровне первобытных инстинктов. С мужчинами-охотниками все понятно, но разве не было гордых и величественных амазонок, упоминание о которых встречается в культурном наследии многих народов?..

Мы взорвали ночной клуб одним своим появлением. Знакомиться с кем-либо не было ни цели, ни желания. Цель была одна: топтать каблуки на танцполе до жжения в подушечках пальцев, до отчаянного стремления оставить все бывшее здесь, в замкнутом периметре одного из крутейших ночных клубов Харькова, до приглашения от администрации выступить танцовщицами гоу-гоу. Никто не напился до визга и не уснул в салате, сложно было отбрить армию желающих познакомиться, но мы расправлялись с ними безжалостно.

— Ты не знаешь, что теряешь, бейба! Поверь, не пожалеешь! А кому ты звонишь?

— Маме, мой сладкий. Попрошу испечь шарлотку и заварить чай. Ты ей понравишься, она уже достала упреками, что я никак не выйду замуж!

— Крошка, мне как воздух необходим твой телефон, — ржачная попытка отзеркалить мою небрежную позу по законам НЛП, — иначе я потеряю покой и сон...

— Это паралич лицевых мышц или попытка изобразить улыбку Роберта Патиссона?

— Ты покорила мое сердце, дай мне свой телефон, — я сейчас заплачу, — открой в него мне дверцу!..

— Он на прослушке СБУ, свали к соседнему столу, там точно твой контингент, а твой тренер пикапа мошенник-импотент!

— Давай начистоту, вы взрослые девочки, мы состоятельные мальчишки, поехали к нам?

— Вы подкатываете к даме без цветов? А как вы одеты? Вы что, забыли побриться? До свидания!

В ту ночь мы не боялись ни бога, ни черта. Мы бросали вызов всем обстоятельствам и запутанным страхам, всем попыткам навязать нам скучные стереотипы и нормы непонятно кем придуманных законов. Мы ставили лазерные метки потрясающей уверенности в собственной правоте, пока еще в стенах клуба, на всем, к чему прикасались, усилием мысли или взгляда. Каждая из нас была завоевательницей обновленного мира в борьбе за

собственный рай под флагом беспечной свободы. Я больше не боялась задеть в каждом, кто желал провести со мной время, сторону его личного темного закоулка своим отказом или вызывающей наглостью. Может, потому, что чужие черные крылья уже распахнули надо мной свой защитный купол, убаюкали легкой анестезией, продолжая вживлять под кожу армированные нити умиротворяющего покоя и непреклонной уверенности в том, что меня больше никто не тронет. Наверное, девчонки чувствовали то же самое под влиянием эндорфинового полета от завязки новых и хорошо забытых старых отношений. Мои губы пылали под незаживающей меткой новых поцелуев Алекса, и было настолько легко и хорошо, что я не стала задумываться, почему метка Димы сейчас казалась столь ненадежной. Может, потому, что во мне уже поселилось желание ее срезать, уничтожить, рассосать рубцовую ткань до полного уничтожения? И плюньте мне в лицо те, кто скажет, что у меня не получалось. Это было тяжело. Засыпала с неохотой, зная, что во сне мне обеспечен очередной вынос мозга, но с каждой новой ночью я, словно заядлый геймер WOW, приобретала все больше новых средств самообороны и загадочных артефактов, которые позволяли стать сильнее и неуязвимее. Обвинения моего фантома бились о сталь новых сверкающих лат пейнтбольными шарами, раскрашивая их в цвет радуги мазками одержимого художника, отчаянными муками творчества непризнанного при жизни мастера экспрессионизма. А я пока еще робко улыбалась в ответ на его доводы, просьбы, ультиматумы и угрозы, осторожно смакуя новую силу, которая пока что только тянулась к свету цветочной стрелкой лианы орхидеи *Phalaenopsis Black Butterfly*. Нежный, еще уязвимый для жестокого мира джунглей Борнео бутон нового соцветия даже не начал набирать окрас цвета ночи, но готов был вскоре раскрыться сверхзвуковым хлопком всеми шестью лепестками. Они смогут ужалить ядом гораздо большей концентрации, чем токсин ее сестер. Их черная аура могла ломать судьбы и сдвигать параллели с меридианами одним фактом своего существования. Новый цветок был призван стать тотемом в сердце избранного человека, и горе тому, кто посягнул бы на экзотическую красоту этой уникальной драгоценности.

Уже потом я узнала еще одну легенду об этих прекрасных цветах. Самые романтичные утверждают, что именно ученый-ботаник Джордж Крэнлейт показал миру черную орхидею, цветок которой он украл у одного из племен в Южной Америке. Папуасы, считавшие растение священным тотемом племени, не оставили безнаказанным страшное, по их мнению, преступление. Они подвергли нерадивого ученого страшным пыткам. Но именно его безрассудство, как уверены многие, открыло экзотическое растение из южноамериканских джунглей.

Но сейчас этот еще не раскрывшийся цветок был в руках того, кто никогда его не отдаст и не отпустит. Я не могла пока этого знать, но присущая каждой женщине интуиция вопила об этом во весь голос — а мне только предстояло научиться слышать зашифрованное послание собственного шестого чувства...

Этот день выдался солнечным и теплым — казалось, совсем несвойственным для двадцатых чисел октября. В парке уже активно желтела листва, первые заморозки пощекотали нервы обещанием скорых холодов, едва уловимым дыханием приближающейся зимы, которая вот-вот принесет с собой кровавые политические события, но о них мало кто пока догадывался. Не догадывалась о них и я, когда утром пыталась догнать в сознании обрывки сна с какой-то малозначительной гонкой по составу движущегося поезда. Меньше боевики надо было на ночь смотреть. Отметив в блокноте «поезд — перемены, скорость —

жизнь не стоит на месте, бег — активность», я нырнула с головой в тридцатиминутную танцевальную тренировку, даже не отрицая, что именно мысль о том, что сегодня вечером снова увижу Александра, поднимает настроение сладким предвкушением высотой в разрушительное, но ласковое вместе с тем цунами... Эта мысль разгоняет кровь по сплетениям мышечных волокон и проникает глубже, окутывая своей защитной легкостью... И впервые мне не хочется сопротивляться, я готова впустить эту осторожную пока эйфорию в себя до последней капли, до каждого слияния нейронов и атомов, которые сплетут со временем идеальную структуру. Это моя уникальная возможность вырваться. Еще рано говорить о чувствах, говорить, по сути, просто не о чем, но желание оставить кошмар позади сильнее всех возможных опасений будущего.

Я готова говорить о чем угодно до мельчайшей детализации, до надуманной решительности, но к тому, что произойдет вечером, невозможно подготовиться...

Предчувствия катастрофы утром не было. Я бы даже сказала, замечательный день, всего две пары, выпила чаю с Мирандой Пристли, когда зашла посоветоваться по поводу предстоящего через год диплома, составила Эле компанию и тоже соблазнилась парафинотерапией ручек. Это шикарное ощущение, когда мир сам вращается вокруг тебя, а не ты едва поспеваешь за его безумным ритмом, теряя терпение и нервные клетки. Я все еще плавила в лучах этого позитива, запрыгивая в условленное время в «лексус» Алекса, успокаивая биение застучавшего сердечка с послевкусием щемящего, приятного испуга на губах от поцелуя. С каждой встречей он становился более глубоким и подчиняющим, медленно расширяя свои полномочия на готовой к захвату территории. Ему не нужно было жечь восставшие города и истреблять их обитателей, путь его дипломатии изначально был выслан ковровым полотном принимающей стороны. Слияние-поглощение шло своим чередом, а я не желала ему сопротивляться ни в коей мере. Меня вообще занимали совсем иные вопросы.

Ничего не поделаешь. Самокритичность и комплекс неполноценности присущи в той или иной мере даже королевам. Не избежала этого и я. Раньше страх и чувство нереальности новой зарождающейся робкой симпатии занимали все мои мысли, но, когда я убедилась в том, что это не иллюзии, страх зеркала обрел новое направление. Я так уверенно и беспринципно посылала в ад мелькающую за спиной тень доставшего меня фантома, что она таяла, побившись для проформы головой о колючую проволоку моего нового защитного поля. Я вглядывалась в свое отражение, пытаюсь понять, что такой мужчина мог рассмотреть в, по сути, совсем еще ребенке, не вполне сформировавшейся девочке. Миловидное личико? О, я подозревала, что он мог бы легко добиться взаимности от каждой из «мисс Вселенная», которым я значительно уступала внешне. Точеная фигура? Да, не один десяток подростков и тех, кому за, втихаря свихнулся на этих самых изгибах, только Алекс ни разу не раздевал меня глазами и даже не смотрел на мою грудь, какое бы откровенное декольте ни было у каждого нового платья. Я была гораздо эрудированнее и сообразительнее своих подруг, впитывала новые знания, как губка, могла поддержать любой разговор на должном уровне — но достаточно ли этого было для того, чтобы удерживать рядом такого мужчину? Мои вопросы оставались без ответа, сомнения грызли куда чаще, чем атаки бестелесной Димкиной тени, и вместе с тем аура некой избранности, уникальности и непохожести на других набирала обороты, пока еще робко, но с каждым нерешительным шагом все сильнее и крепче. Само наличие подобного мужчины в арсенале каждой девчонки обещало в скором времени поднять самооценку до небес.

Перед этим сеансом у Ирины я была в приподнятом настроении, восхищалась осенними красками, солнечными бликами в витринах магазинов, приближением скорого листопада. Алексу, казалось, передалось мое настроение, он улыбался той самой улыбкой, которую я видела так редко и только мимолетно — искренней, настоящей, той самой, что собственноручно снимала с него маску хладнокровного эстета-повелителя.

— О чем вы там говорите? — качая головой и не сводя глаз с убегающего под колесами ровного блестящего асфальта, шутливо интересовался он. — Готовите план по захвату земного шара?

— Мой психолог запретила мне обсуждать это с кем бы то ни было!

— Я умею убеждать. Может, расскажешь сама?

Я расскажу ему это очень скоро. Только дар убеждения тут будет ни при чем. Это будет подзабытая истерика с обвинениями в адрес первоклассного специалиста в области психоанализа и даже отказ от продолжения лечения, и только чудом меня уговорят это продолжить. Я не догадываюсь, интуиция спит, даже когда Ирина лично заваривает мне изумительный белый чай, потому как только она одна знает секреты его приготовления и не доверяет секретарю. Ее умные внимательные глаза отмечают малейшее изменение моей улыбки, я чувствую это очень хорошо. Малоприятно, но я сама согласилась сотрудничать. Кажется, даже улавливаю секундное замешательство железной леди Фрейд перед тем, как она указывает на удобную кушетку для релаксации.

— Сегодня я попробую погрузить тебя в гипнотический транс. — Сердце срывается с места, стучит в грудную клетку с пока не высказанной просьбой выпустить на волю, и я смотрю на Милошину умоляющим взглядом напуганного ребенка.

— Может, не стоит? Ну пожалуйста...

— Чего ты боишься?

Мне сложно подобрать ответ на этот вопрос. Я боюсь того, что посторонний человек сейчас раскроет мое сознание, увидев то, что я прячу даже от самой себя и не желаю признавать. Я понимаю, там доверчиво уместились на импровизированной книжной полочке все мои опасения, которые мешают двигаться дальше и отпустить прошлое, я знаю, что Ирина сможет их искоренить в одно касание... Может, я просто сильно люблю эти страхи и не готова с ними расстаться?

— Юля, мы все запишем. Ты сможешь потом это просмотреть, и мы разберем каждое слово. Не переживай, я не буду делать тебе внушение из серии «убить президента»! Я все это делаю для того, чтобы тебе помочь, хотя иногда в подобных методах и мало приятного...

Ей приходится подвести меня за руку к кушетке, расправить подушки. В мире современных технологий нет места спиральным колебаниям кулона на цепочке — нажатие кнопки пульта, тяжелые темные шторы на окна, и на белой стене под вспышкой проектора оживает калейдоскоп меняющихся абстрактных линий и капель. Я не успеваю даже удивиться, ожившая картина притягивает взгляд, затягивая в себя, еще миг, и она трансформируется в технологию стереофильма, выключая сознание, резанув по пяткам и солнечному сплетению сладкой аналогией погружения в сабспейс... Капли искусственной реальности похожи на стайки маленьких рыбок, но они в этот раз движутся не за ладонью по ту сторону стекла аквариума, они танцуют в такт тихому и спокойному женскому голосу, вздрагивая, когда меняется его тональность, и умиротворенно затихая, когда его оттенок стремится к абсолютному покою. Я думала, это будет больно, я почувствую вскрытие защитного купола без всякой анестезии... Но я не ощущаю никаких прикосновений.

Нежный голос ведет за собой, и легкость этого полета мало похожа на то, что я испытала с Димой... А, что именно? Ира, как бы тебе там понравилось! Только я сама не понимаю, что же это было. Наверное, включение резервных генераторов психики, которая каждый день наедине с ним была под угрозой срыва. Почему? Проще так думать... Ты права... Даже в этом. Наверное, мне все это больше приносило удовольствия, чем боли. Почему я этому сопротивлялась?... Я не знаю. Я не хотела! И, наверное, с самого начала... У меня ведь забрали право выбора и принятия решений...

Поднятие архивов памяти с полок даже не провоцирует аллергию на пыль, там царит стерильность... Слишком часто я к ним прикасалась, любовно поглаживая и не желая отпускать. Без протеста передаю эти глянцевые [книги](#) в дизайнерской обложке черно-красного цвета, цвета моей боли и затерянности в навязанной игре, в руки той, которая, кажется, знает, что с этим делать. Повинуюсь ее мелодичному голосу и расслабляюсь, не пытаясь взвешивать свои ответы и концентрироваться на необычных ощущениях. Доверчиво сдаю свое оружие еще не в полной уверенности, просто с робкой надеждой, что меня не уничтожат им же. Спящую.

Когда я открываю глаза, солнечный свет заливает комфортный кабинет психоаналитика, зайчики пляшут по светлым стенам в такт колыханию жалюзи. Ирина не теряет времени зря, похоже. Ее пальцы быстро бегают по клавиатуре планшета, перенося информацию с монитора стационарного компьютера.

— Все хорошо? — нейтрально спрашивает она, не глядя на меня, печатает последнее предложение и только после этого поднимает глаза, сцепив перекрещенные пальцы в замок. Я беспечно улыбаюсь в ответ, но улыбка медленно гаснет. Ее взгляд, выпущенный хищным прищуром разряд ледяных крупинок бьет наотмашь. — Теперь поговорим. — Вздрагиваю от сменившейся интонации, поспешно принимаю сидячее положение, обхватив руками подушку на своем животе. Атмосфера дружеского взаимопонимания уничтожена этим сухим тоном, тускнеют солнечные зайчики на стенах и потолке, а я вновь ощущаю острый спазм того, что называют «психологическим ознобом». Идеальная бровь Ирины слегка поднимается вверх, а на губах разгорается циничная улыбка, призванная убить меня своей зеркальной идентичностью со злорадной улыбкой совсем другого человека.

— Можешь не стараться.

— Что? — оглядываюсь по сторонам, одержимая лишь одним желанием — исчезнуть, раствориться, спрятаться в кожаной обивке дивана. Сейчас что-то произойдет, и я не хочу ждать, когда это случится! Оглядываюсь на дверь... Алекс обычно ожидает меня в смежной комнате отдыха. Закричать? Просто встать и выйти из кабинета, пусть мадам психоаналитик играет в эти игры со своим отражением?

— Изображать жертву. Пытаться доказать мне, как тебе ужасно страшно и как ты хочешь это прекратить. — Я вздрагиваю, когда Ирина медленно приближается ко мне. — Тебе сейчас как угодно, но не плохо, верно? — отшатываюсь от ее протянутой руки, словно от замаха для последующего удара. Голливудская улыбка пси-садистки шире, обнажая белоснежные зубы. — Аритмия пошла. Только не похожая на ту, что ты испытываешь, скажем, в ожидании экзамена или опаздывая на лекцию. Хорошо тебе? Приятно?

Я не понимаю! Я решительно не могу понять, что происходит! Эта докторша слетела с катушек? Или я под гипнозом просила ее прессануть меня до кровавых слез?

— У тебя румянец во все скулы, а сердце качает кровь совсем не в мозг, правда? Ты непроизвольно шире расставила ноги, чтобы не признаваться самой себе в том, как хочется

их сжать и ощутить первый удар волны нарастающего удовольствия. Ты сейчас всего за несколько секунд вспомнила несколько особо острых моментов с ним, тех самых, от которых рыдала и хотела уснуть глубоким сном, вот только они разогнали твое сердце еще сильнее, вместо того чтобы сбить возбуждение ужасом? Только мое присутствие сейчас останавливает тебя от желания прокрутить эти моменты в памяти до каждой незначительной детали?

Закрой рот, дипломированная сука. Я не знаю, какому извращенцу ты отсосала за диплом Оксфорда, тебя вообще нельзя на пушечный выстрел подпускать к людям!

Меня трясет. Я сплываю униженный шепот «хочу уйти», из последних сил нахожу в себе смелость посмотреть ей в глаза. Попытка, обреченная на провал.

— Ты заигра. лась. — голос дрожит. — Я не понимаю, что ты городишь. Давай заканчивать!

— Не понимаешь? — ласковый тон сошедшего с ума нейрохирурга. — Может, сейчас поймешь? — огромный монитор резким движением ладони развернут на 180 градусов, быстрый удар-хлопок по клавише, запустившей трансляцию записи. И мой мир содрогается последней конвульсией предсмертной агонии перед тем как взорваться, испепелив защитный озоновый слой ядерным взрывом пойманного с поличным подсознания.

То, что я вижу, слышу, осязаю внутри острыми судорогами-сжатиями всех артерий и капилляров, я не смогу воспроизвести вслух очень долго. Это может прикончить точнее, чем выстрел киллера мирового класса, потому что эта наемная убийца именно я сама. Не сознание и не подсознание, на которое так легко было все это свалить!

Эти слова, даже нет, эта счастливая улыбка погруженной в гипнотический транс девчонки, которая отвечает на вопросы с такой легкостью, словно весь ее мир заключен именно в этом: в погружении в такую открытую и родную уязвимость, в прелесть абсолютного подчинения. Подсознание говорит моими губами то, что я никогда в себе не признаю и еще не скоро смогу стереть из памяти.

«Я же знала, что он не перейдет эти пределы, а слезы иногда приходилось выбивать. Это просто на самом деле. Ты фильм «Хатико» смотрела?»

«Мне не было больно. Я не помню ни одного болевого ощущения. С каждым ударом мне хотелось остаться и раствориться в ожидании повторения...»

«Могла сбежать. И даже паспорт найти. Что-то не позволяло...»

Вроде бы безобидные фразы... Но я смотрю на собственное счастливое лицо. Усиленную жестикуляцию... И резкий разряд болезненного возбуждения ледяным откатом отключает все попытки сопротивления и поиска логического пояснения. Его просто нет...

Это невозможно. Это не я. Я не могу такого говорить. Я читаю заученный, нет, написанный текст, который меня заставили прочитать. Я всегда знала, что это не закончится. Ты впрыснул мне этот токсин во все центральные кровеносные артерии, где он активировал свою программу пролонгированного уничтожения, и знаешь, пусть лучше бы уничтожил, чем позволил себя обнаружить этими техниками гипноза-исцеления! Ты знал, правда? Ты же не мог не знать! Один ты имеешь это неоспоримое право прикасаться к моему сознанию, держать его в своем кулаке и, если надо, прятать от меня же самой!

Слезы срываются с ресниц, бегут по щекам арабской вязью капитуляции, той самой, которой я сопротивлялась с потрясающим успехом, не желая признавать... Ирина остается безучастной к этому бриллиантовому водопаду. Она просто молчит, ничего не комментируя, позволяя пережить этот апокалипсис моего правильного мира в одиночку, до сжимающей

боли потерянных в иллюзии свободы дней, когда я так пыталась заставить себя стать кем-то, кроме себя же самой. Мой расслабленный голос бьет рикошетом с экрана, испарывая клетки и закручивая нейроны, сжигая города огнем новой открывшейся правды. Я ненормальная. Меня надо было убить и не позволять этим семенам прорасти в моей же голове! Как... Как ты мог уйти, инфицировав собой весь мир Юлии Беспаловой, но забыв признаться, научить, подсказать, что же именно ей с этим делать? Ты поглотил мою жизнь, ты выпил ее до дна одним неспешным глотком, ты знал, что она никогда не выживет без этого нового горного кислорода!

Что ты наделал, твою мать? Как ты мог принять это решение и воплотить его в жизнь, не спросив при этом, хочу ли я стать обращенной в служители Тьмы? Не того я боялась! Не боли и твоей жестокости, нет, не твоей одержимости я должна была остерегаться! Я так зацклилась на тех ощущениях, что пропустила момент, когда ты ударом ноги высадил все двери в мое сознание, установив там свои порядки, заставив меня полюбить их, принять, отдаться им без остатка! Дима, как ты мог это сделать, неужели тебе было мало той боли, что ты мне причинил? Тебе стало легче от этого, хоть немного? Моя боль и облачение в черно-красный дресс-код под флагом твоего легиона сделало тебя хоть немного счастливее? Как, как мне теперь жить с этим желанием жажды подчинения и порабощения? Без этого я никогда больше не смогу дышать полной грудью, вся моя жизнь будет существованием растения, подключенного к аппарату искусственного жизнеобеспечения под названием «мнимая нормальность»!

— Пожалуйста... — Я не знаю, на какой минуте просмотра шепчу отчаянную просьбу, не осознавая, что вновь потеряла голос — психосоматический спазм гортани, как в тот раз, как тогда, с ним... Ира безжалостна.

— Юля, я знаю. Знаю гораздо больше, чем ты можешь себе представить! Дыши и прекрати думать о том, что скажут окружающие. Ты не выбирала, но ты сумела заглянуть в себя! Прими это и дай воплотиться в жизнь...

Боже. Что? Что она говорит? Ты ее прислал? Зачем?

— Ты сказала, что поможешь мне... Вырви это из меня! Я не хочу! Я не выбирала такую жизнь!

— Юля, задавливать в себе — еще опаснее! Посмотри, к чему это едва не привело, ты готова была доказать себе, что это игра, и в итоге едва не нарвалась на маньяка! Признай ты это раньше, никогда бы не стала так рисковать! Когда позволяешь себе смелость принять себя настоящую, ты уже не можешь позволить себе подобный риск. Подобные эмоции — редкий дар, который ты не станешь отдавать тем, кто купится только на сияние глянцевого упаковочной бумаги!

— Помоги мне от этого избавиться! — меня трясет, а слезы каплют на светлую джинсовую ткань, смешиваясь с растворившейся тушью для ресниц, оставляя на импровизированном поле боя черные влажные отметины. — Я хочу нормальную жизнь!

— Ты можешь. Ты можешь получить даже счастливую жизнь, если примешь себя!

— Я никогда не приму себя такую! Блин, Ира, назначь лечение... отправь к психиатрам... может, они справятся... Я не хочу этот трэш, блядь, я хочу нормальную жизнь и кучу детишек!

Проходит очень много времени, прежде чем Милошина садится рядом и сжимает мою руку... Вы спросите, на каком моменте мне захотелось вцепиться в ее холеную лебединую шею, выдрать с корнями идеально уложенные волосы, впиться ногтями в ее искусный

NudeLook? Еще не сейчас, еще нет... Финальный отчет, гори, мой мир, зажги это безумие скорого заката в каждой клетке! Давай, любовница Сатаны, добей меня словами, за которые тебя даже в современном мире могут лишить лицензии, а то и сжечь на костре!

— Ты хочешь избавиться от страха? — решительно спрашивает она, не собираясь сюсюкать и вытирать мои слезы.

— Я хочу, чтобы ты вырвала из меня это! Мне больше ничего не надо!

— Я повторю вопрос, — с*ка, не говори со мной таким тоном. Я сейчас взвою! — Ты хочешь ИЗБАВИТЬСЯ ОТ СТРАХА?

Я практически не замечаю акцента на последних словах. Киваю головой, смахивая прибывающие слезы. Хочу! Ты не представляешь, как я хочу, чтобы все это закончилось!

— Выход у тебя только один. Я сейчас скажу как есть, и не стану ходить кругами... Постарайся услышать и принять, нравится тебе это или нет! От отрицания ничего в твоей жизни не изменится, будешь прятаться по углам и вести жизнь коматозника, как в фильме «Матрица». Страх отравляет тебя день за днем, загляни ему в глаза!

— Как?!

— Просто, Юля. Пройди через все это снова и, когда страх навсегда покинет твое сознание, ответь себе, хочешь ли ты жить по-другому!

Слова вспыхивают огненным заревом, оседая белым горячим пеплом у моих ног. У самого основания столпов обнажившегося сознания. У критической точки невозврата, которую я перешагнула, за которой обрыв с хаотичным течением огненной лавы и еще протянутая рука, которую я буду отталкивать из последних сил...

— Да, именно так! — режет по-живому Милошина, убивая во мне прежний правильный мир. — Ты пока боишься, но я скажу это вслух! Отдай всю власть тому, кто это оценит,пусти в свой мир, не оставив закрытых дверей, дай ему уничтожить твой страх до последнего удара... Стянуть цепями твою обновившуюся сущность, чтобы ты не побежала вдогонку за таким любимым ужасом. Это не твое! Ему нет места в твоей новой жизни! Избавляйся от него и начинай уже жить и радоваться каждому новому дню!

Стальная хватка ладоней на моих запястьях... Не смей, сиди, ори во всю глотку, если хочешь, а меня калечить не дам, я еще тебя не вытянула окончательно, впереди минимум пять сеансов! Минимум, я сказала! И я не обещала, что моя методика будет иметь вкус швейцарского шоколада! Сидеть! Знай свое место, саба!

Я не помню, что я орала ей в лицо, какими эпитетами называла и что обещала сделать с ее потомством до десятого колена... Помню только, как успокоилась, и уже не вздрагивала, позволяя ей гладить себя по голове и нашептывать успокаивающие слова. Нет, я не приняла и не избавилась от желания убить на месте. На тот момент у меня просто не осталось сил, а желание вырваться за пределы кабинета жгло ледяным огнем. Мне не надо было переспрашивать, что же она имела в виду.

— Сделай это с тем, кому сможешь доверять, как самой себе! Ты не дослушала запись до конца, но ты сама себе призналась уже, что рядом есть такой человек!

Бежать... я подумаю об этом вечером... если я сейчас решу, что вы в сговоре, клянусь, я побегу к Лаврову и упаду ему в ноги с просьбой взорвать твою шарашкину контору, Ира! Тебе только имбецил мог доверить практику, какая нахрен европейская известность — да это благодаря тебе Кончита возомнила себя звездой! Хорош психолог! Зажравшаяся сука, решила положить меня к ногам Алекса в собственноручном шибари?

Я думала, просто кинусь ему на грудь со слезами и с требованием если не убить эту

сучку Милошину, то поставить ее перед фактом, что я никогда больше не переступлю порог этого кабинета. Но моим планам не суждено было осуществиться — в комнате отдыха ожидал Денис. Стараясь не пялиться на мои заплаканные глаза, сообщил, что у Александра появились неотложные дела в клубе, а у него распоряжение отвезти меня домой... При других обстоятельствах я бы была рада его видеть, да я бы достала его расспросами о том, что происходит между ним и Элей, но сейчас был явно не тот случай. Сидела на заднем сидении автомобиля, сжавшийся в комочек, перепуганный очередным финтом собственного «я» ребенок, вздрагивая от леденящего озноба последнего потрясения, с трудом сдерживая слезы. Спасибо Денису, он молчал и не лез с вопросами. Ничего не закончилось, и убивающие наповал мысли ринулись в атаку на новую неприступную прежде крепость.

Комната встретила меня такими же бездушными зеркалами, как и прежде. Мне было наплевать даже на них. Ты получил меня и мое сознание. Ты получил меня полностью. Чего ты спрятался? Радуйся, танцуй, расфигачь их на осколки! Тебе не нужно ждать ночи, пробираться в мои сны — я здесь, совершенно без сил, тебе даже не нужно тратить время на разговоры, доказывая мне, кто я такая, с тобой или без тебя. Конченная леди kinky. Как бы я этому ни сопротивлялась, хватило обычного гипноза. Ты тоже стоял там, улыбаясь каждому моему слову? Это твои руки вернули телу тактильную память, твои прикосновения выдали меня с головой... Зачем? Ты действительно этого хотел?

И мог ты подумать, к чему в итоге приведет твой акт эгоцентричного самолюбования? На что способен тот, кому уже нечего терять? На многое. Он даже еще не понял, как падает небо, как остывает его прежнее солнце, как высшая сила стирает его собственные города и цивилизации в атомную пыль. Ничего больше не остается, кроме как принять разрушительную правду и... шагнуть вниз, сделать последний шаг, чтобы упасть или же взлететь, просто из любопытства... Потому что, повторюсь, после такого терять реально нечего!

Виски? Коньяк? Ликер? Юля, Юля... Ты никогда не была по этой части! Робкая вспышка зажигалки, умирающее пламя, новая скоропалительная жизнь очередной сигарете, дымом в облака, нет, в пережатое мнимым спазмом горло — не хочу, оставь меня, эта чужая навязанная Тьма. Исчезни, умри под каплей никотина! Я не хочу быть такой... Я не хочу быть твоей! Я не одна из вас, этому не быть никогда — кончилось, догорело, просто шипит, истекает конденсатом уставшего сознания... Почему мне некому помочь?!

Отступила даже твоя тень. Наверное, растерялась, задумалась о собственном поведении-давлении... Может, всколыхнулось в ней что-то от тебя прежнего, подобие эмоции, похожей на жалость... Именно поэтому ты меня не останавливаешь. Пальцы набирают номер Александра, словно давят на кнопки сердца, отбивающего сигнал SOS и уставшего колотиться в ускоренном режиме. Эти долгие гудки звучат мольбой отчаявшейся надежды на такое желанное соединение. Я не могу сформулировать свою боль в слова, в связки-предложения, в осмысленную речь — я просто знаю, что ты меня поймешь, даже если я буду молчать и дышать в трубку, подобно смущенной школьнице!

— Она сошла с ума! Ее нельзя подпускать к людям... Она... Она зло в чистом виде! Я не такая! — мои слова прерваны рыданиями. А он не задает лишних вопросов, и даже не пытается успокоить по телефону. Он вообще никогда не делает того, что лишено всякого смысла... Сухое «держись, скоро буду», моментальный упадок сил, настойка пустырника дрожащей рукой, и — залпом, словно пятизвездочный коньяк, вряд ли успокоит, но даст сил хотя бы умыться и переодеться... Не думать, зачем потянулась к нему в немой мольбе на

спасение. Не анализировать, не искать подтекста! Обнаженное сознание не захлопнуло створки, еще не время прикасаться к его оголенным нейронам, дать время, пусть затянется тонкой кожицей, для начала достаточно хотя бы этого!

Он вошел в квартиру уверенным шагом хозяина положения. Я уже не плакала, ценой невероятных усилий удалось взять себя в руки и даже принять расслабляющий душ. У меня не было сил упасть в его объятия со сдавленными всхлипами, как и изложить всю суть своих переживаний — только отойти в сторону, наблюдая, как уверенно он снимает свои туфли, присев на одно колено, словно перед решающим прыжком, как выпрямляется с грацией осторожного хищника, вызвав у меня непроизвольный спазм гортани и желание смочить пересохшее горло.

А я просто не сопротивляюсь пока еще слабым вспышкам в районе солнечного сплетения, удлиняя между нами дистанцию, затираю ластиком набросок картины: я прижимаюсь к его сильной груди и просто выстреливаю по всем направлениям шрапнелью боли сегодняшнего открытия — пусть остановит одним движением вытянутой ладони, если какая срикошетит, пусть падают сплюснутыми гильзами у наших ног и никогда больше не возвращаются. Вместо этого дезертирую в комнату, переключаю каналы телевизора, испытывая неловкость и отчасти сожаление — не стоило поддаваться этому порыву, надо было подождать, пока подействует успокоительное. В первый раз, что ли, мне справиться с ударами судьбы в одиночку?

— У тебя пустой холодильник. Чем ты питаешься? Прекращай играть со своим здоровьем.

В его руках бутылка вина и два высоких бокала. Александр даже на кухне хозяин положения. Спорить, возражать, оправдываться нет никаких сил, только наблюдать, как ловко он извлекает пробку и разливает вино солнечного янтарного цвета по бокалам. Кажется, то самое вино, от которого я пришла в восторг в ресторане. Приказываю внутренней дрожи исчезнуть и перестать меня мучить, пока он расставляет на столике тарелки с виноградом и кокосовыми шариками «рафаелло».

— Рассказывай, Юля. — Радуюсь бокалу как возможности чем-то занять свои дрожащие руки. — Прости, я не должен был оставлять тебя одну. Мне надо было предвидеть, что это может так закончиться.

Вкусовые рецепторы оживают под прохладой полусладкого эликсира, выстреливают в мозг слабыми пока искрами удовольствия... Я выпиваю его до дна, пока Александр терпеливо ждет. Мне есть, что ему рассказать, не срываясь на крики и слезы с проклятиями, его уверенность непостижимым образом передается мне. И когда я заканчиваю, с изумлением ловлю холод его пронзительного взгляда. Мне кажется, он в бешенстве, и я понимаю, что не могли они быть в сговоре. Он всегда умеет скрывать эмоции, но сейчас явно не тот случай...

— Это недопустимо. — Фаланги пальцев добела сжимаются на высоком бокале, губы сомкнуты в плотную линию безжалостного главы мафии. Кажется, вздрагиваю и вжимаюсь в спинку дивана, который раз за день. Каналы эмпатии доверчиво распахнуты, и его ярость режет по их туннельным стенкам. Да я умру от разрыва сердца, если хоть раз подобное состояние этого мужчины будет направлено на меня! — Хорошо, что ты мне рассказала. В этот раз она зашла слишком далеко. Я ручаюсь, что вы закончите терапию за последний сеанс, и ты забудешь об этом.

— Она сказала, само не пройдет. Пока... — почему я не могу поднять взгляд выше

пола? — Пока я снова это не... не попробую...

Вздрагиваю от прикосновения ладони к плечу, осторожного захвата, всхлипываю навзрыд, прижавшись щекой к его груди.

— Юля, тебе это сейчас не надо! Во всяком случае, не сегодня. Тебя добьет даже малейшая параллель. Мы спешить не будем, ты согласна?

Что? Что он только что сказал?.. Причем здесь «мы» и куда мы не опаздываем? Мой невысказанный протест выбирается за купол защитного поля, который Александр снова незаметно сплел в этом замкнутом пространстве, первые спирали безумного доверия раскручивают изогнутые лучи внутри обнажившейся, вскрытой скальпелем сути. Я не отшатываюсь только потому, что заставляю себя поверить в то, что его слова не так мною поняты. Конечно же, нет. Он же не мог бросить столько сил на мое спасение, чтобы усугубить его своим желанием... Или мое спасение именно в этом?

— Тише! — ведет тыльной стороной сильных ладоней по моим напряженным плечам. — Я тебе обещаю, больше она не станет проводить с тобой свои практики. Я завтра же с ней поговорю. И не смей думать, что ты как-то отличаешься ото всех. Мы с тобой не более ненормальные, чем окружающий мир. В одном она права, они так и проживут свою жизнь в рамках навязанной морали и правил, отрицая собственное я. Им просто не повезло! Тебе показали твой уникальный дар, а не то, что, как ты думаешь, тебя разрушает. Но за ее методы у меня с ней будет отдельный разговор!

Сколько истерзанному рассудку потерявшейся и найденной в этих сильных руках девчонки сопротивляться очевидному? Сколько повторять себе в слепом убеждении, что я не так его поняла, что ему достаточно играть роль Ангела и не желать со мной того, от чего я так и не смогла сбежать?.. Легкий хмель элитного алкоголя выкидывает на стол роял-флеш отчаянной смелости, ее достаточно, чтобы поднять голову, потеряв биение чужого сердца, но отыскав глубокий омут взгляда, в котором не страшно даже тонуть. Что-то неумолимо изменилось, возник энергообмен через равнодушные хрусталики двух людей, которые растеряли свои маски и завуалированность прежних предложений. Это ощущение глубокого единения не могло быть результатом моей усталости, алкоголя, успокоительного... Оно мне не показалось, и зародилось оно не вдруг, нет... Я просто не могу вспомнить, когда именно!

— Ты не представляешь, насколько ты другая в этот момент, — внутренне вздрагиваю от обволакивающего тембра, не растерявшего властных ноток. — Открытая. Доверчивая. И ничего не скрывающая... Ты обнажена даже под своей одеждой. Именно своей душой. Ты устала носить маску, девочка.

Сердце срывается с орбиты в пляску паники... или жаждущего стремления не потерять его дыхание на моих губах. Точечные искры по телу, вспыхнувший фейерверк внутри... да, именно этого сознания, которое так грубо вскрыли совсем недавно. Эти слова могли ужаснуть, добить, уничтожить, но на его устах они не несли с собой ни малейшего разрушения. Два полюса замыкающейся в обособленный эгрегор системы, которые уравнивали друг друга силой абсолютного доверия... Сбившееся дыхание не пугает своим эмоциональным проявлением, бьется пойманной птицей в руках хладнокровного спокойствия, которое лишь сильнее кипятит мою кровь пронизывающим полусшепотом его голоса. Созданное самой природой равновесие, которое не увидеть невооруженным взглядом, и якоря той самой надежности, которая была мне необходима, как кислород...

— Ты просишь, чтобы тебя раскрыли еще сильнее и выпили... Но у меня другие планы! — зажмуриваюсь, вздрогнув от ласково-подавляющей хватки пальцев на подбородке,

теряю ощущение нажима, потому что большой палец перемещается на мои губы, и я перестав понимать и осознавать происходящее, беспомощно тянусь губами вслед за подушечкой. — Я наполню тебя собой... Я отдам тебе то, что у тебя когда-то почти отняли... Я отдам тебе саму себя!

Снова несдержанно всхлипываю, эти слова за миллисекунд так прожгли кровь, что вся моя истерика от неприятия себя высыхает, подобно капелькам росы под палящим солнцем. Может ли быть по-иному, когда я раскрываюсь навстречу его несравненному поцелую, который сегодня в разы сильнее... Нет барьеров, нет пределов у вскрытого сознания, я пойму это гораздо позже... Сейчас же мне хочется просто свернуться в его сильных руках и не препятствовать ни одному прикосновению, поцелую и жесту...

Он сам прерывает поцелуй, а я скольжу невидящим взглядом по его губам... Мне мало... я просто не хочу их терять... не сейчас! Пусть потом, только...

— Юля. — Не надо, не повышай голос, шепчи в той самой уникальной тональности, которая открывает замки моего рая, его первые двери в чередѣ многих. Она уже оставила позади туннель моего ада и его обитателя, не хватает самой малости... — Сегодня был тяжелый день, ты очень устала. Мы завтра вернемся к этому разговору. И ты мне скажешь, четко и без двусмысленности, к чему, ты считаешь, на данный момент готова.

Эти слова должны меня ужаснуть... Мы ведь практически говорим о переходе на новый уровень. Как о свершившемся факте... Но почему тогда они мне кажутся логичными и уместными как никогда?

Наверное, уже поздно, я ведь позвонила ему около девяти. А время с ним летит незаметно, но, вместо того чтобы посмотреть на часы, протестующее всхлипываю, впиваясь дрожащими пальчиками в его рубашку.

— Не уходите... Я не хочу сама оставаться...

Он гладит меня по голове. Больше нет волнующего эротического подтекста, его цель — успокоить, выровнять мое дыхание, не выдернуть из параллельной реальности внезапного полета, а осторожно вынести на собственных руках из этой захватывающей бездны...

— Только спать будем в разных постелях. Ты согласна?

Кажется, я не вполне понимаю смысла сказанных слов... Киваю, даже не сообразив, какое именно согласие от меня требуется. Смех облегчения и недвусмысленности ситуации нагоняет только через несколько минут.

Говорят, сны — это игры нашего сознания, отражение нашей действительности, переживаний, страхов, желаний и устремлений. Во сне слетают все навесные замки и маски, тут нам не нужно играть заученные роли и сковывать себя цепями общественной морали. Здесь мы никому ничем не обязаны, остается просто лететь на волнах иногда спокойных, иногда тревожных, а иногда безумно приятных сновидений. И если верить ученым, за несколько секунд можно прожить полноценную жизнь и понять очень, очень многое...

Он сегодня осторожен и не так безжалостен, как в позапрошлых киносценариях Морфея. Но мой жестокий фантом всегда верен самому себе до конца. Во сне я забываю зачем мне руки и что ими надо делать — они сжаты, скованы, продавлены в изголовье кровати хваткой его сильных пальцев, зашкаливающий пульс блокирует болевые ощущения, передается через кожу его кровеносным импульсам, вступая в волну диссонанс. Но это ничто по сравнению с тем, что происходит в моей голове, какие красочные фейерверки расцветают перед зажмуренными (я не могу держать его взгляд по-прежнему!) глазами от неистового поцелуя, который может рушить вековые сооружения без единого движения тарана. И еще я чувствую... Чувствую боль. Только в этот раз больно не мне, а ему!

Эта нелогичность, смещение полюсов, подмена ролей разжигает возбуждение до той самой зашкаливающей отметки, которую я испытывала только с ним, в его руках, в тех обстоятельствах, в которых, случись это несколькими веками раньше, я была бы просто обязана сигануть вниз с высокой башни, дабы смыть позор бесчестия. Во сне нет эмоций? Это я ни разу не приглашала вас в собственные сны. Сегодня уязвимость переплетена волнующим узором со сладким злорадством, подсознательно я всегда хотела, чтобы он испытал ту же боль, что и я. Мне хочется спросить, в чем же ее источник, но я этого не могу сделать по двум причинам. Во-первых, мой рот закрыт поцелуем, который я ни за что не стану прерывать, а во-вторых, я, кажется, понимаю все нюансы этого осязаемого страдания того самого мужчины, который безжалостно ломал мою волю, лишая права выбора, заковывал на ночь в цепи и возбуждался от моих самых горьких и искренних слез. Это боль бессилия, невозможности противостоять обстоятельствам и... потери? Разве не эти самые кары на его голову я призывала, сжимаясь растерзанной морально и физически жертвой у его ног на полу с глянцевой плиткой/паркетом/ламинатом, сменялись лишь декорации? Справедливость есть, пусть она и настигла его не сразу, а лишь спустя время, когда все это потеряло не только актуальность, но и смысл...

Кажется, он несколько раз просил меня не просыпаться, а я смеялась в его властные губы. Тогда его просьбы сменились на отчаянное «не совершать ошибки». От этого я готова была рассмеяться еще сильнее, и, наверное, так бы и сделала, но разве можно было под его жаркими поцелуями делать что-то другое, кроме как отвечать на них со страстью изголодавшейся по своему хозяину рабыни? Я была намерена испить этот сладкий нектар запредельного удовольствия цвета дабл эспрессо до последнего глотка, зная, что скоро отдам предпочтение иному элитному напитку, может, не столь крепкому и терпкому, но не менее потрясающему и благородному.

Мои мышцы взрываются фонтанами множественного оргазма от одного только поцелуя. Это сон, здесь не обязательно заходить дальше, к тому же я, кажется, сегодня к этому не готова. Как будто его боль вобьется в меня с каждым движением твердого члена

толчкообразными инъекциями, чтобы вновь забрать бразды управления моей жизнью, а этого я допускать больше не намерена...

Первая мысль, которая пришла в голову, стоило открыть глаза — «надеюсь, я не кричала во сне!». Тело еще сотрясало сладкой вибрацией откатов волн удовольствия, а мозг уже все разложил по полочкам со скрупулезностью работника канцелярии контрразведки. Я дома, в собственной постели, утро буднего дня, проснулась на пятнадцать минут раньше звонка будильника, а за стеной, в комнате, служившей мне подобием гардеробной, а тетушке — оранжереи, спит абсолютно... не чужой мужчина? Мой новообретенный ангел-хранитель, и вчера между нами проскочила искра, которая поразила неожиданной смелостью и логичностью происходящего. Нет сожаления. Нет смущения. Только последний отголосок Димкиной боли сладким фруктовым соком по истерзанному эго, и новая волна предвкушения, лукавого превосходства и азарта, смешанного с совсем иным, сладким страхом, с разрядом острой эйфории после того, что произошло вчера между мной и Александром...

Провожу рукой по спутанным после сна волосам. Я не могу позволить ему увидеть себя такую. Завязываю пояс халата, нырнув в велюровые домашние полусапожки, осторожно крадусь в ванную, сдерживая смех при одной мысли о том, на кого я похожа сейчас. Все еще недоверчиво закрываю двери на ключик и щеколду, включаю воду. Быстрый массаж, ледяной водой в лицо — опасно красться на кухню за кубиками льда, халат и ночная рубашка скользят по телу на подогретый кафель, а я решительно закрываю пластиковые створки душевой кабины. Может, успею сварить кофе до того, как он проснется? Мысль, которая может напугать своим безумием, сейчас вызывает лишь улыбку. Уже нанося крем на высушенную полотенцем кожу тела, я понимаю, о чем я так и не вспомнила за прошедшие тридцать минут... А именно о том, как раскатала меня вчера эта непревзойденная Милошина! Эти мысли грозят выбить из равновесия, затопить волнующий азарт ледяными водами растаявших ледников под названием «правда», но я закусываю нижнюю губу, насильно активируя совсем другое воспоминание. Несколько слов, которые — я пойму потом — и стали точкой отсчета до нового уровня наших отношений. Он практически поставил меня перед фактом, и, даже несмотря на молчание, я понимала, что обычным удержанием за руки или миссионерской позицией тут не обойдется. Почему я не испытывала страха и протеста, я же боялась его до потери пульса еще совсем недавно? Я должна была воспротивиться этому уже только потому, что не желала принимать жестокую правду мастистого психолога. И почему это казалось таким резонным, правильным, уместным и вероятным сейчас? Проще было вновь уйти от собственной ответственности, сказав себе, что вчера меня запрограммировали на подчинение набором кодовых слов, мужчине такого уровня и с таким масштабным опытом это совсем не трудно. Можно раскручивать до бесконечности: не было выбора, устала, сдалась... Обреченность действительно наше все! Только вот сегодня ее не было и в помине. Мое состояние можно было охарактеризовать всего лишь парой слов: азартное предвкушение. Страх? Куда без него. Но иногда он просто сладкий допинг, острая приправа к изумительному блюду и двигатель пока еще невидимого прогресса.

Я не просто не жалела и не жалась в угол испуганным ребенком. Я была практически уверена в том, что все, что произошло, — логично и правильно! Доверие расширяло круг своих полномочий в моем уставшем сердце с поразительной скоростью, вся женская сущность тянулась к груди того, кто без слов обещал забрать все страхи и волнения,

наполнив до краев энергией жизни и умиротворения. Я жаждала той самой каменной стены, о которой так много сказано и мало кто ее видел, правда, пока еще не вполне осознавала все это.

Аромат кофе и чего-то вкусного, предположительно, жареного, заставил меня без страха пройти на кухню, лишь стянув полы халата в качестве какой-то лишенной смысла защитной реакции. Впрочем, дальше дверного косяка я не рискнула двигаться — оперлась на вытянутую руку, отметив, что даже ночь вне дома не сказалась на потрясающем внешнем виде занятого у плиты Александра. Черт, почему я не умею по утрам выглядеть столь же круто? И каким образом это удалось ему?

— Доброе утро! — так легко было улыбнуться мужчине, который сейчас выкладывал на тарелке пирамиду из гренок. Кофеварка с шипением выдала две порции эспresso. Значит, первая порция кофе, аромат которой и привел меня сюда, была выпита им в процессе приготовления завтрака.

Он поворачивается ко мне, слегка приподняв брови при виде искренней улыбки. Может, ожидал смущения и неразборчивого бормотания в стиле «вчера все было ошибкой»? Мне не страшно. Мне спокойно. И даже альфа-доминант этого города у плиты (слава богу, без фартука, такого моя психика б точно не вынесла!) не кажется чем-то экстраординарным и неуместным. Моргаю, отметив три расстегнутые верхние пуговицы его рубашки, и готова поклясться, что сладкий импульс с ассоциативной цепочкой мне не показался. Я помню, как он выглядит без одежды, хвала спортзалу.

— Как спала? — пожимаю плечами под его пристальным взглядом. — Лекция в девять? Мне не хочется говорить. Я могу только кивать и улыбаться.

— Тогда я передаю тебе штурвал. У тебя найдется чистое полотенце и горячая вода?

— В ванной, в шкафчике, все, что нужно. — У меня часто ночуют подруги, и там полный арсенал, от полотенец до зубных щеток. Его миролюбивый тон снимает оцепенение, и я подхожу к нему почти вплотную. Его близость ускоряет сердечный ритм, и, чтобы скрыть смущение, перехватываю лопатку и ручку сковородки. — Я закончу...

— У тебя пустой холодильник. — Он смотрит на часы и кивает. — Я это, можно сказать, уже исправил. Закончишь, собирайся, отвезу в академию.

Это приказ, который не подлежит обсуждению, но и вместе с тем не вызывает бурного протеста. Переворачиваю пропитанные смесью взбитых яиц и молока ломтики хлеба на сковородке, параллельно смакуя кофе. Шум воды в ванной на миг вызывает подобие тревоги. Что, если сейчас он попросит что-то принести или, чего уж, сразу потереть ему спину? Сделаю вид, что не расслышала! Мы еще не в отношениях, и то, что я без пяти минут согласилась идти дальше, ни к чему меня пока не обязывает... Такие разные мысли и ощущения! Стоило представить в душе Димку, как меня тут же крутило судорогами первобытного плотского желания. Здесь все по-другому: возбуждение зарождается в голове, затронув оба полушария, но не срывая крышу желанием тут же слиться с этим мужчиной в объятиях неистовой страсти. К тому же, я уверена, как никогда, что он не заставит меня делать то, к чему я пока не готова!

Допив кофе и накрыв пирамиду гренок крышкой, чтобы не остыли, быстро переделась в красное платье до колена, нанесла легкий макияж, почти закончила формировать ломаные локоны, когда звонок в дверь заставил подпрыгнуть на месте. Кто мог прийти в такую рань? Может, Лекси решила сделать круг и заехать за мной? Едва не роняю на пол челюсть, обнаружив по ту сторону двери Дениса с большими пакетами в руках. Он в

прекрасном расположении духа.

— Мне сказали, что здесь умирают с голоду! — Делаю приглашающий жест рукой, не успев сообразить, что в прихожей туфли и пальто Алекса, а шум воды в ванной палит нашу контору посильнее моего румянца. Впрочем, на лице обаяшки Дениса сплошной покер фейс, так зеркально похожий на застывшую маску его босса. Он наверняка видел авто на стоянке, я пойму это позже, и даже наше подобие приятельских отношений не позволяет ему проявление каких-либо эмоций по отношению к увиденному.

— Привет! Заходи! — Инстинктивно тяну руки к пакетам, встречаю предупреждающий взгляд: не смей хватать тяжести, я мужчина или где? — Есть минутка, налью кофе? Завтракал? Не разувайся, придумал тоже...

Он уверенно идет за мной на кухню, выгружает содержимое пакетов на полки холодильника. От кофе отказывается.

— Юляш, честно, скоро из ушей польется. К тому же мне за документами надо на другой конец города, они Александру к десяти нужны. Не грусти. Увидимся!

Успеваешь свалить за пять минут до возвращения Алекса из душа. Я уже прикончила вторую чашку остывающего эспрессо и занята приготовлением новой порции, и, когда земная реинкарнация египетского бога появляется на кухне, гашу улыбку и сладкую дрожь, вызванную его присутствием.

— Я не знаю, какой именно вы любите... — ставлю перед ним чашку и маленькую сахарницу с ложечкой. Руки слегка дрожат, наверное, от этого пристального взгляда, и я предусмотрительно не смотрю в его глаза. Сердце отсчитывает ускоренный ритм нового танца, желание оказаться в теплых объятиях бьет все рекорды... Это настолько по-новому, так не похоже на то, что было с Димой, что смущение и дезориентация неминуемы. Сдавленно охаю, ощутив прикосновение теплых пальцев к скуле, и непроизвольно дергаюсь, уронив чайную ложечку.

— Тебе неприятны подобные прикосновения? — его голос такой же теплый, как и замершие на щеке пальцы. — Ты вздрогнула, словно чего-то испугалась.

Этого мне никогда не забыть. Триумфальный полет к звездам, желание опьяняющего единения, которое так жестоко прервано росчерком не сильной физически и такой уничтожающей морально пощечины, которая зародилась именно в подобном поглаживании. Горло сжимает опасной судорогой, я усиленно моргаю, чтобы не допустить слез. Я не хочу об этом говорить! Бросаю на него перепуганный взгляд, но его губы сжаты в сплошную бескомпромиссную линию, а слабость в моих подогнувшихся коленях больше не имеет ничего общего с эротической. Только покалывающий импульс передается сквозь подушечки пальцев в кровь, словно стремясь выровнять пульс и передать ментальный транквилизатор.

— Ничего... просто вспомнила... то, что хотела бы забыть. Пройдет.

— Я не хочу на тебя давить, ни в коем случае, но если решение идти дальше обоюдное, ты должна запомнить: саба никогда ничего не скрывает от своего дома. Я не имею права и не хочу причинять тебе боль, которую ты не сможешь выдержать. И терпеть ради моего удовольствия то, что для тебя неприемлемо, если мы будем вместе, ты тоже не станешь. Это не обсуждается.

Сглатываю... Еще немного, и мысль о том, что все происходит слишком быстро, поставит крест на этом зародившемся доверии. Твою ж мать!

— Тебе есть, что мне рассказать? Ты испугалась удара. Я правильно понял?

Киваю. Черт, не заставляйте меня сейчас говорить об этом! Только не сейчас... потом,

может, даже вечером, обязательно, но...

— Я бы никогда такого не сделал. Это не в моих правилах. Успокойся, дыши глубже. Готова говорить об этом сейчас?

Трясу головой, словно пытаюсь сбросить, стряхнуть проскользнувшую мысль: не нужны мне эти отношения, не хочу снова раскрывать себя до критической отметки, сжигать дотла, опустошать и сходить с ума, когда они завершатся... Такой кратковременный минутный порыв, с опущенным взглядом, прямиком на дно кофейной чашки, — прошивай меня своими иглами-датчиками беспрепятственно, если даже ускорившийся ритм сердца и дрогнувшие плечи позволили тебе понять, что именно так меня напугало в этом жесте.

— Просто мне все еще тяжело об этом вспоминать. — Осторожно поднимаю глаза в надежде, что остановит движением ладони или ласковым словом, но, похоже, у Александра включился полноэкранный режим альфа-доминанта. Цепкие пальцы испуга и подавляющего волнения срывают блок, который я так и не смогла установить, требуют немедленного ответа. Какой выбор? Он уже сделан. С раздражением от этого испуганного бессилия вскакиваю, чтобы отнести полупустую чашку в мойку.

— Когда это случилось... ну, впервые... ничего такого не было. — Кран на 180 градусов, шум льющейся воды. — Я даже не запомнила... Просто подумала, странный бзик, неприятно, не более... — Его взгляд шьет корсетное плетение по моим напрягшимся позвонкам, пока еще не агрессивная, мягкая сыворотка правды через расстояние протянутой руки. — Просто когда... Мы были вместе, и я чувствовала себя в безопасности... я не знаю, что произошло, но... у меня было ощущение, что вырвали сердце одним этим ударом. Это как купол, в который временно перестали проникать даже звуки... Первым было недоверие... отказывалась верить в то, что это все-таки случилось... а потом...

Теплые пальцы сжимают мою руку выше локтя, заставив убрать наполовину вымытую чашку в сторону. Легкое поглаживание успокаивающими волнами по коже, до самого эпицентра тревоги, расслабив тиски, готовые сковать горло спазмом безысходного отчаяния.

— Спасибо, Юля.

Время замирает. Я непонимающе смотрю на сильные пальцы на своей руке, пытаюсь вплести в общую мозаику этой вынужденной откровенности его искреннюю благодарность, смутно понимая ускользящую суть.

— Лекция... — слабо, словно только что пережила удары по щекам в реальном времени, шепчу, скользнув по его губам, увернувшись от поцелуя. Долгий взгляд считывает мое состояние, кажется, улавливаю легкое колебание, перед утвердительным кивком.

— Одевайся. Жду тебя в машине.

В этот раз мне понадобилось немного времени, чтобы выровнять сбившееся дыхание, обуться, на автомате проверить воду-свет-газ и спуститься во двор. Я даже не успела пожалеть, что не наредила губы, — стоило мне сесть рядом с ним на пассажирское сидение, как атака поглощающего поцелуя выбила напрочь недавние воспоминания запараллеленной рефлексии.

— Я спрошу тебя еще раз, — этот голос обволакивал, успокаивал, рубцевал сквозные ранения неласкового прошлого силой убеждения и непередаваемой власти рука об руку с невиданной ранее нежностью. — Ты готова идти со мной дальше? Со своей стороны я сделаю все для того, чтобы ты была счастлива, чтобы никогда не пожалела о том, что согласилась быть моей!

Черт, я не знаю, как я высижу эти три пары... После того что мне пришлось только что

услышать!

— Я не тороплю тебя, ни в коем случае. Я дам тебе время узнать себя с той стороны, которая, я подозреваю, так сильно тебя пугает и останавливает от опрометчивых шагов. Один шаг навстречу определенности сделаем уже сегодня, заеду за тобой в 14:00. Ты готова?

Мне остается только кивать, нет сил скрыть смущенно-возбужденную улыбку. Он осторожен во всем, так легко меняется тема разговора, смещается в обсуждение кинематографа — больше нет ощущения поспешности и форсирования событий. У меня есть только уверенность в том, что мы нашли правильный путь, и интрига второй половины дня щекочет солнечное сплетение приятным волнением. Впервые у меня не отнимают права на принятие решений... И впервые где-то там, в глубине души, я хочу, чтобы было наоборот! О том, что я не думала в этот момент о вчерашней агрессии Милошиной, я вспомню только к вечеру. У меня вообще больше нет обиды на ее слова, сознание заблокировало их в нестораемый сейф.

— У меня к тебе огромная просьба, — задумчиво произносит Алекс, пока я поспешно крашу губы на парковке академии. — Запиши и отметь все, что вызывает у тебя страх отношений или неприятные ассоциации. Все, что ты никогда бы не хотела испытывать снова. Но только не смей отвлекаться на лекциях, понятно?

Я целую его на прощание, оставив отпечаток кораллового блеска для губ на высокой скуле. И мне кажется, что под ногами не асфальт академического паркинга, что я лечу по зеленому ковру с россыпью весенних цветов, не ощущая высоких каблуков и волнующего головокружения, так похожего на... Нет, не произноси это всуе, Юля. Пока не произноси...

— У меня репутация женщины, которая всегда сдерживает свои обещания, но сейчас... Саша, я в растерянности!

Ирина Милошина чувствует себя в его рабочем кабинете полноправной хозяйкой. Но только потому, что это позволено ей изначально царским жестом неприступного божества самой волнующей и привлекательной субкультуры. На людях она благоразумно и почтительно соблюдает правила субординации, обращаясь к нему не иначе как «Мастер» и на «вы». Жестокое, но такое необходимое для членов клуба правило — преклоненные колени сабмиссива в его кабинете — свитч может соблюдать по своему усмотрению. Сегодня он не стал пользоваться своим положением. Ира пришла к нему как желанная гостья, партнер в их рискованном предприятии, хотя от обвинительных интонаций в начале разговора это ее и не спасло.

— Все с тобой понятно, — склонила голову набок элитный психоаналитик, пригубив из своего бокала его любимый коньяк. — Я прекрасно помню, о чем ты меня просил, перед тем как привести ее ко мне. На память еще очень рано жаловаться. Ты помнишь мое условие?

— Не в моей компетенции вмешиваться в работу, которую ты делаешь гораздо лучше меня, — несмотря на все ее доводы, в его голосе стынет лед. — Но я больше не допущу, чтобы ты доводила ее до подобного состояния. Даже во благо, Ира. Я никуда не спешу и мне не нужен моментальный результат путем своеобразной шоковой терапии!

— Прости, конечно, Анубис, только ты совсем не выглядишь расстроенным по этому поводу! — не сдается Ирина. — Хочешь, я расскажу, что произошло между вами, стоило ей закрыть дверь моего кабинета с обратной стороны? Ты же знаешь, что я воспроизведу все настолько точно, что у тебя мелькнет на долю секунды мысль о скрытых камерах. Но у меня не столь много времени, чтобы этим заниматься. Помнишь? Ты не вмешиваешься и не даешь мне советы. Только в этом случае я ей помогаю!

Он спокойно держит ее слегка насмешливый взгляд уверенной в себе хозяйки положения. Длинные пальцы переплетены и сжаты в замок, губы слегка изогнуты в иронично-покровительственной улыбке. Да, он сам обратился к этой женщине за помощью, но терять свое лицо не намерен ни при каких обстоятельствах. В сосредоточенных глазах искры насмешливого любопытства, отчасти ему интересно, как далеко зайдет визави в этом негласном поединке, который лишен смысла. Доказывать, кто круче и кто оказался прав, нет никакого резона. Он получил ответы на свои вопросы, убедился, что специалист мирового класса прежде всего соблюдает интересы своей пациентки, а не упрощает ему жизнь, прорывая траншеи к сердцу этой потерянной девчонки, которая за столь короткое время стала для него очень дорогим человеком.

— Я даже знаю, как долго ты пролежал без сна, воюя со своими внутренними демонами, уничтожая их своей решительностью, и как поставил себе зачет за то, что однажды, лет двадцать назад, распознал одержимость в зародыше, провел своеобразный ассоциативный анализ и усилием воли с разумом взял ее под контроль, чтобы никогда больше не выпустить.

Ирина все же частично задета его словами, психологические игры — защитная реакция. Грамотные игры, поправочка. Сколько раз за эту бесконечную ночь он заставлял себя остаться в чужой постели, не сорваться, не разбудить Юлию среди беспокойного сна, чтобы успокоить самым первобытным и безошибочным способом, ломая страх и приближая конечный пункт этой продуманной экспедиции? Он даже понимал своего взбунтовавшегося ученика, который никогда бы не дорос до стального самоконтроля, и в этом не было его вины. Испуганная, потерянная девочка с глазами цвета еще зеленой сентябрьской листвы с одинаковым успехом могла разбудить как инстинкт охотника-поработителя, так и сущность защитника, персонального ангела практически в каждом из мужчин, даже в далеком от Темы. Только реализация второго пункта требовала непоколебимой решимости и самоконтроля, а люди так часто ищут простые пути для реализации своих эгоистичных желаний.

— Сколько?

— Три-четыре сеанса, Алекс. И больше не зови меня на «отшлепать», ты и сам прекрасно понимаешь, что, получи она сильную моральную травму, сегодня вела бы себя совсем по-иному. И поверь, если бы не твое присутствие рядом, была бы избрана иная методика. Но мы же движемся к стопроцентному результату, правда? Не всегда работают только гуманные методы, иногда арахнофобию надо лечить не гипнозом, а камерой с тарантулами.

Нет, он позвал ее не совсем для того, чтобы устроить показательную «порку» или же потребовать доказательства работы ее не вполне гуманной методики. Он умел слушать других людей, как никто, признавать свои ошибки с заблуждениями и видеть дальше обозначенных границ. Просто осторожность перевесила чашу персональных весов — ошибиться на этот раз у него не было ни малейшего права.

— Спасибо, Ира. Но не думай, что я упустил тебя из виду, пока не окончится полный курс!

— В следующий раз точно проведу сеанс самой себе, чтобы возненавидеть тебя по первое число! — прозвучало почти угрожающе, но она улыбается. — А за то, что ты лишил меня шопинга, единственной отдушины... Будь добр, завези мне бутылочку вот этого вот великолепия из своих личных запасов. — Щелчок пальцами с идеальным маникюром по

стенке бокала.

Наверное, это самое малое из того, что он готов для нее сделать сейчас... Но она этого не увидит. И даже не доберется до этих глубин своими щупальцами-датчиками повелительницы человеческих душ. И это не значит, что он не умеет быть благодарным...

— У нас бы все равно ничего не получилось... Ты же знаешь, что мне нужно гореть эмоционально, а не от прилива крови к...

Лекси с Элей так старательно держат на лице покер фейс! Нет ничего важнее, чем роспись ногтей и обсуждение достоинств гель-лака перед обычным покрытием, пока я стараюсь отшить Ярослава по телефону так, чтобы не травмировать его раздутое эго и не обрести очередного недоброжелателя. Впрочем, его вздох в начале разговора показался мне подозрительно похожим на облегчение — настолько, что резанул по солнечному сплетению вспышкой холодной обиды. Юлия Беспалова, твою мать, личность приоритетная и незаменимая!

— Ну, повторяй себе это почаще, — благосклонно отшучивается мой несостоявшийся господин. — Я не могу тебе дать того, что ты каждый раз молча требуешь. Я не тот человек. Кстати, тот урод, что пытался затолкать тебя в машину... С ним поговорили, даже без меня. Представляешь? Годовалая дочка.

По моей спине пробегает дрожь омерзения. Наверное, я никогда не смирюсь с тем, что подобные неадекваты могут иметь и воспитывать детей!

— Бедный ребенок, — мне нечего сказать, я вообще не хочу об этом вспоминать сейчас. — Поговорили... кто?

— Тебе должно быть виднее. Ты у нас уже неприкосновенна. Даже я в таких водах не рискую плавать.

Пока я игнорирую эти слова, хотя и хочется узнать больше... Да я просто обо всем догадываюсь. Все прозрачно до невозможности, а обсуждать при девчонках, которым все сложнее и сложнее скрывать любопытство, — себе дороже.

— Без обид? — почему-то в последнее время мне важно расставаться по-хорошему, чтобы не разбудить в оскорбленных — отвергнутых мужчинах то, чего мне никогда не выдержать. Никогда не знаешь, чем это может аукнуться тебе в совсем недалеком будущем, расставленные многоточия сейчас кажутся самым неоспоримым приоритетом.

— Без обид, Юль. Ты помнишь. По любому вопросу, если нужна помощь, желательно в рабочее время. Мы своих в беде не бросаем.

— Куда собралась? — встрепнулись девчонки, когда я, спрятав телефон в сумочку, встала. Надо же, а казалось, вас так увлекла эта беседа, что вы бы и не заметили моего исчезновения! — С кем ты говорила? Кто он?

Я беспечно пожалала плечами, не сказав им ни слова. Это было новое, абсолютно незнакомое мне ощущение — спешить на встречу с человеком, которого уже каким-то нелогичным, непостижимым образом хотелось назвать своим. Не скрываться, придумывая сотни неотложных дел, не культивировать тревогу и необоснованные страхи. Даже не смотреть им в лицо, а просто вновь захотеть его увидеть. Ощутить сильные пальцы в своих волосах, тепло гладких ладоней на собственных скулах, когда он обнимет меня этим обманчиво-ласковым захватом для ставшего уже традицией поцелуя.

Было ли мне страшно перед этим броском в новую пропасть, пугающую своей неизвестностью и одновременно обволакивающую предсказуемостью? Сейчас — нет. Я боролась с другим страхом, который не желал ослаблять свои кожано-шипастые тиски на

доверчиво открытой шее, именно поэтому так легко было лететь на встречу с Александром, уже не рефлексируя от диагноза Милошиной, скорее, закрываясь им, как щитом, от любых сомнений! Встретить поцелуй и не сжимать мышцы в попытке запретить волне настоящего возбуждения проникнуть в кровь, позволить ей течь беспрепятственно, нежно — она не похожа на разрушительную цунами, которую я всегда испытывала рядом с Димой. Совсем не похожа... И от этого она не стала и никогда не станет менее волнующей и захватывающей.

— Ты проголодалась? — неосознанно прикасаюсь щекой к его теплой ладони, словно покладистая, истосковавшаяся по хозяину кошечка... На короткий миг пронзает шальная мысль: мне хочется поцеловать эту раскрытую ладонь просто так, еще без унижительного подтекста признавшей свою нижнюю сущность девочки, останавливает только мысль о том, что, возможно, скоро этого будет в избытке.

Есть я совершенно не хочу, мне хватило салатика в кафетерии на большой перемене.

— Я заказал столик в японском ресторане на шесть часов, а до этого времени... Ты когда-то спросила меня о том, чем я занимаюсь. Основной бизнес сосредоточен в Европе, но вряд ли это будет так интересно и позволит узнать меня в полной мере. Я покажу тебе то, что приносит мне удовольствие, основное занятие, призвание, если хочешь. — Он не смотрит на меня. Следит за дорогой, а я в который раз за последние дни гоню прочь озноб зашкаливающей тревоги. Мне не нужно быть экстрасенсом, он мог иметь ввиду только одно. Откидываюсь на спинку, чтобы снять мышечный зажим и сделать два незаметных, как мне кажется, глубоких вдоха. Меня не пугает то, что со мной могут сделать в этом клубе Тьмы, нет... может, я хочу прорисовать в деталях образ непоколебимого Архангела, до каждой растушеванной завершенной линии, до форматирования в рисунок 3Д, до финального заключения в стальные рамки нового шедевра, эскиз уже готов, и стереть этот набросок в случае, если оригинал окажется далек от выдуманного образа...

Здесь ничего не изменилось. Тот же лаконичный фасад: никаких пояснительных вывесок, кроме хромировано-глянцевой таблички и затемненных стекол, вечнозеленый самшит и матовый серый мрамор — люксовый формат клуба закрытого типа. В холле — приглушенный полумрак, скоро глаза привыкнут к этому таинственному освещению с красными бликами, которое совсем не давит на глаза, но неумолимо нагнетает обстановку тревоги-предвкушения с первых шагов вглубь просторного зала с рядами черных кресел и красной подсветкой барной стойки. Кажется, прошла целая вечность с того момента, как я пригубила за этой стойкой вкусный кофе и впервые столкнулась с притягательным обаянием власти в мужском облике. Хочется передернуть плечами, чтобы сбросить это напряжение, но просто не успеваю — поверх моей ладони властным, ободряющим захватом ложится его рука, слегка сжав пальцы и погладив линии жизни и судьбы. Улыбаюсь, но совсем не натянутой улыбкой... Похоже, мне и вправду спокойно рядом с ним даже в этой цитадели мрака и боли с привкусом наслаждения. За стойкой совсем новый бармен, не тот, кто тогда напрочь отказался наливать мне что-то крепче, чем кофе, и это добавляет немного уверенности.

Чужой взгляд атакует в спину, я оборачиваюсь на его источник и сжимаю ладонь Алекса в ответ, заметив на ступенях, ведущих на второй этаж, высокого мужчину в белой рубашке, с небрежно перекинутым через руку пиджаком. Мимолетная тревога гасится в сильной мужской ладони, пока незнакомец спускается к нам. Если бы не ощущение тепла руки Анубиса, я бы точно запаниковала, особенно когда взгляд мужчины дольше, чем обычно, задержался на моей шее, лишь небрежно защищенной тонкой золотой цепочкой с

крестиком.

— Юлия, наша гостья, — спокойно представил Александр. — Юрий, мой заместитель.

Заместитель удивленно сдвинул брови, взгляд серых глаз почти поспешно потеплел. Это настолько успокоило, что я искренне улыбнулась в ответ, когда он сухо поцеловал кончики моих пальцев.

— Очень рад нашему знакомству. Мне не повезло созерцать подобную красоту в отсутствие повелителя этой преисподней.

— Штейр, побереги свою риторiku для вечернего приема, — беззлобно осадил его Александр, подарив мне улыбку, от которой внутри разлилось приятное тепло, а пресловутые бабочки почему-то облюбовали солнечное сплетение, репетируя предстоящую жаркую вечеринку. В горле пересохло, и я смущенно опустила глаза, словно приятная аритмия могла зажечь мои зрачки призрачным неоновым светом. В этот раз не было желания сбежать, скрыться, подождать где-то за периметром закрытого клуба. Переплетения незавершенных линий золотистыми прожилками на глянцевых мраморных стенах, отблеском в натяжных потолках с красной подсветкой. Металлические декоративные перила спиралеобразной лестницы. Лаконично-черное ковровое покрытие без единой пылинки на ступеньках. Красные кресла подсвечены скрытыми в нишах светильниками с едва уловимым намеком на стиль древнего Египта. Я не могла не признать, насколько шикарным вкусом обладал тот, кто планировал этот дизайн, и как много сил он вложил в создание такого волнующего, ошеломляющего, запрещенного, но все-таки уюта.

— Внутренняя отделка была спроектирована по моим эскизам, — Алекс непроизвольно прочитал мои мысли. — Что же касается игровых залов, здесь пришлось перенять стиль наших западных коллег. Иногда фантазия идет вразрез с элементарным удобством, но в этом вопросе не стоило использовать новаторский подход.

— Здесь очень красиво. — Аура этого заведения захватывала с первых шагов. В первый свой визит сюда я была настолько напугана, что ничего этого не заметила. Представляю, что испытывала Эля со своим врожденным изысканным вкусом подающего надежды фотографа-эстета, когда оказалась в этих стенах. Наверняка отдельных фотоснимков интерьера у нее осталась внушительная папка, только подруга не сочла это заслуживающим моего внимания.

— Пока есть свободное время и абсолютно все игровые комнаты свободны, предлагаю отправиться на увлекательную экскурсию. Если тебе не очень хочется пока это видеть, мы можем отложить.

Не хочется? Да я сгораю от любопытства. Я не знаю, как это отразится на моей взбесившейся психике, это единственное, что способно сейчас посеять сомнения, но я бросаю на Александра взгляд смущенного бесенка, готового спрыгнуть с самолета, и мне для этого надо совсем немного — всего лишь напутствие инструктора, который правит этим балом. При этом утвердительно киваю, пряча смущенно-авантюрную улыбку.

— Ну, какая храбрая у меня девочка, — легкий поцелуй в лоб, у кромки зачесанных назад волос, с возмущением чувствительных нейронов до новой волны сладкого покалывания. — Если захочешь прекратить, ты мне скажешь. Мы договорились?

От двусмысленности фразы впервые за столь долгое время хочется рассмеяться, а не переспросить, что же конкретно он имел в виду. Доверие утверждало свою автократию в моем завоеванном сознании сверхскоростными темпами, этого оказалось достаточно, чтобы я подтвердила свою уверенность легким сжатием пальцев и смело шагнула вслед за ним в коридор с ответвлениями арочных проемов.

— Это можно смело назвать «номер-стандарт», — Алекс толкнул металлическую дверь, и первое время я ничего не видела, кроме густого мрака. — В клубе три таких номера, потому как подобная комплектация игрового зала пользуется спросом у клиентов клуба. Проходи. — Комнату залил неяркий свет, и я потрясенно охнула.

Темные панели, предположительно, натурального дерева. Черная кожа диванов, строгих, без излишеств, чем-то похожих на офисный стиль. Но мое внимание привлекло совсем не это. Пересечение двух обтянутых кожей планок в виде буквы X прямо по центру, с непонятными... вернее, совсем понятными петлями и тускло мерцающими скобами на торце углов этой конструкции. Я взрослая девочка, кто-то думал, что я не смотрела порнографические фильмы и не понимала, что это такое и с чем его едят?

— Она похожа на римскую десятичку. — Я не знаю, как мне следовало себя вести, но сейчас в глазах стоящего рядом мужчины я, скорее, была похожа на ребенка, который впервые попал на работу к родителям. Нет, никаких диверсий в станках, разбрызгивания канцелярского клея и самолетиков из бланков накладных и договоров. Какая-то неведомая сила толкнула вперед, и я сделала несколько вполне твердых и уверенных шагов навстречу этой конструкции, которая еще совсем недавно напугала б до икоты. На ощупь кожа была приятной. Прохладной, даже слегка бархатной, как показалось тактильным рецепторам моих пальцев. Хотела бы я оказаться на этой крестообразной перекладине, с разведенными в стороны руками в креплении этих кожаных петель-браслетов? Нет, наверняка нет. Может, «еще нет», а может, «ни при каких условиях». На данный момент это характеризовалось понятием «слишком».

В углу я заметила подобие постели — перетянутый кожей прямоугольный ровный матрас с петлями-креплениями и холодным хромированным блеском цепей по бокам. Никаких подушек-покрывал, ничего. Правда, здесь и не было холодно настолько, чтобы кутаться в пледы, а может, это цепная реакция пока что завуалированного возбуждения согрела сильнее любого калорифера.

— Что там? — я кивнула в сторону небольшой двери, чтобы скрыть замешательство. Все оказалось прозаично до невозможности.

— Душевые. Они есть в каждом игровом зале.

Желания сбежать не было. Я не узнавала себя. Любопытство, интерес, азарт... Да и сам Александр комментировал происходящее с позиции бизнесмена, а уж никак не заинтересованного в том, чтобы приковать меня сию минуту этими цепями к матрасу. Закончив обследование зала с придирчивым анализом под стать инспектору Фреймут, только без белых перчаток и попытки найти пыль на Андреевском кресте, я привычно вложила свою ладонь в руку Алекса. Следующий зал кардинально отличался от увиденного ранее.

Электронный камин. Белая бесформенная шкура на полу. Кресло и столик в викторианском стиле, несколько чучел диких животных на стене, и все бы ничего, если бы мой цепкий взгляд не выхватил свисающих с потолочной перекладины цепей, от одного вида которых я непроизвольно дернулась и прижалась к Александру в поиске защиты от мнимой опасности. Он не сказал ни слова. Ладонь свободной руки переместилась на мое плечо, успокаивающе сжимая, трансформируя дрожь в откат расслабления, пока я не справилась со своими воспоминаниями и не зафутболила их усилием фантазии прямым в имитацию углей камина.

Этот зал был спроектирован с прицелом на высокий эстетический вкус клиента.

Своеобразный декаданс с тонким флером таинственности и, опять же, уюта вопреки любой логике. Совсем скоро я перестала замечать свисающие с перекладин цепи и кольца в стенах, непреодолимым стало другое желание — развалиться в этом кресле с бокалом чего-то покрепче, чем кофе, и, может, с книгой — настоящей, в твердой обложке, никаких электронных девайсов.

— Мне даже захотелось держать осанку и вести светские беседы, — неловко пошутила я, комментируя увиденное, когда мы вошли в очередной зал. Если первые два попадали под понятие «тьма», здесь царил свет. Белые кружева. Балдахины пастельных тонов. Светлые стены. Наверное, тут шла игра на контрасте боли и романтики, но все казалось кукольным и неестественным, поэтому задерживаться не хотелось.

— Есть еще зал для медицинских игр, но он готовится к реконструкции. Подобные игры очень популярны на западе, но у нас, к сожалению, не нашли свою клиентскую нишу. А вот здесь мы переняли опыт Страны восходящего солнца, прежде всего, потому, что шибари — исконно японская культура...

Вот где фотографировала Эля! И я понимаю, почему она так глубоко нырнула в процесс создания умопомрачительно красивых снимков. Здесь не было ощущения тревоги, опасности, растерянности, нет... Стилизация прекрасной Японии, страны сакур и тонкой эстетики — этому не могли помешать даже перекладины с крюками и кольцами, значение которых нетрудно было понять после увиденных фотографий. Наверное, предоставь мне на выбор провести время в одном из залов клуба Devi-ant, я бы выбрала именно этот. Разве может напугать такая эффектная обвязка?

— Это очень тонкая практика, — пояснил Александр, заметив мою восхищенную улыбку. — Подобной культуре бондажа посвящены отдельные семинары и курсы, поистине это восхитительное мастерство. Но его тоже можно использовать по-разному. Можно вязать узлы, стимулируя точки на теле человека, которые отвечают за боль... Но чаще всего линии веревки ложатся на эрогенные зоны, что позволяет достичь состояния сабспейса даже при абсолютном покое, без дополнительной стимуляции.

— Я думала, это возможно только при болевых воздействиях... не имеет значения, физических или же моральных, — возможно, мне не стоило хвастаться своими познаниями, но абсолютное доверие делало свое дело, а главное, я все время хотела слышать звук его глубокого бархатного голоса, который казался неременным атрибутом этого зала.

— Этот феномен до конца не исследован до сих пор. И у многих это происходит совершенно по-разному. Как и способы достижения, так и сами ощущения в этом состоянии...

Мне долго не хотелось отсюда уходить, но любопытство пересилило. Юля, оно губит кошку... Но расслабленное сознание не могло предугадать угрозы после такого релакса. Я не могла знать, что будет ждать меня за следующей дверью...

...В первый момент я ничего даже и не поняла. Лишь поправила выбившуюся из прически прядь волос — женщины и вправду непредсказуемые создания... Но потом...

Холодный зеркальный портал с графической прогрессией отраженных коридоров. Десятки, нет, сотни офигевших от увиденного зеркальных Юлий Беспаловых с тенью мужчины за спиной, архангела или дьявола, не понятно до конца... мне не нужно пояснений, я знаю, для чего предназначена эта комната — здесь можно даже ничего не предпринимать... достаточно просто переступить порог...

Пылающая бездна, так благополучно забытая, разверзается под ногами, и мне проще

смотреть туда, в алые всполохи тектонических разломов, чем в эти холодные глянцевого порталы в долину уничтожения! Вымораживающий холод острыми иглами инея по позвоночнику, в горячую кровь, кристаллизируя ее первобытным ужасом, сжимая горло с рвущимся криком острой коркой карамелизированного холода... Я не смогу сама выйти отсюда... Я не смогу даже выползти! Процесс уничтожения еще не запущен, пока только просвечивает рентгеном равнодушно-циничных зеркал, активируя вторжение в ослабленные шлюзы сущности, чтобы раскрыть без анестезии, придавив к полу, который, кажется, специально покрыт длинноворсовым ковром...

— Что такое? Тебе плохо?

Я не могу произнести ни слова, что там, я даже не чувствую сильных рук на своей талии, потерявших опору ног, обманчивой невесомости с движением вперед... Хлопок двери выстрелом по натянутым струнам сущности... Опору стены за спиной и его рук — спереди, нежным поглаживанием, касанием теплой щеки, успокаивающего поцелуя... В глазах пляшут темные пятна, и я непроизвольно скольжу по стене, обхватив колени...

— Все хорошо! Дай мне свою руку... Медотсек рядом!

Я его почти не слышу... Мне больно и стыдно за свою реакцию одновременно, только я ничего, совсем ничего не могу с этим сделать! Пытаюсь... выходит сбивчиво...

— Это же... зеркало... зачем?

— Я все понял, держись... все хорошо! Мы вышли. Открой глаза!

Ему все же удастся поднять меня на руки, и я доверчиво прижимаюсь к тугому корсету грудных мышц под броней дорогого костюма. Биение чужого сердца оглушает внезапным резонансом, размыкает мышечный спазм, проясняя взгляд... Одних его рук достаточно, чтобы я ощутила себя самым защищенным человеком в мире!

— Не надо... медотсека... Уже все... все хорошо! — Почему-то информация о том, что здесь находится кабинет (с личным доктором, как я потом узнаю), успокаивает еще больше. Дань профессионализму Александра... или же попытка ухватиться за все хорошее, что произошло сегодня?

— Сейчас пойдем ко мне в кабинет... Ты точно в порядке?

Я киваю. Наверное, нам обоим понадобилось никак не меньше десяти минут. Мне — восстановить дыхание и сосредоточиться на его присутствии, на тени его крыльев, которые моментально перекрыли недавний испуг. А ему... Он просто никогда на меня не давил. Ни сейчас, ни потом.

— Поговорим, когда будешь готова. — Я сжимаю его ладонь, чтобы идти рядом. Это не обморок и не физическая слабость, психосоматика в последнее время сходит быстро. Мысль о том, что следовало бы вернуться в ту адскую комнату и поправить прическу, вызывает нервный смех...

Холл потихоньку заполняется людьми. Я вижу фигуру мужчины по прозвищу Штейр (титул или звание, как узнаю потом, никак не кличка), запомнила потому, что ассоциация с пневматической винтовкой очевидна. Он как раз закончил говорить с парой посетителей. Я улыбаюсь, следуя правилам хорошего тона, когда они подходят к нам. Нас не представляют друг другу, но я, кажется, этому рада. Мужчине на вид лет тридцать. Он обменивается рукопожатием с Александром, я теряю ощущение тепла мужской ладони всего на миг. Глаза нового посетителя скользят по моему лицу, задержавшись на шее — колющий взгляд, свойственный людям, которые занимают в теме доминирующую позицию. Впрочем, он меня больше не пугает. Я смотрю на его спутницу, и ощущаю, как моя рука непроизвольно

задрожала в руке Алекса.

На ее шее кожаная полоса с металлическими вставками. Глаза опущены в пол, руки скрещены ниже живота, и заметно, что она пытается занимать позицию на шаг в стороне от плеча своего спутника. Мне кажется, или она расстроена... вплоть до того, что готова расплакаться? Я сжимаю пальцы Алекса, из последних сил удерживая улыбку, не разбирая слов, но уловив суть — игровая комната готова, они могут пройти туда и заказать напитки.

Когда пара исчезает на правом крыле винтовой лестницы, я едва не вздыхаю с облегчением. Неужели Александр хочет для нас подобного формата отношений? Мне придется ему отказать. Я не готова к подобному даже за стенами спальни!..

Чужой взгляд, недоброжелательный, у меня сенсор на подобный женский придирчивый осмотр — прерывает мои неуместные мысли. Это рыжая девушка в белой блузе, сидящая на высоком барном табурете за стойкой с бокалом шампанского. О, женская зависть мне знакома давно и далеко не понаслышке! Она настолько увлечена моей персоной, вернее, своим желанием скривить губы в брезгливо-презрительной ухмылке, что, кажется, не замечает стоящего рядом со мной владельца клуба. Что ж, я тоже не подписывала соглашение о соблюдении роли хозяйки светского салона, улыбка предыдущей паре — мое воспитание и личная инициатива. Мне достаточно склонить голову и недоуменно сдвинуть брови, словно удивившись, что же «такое» делает в этих стенах.

Зря я полагала, что наш артобстрел перекрестными взглядами остался незамеченным со стороны Александра! Легкое сжатие пальцев, и мне не остается ничего другого, кроме как последовать за ним. Рыжая оживает (о, все-таки заметила, кто рядом со мной!) и манерно запрокидывает шею. Да чтоб ты подавилась своим шампанским, Роксолана-Хюррем недоделанная!

— Мерви. Тебе известно, сколько стоит минута моего времени? — Голос Александра не меняется. Но от обманчивой доброжелательности его волнующего тембра у меня непроизвольно пробегает дрожь по телу.

Рыжая бестия от недоумения перестает улыбаться, уставившись на него, как на заговорившую церковную икону. Кажется, моя персона временно забыта.

— Это новаторский подход — сидеть в присутствии Мастера?

Ледяные нотки его голоса, кажется, подвешивают время в периметре холла. Я бы вырвала ладонь, но пожатие его пальцев прежнее, обволакивающее, успокаивающее. Этот холод не коснется меня сегодня. От осознания подобного факта по телу разливается приятное тепло, и я с интересом наблюдаю за выражением лица этой дерзкой посетительницы. Уже никакой улыбки и завуалированного флирта, она съеживается на глазах, оставив бокал от греха подальше.

— Простите... Я... просто...

— В каком виде ты пришла? Почему я не вижу белого ошейника на твоей шее? Ты не в состоянии прочитать правила клуба, или всерьез полагаешь, что уплата взноса позволяет наплевать на установленные здесь законы?

Ни фиги себе... Если бы подобное негодование было направлено на меня, я бы разрыдалась и забила в угол сию же минуту. У этой рыжей еще остались силы ему перечить, пусть мычанием, но все же?

— Штейр! — кажется, все-таки вздрагиваю. Юрий материализуется возле нас на удивление быстро. — Мерви позволила себе проигнорировать два основных правила. Поясни ей, что за это полагается. И да, не больше пятидесяти граммов коньяка за счет заведения

после воспитательной беседы! — это бармену. Рыжая бледнеет на глазах, когда он вновь обращается к ней. — Ты знаешь, какое наказание за подобное неуважение. Я позволяю тебе расслабиться после этого.

Меня потряхивает синхронно с этой приговоренной Мерви, когда он поворачивается ко мне. Черт. Мне трудно поверить, что эти глаза с ласкающими искрами только что едва не согнули девушку в позу покорности! Шепот «не надо» гаснет на губах вместе с теплыми объятиями.

— Все хорошо. Это внутренние правила... Они никогда тебя не коснутся! — ласкающий росчерк губ по скуле, инъекция тепла в зажатые сплетения нервных узлов... Непроизвольно прижимаюсь сильнее, подавив испуганный всхлип. Его пальцы переплетаются с моими легким нажимом, пока ударная аритмия не затихает, а передо мной не раскрываются двери личного кабинета хозяина клуба. Как я не заметила преодоления лестничного пролета? Оборачиваюсь назад, но Штейр с проштрафившейся сабой больше не в поле моего зрения. Слава богу.

Теплые объятия дивана, потеря тактильного контакта, совсем на миг. Моих пальцем касается бокал с янтарной непрозрачной жидкостью.

— Это ирландский ликер. Тебе нужно успокоиться. — Офигеваю, когда он присаживается рядом на одно колено. Такие мужчины могут принимать подобные позы? У меня, наверное, рушится мировоззрение! Ладонь ложится на мою свободную руку, неминуемая трансплантация спокойствия и надежности через прикосновения. — А потом мы поговорим... Чтобы никогда не повторить то, что случилось в зеркальной комнате. Согласна?

Сердечный ритм выравнивается, кровь насыщается сладким облегчением с привкусом кофе и шоколада, когда я вижу его так близко, настолько рядом, что сами страхи вместе с фобиями боятся поднимать голову. Здесь только его диктат, который для меня значит вовсе не угрозу... только спокойствие, доверие и открытие нового портала. Я еще не знаю, что там. Я могу только догадываться, что на этот раз все будет по-иному, отличным от того, что мне пришлось испытать прежде.

Личный Эдем или личный Ад? Так трудно ответить на этот вопрос, потому что здесь перестают работать законы элементарной логики. Но почему-то я уверена, что в этот раз решать только мне, чем именно станут для меня эти новые, зарождающиеся отношения, которые уже вышли за пределы понятия «симпатия». Мы можем двигаться рука об руку с одинаковым успехом вперед, к новым горизонтам, и разорвать этот подъем в любой момент, если восхождение причинит боль кому-то из нас...

— К Милошиной все же придется сходить еще минимум четыре раза, — он непреклонен, но сегодня это не вызывает во мне отторжения с протестом. — Нельзя обрывать курс до его завершения. Ни в коем случае.

Ликер развязал мне язычок после того происшествия с рыжей девицей. Я не думала, что придавит так сильно, замирала, ожидая услышать ее надрывные крики и свист кнута за тяжелой дверью кабинета, готовая вскочить при малейшем звуке. Не факт, что спасать, сдалась мне эта пафосная сука от Темы, скорее, бежать без оглядки, подальше от этого Клуба Смерти во главе с его хладнокровным владельцем и прочими персонажами с нечитаемым выражением глаз и замашками римских патрициев. Какого черта я сижу на этом удобном кожаном диване, смакуя ликер, и, более того, отвечаю на все его вопросы без долгих колебаний, к тому же ухитряюсь задавать свои?!

— А что означает белый ошейник?

Он больше не стоит передо мной в картинной позе героя слезливых мелодрам, собирающегося сделать своей избраннице предложение, от которого та не сможет отказаться. Он возле своего рабочего стола, левая рука уверенно опирается о деревянную поверхность, взгляд быстро скользит по строчкам какого-то документа. Работа не терпит? Что-то важное?

— Белый цвет ошейника или браслетов означает, что саба в поиске своего доминанта. Это одно из негласных правил клуба. Есть система цветов и символов, эти догмы обязательны к прочтению и соблюдению. Нарушение карается.

Как я еще не спросила, чем именно! Инстинкт самосохранения не спал? Да полноте, мой инстинкт обладает весьма своеобразным чувством юмора.

— А я? — не так уж много и выпила. Что это? Скрытый вызов? Или предоставление полной индульгенции на раскатку по черной коже дивана уже через 3... 2... 1?

— А ты моя гостья.

— И мне не надо соблюдать эти правила?

— Глупо было бы требовать от тебя соблюдения тех правил, которых ты не видела в глаза... И да, я не намерен заставлять тебя это делать! Ты успокоилась? Теперь я хочу знать, что именно произошло в зеркальной комнате.

Легкие взрываются изнутри обмораживающей вспышкой ледяного вакуума. Хороший способ вернуть мне душевное равновесие! И это после того, как он наотрез отказался продолжать мою экскурсию по оставшимся пяти залам клуба и комнате, где хранятся девайсы? Это что, такая убивающая на хрен тактика доброго хозяина — напоить вкусным ликерчиком, расслабить до критической отметки, чтобы снова ударить на поражение, в самое сердце?

— Ничего... У меня один глаз покрашен сильнее, чем другой... — я умудряюсь шутить? Нет, не просто шутить — противостоять с завуалированным высокомерием под патоккой сарказма? Я же просто не хочу об этом думать, и тресни на мне бюстгальтер, если он этого не видит и не понимает... Понимает сильнее меня самой, но почему-то больше не делает попытки успокоить, просто цепляется за мой страх и боль с царской ленью Дракулы Брэма Стокера! Пусть параллельно все же спасает от нового блока убивающих мыслей — мне незачем было представлять Диму в каждой из этих комнат с кнутом или чем-то пострашнее в сильных ладонях, справедливо обходя острые скалы представления о том, как бы он

разошелся в преисподней зеркальных коридоров! Мой девятый круг ада? Мое проклятие? Моя фобия под номером один, от которой уже поздно пить ликер и глотать колеса? Почему так трудно оставить ее только моей, зачем эти вопросы? Саба не врет своему Дому? Я не вру, я просто не хочу лишний раз утверждать то, что для него и так очевидно!

— Юля, ты снова пытаешься меня расстроить?

Прошу тебя, замолчи. Просто сядь рядом... Или нет, стой, где стоишь, я не буду продолжать разговор в таком тоне и под таким прессингом... Мне хватит на сегодня потрясений, разве нет?

Вздрагиваю, когда он все же садится рядом (будь осторожна со своими ментальными призывами), хватаюсь взглядом за стопку документов в его ладони, словно это мой спасительный якорь. Что за день такой, мне хватило и утреннего обсуждения пощечин и их последствий для психики. Но если тогда он сделал все, чтобы не только разговорить, но и успокоить, то сейчас это выглядит не иначе как принуждением.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Теплые пальцы сжимают мою ладонь. Зачем эта обманчивая ласка, если ты не намерен отступаться от своих принципов?! Зачем?!.. И как мне сопротивляться теплоте току уверенности и реактива мужества и хладнокровия, которым начинает насыщаться кровь через одно его прикосновение?!

— Я должен знать. Я не имею права причинять тебе недопустимую боль и должен знать твои пределы!

Я почти не против, но... у нас ужин в «Тануки»? И он реально хочет, чтобы я ехала туда с заплаканными глазами? Я же не смогу так хладнокровно рассказать о том, что Дима тогда со мной сотворил без единого удара... даже без слов... Я их, кажется, и не запомнила... Мне тяжело говорить. Я открываю было рот, чтобы начать...

Портал зеркального холода. Расколотое отражение, с усилившейся хваткой в волосах. А ведь я могла тогда закрыть глаза и не смотреть, он бы не смог мне их открыть ни под каким предлогом! Почему я не сопротивлялась, пошла на поводу у звука его голоса, повинувшись той власти, которую он имел надо мной?! Думала, выстою? Может, не знала, какой эффект произведет обычное зеркало, верный друг всех любительниц селфи, в его руках, с неоспоримой волей свихнувшегося желания подчинить, растоптать, увести от придуманной реальности ради собственного «хочу»?! Оно не разбилось, хотя мне тогда показалось, что ударная волна моральной боли раскрошила его на осколки, мелкие стразы самых горьких и настоящих слез. «Мне так же больно, как и тебе!» — зачем ты утверждал то, о чем сам не имел ни малейшего понятия?!

Я не замечаю, погруженная в эти убивающие воспоминания, как его руки оплетают мои плечи, разворачивая спиной к себе, властное управление пальцев фиксирует мою голову на плече мужчины, с которым рядом я, кажется, снова смогу дышать полной грудью. Если бы это сделал кто-то другой, я бы вырвалась из захвата моментально, а сейчас нет даже намека на подобную мысль. Как можно так подавлять и успокаивать одновременно, перенастраивая нервную дрожь на вибрации уюта уместившейся на коленках кошки? Ей спокойно и тепло, пусть она и дикая, своевольная, и никто иной к ней не приблизится, пусть... А мне давно не было так спокойно, как сейчас. Настолько тепло, что я доверчиво смеживаю веки, растворяясь в комфортной темноте полуоткрытых глаз, бездумно закидываю ноги на кожаный валик дивана, забыв о высокой шпильке и самом наличии обуви. Горячий шепот обволакивает тончайшей паутиной, теплом последнего летнего привета (далее только холода за окном,

но душевное равновесие не обязательно должно зависеть от сезонно-погодных условий)... Он просто проникает нейтринным лазером в кожу, минуя сердце, напряженную работу мысли над самоконтролем и догмой «не сдавайся», отключает это сопротивление. Такое лишнее сейчас и совершенно не нужное.

— Я не привыкла себя видеть такой. — Пусть внутри все взрывается от боли, пусть она пытается активировать цепную реакцию нового разрушения личности, сыворотка правды его теплых ладоней и прижатых к затылку губ запустила свой антивирус, который не просто пытается локализовать эти воспоминания, а еще выбросить за пределы замкнутой вселенной, где они застынут в бездушном вакууме. От меня требуется так много и так мало одновременно... Найти в себе силы это проговорить. Только тогда я получу относительную свободу от своей фобии, хотя бы ненадолго... — Он просто хотел, чтобы я увидела. Я не знаю, почему... или знаю... — голос все же срывается, совсем ненадолго, а объятия сжимаются в поощрительной ласке.

Будь мужественной, моя девочка!

— Никто не готов видеть себя настоящего в некомфортных условиях.

Эти осторожные, слетающие, словно вдох и выдох, комментарии добавляют сил, унимая нервную дрожь. Я понимаю, что не только это меня так тогда напугало. А может, и вовсе не это! У меня был спасательный канат под инвентарным грифом «у тебя не было выбора», эта аксиома могла списать любое чувство вины. Да, меня убило другое. Неадекватность и ненависть в глазах того, кто держал руку на пульсе моей центральной артерии, того, кого я волей-неволей вынуждена была признать не только палачом, но и защитником... Потому что на тот момент он один решал, смогу я увидеть солнечный свет или же навсегда утонуть во мраке его тотальной одержимости...

Легко ли мне дались эти слова? Возвращаясь в тот вечер на волне воспоминаний, я не могу сказать наверняка. Кажется, я все же дрожала, даже в этих теплых умиротворяющих объятиях, но доверие делало свое благородное дело, и я не смогла промолчать. Наверное, эта правда, которую я не раскрывала даже близким подругам, помогла мне стать свободнее — пусть пока ненадолго, но это был первый кирпичик фундамента зарождающихся отношений. Итог разговора дал твердую веру в то, что Александр никогда не сделает со мной ничего подобного, и почему-то я поверила в это сразу... хотя не прозвучало никакого обещания или заверения в обратном.

Сближение, которое я теперь мысленно иначе как «слияние», не называла, набирало скорость гоночного болида «Формулы-1». Соперник, нет, член моей гоночной команды мог прийти к финишу первым, но он не желал победы лишь для себя. Мы должны были финишировать вместе. Рука об руку, только вперед, с последним выбросом гравия из-под колес и автографом сладкого предвкушения на раскаленном асфальте.

Приняла ли я его полностью... тем, кем он был, того, кого он сам не побоялся мне показать в тот вечер в клубе? Еще один вопрос без ответа. Тот, на который я смогу твердо ответить, когда преодолеем новый уровень. Черт, я правда сейчас про себя сказала «преодолеем»? Вместе, за руки, оставив прошлое позади?..

Ира Милошина на очередном сеансе задвинула тактику агрессивной альфа-суки в угол. Не обошлось без особой, непостижимой уму магии этой королевы человеческих душ... Вот шла я вроде бы с боевым настроением и желанием загнать ее под плинтус, но не тут то было. Не прошло и двадцати минут, как мы вели светскую беседу, и я, смакуя белый чай (обязательно куплю, это чудо!), зарабатывала первые морщинки изумления на собственном

любике, слушая ее пояснение теории «зеркального коридора». Я уже понимала суть этой тонкой психологической экзекуции, и завеса моей реакции приоткрылась с новой стороны. Я не принимала себя? Я не принимала себя именно с ним. Несмотря на чувства к своему врагу (они были. Они даже сейчас не прошли окончательно!), я отрицала это всеми фибрами души, погружая себя в кошмар неуверенного противостояния двух сторон собственной личности. Быть с ним — не выбор, не шанс, нет, насильственная необходимость, смирение, безысходность... Любовь смогла раскрасить это в яркие цвета, но как бы долго я ни держалась, исход был один. Ирина шутя проводила параллели с фильмом «Мистер и миссис Смит», что меня несказанно позабавило. Но, если отбросить роковой шарм Анджелины Джоли и чарующее обаяние Брэда Питта, история обретала пугающий размах. В кино все было безумно весело. Даже Энджи в мужской рубашке, которую я теперь не надену ни под каким дулом пистолета, лучше останусь голой. Чем это могло быть вне кинематографа и без банального убийства? Мне хотелось бы верить, что со временем я сброшу Димкин диктат под стилет своей шпильки, научусь жить рядом с волком и перехвачу все его рычаги воздействия. Я неосознанно говорила о нем в будущем и настоящем времени, но очень редко в прошлом. Это пройдет, пообещала Милошина, как только я получу ударную дозу новых эмоций и тепла.

После таких разговоров на протяжении трех сеансов я все чаще задумывалась о том, не состояла ли она в интригующем заговоре с моим новым покровителем.

Что же до Александра, спросите вы? А я словно намеренно оттягивала этот момент, не совсем не ради того, чтобы читатели (я когда-то точно продам права на издание и экранизацию моей непростой истории!) грызли локти в ожидании... Слияние продолжало раскручивать свою невидимую глазу ураганную спираль в самых безобидных моментах. Я относилась к этому иначе, чем к развитию всех моих предыдущих отношений. Это было некое таинство, моя личная территория, моя замкнутая аквасистема, где шпиль стал редким гостем. Цунами имели яркий эмоциональный окрас. Приливы несли воды чистой эйфории и волнующего предвкушения, и даже водовороты страха состояли из неразбавленного эндорфина.

После разговора в клубе что-то незримо поменялось в наших отношениях. Я бы назвала это близостью, новым этапом доверия, но не спешила форсировать события... это была исключительно его привилегия! Я так легко согласилась с тем, что главным будет он, и принимать все решения — тоже, лишь на том основании, что он знал, как это сделать, не травмировав мою уставшую психику и забыв на время даже о себе. Это настолько отличалось от того, что со мной произошло перед этим, что сущность без опаски подкрадывалась к этому пламени, пока еще маленькими шажками, готовая раствориться в нем, но не сгореть, а лишь возродиться заново.

С этого момента на наши встречи Алекс не приезжал без букета. В этом он оставался верен самому себе до конца: ослепительные красные розы или же идеально белые. Никаких кремовых переливов на бархатных лепестках, модного оттенка ivory, и, конечно, кислотных цветов в виде синего — салатного — ультрамаринового, как и блесток или лазури из дешевого баллончика. У этих роз кто-то заведомо оборвал все шипы, хотя, возможно, они были выращены именно без них изначально. Идеально ровные стебли, равномерно насыщенные бархатные лепестки с капельками свежей влаги, с ненавязчивым ароматом именно свежести утренней природы и... весны. Именно весны, а не поглощающей серой скукой осени. Розы с трудом умещались на пассажирских сиденьях его «Лексуса», они едва

не переворачивали тяжелые вазы, у этих цветов было потрясающее свойство — они стояли в воде максимально долго, сохраняя необыкновенную свежесть и бархатный отлив лепестка. Виделись мы с Александром практически каждый день, и моя комната, а с ней и кухня, вскоре начали напоминать оранжерею или, как пошутила Эля, место захоронения крупного мафиози. Это был единственный раз, когда она не вспомнила о своем фотоаппарате сразу. Но не прошло и получаса, как она уже загорелась маниакальной идеей снять меня голой на фоне этого флористического великолепия, пришлось даже прикрикнуть на нее.

Если при встрече мой мужчина (пристрелите меня... это оговорка по Фрейду, не более!) всегда дарил лаконичные стебли роз без упаковочной пленки и разбавления папоротником, те его букеты, что доставляла курьерская служба, отличались шедевральным флористическим исполнением. Почти всегда к подобному букету в плетеной корзине прилагалась коробочка конфет и конверт с пожеланием спокойных снов или приятного дня в зависимости от времени суток. Здесь не обязательно основу композиции составляли розы, некоторое цветы мне даже не доводилось видеть прежде.

Когда на исходе недели после нашей экскурсии в клубе я получила букет без записки и шоколада, я почти не обратила на него внимания. Мое настроение было приподнятым и высокодуховным после просмотра постановки «Дон Жуана» с прекрасным актерским составом. Я смотрела на потрясающую игру актеров и не понимала, почему раньше так ненавидела театры и спектакли, наверное, после школьной принудилочки, с детскими постановками. Я тогда узрела сорокалетнюю Красную Шапочку в курилке и получила удар по детской неокрепшей психике. Но нет, Харьковский академический театр оперы и балета не зря считается одним из лучших в Украине. Я так увлеклась действием, таинством (игрой не поворачивался назвать язык) на сцене, что выпала из реальности, забыв даже про сидящего рядом Александра. Жаркие поцелуи в машине перед прощанием закрепили ощущение полета в наивысшей точке горной вершины. Мы не заходили дальше этих глубоких поцелуев, но каждый раз у меня оставалось ощущение полноценного единения. Он искусно приучал меня к себе и своей сдержанной, как тогда казалось, страсти, которую неизвестно какими сверхусилиями смог удержать под контролем в ожидании моего согласия.

Что испытала я, увидев белоснежные орхидеи в обрамлении кольца таких же черных? Ужас? Страх? Поглощение паранормальной тенью, незримо следующей за мной по периметру комнат? Ничего. Абсолютно. Ну, не стану скрывать — разряд жаркого удовольствия по выступающим пикам позвонков с захватом солнечного сплетения, с новым битом совершенно иной аритмии — сладкой, захватывающей, волнующей, рисующей на губах счастливую улыбку предвкушения с примесью остро-сладкого страха. Мне было все равно, что на курьере, доставившем букет, была униформа, отличная от одежды тех, кто приносил букеты ранее. Когда он многозначительно кашлянул, после моей росписи в бланке, я не сразу поняла, что это был тонкий намек на традиционные чаевые.

— Слушай, парень, это к руководству. Твоей конторе сделали за последнюю неделю такую кассу, которую вы не получаете даже на 8 марта! — я захлопнула дверь перед его носом. Укол тревоги все же догнал меня спустя 15 минут, когда я пила кофе, любуясь этой тонкой работой флориста.

«Они ядовиты — это их защитная особенность. Они оплетают лианами все вокруг, завоевывая новые территории таким образом. Агрессоры. Своим черным окрасом они вовсе не маскируются, а, наоборот, кричат о дерзкой красоте, уверенные в одном — они далеко».

Ты думал, оказавшись на свободе, я не залезу в Google, чтобы проверить твою красивую

выдуманную теорию? Так вот. Они не ядовиты. В племенах Амазонки они — священный тотем, а не игрушка пресыщенного эстета. Что хотел сказать Алекс этим букетом, к которому впервые не шел бонус в виде моих любимых «Рафаэлло» или «Ферреро»? Я ему рассказала эту историю однажды за ужином. Кажется, это вызвало ироничную улыбку и еще ощущение обмораживающего льда... снова направленного на кого-то другого, и уж никак не на меня. Наверное, только то, что терпение не безгранично? Или ломка закрепленного сознания, новая интерпретация этих экзотических цветов?

Игры богов или протест оклемавшегося сознания, абсолютное исцеление или суровый реализм? Что тогда не позволило мне развивать иную теорию происхождения букета, когда все знаки были налицо? Иная контора. Иная подача. Даже сами цветы... Что?

Исцеление уже началось. Милошина предупредила, что это произойдет не «вдруг», механизм запущен, но все будет раскладываться по полочкам постепенно. Плюс мощная аура, непробиваемое биополе нового единения, невидимое слияние двух сущностей в одно целое отсекали все попытки помешать этой притягательной феерии. Орхидеям не суждено было сломать мне сознание с выбросом рыданий, сжатием нервов и отрицанием нового, чего-то хорошего и грандиозного. Я двигалась вперед и все реже оглядывалась назад, остановить этот маховик уже не мог никто из нас, а я, к тому же, этого и не хотела. Мне даже не было страшно, ну, почти. Почти...

Александр не торопил меня ни словом, ни жестом. Мы проводили вместе большую часть свободного времени, шаг за шагом, в унисон одним на двоих дыханием, углублением неосязаемой прочной связи, сладкой обоюдной интоксикацией через жаркие поцелуи, прикосновения и просто диалоги. Я с упоением перечитывала классику мировой литературы, чтобы поддерживать интересный разговор на должном уровне, заработала зачет-автомат по дисциплине прикладной психологии, иногда загоняя в тупик своими умозаключениями даже преподавателей. Параллельно с последним, решительным шагом вперед, навстречу неизвестности нового начала, я делала все, чтобы приблизиться к его уникальному миру, стать в нем своей, желанной и горячо любимой... Может, с ним этого еще не произошло, как и со мной, любовь лишь вступила в стадию трансформации-перерождения, но одно оставалось неизменным: впервые за все время я чувствовала себя в безопасности, и это ощущение кружило голову.

Шаг навстречу сделала я сама, в один из дождливых осенних вечеров, который нивелировал красоту золотого листопада промозглой сыростью. Мне было все равно, весна внутри не подчиняется законам четырех сезонов. Изумительный колумбийский кофе в приглушенном полумраке элитной кофейни, куда не попасть с улицы без предварительной записи. Даже классическая музыка, к которой я всегда относилась довольно прохладно, сегодня звучала иными, царапающими душу нотами, разливая по телу приятное умиротворение с привкусом сладкого волнения...

Мне уже тогда казалось, что Александр знал до каждого произнесенного слова исход нашей сегодняшней встречи. Я прервала свои рассуждения о том, что Антуан де Сент-Экзюпери в школьной программе за пятый класс неуместен в силу того, что в этом возрасте сложно понять всю тонкую глубину его высказываний, когда его ладонь привычным жестом накрыла мою, считав кончиками пальцев расписание линий судьбы и жизни. Эта чувственная дактилоскопия за последние недели прожгла мою кровь исцеляющим лазером, я реагировала на нее подобно тому, как засыхающая орхидея на инъекцию свежей воды. Сердце ускорило ритм, выбивая приступ испарины.

— Ты волнуешься, — он не спрашивал. Он всегда видел меня насквозь. Этот обжигающий приглушенный тембр уже бежал в моей крови, возвращая отчаянную смелость на равнинах потрясающего азарта.

Дистония. Тут не надо быть магом тридцатого уровня.

— Вы же знаете... это нормально.

— Это хорошо, а не просто нормально. Волнение подогревает ожидание и обостряет эмоции. Это не тот страх, это вполне уместный внутренний конфликт подсознания. Одна его часть держится за навязанную догму «неправильно», и этот барьер есть у всех — нормы воспитания, морали, пресс общества, законам которого мы произвольно следуем, потому как не все можно сбросить и нарушить. Вторая же часть знает, что ничего плохого не случится и жаждет этих новых горизонтов. Поэтому страх имеет привкус изысканной сладости.

«Тащит», — сказала бы я, лаконично и по-простому. Но рядом с ним сленг напрочь забывал о том, что живет на вольных правах в моем лексиконе, засыпал летаргическим сном.

— Если страх, какой бы сладкий ни был, не желает проходить... стоит изменить саму тактику его подавления?

В обществе близких людей мы неосознанно становимся на них похожими и находим в этом непередаваемое удовольствие. Мне не надо было взвешивать каждое слово для того, чтобы поддерживать имидж леди. С ним я была ею до кончиков идеально покрашенных ногтей без особых усилий со своей стороны! Не было никакого приворота или НЛП. Он изначально имел абсолютную власть надо мной. Но эта власть не подавляла и не загоняла в угол. Она питала своей энергией мои крылья, исцеляла все раны недалекого прошлого, накрывала комфортным куполом, призванным укрыть от перекрестных выстрелов вселенского зла, от потерянных дней разрушающего самоуничтожения, от себя самой, той, которая запретила себе быть счастливой снова.

— Иногда просто необходимо посмотреть ему в глаза. Сказать, что по-своему любишь этот страх и принимаешь его таким, каким он есть. Тогда у него не будет повода нападать снова, начнется этап союзничества.

Я не выпила ни капли алкоголя. Я даже пропустила прием успокоительного. Говорила я, настоящая. Осознанно, без влияния каких-либо вымышленных факторов.

— Если честно, он мне уже порядком надоел. Я хочу оставить его в прошлом.

— Твой страх?

— Именно... Можно оттягивать до бесконечности. Я знаю, вы не раз мне говорили об этом...

Вот на этой решающей фразе мой голос все же дрогнул. Но не уверенность, нет. Она шла напролом через контрвойска страха, желая лишь одного — этой победы сквозь сотни препятствий. Александр прекрасно это видел и понимал. Но я не расслышала в его голосе торжества или же излишнего, совсем не нужного давления. Наоборот, он шел мне навстречу, пусть это проявлялось всего лишь в пожатии руки. Мне было достаточно.

— И что ты хочешь этим сказать?

Даже в этом все законы жанра — вздох, пауза, дрогнувший голос — оказались неуместны. Я сама поразила собственному хладнокровию и уверенности.

— Пора просто попробовать. Сто к одному, что он навсегда исчезнет. Или я не права?

Я была готова ко всему. Даже к долгому сканеру-взгляду в полумраке кофейни. Даже к этому риторическому вопросу. Он видел, что во мне говорила не обреченность и не страх

потерять то, что я еще в полной мере даже не обрела.

— Ты действительно этого хочешь?

Я имела полное право не отвечать, и слова были больше не нужны. Только внутренне вздрогнула от росчерка теплых пальцев по скуле, подавив пока острое желание сделать то же самое. Дыхание сбилось, и я прикрыла глаза, следуя за ласкающим нажимом ладони этого потрясающего мужчины.

— Тогда тебе пора выслушать мои условия.

Сердце делает болезненный кульбит, запуская атаку страха со вспомогательной артиллерией ужаса, но я даже не вздрагиваю в этих новых объятиях, которые носят тисненый гриф его персонального логотипа — кольцо рук со спины, в таком положении очень легко одним массирующим жестом снять нервозность и напряжение. Это не ломка и безоговорочное подчинение. Это переговоры двух партнеров, где каждый имеет право выдвинуть список своих требований и решить, принимать их, или же нет. Притом мне не надо бояться обидеть его отказом.

— Ты выберешь себе стоп-слово. Вернее, два. Первое будет означать, что ты хочешь продолжать, но происходящее вызывает у тебя дискомфорт и страх. Это слово будет прямым указанием сменить тактику, не прерывая сессии. Второе — немедленное прекращение. Не выдумывай ничего экстраординарного, если тебе комфортно, мы можем ограничиться цветовой схемой. Знаю, что ты хочешь разрубить эту ассоциативную цепочку, но очень часто в момент изменения сознания может подвести память. Нам же не нужна излишняя паника?

Откат грозного цунами, которое оказалось самой обычной волной ласкового прилива, с судорожным внутренним всхлипом облегчения — сегодня он его не услышит... Он может только его прочувствовать, просчитать, благосклонно сделать вид, что не заметил, да просто сжать объятия, вливая через рецепторы кожи заряд умиротворения... Его голос успокаивает, вселяя уверенность в правильности избранного пути, я слизываю с губ аромат корицы и кофе, втайне испытывая гордость за подобное решение, которое приняла исключительно я сама, и никто не заставил.

— Я буду настаивать на одном. Чтобы ты не молчала. Любое сомнение. Любое опасение... Ты это произносишь! Экономись мое время на вопросы. Юля, я сам все почувствую, но у тебя всегда будет это право. Забудь аксиому о том, что стоп-слово — удар по рукам Верхнего. У тебя, можно сказать, законное право на проявление здорового эгоизма. Кроме того, сегодня у нас вторник... — недолгая пауза, перед решающим вердиктом. — До субботы есть время. Здесь действуют аналогичные правила. Любое сомнение в своем решении, страх, испуг, желание остановить — ты ставишь меня в известность. Не для того, чтобы я убеждал тебя в том, что ты не права в своих метаниях. Это все будет обсуждаться, мы разберем твой испуг на составляющие и решим, следует ли что-то предпринимать, или же тебе надо больше времени. Мы договорились?

О чем?.. Я не передумаю... Я сейчас уверена в своем решении как никогда... Мой голос дрожит, когда я прижимаюсь крепче, наслаждаясь ощущением тепла и защиты в его сильных объятиях.

— Это будет по-любому, только...

Властные нотки его голоса аннулированы оттенком обезоруживающей нежности в унисон с поглаживанием моих напрягшихся предплечий.

— Что, моя девочка?

— Ничего. Просто не позволяйте мне передумать!

Я не передумала.

Более того, я старалась не форсировать томительное ожидание утоления тематического Голода эти четыре дня. Волнение било все рекорды волнующим предвкушением, выбивая холодную испарину обреченной тревоги, но чаще всего я ловила в своем отражении улыбку сиамской кошки в ожидании шикарного деликатеса.

Тень Димы больше меня не пугала. Я уже к ней привыкла настолько, что она казалась неотъемлемой деталью домашнего интерьера. Мелькала в зеркалах, которые все еще пугали своим равнодушным серым порталом, стучалась в мои сны, раскрашенные в яркие краски предстоящего исцеления, но больше не пила из губ мою душу, уложив на лопатки бессознательности. Правда, я теперь редко сидела дома.

Встречи с Александром продолжались. Соблюдая негласную договоренность, мы больше не возвращались к предыдущему разговору, приняв дату X за точку отсчета. Волновалась? Еще как. Тактика одной потрясающей женщины, которая в представлении не нуждается, «подумаю об этом завтра» — работала на все сто. Сближение также набирало обороты, устремляясь к критической точке, за которой ожидало новое начало. Я по-своему наслаждалась этим предвкушением, гордо расхаживая по лабиринтам родного вуза, отшучиваясь в ответ на расспросы подруг. С легкой душой плясала в клубе на Хэллоуин в костюме Лары Крофт, холила себя в салоне красоты и изо всех сил старалась не прогнозировать, не расписывать в воображении, не рисовать пугающую картину предстоящего неоднозначного свидания. Взять себя в руки в течение недели оказалось не сложно. Сложнее оказалось удержать себя в них вечером в субботу... вернее, с самого утра наступившего дня этого мнимого ритуального жертвоприношения.

Я закончила паковать небольшую спортивную сумку еще утром. Последний раз сверяя в уме детали и решая дилемму — стоит ли мне переслать Лекси с Элей координаты загородного дома Александра вместе с номером его автомобиля — и не придумав ничего лучшего, как отправить им на почту отложенным электронным письмом, спустилась на стоянку. Серые сумерки холодного осеннего вечера резанули по панцирю отчаянной смелости острым серпом, но я гордо вскинула голову, не замечая пронизывающего ветра. Фары черного обтекаемого монстра автострады мигнули призывным маяком, и почему-то сегодня они мне показались более яркими, чем обычно.

— Привет! — сумка летит назад. Надеюсь, не повредила бутоны неизменных белых роз, которые заметны даже в полумраке салона. Теплые ладони привычной лаской оплетают мои скулы, губы накрывают подавляющим, таким желанным нажимом, разбивая на мелкую ледяную пыль вспышку пронизывающей паники, гася ее в зародыше. Он уже знает, как именно меня успокоить нежным росчерком языка, диктатом собственного афродизиака по всем нервным сплетениям. Ладонь сжимает мою дрожащую ручку, когда автомобиль уверенно трогается со стоянки.

— Дрожишь. Замерзла?

Мы оба прекрасно понимаем, что не в холоде причина. Я неуверенно киваю, сосредоточившись на дороге, убегаящей из-под колес, не замечая зажигающихся огней, разорвавшейся пелены облаков с отблесками заката и блестящих луж от утреннего дождя с огненным отражением догорающего дня. Вскользь мелькает мысль о тупости выбранных стоп-слов. Если со словом «отражение» все понятно, то чем я руководствовалась, выбрав лайт-мерой пресечения слово «свобода»? Точно не здравым смыслом.

Он о чем-то говорит. О чем-то нейтральном, не имеющем отношения к объекту моих

переживаний, а я просто киваю в ответ, улавливая нить разговора и избегая его взгляда. И впервые дорога, которая заняла чуть меньше часа, показалась мне стометровой спринтерской дистанцией. Пришла в себя я уже в холле роскошного коттеджа, сообразив, что даже не заметила деталей окружающего пейзажа, хотя судя по тому, как замерзли ладошки, я пробыла на улице в ожидании не менее пяти минут. Чтобы я не загорелась желанием рассмотреть ландшафт? Наверное, я все же была напугана гораздо сильнее, чем предполагала.

— Проголодалась? — вздрагиваю, напряженно наблюдая, как он снимает пальто, оставшись в деловом костюме, и вспоминаю, что с утра во рту не было ни крошки. Наверное, все это отражается в моих перепуганных глазах. За такое тоже наказывают. Испуганно киваю, оглядываясь на пакеты на барной стойке. Приготовить? Это запросто, только бы отвлечься хоть на минуту...

Мне не повезло. В пакетах оказалась заранее приготовленная и упакованная еда из ресторана, в котором мы уже несколько раз ужинали, и возможность обрести душевное равновесие за нарезкой овощей растаяла, как утренний снег. Нервная дрожь усилилась, и я забралась в кресло с ногами, поспешно сервировав журнальный столик. Меня не успокоила даже золотистая бутылка «мартини», которую обнаружила в пакете.

Я смотрю, как его руки уверенно наполняют бокал прозрачной сладостью напитка всех женщин с изысканным вкусом. Когда нервы напряжены до предела, взгляд цепляется за самые несущественные мелочи. Диск часов-скелетонов вокруг запястья. Глянцевая сталь с проблеском бордовой эмали аккуратной запонки в петлях рубашки цвета глубокого ночного неба. Пальцы с идеальным маникюром и тусклым мерцанием золотой печатки. Кто изображен на перстне, я теперь знаю наверняка. Бог Тьмы. Мои пальцы сжимают ножку бокала; на миг забыв про набирающий обороты страх, бросаю на него испуганный взгляд.

— Мне нельзя пить перед сессией, — его голос по-прежнему успокаивает, окутывая пеленой невероятной, вопреки обстоятельствам, безопасности.

— А я?

— Один бокал можно.

Мне кажется, выпей я бутылку полностью, совсем не опьянею, тревога не позволит. Его взгляд скользит по моему лицу — взгляд расслабленного Хищника, заполучившего в свои силки прелестную жертву. Но в то же время он предельно внимателен, это сканер-осциллограф, который прямо сейчас анализирует мое состояние.

— Юля, — вздрагиваю и опускаю глаза, едва не поперхнувшись глотком холодной сладковатой жидкости. — Я сейчас спрошу в очередной раз. Ты точно считаешь, что готова к этому?

Нет. Я не хочу, чтобы мне давали сейчас право выбора. Я не хочу обижать человека, который так много для меня сделал. Я не хочу потом жалеть о том, чего по своей же воле лишилась. Почему тогда мне так страшно? До этого ненормального сжатия сердечной мышцы в унисон с перетянутыми тревогой сосудами, набатом бешеного пульса, желанием сбежать... и кинуться в его объятия одновременно?

— Не бойся. Говори как есть. Я не собираюсь на тебя давить! Это твое право. В этом случае мы просто проведем вместе выходной день. Каталась когда-нибудь на квадроцикле?

На каком квадроцикле? Я, кажется, теряю связь с реальностью. Горячая спираль новой, зарождающейся галактики пронзает сердце яркой вспышкой, отозвавшись в пятках сладкой болью, первыми лучами-росчерками отчаянной решимости и предвкушения. Я сжимаюсь

под его испытывающе-ласкающим взглядом всеми взбесившимися атомами лишь для того, чтобы совсем скоро взорваться, разрывая реальность и подчиняя ее только нам двоим, без остатка, до последнего полувскрика-полустона. Я не знаю, откуда берутся эти неведомые прежде эмоции; это слияние-единение, вступившее в свою завершающую фазу, взрывает мой мозг этими яркими образами и метафорами. Трясу головой, не понимая, когда страх перестроился в сексуальное желание такой потрясающей силы.

Никаких квадроциклов!

— Моя отважная девочка. — Его пальцы накрывают мои, безапелляционно отнимая наполовину пустой бокал, за миг до того, как переместиться на скулы с обеих сторон, пройтись быстрой сухой лаской по затылку, огладив чувствительную зону, откинув волосы на плечо. Я непроизвольно следую за движением этой руки, подчиняюсь ее негласному приказу, впитывая кожей такое необходимое сейчас тепло, которое в состоянии расплавить страх и придать силы выдержать все, на что я осознанно согласилась. Моя динамика в отчаянный прыжок без страховки, его — в подготовку безопасного поля для приземления, на его руки, без страха и сожаления. Все равно я инстинктивно отшатываюсь, когда ладонь перемещается на мою грудь, ощущая, как непроизвольно расширились глаза. Я действительно ко всему этому готова?

Он внимательно следит за выражением моего лица. Наверное, я напугана и смущена, но ему нравится то, что он видит. Губы Александра сжимаются в бескомпромиссную напряженную линию, и у меня сбивается дыхание. Рано. Оно должно остановиться как раз на его следующей фразе.

— Встань и опустишь на колени!

Почему мое сознание не взрывается внутренним протестом? Более того, почему мне даже не страшно, и где эта неотъемлемая часть подобного действия — накрывающий купол унижения, которое способно поставить крест на любом удовольствии? Кажется, только вздрагиваю от соприкосновения колен с прохладным паркетом. Твердый. Затекут совсем скоро.

— Что такое? — шепот с нотками легкого беспокойства обжигает мою шею в унисон с ладонями, которые опустили на плечи. Еще миг, и шелковая блузка на кнопках просто разъедется в стороны... Я с трудом подавляю желание податься им навстречу.

— Колени... — мой голос кажется таким виноватым и несчастным, что хочется прикусить язык. — С ними проблема. На полу я долго не смогу...

— Почему я об этом узнаю только сейчас?

Лучше бы прикусила. Пожимаю плечами, параллельно удостоверившись, что стоп-слова не забыты. За это ведь не наказывают? Теряю ощущение его ладоней на миг, чтобы вскоре подняться, подчиняясь их нажиму, на ноги — но только для того, чтобы снова, ведомая его руками, опуститься коленями на диванную подушку. Ознакомительная сессия началась, и послаблений не предвидится — кроме тех, что вредят здоровью и идут вразрез с моими ограничениями.

— Поговорим об этом после. — Всхлипываю от эффекта внезапности, когда ладонь с более грубым, сильным давлением ложится на шею, пригибая к полу. Скрещенные на груди руки почти рывком — сильным, но безболезненным, разведены в стороны, пальцы скользят по сгибам локтей, выравнивая параллельно полу, сгибая в позу абсолютной покорности. Могла ли я ожидать, что все начнется не с планомерной подготовки? Тяжелая артиллерия ДС пугает и завораживает, как и его голос, который сменил свою полярность за доли

секунды. Я узнаю эти безжалостные нотки абсолютного хозяина положения. Я одета, и это придает чувство безопасности, но как долго мне позволят довольствоваться подобной милостью?

— Твои стоп-слова? — сталь голоса режет натянутые нервы, и я внутренне сжимаюсь, хотя, казалось, куда уж сильнее.

— «С...свобода»... и «отражение»...

— Отлично. — На контрасте с холодом голоса теплые пальцы уже на моем затылке, пронзают нежностью прикосновения, невесомым поглаживанием у самых корней, за миг до того, как скрутить затылочную часть безжалостным рывком за волосы. Ахаю от изумления, не от боли, не замечая сладкой судороги вдоль позвоночника. Твою ж мать, а ведь мы еще и не начинали!

— Я... мне раздеться?.. — лепечу, не понимая смысла сказанной фразы, сбитая с толку, восхищенная и напуганная новыми ощущениями.

— Тебе разрешали говорить? — хватка в волосах усиливается, спирали сухого льда выписывают метель вдоль напрягшейся спины. Трясу головой, подавив желание расплакаться. Понимаю только одно... Я не хочу его расстраивать, и совсем не из-за страха! Усилившиеся спирали чужой подчиняющей власти срывают последние покровы, и впервые неосознанно я сама ему в этом помогаю!

— Расслабься! — совет-приказ, которому я рада подчиниться, но сейчас не слушается ни тело, ни сознание. Незнакомый прежде транс полного растворения и непроницаемого блока одновременно — именно так, в двух словах, можно описать мое состояние. Можно остановить... почему я с такой твердой уверенностью в том, что все будет хорошо, продолжаю тонуть в безумии чего-то знакомого, но такого нового одновременно, зная только одно — в этот раз мне ничего не угрожает, кроме глотка истинной свободы по завершению такого сладкого безумия. Расслабиться не удастся. Даже когда повтор приказа режет острее своей острой безапелляционностью, я лишь сильнее вжимаюсь коленями в мягкую податливую подушку, не ощущая дискомфорта, и неосознанно царапаю ногтями холодные плиты паркета. Сессия еще не начиналась, разогрев, релаксация, испытание пределов допустимости не оговоренных воздействий приближается ко второй стадии. Когда все начнется по-настоящему, я буду желать этого посильнее, чем он сам.

— На спину. — Лишаюсь привычного и волнующего напряжения в зажатых волосах. От его шепота поверх моей кожи на выступающих пиках шейных позвонков с отдачей-выстрелом вниз живота, от легкой стимуляции эрогенных точек, разливается острое возбуждение. — Согни колени. Руки вытяни вверх над головой. Запрещаю ими пользоваться.

Нежелательная догадка пронзает всплеском протеста, но он читает мои мысли.

— В первый раз не фиксируют и не связывают. Слушайся меня!

Так легко, подчиняясь одному голосу и ненавязчивой страховке ладоней, выполнить этот приказ. Спина ощущает прохладу пригнанных досок, слегка размыкая зажим напряженных предплечий, а ноги сами по себе опираются в пол стопами, не сопротивляясь, когда нажатие руки на колени с внутренней стороны слегка разводит их в стороны.

— Ты слишком напряжена. Я собираюсь это исправить. Ты меня слышишь? — быстрый росчерк поцелуя поверх дрожащих губок, отрывистая ласка теплых пальцев, огладивших ключицу. Ни одно из его прикосновений не бывает случайным. Это запускает веерную отдачу возбуждения по всем каналам моего тела, которое беззастенчиво устремляется в эпицентр между моих слегка разведенных ног, с приятной вибрацией по набухшим

складочкам, так безжалостно пережатым тугим швом облегающих джинсов. Пальцы обводят контур губ, и я, отпустив никому не нужный самоконтроль в свободный полет, пытаюсь задеть их кончиком языка.

Как бы не так. Здесь его законы, правила и ход событий. Пальцы покидают контур губ, без предварительной подготовки соскальзывая на кнопки блузы, которые поддаются легчайшему нажиму. Замирают на мгновение, готовые подчиниться моему протесту, если такой будет иметь место — но я молчу, предвкушая, как далеко сможет зайти эта пока еще поверхностная ласка. И откуда у меня ощущение, что по-настоящему еще ничего не начиналось?

Его руки гладят меня поверх бюстгалтера, задевая полоску кожи над выемкой чашечки. Мои ладони вытянуты над головой, и я сомневаюсь, что смогу удержать их долго в таком положении. Умелые прикосновения по горячим точкам точечной россыпью крышесносных разрядов живого эротического предвкушения вновь сбивают почти выровнявшееся дыхание, ошеломленно вскрикиваю, когда теплые подушечки пальцев проникают под ткань обтянутого шелком каркаса баллонета, крик уже в следующем момент заглушен стоном — пережат соска между бархатными подушечками пальцев прошибает мощной, первобытной, бесконтрольной эротической судорогой. Беспощадный транзит в сердце и в пульсирующие границы точки G, усиленный вдвое, так как я даже не заметила, когда разошлась магнитная застежка вместе с декоративной шнуровкой.

— Моей девочке нравится? — не знаю, от чего мои трусики впитывают больше сока — от его пальцев, оглаживающих вершины моих сосков под пологом бюстгалтера, или от пробирающего шепота в полуоткрытые губы. Ощущаю, как мои глаза раскрываются еще шире в такт прогибу позвоночника над полом, навстречу его прикосновениям, которые рассыпают разряды искр по телу с ускорившейся периодичностью. — Моей отважной девочке больше не страшно?

У меня нет ни сил, ни разрешения, чтобы ему отвечать... И даже кивать в ответ. Губы накрывают мой приоткрытый ротик, словно читая последние сомнения и не желая разрывать новую связь, которая уже сплетается, намертво затягивая узлы окончательного слияния. Атака беспощадного языка... Я так к этому привыкла за последние дни, но сейчас это настолько по-новому, что просто толкаю бедра вверх, застонав, когда тот самый джинсовый шов режет по опухшим от возбуждения половым губкам лазером чистого эндорфина. Как в полубомороке, осознаю, что его рука медленно скользит вниз, пытаюсь сомкнуть раздвинутые ноги...

— Нет! — достаточно его слова, чтобы напряженные мышцы запустили реакцию расслабления, оставив тело в прежнем положении. Я не хочу сопротивляться... Больше никогда и ни в коей мере... Не этому мужчине и ни при каких обстоятельствах!

Кровь прожжена эйфорией растворения-подчинения настолько, что, закрой глаза — и увидишь ее алое свечение. Какого цвета самая искренняя и желаемая страсть? Теперь я знаю наверняка, и ее не передать описанием пятидесяти оттенков красного. Я уже не понимаю, что сдавленные стоны, усиливающие возбуждение до критической отметки, принадлежат мне самой, когда его ладонь, огладив живот, опускается на шов облегающих брючек, чуть надавив на сосредоточение моего безумия. Распухшие губки перевозбужденной вагины отзываются жаждающей дрожью в ответ на новый нажим с росчерком вдоль шва. И пуговицы, и молния остаются незадействованными, словно это последняя попытка пощадить перепуганную психику. Я этому рада совсем по иной причине, прикоснись он к обнаженной

коже, кончу сразу, от одного нажатия. Не понадобится никаких лишних движений, непозволительно долгий перерыв все сделал за меня, определив сегодняшнюю капитуляцию до последнего всхлипа и сжатия внутренних мышц.

Ребро ладони прочерчивает воображаемую линию по маршруту границы шовчика, и я не могу сдержать почти надсадного крика в его губы, которые замерли в миллиметре от моих.

— Тише... тише, моя маленькая! — нажим ладони с всерным поглаживанием пальцами усиливается, приближая сладкую неминуемость скорой разрядки. — Можешь меня обнять, если хочешь...

С обреченностью утопающего вжимаюсь ладонями в его широкие плечи, выгибая спину, устремляясь навстречу долгожданному... чему? Без страха, теряя рассудок от острого возбуждения, ловлю его взгляд за миллисекунду до того как...

Два взрыва! Две спиралевидные вспышки сверхновых. В моей голове, под запуском рычага потемневших от страсти глаз цвета моря во время шторма, и в эпицентре женского естества с упором вдавившегося шва и рельефа ладони — оглушающие вибрации первобытного, такого желанного, ни с чем не сравнимого оргазма!

— Моя умничка! — его шепот тонет в моем крике, который летит по замкнутому периметру, бьется в равнодушные оконные стекла, отдаваясь резонансом в гранях бокала с недопитым martini. Сжатие пружин-спиралей острой разрядки топит в своих ласковых волнах запредельной эйфории практически бесконтактного оргазма. Сжимаю пальцы на его плечах до неосознанной боли, не думая ни о чем, вжимаясь пульсирующей киской в ребро мужской ладони с последним криком-всхлипом, перед тем, как обессилено расцепить руки...

Мне не дают упасть, я обессилено провисаю на его руках на расстоянии ладони от пола. Еще стихают отголоски потрясающего оргазма, выбивая немощные всхлипы отката, когда я недоверчиво ловлю его взгляд, не утративший недавней тьмы, но сейчас такой ласковый и щемяще-нежный, что непроизвольно жмурюсь, думая, а не показалось ли мне все это.

— Сейчас я отнесу тебя в твою комнату, — нежность сглажена официальным тоном вернувшегося хозяина. — Через тридцать минут жду тебя здесь.

Прижимаюсь к его плечу, обхватив ладонями, с трудом подавляя желание потереться об изгиб развитой дельты, подобно кошечке.

— Юля, — я уже на ногах перед дверью, предположительно, в эту самую комнату, забираю нетяжелую сумку, которую захватила с собой. В ушах еще звенит от недавнего эротического потрясения. Я смущена и спокойна одновременно, с трудом прячу довольную улыбку и, кажется, вновь боюсь смотреть в его глаза.

— Что?

— Минимум одежды. У тебя полчаса! Мы не закончили.

Что чувствовала Китнисс Эвердин в свой первый выход на арену плацдарма Голодных игр?

Так ли уверена была в своих силах легендарная Настя Лисовская, более известная как Хюррем, она же — Роксолана, замирая в отчаянной решимости перед резными дверями личных покоев султана в свой первый раз?

Понимала ли исход своего отчаянного визита в лагерь союзников бывшего супруга Елена Троянская в попытке остановить войну, наивно думая, что всему виной ее красота, даже не задумываясь о хитросплетениях политической стратегии?

Теперь я это знаю как никто. Могу по шагам, по стежкам воспроизвести маршрут дрожи волнения-обреченности-предвкушения, измерить внутренним радаром длину и энергетику особых волн беспокойного ожидания, у которого впервые в жизни был вкус изысканного психического деликатеса. Еще не утихли судороги первого потрясающего оргазма со штрих-кодом нового Мастера, расписавшегося на моем теле своим непревзойденным росчерком полноправного обладателя, как щемящее чувство нового ожидания зажгло кровь яркими, слепящими искрами. Эти искры живого огня не смогла погасить даже шоковая терапия контрастного душа, кожа горела и пульсировала под моими ладонями, и душистая пена крем-геля для душа казалась лаской, сравнимой по интенсивности со скользящими поглаживаниями шелка или невесомым касанием страусиного пера поверх гиперчувствительных зон. Такое со мной точно было впервые. Обычно после оргазма возвращалась ясность мысли, все опасения и неоднозначность положения, и этого было достаточно, чтобы решения принимал мозг, а не то, что между дрожащих ножек. Но в этот раз все было абсолютно по-другому!

Нет, я не утратила рассудок от смелых ласк этого необыкновенного мужчины, не уплыл инстинкт самосохранения в сабспейс, прихватив с собой тревогу вкупе с опасениями дальнейших действий, но вместе с тем я не могла не оценить потрясающую тактику поэтапного расслабления, через которое он так легко, словно играючи, провел меня — по самой острой грани, но так, что я умудрилась не упасть и не пораниться. Если бы этого не случилось, я бы сейчас строила баррикаду у двери и мечтала как раз о квадроцикле с банальным отдыхом на природе. Острая разрядка уничтожила самое главное — бесконтрольный ужас, а тревога и волнение на этом фоне казались даже не препятствиями, а каким-то запретным допингом. Он щекотал нервы жизнетворящим адреналином, и именно он заставлял меня вглядываться в собственное отражение в слегка запотевшем стекле ванной комнаты, фиксируя, как в фотосъемке, самые удачные ракурсы-повороты тела, наслаждаясь давлением собственных ладоней, которые растирали по коже крем с эффектом легкого мерцания. Я не задумывалась о том, что хочу ему понравиться, я просто это делала... Может, отчасти оттягивала время перед прыжком в новую бездну, зная наперед, что ничего ужасного и страшного меня там не ждет, скорее, наоборот, — просто неизвестность по инерции удерживала от опрометчивого шага. Испытание на прочность и возможность выбора, который никто больше у меня не отнимет. Может, одного этого было достаточно, чтобы я решительно провела щеткой по мягким кудрям, нанесла легкий росчерк консилера, а затем натуральных румян... Больше ничего. Наверное, я хорошо запомнила, как течет макияж с первыми слезами бессилия, когда понимаешь, что ничего не можешь

противопоставить абсолютной силе. Таких слез не могла выбить даже физическая боль...

Я не знала, придется ли мне плакать сегодня, но, заведомо допуская эту вероятность, стремилась выдержать эстетику образа на все сто. Подсознательно жаждала абсолютного погружения в омут нового подчиняющего диктата, до критической отметки, когда уже не до мыслей о том, как ты прогнула спину, и с какой грацией опустилась на колени. Можно было настроить себя на сверхзвуковой скачок с отключением эмоций, но впервые я хотела прочувствовать все воздействия до последнего слова и жеста, до малейшей ответной вибрации раскрывающейся навстречу сущности, и не упустить при этом ничего.

Разве так все было с Димой? И близко нет. С ним я закрывалась всеми возможными способами, призывая на помощь самообладание и пофигизм, что-то отсекая, но что-то пропуская намного глубже, поскольку мой защитный кокон не был идеальным, а безжалостный партнер того безумия в совершенстве владел приемами пресечения даже ментального сопротивления.

Александр не давил, хотя, если сравнивать с моим прошлым опытом — пик его власти был наивысшим, неоспоримым, абсолютным. Попытаться противостоять такой харизме альфа-Дома мог только камикадзе с тремя извилинами. Я совсем не боялась, прежде всего, потому, что этот мужчина понимал твердое «нет», как и страх первых сессий, особенно в контексте того, что мне довелось пережить. Смысл был воевать за свое право на свободу, если можно было просто это произнести? Из этого обволакивающего единения-слияния рождалось Абсолютное Доверие. Медленное, но уверенное, решительное, не сдающие своих позиций ни на миг, не толкавшее, нет, бережно уложившее меня в объятия его сильных рук и бесценного купола абсолютной защиты. Ни с кем я не ощущала себя в такой потрясающей безопасности... И ни с кем не находила такой острый кайф в танце по заточенным лезвиям, которые одним усилием его взгляда стали для меня безопасными.

Шелк халата на обнаженное тело вызвал прилив сладкого томления в солнечном сплетении и внизу живота, мышечная память пережитого удовольствия аукнулась в складочках плоти сладким током. Нет, никакая тревога... никакой испуг... никакие параллели не заставят меня сегодня трусливо забаррикадироваться в этой комнатке, выстрелив контраргументом под названием «я не готова». Я уже понимала хорошо развитым за последнее время шестым чувством, что буду жалеть — ну, не до конца своих дней, потому что это все же рано или поздно случится, но до следующих выходных — точно. Изведу себя по полной, жалея о том, что не решилась, играла в никому не нужную гордость, струсилась, как сопливая девчонка. Как знать, в каком состоянии я буду к следующей вероятной сессии? В нестабильном, точно!

Отчасти я обманывала себя. Меня с устрашающей силой влекло вниз, туда, куда он приказал мне явиться, хотя вместе с тем мысли о побеге тоже никуда не исчезали. Все равно, я с обреченной сладостью вдоль позвоночника пригладила пряди волос и затянула пояс халата. Мне очень хотелось надеть нижнее белье, но интуиция просто вопила в голос, запрещая подобный камуфляж. Я знала, что скоро останусь абсолютно голой и... страх и смущение схлестнулись в противоборстве с возбуждением и желанием большего. Этого оказалось достаточно, чтобы я, слегка чиркнув смоченными в туалетной воде пальчиками по точкам пульсации, решительно толкнула двери, сделав первый шаг навстречу все такой же неизвестности... но уже нового ожидания!

Спуск по лестнице — зеркально похожей на ту, что была в его клубе — растянулся во времени и во всех возможных мерах измерения расстояния. Но никакая сила сейчас не могла

заставить меня повернуть обратно или же умолять о прекращении уготованного заранее сценария. Я знала, что достаточно одного моего слова, и меня не только услышат, а еще и не осудят. Может, именно это стало ключевым катализатором моего решения?

Я зря опасалась (или надеялась), что могу заблудиться в этом доме. Нет. Ориентировка на приглушенный свет из полуоткрытой двери... кажется, я даже разобрала аккорды классической музыки. Хотя возможно, мне это только показалось. Сердце пропустило несколько гулких ударов, но я усилием воли выровняла осанку, достаточную, чтобы грудь прорисовалась под шелком халатика, но недостаточную для того, чтобы продемонстрировать никому не нужную гордость. Я не хотела чувствовать себя сильной. Уязвимость правила бал, и впервые я просто плавилась в ее теплых, совсем не штормовых волнах. Потрясающее ощущение, перед которым спасовал даже ужас.

Мои глаза устремились в пол за секунду до того, как Александр обратил на меня внимание. Этих правил никто не навязывал и не зачитывал, они каким-то непостижимым образом отпечатались в сознании, подчиняясь первородному инстинкту всех женщин перед завоевателем, который, ко всему прочему, оказался слишком благородным для изнасилования и убийства. Одно этого оказалось достаточно для желания добровольно опуститься перед ним на колени, склонив голову.

— Подойди. — Я была готова к тому, что он заговорит со мной, отдаст какой-нибудь приказ, но, как оказалось, подготовиться к этому было невозможно. Леденящие щупальца трансформировавшейся тревоги проникли в кровь, сковав прелюдией к последующему эмоциональному всплеску, когда я неуверенно, поборов предательское головокружение, шагнула к центру комнаты, не поднимая глаз.

Зависшая, замершая во времени и самом пространстве вселенная приостанавливает вспышки-рождения новых звезд, утихает солнечный ветер, оседая космической пылью над бриллиантовым мерцанием приостановившихся галактик. Только оглушительно бьется сердце в тисках обволакивающего вакуума безопасности и волнения, которое так быстро трансформируется в квантовое сжатие всех нервов перед тем, как насытить кровь абсолютным желанием быть взятой и покоренной без остатка. Давно забытые, как я полагала, срезанные под корень черно-алые крылья обретают силу нового рождения именно здесь и сейчас, под его испытывающим взглядом. Я его не вижу, я чувствую его кожей, каждой звенящей струной своей сущности до малейшего сокращения зрачка под мерцанием радужки цвета морской волны, которая, я это знаю, углубляет свой оттенок в такие минуты объединяющего желания. Острая резь вдоль лопаток росчерком невидимого серпа — вскрывая плоть, освобождая то, что я так долго не признавала в себе, пряча в самых черных далях вселенной нового, одного на двоих начала, — вспомогательная мера двух изогнутых кинжалов Его воли освобождает свернутые крылья. Миг, обжигающая боль такой сложной и желанной капитуляции — и они раскрываются в полную силу, озаряя притихшие бескрайние дали космоса красноватым свечением прорвавшейся страсти. Я едва слышу его голос, отрывистый приказ, послушно подчиняюсь ласково-властному нажиму ладоней на плечи, без смущения и протеста опускаясь перед ним на колени, в мягкие объятия диванной подушки — мои проблемы с суставами не оставлены без внимания. Пульсация обволакивающей энергетики полного растворения в себе и в каждом витке его железной воли закручивает алые спирали по всему телу, вызывая трепет в распахнутых крыльях. Нет больше страха — сбежал, растворился, не выдержав стального подчиняющего фатума от моего персонального Архангела.

Я вздрагиваю (внутренне, уже не от испуга), когда теплая ладонь накрывает мою скулу, ведет теплым ласкающим движением к височку, очертив изгиб брови, накрывая, нейтрализуя напряжение вдоль лобика скользящим росчерком пальцев... Хозяйский жест исследования новообретенной собственности уже не кажется циничным и оскорбительным, нет, сейчас горят под его пальцами последние микроатомы моего страха перед манящей неизвестностью, так легко и так быстро, при этом я не чувствую болезненного жара этого жертвенного костра. Веки сами по себе опускаются, подсознательное желание погрузиться в сладкий визуальный мрак, который усилит сладость подобных прикосновений в тысячи раз. Послушно открываю сжатые губы навстречу его пальцам, позволяя легонько сжимать, продавливая их контур, скользить своей теплой волной по кромке неплотно сжатых зубов, гиперчувствительной зоне десен, и не могу удержаться, ощутив легкое, словно взмах крыльев бабочки, давление указательного пальца на поверхность язычка. Скольжу спиралевидными касаниями вдоль замерших пальцев, сжимаю губами с легким захватом вглубь в унисон с первой судорогой сладкого томления внизу живота. Бесконечно долго, восхищаясь своей непроизвольной смелостью и готовностью, до тех пор, пока не теряю их теплое давление.

— Сладкая девочка. Умница. — Я чувствую его голос подобно движению ладони по коже, по изгибу ушных раковин, словно меня сейчас ласкают в несколько рук как внешне, так и глубоко внутри, расслабляя напряженные сети нейронов, выравнивая ритм сердца, обнажая тот участок сознания, который раньше был в ответе за стыд, страх и чувство протеста. Согретые моим теплом пальцы скользят по шее, перемещаясь на ключицы, и я гашу мимолетный испуг, когда отвороты халатика сползают по моим плечам, послушные движениям его рук.

— Не закрывайся. Заведи руки за голову! — предупреждает мои неосознанные последующие действия спокойный приказ, а поясок халата ослабеваает, лишая последней защиты, перед тем как полы легкого шелка расходятся в стороны, оставляя тело полностью открытым для его исследования. Все равно инстинктивно напрягаюсь, до боли сжимая в замок пальчики на затылке, ощутив прохладу на груди с затвердевшими вершинами сосков. Только это совсем не холод... Пульсирующая киска дрожит под откатами сладкого тока возбуждения от подобной беззащитности, сжимаясь под чужим внимательным взглядом, который отмечает изгиб до каждой родинки, незаметного волоска, клеточки и поры. Я никогда не была так открыта и обнажена внешне и внутренне, даже когда меня лишили права на одежду и исследовали куда грубее, усугубляя боль чувством безысходной неотвратимости.

Прикосновение к обнаженной груди опалает жаром — изнутри, с зарождением ураганного эпицентра в солнечном сплетении, вроде как поверхностный осмотр застегнутого в безэмоциональной маске доктора-исследователя, но в едином измерении нашего слияния нет места недомолвкам и обманам, и ему для этого не надо даже что-то говорить. Его желание, восхищение, страсть, даже какое-то беззащитное поклонение моему телу вливается под кожу с прикосновением сильных пальцев, принося с собой ощущение безумного восторга осознания той женской сути, которая необходима каждой из нас, как кислород, как солнечный свет, ты богиня в глазах влюбленного мужчины даже на коленях, покорная его власти и воле. За одно это можно беспрепятственно отдать взамен свою свободу и силу, которая тяготит, а не освобождает... Потрясающее чувство рядом с настоящим мужчиной, для которого ты целый мир, источник дыхания и силы, личная вселенная в его сильных и заботливых руках! Губы озаряет счастливая улыбка, когда тепло

поцелуя накрывает вершину соска с искушающим нажимом языка поверх всей ареолы, сдержанно-искусная ласка — и несколько секунд до вспышки не поддавшейся контролю страсти с погружением острой вершинки в бархатную полость рта, с легким прикусом, расплывшим миллионные искры бриллиантов вожделения. Во все точки залитого сладкой негой тела, в размах дрожащих крыльев, в самое сердце, взрыв-рождение сдачи на милость в руки этому мужчине без малейшего давления, покидая свой ад навстречу вратам нового рая!

Выгибаю тело вперед, навстречу его языку и губам, толкаю грудь к источнику выбивающего из-под ног почву наслаждения! Уже никакая сила не заставит меня разорвать эту порочно-восхитительную связь, рубите канаты, топите спасательные шлюпки, я больше не хочу свободы от этого потрясающего диктата! Жмурюсь от ощущения эвкалиптовой прохлады воздуха на влажном пике груди, и тотчас же ловлю сладкое погружение второй вершины вожделеющего соска в омут теплого бархата засасывающего поцелуя. Плыву в этих ласковых волнах, лечу в стратосфере манящих небес, без опасения разрезая воздух взмахом сильных крыльев, и с трудом удерживаюсь в этом полете, потеряв ощущение скользящего языка. Холод внезапного одиночества вызывает протестующий стон, поднимаю дрожащие ресницы, устремив умоляюще-непонимающий взгляд в его спину. Он по-прежнему одет, и черный деловой костюм как нельзя резче подчеркивает разницу нашего положения. Сладкие спирали возбуждения все еще извиваются лентами под кожей, слегка замедляя движение, и я непроизвольно делаю полукруг бедрами, чтобы расслабить начинающие затекать колени.

— Разрешаю сесть на бедро. Можешь опереться о пол ладонями! — звучит лишенный каких-либо эмоций спокойный голос, и я ежусь от психологического холода, занимая на широкой подушке более комфортабельное положение, вытянув ноги для быстрого расслабления. Мой взгляд скользит по его спине. Пытаюсь рассмотреть то, что находится на столике, который он сейчас закрыл от обзора своим телом. Эта часть комнаты погружена в полумрак, но я готова поклясться, что различила тусклое мерцание цепи. Острое желание быть скованной, с заведенными за спину руками, открытой его прикосновениям и воздействиям, прошибает горячей волной, но я боюсь озвучить свое желание. Мне не разрешали говорить, это во-первых, а во-вторых, я помню его позицию относительно приверженности правилам — никакой фиксации на первой сессии. Хотя видит бог, я не стану сопротивляться, если он захочет это сегодня сделать!

Я поспешно опускаю глаза и сгибаю ноги в коленях, когда он поворачивается ко мне. Первое правило поведения покорной рабыни или просто страх перед тем, что может оказаться в его руках? Тело напрягается забытым волнением с примесью сладости, когда в поле зрения попадают носки черных кожаных туфель.

— Подними глаза.

Прежде чем соображаю, что именно делаю, нерешительно трясую головой... мне не хочется смотреть. Мое счастье именно в сладком неведении, к тому же я могу догадываться, что у него в руках совсем не букет цветов, как это было на протяжении недели.

За подобный протест в других руках мне бы с легкостью прилетела пара пощечин и жесткая хватка на подбородке. Пытаюсь поднять ресницы, преодолеть зону нового комфорта растворяющей покорности без права смотреть в глаза и принимать тяжелые решения, но, черт, просто не могу себя заставить. Что-то изменилось. Это не страх и не ужас, я не могу подобрать этому никакого определения...

Испуганно охаю, ощутив прикосновение к щеке. Это не его пальцы. Холодный, равнодушный росчерк наконечника...изумленно распахиваю глаза, упираясь взглядом в

черную кожаную лопатку стека, скользнувшую к моим губам.

— Я не люблю повторять дважды.

Как быстро штормовые волны абсолютного вожделения сметает зловещий стиль страха перед болью напополам с нежеланием расстроить того, кто в данный момент держит в своих руках весь твой мир, твою волю, твою свободу? У меня не было возможности познакомиться с этим девайсом раньше, но из всемирной сети я узнала, что в плане болевого воздействия он может свергнуть с пьедестала даже кнут. Одного этого воспоминания было достаточно, чтобы я испуганно подняла глаза, встречая его взгляд, который в полумраке показался особенно глубоким и тяжелым. Но, несмотря ни на что, я ощущала себя в безопасности даже сейчас, чувствуя на губах шокирующий холод стека, а в глубине души пронизывающий сканер, взгляда, который, как ни странно, больше не вызывал сухого холода.

— Не бойся. — Наконечник орудия боли почти ласково скользнул по кайме дрожащих губ, задев зубы, когда я приоткрыла ротик, готовая закричать или всхлипнуть. — Ты можешь все остановить в любой момент. Твои стоп-слова?

Язык меня не слушается, я с трудом заставляю себя произнести эти два слова, которыми сегодня не воспользуюсь.

— «Свобода» и «отражение»...

Нежный поцелуй в центр напряженного лобика, ласка трепетного поглаживания по коже головы у корней волос в такт с полукругом стека на моих губах, — поразительно, как ничтожно мало мне надо сейчас, чтобы прогнать неуместный страх ласковым прибоем расцветающего с новой силой доверия. Теряю привкус холодной кожи на губах, это пугающее послевкусие тотчас сметает шквал теплого языка, прорвавшего оборону дрожащих уст. Быстрые толчки в глубину моего ротика с имитацией чувственного полового акта — от одного осознания сладкой развратности этого поцелуя заливаюсь краской до кромки волос, а змейку позвоночника кроет горячая испарина, которая тотчас же остужена хаотичным трепетом распахнутых крыльев. Робко толкаю язычок навстречу натиску неумолимого поработителя, смягчая агрессивную атаку собственными волнами нежности по акватории его морей, расписываясь в осознанной и такой желанной капитуляции. Изумленный вздох я не слышу — я ощущаю его фибрами сознания. Когда двое людей достигают такого единого абсолюта, способность чувствовать друг друга приходит дополнительным бонусом. Протяни руку, и ты прикоснешься к нему настоящему, этому не в состоянии помешать никакая напускная маска абсолютного хозяина жизни и твоей души и тела в данный момент. И самое главное — он не собирается мне в этом препятствовать, более того, он намеренно открылся с этой стороны для меня. Я пойму это совсем скоро, сейчас же бурлящее в крови желание не оставляет места философским умозаключениям.

Несколько уверенных движений, и халат беспрепятственно сползает с моих плеч на пол. Я так увлечена поцелуем, что инстинктивная попытка закрыться исчезает, так и не оформившись в осмысленное желание. Уже не понимаю, от восторга или испуга, всхлипываю в его теплые губы, ощутив спиной прохладу пола. Мои бедра остаются лежать на подушке, колени простреливает мимолетной вспышкой тянущей боли, которую я практически не замечаю. Рельфная тень моего безжалостного Архангела закрывает собой обзор, до которого сейчас тоже нет никакого дела. Моя воля медленно перетекает из губ в его жаждущие губы, и мне не страшно с ней расставаться, потому что я получаю взамен нечто большее, рядом с чем моя беспечная свобода не стояла даже близко.

Теплая ладонь скользит по груди грубовато-чувственной лаской, спускаясь к животу,

не останавливаясь надолго ни в одной точке, к своей окончательной цели, сменив прикосновение ласковым нажимом в области лобка, но я еще не в полной мере готова раскрываться по малейшему требованию, напрягаю мышцы и вздрагиваю всем телом от холода последующего приказа.

— Ноги в стороны! Не заставляй меня делать это насильно!

Ловлю его взгляд — могу только представить, насколько уязвимо выглядит умоляющее выражение моих глаз, но понимания не встречаю, темный в полумраке изумрудный оттенок обжигает льдом, требуя беспрекословного подчинения. Меня еще удерживает какой-то внутренний барьер, я фиксирую внимательный прищур глаз без каких-либо эмоций в немой надежде на прекращение подобного давления, но железная воля продавливают без остатка, сжимая горло предвестниками слез бессилия, которые... кажется, мне нравятся?!

Его ладонь накрывает мои глаза за миг до того, как я готова выразить слабый испуг-протест слезами. Послушно опускаю веки, словно это сможет временно сделать меня невидимой, так действительно легче пережить свое смущение на грани со страхом перед прыжком на новый уровень. Я сама просила этого мужчину забрать свой страх, какое право у меня помешать ему в этом?

Снова скольжение холодного кожаного наконечника — вдоль живота, очерчивая напрягшиеся мышцы пресса, неумолимо, безжалостно, вниз, в точку предельного напряжения сомкнутых бедер... Угроза неминуемой боли больше не выражается протестующими всхлипами, я покорно, подчиняясь инстинкту поработанной невольницы, развожу их в стороны без всякого давления со стороны своего хозяина. Дрожь волнения омывает позвонки откатом волны, когда прикосновение стека к налившимся малым губам накрывает новым жарким приливом. Я не подозревала, что желание бесконтрольного растворения и близости сделало меня настолько влажной и готовой принять мужчину полностью. Киска отозвалась на незнакомое вторжение быстрой ошеломляющей пульсацией, а бедра инстинктивно выгнулись навстречу ласкающему нажиму стека. Я устала удивляться тому, как моментально дрожь испуга сменялась дрожью эротического возбуждения, потеряла кончик логической цепочки между «допустимо» и «нет». Теплые спирали чистейшего желания бежали в венах, расцветивая искрами алую горячую кровь, и когда внутреннюю сторону бедра обожгла резкая точечная вспышка боли, я не закричала. Я застонала, жадно выпивая яд сладчайшего безумия, вспыхнувшего буйством красок в теле и каждом перышке новоприобретенных крыльев. Второй отрывистый удар был ожидаемым, боль, не успев достигнуть обнажившихся нервов, моментально трансформировалась в две перекрестные волны возбуждения и восторга, исторгнув из моего горла судорожный стон вместе с первыми слезами счастливого погружения. Не дав мне опомниться от накрывающего урагана совершенно новых, незнакомых и таких шикарных ощущений, стек в его ладони грубовато развел в стороны распухшие малые губки, беспрепятственно скользнув во влажную глубину истекающей соком вагины. Уверенно, бескомпромиссно, продавив ребром самую чувствительную бусину изнутри, спровоцировав первые спазмы приближающего оргазма, скручивая в тугий узел голосовые связки от неистово-восторженного крика. Отпустив последние поводья самоконтроля, я забила под этой развратно-ошеломительной лаской, толкнувшись вперед бедрами, застонав от сладкой рези кожаного ребра глубоко внутри себя. Обрывки мыслей, да что там, самого сознания не желали оформляться в осмысленные образы, разжигая в крови одно-единственное желание — быть взятой, поглощенной, покоренной прямо сейчас, без остатка, полностью,

немедленно, выплеснуть всю волю и желание подчиниться в неистовом крике приближающегося оргазма...

То, что не смогли бы еще долго выбить никакие прописанные нормы тематического этикета и морали, сейчас выпустило на свободу рвущееся желание разрядки. Я забыла напрочь, что мне можно и что нельзя. Меня сейчас вела только интуиция, обнажившая скрытую суть до последнего глоточка, отозвавшаяся, я знала, именно на призыв его отчаянного желания.

— Пожалуйста... — хриплый от страсти голос принадлежал не мне, я бы его не узнала в других обстоятельствах.

— Что, моя девочка? Мне остановиться?

Легкий холодок чужого беспокойства ощутим всеми рецепторами кожи, но я лишь неразборчиво всхлипываю, почувствовав остановку вращения наконечника внутри пульсирующего от перевозбуждения влагалища. Этого достаточно, чтобы острая ласка возобновилась, поощряя, выбивая ответ, который бы в других обстоятельствах дался очень тяжело.

— Пожалуйста, Хозяин... разрешите мне кончить!

Время зависает затяжной паузой, пронзенной сладкой резью-давлением твердых граней по пульсирующей стеночке вагины, по изнемогающей в ожидании точке G до нового кодового символа, окрашенного в убивающую своей эротичностью хрипотцу его потеплевшего голоса.

— Разрешаю... Кончай, моя девочка!

Напряжение и запредельное восхищение все же замедляют на время финал разрядки, ослаблено хныкаю, толкаясь бедрами вперед, принимая стек на полную глубину, быстрее, сильнее, до полного погружения в это желанное безумие... До замерших звезд на пороге своего персонального большого взрыва... До острого гиперсжатия перенапряженных стенок истекающего вожделением влагалища, такой желанной и необходимой, как кислород, разрядки!

Я, кажется, не кричу, свет меркнет перед изумленно распахнутыми глазами, теряю давление его ладони на своих ресницах, пытаюсь ухватиться за перекрестный лазерный луч двух темных изумрудов, чтобы разделить с ним восторг своего полета в его персональную бездну через эти каналы высшей ментальной связи, но черные дыры бессознательности пляшут перед глазами, отзываясь протяжным звоном в барабанных перепонках. Именно поэтому я не слышу своего крика, который завтра напомнит о себе приятно саднящими связками, роняю на пол взметнувшиеся было к его плечам в поиске опоры ладони, ощущая, как невидимая сила отрывает меня от пола, лишь обессилено трепещут отголосками оргазма черно-алые крылья. Еще миг, и я чувствую исстрадавшейся на жестком полу спиной мягкость кожи дивана, тепло накрывшего пледа одновременно с объятиями Алекса, заключившим мое тело в защитную клетку своего властного вакуума. Подзабытый спазм гортанных связок вновь затягивает петлю лассо до легкого удушья с напряжением слезовыводящих каналов, инстинктивно жмурюсь, чтобы не допустить слез дикого облегчения и восторга одновременно. Но это невыполнимая задача — спрятать эмоции от его всевидящего ока. Он садится рядом, уместив мою голову на своих коленях. У меня нет сил и желания ему в этом как-то препятствовать. Он не произносит ни слова, только пальцы накрывают мои виски с легким, ненавязчивым давлением, сладко вздрагиваю от мягкого, как перышко, прикосновения губ к пылающему лбу, переносице, кончику носа с легким,

нежным прикусом верхней губы. Счастливо ойкаю от этого контраста — баловства на фоне недавнего прессинга, и, кажется, забываю напрочь о своем намерении расплакаться.

— Ай! Щекотно!

— Моя девочка к тому же ревнивая? — быстрый, дразнящий нажим язычка в уголок губ, с россыпью приятных искорок по всем лицевым мышцам. Я уже устала поражаться своим перепадам эмоций рядом с этим мужчиной. Счастливо улыбаюсь и пытаюсь придать личику выражение профессорского глубокомыслия.

— Нет, абсолютно... Зарою в песок, и не узнаете!

— Меня?

Адреналин накрывает взрывной волной девятый вал эндорфиновой атаки, сливаясь в быстром, хаотичном танце. Мне хочется счастливо смеяться и даже вскочить с дивана, от внезапного прилива запредельной энергии!

— Не-е-ет... Это на случай, если замечу на расстоянии метра еще одну сабу!

Отчаянная смелость и легкость, сущность вскрытого, беспечного, непредвзятого ребенка лишает любых тормозов, это такой бесхитростный флирт, абсолютная открытость — мне так давно этого не хватало... сильно резко пресекали любую попытку показать себя, настоящую! Легкий укол тревоги все же проникает в сердце, я запрокидываю голову, чтобы встретить его взгляд и остановиться, если ненароком перешла какую-то грань. Но и тут меня ждет приятное потрясение. Восстановившие свой прежний оттенок глаза цвета морской волны перед штормом сейчас наполнены таким же сдерживаемым смехом с оттенком умиления, как и мои!

— Прямо в песок? Да моя девочка такая боевая амазонка, оказывается!

— Нет. Я вообще считаю, что королева должна быть одна... Пусть даже ее иногда будут называть «рабыней» и запрещать подниматься с колен! — меня несут волны энергетической эйфории, которая сейчас не просто санкционирована, нет, она даже желательна и ожидаема, как дополнительная благодать, возможно, не уступающая по силе самому факту прошедшей обоюдной сессии. — Если я что-то не то говорю... ну... не по протоколу...

— Ты можешь говорить абсолютно все, что хочешь. Более того, ты должна это делать! — успокаивающее поглаживание по голове, транзит умиротворения и уверенности в правильности моего поведения именно сейчас, в данный момент. — Я приблизительно понимаю, почему ты об этом заговорила. Увы, всемирная сеть приносит больше вреда, чем пользы, иногда это вызывает именно смех... а еще и сожаление. Фантазии насчет гаремов и МЖЖ неистребимы, и Тема играет роль удобного прикрытия для искателей банального разврата. Но, поверь мне, подобные вещи далеки от БДСМ. Найти идеального партнера, который подходит тебе в совершенстве — сродни лотерее. Никакой уважающий себя Верхний не станет рисковать потерей второй половины ради сомнительного удовольствия отыметь как можно больше самок. Подобные вещи пропагандируют те, у кого не хватило интеллекта осознать сам размах Темы. И, признаюсь, я был бы разочарован, если бы ты не затронула этот вопрос!

— Значит ли это, что... — Юля, не тупи, ты прекрасно понимаешь, что именно это значит! Тебе только что дали чуть ли не клятву в верности, признав твою уникальность и тот факт, что ты всегда будешь единственной для него, если рискнешь погрузиться в эти отношения с головой и будешь готова не только брать, но и отдавать!

— Если я сделал выбор, это значит именно то, что ты только что озвучила. Двух королев быть не может, и у меня будет только одна.

Прикрываю глаза, благоразумно придержав желание кинуться к нему на шею и расцеловать за эти слова. Вместо этого непроизвольно трусь щекой о пальцы, поглаживающие висок, и да, вашу мать, чувствую себя безумно отчаянной и счастливой в этот момент! Только недовольно хмурюсь, когда он поворачивает русло нашего диалога в недавно пройденном направлении.

— Вернемся к твоим коленям. Как давно это с тобой?

Мне все еще слишком хорошо и беспечно, поэтому так легко задавить убивающую параллель недалеких воспоминаний — жесткая фиксация стальных цепей на жестком полу, безжалостная ломка выбивающей болью по всему телу с эпицентром в суставах... Я гоню прочь эти воспоминания, когда пытаюсь ответить на вопрос максимально искренне.

— Сколько себя помню. Обычно не беспокоят, иногда при беге были болевые ощущения, плюс элементы фитнеса, где весь упор на колени, они вообще мне никогда не давались. Больно. Даже в джаз-фанке блок с перекатом на колене трудно было делать, причем в наколенниках.

— И ты не обращалась к доктору?

Улыбаюсь новому витку тонкого остроумия.

— Я как-то не предполагала, что однажды мне придется большую часть времени стоять на коленях.

В этот раз он не разделяет подобного веселья. Рука замирает на моих волосах.

— Не стоит игнорировать такие вещи. Организм сигнализирует болью не просто так.

Я не могла и не хотела ему пояснить, в каких финансовых условиях пролетело мое детство, где подобные проявления дискомфорта считались второстепенными, а простуды или, упаси боже, пневмонии были поводом для скандала, поскольку дорогие лекарства съедали весь семейный бюджет. Я могла только пожать плечами, признав в нем того сильнейшего, кто сможет взять ответственность за мое хорошее самочувствие в свои руки.

— В начале недели я запишу тебя на консультацию к ревматологу. Лучшая клиника города. И никакие возражения слышать не хочу, если тебе так проще — это мой приказ.

Все-таки напрягаюсь, нарисовав в воображении ужасающий совдеповский шприц с иглой широкого диаметра.

— Не хочу! Там будут колоть. Я не готова!

— Да кто тебе такое сказал? — поглаживание моих волос возобновляется, словно пытаюсь забрать тревогу с этими поглаживаниями.

— Училка по биологии... кажется...

— Странно, а почему, скажем, не физрук и трудовик?

Смысл сказанного понимаю не сразу, но, осознав, не могу сдержать открытого смеха. Ловлю его взгляд с подобными искорками ироничного веселья, не распознав в нем в силу своей затмевающей эйфории умиротворенного восхищения и чего-то еще... Того, от чего мое сердце интуитивно забилося быстрее, а откат взбесившихся эндорфинов пустился в более дикий пляс, чем прежде.

— Наверное, на сегодня достаточно. Скоро пойдем спать. Моя девочка устала? — мягкий поцелуй в уголки губ, жмурюсь от удовольствия.

— А вы сами как думаете?

— Какая дерзкая саба мне досталась, — если бы это было произнесено с иной интонацией, я бы затряслась от страха, но сейчас умиротворенное умиление даже в его голосе. Пальцы, скользя к ладони, переплетаются с моими, а я не могу погасить на губах

счастливую улыбку.

— Нет, ни разу не дерзкая! Только расстроенная одним немаловажным фактом... — Юля, нет, кляп точно был бы для тебя спасательным кругом, а не орудием пытки! Выжидаю театральную паузу перед тем, как произнести очередную фразу, смелости которой поразились бы даже камикадзе-парашютисты: — я так и не доставила Хозяину ответного удовольствия.

Если он приятно удивлен (сказать «шокирован» не поворачивается язык), то это внешне ни в чем не выражается. Только я в совершенстве овладела тонкостями ментальной высокочастотной передачи чувств! Напускное равнодушие не может меня обмануть, я кожей чувствую разряды изумленного восторга.

— Ты доставила мне сегодня намного больше удовольствия, чем можешь себе вообразить! Я совершенно спокойно к этому отношусь. Ты устала.

— А у меня есть право настаивать? — черт, я действительно хочу этого до нового прилива дрожи в слегка уставших крыльях, до срыва стрел сладкого безумия в каждой клеточке расслабленного тела, в мельчайших атомах нейронов! Не потому, что это правильно, любезность за любезность, я впервые без давления и следования негласным нормам хочу сделать своего мужчину счастливым до пробирающей дрожи в коленях!

— Я подумываю тебя лишити этого права, — он все еще улыбается, — а также проинформировать мою девочку о том, что я предельно требовательный Дом. Если ты будешь на этом настаивать, я отымею твой дерзкий ротик без всякой пощады!

При подобных словах меня, прежнюю, сдуло бы с кровати силой мощного торнадо. Но я даже не вздрагиваю, ощущая, как всполох живого огня проходит насквозь, прожигая кровь ритмом первобытного возбуждения. Происки внутреннего бесенка-искусителя или начало моего пути на сближение посредством больше не отчаянной, не обреченной храбрости? Поднимаю глаза, даже не удивляясь тому, что вновь наблюдаю более темный оттенок глубокого изумруда в задумчивом взгляде, обращенном на меня сверху вниз.

— Возможно, произнести стоп-слово будет затруднительно, — подумать только, все еще улыбается, словно испытывает мои пределы таким образом, а я этому, кажется, рада. Если бы я вновь увидела маску холодного равнодушия-давления, пыл бы точно угас. Несколько долгих секунд он внимательно изучает мое лицо, словно заряжаясь выражением расслабленного счастья после пережитого сокрушительного оргазма, затем хватка в волосах усиливается до легкой боли, а интонация голоса застывает булатной сталью. — На колени.

Мне не страшно ни на йоту, жаркий огонь небывалого азарта плещется в крови, расцвечивая затрепетавшие крылья яркими сполохами статических разрядов. Колени соприкасаются с заблаговременно подвинутой к дивану подушкой, руки, не встретив препятствия в виде хватки чужих пальцев, устремляются к пряжке кожаного ремня. Впервые я не хочу спешить, расстегивая/растягивая запредельное удовольствие. Однажды мне не позволили этого сделать, а я была настолько напугана, что не соображала, что именно творю. Сейчас та ситуация из недалекого прошлого вызывает лишь веселое недоумение. Мне тяжело поверить, что я когда-то до безумия боялась этого мужчину. Я никогда в жизни не чувствовала себя настолько защищенной, как рядом с ним, даже стоя на коленях, готовая впервые по своему желанию сделать то, к чему раньше приходилось принуждать с помощью кнута или же других малоприятных методов.

После того, что произошло, я умудряюсь смущаться? Оказывается, да. Отчаянная смелость нокаутирована натуральным изумлением, когда я, бездумно потянув молнию вниз,

впервые вижу его член в эрегированном состоянии. Да, такой сюрпрайз, никакого дополнительного защитного барьера в виде плавок. Любопытство и желание берут свое. Скользю жаждающим малейших деталей взглядом по напрягшемуся стволу с переплетением рельефа вздувшихся вен, до обнажившейся головки с блестящей каплей смазки на кончике, совершенно непроизвольно облизываю пересохшие губы. Страсть кипит кровь, превращая в раскаленную лаву, и я гашу стон, похожий на рычание довольной кошки за миг до того, как сжимаю губами уязвимую головку до самой кожицы, пробуя на вкус ДНК нового обладателя моей воли и чувств. Мой язык, дрожащие губы, бархатная полость ротика становятся продолжением его желания, послушным инструментом, так легко управляемым с помощью ментального транзита. Интуитивное скольжение губами на полную длину, закрыть глаза, лови, считывай, пробуй на вкус эти ощущения! Язычок описывает узорную спираль, непроизвольно имитируя недавний поцелуй, с более ощутимым погружением каменного члена вглубь моего жаждущего ротика. Послушно создаю губами и скулами тоннель такого сладкого вакуума, услышав мысленное распоряжение своего Хозяина, с легкими ударами — быстрыми, отрывистыми движениями язычка. Хватка на моих волосах усиливается, толкая мою голову вперед, но я послушно расслабляю горло, встречая агрессию усилившихся толчков, изумленно слышу отголосок фрикций в истекающей соком вожделения киске. Легкое удушье, попытка отстраниться терпит фиаско, покорно расслабляю мышцы до предельного уровня, сглаживая натиск отрывистыми лижущими росчерками. Теряю счет времени, теряю себя в пространстве, едва не застонав от разочарования, когда твердость перенапряженного фаллоса под моими губами достигает предельной точки, за миг до того, как взорваться бьющими струями в моей истерзанной таким натиском гортани.

Мне кажется, или это я не позволила ему отстраниться, поспешно подавшись вперед, вцепившись обеими руками в его бедра в отчаянном желании не потерять даже капельки спермы? Сглатываю без всякого дискомфорта, постепенно возвращаясь с небес на землю. Колени простреливают слабой болью, со стоном выпрямляю ноги, не дождавшись разрешения. Не успеваю отдышаться, как мой рот атакован сметающим разочарование поцелуем, в которое Алекс, кажется, вложил на максимум весь пантеон переполнивших его чувств. Я растрогана этим восхитительным натиском ошеломляющей благодарности с оттенками восхищения, с усталым полувсхлипом обхватываю его шею, прижавшись как можно теснее, уже не разбирая отрывистых слов.

Я не предполагала, что устану настолько. Эмоции выжгли меня дотла, глазки закрываются сами по себе, кажется, проваливаюсь в полудрему прямо в душе, убаюканная теплыми струями воды, ласкающими скольжениями его ладоней, махровыми объятиями полотенца и снова который раз — ощущением сильного мужского тела, на этот раз без препятствия в виде костюма.

— Совсем замучил свою бедную девочку, — слышу его сокрушительный вздох, не понимая, это сон или явь.

Я не могу даже осознать, что оказываюсь на широкой постели абсолютно голая, как, впрочем, и он сам. Я слишком вымотана, чтобы осознать подобные вещи, просто проваливаюсь в глубокий сон, согретая кольцом его рук с защитой сильного горячего тела. Воистину, подумаю об этом завтра, сегодня просто нет сил.

...Утро нового дня на самом деле — глубокий полдень. Окна зашторены темными портьерами цвета расплавленного шоколада. Прежняя я бы сказала — двойного эспresso, но этому оттенку, как и всем пятидесяти оттенкам кофейного, больше нет места в моем

сознании. Это история. Статистика. Прошлая жизнь. И моя любовь к кофе, как напитку, не имеет к этому ни малейшего отношения.

Я в его спальне. В просторной комнате в бежево-шоколадных оттенках, которые так сильно напоминают атмосферу его рабочего кабинета. Вздыхаю с облегчением, обнаружив на кресле свой халатик аккуратно сложенным, быстро завязываю пояс. Щеки заливаает густым румянцем при беглом экскурсе в воспоминания о прошедшем вечере, но я пока стараюсь не смаковать эти подробности, жду подходящего момента наедине с собой, чтобы нанизывать их на нитку подобно изысканному ожерелью, прокручивая в памяти круг за кругом до мельчайшей детали.

Распахиваю тяжелые портьеры, едва не присвистнув от изумления. Рваная сеть отрывистых облаков летит по небосводу, не препятствуя холодному свету осеннего солнца, ветер треплет гибкие кипарисы, срывает с кленов желтые листья. Осень правит бал своего золотого увядания. Солнце очень высоко... наверное, час дня как минимум! Вот это я выпалась!

Изумление тотчас же гасится счастливым смехом. Осторожно, словно опасаясь привлечь внимание, крадусь за дверь, по коридору, к своей комнате. Только это больше не фристайл загнанной лани, это экскурс-вожж игривого котенка, которому настолько хорошо, что хочется смеяться и даже петь. Останавливает лишь верное жизненное кредо — я не могу показаться перед мужчиной с заспанным личиком и спутанными ото сна волосами.

Кажется, насвистываю какую-то чувственную, давным-давно забытую мелодию, жмурясь под пересекающими тепло-ледяными струями контрастного обливания, укладываю волосы прямой волной, слегка веду лайнером по контуру глаз, которые сейчас кажутся еще более зелеными, чем прежде. Может потому, что я наконец-то выпалась и лишилась самой неоднозначной тревоги в своей жизни? Мне не страшно! У меня нет даже этого смущения, которое можно описать парой фраз «грызть локти», я впервые за долгое время счастлива и спокойна. Я выпила его умиротворение до последней капли, насытила им собственную кровь, приняла полностью и безоговорочно этот высший дар чужого обладания, получив взамен первозданную гармонию обволакивающего счастья. Как? Разве его действия не были направлены на подавление воли, уничтожение барьеров, безоговорочное подчинение?.. Или же все не так — он, подобно хладнокровному доктору, медленно вливал в мою душу собственный концентрат обволакивающей защиты и воскрешения прежних, давно забытых моментов?

Так или иначе, я даже не раздумывала о том, что ему скажу и как именно буду смотреть в глаза, когда, ловко сориентировавшись в удобной планировке дома, оказалась на широкой кухне-студии в стиле люкс хай-тек. Даже не замерла в нерешительности на пороге, заметив его широкую спину у сенсорной поверхности плиты, может только, едва сдержала порыв, чтобы подобно ребенку не кинуться на шею с криком «сюрприз!». Мне было все равно, накажут за несоблюдение негласного протокола, или же нет. Небывалый душевный подъем правил бал, и я ловко запрыгнула с ногами на мягкую кожу кресла, сцепив пальцы поверх колен.

— Доброе утро!

Я все-таки немного растерялась, когда Александр повернулся ко мне. Прежде всего, от его улыбки. Такой я у него еще ни разу не наблюдала! Если бы меня попросили, потом, в будущем, охарактеризовать понятие «счастье» и «тихая гавань» какой-либо ассоциацией, я бы так и сказала:

Его улыбка этим утром.

— Если быть точным, уже полвторого, — я смело поймала взгляд, который, казалось тоже стал ярче, и покорно раскрыла губы навстречу приветственному натиску его языка и легкого нажима, запустившего новый виток сладкой спирали по расслабленному телу. Мои руки сами, не подчиняясь никаким правилам, обвили его шею, молчаливо упрашивая продлить поцелуй до бесконечности. Расписанные вчера роли негласно оставались принятыми и запротоколированными, но в то же время в этот момент понятия «дом» и «саба» стерлись, отошли в тень до наступления подходящего момента, просто спасовали перед флюидами восторга и чувственной нежности, которая накрыла нас обоих.

— Поздний завтрак, — с неохотой отстранился Александр, и я удивленно сдвинула брови при виде прожаренного стейка на блюде вместе с салатом, в котором распознала креветки и рукколу. — Ты так сладко спала, что тебя вряд ли разбудил бы даже апокалипсис!

Я удивленно моргнула. Такой оборот речи был свойственен мне, но услышать от него? Все происходящее сейчас между нами казалось таким восхитительным, что я все-таки опустила глаза, чтобы счастливая улыбка не побила все рекорды.

— Из меня вышла ужасная саба.

— Аргументируй, — с улыбкой сдвинул брови Алекс, поставив рядом стакан свежесжатого апельсинового сока. Я лишь с тоской скользнула по чашке кофе в его пальцах, но спорить не стала. Только отметила сладкое тепло, залившее солнечное сплетение, при виде обычных светлых джинсов и почти молодежного пуловера с вырезом в виде латинской V. На контрасте с костюмом это было... черт, это было офигенно здорово!

— Я уснула, — протянула я, зачем-то загибая пальчики. — Не пожелала вам спокойной ночи. Не приготовила завтрак. Не дождалась распоряжений насчет того, как вести себя утром. Вроде бы все, но этого достаточно!

— Действительно, серьезное преступление... Но, поскольку ты у меня в гостях, оставлю-ка я его без должного внимания! Кушай, и пойдем прогуляемся. Хоть и холодно, но солнце сейчас редкий гость.

Я даже не стала спорить, когда он с силой сжал мои кисти, оттащив от мойки с неизвестной мне системой подачи воды, и заставил надеть свитер крупной вязки вместо легкой курточки с рукавчиками в три четверти. На улице было не то что холодно, просто сыро после ночного дождя, плюс ветер оказался совсем не южным. Я же едва заметила неблагоприятные погодные условия.

Как мало нужно иногда для счастья и абсолютного душевного равновесия? Как понять, что именно то, что казалось прыжком-падением в ад, откроет для тебя врата рая? Как не испугаться этого, где найти отчаянную смелость сделать самой первый шаг, притом что никто не дает тебе никаких гарантий?

Ласкающие лучи холодного осеннего солнца. Белые скопления отрывистых облачков, которые так быстро гонит по небу ветер. Тепло свитера крупной вязки, который тебя заставили надеть, опасаясь за твое здоровье и заботясь исключительно о комфорте. Желто-красные кленовые листья на газонах продуманного паркового ландшафта. Тепло ладони, согревающее доверчиво зажатую в тисках ручку. Вещи обыденные и приятные. Просто однажды я перестала их замечать.

Присутствие рядом того человека, который никогда не думал только о себе. Кто готов был тебя спасти из любого омута, в котором ты так покорно тонула, почти касаясь пальцами дна под толщей холодной воды. Мне важно было знать, что рядом есть он, настолько

сильный, что может забрать ответственность за все мои слезы себе, спасти мое будущее, зарубцевав при этом прошлое нетравматичным, что там, даже приятным кибер-лазером настоящего.

Настоящего мужчину чувствуешь кожей, всеми фибрами души. Если он появился однажды в твоей жизни, ты можешь с уверенностью заявить, что знаешь, какого цвета счастье. В чем именно оно будет проявляться, обжигая каждой ассоциацией через время и расстояния. Ты будешь чувствовать близкого тебе человека настолько, что поначалу покажется, что сходишь с ума. Но это будет именно так. Ты будешь просыпаться в слезах от не очень приятного сна, но даже не успеешь его вспомнить, как твой телефон взорвется трелью рингтона, который отныне принадлежит ему, и первый его вопрос будет: «девочка моя, что с тобой?». Ты будешь забывать перекрестные вражеские сны под тающим на языке послевкусием «моя» и «девочка», таять под переливами его голоса, взлетать, не опускаясь, плавиться в этом непередаваемом ощущении, зная одно: ты больше не сама, а у него хватит сил и воли остановить любое бедствие, спасая твой рай от любого, даже надуманного, ада — и это вызовет у него только умиление и желание согреть в своих руках... Потому что отныне рай будет вашим. Одним на двоих!

...Я собираю в незамысловатый букет опавшие кленовые листья. Некоторые из них влажные после дождя, а другие, наоборот, сухие, нетронутые росчерками капель, и даже нагреты холодным солнцем пригородной осени. Пальцы ловко переплетают тугие прутики в кольца простого плетения, пока мы вместе, восхищаясь красотой сегодняшнего дня, углубляемся в сквер его обширных загородных владений. Фонтаны бездействуют, гладь декоративного пруда засыпана опавшей листвой, и кажется, что кругом бегут реки расплавленного золота с красноватым отливом. Кленовый венок сплетен очень быстро, я отбегаю вперед, чтобы дать возможность Александру оценить гламурный природный креатив на своих волосах. Он смеется в ответ — смех с искрами искреннего восхищения, сокрушаясь при этом, что зря не брал с собой фотоаппарат. Это просто спусковой крючок для моего внутреннего шкодливого ребенка! Отхожу в тень широкого клена с довольно густой желто-зеленой кроной — сюда не добрался ночной дождь, и, зачерпнув руками увесистую кипу опавшей листвы, возвращаюсь обратно. Миг, и мои руки поднимаются к небу, устроив моментальный спланированный листопад.

— Что ты это вытворяешь, хитрая девчонка?

Уворачиваюсь от его рук так резко, что венок слетает с головы, успеваю зачерпнуть новую порцию природного золота, прежде чем его ладони обвивают мои кисти властным и нежным одновременно захватом.

— Проказница моя маленькая! — Губы сметены смеющимся натиском, ударная инъекция абсолютного счастья через рецепторы включившегося в игру язычка, до сладкого желания прижаться как можно крепче, слиться воедино мерцаниями двух сущностей! — Так бы и не отпускал тебя никогда... Ни сегодня... ни завтра!

— Не отпускайте! — Мне хочется смеяться беззаботным счастливым смехом, растаять без остатка в кольце рук, переместившихся на мою талию, чтобы поднять над землей. Я невесомая пушинка в океане затапливающей эйфории от сладкого единения.

— Я бы рад никогда тебя не выпускать. Только, боюсь, мы не в состоянии противостоять определенным обстоятельствам!

— Я могу завтра забить на пары. Правда! По психологии у меня зачет-автомат. С политологии отпрошусь. А маркетинг — открытой парой... Пожалуйста!

Мои ноги касаются земли, капризно надуваю губки, уловив в его голосе непреклонность.

— Никаких прогулов! К тому же тебе надо отдохнуть и восстановить силы. Юля, это не обсуждается!

— Ну пожалуйста!

— Нет, я сказал! Ты осмелилась мне возражать?

Он не злится, но и не собирается менять своего решения. Мне не остается ничего другого, кроме как обреченно пожать плечами.

— Мы все равно не расстанемся с тобой надолго. Завтра вечером выберемся на премьеру фильма. Выбери сама. Договорились?

Мерцание солнечных бликов на его лице, горячий вакуум жаждущих губ, накрывших мои для глубокого поцелуя. Тишина, лишь слегка разбавленная шумом ветра в кронах деревьев и невесомым падением золотой листвы. Счастливо затихаю в его сильных объятиях, жмурюсь от удовольствия, впитывая каждое слово, прожигающее кровь вальсом чистейшего эндорфина.

— Просто знай. Ты — самое лучшее, что со мной случилось за последнее время!..

Лекси непреклонна. Как бы я не отговаривала ее от утреннего визита перед парами, она не пожелала даже слушать. Не то что я не сильно желала видеть подругу, но ведь так хотелось насладиться послевкусием завершившегося уик-энда, смаковать самые горячие моменты нашего времяпрепровождения, расцветивая их новыми красками и эмоциями, шлифуя в своем сознании порывами затапливающего счастья и первоизданной эйфории, оттачивая волнами своего пост-восторга до чарующей огранки под стать редкостным бриллиантам. Плыть по волнам совершенно распоясавшихся эмоций, которые попеременно загоняли то в слезы кажущегося иллюзорным воскрешения, то в счастливый смех окрыленной открывающейся перспективой женщины. Собрать наконец на нитку ожерелья эти дорогостоящие эмоции с оттиском гравировки Limited Edition, спрятать ото всех в несгораемом сейфе своей замкнутой клетки абсолютного счастья, чтобы никто не смел к ним даже прикасаться. Только мое! Никогда никому не понять, какое сокровище отныне у меня внутри, и я буду оберегать его до последнего вздоха, защищая с оружием в руках от любых посягательств...

— Да-да, и от твоего тоже!

Мне все еще неприятно смотреть в зеркала в моем доме. Происходит нечто странное, то, чему я перестала удивляться, а именно: стоит отвести взгляд, как сердце на доли секунды сжимают щупальца беспросветной серой тоски. Она цвета и оттенка их холодного, циничного равнодушия, иногда мне хочется прижать к стеклу ладонь, но я вовремя одергиваю ее, словно опасаясь ожога. Монотонный стук в бронированные двери моего закрытого клуба имени абсолютной эйфории невесом и практически не слышен, но он есть. Он хочет пробить эти баррикады и залить кровь чувством вины и сожаления, фальшивым навязанным сабдропом, потоком отчаянных обвинений вместе с приказами, которые никогда больше не будут иметь надо мной власти, или безмолвными мольбами остановиться, отказать себе в счастье во имя... Чего? Чего, Дима? Тебе было плевать на мои просьбы, даже когда я рыдала и истекала кровью. У тебя больше нет права просить, особенно сейчас. У тебя были все рычаги для того, чтобы сделать меня счастливой, но ты ими пренебрег. Зачем, действительно — можно не уговаривать, не тратить на это силы и нервы, можно просто взять, благополучно забыв, что это не вещь, а человек. Это было так просто для тебя? Ты сам расписался в собственном приговоре.

Елена Одинцова, она же Лекси для меня и Эльки, она же «тупая блонда» для непризнанной женской части группы, она же «куколка», «прелесть», «лапочка» для всех мужчин, кому повезло оказаться под каблуком этой чудо-девочки, всегда умудрялась выглядеть лучше всех нас. Любой другой на моем месте, вернее, любая другая цинично бы фыркнула в астрал «мне бы ее деньги, я б и не так выглядела», продолжая поглощать пончики и сгрызать лак с ногтей. Большинство, но не я. Никогда не понимала, что это: дар или логические сплетения разума, избавившие меня от женской зависти и наградившие стремлением окружать себя красивыми людьми без деления на половую принадлежность. Стимул оставаться всегда на высоте или привычка ломать древние шаблоны? Мы, три подруги, были настолько разные внешне и по характеру, что конкуренция теряла смысл. Любитель светлых волос, прелесть какой глупости и натуральной груди четвертого размера при всем шарме толковой брюнетки в пуш-апе прошел бы мимо. Как и охотник-

преследователь не нашел бы никакого интереса в подчинении белокурой куклы, которая вряд ли поймет, что вообще происходит. Эля же настолько разительно отличалась от нас восточными корнями и высотой творческого полета, что нам редко нравились одни и те же парни, как и мы им.

Ровно в 8:00 утра Лекси нарисовалась на пороге моей квартиры — с почти вечерней укладкой блестящих белокурых волос, в длинном светло-розовом платье с нескромным разрезом, в сапожках-чулках на высочайшем каблуке, с изысканным, едва заметным макияжем в розово-охристых тонах, с небрежно съехавшей с плеч шубе из кофейной норки, которая не грела и не доставляла дискомфорта в силу плюсовой погоды за окном. Я лишь благосклонно улыбнулась на вопли подружки при виде огромного количества роз, гербер, ирисов и прочего, неизвестного мне цветочного ассортимента, заваривая кофе и доставая из шкафчика ее любимые «Рафаэлло». То и дело доносившиеся из комнаты крики «вау!», «круть» и «супер!» выбивали приступы самодовольного смеха с легким вальяжным самолюбованием. Но, когда Ленка влетела в кухню с той самой корзиной черных и белых орхидей, я реально поперхнулась кокосовой стружкой. Оказывается, рановато, надо было дожидаться ее последующих слов.

— Багира, нет, я фигею! Давай открывать цветочный магазин, а? — Ленка плюхнулась на стул и погрузила носик в эпицентр знакового букета. — Я тут вот это, короче, нашла... Они не вписывались в интерьер.

— Да, и чем же? — не знаю, как она умудрилась заметить их среди бело-алого великолепия роскошных роз. Меня этот букет смущал и пугал одновременно воспоминанием о жестоком лете, и я задвинула его от греха подальше за большие напольные вазы с розами.

— Ну, там красные, а тут — черные, и совсем не розочки!

Да уж, аргумент. Я разлила по чашечкам крепкий кофе, перечитав утреннюю эсэмэс от Алекса, ощутив, как теплая волна щемящего восторга накрыла обволакивающим прибоем, и недоуменно посмотрела на прифигевшую Лекси.

— Ты чего?

— Ты целуешь телефон!

Надо быть осторожной на людях. Я ведь действительно ловила себя на этом уже не первый раз!

— Да я так хотела «айфон», что не могу нарадоваться. Оставь в покое цветы уже, ты их так занюхала, что завянут скоро.

— Слушай, давай делиться. Ну правда. Отдай его мне, от тебя не убудет! — Лекси осторожно гладит черные лепестки, а моя стервозная сущность взрывается ярким фейерверком. Едва соображаю, что она говорит о букете. Алекс окончательно прошел мой мозг своим авторским курсивом.

— Ты это, осторожней. Отравишься.

— Чего? — Лекси смотрит на меня взглядом Олененка Бемби. Потом так же изумленна — на букет. — Ты шутишь, да?

— Нет. В джунглях Борнео, чтобы ты знала, растут черные орхидеи. Они ядовиты. Хана тому отчаянному дебилоиду, кто протопал через эти джунгли и сорвал безобидный цветочек. Он думал, что, если ушел от нашествия тарантулов, гепардов, туземцев-каннибалов и прочих неприятностей, все будет хорошо, а тут, на тебе. Ты пей кофе, остывает.

— Ты гонишь! — копирует интонацию Рейчел Макадамс Лекси, но в ее глазах я не без злорадства замечаю тревогу. Пальчики, словно ошпаренные кипятком, отрываются от

черных лепестков. — Сама-то ты живая!

— Я их не тискаю без повода. Думаешь, зря спрятала? Они же только и ждут нападения. Не могу сдержать смех, когда подруга, как ужаленная, кидается мыть руки с мылом.

— Сучка ты, Беспалова... Но довольная! Ты нам все-все-все расскажешь. Не сначала... — томно тянет она, слопав пару конфет. — Я тебя прошу, у тебя и так оранжерея... ну? Одолжи его мне... Хочешь, потом верну?

Мне потребовалось где-то минута, чтобы сообразить, о чем она говорит. Мое заражение уже вошло в критическую стадию.

— Да на кой он тебе?

— Через полчаса увидишь... ну очень надо! — не дождавшись разрешения, выдергивает стебли из губки на дне корзины, собирая в классический букет. Мне бы насторожиться, особенно тем, что она поумерила любопытство и не требует подробностей уик-энда. А ведь по глазам вижу, как трудно ей сдержаться. Может, Лекс привыкла нападать только в компании верной Эллады?

— Да забирай. Никогда их не любила.

До начала пар час с лишним, но мы намерены выпить латте в ближайшей к академии кофейне, поэтому не теряя времени, спускаемся вниз, к ее розовой «микро». Каждая из нас сегодня выглядит потрясающе. Роскошная светская львица Лекси в длинном платье и невесомой шубке и сияющая от пережитого накануне экстаза юная копия Жаклин Кеннеди в синем платье до колена, лаконичных ботильонах и черном классическом пальто до середины бедра. Волосы перехвачены у лба белоснежным ободком, который так ярко гармонирует с белым крупным жемчугом в ушах. Но главное — ее глаза, сияющие несдерживаемым счастьем и патрицианским спокойствием под стать своему мужчине. К вечерней встрече с ним я во всеоружии.

Лекси уверенно ведет свой автомобиль по загруженному в утреннее время шоссе, продолжая что-то весело щебетать, а я ее не слушаю, погружаюсь в омут сладких воспоминаний. Вчера мы не могли с ним расстаться до позднего вечера. Страсть наших отношений грозила прорвать все возможные плотины, затопить обнажившиеся поля открывшихся сущностей мощным паводком растаявших ледников. Как мы выстояли перед этим безумным натиском — одному богу известно. Вам знакомо это потрясающее ощущение, когда искры запредельного влечения озаряют спустившиеся сумерки, стук взволнованного сердца становится самым сладким ритмом первозданной мелодии, а все, что вас окружает, перестает иметь какое-либо значение? Когда достаточно одного прикосновения ладони, чтобы в сердце произошла мощная вспышка сверхновой, а сознание перевернулось с ног на голову, потрясенное подобным ракурсом? Когда не возвращаешься больше мыслями в прошлое, потому как нет ему места в вашем настоящем, ведь именно оно стало правильным, желанным и ошеломительным?

Мы так и не смогли расстаться. К черту Дениса, Александр сам решил отвезти меня домой. Как описать восторг от ощущения, когда ты, с распухшими от поцелуев в машине губами и сладкой дрожью в коленях, нетвердой походкой идешь к подъезду и чувствуешь спиной тепло его согревающего, восхищенного взгляда? Как сдержать себя и не рвануть обратно, чтобы повиснуть на его шее, вжимаясь в рельеф грудной клетки до щемящей боли? Вот и я не смогла. Гибкая, пластичная, словно воск в его обволакивающих объятиях — меня остановил от нового витка безумия только ненавязчивый приказ выспаться и не опоздать утром на лекции.

Влюбленность? На этом этапе? Как такое могло произойти, и было ли это тем, чем было, или же просто эндорфиновой зависимостью?

...- Недвижимость, инвестиции в Германии и Швейцарии. По предварительным данным, входит в руководящий состав двух крупных корпораций в сфере строительства и аналитических маркетинговых... Эй, ты вообще где, Беспалова?

— Черт, Лекс, положи планшет! Не позорь всех автоледи, и я еще хочу дожить до вечера. Это так, на всякий случай...

— Ты вообще понимаешь, кто он? О-ли-гарх! Ну ты даешь... как ты сама не полезла в гугл и не выяснила, а фамилия красивая. Кравицкий... тебе подойдет!

— Да нет, спасибо, мне Беспалова-тире-Лаврова дорого встала! — трясу головой, пытаюсь переварить информацию. Не то чтобы я не догадывалась о его прочном финансовом положении, я просто совсем не думала о вероятных благах, которые мог принести мне этот роман. И впервые в жизни мне этого не хотелось.

— Подожди! — Перед тем, как выпрыгнуть из автомобиля, Лекси тянется через кресло назад, подхватив букет. Я слегка разминаю шею, оглядываясь по сторонам... взгляд натывается на знакомый автомобиль. Я совсем недавно его видела, вот только где?

— Откуда цветы, Лена?

Твою ж мать. Я едва не подпрыгнула на месте, услышав голос Владимира за спиной. Противная тревога вернулась на свои позиции в последней попытке там закрепиться, выбив два гулких удара сердца. Почему кому-то обязательно надо испортить мне день?

К счастью, он пока что не смотрит на меня — сосредоточенный, тяжелый взгляд прикован к моей подруге. Вернее, к букету в ее руках. Гордость не позволяет мне, воспользовавшись моментом, ретироваться в кафетерий, да и вдруг Лекси понадобится моя помощь? Если тут начнется сцена в стиле «домостроя», могу и двинуть этой жертве стероидов, мало не покажется, мне плевать, кто у него папа. Вряд ли, конечно, супер-блондинке что-то угрожает, но уж, воистину, «скажи мне кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты» режет нервы циркулярной болгаркой. Но, похоже, Ленка сама удачно справляется.

— Не насосала, а подарили! Букетик, тачку, и брюлики на мобиле! — Я не помню, когда видела ее такой! Охрнительная парочка, широкоплечий блондин и тоненькая белокурая куколка в роскошном полушубке, которая выпустила свои коготки... И кто назвал ее дурой? На такую контротповедь нужно иметь нехилую сообразительность!

— Ты чего? — Вовик переводит растерянный (кто бы мог подумать!) взгляд на меня, как-то смущенно кивая в знак приветствия. Не выдержал позора? Вообще, все очень странно. При одном взгляде на роскошную Лену можно истечь слюной, а он вновь пялится на букет. Словно черные орхидеи уже долбанули его смертельной интоксикацией по всем извилинам! — Просто... откуда у тебя такой букет?

— Ты думаешь, некому было его подарить?

Я внимательно слежу за ними обоими. Какая-то неправильность в поведении Вовы ломает шаблон почти театральной сцены. Лена продолжает заливать про водителя «бентли», который случайно ее подрезал и так растаял от неземной красоты, что сразу заказал доставку цветов, а я непроизвольно качаю головой — от ее слов на его лице написано натуральное покровительственное облегчение! Никаких мук ревности, наоборот, завуалированная умильная насмешка!

— Юля, — моя кожа ошетилилась сотней воображаемых игл, когда он повернулся ко мне. Злость вместе с отголосками усталости решила все за меня.

— Ты бы это, не разговаривал со мной. А то кирпич башка попадет, совсем мертвый будешь. Все же, кто со мной общаются, умирают, да? Я ничего не забыла?

Да что такое? Нет, я понимаю, что после вчерашних событий этот мир прекрасен и удивителен, но чтобы мой враг номер один улыбался теплой улыбкой с каким-то скрытым восхищением?

— Прости. Я не имел никакого права говорить тебе такое.

Перевожу растерянный взгляд на Лекси. Это ты его заставила? Она хоть и выглядит довольной этой попыткой примирения, но, похоже, удивлена не меньше меня.

— Если бы я тогда знал, что он с тобой сделает... Юль, я же вроде как чувствовал, но в это оказалось трудно поверить даже мне... Поверь, я бы вообще не отпустил тебя с ним, пока не вправил мозги!

— Вова, — противная липкая испарина охватывает позвонки до самого копчика, вместе с головокружением. Все неправильно. Я, конечно, пострадала, и крепко, но такой восторг и умиление на фоне того, что твоего лучшего друга нет в живых? Я ему никто, так, увлечение ныне покойного друга, которое можно было поразить гостеприимством и увлечь светской беседой, не более. — Мне неприятно об этом говорить.

— Он никогда меня не слушает, но тогда я мог хотя бы попытаться. Я же видел, что с тобой творилось. Твои руки, это...

— Это аллергия на уродов. Я тебя слышала, но давай мы сейчас не будем резать запястья по новой, чтобы скрепить примирение кровью. Договорились? — смысл сказанного доходит до меня не сразу, а когда доходит... Я ведь так и не привыкла к себе, новой. Не стоит искать пояснения, почему это происходит, но я едва успеваю зажать рот ладонью, чтобы побороть приступ бесконтрольного смеха!

Через секунд тридцать мы смеемся уже синхронно. Луплю Вовку по плечу на глазах у охреневшей Лекси и позволяю заключить себя в пародию на примирительные объятия.

— Прости... — его голос едва пробивается сквозь блокаду смеха какого-то ненормального облегчения. — То, что с тобой было... Руку на женщину... Б. дь, если бы я только знал тогда, что он задумал...

— Забей, это в прошлом!

— Если еще раз, он тебя, хоть когда-нибудь...

Его слова резко обрываются, и он поспешно отводит взгляд, а моя испарина накрыта выбросом сухого льда. Какая-то нить ускользает, кажется, вот-вот, и я ее уловлю, удержу, распутаю... Пытаюсь поймать черный взгляд новоприобретенного приятеля, ловлю какую-то тревожную волну и что-то еще...

Очень некстати вмешивается Лекси.

— А если ты еще раз будешь ипать мне мозг, обсуждая мою Багиру, я тебя, я...

Она сейчас его спасение. Моргаю, теряя след нити Ариадны в лабиринте невысказанных слов и утерянных параллелей окончательно, растерянно наблюдаю, как Владимир грубовато хватает мою подругу за плечи и впивается в ее рот неистовым поцелуем. Внезапная страсть или смещение акцентов, вынужденная мера?

Поворачиваюсь и уверенно иду к кафетерию, Лекси не заблудится. Есть что обдумать вроде как, но... Телефон некстати сигнализирует о принятой эсэмэске. Снимаю блок с экрана за шаг до того, как запустить по крови бег абсолютного счастья с привкусом сладкой эйфории, позволив этим ощущениям унести отголоски несказанных слов и слабеющей тревоги.

«Самая отважная и неповторимая девчонка так же ждет вечера, как и я? Целую, береги себя!»

Счастливо улыбаюсь, не сдерживаюсь, прикасаюсь губами к холодному экрану — мне все равно, что подумают другие, и пасмурная погода с укусами морозящего дождика расцветает расплавленным золотом нового, пока только зарождающегося, ощущения...

Он до сих пор не мог поверить, что все, что с ними обоими происходит, происходит наяву.

Он не мог до конца распробовать особый привкус этого подзабытого счастья, которое ворвалось в его реальность подобно свежему шквальному ветру, безжалостно сметая на своем пути руины сооружений из потерянных дней того периода, когда он сам запретил себе малейшее право на счастье. Так было проще и легче, он так часто любил повторять это самому себе, а жизнь захватывала своим планомерным бегом, раскручивая спираль уникальных возможностей, которые перенимали все его силы и ставили перед выбором, который он однажды сделал.

Сейчас у него было практически все. Более того, сейчас не было никакой необходимости делать какой-либо выбор. Его уникальный дар держать все под контролем достиг непробиваемого абсолюта, ничто не могло нарушить привычный ход вещей — все настолько предсказуемо и стабильно, что иногда, даже находя отдушину в привычных играх на территории своего клуба, он ощущал послевкусие непонятной тоски. Эмоций по-прежнему хватало в избытке, вряд ли кто-либо догадывался об истинной глубине таких переживаний, надежно скрытых под маской казавшегося естественным равнодушия и спокойствия.

То, что это не те эмоции, которые наполнят кровь эйфорией самого теплого и опасного чувства, он знал с самого начала. Почему так долго обходил их стороной, и сам не мог себе ответить. Романтически настроенные индивидуумы назвали бы это пафосно-литературной метафорой — ждал подходящего часа, искал свою идеальную половину, следовал прописанному свыше маршруту судьбы. Это вызвало бы у него только ироничную ухмылку.

Ему даже сейчас казалось, что весь спектр теплых и взрывоопасных чувств к этой необыкновенной девочке был спланирован и прописан изначально только им самим. Пришел, увидел, победил, не позволяя диктату любви одержать над собой верх — а она спасовала, терпеливо ожидая на коленях в углу своего часа, когда несломленный объект нападения не сменит гнев на милость и сам не протянет руку для подписания мирного договора.

Он мог сколько угодно повторять себе, что им движет только чувство вины и банального благородства, но секрет его успеха заключался также в том, что он никогда не врал самому себе. Он знал о том, что изначальное стремление обезопасить и защитить прочно трансформировалось в новое, давно забытое чувство, так не похожее на предыдущее. Это был не повод сразу же принять его в штыки, нет. Скорее наоборот, он охотно поддался ему искристому очарованию, не ослабляя хватку самоконтроля и гиперответственности, потому что права на ошибку у него отныне не было.

Дерзкая *infant terrible*, независимая стервочка, блестящая с ног до головы прожигательница жизни — такие маски он считывал на раз, безжалостно добираясь до сути, безошибочно определяя истинный характер вкупе со всеми опасениями, комплексами и желаниями. Такая закрытая и гордая при их первом знакомстве, она поражала его своей беззащитностью и растерянностью при каждой последующей встрече. Страх? Она совсем не

умела его скрывать. Неопределенность, последствия жесткого шока, затянувшаяся депрессия? У него опускались руки, потому что он не мог рисковать, не нащупав точки соприкосновения, движимый одной-единственной целью — помочь, спасти, вытянуть из этого кошмара. Не потому, что во всей этой ситуации ощутил также и свою вину — прикоснувшись к ее боли, считав на интуитивно-исследовательском уровне, ему больше всего хотелось выпить ее в два глотка, не задев сущности. Негасимый огонь жизнелюбия, уверенности, независимости и бьющего ключом темперамента очень грубо погасили. Он не вдруг понял. Он знал с самого начала, что сделает все возможное и невозможное, чтобы зажечь его вновь...

Это произошло. Все было спланировано, рассчитано, может, даже слегка цинично, но никогда прежде он так тщательно не продумывал меры по спасению человека, который спустя много лет занял пустующий отсек его сердца, озарив теплом своего присутствия. Он наконец-то держал ее в своих руках. Могло прозвучать зловеще, если бы не бросил все свои силы на то, чтобы она никогда не почувствовала себя заново захваченной, присвоенной, лишенной шанса обойти абсолют его нерушимого диктата. Впервые он поставил на кон ее благополучие и душевное равновесие, забыв о своих желаниях и предпочтениях... и впервые это оказалось так восхитительно.

Он мог быть богом в своих мыслях, абсолютным владельцем ее тела и воли, контролером ее желаний и порывов, что там, он мог щелчком пальцев превратить ее в покорного щенка, оставив, словно в насмешку, внешность породистой кошки. Он не сдерживал себя в подобных фантазиях, которые бы никогда не воплотил сознательно. Ее умоляющий взгляд широко распахнутых, напуганных и одновременно жаждущих глаз, таких же зеленых, как и у него, вошел в сознание несмыслимым оттиском нового чувства. Ему необходимо было владеть ею до последнего вздоха, подчинять себе — медленно, постепенно, нетравматично, и в то же время стать стеной от любых бедствий, которые могут ее коснуться. Как эти две сущности могли уживаться в нем одном — желание сжимать в объятиях до боли, не отпуская, не теряя стука сердца и взволнованного дыхания ни на миг, вонзаться зубами в ее податливую кожу оттиском окончательного владельца и в то же время накрыть куполом самой крепкой и неуязвимой защиты... Как она раскрывалась ему навстречу, увидев, безоговорочно приняв, потянувшись, как к самому желанному спасению, единственной возможности оставить в прошлом потерянные дни своего кошмара. Она бы очень сильно удивилась, если бы узнала, до каких мельчайших подробностей ему известны детали ее трагического опыта в мире Темы. Он сделал и будет продолжать делать все, чтобы она никогда не узнала о том, как и при каких обстоятельствах он поставил гриф «секретно» в прологе их начавшейся лав стори. Он не мог придавить ее ответственностью исключительно своего выбора, отравить двойственностью стандартов и тем самым поставить крест на сближении.

Когда к человеку с его характером, приверженцу определенных жизненных устоев приходит любовь — он не меняется. Он открывает в себе новые грани, которые, впрочем, были всегда, но спали в глубоком анабиозе, не имея возможности реализоваться. Хочется носить свою девочку на руках, осыпать цветами, обращаться с ней, как с маленькой, ловить эту волну абсолютно счастливого и открытого ребенка, дарить ей взамен весь свой мир без остатка, испытывая ни с чем не сравнимый восторг обладателя, которому отвечают пока еще не осознанной, слегка испуганной, наивной, но такой открытой, а от этого вдвойне сладкой, взаимностью. Ты готов положить к ее ногам весь мир и одновременно оставить ее самой у

пьедестала своих ног, где она будет в самой совершенной безопасности. При этом ты до боли, до ментального сжатия внутреннего кулака стараешься сделать так, чтобы никогда ее не коснулось насильственное давление, чтобы она не дай бог не прикоснулась в неосознанном порыве к твоим истинным стремлениям на данном этапе — ты будешь беречь ее ценой своей жизни от любой боли, даже от собственной. Ты никогда не сделаешь с ней того, что она не сможет принять и выдержать. Ее счастье, душевное равновесие и самая нежная улыбка на свете становится твоей основной целью на всю оставшуюся жизнь, и ты заранее, с высшим даром просчитывать все наперед, понимаешь, что сделаешь для этого все, зависящее от тебя... Впрочем, не зависящее тоже!

Он практически никогда не устает, даже после напряженного трудового дня. Сейчас его вечера наполнены новым смыслом и так сильно уязвимы прессингом одиночества в ожидании следующих выходных, когда он вновь будет сжимать ее в объятиях, покрывать поцелуями совершенное гибкое тело, плыть по шелковой глади ее воли своими штормовыми откатами, поднимая так высоко, как никого и никогда прежде, и держать так крепко, что страх высоты растает с первыми лучами утреннего солнца. Четыре дня. Он бы сошел с ума, если бы не установил негласные правила ежедневных свиданий, но как же тяжело было себя сдерживать... Смотреть в ее огромные умоляющие глаза и спокойным тоном непримиримого руководителя пояснять, сейчас в приоритете ее институт и высшее образование и он не намерен отступать от этих правил. А тебе на самом деле больше всего, до безумия, хочется заблокировать дверцы автомобиля и увезти ее, не слушая слабые протесты, чтобы любить до потери памяти и пульса на протяжении суток, опоясывая биополем своего владения, заковывая пока еще в энергетический ошейник своей воли и плавно приближать к тому моменту, когда на ее хрупкой шейке застегнется настоящий. Он уже знает, что этот момент настанет очень скоро, до него один решительный рискованный шаг. Он может поставить их общий мир под угрозу, он может даже ее потерять, но только так ему удастся забрать ее страх и открыть ей себя, настоящую.

Но сейчас ему не хочется об этом думать. Сейчас он с нетерпением ожидает следующей встречи, и, засыпая, всегда мысленно заключает ее в свои объятия, зная, ощущая, чувствуя на расстоянии, как его девочка делает практически то же самое...

В понедельник я не знала, как дожидаться выходных, изнывала от тоски и приятного ожидания, вздрагивая от каждого телефонного звонка и расплываясь на сотни атомов захватывающей эйфории, стоило только услышать его голос. Расплавленное золото зарождающегося счастья смешивалось в элитный коктейль с тревогой ожидания и предвкушения запредельных граней, которые привлекали и пугали одновременно, раскрашивая спектр эмоций совсем в иные, незнакомые прежде цвета. Свернутые черно-алые крылья напоминали о себе обреченно-эротичным трепетом загнанной в угол искушенной жертвы, и, как бы я ни пыталась скрыть их, подогнав вплотную к лопаткам и напряженным нервам хребта, они не желали прятаться, заявляя о своем наличии неконтролируемым выбросом чистейшего эндорфина. Как это изводило нездоровым любопытством моих подруг и притягивало мощным магнитом всех мужчин, которые имели несчастье оказаться в радиусе ста метров! Даже Миранда Пристли лаконично пошутила, что у меня в душе вечная весна, несмотря на дождливую осень за окном.

То, что я изменилась, вынырнула из омуты депрессии, не мог заметить только ленивый. Лекси беззастенчиво вампирила мой душевный подъем, а Эля просто достала своими наездами с требованиями рассказать все и в подробностях. В общем, я ей рассказала. Ну,

подумаешь, приукрасила немного, подкрепив свою веселую фантазию чистой воды информацией из всемирной сети о роли стека и интенсивности его воздействия. На двое суток желание задавать вопросы у нее пропало начисто. Я с трудом сдерживала смех, наблюдая, как меняется выражение ее лица с агрессивно-любопытного на сочувственно-обеспокоенное, когда она искала в моих глазах следы давно забытой душевной боли и перманентного страха. По касательной задело даже Дениса, она вздрагивала от любого прикосновения своего бойфренда, пытаюсь отыскать в нем проблески латентного садизма, руководствуясь догмой «скажи мне, кто твой босс». Пришлось ее в срочном порядке успокаивать, особенно когда Денис, по распоряжению Александра отвозивший нас домой из клуба с очередного дня рождения одногруппницы, искоса поглядывал на меня со смесью бессилия и сопереживания. Я, конечно, огребла от Эльки подушкой по голове, когда во всем созналась, но вопросы в стиле «в какой позе он тебя круче всего жарит» и «все ли у него в порядке в силу возраста» больше не звучали.

Визита к ревматологу я боялась больше, чем предстоящей в выходные сессии, но, как выяснилось, совершенно напрасно. В приемной доктора частной клиники меня угостили изумительным фруктовым чаем, да и сам моложавый профессор был предельно внимателен и галантен. Рентген-снимок был готов практически сразу, как и некоторые анализы. Никаких адских уколов мне в колени не кололи. Была только одна инъекция была в вену и небольшой список препаратов, которые полагалось принимать в течении двух недель, я уходила оттуда с заверениями, что с моими суставами все в относительном порядке, и скоро забуду о дискомфорте. Мне полагалось отметить здесь же через неделю, чтобы посмотреть на результат лечения.

Алекс не покидал меня ни на миг. Держал за руку и говорил, какая отважная у него девочка. Моя симпатия к этому человеку возрастала с каждым днем подобно горной лавине.

Ирина Милошина улетела на симпозиум в Европу, и на протяжении этой недели я была избавлена от сеансов инновационного психоанализа. Крылья за спиной наливались силой алого огня час за часом, день ото дня, и прилив потрясающей энергии находил свое отражение во всем, чего бы я ни касалась. До раздачи основных тем курсовых работ по маркетингу оставался месяц, но я упростила Аллу дать мне ее заранее, чтобы отшлифовать до мельчайших деталей и сделать нескучный креатив. С подборкой литературы проблем не возникло, я успевала как и сидеть в свободное время в библиотеке в поиске материала, так и проводить каждый вечер с Алексом, втайне изнывая от желания оказаться с ним наедине, с ненасытным вождением изголодавшейся самки, которую страх только еще больше возбуждал.

Увы, в таком формате отношений желания сабы хоть и принимаются во внимание, но уж никак не подлежат немедленному удовлетворению. Несмотря на непрекращающуюся эйфорию, я понимала основную суть подобных отношений очень хорошо. Во многом она вызывала возмущение, неприятие, страх и несогласие, но я была слишком тактична (а может, просто напугана), чтобы возражать и пытаться разложить по полочкам, что я буду делать, а чего — категорически не буду. Если я согласилась на подобный формат, мне придется автоматом принять все правила, невыполнение которых, так или иначе, будет наказываться, иногда даже слишком строго. Страх наказаний прочно засел в моем сознании, и пока что приятное тугоплавкое волнение вошедшего в завершающую фазу единения было разбавлено определенными опасениями перейти черту, нарушить закон вещей и вызвать его недовольство. Почему даже это состояние было наполнено выбивающей слабостью и

уязвимостью, которая теперь звучала исключительно в положительном контексте?

Негласно правило сексуальной тематической взаимосвязи оставалось действенным лишь на его территории, в стенах загородного особняка, напоминая о себе слабыми отголосками здесь и сейчас, в сетях засыпающего осенним сном шумного мегаполиса. Отсчитывая тянущиеся дни, часы и минуты до следующей встречи, я изо всех сил культивировала в себе хладнокровие, чтобы не потерять особую прелесть ежедневных встреч за чашкой кофе, ужином в ресторане, премьерой фильма и шопингом. Иногда его настойчивость в выборе одежды для меня раздражала. Я понимала, что выгляжу настоящей леди, но такие элементы проявления тотального контроля отчасти царапали мозг. Возражать не смела, так как со спонсорами вроде как и не спорят — так я говорила себе, хотя, на самом деле, причина была в другом. Не панический ужас и даже не страх — разобраться было сложно, и я быстро загасила в себе эти стремления, потому как ожидание встречи при закрытых дверях кипятило кровь куда сильнее.

Вечер пятницы порадовал отсутствием дождя, золотистым закатом и предвкушением, которое не отпускало меня все утро, а к вечеру трансформировалось в плохо скрываемую тревогу. С ним так будет еще долго, я уже умела видеть подобные вещи наперед, непременный атрибут люкс-формата таких изысканно-острых взаимоотношений. Когда тебя снедает острое волнение, время разгоняет свой бег под прессингом беспощадной центробежной силы, поглощая твои минуты, отсчитывая секунды извращенного предвкушения.

Почему я вспоминаю рассказ Рэя Бредбери из «Марсианских хроник», вжимаясь с силой в мягкую кожу сиденья «лексуса»? Жизнь, уместенная гравитацией Марса в один быстро догорающий день с неминуемым закатом жизненного пути уже к вечеру? Когда мне с ним что-то по-настоящему угрожало, и когда у меня отнимали право выбора? В этом мой страх? Взять ответственность за право все остановить самой, когда я хочу надеяться, что онотреагирует моментально на каждый страдальческий вздох или пролитую слезу? Неотреагирует. Не надейся. Потому что ни то, ни другое не есть страдание в данной интерпретации.

Я запуталась. Я даже не заметила, как быстро пролетело время, невольно вздрогнув, когда перед нами медленно поднялась ширма ворот, и так же медленно опустилась, когда мы оказались на территории его владения. Эта праздная неспешность словно была призвана меня успокоить, внушить уверенность в том, что я смогу беспрепятственно уйти в любой момент... если, конечно, захочу.

Мне все еще не удастся взять себя в руки, когда мы оказываемся в холле его особняка, похожего на уютный охотничий домик уникальной дизайнерской стилистикой, а его руки галантно помогают мне снять пальто. С сапожками справляюсь сама, хотя пальцы ощутимо дрожат. Не приносит желанного облегчения даже поток ледяной воды на ладони и аромат того самого кофе, «напитка арабских шейхов», которым Алекс так гостеприимно угостил меня впервые на территории своего клуба — я осторожно, словно опасаясь растревожить хищника, прокрадываюсь в гостиную и привычно забиваюсь в угол дивана, поджав под себя ноги, выдавив слабую улыбку, когда на глянцевого обсидиана столика опускается чашечка горько-сладкого афродизиака.

— Моя девочка чем-то напугана? — он опускается в кресло и наклоняется вперед, расставив ноги и сцепив пальцы в замок, а я поспешно трясую головой, заставляя себя держать улыбку. Александр внимательно изучает меня, оценивая каждую эмоцию, самое незаметное

движение лицевой мускулатуры, дыхание, которое я пытаюсь задержать. Удовлетворенно кивает, расцепив переплетение пальцев, в небрежном жесте расслабленного хозяина положения слегка задевает ими правую бровь, вместе с благосклонно-понимающей и, вашу мать, довольной улыбкой.

Я молчу. Униженно лепетать «не знаю» не хочется, да и просто нет сил. Неотрывно слежу за плавным росчерком его длинных пальцев по лбу с внезапно ярким бликом золотого Анубиса на печатке.

— Ты же понимаешь, что мы неминуемо будем двигаться вперед, с каждым разом все дальше и сильнее? Ты отдаешь себе отчет в том, что все, что происходит, имеет весьма отдаленную параллель с принятыми в обществе стандартами? Ты понимаешь, что тебе придется добровольно рано или поздно принять всю мою власть без остатка... Заполнить себя ею! Буквально запустить себе под кожу, потому что я намереваюсь сделать то же самое?

Намеренная, провальная попытка меня успокоить? О нет, сегодня это вовсе не входит в его планы. Моя беззащитность стала его «Святым Граалем» в этот вечер. Выбивающая хрипотца уверенного голоса прошивает меня теплой волной.

— Понимаю, — хватаюсь за чашку с кофе в стремлении чем-то занять свои руки, чудом не обжигая язык и небо судорожным глотком. Сегодня наш разговор-прелюдия оскорбительно краток. Быстрый экскурс хладнокровного инструктора, не более.

— Стоп-слова помнишь? — в голосе нет прежней ласки, а светлый оттенок глубоко проникающих глаз уже прочерчен темными жилками усиливающегося малахита, губы сжимаются в тонкую линию застывшей маски настоящего доминанта. Я могу только быстро кивать. — Отлично. Если тебя напрягает их резкость, ты можешь просто просить, не разрывая сцены. И поверь, я умею слышать, когда категорическое «нет», а когда — «нет, не останавливайтесь». Ты готова?

Попробовала бы я ответить «нет»... прежде всего, самой себе! Я не протестую не потому, что боюсь его и последствий своего отказа, нет — чувство безопасности, слитое с тревогой в одно целое, согревает изнутри, посмеиваясь над выбивающей дрожью. Я еще довольно неискушенная в подобных играх, чтобы это осознавать. Поспешно киваю.

— Допивай свой кофе... Да не торопись так, у нас достаточно времени! Согревайся, иди в свою комнату, сделай, что необходимо. Сколько времени тебе понадобится, чтобы быть готовой?

Пытаюсь произвести в уме математические расчеты, цепляясь за возможность отвлечься от тревоги, но мысли путаются.

— Да, отныне, в этот раз и во все последующие я сам буду рассчитывать твоё время. Хочу, чтобы ты была морально готова. Остальные правила обсудим в комнате. Полчаса, думаю, достаточно?

Я деактивирована сталью хладнокровия его голоса до такой степени, что не решаюсь посмотреть в глаза. Допиваю почти залпом немного остывший кофе, ловко вскочив с софы на ноги. Мне сейчас настолько хочется одного — скрыться в защитных стенах той самой комнатки, где я с прошлого раза оставила свои вещи, что даже не оборачиваюсь назад.

— Стоять. — В его голосе нет угрозы, но я ужалена льдом бескомпромиссной власти. — Ты спросила разрешения?

Твою ж мать. Поворачиваюсь, готовая провалиться сквозь землю от страха и унижения. В его взгляде нет намека на оттенок жалости к моей участвовавшей аритмии, с замиранием сердца понимаю, что вижу его именно таким, как в тот первый раз, когда испугалась до

щмящего желания упасть в поиске защиты к ногам более сильного хищника.

— Пожалуйста Разрешите Мне Уйти, — скороговорки удаются нам в самые непредвиденные моменты, занятая ирония судьбы. Вздрагиваю, когда он делает шаг вперед, но чудом умудряюсь не отпрянуть и не закричать, когда сухие губы касаются моего лба поверхностным поцелуем покровителя, а ладони несильно сжимают плечи в успокаивающей ласке.

— Вот теперь можешь идти. Я жду тебя там же, где и в прошлый раз.

Мне нужна была эта передышка, чтобы хоть немного успокоиться и взять себя в руки. И даже показалось, что все получилось, когда я, свежая после расслабляющего душа, нанесла легкие росчерки мерцающей пудры на изгибы тела, запахнулась в черный кружевной пеньюар до середины бедра, завязав контрастный белоснежный пояс соблазнительным бантиком. Выглядела самым изысканным подарком, уверовавшая в исключительную власть женских чар ослепляющей юности и сексапильности, когда уверенно открыла дверь в ту самую комнату, где у нас все произошло впервые.

Почти классическая картина заставила меня улыбнуться. Слабый полумрак люминесцентного скрытого освещения незаметен на фоне десятка горящих высоких белых свечей по периметру комнаты. Потрясающий мужчина в неизменном строгом костюме в кресле, разве что бокал коньяка заменил стакан воды — о его правилах относительно алкоголя перед сессиями я не забыла. Я грациозно поклонилась, представив, как трогательно и соблазнительно это будет выглядеть со стороны, и даже не смутилась от холодного спокойствия его изумительного тембра.

— Подойди. Что на тебе?

— Lise Charmel, — бездумно выпалила я, послушно остановившись в паре шагов от кресла. Мне показалось, или я уловила раздраженно-усталый вздох? Его рука потянулась к белому поясу и резковато дернула, развязывая белоснежный бант.

— Я спросил, что на тебе! — царапающий металл подчиняющей интонации пролетел острозаточенным кинжалом в паре миллиметров от дезориентированной Юли Беспаловой, которая, кажется, потеряла дар речи.

— Я не желаю видеть на тебе никакой одежды, саба! Избавься от нее. Сейчас же!

Жар незаслуженной обиды-недоумения гасит мою дрожащую улыбку, царапнув горло тисками слабого недовольства без права что-либо изменить. Сессия негласно началась, как только я переступила порог этой комнаты, и, сама того не подозревая, я совершила ошибку в самом ее начале. Распускаю пояс дрожащими руками и произвольно, в немой надежде, бросаю на Алекса умоляющий взгляд. Наши отношения еще на начальном этапе, неужели я не заслужила каких-либо поблажек... Хотя бы его рук на кружевах пеньюара, которые медленно или же резко, рывком стянут его вниз? Разве раздевать партнершу не часть самой захватывающей и эротичной прелюдии?

Я едва не всхлипываю, зафиксировав непримиримый прищур его потемневших глаз. Мне хочется отступить в тень, слиться со стенами, раствориться в романтическом полумраке плацдарма моего унижения, потому как сейчас не имеет смысла ждать помощи или сочувствия от непреклонного хозяина. Понимание? О да, это можно увидеть даже за непроницаемой маской хладнокровного доминанта, но сегодня никто не будет меня жалеть в таких вот основных требованиях. Медленно стягиваю с плеч черное кружевное великолепие, и все-таки дергаюсь всем телом, хотя Александр не повысил голоса ни на йоту.

— Я не собираюсь ждать до рассвета! На колени!

Не оправдавшее надежды оружие соблазна оседает облаком тьмы у моих ног, я инстинктивно пытаюсь прикрыть грудь руками, но его взгляд останавливает меня от этого шага сверкающим лезвием безжалостного давления. Колени легко продавливают мягкую поверхность широкой диванной подушки, а я сильно напугана и дезориентирована, чтобы отметить, впервые в жизни, отсутствие тянущей боли в суставах. Взгляд поднимать не рискую, я боюсь того, что могу увидеть в его глазах. В столь уязвимом раздразне меня можно убить малейшим ментальным посылом.

— Колени шире! Хватит зажиматься!

Режущие пощечины сухих бескомпромиссных приказов хлещут наотмашь ранимое сознание, пока тело, повинувшись ауре чужой властной харизмы, реагирует немедленным исполнением. Уязвимая открытость пугает и согревает одновременно, но я не могу ее распробовать под привкусом настоящего будоражащего страха.

— Теперь поговорим, — я не поднимаю глаз, но чувствую, что он удовлетворенно кивает. — У меня существует несколько правил, обязательных к исполнению. Первое, которое не подлежит обсуждению. Каждый раз, когда ты оказываешься на моей территории, — он замолкает, а мои плечи рефлекторно содрогаются от психологически просчитанной паузы, — раздеваешься до последней нитки. Встречаешь меня голая. Я не хочу больше видеть никаких препятствий в виде одежды, которые отнимают у нас время.

Мне понадобилось куда больше времени, чем осознать сталь выбивающих слов, пропустить их через каждую клетку натянутой нервной системы, залиться краской смущения и натурального отчаяния, которое совсем не аукнулось последующей сладкой дрожью.

— Правило второе. Запомни эту позу, она основная. Я готов дать тебе поблажку, пока твои колени не придут в норму. Если это вызывает сильный дискомфорт, ты мне говоришь и не играешь в великомученицу. Это понятно?

Я все еще придавлена правилом номер один. Незаметно, как мне кажется, качаю головой в немом протесте. Я не хочу, что за на фиг? Все это у меня уже было, я только начала верить, что закончилось, как страшный сон! Он не замечает моего состояния, продолжая припечатывать штампом не подлежащих обжалованию приказов.

— Мне понравилось, как из твоих губ звучит обращение «Хозяин». Как будто вся твоя воля передается мне в одном прочувствованном обращении. Я хочу слышать его постоянно. И учитывая, при каких обстоятельствах ты его так чувственно произнесла, — снова бьющая по ошарашенному сознанию пауза, — я требую, чтобы ты всегда получала мое разрешение на право испытать оргазм, я буду реагировать на него исключительно по своему усмотрению. Кроме того, ты будешь меня благодарить за это сразу по завершении!

Это был контрольный, думаю я, не сумев удержать нервного смеха, но, к счастью, подобная вольность остается без внимания. Захлестывающая боль неприятия и унижения придавливает плечи еще ниже к полу, трансформируясь в одну простую как мир формулу: «Я не смогу!». Это слишком для меня. И кажется, я предельно близка к стоп-слову.

— Вопросы? — скучающий тон бескомпромиссного повелителя моей личной преисподней лишен какого-либо намека на нежность и понимание. Зажмуриваю глаза, ощутив накат подступающих слез. Перестаньте. Вашу мать. Избавьте меня от этого! Если я произнесу первое кодовое слово, это закончится?

Но я его не произношу. Я вообще, кажется, плохо понимаю, что у меня такое есть.

— Голая... я не смогу, наверное. — Беспалова, хватит лепетать невесть что! Одно твое слово, и все закончится, продолжите разговор как нормальные белые люди, причем оба! Но

наверное, мою гордость не взорвать никаким ядерным арсеналом. Вот парадокс, униженно щебетать она мне позволяет, а произнести стоп-слово — нет! — Все время... Даже за столом... и...

— На моей территории, я, кажется, ясно выразился.

Улавливаю легкий оттенок ожидания. Но у меня больше нет слов. Вздрагиваю от звона цепи все еще без оттенка возбуждения и предвкушения, забытый страх вырвался на свободу, затопив сухие берега недавней уверенности в незыблемости бархатного Д/с. Команды не следует, и я шиплю от неожиданности, когда его пальцы сжимают мое запястье. Широко раскрытыми глазами наблюдаю, как кисть опоясывает кожаная полоса с неширокими кольцами. Кажется, я понимаю, зачем это... или... почти понимаю?

— Не бойся! — манипуляция с крупной цепью, знакомый щелчок карабина. — Я оставлю достаточно длины, чтобы ты могла их быстро разжать, если будет страшно! Но все равно, говоришь мне, если что-то не так! Ты меня поняла?

Меня не испугала эта мягкая версия оков, я была все еще убита, раздавлена, практически сломлена предыдущими требованиями. Кричала, почти вопила, истекая слезами унижения на ментальном уровне, пытаюсь пробить ледяной панцирь внезапного глобального похолодания этим эмоциональным всплеском... Но наверное проще достучаться было до Димы в его не самый благодухный период, чем до Александра сейчас.

— Вытяни руки. Лицом в пол.

Почему я не произнесла больше ни слова, продолжая дрожать от страха и униженно-обреченного отката, беспрекословно выполняя это требование? Щека коснулась холодного паркета, снимая нагрузку с занывшей поясницы, уже закрывая глаза, я ощутила, как в окружающем освещении что-то неумолимо изменилось.

Его шаги, шелест одежды и размеренное дыхание резало натянутые нервы томительным тревожным ожиданием, но я умудрилась не вскочить и не задрожать, когда теплая ладонь надавила на шею, заскользив по выступающим пикам позвонков ласковым движением. На контрасте с недавней психологической ломкой такая ласка могла запросто выбить поток обильных слез, я сдержалась чудом, не препятствуя и не мешая нежному исследованию моего обнаженного тела, смеживая веки до боли в висках в неосознанной попытке спрятаться и закрыться.

Ощущение было... странным. Резкое покалывание точечным замкнутым периметром, похожее на укус и искру бенгальского огня одновременно. Не успела я опомниться или сообразить, что же именно это было, как три вспышки обжигающей мимолетной точечной боли прошли лопатки разрядом пока еще непонятной этиологии. Я попыталась повернуть голову, отметив игру беснующейся тени на полу, и тут же зашипела от новых укусов невидимой шрапнели по абрису выступающих ребер. Боль, которая показалась даже... непривычно-азартной, была недостаточной для того, чтобы я не пошла на поводу у своего любопытства.

Свеча! Вашу мать, расплавленный белый воск! Горячий водопад обжигающих капель, с выверенным до миллисекунды промежутком — перед тем, как обрушиться дождем на мою кожу! Я должна заорать и забиться, наверное, но вместо этого с открытым ртом слежу за широкой белой (явно не хозяйственной!) свечой в его ладони. Пламя превратило ее силуэт в подобие воздушного фонарика, она слегка наклоняется в сторону, подчинившись нажиму пальцев Алекса, и я непроизвольно вскрикиваю от очередных укусов по коже. Мерцание живого огня согревает через эти далеко не ласковые прикосновения, но все настолько

непривычно, что шиплю в стиснутые зубы, хотя назвать эту боль неприятной... невозможно! Упираюсь в изгиб локтя лбом, интуитивно понимая, что следует сосредоточиться на этом ощущении, впитать его кожей, прочувствовать до последнего натянутого нерва, пропуская через все сенсорные баррикады, прямо в кровь, до самого сердца... И это даже не сложно. Последующие капли падают, стягивая мою кожу застывающими лужицами, а я не понимаю, почему утихла резкая болезненная отдача — от более высокого положения свечи или от того, что размеренный монотонный промежуток убаюкивает своей цикличностью. Не проходит и пяти минут, как от болевого впрыска под кожу застывающими стяжками восковых капелек по всему телу бегут искры живого огня приливающей энергии, горячих ласковых лучиков которой хватает, чтобы распространиться по телу, зажигая пламенем удовольствия каждый нерв, капилляр и клеточную мембрану! Расслабленное сознание совсем некстати ловит ассоциацию с «лайками» и «смайликами», и я не замечаю, как улыбаюсь в холодный паркет, уже испытывая дискомфорт не от жалящих капель, а от секундного промедления между их падением! Трансцендентное парение прогнало мой страх и униженную плаксивость, я позволяю этой ласкающей эйфории нести себя по течению кристальной воды новых ощущений, даже не напрягаясь и не сопротивляясь, когда сильные мужские руки бережно перевернули меня на спину, разместив скованные запястья над головой. Фактурная тень с единственным светлым пятном бирюзовой рубашки за отсветом слепящего пламени наклоняется надо мной, цепляюсь взглядом за силуэт длинных пальцев перед глазами, как за самую интересную панораму кисти неизвестного художника.

В следующий момент грудь вспыхнула сладким обжигающим пламенем, и я застонала в его губы, скользнувшие неуловимым росчерком по моим скулам. Мерцающее пламя продолжало неистово плясать в его недрогнувшей ладони, обжигая ошеломительным жаром обнаженную плоть моего напрягшегося живота, спускаясь к лобку. Здесь жар стал нестерпимее, острее, и я протестующее всхлипнула, дернув скованные руки над головой.

— Тише, моя маленькая! — пламя свечи колыхнулось в последний раз, ужалив открытые половые губки простреливающей болью восковой капли перед тем, как погаснуть под легким дуновением его губ. Поцелуй свечи застывали на коже, щекоча ее невидимыми стежками, пока я отчаянно пыталась прийти в себя, воссоединив почти потерянную связь с реальностью.

Ноги едва держали, когда Александр осторожно помог мне подняться. Его ладони уверенно нажимали на мои ключицы, позвонки и плоскую впадину живота, счищая восковые капли на пол под моим все еще изумленным взглядом. Уже не было никаких сил удивляться тому, что страх исчез, растаял под жаром пылающей свечи, и я посильнее прижалась к плечу мужчины, когда он подхватил меня на руки. И то, что я обнажена и покорна до невозможности, как и его извращенные правила, перестали иметь какое-либо значение. Я все еще плавала в отголосках ошеломительного ощущения, прелюдии к сабспейсу, который не успел затянуть в пылающие тиски космической бездны, поэтому даже не удивилась, когда оказалась в его комнате, и он опустил меня на постель. Внимательно смотрела, как Алекс медленно избавился от рубашки, потянувшись к ремню брюк, наблюдая за процессом раздевания с релаксирующим интересом. Если бы не прелюдия с воском, я бы сейчас, скорее всего, дрожала и забивалась в угол кровати. Тревога все-таки попыталась напомнить о себе, когда я ощутила всеми мышцами и пылающей кожей вес обнаженного мужского тела на своем, но он был предельно осторожен — минимум давления, лишь слабый оттиск рельефа роскошного пресса на моем животике. Теплые ладони накрыли мои скулы автографом

благодарной ласки за то, что я была так великолепна и отзывчива во время одной из вкуснейших БДСМ-практик, — мне не нужно было никаких слов, чтобы понять этот язык жестов.

— Моя девочка такая влажная и горячая! — пальцы беспрепятственно скользнули в вагину, моментально определив сверхчувствительную эрогенную зону внутри, прогладив сжатые стеночки опытной, умелой лаской. Я сдалась на милость своему завоевателю. Окончательно и бесповоротно. Головка перевозбужденного члена так же решительно, бескомпромиссно, без права на милосердие скользнула по разбухшей от прилива крови вульве, исторгнув из моего горла счастливое хныканье. — Ты готова принять своего Хозяина полностью... на всю длину... Сжать своими восхитительными тугими тисками, пока не начнешь сходить с ума от яркого оргазма...

Боже, что он со мной творил в этот момент в полумраке обширной, изысканной холостяцкой спальни? Прожигал мою кровь лазером своего нового логотипа, эксклюзивного бренда, вскипятив кровь афродизиакром сладчайшего безумия всего лишь несколькими словами? Я восторженно охнула, когда член без предупреждения проник в мою истекающую киску одним быстрым ударом, остановившись на миг, давая привыкнуть, растягивая изнутри сладким вторжением. Волна ошеломительного прилива оплела тело дрожью восторга от необычного ощущения, я почти ощутила, как открылась ему навстречу всем своим изголодавшимся существом покоренной альфа-самки в руках абсолютного лидера и живого, близкого сейчас божества. Всхлипнула, ощутив, как он практически вышел из меня — лишь затем, чтобы с последующими толчками снова вонзиться на всю длину серией быстрых ударов. Каждый толчок заставлял меня стонать, извиваясь в тисках его рук, казалось, этой сладкой пытке не будет конца. Боли от резкого вторжения не было и в помине, я сама изумилась тому, как легко приняла его полностью, словно тело покорилося обволакивающему приказу произнесенных слов.

Давно забытые ощущения разжигали извержения тысячи вулканов на моей коже, в каждой подрагивающей артерии, в эпицентре самого сердца, заставляя бедра неистово толкаться навстречу подчиняющей первобытной власти этого мужчины. Каждый далеко не нежный, но такой сладкий толчок внутри суженой от возбуждения вагины сейчас словно выжигал внутри графическую готику клейма принадлежности ему одному, стирая к черту невразумительные граффити прошлого. Откат слепящей, чистой энергии цвета морской воды статическими искрами по тоннелю моей сущности, пронзая тело, навстречу свету и освобождению. Мои пальцы впились в соединительную цепь оков, и это безумие, но чем крепче они держали, впиваясь кожей манжет в незащитные запястья, тем более свободной и окрыленной я себя чувствовала!

Тугие нити приближающегося оргазма оплели стеночки жаждущего влагилица исступленно-сладким давлением, вызвав неконтролируемую пульсацию внутри... отдачей сумасшедшего желания-возбуждения прямо в мозг, превращая изоощренненькие игры слившихся интеллектов в арену действий без правил под негласным покровительством Эроса. Я едва не заплакала под его пристальным взглядом бескомпромиссного хозяина, когда он остановился в полушаге от того, чтобы вознести меня к небесам на волнах взрыва личной сверхновой.

— Ты моя? — Я едва внутренне не взвыла от этой извращенной паузы-наказания, умоляюще распахнув налившиеся слезами глаза навстречу темно-зеленому от страсти омуту двух глубоких озер. Даже лишившись защитного костюма-маски, совершенно обнаженный, он держал в своем кулаке мою волю, свободу и откликнувшуюся на сладкий тоталитаризм

обладания сущность. Единое замкнутое биополе, наш новый мир, наши переплетенные эмоции и чувства достигли своего абсолюта настолько, что я понимала сейчас со всей отчетливостью: он нуждается в этом еще сильнее, чем я в подчинении и сбросе ответственности, и мой отказ сейчас причинит ему боль.

— Ваша, — выдохнула в изгиб плотно сжатых губ повелителя моего желания, тела и души, зажмурившись от переполнивших чувств. Толчок перевозбужденного члена на полную глубину медленным, искусным закреплением своей безоговорочной победы вновь заполнил сознание искрами бушующего восторга.

— Не смей закрывать глаза и уходить в себя, никогда больше! Теперь ты полностью... Окончательно моя!

Теряю контроль, толкаясь вперед, принимая все жаждущим поглощения телом и немым криком покорившегося сознания. Толчки окончательного подчинения, завершающего пика обладания разрывают стеночки вагины сладчайшей дрожью, тисками наверняка болезненного сжатия перед тем, как взорваться...

Я не могу, у меня не поворачивается язык назвать это оргазмом! Это выстрелы на поражение разрядами Эйфории с самой большой буквы, сжатие необъятного космоса перед рождением Вселенной, это гребаная теория Большого взрыва! Мой крик гаснет в его губах, когда новая волна... вашу мать, еще одного оргазма обволакивает напряженный член моего мужчины изнутри усилившимися тисками! Тело пронзает мощная судорога, пока гаснет свет перед моими глазами приливом крови к напряженной сетчатке, с последними затихающими нотами ошеломительного потрясения. Я не соображаю и не осознаю, что слышу такой же точно крик, как и мой собственный... нет. Это, скорее, хриплое рычание удовлетворенного хищника! Сверхчувствительная кожа транслирует в мышцы пресса разряд сладкого тока от щекочущих струек эякулята, когда Алекс, остановившись в самый ответственный момент, кончает мне на живот. Несколько терпко-горьких капель все же долетают до моих губ, и я жадно слизываю их подрагивающим языком, ничего не соображая и не задумываясь о том, что же именно делаю.

Тепло его щеки на моей согревает, расслабляя, успокаивая... От моих ненормальных конвульсий во время оргазма кожаный браслет соскользнул с правого запястья, минуя узкую ладонь, и я, пользуясь правом этой свободы, поддаюсь бесконтрольному порыву, чтобы запустить ладонь в его волосы с тонкими нитями жемчужной седины на висках, пройтись мягким, нежным поглаживанием, успокаивая, выравнивая его хриплое дыхание, стремясь передать весь заблокированный потенциал щемящей ласки через это прикосновение. Кто сказал, что рабыня не имеет права делать это для своего Хозяина? Я буду продолжать, даже если меня за это сейчас же высекут ремнем или каким-нибудь кнутом — киньте в меня камень, если вам это не нужно сейчас!

Спустя несколько минут захват его сильных рук поднимает меня на ноги, перед тем как прижать к себе, расстегнув крепления оставшейся манжеты. Счастье переполняет меня, топит в своих прибрежных ласковых волнах, хочется замурлыкать, подобно сытой породистой кошечке и, когда мои ноги касаются дна душевой кабины, упираюсь ладонями в стену, выпятив назад попку, не желая терять отпечаток его тела на своем ни на минуту.

— Ты нарушила правила, дерзкая саба.

О чем он? Пытаюсь повернуться, но хватка на затылке удерживает посильнее воображаемого ошейника.

— Ты не получила разрешения на оргазм и, кроме того, забыла меня поблагодарить!

До меня не сразу доходят его слова. А когда доходят, сжимаюсь от какой-то непонятной обиды и несправедливости. Не поблагодарила? Как вы могли не расслышать, не прочувствовать всю глубину моей благодарности в прикосновении, эликсире затопившей нежности, биении сердца, — причем тут сухие шаблонные слова?

Только что я летала так высоко, обнимая теплые звезды, а сейчас мне просто больно. Струи теплого душа обрушиваются сверху, смывая две одинокие слезинки, покотившиеся по моим щекам.

— Я буду наказана? — голос дрожит. Он не отвечает. Долгие, мучительно долгие секунды пугающего ожидания вердикта, перед тем как изумленно охаю, ощутив, как головка твердого члена вновь прижимается к моему тесному входу, дразнящим движением поглаживая расслабленную вульву, которой не хватало этого прикосновения, чтобы вновь набухнуть приливом желания близости. Страсть нокаутирует недавнюю обиду и легкий испуг, привычно заполняя кровь своим алым мерцанием.

— Мне бы следовало это сделать... Только, боюсь, желание брать тебя и иметь до изнеможения делает наказание отстроченным во времени, моя горячая, ненасытная саба!

Физически ощущаю, как затрепетали стеночки вагины, выбросив гейзеры сока ответного желания. Кажется, я люблю его в этот момент, почти люблю и больше не замечаю ничего вокруг, раскрываясь лепестками возбужденной киски, вбирая в себя головку эрегированного члена, не делая никаких резких движений, потому что есть одно лишь беспрекословное право брать меня и трахать — его!..

Где-то очень глубоко, на задворках моей души, придавленная, почти расплющенная прессом новых ошеломительных ощущений и зарождающегося чувства, беснуется Тьма. У нее глаза цвета черного эспрессо, у нее несовместимые с жизнью сквозные ранения, но она, сука, все равно рвется к жизни, рыщет в потемках, наблюдая издали за плавающими огнями северного сияния, которые не может достать рукой. Она потерялась между мраком и надеждой на свет, ей никогда не вернуться больше в прежний мир, хотя да, она пытается. А я слишком счастлива, чтобы заколотить ржавые гвозди в купол ее саркофага. А может, дело совсем в ином.

Может, все это больше не имеет абсолютно никакого значения!

Она грубая. Шершавая и неудобная. При одном ее виде воображение выписывает штрихи пугающих ассоциаций с кровоточащими ссадинами и пережатыми до онемения конечностями. Единственное, что хоть как-то смягчает отталкивающее впечатление — ее красный цвет, который неожиданно приятен глазу.

Она не обещает немедленной боли, как от ремня или же от стека. Такую Эля запечатлела на той самой фотосессии с подвешенной моделью? Непроизвольно дергаю плечами. К подвесам я точно не готова, выкрикну стоп-слово так громко, что разлетятся все птицы в окрестностях его загородного владения. Откуда такая умиротворенная абсолютная уверенность, что оно мне сегодня не понадобится?

— Ты готова? — приглушенный тембр с греховно-соблазнительными оттенками накрывающей власти запускает уже знакомые спирали живого пламени по сплетениям нервов и эмоций. Они проникают в каждую клетку, не оставив шанса контрлагерям обреченной на провал капитуляции, смягчая свою агрессию выстрелами алой эйфории в распускающиеся крылья. Они будут трепетать даже в объятиях грубой дратвы, умножая ощущения, раскрывая, заполняя кровь безграничным доверием к этому мужчине, который в данный момент держит в своих руках мой перевернутый мир, исцеляя его своими прикосновениями.

И кто сказал, что методы исцеления всегда безболезненны и соответствуют исключительно твоим желаниям? Ты поймешь это позже, может, уже совсем скоро, пока же еще доверие борется с осторожностью и робким страхом нового погружения.

С ним я избегаю произносить какие-либо слова, делаю это, когда требуется немедленный ответ, где не прокатит язык жестов. Сейчас же мне достаточно просто кивнуть. В плену его спасительной тьмы я готова на многое, движимая одним желанием — познать эти грани, вскрыть их, выпустив собственных внутренних демонов на свободу.

Звуки от уверенных шагов по паркету — он никогда не торопится. Колени отзываются мимолетной болью на его приближение, женская сущность все еще протестует, сопротивляется захватчику, хотя уже заведомо готова сдаться и расслабиться. Просто так положено. В движении и сопротивлении, отчасти, жизнь. Двигатель. До тех самых пор, пока ты непустишь в нее кого-то иного — и тогда вашей объединившейся энергии хватит даже для того, чтобы завоевать мир. Надо так мало: просто принять его власть и остаться той, кем ты всегда хотела быть — маленькой, бессовестной и ранимой птичкой под крылом его защитного поля, лишенная какой-либо ответственности за свои поступки. Выбирала не ты, ты сделала все, что могла. И поэтому за капитуляцию никто не осудит. Тонкие игры разума и психологии не исследованы и не поняты до конца, но именно они раскрыли твои крылья. И совсем скоро они не будут мерцать алыми отблесками. Нет, совсем скоро они будут сиять алым свечением вне зависимости от времени суток.

Его дыхание на моей шее в унисон с прикосновением грубой веревки к талии, до рефлекторного сжатия мышц пресса и легкого напуганного всхлипа. Я бы рада избавиться от подобной реакции, ощущая, как внутренне сжимается он сам, легкий намек на расстройство и сожаление, которое моментально скрывает стальная маска настоящего доминанта. Это и не маска вовсе, я уже успела в этом убедиться. Как эти две сущности уживаются в таком потрясающем человеке, не конфликтуя между собой а, наоборот, дополняя друг друга?

По тактильному ощущению бондажная веревка не такая грубая, как могло показаться визуально. Ее прикосновение скорее ласковое, чуть придавливающее, согревающее, в отличие от цепей. Еще один виток ложится на линию выступающего рельефа нижних ребер, чувствую кожей, как затягивается фигурный узел за моей спиной. Щелчок — предположительно, ножниц — и очередная петля стягивается под грудью, завершая свою миссию быстрым узелком по пику позвонка.

Он не произносит ни слова. Молчу и я, слова сейчас абсолютно не нужны. Уже привычный виток ложится поверх груди, достаточно высоко, чтобы не передавить молочную железу, новый узелок более резкий и ощутимый. И все равно, несмотря на это, по телу бегут реки пока еще не разогретой до максимума лавы, увлажняя изнутри всплеском ненасытного желания от его близости и пальцев, которые едва задевают кожу теплыми росчерками.

В шибари есть что-то от магии. В вымеренном течении секунд, в зависших временных петлях пауз перед новым витком, в закреплении заклинания быстрыми узлами, ловцами чувств. Узор веревочных отрезков расцветает рунами в сознании, они уже начали свое действие, запустив самую древнюю программу отношений мужчины и женщины (они увидели свет в те времена, когда подчинение своему мужчине бежало в крови каждой девушки). Ловлю себя на мысли, что ни разу не вздрогнула, хотя затянувшиеся узелки сложно назвать нежными. Покорно опускаю голову, подчиняясь нажиму ладони Алекса, жмурюсь от тепла пальцев, скользнувших вниз по позвоночнику в суховатой благосклонной ласке заботливого и непримиримого Хозяина, повелителя своей нежной рабыни и ее воли. Так кратковременно, что непроизвольно сжимаю губы от внутреннего несогласия с очередной остановкой.

Секунды кажутся вечностью, прежде чем он обходит меня со спины и опускается рядом на одно колено. Неизменный синий костюм в тонкий рубчик, чуть ослабленный узел галстука, непроницаемое выражение еще не окончательно потемневших глаз. Внутренне подаюсь навстречу его ладони, огладившей скулу и задевшую чувствительные рецепторы верхней губы.

— Опустит глаза в пол. Или ты забыла, что я тебе запретил?

— Простите, Хозяин, — протокольный этикет произносится легко, естественно, подобно вдоху и выдоху. Мне не страшно, я заинтригована и расслаблена, поэтому беспрепятственно позволяю свести собственные ладони вместе и покорно опускаю взгляд в пол. Линии паркета плывут перед глазами, мое единственное спасение — в попытке ускорить застывшее время.

Петля стягивает запястья — вроде бы туго, но это не вызывает дискомфорта. Кажется, от веревки веерной раздачей расходятся невидимые лучи желания и предвкушения... хотя готова поклясться, что всему виной его сильные пальцы. Они со вчерашней ночи лишили меня прежнего покоя. Хочется вобрать их губами на полную длину, приласкать языком, задержавшись на сгибе фаланги, скользнув по отполированной глади ухоженных ногтей с легким озорным прикусом кутикулы. Но, согласившись быть с ним, я согласилась и на его правила, которые больше не подлежат обсуждению. Глаза в пол — по умолчанию, недопустимость каких-либо вольностей, и, как бы сильно не колотило желание наблюдать за техникой обвязки моих кистей, мне приходится изучать рельеф паркета.

Узлы намеренно затягиваются грубыми рывками, но, поскольку не причиняют боли, это не имеет никакого значения. Опускаю связанные руки на сомкнутые колени, оставшись снова одна, мучиться ожиданием предстоящего... не от страха или волнения, а лишь оттого,

что паузы воруют у меня его присутствие!

— Руки выше! — подчиняюсь властному голосу, не без удовольствия отметив, что натяжение веревки стало ощущаться по-иному. Узлы накрыли позвонки, и это ненавязчивое трение-давление отдалось пульсацией в подрагивающей вагине. Сложенный вдвое отрез гибкого девайса для фиксации захватывает петлей мои связанные запястья, чтобы разделить на ключицах на два независимых отрезка. Боковым зрением отмечаю, что она очень длинная.

Горячая волна накрывает снова, когда его пальцы прикасаются к коже, вплетая новую веревку в опоясывающие тело петли, формируя два новых узелка рядом с существующими. Я заморожена этим действием настолько, что непроизвольно прикусываю губы, теряя прикосновения. Соблазн повернуть голову, чтобы увидеть, чем он занят за моей спиной, велик, но от попытки пошевелиться... я не могу в это поверить, но впившиеся в тело путы сотрясают приливом бешеного возбуждения! Оно рассыпается бриллиантовыми искрами по сплетениям мышц, усиленное новым росчерком его пальцев ниже спины, которые скользят к межъягодичной впадинке, чтобы тут же перекрыть уязвимую промежность натянутым давлением веревки.

— Привстань на коленях и раздвинь ноги, сейчас же!

Сразу столько раздражающих, возбуждающих факторов! Грубоватая ласка веревки, тепло его сильных пальцев и звенящая власть хриплого от ответного возбуждения тембра! Мужское желание окутывает своим защитным биополем, заставляя приоткрыть ротик в попытке поймать глоток кислорода и унять шум в ушах от подскочившего вследствие возбуждения давления. Я не замечаю холодного металлического прикосновения к перевозбужденным пылающим губкам до тех пор, пока настойчивое нажатие, скольжение по обильной смазке моей истекающей желанием киски не прогоняет беспечный полет по волнам эйфории.

— Что это? Я...

— Не дергайся! — его шепот обжигает мое ушко. — Расслабь мышцы, тебе нечего бояться!

Сейчас это меня не убеждает, я инстинктивно сжимаюсь, не желая вторжения чужеродного предмета внутрь. Кажется, протестующее всхлипываю, не замечая, как губы Александра нежно прикасаются к моему затылку в успокаивающей ласке.

— Тише, моя смелая девочка... Больно не будет... Доверься мне, и ты получишь взамен гораздо больше! — Сильные ладони скользят по напряженным плечам, забирая страх, задевая крылья и расцветивая их привычным алым огнем доверия, уверенности и сладчайшей неги.

— Что это... — захват пальцев поверх яремной венки с ненавязчивым наклоном назад, поцелуй в уголки губ с транзитом успокаивающего эликсира.

— Путь к твоему раю. Никакой боли... Сегодня только удовольствие. Твое!

Время снова зависает, выравнивая своим хладнокровным нейтралитетом биение напуганного сердечка, позволяя окончательно успокоиться в сильных ладонях своего мужчины. Сладкая пульсация в области давления узелков возвращается, вытесняя незадержавшийся психологический холод, прежде чем решительно киваю, готовая продлить сладкую пытку желанием. Непроизвольно закусываю губы, преодолевая секундный дискомфорт холода стального прикосновения бондажных стрингов (их название я узнаю позже), ощущая каждой клеточкой дрогнувшей вагины неумолимое вторжение стального

шарика. Только сейчас могу оценить искусно замаскированные запреты Александра «не смотреть» и «не шевелиться» (любопытство всегда было для меня одним из сильных пороков), не остается ничего другого, кроме как залпом, до дна, пить эти необычные ощущения, прочувствовав, как чужеродный металл быстро впитывает тепло моего тела, заменяя дискомфорт теплом возбуждающей наполненности.

Не успеваю привыкнуть и раскрутить по нарастающей первые витки спирали чувственного удовольствия, как ткань веревки грубовато врезается в промежность, прямо поверх нежнейших складочек, накрыв клитор стягивающим вакуумом и протолкнув цилиндрический штырь телескопического девайса еще глубже посредством сильного натяжения.

— Закрой глаза! — губы Алекса скользят поверх моих, успокаивая, снимая всхлип неожиданности и изумления. Пытаюсь поймать их, не в состоянии сопротивляться жажде немедленного поцелуя, и едва не всхлипываю снова, когда он отстраняется. Ничего не происходит просто так, его воспитательные методы иногда даже слишком безжалостны, вот как сейчас. Проблеск счастливого облегчения от росчерка пальцев по животу, но тут же понимаю, что это действие лишено подтекста намеренной ласки... или же оно должно таким казаться! Веревочка продавливает кожу, натягиваясь до режущей сладости по налившимся половым губкам и пульсирующему клитору, я с трудом удерживаюсь от искушения незаметно приоткрыть глаза, чтобы наблюдать за плетением узлов по центру опоясывающего тело веревочного обруча. Александр затягивает их резко, эффектными рывками, которые не причиняют боли, но режут нервы легким испугом от подобной внезапности. Там, где новорожденные узелки слегка впиваются в кожу, вспыхивают очаги приятного волнения, отдаваясь эхом в пальчиках ног и пульсирующей вокруг металла вагине. Когда завязан последний, четвертый, я с изумлением ощущаю, что мои бедра мокрые от собственных соков. Подушка, наверное, тоже. Нагретый металл внутри словно пульсирует в унисон с судорожными сокращениями перевозбужденного женского естества, посылая разряды сладкого предвкушения по всему телу. Глаза к этому времени застит красной пеленой плохо сдерживаемой страсти, желание отключает здравый рассудок — я готова кинуться ему в ноги, чтобы умолять продолжить, подвести к долгожданной разрядке, и плохо понимаю, как мой мужчина может оставаться таким невозмутимым и хладнокровным при виде обнаженной связанной девушки, которая готова извиваться на полу от ноющего желания? Меня даже не пугает мысль о том, что он может взять меня тем способом, после которого я едва не потеряла рассудок... Мне даже кажется, что в этот раз боль усилит удовольствие в тысячу раз!

Попытка поерзать, сбросить чары возбуждения отрезана более агрессивным давлением узлов с какой-то новой, совсем незнакомой инъекцией в нейроны напрямую еще более безумного желания в унисон со сбившимся дыханием. Открываю глаза, забыв про все приказы, пытаюсь поймать последнюю нить его взгляда, в поиске ответа на вопрос о том, почему мое тело так реагирует на простое узелковое плетение.

— Расслабься и отдайся этим ощущениям! — глубокий поцелуй с порхающим поглаживанием, усиливший сладкое томление в несколько раз, прежде чем губы обдает легким охлаждающим бризом потери присутствия моего мужчины. Непроизвольно веду кончикам языка по контуру, слизывая тающее прикосновение, испытав легкий укол обиды оттого, что меня бросили. У него свои игры, и в этом Алекс будет верен себе до конца. Затуманенным от бьющего в виски возбуждения взглядом наблюдаю, как он неторопливо,

словно забыв напрочь о моем присутствии, опускается в кресло. Картинный вариант с бокалом коньяка уже в который раз заменяет стакан воды. Не знаю, каким именно образом, но это действует на меня мощнейшим катализатором доверия к человеку, который даже в мелочах держит сессию под своим контролем.

— Чувствуешь, как они впиваются в твою кожу, распространяя по телу желание быть взятой... Отдаться мне без остатка? Как тебя затапливает лавиной приятного удовольствия, ты не можешь понять, в чем именно его сосредоточение?

Я не знаю, что именно в который раз уже прожигает мне кровь — давление веревки, полное расслабление... или его голос, наделенный способностью вскрывать вены без единого прикосновения? Яркая вспышка моментального восторга расплывается над впадинкой лобка, достав шрапнелью бесконтрольного вожделения даже изгибы скул. Непроизвольно свожу колени, застонав от натяжения веревки и движения шарика внутри себя. Каждая попытка сменить позу похожа на ветер, развевающий пламя возбуждения. Я не понимаю, решительно не понимаю, почему так происходит, откуда такой прилив сладкой, но беспощадной неги, если он ко мне даже не прикасается больше? Может, все дело в его уникальной способности трогать сердце одним своим глубоким, вдумчивым взглядом?

— На теле человека есть как болевые точки, так и зоны, отвечающее за сексуальное возбуждение посредством даже самой незначительной стимуляции. — Зачем, ну зачем сейчас читать мне лекцию спокойным тоном невозмутимого профессора? Я все равно не вспомню о ней спустя пять минут! — Правильное расположение узлов, как и их особая техника...

Меня выгибает внезапной судорогой обжигающей волны по разгоряченному телу. Пришедшие в движение узелки впиваются в очаги сосредоточения желания под внимательным, испытывающим взглядом Алекса. Мне не важно уже, что именно он говорит, сам тембр усиливает неумную пульсацию между сомкнутых ножек, которые я умудрилась свести, изгибаясь в своих путях.

— Закрой глаза и позволь им самим сделать свое дело! Просто закрывай глазки и дай этому ощущению заполнить тебя до самых краев...

В этот раз я не могу сдержать стоны. Кричу, кажется, в голос, ощутив пожар перевозбуждения во всем теле, далеко от мест прикосновения веревок. Стальной шарик внутри пульсирующей вагины, кажется, увеличивается в размере, растягивая самую чувствительную точку, приумножая ее уязвимую пульсацию в тысячи раз. Каждый укус впивающейся в кожу бондажной веревки царапает легкие росчерком развратного, обезумевшего предвкушения.

Мне ни к чему много времени. Надо просто закрыть глаза и послушаться своего хозяина, отдаваясь этим ощущениям, отставив привычку все контролировать и разбирать по составу. Мне не надо было пытаться угнаться за приближающимся бесконтактным оргазмом... мне надо было перестать это делать, чтобы он не заставил себя ждать!

В такие моменты исчезают границы. Я не замечаю глянцевого прохлады паркета, на который сползла в бешеном желании погасить жар пылающей кожи. Ничего больше не имеет значения, кроме сжатого внутреннего бутона, готового раскрыться в один резкий взрыв-хлопок. Стимуляция беспощадных узелков вытесняет бархат слов мужчины мелодичным перезвоном в ушах, бежит в венах вместо крови неудержимой горной рекой сжигающего удовольствия, сводя внутренние мышцы бедер в спираль вспомогательной судороги. Горизонт закрывает алое зарево приближающейся волны, которая ускоряет свое

наступление с каждой пролетевшей секундой, и впервые до одури хочется бежать ей навстречу — но узелки привычно держат, приближая извержения вулканов на моем теле. До тех самых пор, пока мир не замирает миллисекундой тишины на пороге... Именно Большого взрыва!

Он накрывает с головой, резко распуская стянутые в узлы перенапряженные мышцы с пульсирующей инъекцией отката набежавшей волны вместе с гортанным криком, расплавившим голосовые связки и способность осознавать происходящее. Эти фееричные сжатия наделены такой силой, что сдержать эмоции нет никакой возможности! Всхлипываю в перерывах между протяжными стонами-криками, захлебываясь в волнах приумноженной эйфории до последнего сжатия потрясающего оргазма... Не замечая ничего вокруг... Но и не удивляясь, ощутив хватку ладони на затылке.

Он больше не произносит ни слова. Просто поднимает за волосы с пола, грубовато и одновременно бережно — а может, на волне последних затихающих толчков я не замечаю боли. Открываю все еще затуманенные оргазмом глаза навстречу его взгляду, способному остановить время... Новая судорога малахитового окраса гасит пламя затрепетавших крыльев, пока я смотрю ему в глаза, и мне кажется, плету невидимую сеть-мост нашего ментального единения. Волна достигает копчика, расплываясь несколькими ручейками вниз, и тут... Новая судорога. Приливная волна, сжатие до потери фокусировки на глазах Алекса, с новым криком в его губы, изгибом в его руках, которые подхватили, не позволив упасть, чтобы плыть против течения второго, внезапно накрывшего оргазма вслед за не успевшим затихнуть первым!..

Я пришла в себя на диване, в кольце его горячих рук, которые превратили теплый плед в нефункциональный элемент. Кожа немного зудела там, где в нее врезались переплеты шибари от моей предоргазмической истерики, саднила в точке соприкосновения с узелками, но мне меньше всего сейчас хотелось разглядывать предполагаемые отметины. После такого сладкого потрясения сон грозился сморить сразу, и было трудно ему сопротивляться. Хотелось говорить, не замолкая, задавать вопросы, не скрывая восторга, но я просто отключилась в его объятиях, подумав о том, что бездарно теряю субботний вечер, поскольку завтра вечером придется снова расстаться до следующих выходных...

Сегодня был прекрасный день. Он начался с самого утра, когда я, выспавшаяся и еще слегка смущенная вчерашним марафоном, потянулась на белых шелковых простынях и открыла глаза. Невольно спрятала под подушку руку, елозившую по постели в поисках тела, которое хотелось обнять, так как на данном этапе подобный жест собственницы показался сильным даже для меня.

После вчерашнего я еще могла смущаться?! После каплей горячего воска, четырех оргазмов, готовности принять уготованную роль мое личико окрашивалось румянцем? Это я смеялась в душе, брызгая в глаза водичкой из сложенных ладошек, намеренно оставив дверь открытой? Это я обиженно надула губки, выпрыгнув из ванной в одном полотенце поверх талии, на восхищенно-умиленный взгляд Алекса? Я шутливо вырывалась из его объятий и уворачивалась от поцелуя, который жаждала ощутить, пряча счастливую улыбку за маской растерянной девчонки? А еще бесхитростно скрестила руки на груди, чтобы изобразить дискомфорт от холода — такая вот хитрость, и уже в следующий момент трепыхалась в рукавах его рубашки, прижавшись к груди, пока он ловко, как пушинку, подхватывал на руки, чтобы унести в мою комнату...

— Одевайся, — прервав долгий поцелуй и отпустив мои запястья, заведенные за голову,

мягко распорядился Алекс. — Я пока сварю кофе и приготовлю легкий завтрак.

— А мне можно? Вы же запретили... — я все еще помнила вчерашнюю ночь и холодные приказы, отданные безапелляционным тоном, от которых даже сейчас по позвоночнику скользила ментоловая изморозь. Что-то меняется в глубине его пристального взгляда, я бы назвала это кратковременным испугом — только такие мужчины не умеют бояться в принципе.

— Я запретил это во время сцены! Ты подумала иначе?

Мне приходится слегка оттолкнуть его, чтобы опуститься на кровать, которая никогда не будет использована мной по назначению в этой комнате. Головокружение постепенно таяло, минуя стадию облегчения и перетекая в кисею умиротворяющей нежности с оттенком благодарности. Ее не могло смутить даже напоминание о том, что утром я проснулась абсолютно счастливая, и выполнение установленных правил меня не пугало.

— Честно говоря, да. Вчера именно так показалось.

Сегодня мне легко об этом говорить. Открываясь, доверяя мужчине, к которому уже всколыхнулись в глубине души проблески чувства, не похожего на признательность и симпатию; перекладывая на него ответственность как на сильнейшего, того, кто знает, что с ней делать. И никогда не нарушит.

— Тем не менее ты мне не возразила. Не произнесла стоп-слова. Хотя я знаю, что несколько раз ты хотела это сделать. Почему промолчала?

Если бы я сама могла ответить на этот вопрос, прежде всего, себе! Пытаюсь воспроизвести в уме заранее заготовленную речь, но в этом нет необходимости — он уже проник под мою кожу, считал код потаенных мыслей и эмоций, теперь достаточно взгляда, чтобы прочесть и избавиться от необходимости подбирать осторожные слова.

— Сколько раз мне нужно тебе повторять, что ты не должна терпеть и молчать, если какое-либо действие для тебя малоприятно? Почему ты думаешь только о том, как меня не обидеть, забывая о себе? Тебе это кажется настолько трудным?

Несмотря на слегка обвинительную интонацию, я не чувствую себя пристыженной девчонкой. Александр подходит ближе, и мои ладони, подчиняясь запалу бурлящих эмоций, обвивают его поясницу. Трусь щекой о выступающий кубик великолепного торса, сама не понимая: то ли осмелела от развязанных отменой правил рук, то ли это все идет от самого сердца, вокруг которого наворачивает круги ослабевшая, до конца не оклемавшаяся, но такая же настырная сука на букву Л. Счастливо жмурю глаза, когда его ладонь опускается мне на волосы осторожным поглаживанием.

— Не надо провоцировать меня на тест твоих пределов. Хоть раз я хочу его от тебя услышать. Искренне, без игры и попытки мне угодить. Не надо ждать усиленного дискомфорта, любое волнение или сомнение — ты говоришь! Мы договорились?

— Я соблюдаю правила, — даже не лукавлю, вчерашний испуг сегодня кажется несущественным и не достойным внимания. — Не было ничего такого, с чем бы я не справилась...

Отрывистый поцелуй в макушку — с сожалением слышу шум его затихающих шагов, не желая открывать глаза, запоминая, смакуя и продлевая это ощущение. Уже тогда ожидание вечера заставляло кровь кипеть, а крылья — распускаться, оживая яркими красками.

Я никогда не думала, что с таким мужчиной, как Александр, это возможно. Не подходить к плите, потому как он сам умудрялся создавать там гастрономические шедевры (слава богу, на этом его сходство с Димой заканчивалось), позволять заботиться о себе в

мелочах — от легкого массажа уставших плеч до долгих душевных разговоров, во время которых я получила много ценных жизненных советов, разглядела те линии поведения, до которых бы никогда не додумалась сама. Мне уже тогда хотелось во многом соответствовать его высокому уровню, и я подсознательно делала все, чтобы вызвать его гордость, но — не теряя при этом свою. Чувствовала ли я сейчас, что наше совместное будущее — не плод заезженного штампами воображения, а свершившийся факт? Может, на подсознании. Просто я остерегалась заглядывать настолько далеко.

В преддверии вечера, положившего начало моей любви к шибари, мы непроизвольно, не сговариваясь, устраняли все грани, законы и догмы. Он умел быть разным, чувствующим, понимающим, таким нежным и властным одновременно. В этот вечер мы, устроившись на удобном диванчике просто смотрели фильм, сюжета которого наверняка не запомнил никто из нас. Этот диванчик спустя несколько часов перешел в атрибут сессионного плацдарма. Боялась ли я его после прошедшей ночи? Я имела все основания. Только врожденная эмпатия шептала о безопасности слишком настойчиво, убаюкивая тревогу, сплетая в запутанный кинбаку нити нашего ускорившегося слияния и проникновения друг в друга.

На следующее утро, которое началось совсем иначе: с восхитительного пробуждения от поцелуев Алекса, и завершившееся феерическим сексом, мы все же отправились на давно запланированную, но так и не реализованную прогулку на квадроциклах. Преодолеть легкий ступор водителя-дилетанта оказалось куда сложнее, чем я думала — где-то только час спустя перестала путать от волнения «право» и «лево».

Последние дни солнечной золотой осени радовали глаз абсолютно равномерным ковром пожелтевшей и начавшей опадать листвы. Зеленые островки напоминания об ушедшем лете практически не встречались, и багряный купол лесополосы, накрытый пологом ослепительно голубых небес, создавал чарующее впечатление и желание любоваться последними осенними красками до бесконечности.

Еще не понимало сознание зловещего подтекста цветов украинского флага, который скоро будет развеваться на киевском Майдане, и где получат ранения двое студентов нашего вуза, а хороший знакомый Елены останется навсегда в списках пропавших без вести. Именно под этой кровавой звездой хаоса во имя свободы начнется наша история, одновременно со страхом за будущее и жизнь друг друга, который не позволит сплетению двух судеб разорваться. Правду говорят, что трудности только закаляют настоящее чувство?

Сейчас же я просто наслаждаюсь прекрасной панорамой полуденных небес глубокой лазури, золотом леса с прожилками красной листвы осин и рябин, забиваю карту памяти телефона сотней фотоснимков — на них листва иного окраса будет напоминать пятна крови при распечатке... Но тревога гасится, списывается на что-то иное, значения чему сегодня не подобрать. И это хорошо, потому как я не лихачу на ухабах, справляясь с несложным управлением так напугавшего недавно квадроцикла, хотя есть желание обогнать Алекса и показать ему язык... и знаю точно, что мне за это, в который раз, ничего не будет!

Мне так быстро надоедает этот опыт вождения, и я кричу от радости, заметив широкую полянку с усыпанным золотой листвой рывиной, ведущей к оврагу. Алекс благосклонно улыбается на мой детский восторг той самой улыбкой, которая не так давно растопила сердце до основания. Умиление, нежность, и какой-то новый взгляд. Так смотрят на самых дорогих людей, родителей, детей, или же... Я боюсь давать свободу этой мысли, которая так некстати завладела сознанием, добираясь до самого сердца! Если я в это поверю, а жизнь вновь уронит о камни, можно уже не собрать позвонки в прежнем порядке.

— Тебе стоит подумать о том, чтобы получить права! — Слежу за его ладонями, которые как раз стягивают укороченные кожаные перчатки, и меня уже в который раз завораживает самый обычный, лишенный сексуального подтекста жест. Перевожу взгляд на все еще изогнутые в теплой улыбке губы. Так со времен основания земли выглядят влюбленные мужчины? Нет, не смей даже думать о такой вероятности, принимай происходящее, не анализируя и не разбирая на составляющие, Юля! Целее будешь! Тебе ли не знать, на что способна любовь таких мужчин, как он?

Александр слегка сводит брови, фиксируя изменение моего настроения. Но кратковременное сомнение погашено и, чтобы замаять неловкость, подбегаю к валу скрытого почти наполовину опавшей листвой оврага.

— Я сейчас скачусь вниз и... без всяких прав! Вы со мной?

Вскрикиваю от неожиданности, когда он в два широких шага оказывается за моей спиной и обнимает за плечи, заставляя стоять на месте.

— Не вздумай, там ручей и камни! Как в детстве находили управу на такого очаровательного чертенка, а? — Вырываюсь из хватки, казавшейся стальной, отбегаю на несколько шагов, привычно зачерпнув охапку желто-красной листвы. Ну и что? Что вы мне сделаете? Даже сейчас... Вот!

Хихикаю в кулак, наблюдая за тем, как желтые кленовые пятиконечники скользят по черной кожаной куртке к его ногам и на землю. Все происходит молниеносно. Сжатие рук на моей талии, вспышка яркого голубого неба и вес мужского тела, вдавившего меня в мягкий ковер опавшей листвы за миг до того, как на лицо обрушивается град несдержанных, но нежных поцелуев. Это ошеломительное ощущение затапливающей нежности и глубины просыпающегося чувства! в ответ смеюсь от радости, не успевая отвечать на тепло его губ и скольжение пальцев по контуру лица... Мне хочется прямо сейчас прижаться еще теснее, прошептать в жаждающие уста «давайте расстанемся только утром!», но как же не хочется решать самой!..

Он все же отвез меня домой глубокой ночью по банальной причине — телефонный звонок, прервавший эти нежные поцелуи и разрушивший шаткие мосты единения перед.... Мне казалось... произнесением каких-то важных слов! Утренний рейс на Мюнхен. Двое суток.

Мне нужна была эта передышка. Первый день я не могла вырваться из цепких объятий восторга зарождающейся влюбленности даже на парах, записывая лекции на диктофон и рисуя в конспектах панораму осеннего леса с двумя абстрактными темными фигурками, которые сплелись на фоне золотого увядания в трогательных, совсем не страстных, как выходило из рисунка, объятиях. Никогда не замечала за собой таланта к изобразительному искусству, и он был совсем далек от признанного идеала, только укрепляющуюся связь начала захватывающих отношений разорвать было невозможно.

С институтскими подругами я готова была обсуждать все что угодно, только не это. Примечательно, что они этого и не требовали. Мы все также вырывались после пар выпить кофе, а то и что-нибудь покрепче, в нашем любимом кафе, совершали налеты на магазины и в салон матери Лекси, готовы были до хрипоты обсуждать модные тенденции, светские сплетни и институтские новости, но тема отношений с Алексом стала негласным табу в частных разговорах. Был ли виной тому недавний испуг Эли или изнеженность Лекси, достоверно не известно. Иное дело — моя Ленка, с которой я возобновила ежедневное общение по скайпу. С ней я всегда могла откровенно обсудить любые темы, и вечер перед

его возвращением не стал исключением.

— Это твой мужчина? — Ленка не казалась офигевшей. Скорее, уставшей. Я нажала на подсвеченную синим ссылку, которая и вывела меня на бизнес-сайт с каким-то набором непонятных слов, среди которых знакомым показалось только «инвестиции», «состояние» и цифры. А еще здесь была фотография Алекса на какой-то пресс-конференции с флагами Евросоюза и рядом других, которые я не узнавала.

— Скажи, только откровенно... — приникла к монитору подруга, заглядывая в веб-камеру. — Вот честно. Мне ты можешь говорить все. Это расчет или?

— Это «или», Лена. — Я сама не раз задавала себе подобный вопрос. Рассчитывала ли когда-либо в уме вероятные материальные блага от связи с человеком, который был абсолютно холост (каюсь, это я прогуглила, и очень основательно!) и неприлично богат? Парадоксально, невероятно, противоестественно — но я не могла вспомнить подобного случая.

Восхищаясь машиной Лекси и автомобилями некоторых одноклассников, я иногда представляла себя на месте водителя-владельца, но ни разу не возникла мысль намекнуть Александру о том, что хочу авто... Что ему стоило воплотить мое желание в реальность? Ничего! Он прежде всего был для меня тем, с кем до одури хотелось находиться рядом, выпитывая коктейль безопасности и обволакивающей защиты, раскрывать свою чувственность путем смелой и захватывающей любовной игры, делить с ним эмоции, боль и счастье. Чувствовать ответное биение сердца и взлетать еще выше от мысли, что делаю его счастливым.

Разве так было с Димой? Положа руку на сердце, когда я перестала с ним преследовать материальные выгоды? Да никогда! Даже когда лежала в цепях у его ног, часть заблокированного сознания не давала тронуться рассудку, нашептывая, какие дивиденды от чувства вины оклемавшегося зверя можно будет уже совсем скоро поиметь! Здесь же корыстолюбивая «Я» спала крепким летаргическим сном. Моей валютой стали его эмоции и весь потенциал чувственного фейерверка, в котором я никогда не знала отказа.

— Понимаешь. Лен, тут что-то совсем иное. Я словно... Вот представь, как будто с рождения в тебе жили две параллельные стороны, назовем их примерно «светом» и «тенью». Наверное, это не только у меня, баланс добра и зла есть в каждой из нас, просто иногда мы не в состоянии отличить одно от другого. Пока сохраняется баланс, мы стабильны, уравновешены, отвечаем за свои поступки, принимаем решения, опираясь на аргументы от обеих сторон. Но однажды равновесие нарушается. Ты же видела, как было со мной. Тьма получила свое жертвоприношение. Нет, даже не так — он пресытил меня этим мраком до самых краев, не оставив шанса на спасение. Даже когда Дима исчез из моей жизни, Тьма не ослабила своей тирании и продолжала поэтапно уничтожать мой свет. Она почувствовала свою власть, тогда как светлая сторона осознала несправедливый уклад реалий жизни и выбросила белый флаг, ожидая, когда будет уничтожена до последней крупинки.

А Алекс... Понимаешь, в нем словно есть тот свет, который одним переливанием утихомирит мою тьму... вернет баланс этих сил на круги своя. Это так странно и не поддается никакой логике... ведь он такой же точно, как и Дима, нет, он опаснее в несколько раз, но с ним... Его свет вторгается в меня даже через боль... даже через страх, который не покидает временами... когда я с ним, моя тьма изранена. Уничтожена частично, деактивирована... Он как живительный источник, из которого я должна пить глубокими глотками, чтобы никогда не позволить Тьме установить свой диктат... Это чужой свет, но он

дает моему силы и приумножает его сияние в тысячи раз! Именно так, Лена! Я сошла с ума? Так же не бывает?

— Ты уверена, что не втрескалась в этого извращенного архангела по самое не могу? — Лена, пожалуй, единственная, от кого мне так легко принимать любую правду. — Ты говоришь о нем, как о спасении, о своем персональном мессии, продолжая терпеть боль, но в этот раз ты реально сама ее просишь. В этом твой свет?

— Нет логики, правда?

— А чувства никогда не признают законов логики. И то, что ты назвала светом, есть, возможно, иная Тьма, только... у нее другой источник. Но, вполне возможно, что программный код его желания стал для тебя именно светом, хотя кого-то другого мог бы уничтожить посильнее Тьмы.

Противный мокрый снег, больше похожий на осколки льда, хлещет по уязвимой коже рук и непокрытой голове, колет едва защищенные колготками ноги ощутимыми укусами, но, похоже, никто из нас этого не замечает в упор. Мы, как два озабоченных подростка, целуемся прямо на академической парковке, и не потому, что вероятные зрители попрятались по кафетериям или затаились в здании вуза (нам на них плевать с высокой крыши), а лишь потому, что двое суток разлуки оказались непосильной ношей для каждого из нас! Белоснежные розы на капоте черного «лексуса» покрыты коркой тонкого стекла от ледяного дождя, взбесившийся ветер оголтело срывает листья с деревьев, некоторые ветви уже абсолютно голые — удручающая картина на фоне сумеречного угольно-серого неба. Его глубокая лазурь осталась в прошлом, таких солнечных дней, как на выходных, не предвидится до зимы, но это не имеет никакого значения, потому что в душе царит жаркое лето и счастливый шум набегающих волн эйфории, без которой сложно было прожить эти долбаные 48 часов!

Замираю на его плече доверчиво прижавшейся кошечкой, когда Алекс бережно, словно самый драгоценный клад, устраивает меня на сиденье рядом с водительским, едва не забыв обледенелые розы на капоте. Слова не нужны никому из нас, и автомобиль, балансируя на скользкой дороге, уверенно мчит домой... да, я уже несколько раз называла его загородный особняк своим домом, потому что только там мои крылья имели возможность раскрываться и расцветать алым свечением!

Сегодня все было иначе. Стоило мне вспомнить правила и начать лихорадочно стягивать с себя свитер параллельно с попыткой опуститься на колени, как Александр прервал эти суетливые движения нежным сжатием моих кистей и глубоким успокаивающим поцелуем. Сегодня, наверное, никому из нас не нужен был формат Д/с отношений. Он показал мне наглядно, как может быть по-иному, окружив нежностью, давно забытой и, казалось, совсем не свойственной такому человеку, как он. За окном бушевала стихия, а я отдыхала от экстрима в обычных объятиях с примесью восхищения и потрясающей ласки, принимая его в себя как можно глубже. Раскрываясь не только телом так сильно, как никогда прежде до этого, но и душой, впуская его в глубины готового сдать здесь и сейчас сознания. Мы заснули только под утро на лепестках тех самых роз, которые я в разгар секс-марафона раскидала по постели и полу, хотя стоять на коленях сегодня не пришлось...

Когда за окном занимался серый рассвет, я проснулась от непонятной тревоги. Вглядывалась в лицо спящего Александра, стараясь не разбудить, и успокаивала себя тем, что сегодняшняя ночь никакое не затишье перед бурей, а закономерность. Проигнорировав писк интуиции, я скользнула в кольцо его рук и уснула, согретая теплом и ярким Светом

внутри меня, который горел все ярче и ярче с каждой минутой, проведенной наедине с ним. Я была настолько счастлива, что даже не рассматривала скорого будущего, и поэтому не увидела приближение кошмара за тихим голосом Иры Милошиной.

«— Поздравляю, Юля, курс можно считать окончанным, но я всегда соблюдаю правило «плюс два». Что оно означает? У тебя есть мой телефон. Многим сложно принять себя новыми, и они по инерции делают ошибки на пути к окончательному восстановлению. Поэтому я тебе помогу. Любые сомнения — ты мне звонишь!»

«— Ира, я все еще до одури боюсь зеркал! Ты мне так и не сказала, что с этим делать!»

«— Ты невнимательно меня слушала. Этот страх в твоей голове. Думай не о себе, а о том, кто будет держать тебя за руку, и не отталкивать при этом! Давай, я тебя поздравляю! Катя! (кнопка селектора), разливай шампанское!»

Мы выходим в приемную, где уже ждет верная секретарь-референт с тремя бокалами и бутылкой, в которой я угадываю «Асти». Алекс появляется в ту же секунду, целует меня в лоб, обняв за плечи жестом собственника. Звон бокалов, Милошина отпивает глоток и миролюбиво улыбается мне.

«— Александр, мне надо пять минут вашего времени! Пройдите в мой кабинет!»

Моргаю, подавив желание вцепиться ей в глотку, но не трогаюсь с места: открыв рот, слежу, как они уходят. Мой психоаналитик и мой мужчина. Нет. Какая ревность? Я боюсь совсем другого!

«— Что за нах..?.. — перевожу растерянный взгляд на приветливую до оскомины секретаршу. — Это еще зачем? Кого лечат?»

«— Юлия, прошу вас, успокойтесь! Тайна терапии не подлежит разглашению! Госпожа Милошина не станет рисковать своей репутацией... Я могу предположить, что решается финансовый вопрос... Присядьте... Может, воды?..»

Алекс выходит из кабинета спустя минут пять с совершенно непроницаемым выражением лица. Бесчувственная маска киборга последнего поколения с напрочь отсутствующей функцией эмоционального апгрейда. От одного его взгляда — вроде бы ласкового, но непроницаемого — сердце уходит в пятки.

— Юля, поехали домой... — вздрагиваю, когда он присаживается рядом, сжимая мои ладони. — Ты очень сильная. Все закончилось.

Почему сегодня я ему не верю? Улавливаю флюиды беспокойства и внутреннего разлада. Я не могла его разозлить... неужели Милошина все-таки показала ему то, что не стоило видеть — запись сеанса гипноза? Может, что-то произошло? Может, я тут совершенно ни при чем, а он такой же ее пациент... маловероятно, но почему бы нет?

Я растеряна и слегка встревожена, но все же могу забыть о непонятном инциденте спустя пять часов, засыпая в своей постели после приятного вечера в итальянском ресторане. Мне так хочется верить, что Тьма почти уничтожена... Я не хочу заглядывать вперед и ласково приказываю интуиции заткнуться и не трепать мне нервы на пороге рассвета нового романа.

Наверное, я нахваталась от Алекса задатков доминатрикс. Потому что в этот раз шестое чувство становится в позу покорности и прекращает посылать нераспознанные сигналы.

Я зашторила окно — в него оголтело бились хлопья мокрого снега, подгоняемые шквальным ветром, который расшатывал оголенные ветви с почти сошедшей листвой. Ласковая осень за какие-то пять дней превратилась в шквальный ураган, предвестника наступающей зимы. Даже днем пронизывающая сырость минусовой температуры делала пребывание на улице невозможным, и посещение лекций больше походило на краткосрочные перебежки от дома к автобусной остановке, а оттуда — до теплых аудиторий академии. За ночь лужи покрывались тонкой коркой льда, солнце спряталось, отдав правление свинцовой пелене пронизывающего погодного ненастья. Приходилось отказываться от высоких каблуков, на которых я рисковала сломать ноги в ледяной каше тающего и снова замерзающего к вечеру снега, от сложных укладок, которые уничтожал за несколько секунд ветер. Зонт тоже не спасал — ни одни спицы не выдерживали выкрутасов под меняющимися направлением порывами ветра. Штормовое предупреждение не покидало метеосводок уже который день.

Мы с девчонками как-то синхронно притихли, предпочитая проводить вечера не в привычных кофейнях и кальянных, а, по возможности, в уюте собственных квартир за просмотрами фильмов — в те дни, когда Алекс благополучно решал свои дела. Он никогда не требовал от меня отчета в том, с кем и чем я занималась, и к пятнице я окончательно поборола непонятный всплеск тревоги, оставшийся после посещения Милошиной. Ей я так и не перезвонила. Да, мне стало гораздо легче, она сняла с меня цепи затянувшейся депрессии и открыла новый мир... Только ее слова о том, что фобию я должна преодолеть сама беспощадным рывком, вызвали резкое сомнение в ее профессионализме. Да, я знала, так лечат. Боязнь высоты — парашютными прыжками без инструктора. Вопрос в другом: не приобрел ли несчастный пациент после такого лечения как минимум мерцательную аритмию в обмен на искоренение фобии?

Еще утром я проснулась в объятиях Алекса. Растерла запястья, в которые вчера сильно впиалась кромка кожаных манжет при очередном оргазме, переплела его пальцы со своими и призвала на помощь весь потенциал своей умоляющей нежности. Мне не хотелось ехать ни на какие пары — и погода была здесь совершенно ни при чем — я просто до одури, до напряжения сердечной мышцы не желала с ним расставаться, терять тепло его тела, меняющий тональность ритм сердца, хриплый шепот, от которого внутри скручивались сладкие спирали... Как бы не так! Сама проговорила, что в субботу семинар по информационной этике. Какой дурак — не будем все упоминать фамилию препода — поставил его на субботу?! Хорошо еще, что я сумела убедить Александра, что подготовилась к паре заранее. Испытать его наказание мне хотелось меньше всего.

— Сегодня и завтра в клубе вечернее мероприятие, — сухо оповестил Алекс после завтрака, когда я безуспешно пыталась завязать на нем узел шелкового галстука. Получалось не очень. Это только на видеоролике с YouTube все здорово и просто. Не то что я этого не запомнила, просто его близость напрочь выбивала способность связно мыслить и не фантазировать о кубиках стального пресса, скрытого сатином приталенной бордовой рубашки.

— А мне можно туда? — я не планировала задавать этот вопрос. Это все убивающий наповал эффект его прикосновений, который отключил резервные генераторы здравого

смысла! — Просто посмотреть? Я тихо... честно!

— Нет, Юля. — Уловив мое возбужденное состояние, Алекс бережно снял мои ладони со своих плеч, придержав их на уровне груди, и пристально посмотрел на меня. — Пока что тебе не стоит это видеть.

— Да что там такое?! Если я буду с вами?

Лучше бы я молчала! Линия легкого испытывающего прищур с проблесками свинца в светло-зеленой радужке прожгла позвоночник раскаленными иглами обмораживающей мерзлоты. То самое чувство, когда ты не можешь отличить жар огня от холодного поцелуя льда. Я поспешно опустила глаза, поборов желание расплакаться, и излишне резко дернула узел галстука, преодолевая хватку его запястий.

— Все, получилось. — Отошла к столику, где осталась чашечка недопитого кофе, и сделала судорожный глоток. Алекс не сводил с меня глаз, но, поскольку я не задавала вопросов больше, ему пришлось заговорить первому.

— Юля, ты обязательно все увидишь и обо всем узнаешь, когда будешь готова, но сейчас тебе лучше там не присутствовать! Поверь, ты еще не все происходящее можешь воспринять с правильной позиции.

— Вам виднее. — Мне не хотелось с ним спорить. Возможно, он был прав, и отказ был заботой обо мне, а не проявлением недоверия? Я расстроилась больше по поводу потерянных выходных, будни воровали наше время хаотичным утренним пробуждением и невозможностью остаться рядом.

— Собирайся. — Я подавила вздох. Сегодня хозяин не считал нужным со мной сюсюкать. Но неловкость расставания была нивелирована небольшой коробочкой, запакованной в дорогую подарочную бумагу. — Откроешь дома. Это чтобы ты не скучала. Какие планы на вечер?

— Курсовая, — я сказала правду. Вчера Миранда Пристли нейтрально осведомилась, какую именно отрасль бизнеса я выбрала сферой исследования, а я не знала, что ей ответить. Аргумент «у меня осенняя хандра» явно не подходил в силу того, что я сияла ярче новогодней елки от новой зарождающейся влюбленности, и, к тому же, не лучшим способом сказывался на моей деловой хватке, которую деканша всегда подчеркивала с затаенной гордостью за свою лучшую студентку. Пришлось придумать на ходу, что растерялась между модельным агенством, ночным клубом и рекламной компанией.

— Займись этим, — Алекс ласково поцеловал мои губы, забирая послевкусие недавней обиды, — чтобы ничто больше не воровало у нас выходные, когда я закончу свои дела. И помни, что ты можешь звонить мне в любое время и по любому вопросу. Я вряд ли буду спать этой ночью.

— Вы же... — Ревность? Ни фиги себе! Я густо покраснела и сильнее вцепилась пальчиками в лацканы его пальто.

— Глупенькая! Я организатор мероприятия на правах владельца клуба. Или ты забыла, что для меня с твоим появлением больше не существует иных женщин? Ты можешь не доверять словам, но неужели ты этого не чувствуешь сама?..

Где ты спала, интуиция? Почему не увидела грохота обвала над пропастью, к которой я бездумно понесусь уже сегодняшней ночью? Или ты с самого начала знала, что вещи могут быть совсем не тем, чем кажутся? Ты офигела от ювелирной работы бренда «Lucca Caratti» в умопомрачительных сережках с сапфирами в окружении россыпи бриллиантов так же, как и я (какой там дома, пришлось отпроситься с пары в туалет, чтобы удовлетворить свое

любопытство и оторопеть при виде подарка)? Какого хрена ты спала, даже во благо?.. Твою мать...

Подготовка к костюмированному мероприятию завершилась гораздо раньше, чем он предполагал сам. С тех пор как Штейр стал его помощником, званые вечера в клубе «Deviant» приобрели формат раутов под знаком люкс. Гости начнут прибывать только к десяти часам вечера, пока же у Александра оставалось несколько часов свободного времени, чтобы просмотреть прибывшую корреспонденцию, отчет за прошедший месяц, стопку счетов, которые предстоит передать бухгалтерии в понедельник, поговорить по скайпу с сыном, получив его согласие приехать в марте, и позволить себе бокал дорогого коньяка двадцатилетней выдержки.

Расслабиться окончательно не удавалось. Давно с ним не происходило ничего подобного. Уже который день разговор за закрытыми дверями с Бастет лишил его прежней уравновешенности.

...- Поздравляю, она твоя. Ломай ее последнюю фобию, и она перестанет жить прошлым! — Ирина умело скрывала за маской холодного профессионала гордость за проделанную работу.

— Ира, я не просил тебя об этом. Ты должна была помочь ей справиться со стрессом и избавиться от страха, а не укладывать в мою постель! — тогда у него вышло скрыть недовольство под маской расслабленной невозмутимости. — Кроме того, я не понимаю, почему ты перекладываешь эту ответственность на меня.

— Тебе нужен мой ответ? Я могла сделать эту сценическую интерпретацию сама. Но она не даст такого сильного эффекта. Ты сможешь сделать это сам и сразу же ее вытянуть оттуда, перенастроить на новую волну непосредственно по завершении...

Милошина рассказала ему, что примерно стоит сделать.

Никогда еще у него не было такого желания накричать на женщину вне тематического воздействия.

— Ты видишь результат! Я предлагаю его окончательно закрепить!

— Это убьет ее. Ты не перетрудились, уверена?

— Пока она будет с этим жить, ничего не изменится. Выбор твой. Единственное, если ты готов — не затягивай с этим. Делай как можно скорее. Я не обещаю, что будет легко, но сейчас ее спасение, ее окончательный шанс на выздоровление в твоих руках! Пусть это звучит, как сюжет третьесортной мелодрамы — после этого она перестанет бояться зеркал навсегда. Выбор только твой!

Ответственность за принятие такого решения давила ему на плечи, как никогда прежде. В этот раз он не мог даже посоветоваться с Валерией, которая не позволяла одной лишь интуиции давать экстремальные советы по поводу той или иной ситуации.

Сжимая холодные пальчики своей взволнованной девочки в приемной психотерапевта с мировым именем, он старался не замечать, как разрываются, лопаются с оглушительным треском его крепкие сердечные капилляры, не в состоянии справиться с возложенной на них проблемой выбора. Он никогда еще не чувствовал себя настолько беспомощным на пороге принятия ответственного решения. Спасти ее, воскресить, лишить страха — и вместе с тем, вполне вероятно, потерять навсегда. Имел ли он право протащить эту ранимую малышку на бешеной скорости через самый страшный круг ее персонального ада, даже зная наперед, что после этого никогда больше не покинуть ей оазис рая?..

Проходили дни, а он все еще искал ответ на этот вопрос. Обнимая ее, прижимая к себе,

чувствуя спрятанную в глубине боль, которую знал, как искоренить. Другой болью. Такой зеркально похожей и спасительной одновременно.

Господи, дай мне знак, что я могу ее спасти. Лишить этого страха, вырвать вместе с сердцем, в данном случае, собственным... И не дай мне ее навсегда потерять после этого! Я прошу не так уж много. Один знак. Теория баловней судьбы, бегущих от ответственных решений. Впервые мне его не принять самому, потому что нас в этой повести двое. Пусть даже весь мир будет против нас!

...Я заварила кофе, поежившись от завывания ветра за окном. Разводы налипшего на стекло мокрого снега превратили свет фонарей в блики огня. Эта ассоциация вызвала дискомфорт, и, погладив великолепные серьги в ушах, с которыми уже несколько часов не могла расстаться, я вернулась к рабочему столу компьютера с кучей открытых окон.

Работать над курсовой оказалось неожиданно... занятно. Взятый за основу бизнес-план крупного украинского модельного агентства не навевал скуку, как неудобоваримая терминология рекламного бизнеса, наоборот, он увлекал демонстрацией обратной стороны медали, еще далекой от света софитов и мерцания модных глянцевого журналов. Нюансы, о которых я даже не догадывалась, имели очень важное значение, и за полтора часа изучения материала я нащупала тонкую нить новой стратегии, соединяющей в себе все существующие. Ее я сейчас и пыталась кратко изложить в виде плана, втайне радуясь, что вот так, с первого раза, нашла главную изюминку своей курсовой работы. Миранда Пристли будет в восторге, когда я закончу, сделав дополнительно презентацию своего проекта.

Я как раз отбирала фотографии мускулистых красавцев, чтобы представить их в работе как ведущих моделей агентства. Кто сказал, что писать курсовые — скучно и занудно? Надо ко всему подходить творчески, подобно мне! Звонок мобильного вызвал легкую досаду на того, кто так не вовремя прервал полет вдохновения. Александр звонил час назад, ласково приказал не засиживаться у монитора допозна и лечь спать как можно раньше. На миг мне показалось, что это контрольный звонок от него, но это оказалась Эля.

— Впусти! — ее голос дрожал. — Такая холодина, а я забыла код!

Не вполне понимая, что привело ко мне подругу в столь позднее время, я продиктовала ей комбинацию цифр. Я отчасти злилась на то, что она осмелилась мне помешать — на часах была половина десятого, мой исследовательский задор достиг своего пика и собирался на нем закрепиться как минимум на час, прежде чем отправить свою носительницу, то бишь меня, в постель.

— Собирайся! — распорядилась Элька, влетая в прихожую и стаскивая намокший капюшон белой спортивной «Колаамбии». Фотоаппарат в футляре полетел на диван, а Эллада искренне расхохоталась при виде моего нахмуренного лица.

— Ты бы себя видела! Ты в этих очках и пижамке на училку похожа! Давай, в темпе, в десять стартуем! У «Ночных вервольфов» сегодня закрытие сезона в ирландском пабе!

— Ты с ума сошла! Какое закрытие сезона? — я стянула компьютерные очки, покрутив пальцем у виска. — Ты точно что-то отморозила. Раздевайся и готовь кофе, потом внятно пояснишь.

Эльку не нужно было приглашать дважды, она выглядела перевозбужденной и заведенной до предела, так и поскакала на одной ноге в кухню, стаскивая по пути сапожок угги со второй, и не закрывая рот ни на секунду. Когда в мою скромную обитель, пропитанную ароматами розовых лепестков, врываются подруги, готова повеситься от беспредела даже Димкина тень.

— Багира, не гони! Ты же всех там знаешь! — орала Элька с кухни в перерывах между уменьшительно-ласкательными эпитетами, сопровождающими рассыпанный кофе и выброс пара из кофеварки. — Брюс только не приехал, но тебе же легче, тебе не до него сейчас! Прикинь, какие фотки будут? Там свой себе тюнинг-фест, два в одном!

— Я не собираюсь заниматься игрушками в суицид на обледенелом асфальте! — Отобрала у Эли чашку с кофе, несильно щелкнув ее по подбородку. — Челюсть подбери, это курсовая, а не сайт знакомств! Короче, у тебя два варианта, или едешь по своим делам без меня, или бери мой халат и распечатавай бутылку, посекретничаем до утра, как обычно!

— Черт, Юль, насидишься еще дома... Я никуда без тебя не уеду! Будет весело, отвечаю! Милка юбилей сегодня как раз справляет, помнишь эту отчаянную? Тридцатник!

— Ты гонишь, я думала, мы одногодки!

— Это все потому, что она не втыкает в монитор, сидя дома! Не съезжай! Собирайся!

— Я же сказала, не поеду никуда! — я уже злилась на то, что вообще впустила ее в дом. Эля отставила кофе и пристально посмотрела на меня, сложив губы в тонкую издевательскую линию.

— Папочка не пускает? Ремнем по попе даст?

— Это вообще тебя не касается! И прекрати рыться в моем шкафу, ты не у себя дома! Да ты что, вкрай ипанулась? — я едва не взвыла, когда Эля бросила перебирать вещи, и вцепилась в мои уши, рассматривая серьги.

— Вот сколько стоит свобода по нынешнему курсу? Пара стекляшек приблизила деградацию в домохозяйку-затворницу? Кто-то никогда не любил бриллианты, мне помнится...

— При чем тут это? Я просто не хочу никуда ехать! — Действительно, мысль об Алексе пока что не догнала меня. Вечер в компании всадников ночных дорог не казался таким уж ужасным. Скорее, мне лень было покидать уют отапливаемой квартиры и откладывать в долгий ящик расслабляющую ванну с эфирными маслами.

— Врешь. Я по глазам вижу! — торжествующе заметила Эля. — Ты что, его боишься? Набери, я ему все поясню! Час снимаю сходку и отвезу тебя домой, даже пить не будем... Ну позвони, он же не совсем изверг запрещать тебе встречу с друзьями?

— Он занят, я не хочу его отвлекать...

— Да я заткну уши! Давай, не стесняйся... «о, повелитель моего сердца, смиренно прошу, позволь мне оттянуться в роскошной компании, поскольку я тебе не закатываю истерик и допросов о том, почему ты не рядом!»! Давай, сделай это и расслабься!

— Что сказал Денис? — мысль о том, чтобы позвонить Александру и униженно отпрашиваться на вечеринку, внезапно разбудила спящее чувство протеста. Я не собиралась делать ничего плохого. В конце концов, я же не давала клятвы докладывать ему о каждом своем шаге?

— Денис работает. Это все твой Айсберг виноват! А так он вполне адекватно отнесся, пожалел только, что не сможет присутствовать, сам фанат мотоциклов, как и я. Я еду туда увидеться с друзьями и поработать штатным фотографом — он уважает мое право на личное пространство, не знаю, как его босс... Но ты можешь легко это выяснить!

Вряд ли Александр был так демократично настроен, как Денис. Моя рука потянулась к смартфону... но я тут же одернула себя под испытывающим взглядом Эли.

— Алекс тоже не ставит мне никаких рамок. Он очень сильно меня уважает для этого!

— Тогда я очень рада за тебя и... это значит, «да»?

— Черт с тобой, — скрывая неуверенность, я махнула рукой. — Что надеть? У меня в гардеробе нет подобных вещей...

— Так я тебе помогу, момент! — Элька подпрыгнула на месте от радости и вновь спрятала голову в недра моего шкафа. — Вот, это, — в меня полетело длинное черное платье, — и это тоже, — рядом шмякнулась стильная косуха. — Только аксессуары подбери, будет круто... готичненько так. С тем, что у тебя в ушах, мы и до такси не дойдем. Сними!

— Но там именинница без подарка, — вцепилась я в последний аргумент, на что Эля сдвинула брови, обведя глазами обилие розового великолепия.

Шаг до невозврата был сделан практически играючи. Через сорок минут такси доставило нас к сияющему новогодней иллюминацией пабу в центре города. Первое, что привлекло мое внимание — ряд различных спортивных мотоциклов и чопперов, самых неожиданных расцветок и с невероятными агрографическими элементами. На входе нас встречал Джек Воробей собственной персоной, и Эля, не теряя времени, отщелкала несколько веселых кадров, когда приглашенный актер раскланялся в реверансе, целуя мне руки и картинно прикладываясь к бутылке с яркой надписью «реальный ром».

В самом зале веселье было в разгаре, и наше с Элей появление встретили громким свистом и возгласами. Я не успела опомниться и привыкнуть к полумраку, как рядом появилась сама королева вечера в ярком топе, усыпанном пайетками, и высоких ботфортах до середины бедра. Со времени нашей последней встречи Мила изменилась. Я помнила ее задорную короткую стрижку, а сейчас мягкие локоны сбегали по спине до самой поясницы. Никто в мире не дал бы этой вечной девчонке с пляшущими в глазах веселыми чертиками реальный возраст. Она была похожа на гордую амазонку в окружении подданных, воинов дорог, и непокорную дрянную девчонку одновременно. Я протянула ей букет из 13 белоснежных роз и растерялась еще сильнее, когда она впиалась в мои губы далеко не дружеским поцелуем на виду у гудящей толпы.

— Спасибо... Девчонки, какое счастье, что приехали! Юля, — не снимая ладони с моего плеча, она наградила Элладу таким же поцелуем, оставив позади Мадонну и ее пиар-ход со Спирс и Агилерой. — Бегом за стол, мы вас уже заждались! Спасибо за букет. Эл, кидай свою коробку к остальным подаркам, я сегодня вряд ли буду в состоянии их разобрать, и проходим, не стесняемся! Парни, уймитесь! — шикнула на орду байкеров, которые готовы были вцепиться в глотку друг другу, чтобы освободить мне и Эле место подле себя. — Мои гости сядут со мной!

Стол был шикарный. Я отказалась от водки, осторожно, опасаясь обидеть именинницу, но Милка оказалось мировой до безобразия, и уже спустя несколько минут мне принесли большой бокал мохито. Из-за непрекращающегося гула я едва разбирала слова, но делала вид, что понимаю, что рассказывает Мила о своей поездке в Крым на сходку мотофристайлеров с реальным поцелуем с Крисом Пфайфером, запись которого позже все-таки прислала на электронку. Достаточно было дать мне понять, что я не собираюсь ни с кем знакомиться и развивать какие-либо отношения, как активность ребят заметно сникла, подчиняясь царственному жесту королевы вечера. Эля забыла обо мне, включившись в работу, щелкая объективом профессиональной зеркалки, а я сама спустя минут двадцать включилась в нескучную беседу с Милой и еще пятью парнями, которые наперебой рассказывали о своей летней мотосходке в Затоке. Очень некстати проговорилась о том, что умею круто исполнять репертуар группы «Ария» в караоке. Мохито ударил в голову, и я сама не поняла, как исполняла на бис то ли «Беспечного ангела», то ли «Потерянный рай».

Неистовая свобода пьянила сильнее коктейля, и я даже шикнула на Эльку, которая, дождавись окончания песни, потянула меня со сцены в сторону.

— Юль, там это... Дэнчик приперся какого-то хрена... Просит, чтобы мы вышли на улицу.

— Мы?! — Противный холод пробежал по позвоночнику, и я растерянно передала микрофон кому-то из «Ночных вервольфов». — Что значит «мы»? Ты ему говорила, что мы вместе? Ты вообще сказала, что он на работе и до утра не освободится!

Эля сама выглядела растерянной.

— Не говорила, я тебе клянусь! Сама ничего не понимаю... Может, освободился и решил к нам присоединиться?

— Ага, б. дь, вместе с боссом. О, черт! — Я схватила телефон, который так и остался лежать нетронутым на столе. 4 пропущенных. Мне даже не нужно было смотреть, от кого именно. Резко закружилась голова, горло стянуло удушающей ледяной пленкой предчувствия тревожной опасности. Внезапный вальс бешеной аритмии запустил пожар беспричинного страха по расслабленным от алкоголя нервам, и я, забыв про светские манеры, судорожно отпила прямо из бутылки с минеральной водой. — У меня... 4 неотвеченных!

— Ты же сама сказала, что он все поймет... Юль, ты что... от ты ж... — Эля вырвала у меня бутылку с водой. — Черт, перезвони ему сейчас же... давай, я попрошу Милу сказать, что она тебя внезапно пригласила... Ты чего?

Мы замерли, уставившись друг на дружку, одновременно с мелодией нового вызова.

— Не бери! — прошипела Элька, словно Алекс мог нас услышать в этот момент. — Скажешь, забыла дома!

— Тогда мне точно писец... Б. дь! — Я сбросила руку подруги с плеча, затравленно оглаживаясь по сторонам и молясь про себя, чтобы в санузле паба оказались звуконепроницаемые стены. У меня не было времени проверить эту теорию, когда я влетела в кабинку и приняла звонок, выставив ладонь в роли шумопонижающего барьера.

— Где ты, моя девочка? Надеюсь, в постели, как мы и договаривались? — меня выбило по вспотевшему позвоночнику накрывающей нежностью его тихого голоса вместе с откатом тревоги от вкрадчивой ласки хладнокровного повелителя моей воли.

— С...собираюсь... — я хотела говорить, не сбиваясь и не запинаясь, но сейчас это казалось невозможным. — Еще немного, и...

Резкий хлопок двери, и я подскочила от громкого дабстепа, ворвавшегося в кафельный периметр уборной. Кажется, ругнулась от отчаяния, шепотом, совсем тихо... но Александр меня слышал. Повисла тяжелая пауза, а я едва не сползла по стене от ледящего ужаса перед тем, что только что произошло.

— Давай домой сейчас, Юля. Я прислал за тобой Дениса.

Его голос остался таким же вкрадчиво-ласковым, покровительственным. Но мое платье прилипло к спине, на которой выступили мелкие бусины холодного пота, а горло сжало щипающими тисками, предвестниками скорых слез.

— Хозяин, я... все так внезапно... не было возможности позвонить... Это моя подруга, просто так вышло...

— Юля, ты сейчас успокойся, пожалуйста, — интонация не изменилась, словно ничего не произошло, но паника усилилась в несколько раз от этого спокойного тона. — Ты сейчас поедешь домой и ляжешь в постель. Мы обо всем поговорим позже.

— Ничего не было! — тщетно зажимала рот ладонью. — Я просто... я не понимаю, как так получилось...я...

— Юля, садись в машину, пожалуйста. Ты знаешь, как я не люблю, когда мои просьбы не слышат с первого раза? Сейчас я очень занят, чтобы продолжать разговор. Денис ждет на парковке. Только не вздумай выходить разгоряченная с клуба. Сперва остынь и успокойся!

Я не помню, как вернулась обратно в зал. Гудки равнодушного отбоя били набатом посильнее громкой музыки. Я по инерции кивнула Эле, что-то поясняющей королеве вечера. Мила выглядела обеспокоенной.

— Все хорошо? Если он здесь, приглашай к нам за стол. Пусть увидит, насколько тут все цивилизованно. Вы поссорились?

Я с трудом взяла себя в руки.

— Нет, Мила, все хорошо... Это пройдет! Просто нужно срочно уехать.

— Юль, вся вечеринка отснята. Я это к тому, что среди мужиков попадаются еще те козлы, пусть посмотрит запись и успокоится. Если понадобится. Жаль, что надо уезжать!

Я натянула косуху и, пожав Милке руку, направилась к выходу, не замечая празднующей толпы и ритуального поклона Джека Воробья. Знакомый «лексус» увидела сразу, единственный автомобиль среди скопления разномастных мотоциклов.

— Юлька! — Элька догнала меня и обняла за плечи, словно собираясь закрыть своим телом от внезапного появления Алекса. Я отстраненно наблюдала, как Денис, хлопнув дверцей автомобиля, направился нам навстречу.

— Привет, милашка, — это Эле. Меня обдало новой волной удушающей паники от контраста между двумя различными типами отношений. Водитель Алекса совсем не выглядел расстроенным или возмущенным самовольством своей девушки. Я отвернулась, чтобы не мешать их поцелую.

— Босс сказал отвести тебя домой. — Нет, я ошиблась. Он все же выглядел взволнованным. Этот взгляд покровительственно-сочувствующего наблюдателя уже был мне знаком. — Эля, ты с нами? Я и тебя отвезу по пути. Мне просто потом снова надо вернуться в клуб.

— Я только попрощаюсь и выясню, как лучше обработать фото. Дай мне 10 минут!

Мы проводили убегающую Эльку глазами. Денис неловко кашлянул.

— У тебя есть курить? — тихо поинтересовалась я, и, получив отрицательный ответ, подошла к ребятам, которые беззаботно курили на крыльце, не обращая на нас никакого внимания. Мне было наплевать, но цербер Анубиса не сделал ничего, чтобы мне воспрепятствовать. Закурив, я вернулась к машине и устало облокотилась о капот, не замечая пронизывающего ветра и секущего мокрого снега. Беспомощно-обеспокоенное состояние Дениса передавалось даже на короткой дистанции, и я дерзко вскинула голову, разозлившись на то, что, по сути, чужой человек позволяет себе жалость по отношению ко мне.

— А ты не спеши меня хоронить пока. Откуда узнал, что мы вместе? Эля сдала?

— Я сам удивился, что она с тобой, — Денис избегал смотреть мне в глаза, от чего страх начал разгон со скоростью марафонского бегуна. Тем не менее я с ленивой грацией размяла затекшую шею, выпуская сигаретный дым в неприветливую морозную влажность поздней осени. Еще одна полезная в обыденной жизни фишка, которую я произвольно переняла от двух своих последних мужчин. Спокойствие в любой ситуации. Увы, в 20 лет это вряд ли выглядело так круто и естественно, как в более позднем возрасте.

— И нет никаких версий, откуда стало известно о моем местонахождении? Навигатор? Жучок? Под кожей уже, наверное? — я хотела сказать грубее на самом деле. Смотрела прямо перед собой, напряженно ожидая ответа, пока Денис осторожно пробежался быстрым взглядом по моей напряженной спине и дрожащим пальцам, не успевающим подносить к губам сигарету.

— Ты должна была сама догадаться, что для такого человека не составляет труда узнать абсолютно все. И лучше было не обманывать его в таких мелочах.

На пороге кафе появилась Элька, и мы синхронно повернули голову в ее направлении. Я сбила пепел в ледяную кашу у своих ног.

— Ты же не препятствовал ей, когда она сказала, где будет. Ты даже не злишься!

— Я не буду говорить, что наши отношения различны по сути своей, Юль. Я никогда не лезу в дела своего босса, я могу только предполагать и догадываться об их формате. Дело не в том, что у нас все по-иному. Я был поставлен в известность с самого начала о том, где моя девушка проводит свое свободное время. Ты же, как я понимаю, то ли не сочла нужным, то ли побоялась это сделать.

Я не нашла, что ему ответить. С одной стороны, все было логично до невозможности, но с другой... Неужели Алекс в силу своего опыта и осведомленности о моем прошлом не понимал, как мне необходима хотя бы капля личного пространства, которое будет принадлежать только мне и давать ощущение пусть мнимой, но свободы? У меня ее не было слишком долго, неужели это надо было объяснять ему на пальцах?

Элька махнула рукой Джеку Воробью и направилась к нам. Денис бросил на меня осторожный взгляд.

— Я бы не хотел оказаться на твоём месте.

Шикарная попытка меня успокоить! И недальновидная с его стороны. Мне ничего не стоило послать бойфренда подруги вместе с его шефом в пешее эротическое турне и вернуться под крышу паба, где никто из них не посмел бы диктовать свои условия. Могло ли быть хуже, чем уже стало? Приближение Эли спасло от непредвиденных рискованных шагов.

— А ты знаешь, там совсем не страшно, на моем месте. Может, тебе бы даже понравилось! — я натянуто улыбнулась на очередной виток их страстных объятий и громко хлопнула дверцей автомобиля, забираясь на пассажирское сиденье. Ванильные обнимашки этих двоих на пронизывающем ветру кольнули нехорошим предчувствием. Вряд ли я теперь буду иметь право на подобный поцелуй. Страх вместе с давящим чувством вины сжал в тиски, заставляя жаться в углу, подобно загнанному зайчонку. Вжиматься побелевшими подушечками пальцев в равнодушное черное стекло мобильного телефона в непонятной надежде на... на что? Абстрактное, сухое «прощена»? Я многое усвоила за это время. Прощение возможно только после наказания. И в этот раз звание первой леди самого крутого тематика города не избавит меня от подобной участи.

Пальцы, не подчиняясь законам логики, в попытке использовать любую возможность, продавливают сенсорные кнопки телефона. Я должна хотя бы попытаться сказать, как мне жаль, и не надо на этом этапе рубить проснувшиеся крылья! Сухие равнодушные гудки... Я не сдаюсь до третьего раза. Вздрагиваю от хлопка дверцы, кивнув на обеспокоенный Элькин взгляд.

— Денис, набери своего босса! — Маска холодной и невозмутимой стервы сорвана, валяется на мокром асфальте, присыпанная крупой, застывшая льдом — но мне больше нет до этого никакого дела. Интуиция вопит, бьется в сетях неотвратимого происшествия

пойманной птицей, сходит с ума от невозможности достучаться до чужого сердца и остановить предстоящий кошмар, пока не станет совсем поздно. Она не хочет точки невозврата, но еще больше она не хочет завершения того, что так прекрасно началось!

— Юля, у меня нет распоряжения его беспокоить, пока я не доведу тебя домой.

Эля открывает было рот, но, передумав, тянет руку назад, чтобы сжать мою ладонь.

— Багира, забей! Я завтра приеду вечером, побуду с тобой до утра... Просто продержись и не паникуй, договорились?

— А пары? — туплю я, напрочь забыв, что в понедельник их не будет.

— У Миранды открытая пара, а социологию мы перенесли на четверг, чтобы освободить день. Ты забыла?

... Я так и не узнала, откуда Алекс узнал об этом еще до того, как мне напомнила Эля. На тот момент мне уже было все равно, я настолько издергалась, что могла хотеть только одного: завершения разговора, пусть даже того самого наказания, ожидание которого разбудило панический ужас под патронатом сошедшей с ума интуиции. Как ни странно, я все же сумела заснуть в ту ночь, вытолкав взапой Элю, которая страдала комплексом вины за то, что не позволила мне остаться дома и так легко, не думая о последствиях, взяла на «слабо». О том, что нервному сну после дозы валерьянки предшествовали семь попыток дозвониться до Алекса, я утром старалась не вспоминать. Бывает, после того, как тебе удалось выспаться, ситуация перестает шокировать своей неотвратимостью, ты смотришь на нее с разных точек зрения и в итоге находишь правильное решение. Так вот, со мной эта теория не работала. Противная, подзабытая паника накрыла удушливой пеленой, принуждая остаться в постели и придумать себе несуществующую головную боль. Но когда Юлька Беспалова пряталась по кустам? Когда она отключала телефоны, чтобы избежать ненужного разговора, и баррикадировала двери тумбочками?

... Убегающая из-под колес дорога. До боли знакомый маршрут в привычном направлении, когда я горела сладким предвкушением встречи. Я ничего не замечала вокруг себя, списывая на волнение и тревогу. Что я тогда знала об их истинном значении? Между предвкушением чего-то хорошего и ожиданием неминуемой опасности — очень большая пропасть.

Был ли у меня выбор, когда отвечала на звонок, стараясь говорить максимально взвешенно, чтобы, упаси бог, мой голос не дрожал? Могла ли повлиять на эту ситуацию тогда, когда выбрала в спутники сухой деловой тон вместо униженных просьб забыть о ночной выходке и ничего не предпринимать? Я могла отказаться от поездки к нему домой, почему гордость выиграла именно сейчас, когда все козыри, да и сама правда, были не на моей стороне?

Вопросы без ответа, распалившие сухой костер обмораживающего ужаса. Этот огонь ледяной, он не обжигает, и от подобной неправильности сердце никак не желает успокоить свой хаотичный бег. Нет, оно не выдержит такой скорости — моментами накатывает волна расслабляющего спокойствия с оттенками чуть ли ни нежности. Еще один штрафной удар запутанной, перевернутой интуиции? Она так редко мне врет. Но сейчас... Я по-прежнему в безопасности, но одновременно как никогда близка к краю обрыва.

Руки Алекса уверенно сжимают руль, а я отвожу глаза, чтобы не думать о том, почему он так и не снял тонких кожаных перчаток. Так сподручнее меня задушить за проявленное своеволие? Демонстрация нежелания прикасаться ко мне оголенными пальцами, чтобы как нельзя точнее подчеркнуть глубину своего разочарованного презрения?.. Я не могу это

выдержать. Все это куда сильнее того, что я могла бы вытерпеть, не пискнув и не взмолившись о пощаде!

— Там не произошло ничего криминального. Есть запись мероприятия! — Почему, ну почему я оправдываюсь именно сейчас, за час до эшафота? — Мне действительно сообщили об этом в самый последний момент!

Он молчит, не удостоив меня даже взглядом. А могу ли я ожидать чего-то другого? Сегодня все не так, как было прежде. Нет затягивающего в омут страсти поцелуя при встрече — все, как я предвидела еще ночью. Нет привычной уже охалки белых или красных роз, которые всегда ожидали меня на пассажирском сидении. Никакого теплого шепота «все хорошо? Почему волнуешься?» в приоткрытые далеко не от возбуждения дрожащие губы.

И у меня нет никакого желания смотреть на него... потому что мне реально дико страшно! Да останови ты машину, врежь мне по лицу, заори, что я лживая сука, которая не стоила твоего доверия; разорви платье прямо по шву вдоль и поперек прямо на этой далеко не безлюдной трассе, пусть от этого яростного насилия станет легче обоим! Не заставляй меня медленно умирать от неизвестности, разрываясь между желанием упасть на колени прямо в машине и выпрыгнуть из нее на полном ходу, рискуя переломать все ребра!

— Я просто не хотела вас отвлекать от приема! Ну неужели непонятно? — страх так быстро трансформируется в ярость и обратно, что не успеваю зажать рот ладонью... и не усугублять свое и без того плачевное положение. — Что в кругу друзей со мной могло случиться?!

Резкий визг тормозов на мокрой трассе, скрип шин разрядом усилившейся паники по перетянутым сплетениям нервных окончаний — кажется, я все же вскрикиваю, вцепившись пальцами в подлокотник, рискуя сломать маникюр. Страх и без того плещется в нейтральных водах за зоной финишных буйков, ожидание неизбежности съедает изнутри в отчаянной попытке спасти хоть крупицу здравого смысла.

Я жду всего, чего угодно. Хватки за волосы и удара по лицу. Принуждения как минимум к оральному сексу прямо здесь, рискуя шокировать проезжающих мимо. Меньше всего я жду, что Алекс сложит руки в замок на рулевом колесе и задумчиво уставится вперед, принимая, как могло показаться со стороны, тяжелое для себя решение.

Время замирает вместе с новыми витками просыпающегося ужаса. Мне следует перестать смотреть, уставиться в пол, подумать о чем-то отвлеченном. Но я не в состоянии отвести глаз от его четко очерченного профиля и легкого прищура устремленного на дорогу задумчивого взгляда, слегка затемненной линии высоких скул и волевого подбородка. Внезапное желание провести по щеке кончиками пальцев, забирая его скрытую злость, умиряя взбешенного зверя внутри, гаснет, не успев трансформироваться во что-то более осознанное и реальное.

— Ты можешь все остановить, — его голос лишен какого-либо эмоционального окраса, только пальцы под тонкой черной кожей перчаток сильнее сжимают руль. — Одно твоё слово — я отвезу тебя домой. Ты не обязана, если не хочешь.

— И всему конец? — Поразительно, как недавний страх отступает перед ужасающей перспективой потерять то, что еще толком не началось, и я сейчас боюсь этой потери до дрожи в коленях, до первых темных пятен перед глазами. — Ставим точку в нашей истории?

— Я не имею привычки принуждать к чему-либо. Выбор всегда будет за тобой. Создавать иллюзию отношений, притворяясь тем, кем ни один из нас не является, будет изначально неправильно.

Сталь бескомпромиссных слов режет по живому, усиливая дрожь в сомкнутых коленях. Я прекрасно понимаю, что моя жизнь просто рассыплется на тысячи мелких осколков, если я потеряю свой свет в страхе перед кратковременной болью от его не всегда ласковых лучей. Мне так дорого встало недавнее одиночество, что я едва не сошла с ума. Уже не задумываясь о том, как именно это выглядит, подаюсь вперед, не в состоянии скрыть ужас от возможного разрыва. На сей раз этого достаточно, чтобы Алекс повернулся ко мне, и наши глаза встретились. Я не вздрагиваю и не отшатываюсь от легкого хладнокровного прищуря, беспрепятственно, с каким-то облегчением позволяя ему залезть в мое сознание, считывая страх и опасения распахнутой наизнанку души.

— Ты понимаешь, что мне придется тебя наказать?

Я не могу даже кивнуть. Я боюсь, что любой жест, малейшее движение ресниц будет использовано против меня. Оправдания замирают на губах, медленно растворяясь в повисших секундах. Мне не нужно спрашивать, зачем и почему, это уже не имеет никакого значения.

— Я никогда не запрещал тебе общаться с друзьями. Тирания — не мои методы. Я не могу простить тебе твой эгоизм без наказания. Ты думала только о своем комфорте и удовольствии, когда не поставила меня в известность. И ты даже не предположила ни на секунду, что я тоже могу волноваться... переживать за тебя... Я сейчас молчу о проявленном недоверии с твоей стороны! — Ладонь сжимается в кулак до предельного натяжения перчаточной кожи. — Я просил всего лишь никогда меня не расстраивать. Быть откровенной!

Это я запомнила очень хорошо. За недоверие наказывают с самой крайней жестокостью. Мне хочется закрыть глаза, но я с отчаянием смертницы держу его взгляд, беспрепятственно позволяя спиралам обмораживающего азота погасить мое сумасшедшее биение сердца.

Я смелая. Я смогу.

Это молчаливое согласие. Не в состоянии выдержать атаку потемневшего малахита, отвожу глаза. Молчаливая пауза уничтожает мои нервы, но я не в состоянии произнести ни слова. Я молчу всю дорогу, отмечая неровный рельеф загородной трассы в ожидании неотвратимой неизвестности.

Иногда интуиция ведет нас к финалу совершенно неожиданным путем. Запутанным маршрутом через фатальные буреломы, где мы рискуем травмироваться и растерять все силы. Мы можем долго ругать себя за то, что решились шагнуть в эту бездну кошмара с тонкой натянутой леской, которая не даст упасть и провалиться, она одна не позволит нам свернуть с пути, который изначально был правильным... и единственным из возможных, как бы ужасно это не выглядело со стороны.

...- Я не буду ждать до вечера! Юля, или ты раздеваешься без своих глупых попыток меня разжалобить, или, клянусь, поползешь в комнату на четвереньках!

Мои пальцы обледенели на молнии платья. Глотая слезы ужаса и преодолевая головокружение, дергаю ее вниз, чудом не вырывая полностью. Сейчас в этом униженном избавлении от одежды в гостиной нет ни капли грациозного эротизма. Последний взгляд на хмурое непроницаемое лицо рассерженного Хозяина в немом ожидании, что сейчас все закончится... Что я просто прижмусь к его груди и смогу дать волю слезам под равномерные поглаживания волос и ласковый шепот с обещанием чего-то чудесного. Губы Алекса раздраженно дергаются, всего в два шага он преодолевает разделяющее нас расстояние.

Вместо поглаживания затылок прошибает расколёнными иглами от хватки в волос, режущий захлест по линии ребер, прежде чем кружевной бюстгалтер, не выдержав рывка сильной мужской ладони, летит на пол под аккомпанемент моего испуганного крика.

Я не готова. Не дали времени даже выпить стакан воды и отдышаться после дороги, которая, похоже, уже стоила мне очередной фобии. Хозяин в ярости. Я никогда не увижу ее проявления в его глазах, в нервозности уверенных движений, в подрагивании челюстных мышц, но от этого я не перестаю ощущать эти гребаные флюиды, убивающие во мне все живое! Резкий толчок — и я едва успеваю сгруппироваться, зашипев от боли в кистях, которые приняли удар о пол на себя.

Его нога в неизменной коже дорогих туфель легким нажимом давит на поясницу, пригибая к полу.

— Я сказал — раздеться! Я непонятно выразился?

Ужас настолько сильно завладел мной, что блокирует даже сухие рыдания. Переворачиваюсь на спину, поспешно стягивая колготки. В этих извивающихся метаниях эротики нет вовсе. Поспешно откидываю их в сторону вместе с узкой полосой стрингов. Мне некогда даже испытывать унижение, все вычеркнул ужас от возможного наказания, если Хозяин снова останется недоволен. Со сдавленным криком отползаю к дивану, увидев в его ладони моток уже хорошо знакомой мне красной веревки.

— Прекрати орать. Я просто хочу тебя трахнуть. Или это для тебя хуже порки тростью?

Мои глаза помимо воли расширяются от режущей циничной констатации факта, и все же зажимаюсь, не в состоянии видеть его улыбку, которая не предвещает ничего хорошего.

— О нет, твое наказание не закончилось... Оно еще не начиналось! Считай это прелюдией, может, даже получится расслабиться!

Грубые витки веревки впиваются в покорно сомкнутые запястья, отзываясь в позвоночнике вспышками разрывающей боли, а меня уже трясет от подступающих слез и его близости. Хочется просто прижаться, минуя все преграды тематического регламента... Стоп-слово забыто, ужас отключил этот участок памяти, и мне сейчас это совсем не нужно. Снова грубая хватка волос, шиплю от обжигающего трения коленей о паркет, когда он ловко, словно тряпичную куклу, разворачивает меня лицом к дивану. Холод кожи охлаждает пылающую щеку, разрывая контрастом с жаром огня в натянутых волосах, а тело цепенеет, не в состоянии сопротивляться абсолютной власти Алекса. Мой свет стал моей тьмой. Слезы сжимают горло, едва различаю звук стукнувшего о паркет ремня с легким звоном металлической пряжки и звук расстегиваемой ширинки, закусив губы в ожидании неминуемой боли.

— Да ты уже готова... Удивлен, что у тебя для этого остались силы... Только тело врать не будет! — Все-таки вскрикиваю от прикосновения головки члена к малым губам, не в состоянии побороть волны сладкой патоки, залившей тело от одного касания. Он не торопится, несмотря на с трудом сдерживаемую ярость, и мой крик переходит в сдавленный всхлип от скольжения влажной головки пениса по налившимся половым губкам, затрагивая всю площадь жаждущей большего киски. Повинуясь основным рефлексам, толкаюсь навстречу его полному погружению одним резким толчком на всю длину, до самой матки, но не пугает даже минутная боль. Краткая заминка перед новым толчком — не успеваю оседлать сосредоточение удовольствия, толчки члена внутри разрывают привычный темп, переходя в ритм откровенного насилия. Если б я еще могла воспринимать его именно

такovým! От беспощадной резкости грубого вколачивания стеночки влагалища, не сговариваясь, превращаются в одну сплошную эрогенную зону, и не проходит и минуты, как резкие, тугие судороги сжимают член в своих атакующих тисках накрывшего оргазма в унисон с моим криком... больше не ужаса и не отчаяния...

В ушах еще шумит после нелогичного, неправильного, но такого сладкого потрясения от накрывшего с удвоенной силой оргазма, что я даже с трудом соображаю, что кончила я одна. Грубый рывок, отдающийся резью в запястьях, перед тем как они получают свободу. Подтягиваюсь на дрожащих руках, на губах медленно расцветает счастливая улыбка удовлетворенной женщины... прежде чем фиолетовый сатин мужской рубашки падает на пол рядом с диваном.

— Тебе лучше одеться. — Резкий звук застегиваемой ширинки режет по нервам некоторой нелогичностью происходящего, растерянно хватаюсь за его рубашку, непроизвольно задержав взгляд на выступающих кубиках мужского рельефного пресса, продеваю руки в рукава, все еще не понимая, что произошло, и почему такая внезапная поблажка. Это все, чего мне надо было сегодня опасаться?

Ноги подкашиваются, когда я пытаюсь натянуть трусики, рискуя свалиться, и все же падаю обратно на диван от приступа головокружения.

— В постель, моя девочка? — ледяной тон взрезает мне нервы. — Ну уж нет. Я не желаю сегодня видеть тебя в своей постели!

Поднимаю голову, проклиная возвращение ментолового холода приближающейся паники. Легкий прищур его глубоких, потемневших зеленых глаз никуда не делся, как и улыбка циничного Хозяина на тонких губах.

В который раз за сегодня время делает замедленный кульбит, искажая пространство и восприятие реальности? Моторный катер под предводительством автопилота вместо Харона взял курс к вратам Тартара, и обратный отсчет запустил свой безжалостный таймер, с отскакивающими секундами циничного тембра.

— Пора показать тебе твою новую комнату. Мне жаль, я думал, никогда до этого не дойдет! Только ты не оставила мне другого выбора...

Я не испытываю панического ужаса за шаг до предела неотвратимости. Может, так и должно быть на самом деле? Когда сознание устает метаться от страха и давящей неизвестности, оно просто включает защитный режим спокойствия с примесью необоснованного оптимизма. Можно ли его винить в этом? Оно не знало ничего другого наедине с этим мужчиной за долгие минуты, часы, дни, недели, которые складывались в месяцы наших потрясающих взаимоотношений. Я и сейчас не верю в плохое, глядя на эти плотно сомкнутые губы, в эти цинично прищуренные глаза и слыша уставший, спокойный, а от того еще более пугающий голос. Его тембр умеет запускать по телу реки щемящего искушения с примесью сладкого страха, а уж никак не ужас и желание бежать со всех ног. Если эти сильные руки причиняют боль, она моментально трансформируется в разряды острого удовольствия. И еще он никогда не злится, как бы ни пытался доказать обратное. Стальной самоконтроль с узаконенной позиции искушенного эстета с доминантным складом характера, никаких попыток казаться тем, кем не является, и отыгрывать заученную роль — его визитная карточка. Что мне может угрожать сейчас, когда я под его защитой? Нам слишком хорошо было вместе, чтобы разрушить все одним ударом кнута, оглушающей пощечиной, принуждению к унижительному поцелую туфель и тяжелого ошейника в качестве экзекуции!

Я все еще не верю, что произойдет что-то ужасное. Рывок за пределы собственного страха и тревоги для их моментальной нейтрализации. Сатин фиолетовой рубашки ласкает разгоряченное после потрясающей эйфории тело. Стягиваю ткань плотнее, вдыхая его потрясающий аромат, нотки сандала с легким шлейфом тонкого парфюма. Отчаянная попытка доказать себе, что ничего плохого со мной случиться больше не может? Летом я испила свою чашу страданий до дна, после всего того, что этот человек сделал для меня, ничего подобного повториться не может. Зачем надо было мариновать меня в кабинете элитного психотерапевта, воскрешая прежнее мировоззрение день за днем? Не для того же, чтобы все это уничтожить недрогнувшей рукой в один день, воспользовавшись моей ночной самоволкой как поводом развязать себе руки?

Пытаюсь подняться, только в ушах еще шумит от пережитого удовольствия, непроизвольно сжимаю виски и откидываюсь на спинку дивана. В чем логика? Зачем меня заставили одеться? И что значат эти хлесткие слова «я не желаю видеть тебя в своей постели»? Попытка сберечь от собственной ярости, опасение, что не удержит контроль, или просто отчуждение, самое тонкое и беспощадное из наказаний?

— Все нормально? — его голос так же холоден, но я даже в таком нестабильном состоянии могу уловить в нем ноты беспокойства. Со мной все нормально. Головокружение может как спасти меня от неизбежного наказания, так и отстрочить его во времени, сжигая нервные клетки дотла. Поднимаю глаза, возвращая себе холод рационального суждения, у которого только одна цель — не допустить, чтобы Алекс сейчас увидел мой страх. Я только надеюсь, что очередной приступ слабости сейчас не помешает мне встать на ноги, потому что проявлять слабость и униженно цепляться за его щиколотки не стану, даже под угрозой неминуемой смерти!

— Тебе лучше обуться. — Перевожу растерянный взгляд на пару обуви в его руках. Похожа на кеды, рассмотреть детально не успеваю. — Если не уверена, скажи прямо сейчас.

Потом я тебя слушать не буду.

— Может, хватит уже? Я вскидываю голову, поборов приступ ледяного ужаса.

— В подвал? — Съязвила, не смолчав. Я не знаю, что буду делать, если в моей шутке не окажется и доли этой самой шутки. — На цепь? Просто не июль месяц. Это так, на всякий случай!

Теплая волна пробегает по напряженной спине- я вижу в его глазах отражение сожаления, минутного колебания, — меня накрывает биополем почти болезненной эмоциональной защиты, но я настолько напугана и дезориентирована, что не понимаю его значения. Не хочу понимать и принимать — потом придется низко и больно падать!

— Не паясничай. Никакого подвала, если тебе станет легче. Подожди!

— Два быстрых шага мне навстречу.

— Обувайся! — Мне приходится присесть, и я этому рада. Он не видит, как я трясусь, натягивая мокасины, как с трудом сглатываю подступившие слезы и как поспешно вскакиваю, готовая убить себя за желание прижаться к его ногам и умолять в этот раз не делать ничего, что может угрожать нашим отношениям! Мой страх сейчас не страх боли. Не страх унижения. Это страх потери пока еще хрупкого, волшебного равновесия нашего зарождающего мира, страх потери веры в мужчину, которого я уже привыкла называть своим, опасение увидеть его таким, каким никогда не смогу принять и полюбить. Это страх потери Света, перед которым Тьма сдалась, капитулировала, растворилась, не в силах вынести абсолют настоящей власти... Я не хочу терять то, что уже бережно и крепко держу в своих ладонях, и не желаю расставаться с ним ни при каких обстоятельствах!

С трудом не всхлипываю, когда теплые пальцы псевдо-лаской погружаются в мои волосы, чтобы натянуть привычной хваткой у корней. Давление ладони направляет мою голову к дверям, и я, забыв на время, как дышать и плакать, делаю первый шаг в свою личную преисподнюю.

Спиральная лестница, кованые перила, мягкий ворс ковра. Пылающий от прилива крови затылок, ужас хлесткими ударами по слезовыводящим каналам, безжалостными пощечинами по побледневшим щекам, — я была бы счастлива принять их в реале... Паника врывается в незащитно-растерянное сознание вооруженным агрессором на двенадцатой ступеньке, взрывая изнутри шипами обмораживающей пустоты. Дергаюсь в его руках, рискуя лишиться волос и свалиться с лестницы с первым выстрелом-отдачей несдержанной душевной боли и горьких слез.

— Ну что такое? Я думал, ты смелая! Тише, моя девочка! — шепчет Алекс, а я едва не падаю, больно ударившись большим пальцем о выступ ступеньки, но хватка в волосах не ослабевает, наоборот, добавляется давление руки на плече. Я извиваюсь в этой хватке, бездумно пытаюсь отступить назад. С таким же успехом можно попытаться сдвинуть шкаф в не особо ритмичном танце. Нереальность происходящего правит свой бал, но даже ей не под силу выдержать атаку неумолимого ужаса.

Боже мой, я не хочу туда. Я не знаю, что ждет за этой безобидной с виду дверью, одно я знаю точно — ничего хорошего! Не замечаю острого разряда боли в почти вывернутых в перекрученный жгут волосах, практически задыхаюсь, неосознанно вонзая ногти в кожу груди Александра, теряя способность говорить и соображать... Я хочу кричать, умолять, угрожать. Орать, проклинать все на свете — но я не могу! Он не замечает моего состояния или просто не спешит мне на помощь. Он больше не мой персональный ангел. Два серебряных крыла носителя спасительного Света заключили негласный союз с моей Тьмой,

бог и дьявол обмениваются крепкими рукопожатиями, даже не сражаясь за право перерезать алую ленту в честь открытия черного отчаяния имени Юли Беспаловой. Тепло его тела, биение сердца, согревающий пульс сильных пальцев теряют свое предназначение, оставаясь за периметром такой знакомой стены вакуумного плексигласа. Я ее кажется, даже знаю... Откуда?! Почему?! Зачем снова?!

Воображение наверняка рисует картину камеры пыток — но я не замечаю ее пугающих красок за приступами паники. Все еще пытаюсь вырваться, потеряв неоспоримое преимущество ступеней. Защитный купол нашего уникального, понятного только двоим, с таким трудом выстроенного мира исходит сетью тончайших микротрещин на пороге обычной белоснежной двери комнаты, в которую я не хочу входить. Кажется, стоит сделать шаг — и поглотит беспощадный огонь, его убивающий жар проникнет до самого сердца, в который раз разбивая на осколки!

Бросаю невидящий взгляд в абсолютно светлые, невероятно затягивающие зеленые глаза того единственного мужчины, кто не только приготовил мне этот кошмар, но и кто сам в состоянии остановить запущенную программу уничтожения! Провести ладонью по пылающим щекам, запечатлеть сухой поцелуй на лбу, прошептать, что мне нечего бояться — пусть даже соврет, я заранее ему это прощаю. Только не окунает в забытый ад одним рывком дверной ручки! И мне плевать на то, что будет со мной... Я до боли, до разрыва сердечной мышцы, до кровоизлияния в мозг боюсь крушения того, что мы так долго и тонко плели день за днем, того, что я без пяти минут готова была назвать своим счастливым будущим!

Сколько моим ослабевшим, дрожащим рукам сопротивляться мужской силе, скользить, а не бить сжатыми кулачками по широкой груди с каркасом железобетонных мышц? Сколько боли я могу уместить в своих глазах, чтобы увидеть тень сомнения или неуверенности на его замкнутом спокойном лице? Сколько гулких ударов должно пропустить мое сердце, чтобы достучаться до чужого в умоляющей попытке не уничтожать, не убивать НАС этим бескомпромиссным решением неотвратимого наказания запутавшейся девчонки? Какие аргументы я могу безмолвно прокричать в попытке достать его сознание, потому как падения на колени и надрывного рыдания с мольбой не переступить черту будет сейчас недостаточно?! Почему стеклянная стена защитной непроницаемости не пожелала вырасти за считанные секунды между нами, поманила своей мнимой доступностью и растворилась без следа? Ей показалось, что она увидела в зеленых озерах внимательных глаз отголосок грусти и сожаления с желанием все немедленно прекратить, и если так, почему он этого не сделал, и чего же ему не хватило для того, чтобы отменить шокирующее решение?! Неужели моего надрывного крика, переходящего в сдавленные рыдания, которые я на пороге своего падения в бездну не могла воспроизвести даже под прицелом револьвера? Гордость была здесь ни при чем... Я просто не знала, почему не смогла его остановить в эти падающие каменным обвалом жестокие неотвратимые минуты!

Поворот дверной ручки длится вечность, и я закрываю глаза, разучившись дышать, бояться и чувствовать. Я не разучилась только двигаться, повинуюсь чужой воле, не замечая хватки в волосах. Наверное, в таком состоянии отчаяния-невесомости я бы шагнула, упала в свой Тартар сама, без излишнего давления, потому как выбора не было — даже со свободными руками и возможностью произнести заветное слово, которое остановило бы этот кошмар. Но в тот момент я просто не помнила, что никто и ни на миг не отнимал у меня такого права.

Я не чувствую рук Алекса, которые скользят по моим плечам. Этот жест призван унять

мой ужас, растворить, разделить на двоих, напомнить, что я никогда не буду одна, брошенная перед лицом опасности. Как этого недостаточно сейчас... и как цинично воспринимает его уставшая сторона сознания. Она знает, что никогда не причинят мне боль эти руки, и вместе с тем она больше не знает ничего!

Несколько шагов такой гордой и свободолюбивой девчонки, которая больше всего на свете хотела обрести душевное равновесие в руках сильного мужчины, уничтожая свои недавние кошмары, почти покинувшие воспоминания. В полной темноте, в спасительном мраке до боли зажмуренных глаз, которые в этот момент жаждали только одного: лишиться способности созерцать в обмен на заверение в том, что нет никакой угрозы! Остановка сердца перед тем, как вновь разогнать его бег до предельной скорости, в немой надежде услышать шепот «все хорошо, можешь не бояться!», с откатом ледящего спокойствия по пылающим нейронам взбесившихся клеток... Что это такое? Почему в этом состоянии накрывает откатом ледяной волны, оседая инеем на дрожащих ресницах, заставляя их подняться вверх, коснувшись обмораживающим росчерком неподвижного века?.. Неужели я настолько устала бояться, что хочу наконец-то поставить эту точку, даже если она меня уничтожит?

Холодный белоснежный оттенок бесчувственных стен с продольными полосами темных панелей, слившихся в черно-белую графическую панораму. Первое время я не желаю замечать ничего, кроме дизайнерского оформления комнаты моего окончательного падения.

Даже цепей, разбросанных в хаотичном порядке по полу со встроенными креплениями.

Даже кожаных ремней непонятного назначения на металлических хромированных перекладинах.

Даже огромных зеркал во всю стену, поймавших в свои беспощадные сети отражение хрупкой девчонки с побледневшим в цвет стен лицом, с огромными, расширенными, еще темными — то ли от пережитого возбуждения, то ли от ужаса — глазами.

Я должна бежать. Я должна кричать, надрывая связки, жмуриться до кровоизлияния в лопнувших сосудах воспаленной сетчатки. Я просто обязана, по законам жанра, упасть на холодный пол последним усилием подогнувшихся колен, в бесконтрольном, безысходном жесте протянуть руки, обхватив ноги все еще сжимающего мои волосы мужчины, пусть даже вырвет скальп на хрен с корнем, сбивчивым речитативом черного отчаяния рассказать, срываясь во всхлипы безудержных рыданий, как мне жаль прошедшей ночи и собственной неосмотрительности. Но я не делаю ничего. Перевожу заторможенный взгляд с глянцевого сияния стальных цепей, которые кажутся неподъемными, на почти безобидные черные ремни (безразличной фиксацией в сознании), и также без промедления и задержки дыхания — на равнодушные зеркала стены-портала.

Они мне показались странными изначально, но я не могла понять почему. Приступ тошноты бьет по нервам сжатием желудка, а сознание со скрупулезностью патологоанатома-исследователя отмечает тонкую сеть едва заметной лески поверх всей плоскости отражающей поверхности. Может, именно поэтому я не срываюсь в истерику и не ору от первобытного ужаса?

Я смотрю в собственные потемневшие глаза на неестественно бледном лице, и сердце вместе с желудком, легкими (что там!), вместе с обоими полушариями мозга медленно падает к моим ногам. Я даже при желании не смогу побежать, мышцы ног скручены отравляющей слабостью, выбивающей испарину под сатином рубашки на дрожащем теле. А я этого не замечаю. Я так часто видела в фильмах излюбленный режиссерский трюк, когда

перед смертью герой смотрит в зияющую бездну пушечного дула. Однажды в него смотрела и я, только все выглядело куда примитивнее. Это не похоже на кино. Это даже не похоже на ту реакцию, что должна быть на такое у девчонки, которой подобные игры разума однажды едва не повредили психику. Я не хочу бежать. Мне все равно. Мой защитный купол пошел углубленными трещинами, и ничто не в состоянии его спасти, восстановить, прикрыть. Пройдет совсем немного времени, и радиоактивное излучение инопланетного солнца проникнет в пока еще невидимые взгляду микроразломы. Обитатели этого райского уголка начнут сходить с ума, задыхаясь от ужасающего жара проникших до костной ткани микроволн, в отчаянии поднимая глаза к безмолвным небесам, чтобы успеть увидеть картину, которая, наверное, даже не будет ужасной. Скорее, поразит убивающей красотой. Спалохи северного сияния на стеклянном куполе защитного поля, с бегающими синими искрами по граням микроразрывов. Их окончательный распад — дело времени, и тогда цветные переливы обрушатся на цветущую землю избранного оазиса, сжигая все в смертоносном огненном урагане беспощадной солнечной вспышки...

Города моей вселенной пылают. Нет, не просто пылают в обычном пожаре, а взлетают на воздух, потому как радиация проникает глубоко в их земную кору. Говорят, в огне можно переродиться? Можно. Я застываю панцирем тонкого льда изнутри сломанной в которой разности. Ее так часто ломали, что однажды она к этому привыкла. Сказала себе — пожалуйста, но не ждите моих криков, воплей, расцарапанной кожи с вырванными ногтями, в этот раз мне будет практически плевать, да и лень воспроизводить шаблонную реакцию. Это не классический ступор, через который я однажды прошла с Димой, нет... мне все еще больно, лед иногда ранит сильнее пламени.

Это произошло. Я стала старше еще на одного мужчину. На еще одного одержимого садиста, которому оказалось мало доверия и его неотъемлемых бонусов. Он с настырностью разведчика из Ми-6 прощупал все мои болевые точки (некоторые из них я так охотно сдала сама), а какой же охотник без жажды удовлетворения своих потребностей и всеобъемлющей власти? Какой игрок откажется сыграть белыми на поле, которое изначально не было моим? Алекс ждал только повода. Наверное, он доволен до безумия?

Слезы дрожат в моих глазах, превращая наши отражения в размытую дождем панораму. Сморгнуть их — дело несколько секунд. Как бы мне ни хотелось навсегда уснуть с горькой поволокой на глазах в вечном покое душераздирающего падения в бездну, я не могу позволить соленым каплям отчаяния застыть льдом и навсегда убить во мне остатки догорающей воли. Я опускаю веки всего лишь на долю секунды, смачивая ресницы влагой собственного страдания, и, когда снова открываю глаза, больше не вглядываюсь в отчаянную агонию зеленого холода. Смотрю в кривые зеркала под решеткой прозрачной лески, чтобы на этот раз увидеть главное сосредоточение собственного кошмара.

Его глаза.

В прошлый раз я жмурила их до боли, не понимая, что делаю, дергаясь, задыхаясь в накатах панических атак. А сейчас все наоборот. Я по-прежнему подсознательно цепляюсь за порталы собственного спасения и не могу отвести взгляд. Сердце истекает кровью, застывшее время режет его на ремни стальной сотни острозаточенных кинжалов, только так — ведь иначе и не могло быть у черты абсолютного падения. Слезы текут по моим щекам. Я их не замечаю, все, что могу видеть — это взгляд. Я вижу его в отражении, в глазах, в которые смотрю сейчас в упор и кажется, могу потерять в нем себя вместе с этой нечеловеческой болью. В глаза все равно смотреть легче, чем в бездушные порталы, которые

безжалостнее всех раскрывают самую горькую и жестокую правду. Ты вещь. Чужая игрушка. Безвольное существо. Жизнь не стала тебя сразу окунать лицом в грязь, она позволила испытать иллюзию, будто ты что-то решаешь и можешь влиять на естественный ход вещей в мире, который изначально был разделен на господ и рабов, хищников и жертв. Ты оказалась слишком строптивой жертвой, раз довела уже второго человека до такого ужасающего шага.

До наглядной проекции зеркальных отражений, которые никогда не станут врать и исказить действительность. Охотник и загнанная дичь. Роли распределены изначально, а ты попыталась нарушить их естественный ход.

Желудок скручен стальным жгутом судороги, еще немного, и придется зажать рот ладонью. А я так и не уверена, что смогу. Я не смогла закрыть глаза, остальное несущественно. Ставлю воображаемый блок из пуленепробиваемого стекла между переплетением наших взглядов в холодном зеркале под вибрацию разорванных струн собственной души. Мне кажется, она рикошетит от зеркал в глубину его глаз, обретая в сознании картину запуска неумолимого разрушения. Пугающая своим статичным спокойствием картина в доме замороженного времени. Я окончательно теряю себя в адском противостоянии одинаково зеленых глаз в раздвоенном отражении, до тех самых пор, пока не вздрагиваю от наката режущей боли в унисон с ним. Этого недостаточно, чтобы отвести глаза... я вижу то, что, наверное, никогда не должна была увидеть. Тень боли на непроницаемом холодном лице моего зеркального врага за миг до того, как он быстро отводит взгляд, как будто больно не мне, а ему одному...

Я догораю. Улетучиваюсь удушливым дымом из распахнутых навстречу собственному уничтожению глаз. Теряю его взгляд, теряю последние остатки собственного я, и сердце не в силах биться от убивающей боли потери и распада на атомы.

Ирина Милошина, психотерапевт экстра-класса, известная своими инновационными методами! По-твоему, это то, что должно было излечить меня от фобии?! Твое исцеление — жизнь овоща, бесчувственной кибер-версии Ви-Экс, которой никакие зеркала нипочем, потому что в груди нет сердца? Это могло бы сработать... Видимо, ты недостаточно близко знала, что из себя представляет Александр Кравицкий!

Вопль предсмертной агонии бьется в вывернутые болью ребра... Я догорела... Я прошила себя уготованной самыми заботливыми руками болью до основания, до каждой клетки, отравив их новой кровью с резусом абсолютного нуля. И несмотря на это, я готова зарыдать в агонии перевоплощения как в первый раз. Мне никогда не стереть с сердца безжалостный оттиск рабского клейма...

Что-то касается моих пальцев, а я не вижу и не хочу понимать, что же это такое. Быстрый росчерк по скулам, и картинка размывается еще сильнее: инородный предмет... пластиковые очки?! Я сошла с ума? Боже, мне плевать! Слезы накрыли мой мир своей серой пеленой под немым равнодушным взглядом амальгамы с отражением человека, который еще совсем недавно олицетворял собой все, о чем я могла только мечтать. Его больше не существует, а я навсегда потерялась, заблудилась, умерла в бездушных лабиринтах ледяных зеркальных коридоров. Мне непонятно, что именно мои пальцы так настойчиво сжимают, обхватывая цилиндрическую рукоятку чего-то объемного, но не слишком тяжелого. Если бы слезы не сбежали по щекам на темный паркет этой комнаты сломанных сущностей, я бы даже не поняла, что именно мне вложили в руки.

— Бей! Ударь меня!..

Я, кажется, знаю и все еще помню, кому принадлежит этот голос... Я только не хочу

замечать, считывать, разбирать по составу его интонацию! Трясу головой, опасаясь напоротся на острые скалы во время прилива зарождающейся истерики-агонии. Ударить... нет в этом моей вины. Фатум безжалостен, не мне бежать от агрессии разрушения, воплощенной в сильных ладонях жестокого хозяина...

Слезы уже обжигают щеки, соль оседает мелкими режущими кристалликами, когда я открываю глаза. Я стараюсь не видеть себя в этом зеркале. Я не могу на пике своего отчаяния связать воедино эти три вещи: биту в своих дрожащих руках, его потемневший, но не от ярости, взгляд в перевернутом отражении и приказ, лишенный любого смысла.

— Бей! — меня накрывает волной выбивающей боли, больше не моей... — Бей по моему отражению! Со всей силы, моя девочка!

Пальцы сжимают лакированную древесину бейсбольного атрибута. Мне настолько больно и пусто, что не кроет больше параллелью с той роковой летней ночью, которая стоила свободы и падения в затяжной ад. Хозяин отдал приказ. Даже у приговоренных к разрыву есть право последнего желания, даже с врагами пьют последний бокал, неистребимая вековая традиция под соусом благородства. Руки дрожат, когда я поднимаю биту. Мне все равно. Что я смогу сделать в такой апатии?..

Вспышка молнии испепеляющим разрядом в сто тысяч вольт длительностью в десятые доли зависшей секунды. Треск громового разряда взрывает повисшую тишину в моем отчаянном крике вместе с ударом по циничному отражению б**дского зеркального полотна — со всей силой вспышки умирающей сущности, до раскаленной боли в запястьях, наугад, без цели разбить отражение и стереть из памяти его взгляд...

Треск расколотого стекла. Разлет отражающей реальности на острые осколки, от хлесткого удара осевших у моих ног, лишь незаметный каркас ячеистой лески не позволил острым кинжалам впитаться в мое дрожащее тело в хаотичном фейерверке разрушения. Застывший взгляд, заключенный в бриллиантах мозаичных кусочков разбитого зеркала у моих ног... мне безумно мало! Второй удар простреливает плечо отдачей болезненного излома, обнаженные ноги царапает осколками, которые в этот раз мельче, и их куда больше. Вздрагиваю, словно насквозь прошитая автоматной очередью собственного падения, от грохота рухнувшего оборванного полотна еще относительно цельного зеркала, за которым больше нет портала в бездну, только белоснежная стена с легкими изломами натянутой бесцветной паутины защитного плетения... Я не замечаю ничего. Крик, разрывающий застывшее сердце, сбрасывающий оковы сковавшего льда, боль в суставах от безжалостных ударов по остаткам зеркал, белой стене, плитусам, возле которых рассыпалась бриллиантами жестокая амальгама.

— Давай... разбей! Уничтожь это! Вырви этот страх из своего сознания! — бита выпадает из моих пальцев от острого болевого прострела в ключицу, не похожего на предыдущий, захлебываюсь в приступе сухих бессвязных рыданий, теряя ориентацию в пространстве. Если я упаду на колени, изрежу все ноги мелкими осколками уничтоженного зеркала.

Теплые ладони накрывают мои дрожащие от напряжения плечи. Сухой шепот с оттенком зеркального страдания затихает на губах, едва достигая моего сознания.

— Ты больше никогда не будешь этого бояться... Ты сама с этим справилась! Моя Юлия! Эти сильные руки держат свое обещание. Они не дают мне упасть в буквальном смысле, удерживая за плечи. В его ладонях столько силы и нежности... В его крови сейчас столько же боли. Как и в моем сердце...

Но кто, б**дь, в этом виноват?!!!

Меня трясет. Зубы выбивают дробь до противного скрежета уязвимой эмали... Я не могу... не хочу... Я больше не позволю ему растопить мой лед после того, как он сам бросил меня замерзать в отражении неумолимого ледника!

Я его уже чувствую... Вот он! Проникает в кровь ледяными иглами пугающего спокойствия. Может, чтобы обрести подобное, нужно пережить боль? Срываю бездушный пластик защитных очков с лица. Они могли защитить от осколков, но не смогли защитить от рыданий, от боли, от зла, которое так легко, играючи, причинил самый близкий человек! Я не хочу, я не могу, я не вынесу больше подобных слез!

Боль в ключице усиливается, когда я резко веду перенапряженными плечами, сбрасывая с них его ладони. Линия согнутого в позе страдания позвоночника скрыла игольчатый узор ледяной изморози, которая постепенно заставила выпрямить осанку. Я смотрю в белую искалеченную стену. Там больше никаких зеркал, но я вижу сейчас отражение его глаз. И мне нет дела до беспокойства, раскаяния, разламывающей боли в двух омутах цвета расколотого изумруда.

— Е**ный садист. Такой же, как и он!

Мне плевать на регламент и путаницу между «ты» и «вы». Я не буду реветь и биться в истерике, воздевая руки к небу в отчаянном крике «как ты мог?». Я вообще больше не буду ничего делать! Дыхание все чаще и тяжелее, жесткая поверхность ламината ощущается кожей, но у меня нет сил подняться с пола. Как и нет ни малейшего желания ни на что. Ни следить за этим регламентом, за уверенными шагами, которые заставляют сердечную мышцу дергаться в такт, подобно ударам разрывающих пуль беспощадного снайпера. Там нет зеркал, там есть что-то другое... Средства «доуничтожения», если зеркала не выполняют своей функции. Мне все равно.

Рожденный из одного сгустка темной энергии конгломерат носителей грозových разрядов. Беснующийся хаос разрушения микрочастиц, которые в этот раз умирают без фейерверков и прощальных криков, они самоуничтожаются в абсолютной тишине спокойной апатии.

Она неизбежна... Ты же не думал, что один, сам, в этот момент и навсегда, имеешь уникальную способность все контролировать, продавливать своей черной властью? Как же успешно умеет маскироваться Тьма! Она может носить белый шелк обманчивого положительного биополя, скрывающего темную энергетику. Она может даже убедить в этом ту, кого выбрала жертвой — в данном случае, меня, разве трудно? Отогреть, усыпить сладкими словами, выдать дозу необходимой вакцины от падения в депрессию в виде боли и подчиняющего приказа не подниматься с колен... Она так настойчиво пыталась вырваться из его глаз всякий раз, когда мы были вместе (Алекс не зря запретил мне смотреть)! Непроницаемое тепло изумрудов, которые могли темнеть в один момент... А тьма никогда не бывает теплой! И не умеет долго прятаться. Я не хочу смотреть и видеть. Какая разница: зачем, для чего? У него нет права смотреть на меня так, окутывать куполом защиты, заботы, раскаяния, нежности и прочей сопроводительной херни, именно так и без прикрас! Он так умело усыпил мою боль лишь для того, чтобы исследовать брешь в оборонительном укреплении... и ударить по ним всей своей артиллерией Мастера от садизма!

Брось свой пустой лист, твари не ходят в белом!..

Когда обжигает боль... Я не вскрикиваю и не дергаюсь. Я вжимаюсь бедром в ламинат до продавливающей боли, которую не замечаю практически так же, как и первую. Не вполне

понимаю, почему ее жалиющие очаги расцвели одновременно на икре, щиколотке, подколенной ямке и бедре. Перевожу взгляд на покрасневшую кожу, которую сейчас так нежно, смывая поцелуи боли, гладит. Я не знаю, что это — переплетение более чем пяти кожаных шнуров с наконечниками в виде кисточек. Я должна это остановить. Прямо сейчас, преодолевая свою апатию и не игнорируя настойчивый голос в голове.

Голос. В голове. Он свел меня с ума.

Его шепот все настойчивее вместе со взмахом мужской кисти с плетью-семихвосткой и эвтаназией холодными иглами ненависти, застывающих в капиллярах уставшего сердца. Раньше оно разрывалось от предательства и сжималось от боли, а сейчас оно получило анестезию от удвоенного обмана. Первый визит апатии превратил меня в овощ, а второй — в Снежную королеву с остывшим сердцем. Мне много не надо, (к черту мартини, напиток ванильных принцессок! Бармен! Подобрал челюсть и выполнил, быстро! Концентрат прозиума, два кубика льда, с ментолом не надо. Сам ментол — в тонкую гламурную дрянь вымораживающим ударом в небо, гортань, легкие и дальше по капиллярам, огонь спрячь, поднеси вместо зажигалки жидкий азот). А тебе мало... Хочешь мою кровь? Ломай белые резцы своей голливудской улыбки в попытке впиться в мою шею, потому как кровь застыла только что твердым кубиком льда!

Вихри белой метели, молчание ледяной зимы с обжигающим, угасающим предсмертным шепотом в очередной раз растерзанного доверия... Скажи это, не молчи, скажи, и ничего не бойся, тебе больше нечего терять!

— Моя свобода больше не в вашем отражении!

Это мой триумф, лишенный смысла. Непрочувствованный, неосознанный и безрадостный. Поднимаю глаза, встретив грани-переливы оттаивающих изумрудов, в которых непроницаемая поволока безжалостной силы и власти медленно застывает кристаллами шока и ужаса. Я это вижу, или, может, чувствую? Есть так много эмоций, которые применимы к настоящей ситуации: облегчение, тепло, боль, нежность, сожаление, раскаяние, удивление. Нет ни одной в его глазах! В этих зеленых омотах всегда показательное равнодушие к боли и страданиям жертвы. Которое не считать ни одному дешифровальщику. А у меня то же самое, только не отражается в глазах... Меня вымораживает изнутри острое чувство еще не понятой потери.

Комната плывет перед глазами. Головокружение нивелировано обмораживающим спасительным блоком моей персональной мерзлоты. На его фоне жар чужой ладони отзывается болевым шоком в сплетенных мышцах, но я не вздрагиваю и не захожусь в вопле надрывного страха и душевной боли. Я просто медленно расцепляю хватку его пальцев на сгибе своего локтя и не отбрасываю, нет, спокойно отвожу руку в сторону, оглядываясь по сторонам...

Бриллианты расколотых зеркал. Легкий перезвон слегка колышущихся цепей. Я такого будущего хотела? Безвольной участи игрушки? Как ни странно, отчасти да. Я горела этим в обмен на молчаливое заверение в том, что никогда не предадут и не причинят острой боли, не физической, мое сознание ее практически не запоминало — а той самой агонии расколотого доверия. Все по законам жанра — ты сама вложила ему в руки нож благоговейной покорности и надежды, что именно он исцелит тебя от кошмаров прошлого. И ты не виновата. Откуда тебе было знать, что он всадит тебе его прямо в сердце по самую рукоятку, прямо в яблочко доверчиво нарисованной тобой же мишени поверх груди?

Голос бьется в стены моего Ледяного Дворца. Айсберг пал жертвой глобального

потепления, потому что его холод произвольно выпила я. Выбор был невелик: сделать это или сойти с ума. В этот раз окончательно.

— Я не могу отпустить тебя... Дай мне все объяснить!

Он продолжает что-то говорить все таким же спокойным, отмороженным тоном, таким родным и понятным. А я хочу просто уйти, не позволяя бархату тембра проникнуть внутрь и растопить этот лед мощного защитного поля. Не можешь меня отпустить? Прости, но это больше не мои проблемы! Вспоминаю, что мои колготки остались в комнате игр, платье — в гостиной... Мне нужно собрать свои силы и спуститься вниз, я не останусь в этой обители зла с ее повелителем ни на секунду.

— Не нужно ничего объяснять. Свобода и никаких отражений!

— Ты не понимаешь... ты больше не боишься! Ты просто пока этого не понимаешь... — его голос ломается на судорожном вдохе. — Дай нам одну ночь, чтобы окончательно это понять! Тебе больше не придется бояться зеркал... тебе ничего больше не надо будет бояться!

Я не понимаю, что дважды произнесла оба своих стоп-слова. Подсознание сделало это за меня, избавив от тяжелого выбора — сдаться или стоять до конца. Я не останусь, даже если он знает секрет бессмертия и обещает мне его подарить. Все это лишено смысла.

Может, я и вправду не боюсь уже ничего... Мне хватило преданного доверия. Я пресытилась повторением своего кошмара, о котором так доверчиво сообщила Александру совсем недавно в надежде, что мы обойдем острый угол десятой дорогой. Пусть его слова сейчас несут в себе весь смысл мироздания, мне больше нет места в этом мире боли, страдания и закоротивших параллелей, как и ему — в моем! Клеммы разомкнулись, выпуская на волю стужу беспощадной ядерной зимы, сомкнулись уже с грохотом бронированной стали, которую не пробить даже мне. Слова отскакивают от этого защитного поля. Пусть они наполнены глубочайшим смыслом — я потеряла этот мир, который мы с таким удовольствием строили, навсегда.

Перила больше не кажутся опасными, как и ступеньки — многочисленными и непреодолимыми. На обнаженной коже ног выступают рубины мелких капелек крови: там, где острые осколки зеркала оцарапали эпидермис, где кожи касались полосы плети, они напоминают нераспустившиеся бутоны экзотических цветов на фоне продольных розовых стеблей. Последний росчерк, фатальная метка ожесточенного напоминания о том, что я так сокрушительно потеряла. Но я не уползу в свою нору зализывать сердечные раны подобно подстреленной пантере. Я буду истекать кровью изнутри, но холодный лед не позволит ей покинуть пределы моего тела и унести с собой жизнь. Я по инерции заберу с собой чужое право на счастье, и не имеет значения, что боль его потери не исцелит и не согреет.

Я не хочу оставаться здесь, не хочу! Подхватив колготки и забыв о том, что на мне был бюстгальтер, который сейчас валяется где-то с вырванными крючками и деформированными косточками, выхожу в гостиную, игнорируя быстрые шаги за спиной. Если он вцепится мне в плечи и не позволит разжать хватку, я не буду даже сопротивляться. Но совсем не от покорности или безысходности: мое сердце сегодня не заденет ни один болевой надрез, его не ранит надрыв в судорожном шепоте прорвавшегося наконец в слова молчания, до моего сердца не дойдет даже самый шадящий и обнадеживающий аргумент. в поиске телефона роюсь в сумке, высыпая на пол все ее содержимое.

Он меня не останавливает. Тревога сгущается в периметре комнаты, режет затянувшуюся тишину отчаянием черной неотвратимости, пока я стучу по бездушному

сенсору...

— Служба такси, доброй ночи!

Диктую адрес моего дома. Я хочу оказаться там и даже не закутаться в плед, роняя слезы в чашку с чаем, нет — лечь спать без излишних мыслей. Хочу быть убаюканной тишиной родных стен, отмахнуться от скрытого злорадства не опасной больше тени и ее ментальных ударов в стиле «я предупреждал!», забыться спасительным сном, а утром вновь научиться носить свою маску с достоинством Снежной Королевы. Никаких слез — пусть лед вымораживает их в остроконечные кристаллы еще в зародыше, и никто никогда не узнает, как может умирать боль от преданного доверия!

— Адрес... Где вы находитесь? Алло?

Я в аду. В персональном мире вечного холода без проблеска солнечных лучей, возвращенном на осколках стекла и умирающего чувства. Поднимаю глаза на обеспокоенное, лишенное прежнего ледящего спокойствия лицо Александра. Он рядом — протяни руку, но я не сделаю шаг навстречу... и больше никогда не подпущу его ближе, чем на расстояние метра!

— Где мы? Адрес, — этот вопрос так легко срывается с губ. Я в спасительном ступоре накрывшего шока, и эмоции все еще валяются в глубоком нокауте. Странное, ужасающее ощущение, только страх сейчас деактивирован. Он все время мне что-то говорит, разбираю отрывистые фразы «не надо», «останься», «не уезжай»... Но мой вопрос останавливает непревзойденную риторику контролируемой речи.

— Я сейчас вызову Дениса... Положи трубку! Юля, я не хочу заставлять тебя это делать, но ты не понимаешь! У тебя нет права оставаться одной!

— Адрес... Где мы? — не проникаюсь смыслом отчаянных аргументов хриплого тембра. Который еще совсем недавно мог опустить меня на колени своей потрясающей силой и освободить сложенные за спиной крылья. Их сейчас ничто не в состоянии расправить для отчаянного рывка в свободный полет. Мой арктический холод погасил бордовое свечение, покрыл тонкими иглами инея каждую линию тонкого перышка, сковав вынужденным летаргическим сном. В этом сне мне предстоит переждать зиму, которая может не закончиться даже в первых числах июня.

Чувствую кожей вибрацию чужого отчаяния вместе с рефлекторными сжатиями слегка расширенных зрачков потемневшего малахита. Да, я готова расписаться в том, что ловлю убивающие волны чужой боли, но им больше не пробиться девятым валом через массив застывших льдин моего сознания. Каждый из нас получил то, что давно заслуживал. Мне все равно какие именно высшие силы раздавали эти черные бонусы и какой логикой руководствовались.

Я перестала бояться отражения. Потому что я перестала чувствовать.

Повторяю его слова раздраженному диспетчеру службы такси, киваю на резкое «ожидайте» и устало отбрасываю телефон в сторону. Его взгляд прожигает меня со спины, а мне все равно. Роняю расстегнутую рубашку на пол, натягиваю платье, даже не обратив внимания, как именно. Укол острого льда заставляет кожу ошетиниться воображаемыми иголками, когда Алекс пытается подойти. Я сама справляюсь с молнией. Я невозмутимо, без всяких масок, натягиваю колготки под его пристальным взглядом. И только после этого пугающая пустота обрушивается холодным огненным дождем на разорвавшиеся осколки того, что еще пару часов назад было целым. Слова не нужны, они замерзли под стужей нулевых градусов. Почему он тогда с последней надеждой обреченного на взаимное

одиночество пытается достучаться до одной на двоих остывающей сути?

Я просто закрываю глаза (болят от яркого света и пролившихся слез, ничего более). В темноте спокойнее наблюдать, как рушится зеркальное небо так и не ставшей реальностью истории. Следить за этими катаклизмами начавшегося апокалипсиса со спокойной невозмутимостью наблюдателя и даже не вздрагивать от закадрового голоса, от неожиданного тепла чужого присутствия, которого, увы, больше недостаточно, чтобы растопить осколок льда вместо сердца. Никогда смысл песни не доходил до меня с такой силой, как сейчас, в этот момент!

Часть меня еще помнит... Может, даже надеется и верит. Именно поэтому я не отрешиваюсь от его слов, не закрываюсь на семь тяжелых замков, я даже пытаюсь понять смысл сказанного с каким-то апатичным любопытством. Он садится почти рядом со мной, скрежет стула по полу — даже не вздрагиваю. Схвати он меня за шею и начни душить — не замечу, отобью атаку ледяным касанием без какого-либо усилия со своей стороны!

Попытка безболезненного внедрения величественного Гольфстрима в каналы моих северных истоков-течений не встретила никакого сопротивления... Я позволяю ему разбавить ледяные воды теплом, которого, увы, уже так недостаточно... так мало!

— Девочка моя, просто выслушай. Я знаю, на что это похоже и как именно выглядит... Ты должна понять, что все не так, как тебе показалось! Именно поэтому я не могу тебя отпустить. Ты просто не справишься одна!

Пусть... пусть говорит. Пока это происходит, есть один ничтожный шанс, что мои эмоции переживут глобальное похолодание. Из последних сил восстанут, преодолевая затянувшийся холод, разожгут огонь трясущимися руками под безмолвными ясными небесами, не позволяя смертельному холоду с высших слоев стратосферы обрушиться на землю и заморозить все живое в одно мгновение... Вот у героя Дэнниса Куэйда в фильме «Послезавтра» это получилось на последних секундах, ничтожный шанс, что и меня не позволит убить... максимум, вознаградит иммунитетом от сковывающего холода.

Я так много страдала и сгорала в душераздирающих эмоциях! Бог не дает испытаний не по силам. Должно быть, именно тогда я подошла вплотную к пределу, и вся боль моего переживания погасла, вспыхнув ярким огнем, в последний раз. Недели сладкой неги и эйфории излечили выжженную напалмом пустыню вместо души, которая сделала вывод из всего предшествующего. Анестезия. Холод. Нечувствительность к боли. Очередной юмор от инстинкта самосохранения.

— Ты думаешь, я тебя наказывал? Ты решила, что я хотел сломать тебя зеркалами? Неужели ты не слышала меня, когда я так часто повторял, что тебе ничего не угрожает? — Его голос спокоен, так вещают политики европейских стран с трибун, Ирина Милошина, Дима в свой период пробуждения монстров... очень опасные люди, в общем. Я не замечаю ноты отчаяния, раскаяния, желания защитить только потому, что такие эмоции чужды непробиваемым киборгам типа Александра. Они даже любят молча, никогда не раскрывая своих истинных порывов души! — Останься. Я не могу тебе приказывать, я прошу тебя об этом. Ты же хочешь проснуться утром и встретить свое отражение без страха, оставив все позади, как кошмарный сон, который никогда не вернется? Не смей убегать сейчас! Не закрывай себя в клетке нового страха!

Его ладонь резким движением обхватывает мое запястье, потянув на себя... Вздрагиваю всеми рецепторами и порами обмороженных нейронов от атаки жидкой плазмы по замерзшему сознанию, с глухим воплем вырываю руку обратно, не желая терять холодную

защиту шокового синдрома. Игнорирую покаяния чужой боли, навязчивого купола, который так легко может проникнуть внутрь и растопить эти льдинки в одно касание.

— Прости... Если бы ты только знала, насколько мне дорога... Если бы ты только это знала, страх бы навсегда тебя оставил! — сбивчивый шепот, замкнутый периметр чужой близости. — Ты сама, собственными руками, убила в себе свой страх... Но ты бы никогда этого не сделала, если бы я тебя не подтолкнул! Останься, и утром сама в этом убедишься... — его голос сбивается, режет мои нервы лазерами уже с трудом скрываемой боли. — Даже если ты не скоро сможешь меня простить, Юля... Позволь мне окончательно забрать твои тревоги... позволь подарить тебе новую жизнь!

«Прости» от Дома?! Можно ли измерить его цену в материальном эквиваленте? Можно ли последним рывком, усилием воли сбросить цепи льда? Впустить в себя это «прости» так глубоко как никогда прежде, вплести его в отбивающий биты ритм собственного пульса, наполнив единой симфонией? Рассыпаться на мириады горячих искр, готовых пронзить панцирь шока, понимая, что он прав во всем... до последнего слова. Мои страхи лежат осколочными бриллиантами на черном ламинате зеркальной комнаты. Он никогда не бывает не прав и не делает лишних движений! Прав во всем! Ничего для себя... альтруизм на грани, во имя... чего?..

Рок-версия украинского гимна сотрясает мои льдинки неуместной мелодией, разорвавшей хрупкие сваи так и не возведенного моста между мной и Алексом...

— Серебристая «Субару», 20–41, приятной поездки, — мне хочется и дальше держаться за мелодичный голос оператора, но желание исчезнуть, раствориться, убраться подальше от эпицентра моего же шока заглушает голос разума. Возможно, Александр прав во всем, а я бегу от своей судьбы и спасения с упорством раненой хищницы, которой так тяжело ступить за флажки для окончательной сдачи на милость победителя.

Серебристая, как все оттенки моего вечного холода, «субару». Мой путь в никуда, подальше, оставив позади орбиту того, что могло стать началом, жизнью, моим спасением. Так ничтожно мало и так невыносимо много...

Не делай этого! Останься! Позволь забрать твой вечный холод остановившихся полюсов одним касанием магической росписи, кольца властного единения, деактиватором боли, одной на двоих. Просто прими этот Свет и не смотри, что он окрашен условностями глухого социума во все триста оттенков Тьмы, слушай только свое сердце, оно никогда не будет подвластно чужой доминантной сущности! Ты же чувствуешь это в себе... Не ты застываешь льдом, арктический холод был призван всего лишь выморозить твой страх и ужас, освободив место нашему чувству, которое ты не просто готова, ты жаждешь принять! Ради нас, сделай последние усилия! Борись с этим холодом, не причиняй боль нам обоим!..

Я умею слышать чужие мысли, пропускать их через фильтры сознательного восприятия, но не тогда, когда шок взорвал мои города, превращая их в обледенелые руины! Алекс не делает ни малейшего движения, чтобы меня задержать, меркнет трассер невысказанных слов, обреченного ментального признания в последней попытке остановить, достучаться, проникнуть, спасти то, что мы строили без права на погрешность в расчетах! Моя свобода больше не в отражении его Света. А моя психика наделена жестокостью обособленного эстета. Она даже стоп-слова не могла выкрикнуть без примеси стиля и аристократичного пафоса.

Последний аккорд перед безболезненным разрывом всех связей с тем, что с этих минут можно считать прошлым. Замираю у огромного зеркала во весь рост, путаясь в пуговицах

пальто. Подземный толчок сейсмического испуга зарождается в глубине души и... гаснет, не успев достигнуть поверхности земли. А девочка в отражении такая несчастная, хотя и глаза ее стали какими-то иными: посеревшими, спокойными и равнодушными. Но уж никак не испуганными — красные слегка, это да, но водостойкая тушь выдержала слезы. И как я не заметила тонкой морщинки на лбу? Точно, я же смотрелась в него только мельком раньше, внутренне вздрагивая от ужаса... Красилась быстро автоматическими движениями, опасаясь, что диктат стекол пробьет мою защиту. Какой диктат, если вся угроза распалась на микроатомы под яростными ударами? Победитель один, и это далеко не бездушный предмет!

Ролета ворот поднимается вверх, управляемая автоматикой, когда я, спрятав руки в карманы пальто, выхожу к ожидающему меня такси. Алекс остался в доме, а мне все равно. Побеги он следом и шмякнись на асфальт в обледеневшую грязь, я не пошевелюсь даже внутренне. Киваю на приветствие водителя и откидываюсь на спинку пассажирского сиденья. Без слов давая понять, что не настроена ни на какой разговор.

Моя Тьма и мой Свет стали моим льдом. Так проще и легче. Возможно, мой Ангел выбил аудиенцию со Всевышним и выпросил для меня спасение в виде этого льда, погасившего все эмоции без исключения. И я была бы благодарна ему, если бы в пакетных программах не шла также и апатия...

Я не рыдала, не царапала стены и не крушила зеркала в своей квартире, стоило переступить порог, нет. Я спокойно разделась, повесила пальто на крючок вешалки и прошла на кухню, привычно заставляя темную тень моего уже не опасного фантома пятиться назад под моими уверенными шагами. Он попытался обнять кисеей серо-черного угольного тумана, чтобы как-то утешить — о, меня не обмануть, исключительно в садистских целях! — но я цинично улыбнулась ему, выстреливая навстречу спиралями новообретенного холода, почувствовав, как неистребимая сущность забилась в кратковременной болезненной агонии. Я была закрыта от любого воздействия настолько, что спокойно уснула без снотворного и успокоительного... чтобы проснуться утром, не растеряв шипов непримиримого льда.

В академии я вела себя, как прежде. Успокоила издергавшуюся Элю, шутила и смеялась, забавляясь растерянностью обеих подруг. Они заметили перемены, но так и не смогли постичь их источника и смысла.

В этот вечер Александр прислал за мной Дениса. Только я дружелюбно похлопала его по плечу и гордо продефилировала к автомобилю приятеля с четвертого курса, который жил недалеко от меня и иногда подвозил к дому. На звонки Алекса не ответила. Денис доложит, что я не билась в истерике на парковке и не ползала у него в ногах с мольбой замолвить слово у Мастера за косяки стрессующей сабы, значит, не надо больше меня спасать и переживать, что я утону в слезах. Мне не было больно. Мне не было плохо. Наверное, я еще не осознала нашего разрыва и ранения хрупкого сердечка.

Иногда интуиция молчит, но вместо этого действует. Заполняет наши вены спокойствием, замаскированным под апатию, не позволяет болезненным мыслям вырваться наружу из ледяной темницы, потому как знает наперед: нет смысла в рефлексии. Я пока не могла знать, что же именно случилось со мной и что нас ждет дальше. Я просто плыла по течению и ни о чем не думала... В одном Александр меня не обманул.

Зеркал я больше не боялась. Я даже смеялась над своей недавней паникой.

А 2 декабря грянул гром. Он грянул раньше, но я из принципа не смотрела телевизор, занимаясь курсовой работой.

Разговор с Алексом сводился до холодного «нормально, хорошо, пока». Я застегнула себя и свои эмоции наглухо. Он впервые не давил. Он просил, не повышая голоса, выслушать его. Была ли я к этому готова? Мне казалось, что нет.

Мать, Лена, подруга из Липецка и родственница, проживающая в Израиле, обрывали телефон с одним вопросом: что же у нас в стране происходит? А у нас ничего. У нас Революция. Я смотрела пока еще безобидные кадры с Евромайдана, который вскоре будет залит кровью и тьмой пылающих автомобильных покрышек. Страх потихоньку пробивал ауру Снежной королевы. Страх за будущее. За родных. За себя. За нас. Но впервые я была наедине с собой, и сама отталкивала плечо сильного мужчины, который мог меня спасти.

Я приказала себе учиться жить без Александра.

Сегодня уже четверг. Учебная неделя, ознаменовавшаяся робким началом экзаменационной сессии, лишена привычной легкости, взрезает монотонное течение студенческой жизни острыми лезвиями первой зачетной гонки. Погода за окном не располагает ни к чему иному, кроме монотонной зубрежки конспектов под теплым пледом с чашечкой неизменного кофе, от которого так резко скачет давление, не позволяя сознанию застыть льдом пассивной апатии.

Я знаю уже очень много... того, что мне не пригодится сейчас. Как в песне: «Спасет — но не поможет...». Особенности религий — зачет по этому предмету сдан сегодня утром. Трудно не было, я не учила все билеты, просто оседлала любимого конька, взхлеб рассказывая преподу о становлении христианства на руинах развратного Рима. И попробовал бы он меня заткнуть вопросами об особенностях ислама или буддизма как таковых. До экзаменов две недели, пять зачетов — это не много, но я не хочу терять минуты спасительной занятости, погружаюсь в омут информационных технологий, и вполне органично чувствую себя в роли Снежной принцессы.

Было ли мне больно от шока-потрясения? Снились ли мне разорвавшиеся полотна зеркал в кошмарных снах? Плакала ли я хоть раз в подушку от острого чувства потери себя самой в течение этого времени? Билась ли в тисках-оковах обмораживающей пустоты, которая, по иронии судьбы, стала моим спасением? Может, это было так бессознательно и кратковременно, что я больше не помнила? Я не пустила свою боль в замкнутый периметр обновленного Я. Впервые бросила ей вызов и не позволила завладеть сознанием, оставив плавать в огне треснувшего купола за гранью нового защитного поля.

На следующий день после шокирующего вечера я несмело подошла к зеркалу в ванной комнате. Тому самому, что так часто покрывалось пленкой-испаринной от горячей воды, чему я раньше огорчалась, сетуя на слабо работающую вытяжку, а потом радовалась, что не приходится вспоминать кошмар падения в глухую черную бездну. Вспыхнувшие откаты мерцательной аритмии запустили свою беспощадную гонку в первые секунды мучительного ожидания, внутренней борьбы с собой и метаниями страхов, которые не желали исчезать... И пали жертвой фатального столкновения с первым взмахом ресниц, когда я бесстрашно распахнула зажмуренные глаза навстречу своему отражению. Я перешагнула их агонизирующие сущности с достоинством королевы льда и бесстрашия, приближаясь к источнику моего душевного надлома.

В отражении не было тысячи беснующихся демонов-призраков. В нем не было бушующего огня преисподней. Лишь подобие мимолетной черной кисеи мелькнуло бесшумной тенью, освобождая арену боевых действий мне одной, тянущей ладонь навстречу гладкой поверхности.

Я знала эту девочку с внимательным взглядом зеленых глаз с искрами холода. Меня так часто пугали холодные нотки в иных глазах, что я непроизвольно забрала эту уникальную способность резать холодным лазером противника и себе. Эта девчонка была потрясающая и яркая, несмотря на все пережитые невзгоды. Давно я не лицезрела своего отражения в полный рост. Макияж — я ограничивалась небольшим зеркалом на протяжении уже четырех месяцев. Я забыла, насколько красивой была, и готова была убить снова и снова того, кто лишил меня возможности это замечать.

Шоколадная кисея атласного халата смело скользнула по плечам на пол. Солярий, контроль питания, танцы вместо зарядки — мое тело могло зажечь с полуоборота кого угодно без дополнительных ухищрений. Пальцы сами по себе, повинувшись безотчетному порыву, заскользили по плавным изгибам выступающих ребер, к излому тонкой талии с едва заметным рельефом косого пресса, упиваясь приятным теплом гладкой, ухоженной кожи без единого изъяна. Ладонь взлетела на подъеме изгиба бедра, очерчивая соблазнительную дугу плавной линии, преодолевая сопротивление прокачанных мышц под кожей, поразившей своей нежностью даже меня саму.

Наверное, в этот момент я могла понять каждого из тех, кто свихнулся на пунктике обладания этим телом до такой степени, что никакие законы и нормы не стали для них преградами. И может, это не было бы так страшно, если бы дальше плотского желания сминать до боли его изгибы, оставляя гематомы на гладкой коже, никто из них не пошел изначально. Такое тело куда ценнее в комплекте с душой, уникальным замкнутым миром, на который большинство не обращало никакого внимания. Как это злит каждую из нас, девочек, в юном возрасте! Мы записываем всех подростков-мальчиков в козлы-дрочеры, потому что весь их интерес сводится к воплю «буфера», и не можем допустить ни малейшей мысли, что, захоти каждый из них нашу душу, детская девичья психика лопнула бы сразу. К счастью, закон равновесия хранит нас от подобных качелей, но юные паршивцы, будущие самцы, уже тогда делают робкие попытки забрать наши эмоции. Довести до слез своими издевками или игнором и упиваться своей значимостью при виде наших слез, и счастье, что мы начинали взрослеть на несколько лет раньше, чтобы понимать соотношение вещей...

Повзрослевшим было мало слез и вырванных косичек. Их методы стали изощреннее и опаснее. Желания, увы, иногда сбываются совсем не так, как бы нам того хотелось. Что есть тело без души для подобных им? Сосуд, в котором пустота. Именно так. Удары плети не ставили метку на теле, нет, они рубцевали сознание, как и поцелуи холодной стали на запястьях — с тем, чтобы подчинить душу посредством физической боли. И это без труда удалось обоим, тем, кто не стал довольствоваться совершенной оболочкой.

Мне хочется закрыть глаза, утопить себя в зарождающейся слабости сенсорной депривации, продолжая касаться тела слабыми мазками пальцев, представив их кистями мастера боди-арта, только я не могу отвести взгляд. Я безумно соскучилась за этим ощущением. За отсутствием страха, за эйфорией осознания своей нерастерзаной, выстоявшей сущности... а может, за шлейфом кометы робкой надежды, что ничто во мне не сгорело и не застыло льдом после того вечера?

Я больше не боялась. И одновременно — не могла простить уничтоженного доверия. Новый клубок потерянных эмоций, который мне предстояло распутывать. Если бы я только знала как!

... Порыв холодного воздуха в спину, напряжение света ярких ламп — или их приглушение накидкой мимолетной Тьмы? Ты-то чего хочешь? Можешь радоваться, я больше не с ним, но и не с тобой — тоже! Только что... что мне делать с этой сгустившейся тоской, которую я пока еще держу в кулачке, но вскоре она прорвется и затопит новым паводком черного отчаяния берега застывшего фьорда? Давай просто поговорим. Ты так часто мне отказывал в этом раньше, заставляя кричать и умолять... просить... биться о глухую стену своего молчания, потому как боялся пустить меня ближе. Правда, Дима? Ты боялся того, что я проникла на недозволенные глубины твоей сущности... но сейчас же тебе нечего опасаться? Тебя нет, ты — обычная тень из прошлого, я даже забыла, как ты

выглядишь. Ты думаешь, отсутствие твоих фото — совпадение? Нет. Я так хочу вычеркнуть тебя из своего сознания, что совершаю те же ошибки, что и в нашем прошлом. Ты не хочешь поговорить? Тебе не надоело метаться в четырех стенах, в которых больше никто не подчиняется твоему диктату? В тех самых, где тебя больше не ждут и, кажется, не хотят?.. Тебе просто нравится смотреть?

Со стороны могло показаться, что я сошла с ума, особенно когда гладила себя по груди и закатывала глаза, имитируя хриплое дыхание. Мне было все равно: от осознания того, что я не боюсь ни зеркал, ни теней, ни чужой диктатуры, было впервые за долгое время нереально хорошо... если бы еще кто-то поставил барьер для волн приближающейся тоски!

... Я ответила ему только вечером. Сбрасывать звонки — что за детское поведение! Мой голос даже не дрожал, а остывающее сердце раскалывалось на части, ему не позволяла распасться вечная мерзлота, троянская защита... Мне до боли хотелось вырваться из новых оков затянувшегося шока, расплакаться прямо в трубку, дать ему понять, что я не выдержу новых витков одиночества. Я знала, что он это чувствует. Паузы разговора были наполнены этой ответной болью. О нет, он не оправдывался и не говорил, как ему жаль. Даже не заверял в том, что, отмотай время назад, все было бы по-иному.

— Ты больше не боишься? — спокойный, ровный голос, за которым никто, кроме меня, не распознал бы оглушающие ноты выбивающей боли и в то же время, непоколебимой решимости относительно правильности своих действий. Я отвечала, что, кажется, нет... страх прошел, но появилось что-то другое. Я не могла подобрать определения спящей боли, которая обязательно прорвется... накроет... Одно я понимала точно, что есть кто-то, кому гораздо больнее, чем мне. Если бы я только могла помочь, спасла бы нас обоих. Увы, нулевой градус стоял на страже моей пошатнувшейся гордости с ледяным мечом в ладонях, не позволяя оттепели прорваться в освобождающем крике агонизирующего одиночества, а Алекс... он просто не имел права на ошибку в виде очередного давления...

Я пойму это позже. Пока же я сбивчиво попросила не приезжать и дать побыть одной. Мне не было легко выпускать в чужое сердце отравленные стрелы собственного недоверия, но защитная реакция не позволяла остановиться и принять взвешенное решение даже во имя спасения зародившегося чувства.

...На следующий день я увидела его возле академии. Это казалось таким простым и легким — подойти, не произнести ни слова. Уткнуться лицом в мягкую кожу куртки покроя «пилот», вдыхая запах кожи, ощущая прохладу морозного дня первых чисел зимы... Как в сказке, растопить осколки собственных льдин вместе со слезами, без слов упасть в одни на двоих небеса с безмолвным криком последнего отчаяния перед приближающейся бездной, чтобы она захлопнулась от нового апокалипсиса экстренной глобальной оттепели... Я ничего не сделала. Замерла, проглотив комок в горле. Волны чужой боли били даже на расстоянии, ему бы хватило власти ментального поля, чтобы подчинить меня себе и заставить подойти... этого не произошло. Он никогда не ломал мою волю немим давлением даже в мыслях, теперь я это знала наверняка. Я вцепилась в руку Лекси с мольбой увезти меня отсюда, пока не стало совсем поздно.

Она вряд ли что-то поняла. Мой день сегодня начался хуже некуда — расплескала кофе с утра, слегка заляпав платье, на зачете по интеллектуальному праву едва не срезалась. Выстояла, выкрутилась, сославшись на бессонную от давления ночь, но Сипко был в не лучшем расположении духа.

— Вы меня разочаровали, Беспалова. Я не люблю, когда меня обманывают. — Я едва не

закатила глаза, наблюдая за его бегающими серыми глазами, которые изо всех сил пытались сымитировать серьезность и непримиримость. «Тебе до доминанта, как мне до датской королевы!» — подумала я. Но, понятное дело, промолчала, картинно потупив глаза. — Весь семестр вы доказывали мне, что владеете предметом в совершенстве, а сейчас я склонен полагать, что знания не задерживаются в вашей прелестной головке! Если мы встретимся в следующем семестре — а мы встретимся — я прогоню вас по всей программе! На этот раз, так и быть...

Я показала средний палец его спине, пряча зачетную книжку с корявой росписью в сумку. У меня оставалось еще одно дело, которое надо было решить. Утром в квартире рухнула полка с теткинским сервизом. Слава богу, не династия Минь, но, пытаясь смести осколки, я подвисла на закоротившей параллели и порезала пальцы. Когда выводила линию угольного «smokey» перед тем самым огромным зеркалом, резко вспыхнула и погасла энергосберегающая лампа в одном из бра. Я впервые в жизни видела, чтобы они сгорали, как обычные! Паника на время пробила брешь твердого льда, особенно после того, как с полки слетело несколько книг. Моя бабушка всегда говорила, что эта чертовщина неспроста. Чьей-то душе нет покоя, а может, кто-то пытается достучаться до твоего сердца через подобные проявления полтергейста. Какова же сила чувств должна была сжигать изнутри этого «кого-то»?.. Еще с утра я собиралась посетить церковь, но потом резко изменила планы. Может, это был особый протест-ответ Алексу, который пресытил меня болью через расстояние?

— Ты не против, если мы заедем кое-куда? Пожалуйста. — Лекси поспешно закивала и погладила меня по голове в немой демонстрации сострадания. Я лишь цинично улыбнулась, предвкушая ее панику. Хлопья снега бились в лобовое стекло ее автомобиля, расплываясь лужицами в свете ночных фонарей. Темнело очень быстро после перевода часов на зимнее время, но Тьма стала для меня чуть ли не родной. По моему знаку мы остановились у цветочного павильона. Оставив Лекси ждать в машине, я отправилась на поиски гвоздик, которых, как назло, ни у кого не оказалось. Совершенно случайно мой взгляд упал на розы нежно-кораллового цвета. Цвета заката в Симеизе в тот самый вечер, когда мы вырвались на пляж, и я ощутила себя почти счастливой. Передумав, купила сразу шесть, словно часть числа зверя, так сильно напоминающая триксель, была связана с ним напрямую.

— Их же шесть! — испуганно вскрикнула Лена. — Мы же...

— Вбей в навигатор адрес кладбища, и едем, — спокойно велела я, изогнув бровь при виде замешательства подруги. Наверное, в моем голосе было что-то такое, что не позволило ей возразить. В другой раз я бы от души позабавилась над ее побледневшим личиком и дрожащими губами, но сейчас авантюризм спонтанного решения точил изнутри и меня саму.

— Уже стемнело... — последняя робкая попытка Лекси откосить от такой бездумной готовности помочь подруге, но я осталась глуха к ее мольбам. Я бежала от своей тоски и своих оставшихся страхов. Наверное, это было правильно. — Я посижу в машине... хорошо?

— Хорошо, тебе и нечего там делать, — немного грубовато, но Лекс вздохнула с облегчением и больше не пыталась меня отговорить. Мы доехали в абсолютной тишине повисшего молчания. Я подхватила охапку роз и, едва не растянувшись на заледеневшей дорожке, присыпанной снегом, направилась на поиски нужной аллеи. Несмотря на то, что я была здесь всего лишь раз, сориентировалась быстро, даже не пришлось воспользоваться помощью службы охраны. Хотя от моего взгляда не ускользнуло, как поспешно крепьш в форме потянулся к телефону, и я непроизвольно улыбнулась от веселой мысли — надеюсь, он звонил не лидеру сатанистов с сообщением, что жертва для черной мессы сама к ним

направляется.

Фонари освещали лабиринты асфальтированных проходов, искры снега сверкали в морозном воздухе декабрьского вечера, а я внутренне удивлялась собственному спокойствию. На кладбище, ночью, страшно? Я вас умоляю. Никто из усопших не способен на жестокость, которой наделены живые. Не тишины надо бояться в этом невеселом месте, я бы даже сказала, здесь бояться совершенно нечего!

Пальцы обожгло льдом кованой калитки, когда я, прогнав укол непонятного волнения, толкнула ее вперед. Без малейшего скрипа, в оглушающей тишине она медленно закрылась за моей спиной, щелкнув едва уловимым замыканием магнитного замочка. Я ждала наката привычной тревоги и вполне резонного желания отвести взгляд от припорошенного снегом гранитного изваяния с его фотографией, но ничего не произошло. Волнение улеглось, стоило сделать пару шагов навстречу и небрежно опустить сумку на резную скамью. Я даже вдохнула полной грудью ледяной воздух так внезапно наступившей зимы, расслабившись в замкнутом периметре этого места, которое, казалось, было ограждено особым энергетическим куполом. Он пропустил только меня, другим здесь не было места.

Коралловые головки голландских роз под светом ярких фонарей магистрального освещения кладбища казались практически белыми, холодный галоген поглотил их насыщенный цвет. Снежинки замирали на уязвимых лепестках и быстро таяли, не в силах устоять перед теплом все еще живых роз. Выложив их крестом на граните, с пересечением стеблей в виде буквы X 3D, я внезапно осознала, что именно показалось мне таким неправильным.

Пустота. Стерильная чистота, ни одного окурка, ни единого сухого листочка, даже сухая трава на клумбе отсутствовала напрочь — VIP-аллея не подразумевала ничего другого, но...

Ни единого цветка. Отсутствие венка. Пустые металлические вазоны по периметру обелиска латинской V. Возможно, их недавно убрали, только... Я не могла понять, откуда у меня эта ненормальная уверенность в том, что последними здесь лежали две алые гвоздики. Мои...

Это казалось невозможным, абстрактным, абсурдным, но вместе с тем... Я научилась читать людей. Я видела твоего отца. Ты всегда говорил, что ему, как и матери, было на тебя плевать. Я тогда тебе не поверила. Чуть ли не рассмеялась тебе в глаза, где впервые появилось что-то человеческое и родное. Почему я не смогла допустить даже мысль, что ты впервые мне открылся и не соврал?..

Фотография размыта полутоном снежной пелены. Может, поэтому я тебя не слышу, чувствую под замерзшими ладонями лишь земную твердь... и больше ничего? Тянусь к сумке, сразу нахожу упаковку влажных салфеток, чтобы осторожно снять с глянцевої лакировки остроконечную изморозь.

Вздрыгнула? Отшатнулась от твоего взгляда? Нет. Но едва не заорала от накрывшей уверенности, так похожей на ледяное безумие.

Кого, кого ты решил нае**ть? Тебя здесь нет!

Эта мысль напугала даже меня. Я так и не смогла подняться с корточек. Как? Вашу мать, как? Единственным энергополем здесь обладали розы. Бивохри тока моих ладоней проникали сквозь ледяной гранит, прошивая бессмысленным теплом промерзшую землю, не встречая никаких препятствий. Может, так и должно быть? Некий психологический блок в голове, который не позволяет отпустить некогда близких людей навсегда, ищет иллюзорные знаки нереальности происходящего? Или твой взгляд сейчас окутал, именно окутал, а не

ударил, клинками кофейного диктата, забирая боль потери в зародыше? Я не хочу больше здесь оставаться. Даже «прости», ради которого сюда приехала, замирает на губах. Еще одна ошибка, но пусть мне зачтется, когда-то, в перспективе...

Быстро хватаю сумку, — убеждаю себя, что просто замерзла, поэтому спешу поскорее убраться восвояси. Я зачерствела до такой степени, что даже на могиле некогда близкого и... да, когда-то любимого мужчины не могу проявить внутреннего подобия такта и скорби. Не бегу, потому что от долгого сидения на корточках слегка кружится голова, делаю несколько быстрых шагов, и непроизвольно хватаюсь за выступы чужой ограды, чтобы отдышаться и прогнать яркие звездочки перед глазами... И... лучше бы мне это не удалось. Лучше бы я рухнула без сознания на асфальт, где, наверное, меня бы быстро нашли — око камеры прямо над моей головой...

Фигура белого ангела с распахнутыми крыльями. Она стоит, словно символ защиты и спокойствия, но почему именно в этом месте... за могильной оградой... И почему у ангелочка человеческий лик, который...

Боже мой. Это девочка. Я не успеваю осознать шокирующей действительности, скользну невидящим взглядом по светлому обелиску... Множество цветов. Маленьких розочек в вазонах. Стекланный купол, где поникла фигурка плюшевого тигренка в обнимку с куклой... до последнего контрольного удара — так четко выделяющейся при свете фонаря рамкой... Черные, неумолимые цифры убивающей хронологии... я не читаю ее имени, мне достаточно дат... 2008–2013...

Вихрь нечеловеческой, разрывающей боли крушит лед моего защитного купола, врываясь через распахнутые глаза в сознание, запустив огонь какого-то... боже... не хочу это видеть...

Она замерзает. Совершенно одна... Под белоснежным обелиском... я практически вижу ее, но не так, как видят обычно... тлеющий огонек сердечка, которое билось... яркие искры пролитых слез убитых горем родителей... Я ее не знаю, но, черт возьми... я это вижу! Я чувствую!

Слезы прорываются неудержимым потоком растаявших льдов, а меня против воли разворачивает обратно, цепкой хваткой к барьеру его могилы. До сжатия и почти содранной кожи о бездушный металл нулевой температуры...

Почему я увидела на чужой могилке то, что должна была увидеть на твоей... как?! Я чувствую? Я могу улавливать эти поля... но почему с тобой это не срабатывает?! Может, потому, что тебя здесь нет?..

...- Ну ты и долго... Поехали уже! Я только что увидела, веришь, настоящих, натуральных готов! Они перелезли через забор! — я вжимаюсь в обивку сиденья автомобиля, все еще не соображая, как именно сюда добежала, дрожащими руками разрываю молнию, чтобы найти хоть какие-то салфетки, если им под силу будет унять мои слезы. Лена обрывает свои возмущения на полуслове, оценив мое состояние. За что я ее люблю, так за то, что в критических ситуациях она вспоминает о своем интеллекте. В мои губы настойчиво стучится стакан с водой, слезы стирает мягкое касание ароматизированного платочка, который так успокаивающе скользит по коже, замерзшие руки обдает теплой конвекцией. Она не произносит ни слова, пока я не успокаиваюсь и не начинаю дышать ровнее. Нежное поглаживание мягкой ладони поверх моих замерзших пальцев, урчание мотора — и вот уже ее маленькая «микра» уносит нас подальше от этого места, умудряясь плавно лететь в темноту даже на ухабистом выезде к центральной магистрали.

Если лед так легко растопить... Почему мне так больно от этого долбаного глобального потепления?!..

— Юля, нам надо поговорить. Не по телефону. Хватит уже. Считай это моей просьбой! — режет бескомпромиссным приказом голос Александра, и мое воображение рисует замерзшее пространство беспроводного вакуума мобильной связи.

— О чем? — безразличным тоном интересуюсь, подавив язвительное «вам попробуй откажи!». В голос удалось вложить апатичное спокойствие, осталось только не замечать реакции тела, приоткрытого ротика, участвовавшего дыхания, и быстрого, но неумолимого выстрела прямо в эпицентр между сдвинутыми ножками, до интоксикации — накат беспощадного желания. Один голос имеет надо мной куда больше власти, чем безопасные (теперь я уверена!) зеркала и самая жалящая из плетей его арсенала.

— Для начала, я могу войти?

Шок леденящих иголок, вслед за которыми — жар зашкалившей аритмии, подпрыгиваю на кровати, едва не уронив планшет на пол. Цепляюсь взглядом за серую, безрадостную картину подкрадывающихся сумерек за окном.

Можете... вам реально ничего не запретишь. И я не хочу этого делать... Черт, я до боли, до искусанных губ и выгоревшей от слез сетчатки, хочу одного... чтобы меня лишили права принимать решения. Взвалили на плечо и уволокли в пещеру, закрыв рот поцелуем... Вы же тоже хотите этого! Не верьте слезам и сопротивлению. Я замерзаю в собственном ледяном дворце.

Последний отчет... Пожалуйста... Я не хочу и не умею быть одной. Даже если мне больше не страшно!

Возможно ли настолько сильно принять чужую боль, вобрать ее в свои стальные рецепторы до последнего глотка, судорожного вздоха, широко распахнутых глаз, надрывного сухого рыдания? Возможно ли остаться к ней бесчувственным и равнодушным, в свете того, что ты осознаешь, понимаешь и ни за что не отпустишь родного и любимого человека? Ваш мир стал цельным. Одним на двоих, сотканный шаг за шагом, петля за петлей, словно в самом искусном шибари, он замыкался в стремлении к своему абсолюту день за днем, с каждой минутой раскрываясь новыми гранями и оттенками только для вас. Счастье стало общим, но, увы, боль потерянных моментов прошлого — тоже. Когда ты любишь, ты не делишь чувства, эмоции, поступки любимого человека на «подходит» и «не подходит». Если больно ей, ты не можешь отмахнуться от этой боли и закрыться непроницаемой стеной. Ты можешь ее разделить. Минимизировать. Перенастроить на физическую, усыпляя властной анестезией.

Такому, как он, всегда было мало полумер. Если возникала проблема, ее необходимо было деактивировать полностью, моментально, с купированием корневой и очисткой файловой системы. Позиция, выработанная годами, десятилетиями, истинно верная и правильная, никогда не подводила.

Он видел ее внутренний мир со всей болью. Со всем отчаянием, стремлением к избавлению, детским восторгом и желанием вырваться из этого замкнутого круга до мельчайшей частицы. Иногда он не верил даже сам себе, что судьба в который раз оказалась благосклонна и не оттолкнула от него эту необычную, так горячо обожаемую девочку безжалостным штампом вердикта «невозможность». Он мог перечислить моменты, которые заслужили право называться «счастьем», по виткам-сжатиям их феерической хронологии. Первый неосознанный взгляд широко распахнутых глаз, без страха, с прорвавшимся через

блокаду тревоги интересом и предрасположенностью. Первый искренний смех, когда она на время забыла о своем трагическом прошлом. Первый неосознанный всплеск доверия, желая прижаться к нему, чтобы ощутить тепло и защиту, которую он готов был давать ей без остатка до конца своих дней. Первые горячие усилия такого храброго, израненного сердечка, когда она приняла его истинно таким, каким он был, без мифических «если». Активация отчаянной смелости под допингом проснувшихся ответных, пока еще робких и осторожных чувств.

«Просто не позволяйте мне передумать!»...

Она не стеснялась проявлять эмоции и быть сама собой с ним наедине. С какой легкостью слетела пока еще тонкая, первоначальная маска с ее растерянного личика, не в состоянии выдержать улыбку зарождающегося счастья от возможности быть любимой и не бояться своих чувств! Как легко она отпускала себя в свободный полет в его руках, перестав видеть в собственной беззащитной уязвимости исключительно болевую точку, по которой легче всего было ударить размахом собственной властной артиллерии — в такие моменты она знала, что он никогда этого не сделает. Он принимал дар ее трепетной покорности как самое высшее благо из всех существующих, которое не измерить ни одним материально-эмоциональным эквивалентом, и она это чувствовала, раскрываясь сильнее, находя неизбежное, острое, запредельное удовольствие в праве отдавать себя без остатка, получая взамен гораздо больше. Она кричала, мышечная память тела сокращала мускулы в жестах не нужной сейчас защиты, с молчаливого позволения уверенного в обратном сознания. Иногда даже плакала, но слезы очищающего удовольствия не разрушали, нет — они созидали ее новую, несломленную до конца, сильную и чуткую, нашедшую непередаваемое наслаждение в уникальном праве разделить на двоих только их всеобъемлющую вселенную.

Он прикасался к очагам ее боли теплом своих пальцев, безошибочно считывая пылающий код убывающей пульсации. Он видел за этой остывшей пеленой лавы не столь давнего извержения слабый свет пробивающихся, словно росток, широких крыльев, которые бились о твердую поверхность, в отчаянном стремлении вырваться и наполнить мир своим алым рассветом нового начала. Он знал, что с этим делать.

...Уязвимые девичьи колени касаются пола, смягченного мягкой поверхностью защитной подушки, и по застывшей пустыне обсидианового мрака пробегает сейсмическая волна. Первый залп по куполу вражеского ограждения сопротивляющейся воли. Руки скользят по глянцу пола, скрещиваются узкие запястья, которые жаждут цепей его абсолютной воли, и столкновение атомов начинает свой неумолимый разогрев застывшей скальной породы. Выверенный удар стека пробивает эти нерушимые стены, и неумолимая реакция разрушения во благо запускает свой обратный отсчет. Она не пылает, чтобы не опалить его девочку жаром, она распадается, осыпается черным песком, пропуская свет ласкового солнца — и сложенные крылья тянутся, словно после долгого сна, готовые раскрыться и заплыть в полную силу над дрогнувшей пустыней, которая обречена на свое разрушение во имя перерождения...

Ее боль мечется пойманной птицей, которой так комфортно в хитине скафандра, что она не хочет покидать его пределы. Она прочно оккупировала ее израненное сердечко, отравляя дозой тяжелого наркотика, вытравив — не будет сокрушающей ломки, но избавление будет долгим и непростым... Капли воска касаются мерцающей кожи. Физическая боль играет белыми фигурами на поле запутавшейся душевной. Она не отступит, она неумолима и беспощадна, она наделена уникальным даром — касаясь тела, вытягивать

под воздействием термического разногласия черные воды эмоционального страдания, вбирать в себя, вырывая на свет, чтобы навсегда заточить в застывшей капле. Ускоряет свой ритм исстрадавшееся сердечко, льнет к солнечному свету, успокоенное ласковым бризом распутившихся крыльев, принимая эту боль за самую тонкую ласку. Боль не знает обмана, она так непостижимо прямолинейна, нацелена стоять до конца. Она не жестока. Она кратковременна и призвана уничтожить страдания души навсегда. Ради искренней улыбки этой необыкновенной девочки. Его такой желанной невольницы, в которой заключен весь его мир, который она уже разделила с ним.

В восточном диалекте «я люблю тебя» означает — «я возьму твою боль на себя». Он не кричал и не содрогался, впервые прикоснувшись к самой глубокой боли запущенного некогда разрушения. Он не имел права быть слабым перед ней, никогда. Он не имел права наблюдать это в ее глазах и оставаться безучастным. Шокирующий выбор поставил под угрозу все, что они так тщательно выстраивали все это время.

Убить самый тяжелый страх. Вслед за этим — новое начало, жизнь без боли и разрушения... или окончательное крушение их реальности. Оставить ее страхи нетронутыми было невозможно — они не позволяли двигаться вперед, чтобы достичь абсолюта стопроцентного доверия. Такое не лечится ласковыми словами и лишеными смысла заверениями в том, что все будет хорошо. Такое режут безжалостным лазером по уязвимым тканям ослабленной сущности, вырывают беспощадным рывком, испепеляют одним ударом молнии. Когда ты один держишь в своих руках право выбора и необходимость решать за двоих, ты не чувствуешь себя богом. Скорее, опытным хирургом, который не застрахован от роковой ошибки. Рывком на поражение, выбивая боль... и тут же, не давая опомниться, рубцевать кровоточащий надрез новым росчерком более щадящего лазера. Закрепить в визуально-тактильном биополе, с последним вздохом-поцелуем втянуть этот кошмар любимой девочки в свои легкие — он справится с ним без труда, не позволив никогда вернуться... остается самая малость... Причинить ей последнюю боль ради освобождения! Ценой возможной, так ужасающе вероятной потери... отказывая себе в праве на счастье ради того, чтобы никогда больше не коснулась ее боль уничтоженной души...

Жалел ли он о том, что все же это сделал, вместе с последним авансом логической цепочке, связав воедино с Юлиным проступком? Он не считал его таковым ни на минуту. Он никогда бы не стал вырывать ее из привычного поля зажигательной студенческой жизни, расцвета стремлений и желаний, и, тем более, причинять ей боль за то, что посмела улыбнуться и почувствовать себя свободной без него. Он искал любой повод — но совсем с иной целью. Если крушение зеркальной комнаты сработает без сигнального звонка в виде привязки к ложному штрафному удару, им не вернуться обратно уже никогда.

Они сроднились в этот вечер, когда он практически потерял ее. Он это почувствовал. Выпивая ее боль, лишая навсегда, до тех пор, пока она не покинула сознание его малышки с последним агонизирующим воплем, встрепенулась загнанным зверем в недрах теперь уже его души — и умолкла навсегда, не в силах противостоять волевому диктату доминантной сущности. Как ему хотелось тогда обнять, не замечая криков, не слушая протестов, закрыть полем своей защиты, заполнив образовавшуюся пустоту новым светом единения, которому не мешало больше ничего!.. Почему устало уронил руки, наткнувшись на острые грани ментально застывшего льда... новой стены... не остановил... отпустил мучиться послеоперационной агонией вдали от собственного тепла?

Закрывать глаза. Почувствовать боль потери до конца, до разорванных альвеол

последнего судорожного вдоха. Никогда его маленькая и так горячо любимая девочка не узнает его таким. Никогда не прикоснется к пылающим надрезам окрепшего сердца, даже ценой вероятного воссоединения. Живи без шипов, которые резали твое сознание. Ты больше не содрогнешься от этой боли, она больше не твоя... Но как забрать иную, жестокий реверс обманутого доверия, без права давления и принуждения?.. Как сломать новую стену между нами за шаг до счастья?

Ее боль стала его страданием. Но одно он знал наверняка — пройди эти минуты по шагам, он бы ничего не изменил. Он подарил ей право жить и дышать полной грудью без удушающей раковой опухоли недавней фобии. Она не была окончательно потеряна. Он чувствовал, как прорывался ее ласковый огонь сквозь толщи льда, ежеминутно, незримо, но это было! Ведь нее все еще потеряно? Сможет ли он снова вернуть их целостный мир, один на двоих, снова, отказавшись от тактики давления во имя ее спокойствия и окончательного принятия себя новой, свободной и почти счастливой?

Он не привык отступать. И лучше бы этому сработать. Потому что не ему, сложив руки, подчиняться ударам судьбы. Не сейчас, когда его смысл жизни стал гореть во имя любви к ней.

Никаких рискованных шагов... только ждать. Ради нее одной. Той, для которой он был готов перевернуть мир и отстроить заново. Любишь — отпусти? За свою любовь надо стоять до последнего, но при этом помнить, что вас теперь двое... И ты не имеешь права причинять новую боль. Нет, он и не собирался этого делать. В этот раз способность видеть ситуацию наперед и со всех сторон была его неоспоримым козырем.

— Интересный вкус, — я слежу за его пальцами, ставшими за столь недолгое время моим персональным фетишем. Они так красиво держат чашку горячего кофе, что я непроизвольно ставлю крестик в пункте «научиться так же». Как такое возможно, что даже лед затихающей боли не может уничтожить желание прикоснуться губами к выступающему рельефу фаланги, задев языком перстень с изображением непримиримого бога египетской тьмы?

Мои ноги предательски дрожат. Мне некомфортно сидеть в кресле в позе Шэрон Стоун в его присутствии. И только взбесившиеся вихри хлопьями холодного снега не позволяют встать и прижаться к его ногам... это не унижение и не боязнь одиночества... теперь я знаю, что это мой кислород, но почему не могу перешагнуть через долбаную воскресшую гордость?..

— Корица и тростниковый сахар. — Из меня, возможно, вышел бы неплохой бариста. Его взгляд скользит по моему напряженному лицу сканером сотни осциллографов, я уже знаю, что прячет за собой непримиримый, но не травматичный лазер посветлевших изумрудов. Он выжидает. Он прекрасно знает, что мое дыхание участилось только потому, что я представила себя у его ног... с этими пальцами, которые зарылись в мои распущенные волосы властным поглаживанием, забирая осколки исчезающей тревоги. Он дает мне выбор.

«Тебе нельзя давать никакой выбор!»... Спасибо, Дима, ты так давно не вылез из своих закоулков молчаливым напоминанием... И ты был прав как никогда. С этим мужчиной мне и не нужен никакой выбор! А вот к тебе это никогда не относилось.

— Я рад, что ты больше не боишься. Даже если ты сейчас ненавидишь мои методы. — Пелена завораживающей ауры власти ласкает мою кожу, ей не в состоянии сопротивляться даже лед. Но ее не принимает восставшее чувство протеста. Я смотрю в зеркальное отражение собственных глаз. Росчерк самой судьбы или совпадение, потому как они у нас

одного цвета? — Мне придется уехать. На неопределенное время. Не буду ходить вокруг да около. Ты хочешь, чтобы я остался.

— Если бизнес не терпит отсутствия, то...

— Это не вопрос, Юля. Ты помнишь, что саба никогда не врет своему дому? — Он отставляет чашку недопитого кофе, и я с замиранием сердца слежу, как смыкаются в замок его умопомрачительные пальцы, а поза небрежно зеркалит мою. — Я останусь. Но если ты сейчас осознанно скажешь, что хочешь этого сама. Это не шантаж и не попытка вывернуть ситуацию в свою пользу и уж, ни в коем случае, не ультиматум.

Меня накрывает состоянием мимолетного шока сжатием ледяных щупалец поверх заплывшего сердечка с поспешной вибрацией голосовых связок, которые вспомнили слово «нет». Оно готово слететь с моих губ, прозвучать в ином контексте, разбить иллюзорную стену отчуждения. Я простила? Еще нет... мне надо немного... его тепла и защиты, больше ничего. Мне невыносимо думать о том, что же с нами сделает одиночество чужих усталых городов с расстояниями в тысячи километров.

— Мне надо побыть одной. И мне не хватит на это трех дней. Это не та сфера, где вы можете приказывать!

Дерзить — не лучшее решение. Но его взгляд не меняется, не застывает тьмой малахита. Обволакивающая пульсация смещается по позвоночнику, готовая разомкнуть плотно сдвинутые ноги... Мне до боли хочется одного... пусть даже резкого рывка... надрывного «моя»... Ошейник, чтобы не посмела сбежать... Эта мысль даже не кроет ужасом, нет, я судорожно втягиваю воздух, сообразив, как быстро намокли мои трусики от одной мысли... Б**дь!

— Ошибаешься, моя девочка. Но ты права: в том, что касается нас, есть одно правильное решение... твоё! Но есть приказ, который не обсуждается, и ты сейчас меня слушаешь. Ты знаешь, что в данный момент происходит в Украине? В Киеве на Майдане?

Я не сразу понимаю, о чем он. Смотрю недоумевающе, не в силах погасить пульс желания, все попытки вспомнить, что же отложилось в памяти относительно политической ситуации в стране, терпят крах. Он так быстро меняет тему разговора, что, возможно, гасит слабый писк прорвавшегося отчаяния... который хотел произнести «не уезжай»!

— Революция. Народ устал от диктатуры. Все хотят нормальной жизни... — зачастила, словно на экзамене по политологии, как будто целью его вопроса была проверка моих знаний. — Негатива так много в жизни, что пока я пытаюсь абстрагироваться от игр вертикали власти и народа.

— Будет хуже. Намного хуже, Юля. Это не закончится за три дня! — Он всегда умел смотреть вперед, редчайший дар человека, который при желании мог удержать в своих сильных ладонях весь мир. От этого я сейчас хотела убежать? Простившая наперед, осознавшая его правоту, но все еще упрямо сжимающая кровоточащими ладонями с лоскутками содранной кожи трос под названием «шаблонная неуместная гордость»? — Слушай меня очень внимательно. Я знаю практику наших вузов и госучреждений при подобной политической обстановке. Достаточно приказа сверху, чтобы вас организованно свезли на майдан в поддержку пока еще правящей силы. Вам будут далеко не цивилизованным тоном пояснять, что это ваша обязанность, и выбора нет, с угрозами отчислений и завала экзаменационной сессии. Так вот, тебя там быть не должно. Ни при каких обстоятельствах. Ни тебя, ни твоих одноклассников. Вы еще пока не в состоянии оценить весь масштаб происходящего. У тебя остаются все мои номера. Дополнительно я

оставлю тебе контакты лучшего адвоката, на случай, если будет оказано сильное давление. Я говорю это не для того, чтобы каким-то образом напугать и повлиять на твоё решение.

— А если я патриотка своей страны? Если Майдан станет моим добровольным решением? — я не знаю, чего добиваюсь. Может, именно того, о чем подумала, едва не захлебнувшись в водах жаркой эйфории, которая пошатнула лёд... Резкой хватки, слов о том, что он сам все свои поездки отменит, лишь бы выбить из меня эту отчаянную дурь игры в патриотов. Но Алекс не двигается с места, а от потемневшего взгляда пульсацию эротического желания кроет куполом тревоги оникса с зеленым отливом.

— Я запрещаю тебе. Если я узнаю, что ты рисковала жизнью, я вернусь и высеку тебя до новой фобии! Если, конечно, сама не остановишь. И да, это не попытка манипулирования в пользу выгодного мне решения! Это не побег и не попытка прочить тебя, — я же знаю, что ты именно такое объяснение уже себе нарисовала в своей хорошенькой головке, девочка моя. За подобное я задам тебе хорошую трепку вне зависимости от того, будем мы вместе, или нет!

Тепло чужой заботы... пусть такой бескомпромиссной и жесткой, начинает разогревать мои ледники подобно микроволновому излучению. Горло сжимает спазмом приближающегося отчаяния... Мне дали понять, что все в моих руках? Что я одна могу принимать решения? Я так устала от этого, но сейчас... Я пойму позже, что именно он сделал для меня своим просчитанным наперед ходом. Сейчас же я делаю над собой отчаянные усилия, чтобы не вскочить с кресла и не кинуться ему на шею... или к ногам, если он сам того захочет! Удержать, остановить, проговорить в сбивчивом сухом рыдании все свои опасения, которые он примет к сведению и никогда не допустит... Я до боли, до острой рези в заметавшемся сердце не хочу его отпускать!

— А... когда вы уезжаете? — мой голос дрожит. Мне сейчас все равно, что я для него эмоционально прочитанная книга, что он понимает, что со мной происходит. Понимает, но не делает никакой попытки шагнуть навстречу, обнять и успокоить. Пусть я двину ему пару раз в неосознанном порыве, когда эти сильные руки сомкнутся на моих ребрах, вцепятся в волосы с хваткой подбородка и пульсации-сжатия поверх дрожащих губок. Пусть я буду кричать на всю квартиру или даже плакать, ледники не могут рухнуть, не причинив боли — но только пусть он это сделает, не спрашивая разрешения...

— В субботу. Вылет из Харькова, в 18.45.

— Но ведь суббота уже завтра!

— Я знаю, моя девочка. Было бы неправильно поставить тебя перед фактом завтра в это время и потребовать немедленного решения. Не так ли? Решать только тебе. Попросить меня остаться или позволить уехать. Это сейчас твоё право, которое не в состоянии отобрать никто. Даже я!

— А если я вас остановлю... предположим! Что дальше? Два мнения, ваше и неправильное? Никакого права возразить, молча принять то, что вы мне уготовите, прикрываясь аргументом «ты сама на это согласилась»? — Эйфория ещё не отступила, но я извлекла много уроков от подобных отношений, чтобы не растерять здравый смысл. Смотрю в застывший изумрудный агат его глаз, которые уже успели стать моим личным раем под внешней вывеской преисподней с опасным, но неистребимым вызовом.

— Я думал, ты все поняла... Но хорошо, что мы об этом заговорили. Мне не нужна саба ради Темы как таковой. Мне нужна моя девочка, даже если она откажется в будущем разделить мои пристрастия. Просто рядом, день ото дня, позволяя быть с ней, носить на

руках, встречать с ней каждый новый день. И просто быть счастливым от мысли, что она со мной! Тебе так сложно в это поверить?

Трещина неминуемого разлома зарождается в недрах кипящей лавы. Это именно то, что я жаждала и боялась услышать... Не озвученное до конца, поэтому отнесенное сознанием в папку «непонятое»? Моя вселенная содрогается атакой миллиарда астероидов, которые вот-вот разметут в остроконечные щепки глыбы айсбергов моей души. Мне хочется зажмуриться, и я опускаю глаза в пол, не в силах увидеть в его глазах то, что сейчас напугало сильнее хард-лимита от БДСМ.

— Ты смотришь на отношения через призму своего прошлого неудачного опыта. Ты неосознанно пытаешься сравнить нас и провести параллели. Так делать нельзя! Не потому, что это оскорбляет мое эго, нет. Это то, что никогда не отпустит твой страх, если ты сама не абстрагируешься от подобного! — Я молчу, только внутренне вздрагиваю, чувствуя кожей его улыбку. Теплую и такую родную. — Просто подумай об этом. Ты спросишь, чего хочу я сам? Это очевидно, но я скажу то, в чем ты боишься себе признаться, хотя понимаешь. Остаться с тобой. Не уезжать никуда. Выбор только за тобой!

Я придавлена этой бескомпромиссной волей и капитуляцией, которая таковой не является... Не в этом случае и не с этим человеком! Много информации, танго сошедших с ума эмоций на фоне климатических разрушений в глубине дезориентированной сущности... Он не торопит. Медленно допивает остывший кофе. Вздрагиваю от мелодии мобильного телефона и сменившего тональность голоса Александра, когда он отвечает абоненту односложными фразами.

— Позволь воспользоваться твоим принтером.

Обессилено киваю. В моей душе хаос и неразбериха. Я не знаю, что происходит. Я отвыкла принимать решения! Неужели ему так трудно это понять?

— Один звонок, моя девочка. Один звонок, и я останусь. Но ты должна сама принять это решение. У тебя достаточно времени.

Сухой поцелуй благосклонного Хозяина в кромку волос, росчерк теплых пальцев по скуле до острого желания словить их губами, без слов сказать то, что боится признать мое сознание. Я ничего этого не делаю. Я просто беспрепятственно позволяю ему уйти.

Лишь спустя полчаса я выхожу в коридор, чтобы прикрыть дверь на дополнительный замок... И замираю на месте, не замечая слез, которые текут по моим щекам и с тихим звуком разбиваются о паркет.

На столешнице тумбы для обуви — розы. Они не красные и не белые. Они желтые с каймой красно-белых разводов.

— Пошлячка ты, Лекс!

— Магометовна, это абстракция. Каждый мыслит в меру своей распущенности! Юля, скажи ей, что я пыталась сделать букву Т!

Кто-то из них дергает меня за волосы, уложенные с утра в крупные изломанные локоны. Я сглатываю ком в горле, приказав себе не плакать, и поднимаю глаза на Эльку, которая трясет перед моим лицом шпажками для тарталеток с хаотичным нагромождением оливок, кусочков сыра и вишенки.

— Скажу... А кто это член слепил из пищевых продуктов?

— Нда... — Лекси присаживается на колени, сжав мои ладони и обеспокоенно заглядывая в глаза. Мне хочется наорать на нее, чтобы немедленно встала, смыла со своего кукольного личика выражение сострадания и переживания. В конце концов, это было даже не мое решение, закатить пати на троих в субботу! Привычный девичник — с мартини, легкими закусками, сентиментальными или, по настроению, черными комедиями, так и не зная наперед, чем же он закончится — ночными посиделками в пижамах с плетением косичек или же более тяжелой версией в одном из ночных клубов города, куда мы могли все вместе рвануть после полуночи. Все могло бы быть именно так, если бы я не прорыдала полночи в подушку.

Мой лед тронулся под теплом некой сверхъестественной силы, воплощенной в тончайшем сплетении его голоса, взгляда, потрясающей ауры власти и защиты, едва ощутимых тактильных прикосновениях к тем струнам сущности, что не так давно застыли инеем зеркальных осколков. Остроконечные льдины бились о берега моей реки неумолимым тараном, причиняя нечеловеческую боль, оставляя после себя право жестокого, неумолимого выбора. Остановить беснующуюся стихию путем окончательной капитуляции — и это должно было быть только моим решением! — или ждать, содрогаясь от бесчеловечного наказания, от сквозных ранений острыми ледяными гранями, того далекого момента, когда солнце растопит эти глыбы, чтобы залить берега неудержимым паводком, уничтожив эту боль под ласковыми лучами пробуждающейся весны. Только сейчас у меня не было уверенности, что она настанет.

Я смотрела в черный глянец мобильного телефона — я видела его даже в темноте. Черный портал в новое начало. Мне оставалась самая малость, открыть список контактов и набрать Александра. Вырвать из объятий Морфея... а может, от полного погружения в деловую документацию, зная, как он предан работе, даже если меня его тотальная занятость ни разу не коснулась. Предположить то, что он не в состоянии уснуть или погрузиться в работу, что его могут терзать такие же тяжелые мысли, как и меня, я не могла. Этот человек все еще оставался для меня загадкой, человеком выкованным из стали, который прятал эмоции настолько глубоко под кожу, что мне в своей наивности никогда не будет позволено даже коснуться их поверхности.

Я попала в силки собственных сетей. Я хотела оставаться собой без потери права выбора и принятия решений в наших непростых отношениях. Самый большой страх — потерять себя, стать тенью близкого человека, продолжением исключительно его воли без возможности что-либо запретить, жил во мне чуть ли не с детства. При всей своей тяге к подчинению я всегда стремилась сохранить себя как личность, остаться неразгаданной

тайной даже для того мужчины, перед которым откроюсь всей душой. Я всегда видела грань между доверием и раболепным растворением, и у меня было достаточно мудрости и сил, чтобы никогда ее не перешагнуть. А такой, как Алекс, никогда бы не стал от меня этого требовать. Он дал мне выбор, о котором я всегда молчаливо молила на уровне подсознания. Уйти или остаться. Остановить или отпустить. Выбор, которого я не хотела. Свобода, которая сжигала посильнее неволи. Вызов моей гордости — и отчаянный призыв для моей женской сущности, которая наконец-то осознала, чего именно хочет... но так и сидела, забившись в угол, не в состоянии предъявить ультиматум гордости.

На исходе второго часа нового дня она сдалась. Гордость вступила в свои права, словно сжалившись надо мной, чтобы позволить погрузиться в затяжной сон без сновидений.

Я не буду счастлива в таких отношениях. Ни первый, ни второй сценарий ничем хорошим не закончился.

У меня оставалась слабая, робкая надежда, что он позвонит сам. Скажет, что передумал, что мы попробуем снова — или вообще ничего не скажет, воспользовавшись неоспоримым правом альфа-дома, а я в этот раз буду просто молчать и соглашаться, забив на гордость. Телефон молчал всю ночь, подпитывая истерзанную психику ожиданием утра... но утром ничего не произошло.

Пар в субботу не было. Студенческий сбор мы дружно проигнорировали — кому охота было мерзнуть на Майдане в поддержку той или иной политической силы? Ленка с Элей заехали ко мне около 11, заставив оторваться от созерцания молчащего телефона между пятой сигаретой и четвертой чашкой кофе. Их вопросы довели меня до белого каления.

— Мы расстались! Все! — почти закричала я. Лена изобразила вселенскую скорбь, а Эля криво усмехнулась.

— Стало быть, Джанго освобожден? Одевайся, в Mango стартовал предновогодний сейл!

— А еще мы тут посоветовались, и решили, что сегодня надо собраться и устроить вечер без мужчин! Он еще сам завоет, я же видела, как он на тебя смотрел! — у Лекси при слове «сейл» сработала трансформация дружеского сопереживания в эйфорию. — Потом ко мне в салон, кому укладка, а кому маникюр, решите сами!

Так я стала обладательницей роскошного платья-футляра в кофейно-белых тонах, ломаных голливудских локонов... и разбитого неопределенностью сердца. Мой лед почти растаял, но вместе с этим пришли только боль и отчаяние. Несколько раз я тянулась к телефону... и столько же раз пугливо отдергивала ладонь. Вот и сейчас, девчонки носились по моей квартире, разливали по бокалам охлажденный martini, нарезали фрукты для легких закусок, перебирали коллекцию фильмов на флешках, взяв этот выбор на себя. От меня было мало толку — я уже час сидела в кресле, не меняя позы, вздрагивая от малейшего звука в ожидании звонка. Телефон безнадежно молчал, интуиция твердила — он не позвонит. Он всегда отвечает за свои слова и никогда не меняет принятых решений.

— Давай расстреляем его портрет дротиками? Как Вову? — я обожгла Ленку тяжелым взглядом, и она примирительно подняла руки вверх. — Ладно, забудь... Выбирай, ужасик или комедия?

— Лекс, мне пофиг. — Я решительно сняла блок с экрана... лишь затем, чтобы отбросить телефон в сторону, поморщившись от почти физической рези по обостренным эмоциям. — Выбирай, что хочешь.

— Может, ты все-таки позвонишь ему? — Эля присела на подлокотник, отобрав у меня

пустой бокал с мартини. — Юль, если не можешь отпустить... ну просто попроси побольше времени... поставь свои условия... В конце-концов, он взрослый мужик, должен проявить понимание!

— Это не тот человек, которому можно ставить свои условия, и ты сама об этом прекрасно знаешь!

— Разве то, что он готов все отменить ради тебя, не показатель его чувств... особого отношения? — Эля пригубила из бокала, избегая моего взгляда. — Дима бы стал так с тобой обращаться, скажи мне? Позволять самой делать выбор? Этот питекантроп уволок бы в пещеру и выколотил все сомнения сама знаешь чем!

— Давай не будем о мертвых плохо? Нашла, с кем сравнить!

— Не будем, хорошо, но смысл-то от этого не изменится! Ты вообще понимаешь, что каждая из нас тебе по-белому завидует? Юлька, елки-палки! Да если б обо мне так заботились... Психолог, дорогие подарки, даже переживание за то, как идет учеба, я бы была на седьмом небе! Ты думала, я с Денисом из-за того, что он круто выглядит? Мне лицо или размер бицепса давно поперек горла, этот, в отличие от прошлых, показал, что уважает во мне прежде всего личность, а не ноги с грудью! Я, наверное, сейчас скажу что-то безумное, только... Б**дь, держись за свое божество подземного мира обеими руками. В нем стержень и та сила, которая защитит даже от апокалипсиса. Я просто не стала тебе об этом сразу говорить, когда меня в клубе накрыло тогда, он всю тревогу снял... не меня интонации... не сюсюкая и не уговаривая... ничего аномальнее со мной не случилось до тех пор!

— Я не знаю... Я боюсь ему звонить... Элькин, я пыталась... — делаю спасительный глоток мартини, напиток бомонда и просто женщин с тонким эстетическим вкусом, чтобы не допустить прорыва первых слез убивающей безысходности. — Наверное, так и должно было произойти. Понимаешь, те или иные люди появляются в нашей жизни не просто так. У каждого своя программа, то, что потом мы можем назвать «опытом». Возможно, Алекс появился для того, чтобы избавить меня от страха. Чтобы я перестала страдать по Димке. А теперь ему время уходить из моей жизни.

— И разбить тебе сердце исчезновением, которое ты можешь предотвратить? Юля, звони. У тебя все равно есть шанс переиграть, если передумаешь. Скажешь, хотела пожелать благополучного перелета. Ну?

— Нет, Эл... Это не детский сад. Позвонить — принять его правила. Показать свою слабость. Девчонки не звонят первыми...

— Какую слабость?! Черт, Юль, хватит тупить!

— Нет... Я все решила... Он сам должен позвонить, если хочет быть со мной! Он мужчина! Который не имел права делать то, что сделал... И потом сразу ставить меня перед этим выбором!

— Да каким выбором?! Тебя что, на цепь посадить собирались? Сколько можно искать себе тупые оправдания?

Спазм-сжатие горловых связок... Не спасает даже жадный глоток мартини. Но почти сразу отрезвляет ироничный вопль Лекси, которая не участвовала в разговоре, занимаясь поиском фильма.

— Багира, а когда это ты начала учить немецкий?.. Тут же язык сломать можно!

Мы с Элей одновременно повернулись к нашей супер-блондинке. Наверное, выражение лица у каждой из нас было одинаково недоумевающим.

— А что такое «Vertrag»? — Лекси с любопытством изучала стопку страниц в своих

руках. — «im Namen des Direktors Herrn»... Это завещание Гитлера, да?

— Дай сюда! — меня опередила Эля, едва не разорвав документ в Ленкиной ладони. Та капризно надула губки.

— Ну и забирай, у меня еще есть. И тут такая красивенькая голограммка... Я бы ее оторвала себе, но он заламинирован...

Я устала на документ, который теперь держала в руках Алиева, понимая, что вижу его впервые в жизни. Четыре страницы, может, больше. В том, что язык — немецкий, у меня не осталось сомнений, стоило увидеть в тексте слово «Deutschland». Я понятия не имела, откуда это взялось в моей квартире!

— Подожди! — Эля защелкала телефоном, вбивая название документа в переводчик. — Юль, это договор. Предположительно, купля-продажа. Смотри, здесь его фамилия!

— Как у Анастейши Стил и Кристиана Грея? Круто! А кто кого покупать собирался? — Ленка вертела в руках нечто, похожее на корочку диплома, с рядом голографических оттисков. — А что это такое? Вы договаривались, да?

Внезапное озарение ударило в солнечное сплетение выбивающей тревогой. Я вспомнила вчерашний вечер.

«Можно воспользоваться твоим принтером?»... Я стараюсь не смотреть за тем, чем он занят, я пытаюсь изо всех сил не показать, как мне больно, как рушатся мои ледники, как съедает изнутри острое желание упасть к его ногам и положить голову на колени, после чего хоть апокалипсис... хоть финал в стиле «Истории О», с оттиском клейма, которого я уже не боюсь, потому как добровольно и с удовольствием позволила выжечь подобное на сердце и сознании вензельным росчерком. Гордость сдавливает мою шею цепкими объятиями смерти, произнеси я стон-мольбу или кинься к его ногам, — сомкнет пальцы, передавливая, вырывая пульсирующую аорту, — лучше умри, но не смей расписываться в своей слабости! Я переключаюсь на его пальцы. Когда он сел в кресло у компьютерного стола, у него в руках была флешка и небольшая стопка документов. Флешка в USB — разъеме, документы в левую руку, чтобы иметь возможность свериться, поверх моих конспектов и первых распечаток титула курсовой. Жужжание принтера, и он ловко вынимает распечатанные страницы, удерживая в правой руке, бегло пролистав, укладывает в кейс... А те, что остались лежать на столе, там и остаются? Потом мы прощаемся... потом эти розы... боже мой!

— Дай сюда! — Эля уже вертит гербовую бумагу и пластиковую карту в своих руках. — Это вообще похоже на уставные документы! Давай сейчас перепишем и вобьем в поисковик... хотя сертификат скорее всего универсальное название... Юля, здесь в каждом его фамилия! Ты уверена, что он уехал в деловую поездку, оставив эти документы у тебя?

Мы смотрим друг на друга, ошеломленные внезапным осознанием. Эля приходит в себя первой.

— Быстро звони. Он еще не улетел?

— Нет, в 18 с чем-то...

— Уже без пяти минут шесть!

Характерный сухой треск зарождается в глубине моей опустошенной сущности, просвечивая насквозь разрядом молнии за секунду до оглушающего громового раската. Живительное тепло хлынувшего ливня иссекает эйфорией зародившейся надежды. Последнего шанса, перед которым гордость бессильна. Она попыталась поднять восстание, я физически прочувствовала, как дернулась ее карающая длань в попытке вынуть меч из ножен за спиной, чтобы стоять до конца, не позволяя переиграть свод ее нерушимых

законов... Но она тут же оказалась обезоружена сильнейшим обстоятельством, которое так коварно-дипломатично сломало ее диктатуру. Вмешательство высших сил — или заранее продуманная опытным игроком акция? Мне сейчас не хочется об этом думать.

— Я не успею! — паника запускает захлест первого витка аритмии. — Я даже не знаю, где...

— Юля. Хватит тупить, в Харькове один аэропорт! Б**дь, спасай ваши отношения... — я перевожу растерянный взгляд на притихшую Лекс, затем опять на Элю, которая вырывает бокал из моих дрожащих пальцев, и оголтело стучит по кнопкам мобильного.

— Савина, 20 б! Едем в аэропорт! Когда? Немедленно! Час назад!

Меня сковывает стальным бондажом неуместного оцепенения. Опускаюсь в кресло, не в силах побороть приступ панической дрожи во всех конечностях и разобрать на составляющие ее природу. Восторг. Гора проблемы выбора — с плеч. Страх перед неизвестностью. Сомнения. Чувство нереальности происходящего.

— Что значит «машин нет»?! Ты раньше могла сказать? Твою мать! — топает ногой Эля. — 10 минут эта овца молчала!

Я действительно потеряла счет времени. Сижу, не понимая движухи вокруг, пока на мои руки не падает дубленка, а Эля не срывает меня с кресла резким рывком за руки.

— В темпе! Словишь попутку! Лен, собери все документы в файл, до единого!

У меня все еще кружится голова, я даже не понимаю, что Элька натягивает на меня дубленку, как на маленькую девочку, Лена принесла из прихожей сапоги и едва ли не душит длинным шарфом, пытаясь замотать вокруг шеи. Молнию сапожек я застегиваю сама. Время замирает и подвисает — именно так, как обычно у меня происходит перед самыми судьбоносными моментами. Пауза, с тем, чтобы затопить эйфорией уже спустя несколько секунд...

— Вы меня дождетесь? Эл, ключ от квартиры дополнительный в верхнем ящике стола... Не уходите... я скоро!

Папка с документами летит прямо в меня, ловлю ее на лету. И неосознанно жмурюсь, нарвавшись на тяжелый взгляд Алиевой — за все время нашего знакомства мне не приходилось наблюдать подобного.

— Багира, лучше не возвращайся. Раньше завтрашнего вечера, так точно. И желательно, чтобы тебя сюда занесли после бурного воссоединения... Только живую!

— Проверьте свет и воду... И музыку не поздно, соседи вредные...

— Вали уже давай! — срывается Элька под смех Лекси и щелкает затвором фотоаппарата. — Добавьте в семейный архив с припиской «так мама стопорнула папу».

...Я не помнила, как оказалась на улице. Молчание равнодушной зимы больше не казалось родным, ему никогда не ужиться с моим пламенем, растопившим лед окончательно. Может, потому, что я так горела изнутри? Ноги разъезжались на скользком асфальте, но я добежала до проезжей части, умудрившись не рухнуть лицом в лед и ничего себе не сломать. Вытянутая ладонь, папка с бумагами зажата под мышкой, пока я хаотично застегиваю пуговицы, спасаясь от зверского холода. Слепящий свет ксеноновых фар. Скрип покрышек по утрамбованному снегу, которого за двое суток насыпало прилично.

— В аэропорт! Пожалуйста! — я подпрыгиваю на месте, уже не соображая, от холода или же от нетерпения. На лице водителя притормозившей иномарки появляется неуверенное сомнение, я роняю папку на обледенелый бордюр, чтобы расстегнуть молнию сумки и вытащить кошелек для окончательного аргумента в свою пользу. Слава богу, что сомнения

мужчины долго не длятся.

— Садись. Ты что-то выронила.

Подхватываю документы, игнорируя панибратское «ты». Этот неприметный мужчина сейчас в моем рейтинге повышен до звания архангела, потому что он единственный, кто одним взмахом своих крыльев донесет меня до места назначения. Что, крылья не могут выглядеть как четыре колечка немецкого автопрома? Он замечает мою нервозность, ежеминутные взгляды на циферблат и сжатые добела на папке документов фаланги пальцев, поэтому не делает попытки начать разговор. «Быстрее!» — едва шепчут мои губы, заполняя салон осязаемым прессом тревоги и паники. За 20 минут до указанного времени я киваю своему спасителю в знак благодарности, потому как он отказывается взять деньги и желает мне приятного полета (нет времени пояснять), едва не плачу, вспомнив, что регистрация могла уже начаться, и гонка со временем будет обречена на провал.

Роскошный зал аэровокзала. Купол закаленного стекла, хромированного металла и последних чудес технологии. Яркие таблички-навигаторы. Куда мне? Зал ожидания? Бар? Дьюти-фри? Едва не кричу от отчаяния, понимая, что могу потерять мужчину, которому открыла свое сердце и чувства за шаг до вероятного счастья. Слезы предательски увлажняют глаза, пока я, задыхаясь от тревоги, стараюсь удержать королевскую осанку и отчаянные рыдания, чтобы подойти к рецепции с достойным «Оскара» самообладанием...

...В VIP-зале ожидания даже время летит по-иному — то ускоряя бег, то зависая над пропастью мелодичного объявления рейсов, жужжания сканеров, гула множества голосов. Эти звуки едва долетают в выхолощенный до стерильности уют роскошного зала ожидания. Они, скорее, зависли в отфильтрованном климат-контролем воздухе неизменным фоном.

Привычное сжатие пальцами белого фарфора чашки с непревзойденным Starbucks Rwanda Blue Bourbon, привилегия клиентов бизнес-класса, пристальный взгляд на сапфировый циферблат наручных часов, которые, несмотря на баснословную стоимость, не в силах замедлить скорость времени. Беглый просмотр биржевых котировок с просчетом S&P 500 ввиду нестабильной ситуации в стране, моментальная вспышка прописанной стратегии с быстрым набором текста для последующего инструктажа доверенных лиц.

Эта ситуация не требовала его непосредственного присутствия. Обязанности были распределены очень грамотно, каждый из партнеров-исполнителей не нуждался в дополнительной координации собственных действий для приумножения общего капитала компании. Он мог позволить себе расслабиться даже в такой ожесточенный период, привычка тотального контроля и способности видеть наперед всегда играла ему на руку. Его время стоило куда дороже некоторых акций, которые он так легко тасовал уверенными движениями пальцев, и даже сейчас, замирая в ожидании на высшей точке пересечения параллелей между «получится» и «не получится», он знал наперед, чем займется в случае самого болезненного фиаско.

Внешне его волнение никогда и ни в чем не проявляется. Нет постоянного поглядывания на двери входа. Взгляд не падает с периодичностью интервала в несколько секунд на циферблат часов. Ледяное спокойствие уверенного в себе хозяина положения. И никто и никогда не узнает, что сейчас происходит внутри... как прокачивает закипевшую от чувства невыносимой потери кровь холодное сердце, которое не в силах устоять перед лавиной накрывших чувств, и одна только надежда, символ надрывного ожидания, не позволяет ему разорваться на сотни мельчайших атомов боли. Он готов ждать. Даже до тех пор, пока не станет совсем поздно. Безжалостный отсчет запущен, чтобы взорвать мир

росчерками яркой радуги за миг до финального запуска невозврата.

Суета в дверях нарушает гармонию спокойствия VIP-зала. Он поднимает глаза синхронно с немногочисленными посетителями, и горячая лава долгожданного счастья — восторга прорывает плотины воли. Это пламя больше не опасно. В этот раз оно не сожжет дотла, нет — наполнит его жизнь рассветом нового начала.

Его девочка растеряна, перепугана и взволнована. Побелевшие от напряжения пальцы сжимают папку с документами, взгляд отчаянным взбесившимся поисковым радаром скользит по кожаным креслам зала. Ей сейчас все равно, что секьюрити в черном костюме что-то пытается сказать, вцепившись руками в рукава ее расстегнутой дубленки, она, скорее, обращает на него не больше внимания, чем на надоедливую комариху.

Ярость закипает в его крови с удвоенной энергией сбывшейся надежды. Этот костолом своими пальцами смеет прикасаться к его девочке? Он на миг позволил себе стать вершителем судеб, который пытается не допустить их встречи? Да он в своем уме?..

Юля выгибается в его руках, словно загнанная в угол хищница, идущая к своей цели, которую ничто и никто не сможет сейчас остановить. Она еще не заметила его. Сжав кулаки, Александр медленным, внешне расслабленным движением поднимается во весь рост, захватив в цепкие силки собственного взгляда глаза секьюрити VIP — сектора аэропорта. Замкнутый круг реверса повисших секунд, слова сейчас излишни — берсерк охранной службы оказался на удивление сообразительным. Пальцы разжимаются на рукаве Юлькиной дубленки, инстинктивный защитный жест на уровне психосоматики — поглаживание смятой складки в том месте, где только что так грубо зажимал в ладони. Легкая растерянность сметена диктатом подавляющего взгляда Александра. Он сам не знает, что бы сейчас предпринял, если бы не отметил боковым зрением приоткрытый рот Юленьки... Целая гамма чувств, отразившаяся в ее огромных зеленых глазах с легкой поволокой слез счастливого облегчения — успела, достигла своей цели, все это было не зря! Секьюрити постыдно ретируется — соседи по VIP — залу пришли в себя быстрее, вместе с презрительными комментариями в адрес человека, который позволил себе подобное обращение с девушкой. Перед их любопытными взглядами, скрытыми такой похожей особенностью внешнего показательного равнодушия, сейчас разыгрывается финал драмы со счастливым исходом.

Его девочка не медлит, не переминается с ноги на ногу в последнем смущении-сомнении, ломая привычный шаблон психологической подоплеки подобных ситуаций. Агрессия охранника — лишь незначительная преграда на ее пути к желанной цели, своему главному идолу, которого она могла потерять, если бы не взяла себя в руки и не взглянула в глаза собственным страхам. Быстрые уверенные шаги, губы пытаются воспроизвести наверняка заготовленный текст обращения, движение руки с папкой — но эти ненужные преграды сметены желанием воскресшего единения, когда руки обвивают его шею в отчаянном порыве, холодные пальчики смыкаются на затылке замком замершего мгновения, с отдачей едва заметной дрожи в каждом ударе истосковавшегося сердца. Им сейчас действительно не нужны слова. Соприкосновение губ, печать смилостивившегося фатума — и счастье накрывает ядерной волной, оставив после себя дымящиеся руины недавнего недопонимания и тревог недосказанных слов. Порывы солнечного ветра уносят отголоски недосказанных опасений, снов, которые обречены стать новой счастливой реальностью.

Неизбежность встречи.

Милость судьбы за шаг до расставания.

Окончательная печать того чувства, от которого никто из них не мог сбежать изначально, с самой первой встречи, даже если казалось, что ничего общего у них нет и никогда не может быть.

Дыхание еще прерывистое, взволнованное, ошеломленное после жаркого поцелуя. Все самое страшное осталось позади. Они выстояли в этом противостоянии с судьбой, которая подарила им рай разделенного чувства.

— Ваши документы... вы забыли. А я... — Пальчики растерянно касаются век, смахивая слезы счастья, улыбка не в силах покинуть припухших губ его малышки.

— Ну разве такой человек, как я, может что-то намеренно забыть? — он не осознает, насколько сейчас похожи их улыбки.

— То есть... вы специально, да? — детское изумление со слегка обиженным изгибом бровей тает перед очередным накатом волны счастливой эйфории в ее огромных зеленых глазах. — Чтобы я приехала?

— Чтобы проблема выбора не смыла яркие краски твоего осознанного решения, моя храбрая, ранимая девочка!

— О! — она смущена, но от этой стеснительности-возмущения улыбка сияет еще ярче.

— Ну, полагаю, ты простишь мне этот нечестный тактический ход?

Сжатие губ в игривой имитации обиды, в глазах чертики пляшут контемп в честь триумфа сбывшейся мечты. Он готов поклясться, что читает невысказанное признание на ее чувственных дрожащих губках.

«Я бы все равно это сделала...»

Бесчувственный голос службы оповещения по громкой связи заставляет ее вздрогнуть.

— Объявлена посадка на рейс 12** Харьков- Мюнхен, пассажирам просьба пройти к терминалу регистрации...

— Сгорят билеты, — шепчет Юля, подобно кошечке прикоснувшись щекой к меховому воротничку дубленки. Но никакого волнения и сомнения в том, что никто никуда не летит, у нее нет и в помине.

— Придется их сдать. И это не мой рейс.

— Как?.. — проблеск удивления в двух зеленых озерах чистейшего эндорфина. Ему хочется рассмеяться и закружить свою девочку по вип-залу ожидания, не обращая внимания на соседей, которые из последних сил делают вид, что заняты происходящим на экранах своих ноутбуков.

— На Париж только в 9 часов вечера.

— Вы изменили планы?

— Зная, как маленькие девочки любят опаздывать, я просто решил не рисковать... ну и да, навестить сына в случае, если бы ты передумала быть со мной. Теперь, боюсь, нам придется туда слетать вместе... но неделями позже.

— Ну вот!!!

— Может, хватит обижаться, и просто поцелуешь меня?..

Замершее время... Оно само координирует свой бег, повинуюсь исключительно искренним эмоциям. Он не может поверить собственному счастью. Тому факту, что снова держит в своих руках самое драгоценное чудо, которое только может существовать в мире. И никто и никогда теперь не сможет отнять у него эту девочку, которая стала смыслом всей его жизни. Как ему не терпится сейчас увезти ее, скрыть от любопытных глаз, пить ее открытую искренность зародившейся любви жадными глотками, отдавая взамен куда

больше! Он не спешит. У них впереди целая вечность, рай, посланный им двоим за часы ожидания, которые кажутся веками. Перед тем, как они уедут, ему нужно успокоить свою любимую девочку, согреть ее побелевшие пальчики чашкой горячего эксклюзивного кофе, отлучиться совсем ненадолго — не столько с целью поменять билеты, а лишь для того, чтобы вернуться с букетом роз. Таких же точно, как оставил в ее квартире накануне своего ухода. Желтый цвет не символизирует разлуку — это цвет солнечных лучиков, окрашенный ореолом красно-белой страсти, потому как его тьма для нее самый яркий свет. Она еще не осознала, что считала этот код флористического послания максимально верно...

Они покидают здание аэропорта рука об руку, не желая задерживаться больше ни на минуту. Страсть, усиленная спиралями поглощающего счастья, прошивает последние стежки их единения. Если бы он сомневался в своем принятом еще вчера решении, она скоро о нем узнает, — то сегодняшняя эйфория стала бы решающим аргументом «за». Реальность поглощает их общие минуты, но никто не в состоянии противиться диктату счастья, которое проявляется в таких обычных и прекрасных моментах — с остановкой автомобиля через равный интервал времени для страстных поцелуев, печатей их взаимного чувства, тех самых, которых никогда не будет много! Только врожденное хладнокровие и контроль позволяет ему уверенно управлять транспортным средством, не развивая запредельных скоростей, чтобы поскорее добраться к месту назначения, где никто и никогда не посмеет помешать им наслаждаться друг другу. Белоснежная взлетная полоса стала их раем. Плацдармом свободного полета. Его маленькая амазонка оказалась смелой и решительной перед пугающим прежде чувством настоящей любви...

— Я не вернусь! Элька, празднуйте без меня! Только дом не спалите... Что? Когда вернусь? Не знаю, в понедельник... можете гудеть до того времени! — взволнованно щебечет в телефон его девочка, уверенно уютив ручку на его затылке с легким поглаживанием волос, зарываясь пальчиками, жмурясь от счастья. А машина под его управлением летит сквозь зимнюю ночь с белыми полосами снега, чтобы поставить свой окончательный росчерк на вспыхнувшей сверхновой еще одного союза, который был обречен на счастье с самого начала. Он всегда умел просчитывать это на несколько ходов вперед...

Уютное тепло холла его обители наполняется солнечным светом, которое прогоняет тьму зависшего одиночества, стоит преодолеть порог. Он не позволил ей проделать этот путь пешком по запорошенным снегом дорожкам, высоким ступеням, холодному пока еще керамограниту прихожей. Его девочка смеется, игриво извиваясь в руках, но не с целью отстраниться, нет — прижаться ближе, соприкоснуться оголенными сущностями, зажмурившись от счастья быть собой, не пряча чувств, порывов и эмоций. Сущность свобододобивого, никому ничем не обязанного ребенка, которого никто не осудит за право быть абсолютно счастливым и непредвзятым, накрывает теплой волной и рвется из сердца в ласковые небеса, озаряя их новый мир теплом света новорожденного солнца. Одного на двоих, уникального, замкнутого в периметре их планетарной системы.

Шаблонное мышление знатоков настоящих чувств, воспетых в литературе, кинематографе и психологических исследованиях настолько прочно убедило недалекий социум в алгоритме якобы правильных чувств, что, узнай его истинные мысли, общественность завопила бы синхронным резонансом. Тьма и Свет неотделимы, и он один знает, о чем молчит обширный поток информационного поля.

Ему хочется носить ее на руках и одновременно терзать агрессивными поцелуями. Окутать самой возвышенной нежностью — и в то же время навсегда привязать к себе далеко

не романтическими методами. Отдать жизнь за ее счастливую улыбку и выпить, запустить под кожу отголоски затихающих слез. Он бы никогда не посмел это сделать без ее молчаливого согласия.

Стук каблучков о плитку разносится в пустом доме звонким эхом. Уверенный рывок петель с крупными пуговицами на груди, размыкание замка широкого пояса — дубленка черным покрывалом падает на пол за ее спиной, игривая непосредственность в глазах сменяется напряженной серьезностью с искрами жаждущего предвкушения последующей близости. Пальцы зарываются в шелк ее волос, погладив теплую уязвимую впадинку затылка, резко сжимаются в кулак с захватом мягких темных прядей, ей не должно быть больно сверх грани чувствительности, он контролирует каждое свое движение и силу воздействия. Никогда его узаконенной одержимости не затопить берега контроля и возвышенного чувства, которое бережет ее сущность от острых рывков. Зеркало было последним.

Испуганный, но полный завуалированного наслаждения от адреналинового всплеска вскрик проходит электрическим током по всем органам чувств, когда он резко разворачивает свою такую долгожданную и так горячо любимую добычу лицом к стене, декорированной шершавым рельефом песчаника. Рывок молнии на платье, в котором она выглядит самой настоящей леди, и фактурная ткань скользит по сжавшимся плечикам, женственным изгибам талии и бедер к ногам. Она останется завоеванной королевой даже на коленях у его ног, замирающая в ожидании удовольствия, тянущаяся к его рукам в надежде на ласку и боль, — скоро эти две несопоставимые сущности станут для нее единым целым. Ее сладкая дрожь ответного желания трогает сердце росчерками замирающей нежности, которая призвана уравновесить агрессию, настроить на свою волну, направить в русло последующего обоюдного экстаза. Тонкие запястья доверчиво устремляются в тиски захвата его ладони. Пальцы левой руки уверенной лаской искусителя размыкают застежку кружевного бюстгальтера, вынимая лямки из пазов крепления, чтобы не отпускать зажатые кисти прекрасной и чувственной наложницы, добровольно сошедшей в мир его власти с запредельного Олимпа. Орудие соблазна скользит по изгибу его руки, последнему препятствию, когда ладонь накрывает теплую совершенную грудь с твердым пиком соска, выдавшего ее желание в унисон с учатившимся дыханием. Она давно перешла грань опасных размышлений, и только диктат его власти не позволяет этой девочке развернуться и поглотить губы жаждущим поцелуем со всем накалом страсти, которая не уступает его желанию. Бедра плавным движением устремляются навстречу, разжигая новый взрыв-вспышку обострившегося желания в перенапряженном члене.

Он не будет спешить, как бы сильно ни было желание взять ее прямо в прихожей. Рывок тонких колготок вниз, — нет сил отказать себе в этом запредельном желании плавно стянуть тонкую лайкру с ее длинных совершенных ног, продавив лоскуток ластовицы нажатием подошвы туфель, с тем, чтобы присесть рядом, покрыв отрывистыми поцелуями гладкую загорелую кожу, расстегнуть молнию сапожек, стянув их вместе с колготками. Керамогранит холла стал плацдармом их воссоединения с выброшенными белыми флагами разбросанной одежды. Когда он вновь поднимает ее на руки, обнаженную, за исключением тонких кружевных трусиков, дрожь жаждущего желания вливается в кровь вместе с ее хриплым стоном и невидящим взглядом потемневших от страсти глаз. Тонкие пальчики впиваются в лацканы пиджака в немой мольбе на продолжение ласки, ему просто не остается ничего иного, кроме как толкнуть ногой дверь, чтобы проследовать в спальню по

витой спирали лестницы.

Его девочка, самое прекрасное, что с ним случилось за десятки лет ожидания, больше не вжимается в спинку кровати и не следит за ним исподлобья испуганным и настороженным взглядом... Улыбка так и не покинула ее припухших от поцелуев губ, огромные глаза кажутся черными от затопившей страсти, позвоночник выгибается рядами сладчайшего желания навстречу поглаживаниям ладони. Черное кружево трусиков скользит по шелковой глади ее ног, открывая полностью его власти и обладанию. Но нет, сегодня он не будет спешить, невзирая на то, что эрекция достигла почти пограничных пределов, в висках отдает ритм пылающего сердца, а желание войти в ее податливые тугие глубины с трудом поддается контролю. Нет, у него другие планы, и это тоже будет, но позже!

Звук выдвигающегося ящика режет острым импульсом, чуть смягченным звоном цепи оков с кожаными манжетами. Быстрый взгляд в омут внимательных глаз его любимой девочки... испугалась? Сжалась? Нет. В глазах предвкушение восторга, даже тонкие ладони непроизвольно оторвались от шелка покрывала, словно устремившись навстречу долгожданным браслетам. Молчаливое согласие дрожащим росчерком опустившихся ресниц, сладострастный всхлип-полустон, который внешне может показаться проявлением протеста, когда мягкая кожа властно обхватывает тонкие кисти. Захват рук с фиксацией карабина в изголовье кровати, жаркий поцелуй в приоткрытые в жаждущем порыве большего влажные, горячие губы... Ни малейших завихрений протеста и неприятия с отголосками страха нет и в помине. Она доверчиво раскрыта его поглощающему чувству, они оба знают без излишних слов, малейшее сомнение или проявление дискомфорта, он остановится. Ее удовольствие его первоочередная цель.

Прервать поцелуй всего лишь на миг, чтобы вновь потянуться к ящику и сжать руками рукоять того самого средства, что скоро унесет ее в запредельные слои стратосферы. Внимательный взгляд в широко распахнутые глаза, в которых промелькнул мимолетный испуг, тотчас же сменившийся восторженным любопытством. Расширенные от страсти зрачки фокусируются на плетении плети с наконечниками в виде мелких соцветий, которая предварительной лаской скользит по глади плоского животика, задевая линию промежности нежным поглаживанием... ему не приходится долго ждать. Едва уловимый кивок в унисон с опущенными ресницами немой позволением.

Первый удар выбивает из ее горла ошеломленный крик, кожа манжет впивается в запястья. Волновой откат сладострастной отдачи затапливает сердце щемящим восторгом, выверенная пауза в четыре секунды — с новым ударом по изгибу бедра, который в первые миллисекунды практически неощутим. Особенность плетения делает боль отложенной во времени, она расцветет жарким жгущим цветком лишь спустя полторы секунды...

«Хочешь продолжить? Мы остановимся, только скажи!» — немой вопрос на уровне объединенного ментала с нетерпеливым отрицанием, даже легким возмущением — никаких остановок, никогда! Бег спланированного таймера для последующих укусов плети. Он намеренно не заставил ее считать. Ритмичность нанесения ударов шаг за шагом приближает ее к грани свободного полета...

Выравнивается напряженное дыхание, расслабляются натянутые мышцы скованных рук с доверительно раскрытыми ладонями. Всхлипы от обжигающих укусов становятся глубже, продолжительнее, до тех пор, пока распахнутые глаза не заволакивает пеленой накрывшего транса, а на губах не расцветает расслабленная улыбка.

Она не с ним — и в то же время, настолько рядом, насколько никогда прежде не была.

Эндорфиновые вихри несут ее в потоках сладкой эйфории так высоко, что туда не залетают даже птицы.

— Я люблю тебя, — шепчет он в ее полуоткрытые губы, размыкая карабин крепления цепи и укрывая теплым пледом. Ей будет холодно, когда она вернется из сладкого путешествия под названием «сабспейс». — Ты даже не можешь предположить, насколько сильно!

Ему хочется верить, что она услышит. Даже если не запомнит, у них целая вечность, чтобы он смог неоднократно повторить эти слова. Устраивая поудобнее ее голову на мягкой подушке, он переводит задумчивый взгляд на сейф, задекорированный полотном картины. Нет, он подождет еще несколько дней. Так можно приручить вечность, заставляя свою девочку шаг за шагом переживать самые счастливые эмоции. Он обязательно это сделает... Но сейчас у них впереди целая ночь, приправленная мерцающими искрами долгожданного выстраданного счастья.

Они вместе. И больше никто и ничто не в силах этому помешать.

Спираль чистого удовольствия, полета — единения расцветают на кончиках освободившихся крыльев арабской вязью, расписывая в яркие цвета историю нашего слияния-поглощения, прекраснее которого, я сейчас уверена, нет ничего и не может быть. Мои пальцы скользят по его спине, оставляя розовеющие отметины от ногтей. Подсознание ставит штрих-код обладания на теле мужчины, которого я уже давно называю своим, и теперь без каких-либо сомнений. Мы прошиты метками обоюдной эйфории до костного мозга, последнего нейрона сознания, до самой мельчайшей клетки. Одна на двоих вселенная расцвела ярчайшими красками, которые никогда не поблекнут, пока эти сильные ладони бережными властными касаниями гладят мои плечи, пока эти жаждущие губы рисуют новые картины на моем теле росписью поцелуев, а я извиваюсь под ним, рассыпаясь на атомы от чувства восхитительного вторжения — наполненности, чувствуя толчки пылающим сердцем, транслирующим их алыми искрами по трепещущим крыльям. Я почти физически ощущаю их за своей спиной, закусывая губы, но не силах сдержать крик, когда мышцы вагины, выстрелив последними дробинками острого удовольствия и нектара, сжимаются, затопив первым приливом накрывающего струйного оргазма. Ногти помимо воли чертят голографический X по перекаату стальных грудных мышц, словно это может помочь мне удержаться в этом мире.

Жемчужная серая пелена с алыми искрами червонного золота падает ласковым покрывалом, накрывая сплетение двух разгоряченных тел, пока пульсация ответного мужского оргазма отдается сжатиями-толчками в моем теле, как и хриплый рык пресытившегося хищника в барабанных перепонках, временно деактивированных вакуумом. Неосознанно прижимаюсь к его телу в отчаянно-доверчивом объятии, переплетая пальцы на затылке. Только легкое головокружение сейчас не позволяет мне расцеловать его в знак благодарности и пуститься в ритуальный танец абсолютно счастливой женщины. Жемчужная пелена медленно расступается перед широко распахнутыми глазами, и я ловлю свое отражение в глянцево-зеркальном полотне натяжного потолка цвета спелой черешни.

Моя голова доверчиво уместилась на его широкой груди, сбившийся шелк простыней едва прикрывает тело, волосы в беспорядке растрепаны, а глаза кажутся темными, и как никогда, выразительными.

— Самая прекрасная картина из всех, что мне приходилось видеть, — вздрагиваю от его хриплого голоса, запустившего новую цепную реакцию эйфории-предвкушения. Я и сама не в силах отвести глаз от темного отражения на светлом потолке, где наши взгляды переплелись в неразрывный абсолют. Хочется запечатлеть этот момент — идеальный, неповторимый, прекрасный без всяких постановочных поз и позирования, и я качаю головой, чтобы не расхохотаться — ну вот, очень надо было мне сейчас вспоминать Элю и ее фотоаппарат?

— Как жаль, что нельзя нажать на запись... — шепчу я, не в силах стряхнуть оковы такого прекрасного эксгибиционизма, против собственной воли облизывая губы. — Только любоваться, пока не стемнеет. А когда стемнеет, зажечь свет. И снова любоваться. И так до бесконечности. Но можно и с приятными перерывами.

Его шепот обжигает мою ушную раковину, и я улыбаюсь, прикрыв глаза от удовольствия.

— А ведь это тоже зеркало, моя девочка.

Мое отражение приоткрывает ротик от изумления, осознав смысл сказанных слов... и тут же зажигается изнутри почти видимым светом, воплощенном в счастливой улыбке.

— Это я, пожалуй, бить не стану.

Мои рассуждения прерваны легким вскриком, когда руки Алекса обхватывают плечи, молниеносным рывком усадив поверх его рельефного торса, ладонь повелительно нажимает на грудь, заставляя откинуть голову назад и вновь поймать отражение в глянце натяжного потолка. Я начинаю подозревать, что ему известен источник тайного эликсира, который позволяет никогда не знать усталости. Скользу бедрами навстречу эрегированному члену, принимая в себя твердую плоть, застонав от немого восхищения. Я снова сегодня ночью не усну. Но с ним, в его руках, под куполом нежной власти сон кажется мне недопустимым элементом, который поглощает время, бегущее отныне только для нас, подчиняясь нашим законам. Мы оба заслужили право на обоюдное счастье. И никто и никогда больше не сможет его у нас отобрать.

...Я люблю вспоминать этот момент, один из многих ярких, запоминающихся, занявших свой законный пьедестал в коллекции наших прожитых дней. Меня даже часто по-отечески журят преподаватели за то, что я летаю в облаках, но спускают на тормозах — всем понятно значение колечка с бриллиантом, которое я больше не снимаю.

Да, это случилось. С таким мужчиной даже предложение руки и сердца не могло быть стандартным и предсказуемым. Без лишней скромности скажу — я не ожидала такого поворота. Совсем-совсем.

Моя жизнь после того самого воссоединения в аэропорту вошла в новую колею, наполненную яркими искрами совместно прожитых моментов, зарождения сотни счастливых звезд, которые взяли на себя миссию ничем не омрачать мое существование, лишь подпитывать его приятным ожиданием события, знакового для каждой девушки. Отгремело мое двадцатилетие — мы его отпраздновали в закрытом по случаю вечеринки клубе в компании моих друзей, и лишь потом — наедине с моим любимым мужчиной. Александр не собирался ограничивать мое общение с друзьями и остался верен данному слову. В подарок я получила роскошное кольцо с хризолитами и бриллиантами, море цветов, подарочных сертификатов от ведущих бутиков и... зачисление на курсы вождения. Последнее меня как-то совсем не обрадовало, но Алекс не позволил спустить на тормозах этот подарок. После пар Денис исправно отвозил меня на лекции по изучению дорожных знаков и прочей скучной информации, потом забирал домой, а Алекс реализовывал свою доминантскую сущность в контроле за тем, чтобы я не халтурила и учила заданный материал, не забывая о зачетах и экзаменах.

Новый год мы праздновали вдвоем. Мы бросали своим счастьем вызов общественности и реальности, стараясь не замечать событий в стране. Но я знала, что Алекс не остался в стороне от Майдана, благотворительность в его бизнес-мире шла рука об руку с заключениями договоров и сделками купли-продажи. Я поддерживала его в этом благородном устремлении, его близость удерживала от проявлений безумного патриотизма. Впервые я понимала значение понятия «защита», иногда цинично улыбаясь прошлому, где остались эгоистические порывы некоторых личностей, которым груз защиты во многом оказался не по силам.

Утро 1 января — головная боль, громада пустых бутылок и рассол с аспирином? Я раньше тоже так думала. Нет, сам праздник с моим мужчиной прошел под девизом тонкой

чувственности и острых удовольствий со всего лишь одним бокалом «вдовы Клико». Мы слишком ценили свое время, проведенное вместе, чтобы тратить его на дегустацию алкоголя. Как встретишь новый год, так его и проведешь? Мы не покидали пределов постели, ну, ладно, иногда все же делали краткосрочный выбор в пользу комнаты для сессий. Да уж, наступивший год обещал нам нескучное времяпрепровождение. А утром я услышала те самые слова, о которых каждая из нас втайне мечтает чуть ли ни с рождения.

Пробуждение многим непосвященным в особенности наших отношений показалось бы трэшем в стиле лайт. Первого января, с первыми лучами зимнего солнца, которое большинство горожан и не заметили в праздничном угаре, я открыла глаза, испытав прилив секундной паники в силу того, что не смогла пошевелить руками — но, вспомнив, что явилось тому причиной, запрокинула голову, не без удовольствия разглядывая стальное переплетение тонкой цепи, закрепившей мои стянутые манжетами запястья к изголовью кровати. За последнее время я начала находить в подобной фиксации настолько сильное наслаждение, что это потрясло даже Алекса. Казалось, после Димы с его стальными орудиями пыток для запястий я должна была заработать очередную фобию относительно цепей во время сна, но первая попытка вновь попробовать это уже с другим мужчиной закончилась очередным глубоким сабспейсом от сочетания ограничения подвижности и глубокого тембра его обжигающих слов. С тех пор наказать меня можно было, лишь отказав в этом действии. Я теряла себя в затапливающем наслаждении быть беззащитной в его руках, прикованная к самому центру энергетического поля любимого человека посредством этой тонкой цепи, засыпая в тепле его рук и энергетике обволакивающей теплом желанной властной сущности. Утром я моментально взлетала на крыльях множественных оргазмов, не в силах сдержать сошедшее с ума желание близости, испытывая кратковременную жалость, когда цепь размыкалась на руках, знаменуя собой новый день.

Я проснулась совершенно одна. Но ощущение тревоги от того, что я здесь, прикованная к кровати в полном одиночестве, отозвалось приятной вибрацией во всем теле. Это было совершенно новое и одновременно прекрасное ощущение — когда ты частично зависишь от мужчины, который готов отдать все, лишь бы преподнести тебе самое лучшее из всего, что есть в этом мире. Меня не встревожило его отсутствие. Ночью привычная моим умиротворенным демонам Тьма выпускала свои нетравматичные когти несокрушимого диктата моего персонального повелителя, но, как бы далеко не улетала я на волнах жестокого слияния темной любви, растворяясь в неземном наслаждении осознания своей покоренной женственности, грань допустимой одержимости оставалась далекой и недостижимой. Утром, с первыми лучами солнца, я сгорала от контрастной нежности, и возрождалась снова, иногда обливаясь слезами счастья, а иногда не имея возможности сдержать счастливый искристый смех. На кухню по утрам меня теперь не пускала цепь, но я этому факту особо не противилась, потому что кулинарные таланты Александра на порядок превосходили мои. Решив, что он, как обычно, занят тем, что сам шутливо называл «баловать свою девочку», я расслабленно откинулась на подушку в ожидании освобождения. Повернула голову вправо и удивленно уставилась на белый лист бумаги поверх подушки, исписанный его красивым почерком.

«Если сумеешь сама освободиться от цепи, будешь вознаграждена. А.К.»

Я цинично улыбнулась, проигнорировав удивление. Вызов? Пожалуйста. Я никогда не умела быть покорной стопроцентной сабой. Наверняка в этом есть какой-то подтекст, но игры больше не пугали, наоборот, заставляли мое сердце биться чаще в ожидании чего-то

чудесного. Я перевернулась на живот и подтянула колени, чтобы рассмотреть крепление цепи поближе. Зажата стальным кольцом, моих сил в таком положении не хватит. Дернула ладони и поморщилась от ощущения чужеродного предмета под кожей манжеты. Это еще что такое? Попыталась зажать зубками и сдвинуть, но мягкие края плотно прилегли к запястью, несмотря на эластичность. Что-то укололо кожу, сменив положение. Попытка определить предмет на ощупь тоже ничего не дала. Мне предлагалось снять эти крепления, но механизм фиксирующей цепи сжимал очень плотно. Мне ли было сдаваться перед главной утренней интригой? Я сложила скованные ладони лодочкой, нащупав другую сторону крепления к небольшой скобе в изголовье, закрытой подушками. Как Алекс не пытался (а я думаю, особо не пытался) скрыть обычный карабин за переплетением цепи, у него ничего не вышло. Щелчок, и я подхватила конец цепи зубами. Теперь дело оставалось за малым, с новообретенной свободой передвижения.

Резоннее всего было попытаться разомкнуть кольцо, но искать плоскогубцы не входило в мои планы. Я напрягла ручки и чуть развела в стороны. Нет, ну как все просто! На самих браслетах крепления стяжки легко поддадутся обычным маникюрным кусачкам. Мне оставалось только их раздобыть.

10-минутный погром в ванной едва не вывел из себя. Ну а как, скажите на милость, искать свой набор для маникюра плотно скованными ладонями, да еще с довеском в виде этой цепочки? Я уже была готова психануть от бессилия и позвать на помощь Алекса, когда отыскала свою косметичку, заблаговременно перевезенную сюда. Если б не додумалась это сделать, ничего бы не вышло! Найденные щипцы норовили поранить ладони, но я ловко вывернула запястье, захватив с десятой попытки кожаную петельку. Кисть едва не свело судорогой вместе с пальцами, когда, спустя дополнительные десять-пятнадцать минут, я разрешила эту петлю, и руки наконец-то получили свободу. Правда, кожаные ленты все так же держали мои запястья, скрывая инородный предмет, который за время манипуляций со щипцами ощутимо натер кожу, но я умылась, накинула халатик и вернулась в спальню, чтобы продолжить решать этот ребус в более комфортной обстановке.

— Ты не справилась. — Я не заметила Алекса, который медленно отошел от стены, где умудрился остаться незамеченным, пока я шла к кровати. Губы плотно сжаты, а в глазах застыло выражение непримиримого диктата с той самой серьезностью, которая — подумать только — всего-то полгода назад напугала меня до хронической аритмии. Но сейчас этот образ застывшего Айсберга вызвал новые спирали сладкого волнения без примеси панического страха.

— Ну, вы не обозначили в вашем распоряжении временные рамки данного задания! — теплая волна продолжала заливать мой позвоночник, пока я, внутренне замирая от восхищения, без смущения исследовала взглядом его высокую фигуру в неизменном костюме — сегодня цвета грозового неба. Идеальные манжеты рубашки темно-серого цвета, аккуратный узел галстука, который я почти научилась завязывать, уверенная осанка хозяина жизни — но подле него я не чувствовала дискомфорта из-за своих растрепанных, едва приглаженных волос, отсутствия косметики и ничего не скрывающего халатика на голое тело.

— Упрямство и целеустремленность моей сабы призваны брать города, — я смущенно улыбнулась такому тонкому комплименту и протянула вперед скрепленные запястья, молчаливо признавая его неоспоримое право решать — освободить или же оставить прикованной до последующего решения. Едва не присвистнула, обнаружив в его пальцах

тоненькую отмычку. — Сама бы все равно не справилась. Ну, готова увидеть, что под ними?

Любопытство щекотало изнутри сотней перышек, я закусила губки от нетерпения. Он не спешил. Прошла целая вечность, прежде чем манжеты упали на постель, освобождая мои руки. Вокруг правого запястья была обмотана в два витка тонкая золотая цепочка. Я недоуменно сдвинула брови... и тут же обомлела, когда он бережно развернул запястье к свету. Главным была не эта золотая нить, а то, что к ней крепилось.

У меня едва не отвисла челюсть. Я моргнула несколько раз, словно отказываясь признаваться самой себе в том, что это могло значить. Следила, замирая от учатившихся ударов сердца, как тонкий замочек разомкнулся, и кольцо с сияющим камнем скользнуло в его ладонь.

— О боже... — восторг ожидания накрыл, словно цунами, когда он сжал ободок перстня большим и указательным пальцем и присел рядом, настойчиво, ментальным усилием, заставляя посмотреть себе в глаза. Горло сжало приятными, привычными тисками приближающегося смеха, когда сознание окончательно приняло то, что я сама была рада отрицать до окончательного аргумента. Нет, вы мне покажите хотя бы одного человека, кто так реагировал на предложение замужества! Без шаблонного «какая красота», «мне надо подумать, так неожиданно!», или привычного, с придыханием или же визгом, «да!».

Нет же, с практически истерическим смехом и запрокидыванием головы! Таким зажигательным, что я едва расслышала его как раз таки шаблонное «ты выйдешь за меня замуж?»...

— Вы... неправильно... делаете предложение! — я смеялась, как заведенная, и не могла остановиться. Его теплая улыбка раскручивала новые витки смеха в до боли напряженных скулах. — Надо... на коленях... положи руку на...

Новый приступ смеха едва не согнул меня пополам вместе с настойчивой мыслью — суметь бы ответить положительно!

— Ты решила поставить своего Хозяина на колени, вредная девчонка? — кажется, трясущей головой, не в состоянии сказать «да». И офигеваю, когда он уверенно опускается на одно колено у моих ног. Смех обрывается на самой высокой ноте — я не знаю, что меня шокировало больше. Предложение руки и сердца или же созерцание Александра на коленях.

— У меня... ряд условий! — вытираю слезы смеха, взяв себя в руки, запустив меркантильность... или же, просто озвучиваю список недопустимых воздействий, пользуясь моментом. — Первое... Никаких ошейников! Даже если он будет замаскирован под ожерелье! Игровые — да, но постоянный — не хочу!

Улыбка Алекса шире.

— Нет, не может быть и речи. Если ты согласишься, тебе придется носить его уменьшенный вариант! И не спорь! — Легкий поворот кольца, поймавшего солнечный лучик, едва не ослепивший меня игрой радужных бликов. — Еще вопросы?

— Ну, без розового лексуса и розовых единорогов я обойдусь... — счастье топит меня окончательно. Я сползаю на колени рядом, обвивая руками его шею... Но он не двигается.

— Юля, я все еще жду твоего ответа.

Это новый этап. И я намерена взять от него по максимуму. Прижимаюсь всем телом, ощутив, как взмокли щеки от непрошенных слез.

— Согласна! — шепчу ему на ушко, взрывая одно на двоих сознание теперь уже дозволенной дерзостью. — Неужели Ты думал иначе?..

На колениему все же пришлось стать еще один раз... Когда мы приехали в Феодосию

на Рождество. Я ожидала шокированных глаз матери и ее вопросов, хорошо ли подумала, но Александр сумел очаровать ее с первого поцелуя руки при знакомстве. «Это Джеймс Бонд!» — офигела Настя. Надо же, я даже не предполагала, что дитя «сумерек» и «голодных игр» знает, кто это такой. Отчим сразу нашел общий язык с будущим зятем. Забавнее всех отреагировала Лена, которая призналась, что при первом знакомстве с моим без пяти минут супругом ей захотелось убежать и спрятаться.

Дату свадьбы мы назначили на 14 февраля. Да, такая вот далеко не оригинальная прихоть — но Алекс редко мне отказывал. Моя лучшая подруга пришла в легкий шок от привилегии стать подружкой невесты, но я настояла на своем. Эля, которая после своего непосредственного участия в нашем примирении примеряла крылья моего персонального архангела, попыталась было обидеться, но я аккуратно намекнула, что Денис будет присутствовать на свадьбе в роли почетного гостя, а не водителя, и вряд ли будет комфортно себя чувствовать, если его девушка будет держаться подле свидетеля. Лекси же я не могла пригласить без Вовы, испытывая что-то сходное со стержовым злорадством. Получила приглашение также Миранда Пристли. Мать проявила завидное понимание, не кинувшись обзванивать троюродных теток в десятом колене, хотя ни я, ни Александр особо не протестовали по этому поводу.

— Саша предложил нам переехать в Харьков. Настойчиво, надо признать, — обеспокоенно сказала мать мне следующим утром, когда Алекс с отчимом отправились на рыбалку. «Отпусти его на холостяцкую вечеринку, хватит играть в эгоистку!» — предупредила мама еще вечером. — Я даже немного встревожена.

— Я думаю, это стоит сделать. Он знает гораздо больше, чем нам показывают СМИ. Мы еще обсудим после свадьбы, обязательно! — Крыма еще не коснулись политические изменения, но тревога уже витала во влажном морозном воздухе крымской зимы. Мы пробыли здесь недолго — нас ждала подготовка к свадьбе, которую мы поручили ведущему агенству по организации мероприятий. Пожалела ли я хоть раз о своем решении? Нет. Когда в январе на Майдане прогремели первые выстрелы, и список Небесной Сотни получил свои первые имена патриотов нашей страны, ощущение теплого плеча Александра не позволило мне скатиться в депрессию. Он исправно оказывал помощь Майдану — медикаментами, продуктами и теплой одеждой, пообещав, после долгого раздумья, что не поедет в Киев. Я переживала за происходящее гораздо сильнее, чем все мои знакомые, вместе взятые. Больше по поводу того, что он сам может туда соваться. Но жизнь идет дальше, и день нашей свадьбы приближался с каждым днем.

Я заказала платье у известного дизайнера, который вылетел в Харьков по просьбе Александра со своей творческой командой. С меня несколько дней снимали мерки и уточняли цвета и фактуру ткани, особенности фасона, декора, подбирали аксессуары. Утомляло ощутимо, но за три дня до назначенной даты я встретила модельера для окончательной примерки. Он тоже получил от Алекса приглашение на нашу свадьбу. Я смотрела в зеркало и не узнавала себя в этом великолепии холодного снега с голубоватым отливом, который словно подсвечивал изнутри загорелую идеальную кожу. Красивее невесты центральный Дворец бракосочетаний еще не видел.

В вопросе выбора программы свадебной церемонии я особо не участвовала. Хореографию первого танца молодоженов мы освоили довольно быстро, остальное меня мало волновало, я с легким сердцем предоставила принятие решений мужчине. Компания — организатор не зря ела свой хлеб, нас мало беспокоили детали, которые обычно отнимают

так много сил. Академия, салоны красоты, выставка артхаусной живописи, где я была представлена бомонду первой столицы как будущая жена Александра Кравицкого, и имела возможность пообщаться с двумя политиками и фронтменом известной группы помимо самого виновника торжества.

За несколько дней до бракосочетания прилетел сын Алекса. Он вылетел более ранним рейсом, чем предполагалось вначале, и мы так интересно столкнулись с ним на лоджии солярия, когда я, вытирая волосы полотенцем, как раз собиралась отдохнуть после купания в бассейне в одном из шезлонгов.

— Вау, ты моя новая мама? — я не успела испугаться. Алекс часто говорил, что Илья похож на его первую жену, но эти глаза было трудно не узнать, как и характерную привычку сжимать губы.

— Ну, если тебя не смущает, что мы одного возраста, давай, сломай окружающим психику, — рассмеялась я. Любимчик женщин, уверенный в своей неотразимости, не мог прийти в себя, исподтишка разглядывая меня, пока отец не отучил его от этого долгим, тяжелым взглядом. Валерия задерживалась в Швейцарии, но должна была прилететь накануне торжества вместе с мужем. Моя семья прибыла в Харьков за несколько дней вместе с Леной. Никогда я не чувствовала себя настолько счастливой.

Перед днем X я практически не волновалась. Шикнула на мать с Настей, которые собирались устроить вселенский потоп из непонятных слез, дождалась вызванных на дом мастеров красоты и спокойно отдалась им в руки, правда, заставив исправить макияж не менее двух раз. Наверное, все же волновалась, но невесте позволено все без исключения. Не было того волнения, что пытаются передать заезженным штампом фильмы Голливуда — я не редела в свадебном платье у зеркала, не повторяла с утра до ночи фамилию «Кравицкая», пробуя на вкус, даже не стала идти на поводу у предрассудков, которые запрещают невесте проводить предсвадебную ночь под одной крышей с женихом. В его загородный дом я перебралась вместе с вещами еще пару недель назад. Предсвадебная гонка не коснулась никого из нас — Эля организовала нескучный девичник в аквапарке, но впервые в жизни я считала часы до его завершения, чтобы остаться поскорее наедине со своим будущим мужем. Нам не хотелось больше расставаться ни на минуту. Сейчас же, откровенно говоря, я даже испытывала раздражение от того, что нам с ним приходилось быть осторожнее при наличии гостей в доме. И без того я малость смутила мать.

— Дочь, почему ты обращаешься к любимому человеку на «вы»? — спросила она однажды. Пришлось быстро придумать историю о том, что я посещаю курсы этикета. Александру не столь давно предложили должность в консульстве, поэтому мне поверили. Но пока мы только размышляли над этим предложением. Мой любимый мужчина настаивал на том, чтобы я не бросала учебу, и я была готова год отучиться, чтобы сдать экстерном экзамены за пятый курс. Тогда можно было подумать о переезде в Берн.

Ленка и Настя оказались куда требовательнее и капризнее в вопросах красоты, чем я сама. Я едва сдерживала смех, прекрасно понимая, чем вызвано это соревнование. Илья Кравицкий прошил мозг обеим. Наверное, я попрошу Лену отойти в сторону. К тому же она еще не видела свидетеля со стороны жениха, преуспевающего адвоката Брайана Крамера, американца с украинскими корнями. В свои тридцать шесть лет он выглядел настолько притягательно и волнующе-недосыгаемо, что, наверное, даже я бы обратила на него внимание.

Спустя несколько часов Лена и Брайан наконец были представлены друг другу, и Настя

засияла, избавившись от опасной красивой конкурентки на сердце моего, мать вашу, пасынка. Впрочем, мне уже было не до них. Меня подхватили волны неопишемого счастья, когда рука в тонкой белой перчатке задрожала в ладони Алекса. Мы не стеснялись большого скопления гостей во Дворце бракосочетания, большинство из которых я видела впервые. Целовались, не в силах оторваться друг от друга, рискуя пропустить регистрацию... За последнее время он так часто повторял, как сильно любит меня. И эта искренность несла в потоках эйфории, сходной с пожизненным сабспейсом, с той лишь разницей, что я могла спокойно осознавать происходящее.

Я смеялась, улыбалась в ответ на представления гостям, которые наперебой спешили заверить, как сильно Алексу со мной повезло. Немного напряглась лишь тогда, когда в нашу сторону направилась пара — мужчина с очень знакомым лицом, и потрясающе красивая женщина, платиновая блондинка с внимательными холодными глазами, похожая на Шарлиз Терон и Шерон Стоун одновременно. Сердце кольнуло тревожным уколом, когда она горячо обняла Алекса, расцеловав в знак приветствия, и повернулась ко мне, скользнув таким похожим на его, сканирующим взглядом.

— Меня зовут Валерия. Юлечка, поздравляю вас от всего сердца.

— Никита Поляков, — представился ее спутник, целуя мою руку, и тут я вспомнила, где его видела. Скульптор с мировым именем, чьи галереи были размещены не только в Украине, но и в ряде европейских стран. Когда он приобнял Алекса, как давнего друга, я едва скрыла изумление. Остаться с бывшими не просто в хороших отношениях, а еще и в таких доверительно-дружеских, причем даже с новыми их избранниками — для меня и по сей день это было чем-то из области фантастики.

— Украду вас на минуту, — прошептала мне на ушко ледяная красавица, бывшая жена моего мужчины, грациозным жестом коснувшись локтя. Она была воплощением сдержанной элегантности и захватывающего шарма женщины-вамп, и, несмотря на тревогу и растерянность, я испытала восхищение этой безумно красивой леди. — Давно хотела познакомиться с той, кто смогла зажечь его сердце огнем глубокого чувства. Он заслужил счастье, как никто другой.

Я осмелела и решила посмотреть в ее глаза — и напряженные плечики поспешно расслабились, потому что ничего иного, кроме расположенности и искренности, я в них не увидела. Скорее всего, Валерия обладала тем же даром, что и мой Алекс — умением видеть за показной маской гораздо больше, чем пытаются продемонстрировать. Наверняка большинство из незнакомых мне гостей видели во мне лишь охотницу за деньгами, но я была слишком счастлива, чтобы разбирать на составляющие фальшь некоторых улыбок и наигранность. То, что мы можем стать с ней практически подругами, я почувствовала уже тогда, хотя еще долго не могла совладать со смущением и робостью при встрече с этой потрясающей женщиной.

Я не испугалась и не ошетибилась сотней игл, когда увидела среди гостей Никею. О ее угрозах в кальянной я никогда не говорила, но Алекс накрыл мою ладонь своей, когда эта стерва подошла с шаблонными поздравлениями — и меня вновь окутало биополем его защиты и любви, которой не были страшны больше никакие обстоятельства. «Сука!» — думала в этот момент каждая из нас, мило улыбаясь друг другу, но я играла роль королевы вечера с потрясающим хладнокровием. Неизвестно, как и когда нас сведет еще судьба, сегодня мне не хотелось об этом думать. Я испытывала ни с чем не сравнимое облегчение также и от того, что городской голова Валерий Лавров, уж не знаю, намеренно или нет, не

присутствовал сегодня среди гостей, по официальной версии — рабочий визит в Польшу.

Я не шла... Я медленно плыла по красной ковровой дорожке под руку с любимым мужчиной к стойке регистрации нашего союза, наслаждаясь трепетом никому не видимых крыльев. Они окончательно обрели свою свободу, оставалась малость — поставить размашистую роспись и нырнуть в руки Алекса... Наконец-то — и навсегда. Шелк умопомрачительно красивого платья ласкал мои ноги, ожерелье с крупными сапфирами согревало шею имитацией самого желанного и теплого ошейника, я даже не понимала, к чему я сейчас ближе — к слезам счастья или счастливому смеху. Ладонь Алекса сжимала мою абсолютом потрясающей ласки и уверенности в завтрашнем дне, моей персональной каменной стеной... сложенной из кирпичиков самого неоднозначного и поглощающего чувства.

«Я люблю тебя!» — шепчу на ушко, когда до стола регистрации остается несколько шагов. Нам так сложно не сорваться в страстные поцелуи здесь, под прицелом сотен глаз, видеокамер и фотообъективов! Свадьба года будет освещаться в СМИ, поэтому я держу марку, ослепительно улыбаюсь, чеканю шаг не без тщеславного наслаждения своей новой ролью. Когда эти снимки облетят интернет, никто уже не усомнится, что между нами любовь, а не холодный расчет! Кажется, даже с многочисленных гостей слетел налет предвзятости ко мне, уступив место растерянности и тающему недоверию. Осталось только выстоять на встрече со свекровью и свекром в ресторане, их рейс задержался — но Валерия поспешила развеять мою тревогу, шепнув, что родители моего мужа — замечательные люди.

Мы подходим к столу, выслушав речь регистраторши загса безо всякого интереса — даже при организации торжества формата люкс ее текст особо не меняется. Финальная улыбка с ненавязчивым позированием в объективы, не разжимая ладоней... С замиранием сердца смотрю, как его пальцы сжимают длинное перо авторучки — я могу наблюдать за всем, что он делает, часами, растворяясь в сознании того, что мы наконец-то вместе! Ставлю подпись с ощущением накрывающего счастья пройденного этапа, мимолетом отмечаю, что между Леной и Мистером Крамером зародилась осязаемая симпатия — и тут же теряю к ним интерес, ловлю изумруд глаз Алекса, внутренне постанывая от эйфории жадного поцелуя. Мы нарушаем правила, но желание ощутить друг друга не поддается никаким логическим законам.

На бархатной подушке — два кольца, пара тонких ободков, белое золото с вкраплениями бриллиантовых брызг — для меня, и едва заметными вензелями — для него. Улыбаюсь прицелу нацеленных фотокамер, ощущая, как... да, уменьшенный вариант ошейника скользит по моему пальцу теплом волнующей вибрации сладчайшего единения. Уверенно сжимаю пальчиками колечко, испытав легкий страх, что могу его уронить. Этого, слава богу, не происходит!

Но происходит что-то совсем иное.

На что это похоже? Знаете это малоприятное чувство, когда окатывает ледяной волной беспричинной слабости? Она зарождается в пульсации виска, захватывая затылок, выстреливает вспышкой беспричинного жара — и тотчас же накрывает холодным откатом с легким шумом в барабанных перепонках, выбив противную испарину вдоль непроизвольно напрягшихся мышц позвоночника?

Для ее запуска достаточно совсем немного. И в данном случае...

Я не замечаю больше ничего — ни слов тетеньки из загса, которая уже объявила нас мужем и женой и благосклонно разрешила целоваться, как будто нам сильно нужно было ее

разрешение... Легкого замешательства толпы и усилившегося сжатия пальцев Алекса. Зажмуриваю глаза, недоуменно вздрагиваю от веерных вспышек фотокамер. Темная фигура скрывается в дверях так быстро, что я сомневаюсь — была ли она на самом деле?

Черт, она была... Я не сошла с ума от накрывшего счастья, я не страдаю никакими галлюцинациями уже больше трех месяцев — тем более здесь, среди такого огромного скопления людей! И два человека просто не могут быть настолько похожи... похожи во всем...

— Все хорошо, моя маленькая? — теплый шепот Алекса сметает тревогу, возвращая уверенность. Я набираю полные легкие воздуха.

— Там... я видела...

— Потерпи немножко! Скоро мы будем на Бали. Слушать шепот волн и не расставаться ни днем ни ночью! Скоро это закончится!

Наши губы соприкасаются в поцелуе, и, кажется, присутствующие вздыхают чуть ли не с облегчением. Сперва я просто подчиняюсь нажиму его языка... до тех пор, пока подзабытая ярость не заливают волнами адреналина.

Тебя больше нет. Это было твое последнее контрвыступление. Тени не могут жить среди живых. Я не знаю, с какой целью ты решил напомнить о себе, к чему был трассерный след твоего присутствия — наши клеммы разомкнулись окончательно! Ты хотел в этом убедиться?

Умиротворяющая легкость бьет козырь недавнего испуга, и я отвечаю на поцелуй Александра со всей нерастраченной нежностью глубокого чувства. Я готова со всей ответственностью заявить «Я люблю!». Заорать на весь мир, если понадобится.

Сегодня мы окончательно победили реальность, которая вела нас друг к другу такими закрученными дорогами. Мы давно стали одним целым, но сегодня сделали окончательный шаг, чтобы ни у кого больше не осталось никаких сомнений. Что нам было до окружающего мира? Просто мой муж не стал разбивать мечту каждой девочки о белом платье. Наши сердца соединились задолго до того, как было приятно подобное решение.

Я стала старше. На целый год практически. Путь к счастью никогда не бывает легким и приятным. Если у вас по-иному — я за вас рада, и в то же время хочу спросить: а вы уверены, что это оно и есть? Ни счастье, ни весь полет настоящего чувства не измерить без трудностей и зачастую страданий. Возможно, это фикция, и именно поэтому она досталась вам столь легко?

Сейчас же я не хочу больше об этом думать. Мы выстрадали право на счастье. Кто-то был придавлен этим сильнее, кто-то слабее, но никто из нас не сломался. Мы выстояли.

И, прижимаясь к своему любимому мужчине, не прерывая поцелуя, который уже тянет на рекорд своей продолжительностью, я спокойна и безгранично счастлива.

Мы были посланы друг другу изначально. И иногда нужно пройти через боль и ад, чтобы это понять. Я люблю и любима, а остальное — я верю! — навсегда осталось в прошлом. Рядом с ним готова выбросить белый флаг даже реальность, которая не могла не опуститься на колени, склоняя голову...

В этом году март неожиданно удивил ранним потеплением. Непроницаемая свинцовая пелена тяжелых облаков, то и дело накрывающая еще не отошедший от зимнего холода город с целью нанести беспощадные стихийные удары в виде ледяного дождя, колючего снега или обмораживающего шквального ветра, наконец разошлась. Теплые лучи ласкового, весеннего солнца за считанные дни растопили немногочисленные островки снега и льда, под аккомпанемент мелодии ручьев и капели. Южный ветер ласково обвевал лицо, прогоняя тяжелые мысли. В ожидании весны, которая так неожиданно поманила апрельской улыбкой в десятых числах марта — можно было поверить в самое невероятное.

Этот бонус природы не продлится долго — уже через пять дней тяжесть грифельных облаков вновь накроет город, принеся с собой атрибуты не сдающей свои позиции зимы. Последний финальный удар перед долгожданным апрельским теплом.

Черный "лексус", набирая скорость, уверенно обгоняя других автомобилистов на грани дозволенных параметров правил дорожного движения, несся по Белгородскому шоссе. Руки водителя уверенно сжимали рулевое колесо, тогда как пассажир был занят телефонными переговорами. Немецкая речь сменялась зеркально похожей датской, иногда французской — он привык не терять драгоценного времени даже в дороге. Тем не менее ради этой встречи практически за чертой города он готов был отменить некоторые аудиенции, которые с точки зрения бизнеса были более приоритетными.

Нет, эти переговоры не сулили Александру Кравицкому никакой финансовой выгоды. Он мог с легкостью отказаться от этой встречи, ограничившись всего парой фраз по телефону. Может, хотел окончательно убедиться, что оппонент его понял и принял все доводы — для этого важно было просто посмотреть в глаза. Излишняя самоуверенность была ни к чему.

Загородный дорожный отель с заслуженной четверкой звезд и рестораном итальянской кухни располагался поодаль от скоростной трассы, дабы постояльцы и гости заведения не испытывали дискомфорта от шума автомобилей и смога выхлопных газов. По-европейски лаконичная архитектура завораживала сдержанной, не пафосной роскошью затемненных стекол и светлого гранита, создавая приятную атмосферу уюта. Сюда не долетали громкие звуки окружной дороги, можно было расслышать шум ветра в невысоких кипарисах, обрамляющих дорожку, и приглушенные звуки джазовой музыки.

Уверенным движением пальцев телефон на блок — Александр никогда не позволял себе отвлекаться во время какой бы то ни было беседы. Вся информация поступит референту клуба Владе, которая сможет решить некоторые вопросы самостоятельно, другие — перенаправить партнерам-исполнителям и записать детальную информацию относительно того, что касается непосредственно ее босса.

В столь ранний час — 10.45 утра — в ресторане практически не было посетителей. Мужчина в деловом костюме заканчивал поздний завтрак, внимательно просматривая бумаги, эффектная женщина без возраста улыбалась забавной малышке лет пяти — шести, которая с наслаждением приканчивала мороженое в вазочке — ее улыбка согревала теплом даже сосредоточенных официантов и бармена за стойкой.

В самом дальнем секторе зала свет казался приглушенным. Но не настолько, чтобы не разглядеть фигуру молодого мужчины, расслабленно откинувшегося на спинку кресла.

Взгляд посетителя со скучающим любопытством скользил по периметру зала, надменная улыбка циника не сходила с тонких сжатых губ, пока пальцы лениво поглаживали ножку бокала с темной в полумраке жидкостью. Внешне его поза выглядела расслабленной, но Алекс умел в совершенстве считывать язык тела и показательного эмоционального анабиоза. Его оппонент нервничал. Можно даже предположить, что находился почти на грани, но был готов биться до конца во имя отныне недостижимой цели.

Кравицкий спокойно отодвинул стул и сел напротив. Его не смутило и не задело выражение почти обиженного упрека и холодного отчуждения с оттенком высокомерия в темных глазах посетителя. Он и не ожидал иной реакции.

— Добрый день, — нет, его не удивил показательно-снисходительный кивок в ответ на приветствие. Он никуда не торопился. Неспешно сделал заказ официанту. Молчание не казалось ему неловким, чего не скажешь о визави, пальцы которого нервно сжались уже на стенках бокала, скрывая легкую дрожь.

— Поздравляю, — наконец не выдержал тот, сделав отрывистый глоток. Александр не спешил. Когда официант принес заказ — коньяк и нарезку фруктов, он медленно вывел окружность бокалом в воздухе, чтобы удостовериться в качестве напитка, и лишь после этого отсалютовал собеседнику.

— Благодарю, Дима.

Переплетение почти осязаемых лазерных лучей самых разных эмоций — восхищения, неприятия, ненависти, растерянности, сожаления, циничного отчуждения, казалось, прочертило свод высокого потолка ресторана. Лавров непроизвольно сжал тонкие губы, отведя взгляд в сторону.

— Расскажи, чего уж, каково это — выпасть из обоймы самых завидных холостяков Европы?

— Если это действительно тебя интересует, я могу тебе рассказать. Но что-то мне подсказывает, что ты не готов об этом слушать.

— Да мне совершенно наплевать на то, как ты ее каждую ночь снимаешь с Андреевского креста и обвешиваешь цепями. После произошедшего она для меня не существует.

Александр не считает нужным сдерживать насмешливую улыбку.

— Именно поэтому ты нарисовался в городе осенью. Именно в силу своего презрительного безразличия послал ей орхидеи, думал, я не узнаю. Явиться во дворец бракосочетания в костюме шпиона из дешевого боевика, ты не обижайся, вообще было верхом идиотского мазохизма. Я думал, ты окажешься умнее в том, что касается соблюдения нашего договора.

— Алекс, твою мать, ты называешь это договором?! — показательная маска идущего напролом бойца исчезла, в темных глазах пробежали быстрые искры ярости. Это был риторический вопрос, и Кравицкий спокойно откинулся на спинку стула, позволяя собеседнику воспроизвести в памяти кадры событий не столь далекой давности.

...Видеть, как при тебе двумя выстрелами уложили человека, который еще несколько минут назад держал тебя на прицеле, и в духе отрицательного героя американского триллера зачитывал нотации побежденному противнику, оказалось даже занятно. Ни жалости, ни ужаса, ни испуга, — словно знал наперед, что жизненный путь оборвется еще не скоро и уж никак ни при таких обстоятельствах. Этот неадекват, бывший любовник Юльки, не вызвал практически никаких эмоций, кроме удивления в силу того, что явился по ее пisku. Чем еще

можно подтвердить свою крутость, кроме размахивания стволом на глазах у понравившейся самки? Тогда, запретив себе чувствовать боль от ударов по лицу и по ребрам, Дима испытал что-то сродни любопытству, чем же этот фарс закончится. Киллер международного класса из списков интерпола? Скорее, неуловимый Джо, которого не поймали лишь потому, что он никому на фиг не нужен.

Лавров сам не понимал, откуда взялась эта трезвость и разумность мышления в столь критической ситуации. Самой приоритетной задачей на тот момент было вывести Юльку за периметр боевой арены, чтобы не мешала мужскому разговору, который, откровенно говоря, больше был похож на соревнования с линейками. В тот момент он испытывал какие угодно эмоции, кроме страха и отчаяния. Даже злость где-то притаилась, уступив место леденящему спокойствию.

Когда прозвучал первый оглушающий хлопок выстрела, он даже сразу не понял, что происходит. перевел недовольный взгляд на человека в "балаклаве", который прикончил супер-киллера дополнительным выстрелом в голову. Мерзкое зрелище, никакого аккуратного пулевого отверстия, это не кино. Кровь, вопреки всему, не красная, а почти черная, раздробленная кость. Никаких серых мозгов, все замаскировала собой кровь. Такое вряд ли увидишь в самом реалистичном боевике.

Пришелец не отвечал на его вопросы. "Жди, с тобой поговорят позже!" — все, что он от него услышал. Потом к бойцу присоединились еще двое. Кто-то нашел его сигары, и «трио бандуристов» с пушками праздновали, как было понятно из разговора, завершение задания, отпуская плоские шутки относительно того, что делать с трупом. Получив по телефону отрывистый приказ, двое бойцов просто выволокли тело неудавшегося убийцы, не пояснив мотива своих действий.

Грохот взрыва сотряс стены виллы спустя десять минут, пламя на миг ослепило глаза. Обломки стекол посыпались на пол, Дима едва успел прикрыть голову, впервые перестав понимать, что происходит. Косые струи дождя заливали подоконник, создав эффект мимолетной радуги в свете оранжевого пламени, и, хотя невозможно было на расстоянии ощутить его жар, ему на миг показалось, что от близости огня тело прошибло жаркой испариной.

— А бугафория тоже рубит зачетно, — закуривая вторую сигару, философски заметил оставшийся боец. Дмитрий едва осознал его слова вследствие легкой контузии с шумом в ушах. — От настоящей гранаты мы бы рассыпались на атомы.

Этот оказался более разговорчивым, но на вопросы не отвечал, ограничиваясь пожатием плеч, все упражнялся в собственном остроумии.

— Ни хрена себе у тебя выдержка. Давай к нам в отряд быстрого реагирования, а? Давно такого не видел, все жертвы трясутся и не могут связать двух слов. Десантура? Разведротта?

После оглушительного взрыва виски сжало спазмом приближающейся головной боли с противной вибрацией барабанных перепонки. Лавров хотел только одного: чтобы этот разговорчивый гуманоид, который так и не удосужился стащить с лица балаклаву, наконец-то заткнулся, раз уж так не хочет давать никаких объяснений.

— А вот тачке твоей амба. Придется новую купить. Кто виноват, что гараж у тебя в нужном отдалении от дома, чтобы не задело случайно? Пришлось взорвать вместе с содержимым.

— Дай свой телефон, — Лавров не хотел ждать, когда пройдет шок завидной невозмутимости. У отца своеобразное чувство юмора по спасению драгоценного

наследника. Но боец отреагировал с пугающим спокойствием, прервав поток своих прибауток.

— Никаких телефонов, сиди и жди, пока с тобой не переговорят!

— Вы вообще кто? Ментура? — ситуация начинала напрягать, а первые звонки отходняка тревожно зазвенели в голове.

— Ага, хор МВД, — заржал солдат «службы спасения», уставившись в телефон, давая этим понять, что разговор окончен.

О том, кто был режиссером этого экшена, он узнал спустя тридцать минут, которые показались ему вечностью.

— Почему я не удивляюсь, — спокойно произнес Лавров. В этой комнате, усыпанной крошкой битых стекол и обломками того, что осталось от картин и вазонов с цветами, Алекс в своем костюме за несколько тысяч евро выглядел инопланетным пришельцем. Стеклянные осколки хрустели под подошвой идеально чистых, несмотря на ливень, кожаных туфель. Боец невидимого фронта вытянулся по стойке смирно при его появлении.

— Оставьте нас, — Анубис никогда долго не разглагольствовал. Окинул быстрым взглядом погром и опустился в кресло, скрестив пальцы в замок, припечатал Лаврова, который из последних сил пытался сохранить невозмутимо-скучающий вид, долгим, тяжелым взглядом. Именно сейчас чувство нереальности происходящего сорвало стропы той отчаянной смелости с оттенком пофигизма, который Дмитрий так хотел назвать стрессоустойчивостью. Словно пелена слетела с его темных глаз, и сердце сжало тисками страха... Но совсем не за себя и свою жизнь.

— Юля! Что с ней?! — кажется, он закричал. Неподконтрольное разуму желание подчинило его себе — вскочить с места, несмотря на головокружение и шум в ушах, догнать, убедиться, что она сумела уйти, оказалась далеко от эпицентра срежессированного бутафорского взрыва, просто сжать ее в объятиях и никогда больше не отпускать. Он не умел больше дышать без нее.

— Сиди на месте, — процедил Алекс. — С ней все хорошо... есть и будет, пока рядом нет тебя!

Как ему хотелось двинуть по невозмутимой физиономии гуру Темы! Не остановил даже стоп-кран осознания того, что перед ним Наставник, который только что спас ему жизнь.

— Б**дь, отведи меня к ней! Ей нужна моя помощь! Ты не понимаешь? — виски сдавило обручем боли от прилива крови к головному мозгу, острым всплеском отчаянного осознания происходящего с быстрым откатом легкой контузии.

— Вот что-что, а твоя так называемая помощь ей сейчас нужна меньше всего. Постарайся не делать резких движений и внимательно меня выслушать. Как ты себя чувствуешь? Ты в состоянии воспринимать то, что я тебе скажу?

— Где, твою мать, моя Юля?! — он мог воспринимать все, что угодно. Пусть только закончится эта пародия на блокбастер, чтобы он смог догнать и согреть свою перепуганную малышку, к чьим ногам готов положить весь мир.

— В безопасности. Это все, что тебе необходимо знать. Прекрати дергаться и внимательно слушай то, что я тебе скажу! — в голосе Алекса послышались стальные нотки высекающего искры металла. — Не заставляй меня принимать меры. — Молниеносное движение ладони к поясу брюк.

При виде того, что его Наставник и практически крестный отец сейчас сжимал в руках, Лавров захлебнулся нервным смешком.

— Б**дь, у меня дежавю! Это, на хрен, скрытая камера? "Вас разыграли"? Здорово похоже!

— Возьми себя в руки, у меня нет желания сидеть здесь и ждать, пока ты успокоишься! — легкий серебристый ствол, вашу мать, еще одного револьвера, вновь смотрел прямо в лицо. — Тупить нет времени, поэтому слушай очень внимательно. Тебя убили. Ты мертв, Дима. На неопределенный срок.

— Хорошо, куда помахать рукой и передать привет? Заканчивай эту хрень! — он сейчас готов был согласиться, с чем угодно, лишь бы это поскорее закончилось. Тревога за Юлю придала ему силы, и даже головная боль понемногу отступала, столкнувшись с бесстрашной решимостью. Что ж, сегодня магнитные бури, и мир сошел с ума, пусть будет так. Проще выслушать и не тратить время на бесполезные пререкания.

— Буду краток. С этого момента ты навсегда исчез из ее жизни. Тебя нет. Погиб в огне, свидетели опознали. Протокол, смею предположить, уже готов. Давай, приходи в себя, вылетаешь первым рейсом из Симферополя. Ребята тебя проводят, чтобы не было искушения играть в героя.

— Ты, должно быть, ударился головой... — поверить в серьезность происходящего было нереально. — Я не знаю, что ты себе придумал. За спасение спасибо, век не забуду. А теперь я хочу знать, где она!

— Я не шучу сейчас, Дима, если ты так ничего и не понял. Здесь нет приглашенных актеров и репетиций сценической речи!

— И ты будешь стрелять, если я сейчас пошлю тебя куда подальше вместе с тупыми планами?

— Ты погиб около часу назад. Тебя нет! Как ты думаешь, это будет сложно?

— Да на хрена ты это делаешь? Цель? — по истечению времени он все так же не мог ответить самому себе, когда пришло осознание серьезности происходящего.

— Считай это мантрой "мы своих не бросаем". Стремлением уберечь тебя от разборок с милицией — ты наломал дров на крепкую статью. Бесед с интерполом — потому как ты только что имел удовольствие общаться с киллером международного класса. А теперь перейдем к далеким от благородства мотивам, ты их сейчас отнесешь к именно таким. Ты должен исчезнуть. Если ты попытаешься связаться с ней, дать о себе знать раньше времени, — я убью тебя без промедления. Думай, и по возможности, очень быстро. Мы договариваемся, и ты навсегда исчезаешь из ее жизни. Вернешься, когда утихнет эта суета, потому как, боюсь, все предусмотреть в подобной инсценировке невозможно. Год — по меньшей мере — ты держишься от нее подальше. Это мои условия. Если нет, боюсь, мне придется потрудиться для достоверности милицейских протоколов.

— Ты решил, что я испугаюсь и так легко, играючи, откажусь от своей, твою мать, любимой женщины?

— Конечно, Дима, — на губах Алекса заиграла циничная улыбка непримиримого киборга. — Иначе я прямо сейчас сделаю так, что ты не увидишь ее никогда. Твой выбор?

Бесполезно было спорить и доказывать свою точку зрения. Что было тому виной — логичность выстроенной стратегии или авторитет Наставника, который даже за этот год не пошатнулся в глазах Лаврова, несмотря на, по сути, предательство? Более сильный Хищник забрал то, что принадлежало только ему в обмен на жизнь. Наверное, полагал, что это высокая цена. Только зачем ему нужна была такая жизнь без нее?

Струсил? Вряд ли. Может, на холодную голову, отойдя от шока, все же признал

разумность доводов и успокоил себя уверенностью, что сейчас согласится, а потом все равно сделает по-своему? На угрозы и зрачок пистолетного дула было наплевать. В тот день он внезапно понял, что совсем не боится смерти. Было лишь хладнокровное спокойствие и, пожалуй, беспокойство за нее, смысл его жизни, и первую, — теперь он это понимал, — самую настоящую любовь. Что ж, он был готов ждать и воплощать в жизнь свои планы, пока все не наладится. Тогда он не мог подумать, чем это все закончится — а ведь Алекс без излишних слов уже тогда дал понять, что сделает Юлю своей. Лавров не заметил этого предупреждения в подзависшей реальности. На исходе ночи просто скрепил договор с Наставником крепким рукопожатием, чтобы ранним утром вылететь ближайшим рейсом в Италию с пересадкой в Киеве.

Мать не задавала вопросов. Но со временем он рассказал ей все. Поверхностные взаимоотношения качнулись в сторону взаимопонимания, она его не осудила и не упрекнула... скорее, испытала гордость за сына, который оказался столь похожим на нее в бескомпромиссности принимаемых решений.

Однажды ночью он проснулся от беспричинной паники. Эти приступы были и раньше — кратковременные, острые, выбивающие почву из-под ног. Иллюзия-мираж оккупировала его сознание. Юля билась кулачками о непроницаемую стену между ними за шаг до падения в бездну. На грани между рассудком и его окончательной потерей он потянулся ей навстречу, словно ломая этот барьер и захватывая ее в объятия, не позволяя ускользнуть. До тех пор, как убивающая тревога не отступила, сморив тяжелым сном. Но сейчас паническая атака была не похожа на предыдущие. Юля не шевелилась и не дышала в этой необъяснимой галлюцинации... пока он усилием воли не встряхнул ее и не заставил кричать от боли своим привычным методом.

О том, что это было — и что было на самом деле, узнал только утром. К черту договоры, они теряют свою силу, когда жизнь любимого человека оказывается под угрозой! Зря Алекс убеждал его в телефонном разговоре в том, что его малышка в безопасности. Ему хватило разговора с отцом, который рвал и метал — но согласился с доводами Анубиса, дабы не загубить скандалом политическую карьеру. Но вот в отношении Юли оставался непреклонен. «Если проблема в суке, то нет суки — нет проблемы!» — не помогли многочасовые заверения в том, что без нее его сын не видит своего существования. Лариса, обеспокоенная стрессовым состоянием наследника, вылетела в Харьков тем же вечером. Пси-домине хватило получасовой беседы, чтобы убедить супруга не причинять Юле вред, а приезд Алекса и долгий разговор за бутылкой виски поставил в этой ситуации окончательную точку.

А потом начался кошмар. Вот еще вчера он чувствовал ее на расстоянии, держал в своих руках, посещая одни на двоих сновидения, а потом стена стала крепчать — и больше не пропускала его через ментальные лабиринты. Осенью он вылетел в Харьков по чужим документам. Владимир сперва охренел от его появления. А придя в себя, передал информацию от первых лиц.

Юля больше не с ним даже мысленно...

... - Она больше не твоя. И не говори мне, что ты приехал по иному поводу! — безапелляционно припечатал Александр, смакуя коньяк медленными глотками. — Я не хочу тебе угрожать и ломать наши отношения. Но Юля теперь моя жена, и если я увижу тебя поблизости, последствия будут самыми плачевными.

— И тебя не настораживает, что новая должность скоро развяжет мне руки? — будущий

депутат Верховной Рады криво усмехнулся, погладив циферблат платиновых часов на запястье. — Что я приду за ней, и наша игра начнется на равных? Ты сам знаешь, что только слабак откажется от любимой женщины. Считай меня кем угодно, но только не им.

— У тебя хватит разумности не ставить свою политическую карьеру на кон, к тому же в самом ее начале, — спокойно парировал Анубис, встретив ледяной взгляд собеседника. — Если люстрация получит свою жертву в первый же день, ты там долго не продержишься. Думаю, это хороший аргумент, чтобы не принимать необдуманных решений, которые лишены всякого смысла. А со мной играть в политику не советую. Думаю, если возникнет подобное желание, правящая власть тебе наглядно объяснит термин неприкосновенности некоторых граждан без всякого мандата.

— Успокойся, больше ее для меня нет! — Лавров не сдержал эмоций, но тут же с завидным хладнокровием поспешил взять себя в руки. — Поддержка моей избирательной платформы с твоей стороны останется в силе? Я не собираюсь нарушать условия договора!

— Я держу свои обещания. Считай это равноценным обменом. — Александр медленно допил коньяк. — Возвращайся в Киев и занимайся подготовкой к предвыборной кампании. Я рад, что мы расставили все точки над Ё.

Когда они обменялись сухим рукопожатием на пороге отеля, был уже полдень. Александр кивнул невозмутимому Денису, который в ожидании босса беспечно рубился на Playstation в очередную кровавую игрушку, и автомобиль быстро тронулся с места. У Кравицкого оставались две важные встречи на сегодня, и он спешил поскорее с ними разобраться, чтобы вернуться в дом, где его ждала любимая жена, ради улыбки которой он всю свою жизнь будет преодолевать самые тяжелые преграды и сворачивать горы. Теперь он был абсолютно счастлив и готов сделать все для того, чтобы этому счастью ничего не угрожало. Одна из таких угроз была дипломатично ликвидирована только что.

Лавров остановился, чуть сощутив глаза от яркого солнца, и приложил ладонь ко лбу, провожая взглядом удаляющийся «лексус». Буквально вчера он видел, как Юля выходила из точно такого же автомобиля, только белоснежного цвета. В этом она вся, даже в номерном знаке «Юлия». Свадебный подарок, вскользь пояснил потом Вова. Дмитрий не хотел признаваться самому себе, что его утраченная возлюбленная совсем не была похожа на снятую с Андреевского креста сабу. Загорелая, как и Алекс, умиротворенная, отдохнувшая. Она излучала особый свет — так испокон века выглядят счастливые влюбленные женщины. Он запретил себе об этом думать, запустив в сознание иллюзорную сладкую ложь — она вышла замуж за Анубиса исключительно по расчету. Точка.

— Мы не прощаемся, — произнес в пустоту, медленно доставая из портсигара сигарету. Пожалуй, последнюю на сегодня. Пора было возвращаться в новую жизнь и избавляться от этой вредной привычки детства. Это оказалось не столь трудно. Имидж самого спортивного политика должен привлечь большую часть электората.

Теплый ветер растрепал тщательно уложенные волосы, но он не обратил на это ни малейшего внимания. Сейчас было слишком рано для принятия ответственных шагов. Однажды они встретятся снова. И лучше бы его чувствам к тому времени утихнуть, оставшись приятными воспоминаниями, чтобы налаженная жизнь его малышки не свернула в кровавую колею. Месть никому не приносит счастья, а заглядывать наперед сейчас было несколько преждевременно. Его ждала совсем иная жизнь, не столь привычная, но не менее захватывающая. Одно он знал наверняка — их встреча неизбежна. Пусть даже пройдет достаточно много времени, она состоится. Чувства вряд ли исчезнут без следа.

Спящий летаргическим сном внутренний монстр пошевелился, испустив протяжный вздох. Дмитрий, криво усмехнувшись, затянулся сигаретой и мысленно погладил его поверх блестящей шерстки.

Спи до весны. Не этой и не следующей. Ты проснешься, когда я сам тебе скажу. Наша охота еще даже не начиналась...

Больше книг на сайте - Knigolub.net